

НАГРАДА

Награда.

Дана сия Марии Гайковской
ученицы 2^{го} класса II отделения Радом-
ского женского Вуцкласснаго учили-
ща за отличное поведение и хорошие
успехи въ наукахъ, оказанные ею въ
течении 1898 учебнаго года

Городъ Радомъ 6 Июня 1898 года



Президентъ К. В. Арсеньевъ

Законоучитель
К. А. Кудимовъ

Учительницы: Смирновская

Всѣмъ съобщено
С. В. Курдюмова

М. Мерфицъ

СОЧИНЕНІЯ
А. С. ПУШКИНА.



А. М. М. М. М. М.

Всех
BG

СОЧИНЕНІЯ А. С. ПУШКИНА.

ИЗДАНИЕ ДЛЯ ШКОЛ
ДЛЯ СТАРШИХЪ КЛАССОВЪ ГИМНАЗИИ, РЕАЛЬНЫХЪ
УЧИЛИЩЪ И ИНСТИТУТОВЪ.

РЕДАКЦІЯ

К. Козьмина,

Преподавателя Московскаго Учительскаго Института.

Къ этому тому прилагаются — большой портретъ и видъ памятника Пушкина,
16 картикъ, рисованныхъ академикомъ В. Е. Маковскимъ, и біографія поэта,
составленная редакторомъ изданія.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

МОСКВА.

ИЗДАВІЕ КНИЖНАГО МАГАЗИНА НАСЛѢДН. БР. САЛАЕВЫХЪ.

1884.



151178



Типографія Э. Лиснеръ и Ю. Романъ, Арбатъ, д. Карвинской.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.



Планъ и содержаніе тома сочиненій Пушкина, который предназначенъ для учениковъ старшаго возраста, представляются въ слѣдующемъ видѣ. Произведенія поэта раздѣлены на два главные отдѣла: поэзію и прозу. Въ первый отдѣлъ вошли эпическія («Полтава» и «Евгеній Онѣгинъ»), лирическія (думы, элегіи, оды, надписи и эпиграммы), и драматическія произведенія, напечатанныя въ цѣльномъ ихъ видѣ, безъ выпусковъ и сокращеній.*) Содержаніе втораго отдѣла составляютъ повѣсти и критическія замѣтки поэта о поэзіи и искусствѣ.

Текстъ сопровождается краткими замѣчаніями.

Къ этому тому прилагаются — біографія поэта, составленная редакторомъ изданія, большой портретъ, гравированный на мѣди Райтомъ, снимокъ съ памятника, воздвигнутаго поэту въ 1880 году въ Москвѣ, и 16 картинъ, рисованныхъ академикомъ В. Е. Маковскимъ.

*) Согласно съ указаніями Ученаго Комитета М. Н. П. выпущено нѣсколько строфъ въ романѣ «Евгеній Онѣгинъ».



ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПОЭЗІЯ.

А. ЭПОСЪ.

	<i>Стран.</i>
1. Полтава.....	1
2. Евгеній Олѣгивъ.....	29

Б. ЛИРИКА.

1. На статуи.....	121
2. Къ портрету кн. П. А. Вяземскаго.....	—
3. Ех ungue Леопет.....	122
4. Завѣщаніе.....	—
5. * *.....	—
6. Русскому Геснеру.....	—
7. Въ альбомѣ А. Н. Зубову.....	123
8. Притча.....	—
9. Исторія стихотворца.....	—
10. * *.....	124
11. * *.....	—
12. Совѣтъ.....	—
13. Пріятелямъ.....	—
14. Виноградъ.....	125
15. Примѣты.....	—
16. Дорожныя жалобы.....	—
17. Въ альбомѣ Е. Н. Вульфъ.....	126
18. Зима.....	—
19. Война.....	127
20. Аквилонъ.....	128
21. Цыганы.....	—
22. Я помню чудное мгновеніе.....	129
23. Къ * * *.....	—

24. Художнику.....	130
25. Когда за городомъ задумчивъ я брожу.....	—
26. Къ Овидію.....	131
27. Желаніе.....	134
28. Кто знаетъ край.....	135
29. Рѣдѣть облаковъ летучая гряда.....	—
30. Потасло дневное свѣтило.....	136
31. Къ морю.....	137
32. Стансы.....	138
33. Другьямъ.....	139
34. Олеговъ щить.....	140
35. Клеветницамъ Россіи.....	—
36. Бородинская годовщина.....	142
37. Полководецъ.....	145
38. Наполеонъ.....	147
39. Герой.....	149
40. 26-го Мая 1828.....	150
41. Стансы.....	—
42. Ангель.....	151
43. Мадонна.....	—
44. Чаадаеву.....	152
45. Къ моей червильницѣ.....	153
46. Я пережилъ свои желанья.....	154
47. Возрожденіе.....	155
48. Элегія.....	—
49. Воспоминаніе.....	—
50. Предчувствіе.....	156
51. Отвѣтъ Анониму.....	—
52. 19 Октября 1825.....	157
53. 19 Октября 1831 г.....	162
54. 19 Октября 1836.....	163
55. Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ.....	165
56. Поэтъ.....	167
57. Поэту.....	—
58. Чернь.....	168
59. Пророкъ.....	170
60. Трудъ.....	—
61. Эхо.....	—
62. Памятникъ.....	171

В. ДРАМЫ.

1. Скупои рыцарь.....	172
2. Моцартъ и Сальери.....	189
3. Каменный гость.....	199
4. Борисъ Годуновъ.....	230

Пропущенная сцена изъ Бориса Годунова.....	311
5. Сцена изъ Фауста.....	313

ПРОЗА.

ПОВѢСТИ.

1. Старинныя русскія странности.....	318
2. Исторія села Горохина.....	320
3. Рославлевъ.....	335
4. Дубровский.....	344

КРИТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ И ЗАМѢТКИ.

1. О вдохновеніи и восторгѣ.....	408
2. О Ломоносовѣ.....	—
3. О Ломоносовѣ.....	409
4. Объ уваженіи къ предкамъ.....	411
5. Объ Исторіи Государства Россійскаго.....	412
6. Объ опредѣленіи романтизма.....	413
7. Запѣтки Пушкина о своихъ произведеніяхъ.....	—
8. Лафонтенъ и Крыловъ.....	422
9. О народности въ литературѣ.....	423
10. Объ Исторіи русской словесности по поводу предисловія Лемонте къ переводу Басенъ Крылова.....	—
11. Россія и Европа.....	425
12. Шайлокъ, Анджело и Фальстафъ, Шекспира.....	—
13. О статьяхъ кн. Вяземскаго.....	426
14. О Грибоѣдовѣ.....	427
15. Баратынскій.....	429
16. Дельвигъ.....	432
17. О выходѣ «Вечеровъ на Хуторѣ», Гоголя.....	435
18. Объясненіе.....	436
19. О драмѣ.....	437

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Жизнь Александра Сергѣевича Пушкина.....	443
--	-----



ПОЭЗІЯ.

А) ЭПОСЪ.

1. ПОЛТАВА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Полтавская битва есть одно изъ самыхъ важныхъ и самыхъ счастливыхъ происшествій царствованія Петра Великаго. Она избавила его отъ опаснѣйшаго врага; утвердила русское владычество на югѣ, обезпечила новыя завоеванія на сѣверѣ и доказала государству успѣхъ и необходимость преобразованія, совершаемаго царемъ.

Ошибка шведскаго короля вошла въ пословицу. Его упрекаютъ въ неосторожности, находятъ его походъ въ Украину безразсуднымъ. На критиковъ не угодишь, особенно послѣ неудачи. Карлъ однако жъ симъ походомъ избѣгнулъ главной ошибки Наполеона: онъ не пошелъ на Москву. И могъ ли онъ ожидать, что Малороссія, всегда безпокойная, не будетъ увлечена примѣромъ своего гетмана и не возмутится противу недавняго владычества Петра; что Левенгауптъ три дня сряду будетъ разбитъ; что, наконецъ, 25,000 шведовъ, предводительствуемыхъ своимъ королемъ, побѣгутъ передъ нарвскими бѣглецами? Самъ Петръ долго колебался, избѣгая главнаго сраженія, яко зело опаснаго дѣла. Въ семъ походѣ Карлъ XII менѣе, нежели когда нибудь, ввѣрялся своему счастью: оно уступило генію Петра.

Мазепа есть одно изъ самыхъ замѣчательныхъ лицъ той эпохи. Нѣкоторые писатели хотѣли сдѣлать изъ него героя свободы, новаго Богдана Хмельницкаго. Исторія представляетъ его честолюбцемъ, закоренѣлымъ въ коварствахъ и злодѣяніяхъ, клеветникомъ Самойловича — своего благодѣтеля, губителемъ отца несчастной своей любовницы, измѣнникомъ Петра передъ его побѣдою, предателемъ Карла послѣ его пораженія: память его, преданная церковію анаѣмъ, не можетъ избѣгнуть и проклятія человечества.

Нѣкто въ романтической повѣсти изобразилъ Мазепу старымъ трусомъ, блѣднѣющимъ предъ вооруженной женщиной, изображающимъ утонченные ужасы, годные во французской мелодрамѣ и проч. Лучше было бы развить и объяснить настоящій характеръ мятежнаго гетмана, не искажая своевольно историческаго лица.

А. П.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Тебѣ — во голосъ музы темной
Коснется ль уха твоего?
Поймешь ли ты душою скромной
Стремленіе сердца моего?
Иль посвященіе поэта,
Какъ нѣкогда его любовь,
Передъ тобою безъ отвѣта
Пройдетъ, не признанное вновь?

Узнай, по крайней мѣрѣ, звуки,
Бывало, мнѣ тебѣ —
И думай, что во дни разлуки,
Въ моей измѣнчивой судьбѣ,
Твоя печальная пустыня,
Послѣдній звукъ твоихъ рѣчей —
Одно сокровище, святыня,
Одна любовь душъ моей.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Богатъ и славенъ Кочубей.¹
Его луга необозримы;
Тамъ табуны его коней
Пасутся вольны, не хранимы.
Кругомъ Полтавы хутора,²

Окружены его садами,
И много у него добра,
Мѣховъ, атласа, серебра
И на виду, и подъ замками.
Но Кочубей богатъ и гордъ

¹ Василій Леонтьевичъ Кочубей — генеральный судья, одинокъ изъ предковъ дворянскихъ графовъ. — ² Хуторъ — загородный домъ.

Не долгогривыми конями,
Не златомъ, данью крымскихъ
ордъ,

Не родовыми хуторами —
Прекрасной дочерью своей
Гордится старый Кочубей.³

И то сказать: въ Полтавѣ нѣтъ
Красавицы, Маріи равной.
Она свѣжа, какъ вѣснній цвѣтъ,
Взлелѣнный въ тѣни дубравной.
Какъ тополь кіевскихъ высотъ,
Она стройна. Ея движенія
То лебедя пустынныхъ водъ
Напоминаютъ плавный ходъ,
То лани быстрыя стремленья.
Какъ пѣна, грудь ея бѣла;
Вокругъ высокаго чела,
Какъ тучи, локоны черняють;
Звѣздой блестятъ ея глаза;
Ея уста, какъ роза, рдѣють.
Но не едивая краса
(Мгновенный цвѣтъ!) молвою шум-
ной

Въ молодой Маріи почтена:
Вездѣ прославилась она
Дѣвицей скромной и разумной.
Зато завидныхъ жениховъ
Ей шлетъ Украина и Россія;
Но отъ вѣнца, какъ отъ оковъ,
Бѣжитъ пугливая Марія.
Всѣмъ женихамъ отказъ — и вотъ
За ней самъ гетманъ сватовъ
шлетъ....⁴

Онъ старъ. Онъ удрученъ го-
дами,
Войной, заботами, трудами;
Но чувства въ немъ кипятъ, и
вновь
Мазепа вѣдаетъ любовь.

Мгновенно сердце молодое
Горитъ и гаснетъ. Въ немъ любовь
Приходитъ и проходитъ вновь,
Въ немъ чувство каждый день
иное:
Не столь послушно, не слегка,
Не столь мгновенными страстями
Пылаетъ сердце старика,
Окаменѣлое годами.
Упорно, медленно оно
Въ огнѣ страстей раскалено;
Но поздній жаръ ужъ не остынетъ
И съ жизнью лишь его покинетъ.

Не серна подъ утесъ уходитъ,
Орла слышнѣ тяжкій летъ:
Одна въ сѣняхъ невѣста бродитъ,
Трепещетъ и рѣшенья ждетъ.

И вся полна негодованьемъ,
Къ ней мать идетъ и, съ содра-
ганьемъ
Схвативъ ей руку, говоритъ:
«Безстыдный! старецъ нечестивый!
Возможно ль?... Нѣтъ, пока мы
живы,
Нѣтъ! онъ грѣха не совершитъ,

³ У Кочубея было нѣсколько дочерей; одна изъ нихъ была замужемъ за Оби-
довскимъ, племянникомъ Мазепы. Та, о которой здѣсь упоминается, называлась
Матреной. — ⁴ Мазепа въ самомъ дѣлѣ сваталъ свою крестницу, но ему отказали.

Онъ, должный быть отцомъ и
 другомъ
 Невинной крестницы своей...
 Безумецъ! на закатѣ дней
 Онъ вздумалъ быть ея супругомъ.»
 Марія вздрогнула. Лицо
 Покрыла блѣдность гробовая,
 И, охладѣвъ, какъ неживая,
 Упала дѣва на крыльцо.

Она опомнилась, но снова
 Закрыла очи — и ни слова
 Не говорить. Отецъ и мать
 Ей сердце ищутъ успокоить,
 Боязнь и горе разогнать,
 Тревогу смутныхъ думъ -
 устроить...

Напрасно. Цѣлые два дня,
 То молча плача, то стена,
 Марія не пила, не ѣла,
 Шатаясь, блѣдная какъ тѣнь,
 Не зная сна. На третій день
 Ея свѣтлица опустѣла.

Никто не зналъ, когда и какъ
 Она сокрылась. Лишь рыбаки
 Той ночью слышали конскій
 топоть,
 Казачью рѣчь и женскій шепотъ,
 И утромъ слѣды осьми подковъ
 Были видѣны на росѣ луговъ.

Не только первый пухъ ланить,
 Да русы кудри молодыя,

Порой и старца строгій видъ,
 Рубцы чела, власы сѣдые
 Въ воображенъе красоты
 Влагаютъ страстные мечты.

И вскорѣ слуха Кочубея
 Коснулась роковая вѣсть:
 Она забыла стыдъ и честь,
 Она въ объятіяхъ злодѣя!
 Какой позоръ! Отецъ и мать
 Молву не смѣютъ понимать.
 Тогда лишь истина явилась
 Съ своей ужасной наготой;
 Тогда лишь только объяснилась
 Душа преступницы молодой;
 Тогда лишь только стало явно,
 Зачѣмъ бѣжала своенравно
 Она семейственныхъ оковъ,
 Томилась тайно, воздыхала,
 И на привѣты жениховъ
 Молчаньемъ гордымъ отвѣчала;
 Зачѣмъ такъ тихо за столомъ
 Она лишь гетману внимала,
 Когда бесѣда ликовала,
 И чаша пѣнилась виномъ;
 Зачѣмъ она всегда пѣвала
 Тѣ пѣсни, копъ онъ слагалъ,⁵
 Когда онъ бѣденъ былъ и малъ,
 Когда молва его не знала;
 Зачѣмъ съ не женскою душой
 Она любила конный строй,
 И бранный звонъ литавръ, и клики
 Предъ бунчукомъ и булавой
 Малороссійскаго владыки...⁶

⁵ Преданіе приписываетъ Мазепѣ нѣсколько пѣсень, донныя сохранившихся въ памяти народной. Кочубей въ своемъ доносѣ также упоминаетъ о патріотической думѣ, будто бы сочиненной Мазепою. Она замѣчательна не въ одномъ историческомъ отношеніи. — ⁶ Бунчукъ и булава — знаки гетманскаго достоинства.

Богатъ и знатенъ Кочубей.
 Довольно у него друзей.
 Свою омытъ онъ можетъ славу.
 Онъ можетъ возмутить Полтаву;
 Внезапно, средь его двorca
 Онъ можетъ мщеніемъ отча
 Постигнуть гордаго злодѣя;
 Онъ можетъ вѣрною рукой
 Вонзить... но замысль иной
 Волнуетъ сердце Кочубея.

Была та смутная пора,
 Когда Россія молодая,
 Въ бореньяхъ силы напрягая,
 Мужала съ геніемъ Петра.
 Суровый былъ въ наукѣ славы
 Ей данъ учитель; не одинъ
 Урокъ не жданный и кровавый
 Задалъ ей шведскій паладинъ.
 Но въ искушеньяхъ долгой кары,
 Перетерпѣвъ судьбѣ удары,
 Окрѣпла Русь. Такъ тяжкій млатъ,
 Дробя стекло, куетъ булатъ.

Вѣнчанный славой бесполезной,
 Отважный Карлъ скользилъ надъ
 бездной.
 Онъ шелъ на древнюю Москву,
 Взметая русскія дружины,
 Какъ вихорь гонитъ прахъ долины
 И клонитъ пыльную траву.
 Онъ шелъ путемъ, гдѣ слѣдъ
 оставилъ
 Въ дни нашъ новый сильный
 врагъ,

Когда паденіемъ ославилъ
 Мужъ рока свой попятный
 шагъ.⁷

Украина глухо волновалась.
 Давно въ ней искра разгоралась.
 Друзья кровавой старины
 Народной чаяли войны,
 Роптали, требуя кичливо,
 Чтѣбъ гетманъ узы ихъ расторгъ,
 И Карла ждалъ нетерпѣливо
 Ихъ легкомысленный восторгъ.
 Вокругъ Мазепы раздавался
 Мятежный крикъ: пора, пора!
 Но старый гетманъ оставался
 Послушнымъ подданнымъ Петра.
 Храня суровость обычайну,
 Спокойно вѣдалъ онъ Украину,
 Молясь, казалось, не внималъ
 И равнодушно пировалъ.

«Что жъ, гетманъ? юноши
 твердили:
 Онъ изнемогъ; онъ слишкомъ
 старъ;
 Труды и годы угасили
 Въ немъ прежній, дѣятельный
 жаръ.
 Зачѣмъ дрожащею рукою
 Еще онъ носить булаву?
 Теперь бы грянуть намъ войною
 На ненавистную Москву!
 Когда бы старый Дорошенко,⁸
 Иль Самойловичъ молодой,⁹

⁷ Смотр. Мазепу Байрона. — ⁸ Дорошенко, одинъ изъ героевъ древней Малороссіи, непримиримый врагъ русскаго владычества. — ⁹ Григорій Самойловичъ, сынъ гетмана, сосланнаго въ Сибирь въ началѣ царствованія Петра I.

Такъ, своеволиемъ пылая,
Роптала юность удалая,
Опасныхъ алча перемѣнъ;
Забывъ отчизны давній плѣнъ
Богдана счастливые споры,
Святыхъ брани, договоры,
И славу дѣдовскихъ временъ.
Но старость ходитъ осторожно
И подозрительно глядитъ:
Чего нельзя и что возможно,
Еще не вдругъ она рѣшить.
Кто сидеть въ глубину морскую,
Покрытую недвижно льдомъ?
Кто испытующимъ умомъ
Проникнуть бездну роковую
Души коварной? Думы въ ней,
Плоды подавленныхъ страстей,
Лежать погружены глубоко,
И замысль давнишнихъ дней,
Быть можетъ, зрѣеть одиноко.
Какъ знать? Но чѣмъ Мазепа злѣй,
Чѣмъ сердце въ немъ хитрѣй и
ложнѣй,

Тѣмъ съ виду онъ неосторожнѣй
И въ обхожденіи простѣй.
Какъ онъ умѣетъ самовластно
Сердца привлечь и разгадать,
Умами править безопасно,
Чужія тайны разрѣшать!
Съ какой довѣрчивостью лживой,
Какъ добродушно на пирахъ,
Со старцами старикъ болтливый,
Жалѣетъ онъ о прошлыхъ дняхъ,
Свободу славить съ своевольнымъ,
Поносить власти съ недовольнымъ,
Съ ожесточеннымъ слезы лить,
Съ глумцомъ разумну рѣчь ведетъ!
Не многимъ, можетъ быть, из-
вѣстно,
Что духъ его неукротимъ,
Что радъ и честно и бесчестно
Вредить онъ недругамъ своимъ;
Что ни единой онъ обиды,
Съ тѣхъ поръ, какъ живъ, не за-
бывалъ;
Что далеко преступны виды
Старикъ надменный простиралъ;
Что онъ не вѣдаетъ святости,
Что онъ не помнитъ благости,
Что онъ не любитъ ничего;
Что кровь готовъ онъ лить, какъ
воду;
Что презираетъ онъ свободу,
Что вѣтъ отчизны для него.

¹⁰ Симеонъ Палтй, хвостовскій полковникъ, славный наѣздникъ. За своевольные набѣги соланъ былъ въ Енисейскъ, по жалобамъ Мазены. Когда сей послѣдній оказался измѣнникомъ, то и Палтй, какъ закоренѣлый врагъ его, былъ возвращенъ изъ ссылки и находился въ полтавскомъ сраженіи. — ¹¹ Костя Гордѣенко, кошевой атаманъ запорожскихъ казаковъ. Високаѣдствіи передается Карлу XII. Взятъ въ плѣнъ и казненъ въ 1708 г. — ¹² 20.000 казаковъ было послано въ Лифляндію.

Издавна умысль ужасный
Взлелѣялъ тайно злой старикъ
Въ душѣ своей. Но взоръ опасный,
Враждебный взоръ — его проникъ.

— «Нѣтъ, дерзкій хищникъ, нѣтъ,
губитель!»

Скрежеща, мыслить Кочубей:

«Я пощажу твою обитель,

Темницу дочери моей:

Ты не исглѣбьшь средь пожара,

Ты не издохнешь отъ удара

Казачьей сабли. Нѣтъ, злодѣй,

Въ рукахъ московскихъ палачей,

Въ крови, при тщетныхъ отри-
цаньяхъ,

На дыбѣ, корчась въ истязаньяхъ,

Ты проклянешь и день, и часъ,

Когда ты дочь крестилъ у насъ,

И пиръ, на коемъ чести чашу

Тебѣ я полно наливалъ,

И ночь, когда голубку нашу

Ты, старый коршунъ, заклевалъ!..»

Такъ! было время: съ Кочубеемъ
Быль другъ Мазепа; въ оны дни,
Какъ солю, хлѣбомъ и елеемъ,
Дѣлились чувствами они.

Ихъ кони по полямъ побѣды

Скакали рядомъ сквозь огни;

Нерѣдко долгія бесѣды

Наединѣ вели они —

Предъ Кочубеемъ гетманъ скрыт-
ный

Души мятежной, ненасытной

Отчасти бездну открывалъ,
И о грядущихъ измѣненьяхъ,
Переговорахъ, возмущеньяхъ,
Въ рѣчахъ неясныхъ намекалъ.
Такъ было сердце Кочубея
Въ то время предано ему,
Но, въ горькой злобѣ свирѣпѣя,
Теперь позыву одному
Оно послушно; онъ голубить
Едину мысль и день и ночь:
Иль самъ погибнетъ, иль погу-
бить —
Отметить поруганную дочь.

Но предприимчивую злобу
Онъ крѣпко въ сердцѣ затаилъ.
«Въ безсильной горести, ко гробу
Теперь онъ мысли устремилъ.
Онъ зла Мазенѣ не желаетъ;
Всею виновна дочь одна.
Но онъ и дочеря прощаетъ:
Пусть Богу дастъ отвѣтъ она,
Покрывъ семью свою позоромъ,
Забывъ и небо, и законъ....»

А между тѣмъ, орлинымъ взо-
ромъ

Въ кругу домашнемъ ищетъ онъ
Себѣ товарищей отважныхъ,
Неколебимыхъ, неподажныхъ.
Во всемъ открылся онъ женѣ:¹³
Давно въ глубокой тишинѣ
Уже доносъ онъ грозный конить;
И, гнѣва женскаго полна,
Нетерпѣливая жена

¹³ Мазепа въ одномъ письмѣ упрекаетъ Кочубея въ томъ, что имъ управляетъ жена его, гордая и высокоумная.

Между полтавскихъ казаковъ,
Презрѣнныхъ дѣвою несчастной,
Одинъ съ младенческихъ годовъ
Ее любилъ любовью страстной.
Вечерней, утренней порой,
На берегу рѣки родной,
Въ тѣни украинскихъ черешень,
Бывало, онъ Марію ждалъ,
И ожиданіемъ страдалъ,
И краткой встрѣчей былъ утѣ-
шенъ.
Онъ безъ надеждъ ее любилъ,
Не докучалъ онъ ей мольбою:
Отказа бъ онъ не пережилъ.
Когда наѣхали толпою
Къ ней женихи, изъ ихъ рядовъ
Уныль и сирь онъ удалился.

Когда же вдругъ межъ казаковъ
Позоръ Марининъ огласился,
И беспощадная молва
Ее со смѣхомъ поразила —
И тутъ Марія сохранила
Надъ нимъ привычныя права...
Но если кто хотя случайно
Предъ нимъ Мазепу называлъ,
То онъ блѣднѣлъ, терзаясь тайно,
И взоры въ землю опускалъ.

Кто при звѣздахъ и при лунѣ
Такъ поздно ѣдетъ на конѣ?
Чей это конь неутомимый
Бѣжитъ въ степи необозримой?

Казакъ на сѣверъ держать путь,
Казакъ не хочетъ отдохнуть
Ни въ чистомъ полѣ, ни въ дубравѣ,
Ни при опасной переправѣ.

Какъ стекло, булатъ его блестить,
Мѣшокъ за пазухой звенить;
Не спотыкаясь, конь ретивый
Бѣжитъ, размахивая гривой.

Червонцы нужны для гонца,
Булатъ — потѣха молодца,
Ретивый конь — потѣха тоже,
Но шапка для него дороже:

За шапку онъ оставить радъ
Коня, червонцы и булатъ;
Но выдать шапку только съ бою,
И то лишь съ буйной головою.

¹¹ Искра, полтавскій полковникъ, товарищъ Кочубея, раздѣлившій съ нимъ его умыслъ и участь.

Зачѣмъ онъ шапкой дорожить?
Затѣмъ, что въ ней доносъ зашить,
Доносъ на гетмана злодѣя
Царю Петру отъ Кочубея.

Грозы не чуя, между тѣмъ,
Неужасаемый ничѣмъ,
Мазепа козни продолжаетъ;
Съ нимъ полномощный езуитъ¹⁵
Мятежъ народный учреждаетъ
И шаткій тронъ ему сулитъ.
Во тѣмъ ночной они, какъ воры,
Ведутъ свои переговоры,
Измѣну цѣнить межъ собой,
Слагаютъ цифрѣ универсаловъ,¹⁶
Торгуютъ царской головой,
Торгуютъ клятвами вассаловъ.
Какой-то нищій во дворецъ
Невѣдомо отколѣ ходить,
И Орликъ, гетмановъ дѣлонецъ,¹⁷
Его приводитъ и выводитъ.
Повсюду тайно сѣютъ ядъ
Его подосланные слуги:
Тамъ, на Дону, казачьи круги
Они съ Булавинымъ мутятъ;¹⁸
Тамъ будятъ дикихъ ордъ отвагу;
Тамъ, за порогами Днѣпра,
Страшаютъ буйную ватагу

Самодержавіемъ Петра.
Мазепа всюду взоръ кидаетъ
И письма шлетъ изъ края въ край,
Угрозою хитрой подымаетъ
Онъ на Москву Бахчисарай.
Король ему въ Варшавѣ внемлетъ,
Въ стѣнахъ Очакова паша,
Во станѣ Карлъ и царь. Не дрем-
летъ
Его коварная душа;
Онъ, думой думу развивая,
Вѣрнѣй готовить свой ударъ;
Въ немъ не слабѣетъ воли злая,
Неутомимъ преступный жаръ.

Но какъ онъ вздрогнулъ, какъ
воспрянулъ,
Когда надъ нимъ внезапно гря-
нулъ
Упадшій громъ! когда ему,
Врагу Россіи, самому
Вельможи русскіе послали¹⁹
Въ Полтавѣ писанный доносъ,
И, вмѣсто праведныхъ угрозъ,
Какъ жертвѣ, ласку расточали;
И, озабоченный войной,
Гнушаясь мнимою клеветой,
Доносъ оставя безъ вниманья,

¹⁵ Езуитъ Зеленскій, княгиня Дульская и какой-то болгарскій архіепископъ, изгнанный изъ своего отечества, были главными агентами Мазепиной измѣны. Послѣдній въ видѣ нищаго ходилъ изъ Польши въ Украину и обратно. — ¹⁶ Такъ назывались манифесты гетмановъ. — ¹⁷ Филиппъ Орликъ, генеральный писарь, наперсникъ Мазепы, послѣ смерти (въ 1710) сего послѣдняго, получилъ отъ Карла XII пустой титулъ малороссійскаго гетмана. Впослѣдствіи принялъ магометанскую вѣру и умеръ въ Бендерахъ около 1736 года. — ¹⁸ Булавинъ, донской казакъ, бунтовавшій около того времени. — ¹⁹ Тайный секретарь Шафировъ и гр. Головкинъ, друзья и покровители Мазепы; на нихъ, по справедливости, долженъ лежать ужасъ суда и казни доносителей.

Самъ царь Іуду утѣшалъ,
И злону шумомъ наказанья
Смирить надолго общалъ!

Мазена, въ горести притворной,
Къ царю возноситъ гласъ покор-
ный:

«И знаетъ Богъ, и видитъ свѣтъ:
Онъ, бѣднѣйшій гетманъ, двадцать
лѣтъ

Царю служилъ душою вѣрной;
Его щедротою безмѣрной
Осыпанъ, дивно вознесенъ...
О, какъ слѣпа, безумна злоба!...
Ему ль теперь у двери гроба
Начать ученіе измѣнъ
И потемнять благую славу?
Не онъ ли помощь Станиславу ²⁰
Съ негодованьемъ отказалъ,
Стыдясь, отвергъ вѣнецъ Украй-
ны,

И договоръ, и письма тайны
Къ царю, по долгу, отослалъ?
Не онъ ли наущеньямъ хана ²¹
И цареградскаго султана
Былъ глухъ? Усердіемъ горя,
Съ врагами Бѣлаго царя
Умомъ и саблей радъ былъ спо-
рить,

Трудовъ и жизни не жалѣлъ,
И нынѣ злобный недругъ смѣлъ
Его сѣдины опозорить!

И кто же? Искра, Кочубей!
Такъ долго бывъ его друзья-
ми!...»

И съ кровавыми слезами,
Въ холодной дерзости своей,
Ихъ казни требуетъ злодѣй... ²²

Чьей казни?... Старецъ непре-
клонный!

Чья дочь въ объятіяхъ его?
Но хладно сердца своего
Онъ заглушаетъ ропотъ сонный.
Онъ говоритъ: «въ неравный
споръ
Зачѣмъ вступаетъ сей безумецъ?
Онъ самъ, надменный вольноду-
мецъ,

Самъ точить на себя топоръ.
Куда бѣжитъ, зажавши вѣжды?
На чемъ онъ основалъ надежды?
Пли... но дочери любовь
Главы отцовской не искупить,
Любовникъ гетману уступить,
Не то — моя прольется кровь.»

Марія, бѣдная Марія,
Краса черкасскихъ дочерей!
Не знаешь ты, какого змія
Ласкаешь на груди своей.
Какой же властью непонятной
Къ дуплѣ свирѣпой и развратной
Такъ сильно ты привлечена?

²⁰ Въ 1705 году. Смotr. примѣчанія къ Исторіи Малороссіи, В.-Каменскаго. —

²¹ Во время неудачнаго похода въ Крымъ, Казы-Гирей предлагалъ ему соединиться съ нимъ и вѣстѣ напасть на русское войско. — ²² Въ своихъ письмахъ онъ жало-
вался, что доносителей пытали слишкомъ легко, неотступно требовалъ ихъ казни,
сравнивая себя съ Сусанною, неповинно оклеветанною незаконными старшами, а
графа Головкина съ пророкомъ Давидомъ.

Кому ты въ жертву отдана?
 Его кудрявыя сѣдины,
 Его глубокія морщины,
 Его блестящій, впаляющій взоръ,
 Его лукавый разговоръ
 Тебѣ всего, всего дороже:
 Ты мать забыть для нихъ могла,
 Соблазномъ посланное ложе
 Ты отчей сѣни предпочла!
 Своими чудными очами
 Тебя старикъ заморозилъ,
 Своими тихими рѣчами
 Въ тебѣ онъ совѣсть усынилъ;
 Ты на него съ благоговѣньемъ
 Возводишь ослѣпленный взоръ,
 Его лелѣешь съ умиленіемъ —
 Тебѣ пріятель твой позоръ,
 Ты имъ, въ безумномъ упоеніи,
 Какъ цѣломудріемъ горда —
 Ты прелесть нѣжную стыда
 Въ своемъ утратила паденьи....

Что стыдъ Маріи? что молва?
 Что для нея мірскія пени,
 Когда склоняется въ колѣни
 Къ ней старца гордая глава;
 Когда съ ней гетманъ забываетъ
 Судьбы своей и трудъ, и шумъ,
 Иль тайны смѣлыхъ, грозныхъ
 думъ
 Ей, дѣвѣ робкой, открываетъ?
 И дней невинныхъ ей не жаль,
 И душу ей одна печаль
 Порой, какъ туча, затмеваетъ:
 Она унылыхъ предъ собой
 Отца и мать воображаетъ;
 Она, сквозь слезы, видитъ ихъ
 Въ бездѣтной старости однихъ,
 И мнится, пенямъ ихъ внимаешь....
 О, если бѣ вѣдала она,
 Что ужъ узнала вся Украина!
 Но отъ нея сохранена
 Еще убійственная тайна.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Мазепа мраченъ. Умъ его
 Смутенъ жестокими мечтами.
 Марія нѣжными очами
 Глядитъ на старца своего.
 Она, обнявъ его колѣни,
 Слова любви ему твердитъ.
 Напрасно! черныхъ помышлений
 Ея любовь не удалить.
 Предъ бѣдной дѣвой съ невни-
 маньемъ
 Онъ хладно потупляетъ взоръ,
 И ей на ласковый укоръ
 Однимъ отвѣтствуетъ молчаньемъ.

Удивлена, оскорблена,
 Едва дыша, встаетъ она
 И говорить съ негодованьемъ:

«Послушай, гетманъ, для тебѣ
 Я позабыла все на свѣтѣ!
 Навѣкъ однажды полюбя,
 Одно имѣла я въ предметъ —
 Твою любовь: я для нея
 Сгубила счастье мое.
 Но ни о чемъ я не жалѣю.
 Ты помнишь: въ страшной ти-
 шинѣ,

Въ ту ночь, какъ стала я твоею,
 Меня любить ты клялся мнѣ?
 Зачѣмъ же ты меня не любишь?

МАЗЕПА.

Мой другъ, несправедлива ты!
 Оставь безумныя мечты,
 Ты подозрѣняемъ сердце губишь.
 Нѣтъ, душу пылкую твою
 Волнуютъ, ослѣпляютъ страсти.
 Марія, вѣрь, тебя люблю
 Я больше славы, больше власти!

МАРІА.

Неправда! ты со мной хитришь.
 Давно-ль мы были неразлучны?
 Теперь ты ласкъ моихъ бѣжишь,
 Теперь онѣ тебѣ докучны;
 Ты цѣлый день въ кругу стар-
 шинъ,
 Въ пирахъ, разѣздахъ—я забыта;
 Ты долгой ночью иль одинъ,
 Иль съ нищимъ, иль у езуита.
 Любовь смиренная моя
 Встрѣчаетъ хладную суровость.
 Ты пилъ недавно, знаю я,
 Здоровье Дульской. Это новость!
 Кто эта Дульская?

МАЗЕПА.

И ты

Ревнива? Мнѣ ль, въ мои ли лѣта
 Искать надменнаго привѣта
 Самолюбивой красоты?
 И стану ль я, старикъ суровый,
 Какъ праздный юноша, вздыхать,
 Влачить позорныя оковы
 И женъ притворствомъ искушать?

МАРІА.

Нѣтъ, объяснись безъ отговорокъ,
 И просто, прямо отвѣчай!

МАЗЕПА.

Покой души твоей мнѣ дорогъ,
 Марія; такъ и быть, узнай:
 Давно замыслили мы дѣло;
 Теперь оно кипитъ у насъ.
 Благое время намъ приспѣло;
 Борьбы великой близокъ часъ.
 Безъ милой вольности и славы
 Склоняли долго мы главы
 Подъ покровительствомъ Варшавы,
 Подъ самовластіемъ Москвы.
 Но независимой державой
 Украинѣ быть уже пора—
 И знамя вольности кровавой
 Я подымаю на Петра.
 Готово все: въ переговорахъ
 Со мною оба короля;
 И скоро въ смутахъ, въ бранныхъ
 спорахъ,
 Быть можетъ, тронъ воздвигну я.
 Друзей надежныхъ я имѣю:
 Княгиня Дульская и съ нею
 Мой езуитъ, да нищій сей
 Къ концу мой замыселъ приво-
 дятъ.

Черезъ руки ихъ ко мнѣ доходятъ
 Наказы, письма королей.
 Вотъ важныя тебѣ признанья.
 Довольна ль ты? Твои мечтанья
 Разсѣяны ль?

МАРІА.

О, милый мой,
 Ты будешь царь земли родной!

Твоимъ сѣдинамъ какъ приста-
нетъ
Корона царская!

МАЗЕПА.

Постой,
Не все свершилось. Буря грянетъ;
Кто можетъ знать, что ждетъ
меня?

МАРІЯ.

Я близъ тебя не знаю страха —
Ты такъ могущъ! О, знаю я:
Тронъ ждетъ тебя.

МАЗЕПА.

А если плаха?...

МАРІЯ.

Съ тобой на плаху, если такъ.
Ахъ, пережить тебя могу-ли?
Но нѣтъ, ты носишь власти знакъ.

МАЗЕПА.

Меня ты любишь?

МАРІЯ.

Я люблю ли?

МАЗЕПА.

Скажи: отецъ или супругъ
Тебѣ дороже?

МАРІЯ.

Милый другъ,
Къ чему вопросъ такой? Трево-
жить
Меня напрасно онъ. Семейю
Стараюсь я забыть мою.
Я стала ей въ позоръ; быть мо-
жетъ

[Какая страшная мечта!],

Моимъ отцомъ я проклята,
А за кого?

МАЗЕПА.

Такъ я дороже
Тебѣ отца? Молчишь...

МАРІЯ.

О Боже!

МАЗЕПА.

Что жъ? отвѣчай.

МАРІЯ.

Рѣши ты самъ.

МАЗЕПА.

Послушай: если было бъ намъ,
Ему иль мнѣ, погибнуть надо,
А ты бы намъ судьей была,
Кого-бъ ты въ жертву привесла,
Кому бы ты была ограда?

МАРІЯ.

Ахъ, полно! сердце не смущай!
Ты искуситель.

МАЗЕПА.

Отвѣчай!

МАРІЯ.

Ты блѣденъ; рѣчь твоя сурова....
О, не сердись! всѣмъ, всѣмъ готова
Тебѣ я жертвовать, повѣрь;
Но страшны мнѣ слова такіа.
Довольно!

МАЗЕПА.

Помни же, Марія,
Что ты сказала мнѣ теперь!

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ.

Своей дремоты превозмочь
 Не хочетъ воздухъ. Чуть трепещуть
 Сребристыхъ тополей листы.
 Луна спокойно съ высоты
 Надъ Бѣлой-Церковью сіяетъ,
 И пышныхъ гетмановъ сады
 И старый замокъ озаряетъ.
 И тихо, тихо все кругомъ....
 Но въ замкѣ шепотъ и смятеніе.
 Въ одной пзѣ башенъ, подъ ок-
 номъ,
 Въ глубокомъ тяжкомъ размыш-
 леньѣ,
 Окованъ Кочубей сидитъ
 И мрачно на небо глядитъ.

Затра казнъ. Но безъ боязни
 Онъ мыслить объ ужасной казни;
 О жизни не жалѣетъ онъ.
 Что смерть ему?—желанный сонъ.
 Готовъ онъ лечь во гробъ кро-
 вавый.

Дрема долить... Но, Боже правый!
 Къ ногамъ злодѣя, молча, пасть,
 Какъ безсловесное созданье,
 Царемъ быть отдану во власть
 Врагу царя на поруганье,
 Утратить жизнь — и съ нею честь,
 Друзей съ собой на плаху вестъ,
 Надъ громомъ слышать ихъ про-
 клятья,

Ложась безвиннымъ подъ топоръ,
 Врага веселый встрѣтить взоръ,
 И смерти броситься въ объятъя,
 Не завѣщая никому
 Вражды къ злодѣю своему!...

И вспомнилъ онъ свою Полтаву,

Обычный кругъ семьи, друзей,
 Минувшихъ дней богатство, славу,
 И пѣсни дочери своей,
 И старый домъ, гдѣ онъ родился,
 Гдѣ зналъ и трудъ, и мпрный
 сонъ,
 И все, чѣмъ въ жизни наслаждался,
 Что добровольно бросилъ онъ,
 И для чего? —

Но ключъ въ заржавомъ
 Замкѣ гремитъ — и пробужденъ
 Несчастный думаетъ: вотъ онъ!
 Вотъ на пути моемъ кровавомъ
 Мой вождь подъ знаменемъ креста,
 Грѣховъ могучій разрѣшитель,
 Духовной скорби врачъ, служи-
 тель

За насъ распятаго Христа,
 Его святую кровь и тѣло
 Принесшій мнѣ, да укрѣплюсь.
 Да приступлю ко смерти смѣло
 И жизни вѣчной пріобщусь!

И съ сокрушеніемъ сердечнымъ
 Готовъ несчастный Кочубей
 Передъ Всесплнымъ, Безконеч-
 нымъ

Излить тоску мольбы своей.
 Но не отшельника святого,
 Онъ гостя узнаетъ иваго —
 Свирѣпый Орликъ передъ нимъ.
 И отвращеніемъ томимъ,
 Страдалецъ горько вопрошаетъ:
 Ты здѣсь, жестокой человѣкъ?
 Зачѣмъ послѣдній мой ночлегъ
 Еще Мазепа возмущаетъ?

О Р Л И К Ъ.

Допросъ не конченъ; отвѣчай!



КОЧУБЕЙ.

Я отвѣчалъ уже; ступай!
Оставь меня.

Орликъ.

Еще признанья
Иванъ гетманъ требуетъ.

КОЧУБЕЙ.

Но въ чемъ?
Давно сознался я во всемъ,
Что вы хотѣли: показанья
Мои всѣ ложны; и лукавъ,
Я строю козни, гетманъ правъ.
Чего вамъ болѣе?

Орликъ.

Мы знаемъ,
Что ты несчетно былъ богатъ;
Мы знаемъ: не единый кладъ
Тобой въ Диканькѣ укрываемъ²³.
Свершиться казнь твоя должна;
Твое имѣние сполна
Въ казну поступить войсковую —
Таковъ законъ. Я указую
Тебѣ послѣдній долгъ: открой,
Гдѣ кладъ, скрытые тобой?

КОЧУБЕЙ.

Такъ, не ошиблись вы: три клада
Въ сей жизни были мнѣ отрада.
И первый кладъ мой честь была,
Кладъ этотъ пытка отпала;
Другой былъ кладъ невозврати-
мый —
Честь дочери моей любимой.

Я день и ночь надъ нимъ дрожалъ:
Мазепа этотъ кладъ укралъ.
Но сохранилъ я кладъ послѣдній,
Мой третій кладъ: святую месть;
Ее готовлюсь Богу снести!

Орликъ.

Старикъ, оставь пустяя бредни;
Сегодня покидая свѣтъ,
Питайся мыслию суровой!
Шутить не время. Дай отвѣтъ,
Когда не хочешь пытки новой:
Гдѣ спрятали деньги?

КОЧУБЕЙ.

Злой холопъ!
Окончишь-ли допросъ нелѣпный?
Повремени: дай лечь мнѣ въ гробъ,
Тогда ступай себѣ съ Мазепой
Мое наслѣдіе считать,
Окровавленными перстами
Мои подвалы разрывать,
Рубить и жечь сады съ домами.
Съ собой возьмите дочь мою:
Она сама вамъ все расскажетъ,
Сама всѣ кладъ вамъ укажетъ;
Но, ради Господа, молю,
Теперь оставь меня въ покоѣ!

Орликъ.

Гдѣ спрятали деньги? укажи!
Не хочешь? — Деньги гдѣ? скажи,
Иль выйдетъ слѣдствіе плохое.
Подумай: мѣсто намъ назначь.
Молчишь? — Ну, въ пытку. Гей,
палачъ!²⁴

²³ Деревня Кочубей. — ²⁴ Уже осужденный на смерть, Кочубей былъ пытанъ въ войскѣ гетмана. По отвѣтамъ несчастнаго видно, что его допрашивали о сокровищахъ, имъ утаенныхъ.

Палачъ вошелъ....

О, ночь мученій!

Но гдѣ же гетманъ? Гдѣ злодѣй?
Куда бѣжалъ отъ угрызеній
Змѣиной совѣсти своей?
Въ свѣтлицѣ дѣвы усыпленной,
Еще незваніемъ блаженной,
Близъ ложа крестницы молодой,
Сидитъ съ поникшею главой
Мазепа тихій и угрюмый.
Въ его душѣ проходятъ думы,
Одна другой мрачнѣй, мрачнѣй.
„Умреть безумный Кочубей;
Спасти нельзя его. Чѣмъ ближе
Цѣль гетмана, тѣмъ тверже онъ
Быть долженъ властью облеченъ,
Тѣмъ передъ нимъ склоняться ниже
Должна вражда. Спасенья нѣтъ:
Доносчикъ и его клеветѣ
Умрутъ.“ Но, броса взоръ на ложе,
Мазепа думаетъ: „о, Боже!
Что будетъ съ ней, когда она
Услышитъ слово роковое?
Досель она еще въ покоѣ —
Но тайна быть сохранена
Не можетъ долѣе. Сѣкира,
Упасть поутру, загремитъ
По всей Украинѣ. Голосъ міра
Вокругъ нея заговоритъ!...
Ахъ, вижу я: кому судьбою
Волненья жизни суждены,
Тотъ стой одинъ передъ грозой,
Не призывай къ себѣ жены.
Въ одну телѣгу впрячь не можно
Коня и трепетную лань.
Забылся я неосторожно —
Теперь плачу безумства дань....
Все, что цѣны себѣ не знаетъ,

Все, все, чѣмъ жизнь мила бы-
вааетъ,

Бѣдняжка принесла мнѣ въ даръ,
Мнѣ, старцу мрачному — и что же?
Какой готовлю ей ударъ!...“
И онъ глядитъ: на тихомъ ложѣ
Какъ сладокъ юности покой!
Какъ сонъ ее лелѣетъ нѣжно!
Уста раскрылись; безмятежно
Дыханье груди молодой;
А завтра, завтра.... Содрагаясь,
Мазепа отвращаетъ взглядъ,
Встаетъ и, тихо пробираясь,
Въ уединенный сходитъ садъ.

Тиха украинская ночь.

Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ.
Своей дремоты превозмочь
Не хочетъ воздухъ. Чуть трепе-
щутъ
Сребристыхъ тополей листы.
Но мрачны странныя мечты
Въ душѣ Мазепы: звѣзды ночи,
Какъ обвинительныя очи,
За нимъ насмѣшливо глядятъ;
И тополи, стѣснившись въ рядъ,
Качая тихо головою,
Какъ судьи, шепчутъ межъ собою;
И лѣтней, теплой ночи тьма
Душна, какъ черная тюрьма.

Вдругъ.... слабый крикъ.... не-
внятный стонъ,

Какъ бы изъ замка слышитъ онъ.
То былъ-ли сонъ воображенья,
Иль плачъ совы, плъ звѣря вой,
Иль пытки стонъ, иль звукъ иной —
Но только своего волненья

Преодолѣть не могъ старикъ,
И на протяжный слабый крикъ
Другимъ отвѣтствовалъ — тѣмъ
крикомъ,

Которымъ онъ въ веселыи дикомъ
Поля сраженія оглашалъ,
Когда съ Забѣлой, съ Гамалѣемъ,
И — съ нимъ.... и съ этимъ Ко-
чубеемъ

Онъ въ бранномъ пламени ска-
калъ.

Зари багряной полоса
Объемлетъ ярко небеса.
Блеснули доли, холмы, нивы,
Вершины роцъ и волны рѣкъ;
Раздался утра шумъ игривый,
И пробудился человѣкъ.

Еще Марія сладко дышитъ,
Дремой объятая, и слышитъ
Сквозь легкій сонъ, что кто-то
къ ней

Вошелъ и ногъ ея коснулся.
Она проснулась — но скорѣй
Съ улыбкой взоръ ея сомкнулся
Отъ блеска утреннихъ лучей.

Марія руки протянула
И съ нѣгой томною шепнула:
Мазепа, ты?... Но голосъ ей
Иной отвѣтствуетъ.... О, Боже!
Вздрыгнувъ, она глядитъ.... и
что же?

Предъ нею мать....

МАТЬ.

Молчи, молчи,
Не погуби насъ: я въ ночи
Сюда прокралась осторожно
Съ единой слезною мольбой.

Сегодня казнъ. Тебѣ одной
Свирѣпство ихъ смягчить воз-
можно.

Спаси отца!

ДОЧЬ (въ ужасѣ),

Какой отецъ?

Какая казнъ?

МАТЬ.

Иль ты донинѣ

Не знаешь?... Нѣтъ! ты не въ пу-
стынѣ,

Ты во дворцѣ; ты знать должна,
Какъ сила гетмана грозна,
Какъ онъ враговъ своихъ караетъ,
Какъ государь ему внимаетъ —
Но вижу, скорбную семью
Ты отвергаешь для Мазепы;
Тебя я соню застаю,

Когда свершаютъ судъ свирѣпый,
Когда читаютъ приговоръ,
Когда готовъ отцу топоръ....

Другъ другу, вижу, мы чужія....
Опомнись, дочь моя! Марія,
Вѣи, пади къ его ногамъ,
Спаси отца, будь ангелъ намъ:
Твой взглядъ злодѣямъ руки

связетъ,

Ты можешь ихъ топоръ отвести.
Рвись, требуй — гетманъ не отка-
жетъ:

Ты для него забыла честь,
Родныхъ и Бога....

ДОЧЬ.

Что со мною?

Отецъ... Мазепа.... казнъ.... съ
мольбою

Здѣсь, въ этомъ замкѣ мать моя —

Нѣтъ, иль ума лишилась я,
Иль это грезы....

м а т ь.

Богъ съ тобою!

Нѣтъ, нѣтъ — не грезы, не мечты.
Уже-ль еще не знаешь ты,
Что твой отецъ ожесточенный
Безчестья дочери не снесъ,
И, жаждой мести увлеченный,
Царю на гетмана донесъ;
Что въ истязаніяхъ кровавыхъ
Сознался въ умыслахъ лукавыхъ,
Въ стыдѣ безумной клеветы;
Что, жертва смѣлой правоты,
Врагу онъ выданъ головою;
Что предъ громадой войсковою,
Когда его не осѣнитъ
Десница вышняя Господня,
Онъ долженъ быть казненъ се-
годня;
Что здѣсь покамѣстъ онъ сидитъ
Въ тюремной башнѣ?...

д о ч ь.

Боже, Боже!...

Сегодня!... Бѣдный мой отецъ!

И дѣва падаетъ на ложе,
Какъ хладный падаетъ мертвецъ.

Пестрѣютъ шапки. Конья бле-
шутъ.

Бьютъ въ бубны. Скачутъ
сердюки ²³.

Въ строяхъ равняются полки.
Толпы кипятъ. Сердца трепещутъ.

Дорога, какъ змѣинный хвостъ,
Полна народу, шевелится.
Средь поля роковой помость,
На немъ гулиегъ, веселится
Палачъ и алчно жертвы ждетъ:
То въ руки бѣлыя беретъ,
Играючи, топоръ тяжелый,
То шутить съ чернію веселой.
Въ гремячій говоръ все слилось:
Крикъ женскій, брань, и смѣхъ,
и ропотъ.

Вдругъ восклицанье раздалось —
И смолкло все. Лишь конскій
топотъ

Былъ слышенъ въ грозной тишинѣ.
Тамъ, окруженный сердюками,
Вельможный гетманъ съ старши-
нами

Скакалъ на ворономъ конѣ.
А тамъ, по кievской дорогѣ,
Телѣга ѣхала. Въ тревогѣ
Всѣ взоры обратили къ ней.
Въ ней, съ міромъ, съ небомъ при-
мирный,

Могущей вѣрой укрѣпленный,
Сидѣлъ безвинный Кочубей,
Съ нимъ Искра тихій, равнодуш-
ный,

Какъ агнецъ, жребію послушный.
Телѣга стала. Раздалось
Моленье ликовъ громогласныхъ.
Съ кадилъ куренье поднялось.
За упокой души несчастныхъ
Безмолвно молится народъ,
Страдальцы за враговъ. И вотъ
Идутъ они, возшли. На плаху,

²³ Войско, состоявшее на собственномъ иждивеніи гетмановъ.

Крестясь, ложится Кочубей.
Какъ будто въ гробѣ — тьмы людей
Молчатъ. Топоръ блеснулъ съ раз-
маху,

И отскочила голова.
Все поле охнуло. Другая
Катится вслѣдъ за ней, мигая.
Зардѣлась кровію трава —
И, сердцемъ радуясь во злобѣ,
Налачъ за чубъ поймалъ ихъ обѣ,
И напряженною рукой
Потрясъ ихъ обѣ надъ толпой.

Свершилась казнь. Народъ без-
печный

Идетъ, разсыпавшись, домой,
И про свои заботы вѣчны
Уже толкуетъ межъ собой.
Пустьбѣтъ поле понемногу.
Тогда чрезъ пеструю дорогу
Перебѣжали двѣ жены.
Утомлены, запылены,
Онѣ, казалось, къ мѣсту казни
Спѣшили, полныя боязни.
Ужъ поздно! кто-то имъ сказалъ
И въ поле перстомъ указалъ.
Тамъ роковой помость ломали,
Молился въ черныхъ ризахъ попъ,
И на телѣгу подымали
Два казака дубовый гробъ.

Одинъ предъ конною толпой
Мазепа, грозенъ, удалялся
Отъ мѣста казни. Онъ терзался
Какой-то страшной пустотой.
Никто къ нему не приближался;
Не говорилъ онъ ничего;
Весь въ пѣнѣ, мчался конь его.

Домой пріѣхавъ, «что, Марія?»
Спросилъ Мазепа. Слышитъ онъ
Отвѣты робкіе, глухіе....
Невольнымъ страхомъ пораженъ,
Идетъ онъ къ ней; въ свѣтлицу
входитъ —

Свѣтлица тихая пуста.
Онъ въ садъ, и тамъ смитенный
бродитъ;
Но вокругъ широкаго пруда,
Въ кустахъ, вдоль сѣней безмя-
тежныхъ,
Все пусто, нѣтъ нигдѣ слѣдовъ —
Ушла! — Зовегъ онъ слугъ надеж-
ныхъ,

Своихъ проворныхъ сердюковъ.
Они бѣгутъ. Хранятъ ихъ кони —
Раздался дикій кликъ погони
Верхомъ — и скачутъ молодцы
Во весь опоръ, во всѣ концы.

Бѣгутъ мгновенья дорогія,
Не возвращается Марія.
Никто не вѣдалъ, не слыхалъ,
Зачѣмъ и какъ она бѣжала.
Мазепа молча скрежеталъ.
Затихнувъ, челядь трепегала.
Въ груди кипучій ядънося,
Въ свѣтлицѣ гетманъ заперся.
Близъ ложа, тамъ во мракѣ ночи
Сидѣлъ онъ, не смыкая очи,
Нездѣшней мукою томимъ.
Поутру посланные слуги
Однѣ явились за другимъ.
Чуть кони двигались. Подпруги,
Подковы, узды, чепраки,
Все было пѣною покрыто,
Въ крови, растерзано, избито —

Но ни одинъ ему принести
Не могъ о бѣдной дѣвѣ вѣсть.
И слѣдъ ея существованья

Пропалъ, какъ будто звукъ пустой,
И мать одна во мракъ изгнанья
Умчала горе съ ничетой.

ПѢСНЬ ТРЕТЬЯ.

Души глубокая печаль
Стремиться дерзновенно вдаль
Вождю Украйны не мѣшаетъ.
Твердѣя въ умыслѣ своемъ,
Онъ съ гордымъ шведскимъ ко-

ролемъ

Свои сношенья продолжаетъ.
Межъ тѣмъ, чтобъ обмануть вѣр-

нѣй

Глаза враждебнаго сомнѣнья,
Онъ, окружась толпой врачей,
На ложѣ мнимаго мученья,
Стоная, молить исцѣленья.
Плоды страстей, войны, трудовъ,
Болѣзни, дрихлость и печали,
Предтечи смерти, приковали
Его къ одру. Уже готовъ
Онъ скоро бранный міръ оставить;
Святой обрядъ * онъ хочетъ пра-

вить,

Онъ архиастыря зоветъ
Къ одру сомнительной кончины:
И на коварныя сѣдины
Елей таинственный течетъ.

Но время шло. Москва напрасно
Къ себѣ гостей ждала всечасно,
Средь старыхъ вражескихъ могилъ

Готова шведамъ гризну тайну.
Внезапно Карлъ поворотилъ
И перенесъ войну въ Украйну.

И день насталъ. Встаетъ съ одра
Мазепа, сей страдалецъ хилый,
Сей трунъ живой, еще вчера
Стонавшій слабо надъ могилой.
Теперь онъ мощный врагъ Петра.
Теперь онъ, бодрый, предъ пол-

ками

Сверкаетъ гордыми очами
И саблей машетъ — и къ Деснѣ
Проворно мчится на конѣ.
Согбенный тяжело жизнью старой,
Такъ оный хитрый кардиналъ,
Вѣнчавшись римскою тиарой, **
И примъ, и здравъ, и молодъ сталъ.

И вѣсть на крыльяхъ полетѣла.
Украйна смутно зашумѣла:
«Онъ перешелъ, онъ измѣнилъ,
Къ ногамъ онъ Карлу положилъ
Бунчукъ покорный!» Пламя пы-

шетъ,

Встаетъ кровавая заря
Войны народной.

Кто опишетъ

*) Обрядъ елеосвященія. — **) Здѣсь поэтъ намекаетъ на папу Сикста, который, будучи кардиналомъ, притворялся слабымъ и хворымъ.

²⁶ Сильныя мѣры, принятыя Петромъ съ обыкновенной его быстротою и энергіей, удержали Украину въ повиновеніи. «1708 г. ноября 7-го числа, по указу государеву, казаки, по обычаю своему, вольными голосами выбрали въ гетманы полковника стародубскаго Ив. Скоропадскаго. — 8-го числа приѣхали въ Глуховъ кievскій, черниговскій и переяславскій архіепископы. — А 9-го дня передали клѣтъ Мазепу оныя архіереи публично: того же дня и персону (куклу) онаго измѣнника Мазепы вынесли, и сіявъ кавалерію (которая на ту персону была надѣта съ бантоизъ), онуу персону бросили въ палачевскіи руки, которую палачъ, взявъ и прицѣпъ за веревку, тащилъ по улицѣ и по площади даже до висѣлицы, и потомъ повѣсиди. — Въ Глуховѣ же, 10-го дня, казнили Чечеля и прочихъ измѣнниковъ....» (Журналъ Петра Великаго). — ²⁷ Малороссійское слово. По-русски палачъ. — ²⁸ Чечель отчаянно защищалъ Батуринъ противъ войскъ кн. Меншикова.

Что дѣлать! далъ я промахъ важ-
ный:

Ошибся въ этомъ Карлъ я.
Онъ мальчикъ бойкій и отважный;
Два, три сраженья разыграть,
Конечно, можетъ онъ съ успѣхомъ,²⁹
Къ врагу на ужинъ прпскакать,²⁹
Отвѣтствовать на бомбу смѣхомъ;³⁰
Не хуже русскаго стрѣлка
Прокрасться въ ночь ко вражью
стану,

Свалить, какъ нынче, казака
И обмѣнять на рану рану:³¹
Но не ему вести борьбу
Съ самодержавнымъ великаномъ.
Какъ полкъ, вертѣтся онъ судьбу
Принудить хочетъ барабаномъ;
Онъ слѣпъ, упрямъ, нетерпѣливъ
И легкомысленъ, и кичливъ,
Богъиѣсть, какому счастью вѣрить:
Онъ силы новыя врага
Успѣхомъ проплывъ только мѣ-
рить —

Сломить ему свои рога!
Стыжусь: воинственнымъ бродягой
Увлекся я на старость лѣтъ;
Былъ ослѣпленъ его отвагой
И бѣглымъ счастьемъ побѣдъ,
Какъ дѣва робкая.»

орликъ.

Сраженія

Дождемся. Время не ушло

Съ Петромъ опять войти въ сно-
шенія:

Еще поправить можно зло.
Разбитый нами, нѣтъ сомнѣнья,
Царь не отвергнетъ примиренья.

МАЗЕПА.

«Нѣтъ, поздно. Русскому царю
Со мной мириться невозможно.
Давно рѣшилась непреложно
Моя судьба. Давно горю
Стѣсненной злобой. Подъ Азовомъ
Однажды я съ царемъ суровымъ
Во ставкѣ ночью пировалъ:
Полны виномъ кипѣли чаши,
Кипѣли съ ними рѣчи наши.
Я слово смѣлое сказалъ,
Смутились гости молодые —
Царь, вспыхнувъ, чашу уронилъ
И за усы мои сѣдые
Меня съ угрозой ухватилъ.
Тогда, смирясь въ безсильномъ
гнѣвѣ,

Отмстить себѣ я клятву далъ;
Носилъ ее — какъ мать во чревѣ
Младенца носить. Срокъ насталъ.
Такъ, обо мнѣ воспоминанье
Хранить онъ будетъ до конца.
Петру я посланъ въ наказанье:
Я тернъ въ листьяхъ его вѣнца.
Онъ далъ бы грады родовые
И жизни лучшіе часы,
Чтобъ снова, какъ во дни былые,

²⁹ Въ Дрезденѣ къ королю Августу. Смотр. Voltaire Hist. de Charles XII. —

³⁰ Ахъ, В. В.! бомба!... — «Что есть общаго между бомбою и письмомъ, которое тебѣ диктую? ниши.» Это случилось гораздо послѣ. — ³¹ Ночью Карлъ, самъ осматривая нашъ лагерь, наѣхалъ на казаковъ, сидѣвшихъ у огня. Онъ поскакалъ прямо къ нимъ и одного изъ нихъ застрѣлилъ изъ собственныхъ рукъ. Казаки дали по нему три выстрѣла и жестоко ранили его въ ногу.

Держать Мазепу за усы.
Но есть еще для нас надежды...
Кому бѣжать, рѣшить заря.»

Умолкъ и закрываетъ вѣжды
Измѣнникъ русскаго царя.

Горить востокъ зарею новой.
Ужъ на равнинѣ, по холмамъ
Грохочуть пушки. Дымъ багровый
Кругами всходитъ къ небесамъ
Навстрѣчу утреннимъ лучамъ.
Полки ряды свои сомкнули.
Въ кустахъ рассыпались стрѣлки.
Катятся ядра, свистятъ пули;
Нависли хладныя штyki.
Сыны любимые побѣды,
Сквозь огонь окоповъ рвутся шведы;
Волнуясь, конница летитъ;
Пѣхота движется за нею,
И тяжелой твердостью своею
Ея стремленія крѣпятъ.
И битвы поле роковое
Гремитъ, пылаетъ здѣсь и тамъ;
Но явно счастье боевое
Служить ужъ начинается намъ.
Пальбой отбитыя дружины,
Мѣшаясь, падаютъ во прахъ.
Уходитъ Розень сквозь тѣснины;
Сдается пылкій Шлиппенбахъ.*)
Тѣснимъ мы шведовъ рать заратью;
Темнѣетъ слава ихъ знаменъ,
И Бога браней благодатью
Нашъ каждый шагъ запечатлѣтъ.

Тогда-то свыше вдохновенный

Раздался звучный гласъ Петра:
«За дѣло, съ Богомъ!» Изъ патра,
Толпой любимцевъ окруженный.
Выходить Петръ. Его глаза
Сияютъ. Ликъ его ужасенъ.
Движенія быстры. Онъ прекра-
сенъ,
Онъ весь, какъ Божія гроза.
Идетъ. Ему коня подводятъ.
Ретивъ и смиренъ вѣрный конь.
Почуя роковой огонь,
Дрожитъ, глазами косо водитъ,
И мчится въ прахъ боевомъ,
Гордясь могучимъ сѣдокомъ.

Ужъ близокъ полдень. Жаръ
пылаетъ.
Какъ пахарь, битва отдыхаетъ.
Кой-гдѣ гарцуютъ казаки.
Равняясь, строятся полки.
Молчитъ музыка боевая.
На холмахъ пушки, присмирѣвъ,
Прервали свой голодный ревъ.
И се — равнину оглашая,
Далече грянуло ура:
Полки увидѣли Петра.

И онъ промчался предъ полками,
Могущъ и радостенъ, какъ бой.
Онъ поле пожиралъ очами.
За нимъ вослѣдъ неслись толпой
Сип птенцы гнѣзда Петрова —
Въ премѣнахъ жребія земнаго,
Въ трудахъ державства и войны
Его товарищи, сыны:
И Шереметевъ благородный,

*) Шведскіе полководцы.

И Брюсъ, и Боуръ, и Рѣпиннъ,
И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелинъ.

Громъ пушекъ, топотъ, ржанье,
стонъ,
И смерть и адъ со всѣхъ сторонъ.

И передъ синими рядами
Своихъ воинственныхъ дружинъ,
Несомый вѣрными слугами,
Въ качалкѣ, блѣдень, недвижимъ,
Страдая раной, Карлъ явился.
Вожди героя шли за нимъ.
Онъ въ думу тихо погрузился;
Смущенный взоръ изобразилъ
Необычайное волненье.
Казалось, Карла приводилъ
Желанный бой въ недоумѣнье....
Вдругъ слабымъ маніемъ руки
На русскихъ двинулъ онъ полки.

И съ ними царскія дружины
Сошлись въ дыму среди равнины—
И грянулъ бой, полтавскій бой!
Въ огнѣ, подъ градомъ раскален-
нымъ,
Стѣной живую отраженнымъ,
Надъ падшимъ строемъ свѣжій
строй
Штыки смыкаетъ. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся съ плеча.
Бросая груды тѣлъ на груды,
Шары чугунные повсюду
Межъ ними прыгаютъ, разятъ,
Прахъ роютъ и въ крови шипятъ.
Шведъ, русскій—колетъ, рубить,
рѣжегъ,
Бой барабанный, клики, скрежетъ,

Среди тревоги и волненья,
На битву взоромъ вдохновенъ
Вожди спокойные глядятъ,
Движенья ратныя слѣдятъ,
Предвидя гибель и побѣду,
И въ тишинѣ ведутъ бесѣду.
Но близъ московскаго царя
Кто воинъ сей подъ сѣдинами?
Двумя поддержанъ казаками,
Сердечной ревностью горя,
Онъ окомъ опытнымъ героя
Взираетъ на волненье боя.
Ужъ на коня не вскочитъ опъ,
Одрахъ, въ изгнаньѣ сиротѣ,
И казаки на кличъ Палѣя
Не налетятъ со всѣхъ сторонъ!
Но что жъ его сверкнули очи,
И гнѣвомъ, будто мглою ночи,
Покрылось старое чело?
Что возмутить его могло?
Иль онъ сквозь бранный дымъ
увидѣлъ

Врага Мазепу, и въ сей мигъ
Свои лѣта возненавидѣлъ
Обезоруженный старикъ?

Мазепа, въ думу погруженный,
Взиралъ на битву, окруженный
Толпой мятежныхъ казаковъ,
Родныхъ, старшинъ и сердюковъ.
Вдругъ выстрѣлъ. Старецъ обра-
тился.
У Войнаровскаго *) въ рукахъ

*) Войнаровский — родной сынъ сестры Мазепы.

Мушкетный стволъ еще дымился.
Сраженный въ нѣсколькихъ ша-
гахъ,

Младой казакъ въ крови валялся;
А конь, весь въ пѣнѣ и пыли,
Почуя волю, дико мчался,
Скрывался въ огненной дали.
Казакъ на гетмана стремился
Сквозь битву съ саблею въ ру-
кахъ,

Съ безумной яростью въ очахъ.
Старикъ, подѣхавъ, обратился
Къ нему съ вопросомъ. Но казакъ
Ужъ умиралъ. Потухшій зракъ
Еще грозилъ врагу Россіи;
Быль мраченъ помертвѣлый ликъ,
И ими нѣжное Маріи
Чуть лепеталъ еще языкъ.
Но близь, близь мигъ побѣды.
Ура! мы ломимъ; гнутся шведы.
О славный часъ! о славный видъ!
Еще напоръ — и врагъ бѣжитъ;³²
И слѣдомъ конница пустилась,
Убійствомъ тупятся мечи,
И падшими вся степь покрылась,
Какъ роємъ черной саранчи.

Пируетъ Петръ. И гордъ, п
ясень,
И славы полонъ взоръ его.
И царскій пиръ его прекрасенъ.
При кликахъ войска своего,
Въ шатрѣ своемъ онъ угощаетъ
Своихъ вождей, вождей чужихъ,
И славныхъ плѣнниковъ ласкаетъ,
И за учителей своихъ
Заздравный кубокъ поднимаетъ.

Но гдѣ же первый, званный
гость?
Гдѣ первый грозный нашъ
учитель,
Чью долговременную злость
Смирилъ полтавскій побѣдитель?
И гдѣ жъ Мазепа? гдѣ злодѣй?
Куда бѣжалъ Іуда въ страхъ?
Зачѣмъ король не межъ гостей?
Зачѣмъ измѣнникъ не на плахѣ?³³

Верхомъ, въ глуши степей
нагихъ,
Король и гетманъ мчатся оба.
Бѣгутъ. Судьба связала ихъ.

³² Благодаря прекраснымъ распоряженіямъ и дѣйствіямъ кн. Меншикова, участь
главнаго сраженія была рѣшена заранѣе. Дѣло не продолжалось и двухъ часовъ.
«Ибо (сказано въ Журн. Петра Вел.) непобѣдимые господа шведы скоро хребетъ
свой показали, и отъ нашихъ войскъ вся непріятельская армія весьма опрокинута».
Петръ впоследствии многое прощалъ Данилычу за услуги, оказанныя въ сей день
генераламъ кн. Меншиковымъ. — ³³ L'Empereur Moscovite pénétré d'une joie qu'il
ne se mettait pas en peine de dissimuler (было о чемъ и радоваться) recevait sur
le champ de bataille les prisonniers qu'on lui amenait en foule et demandait à tout
moment: où est donc mon frère Charles?.... Alors prenant un verre de vin: à la
santé, dit-il, de mes maîtres dans l'art de la guerre! — Renschild lui demanda: qui
étaient ceux qu'il honorait d'un si beau titre. Vous, Messieurs, les généraux suédois,
reprit le Czar. Votre Majesté est donc bien ingrate, reprit le comte, d'avoir tant
maltraité ses maîtres. II.

Опасность близкая и злоба
 Даруютъ силу королю.
 Онъ рану тяжкую свою
 Забылъ. Поникнувъ головою,
 Онъ скачетъ, русскими гонимъ;
 И слуги вѣрные толпою
 Чуть могутъ слѣдовать за нимъ.

Обозрѣвая зоркимъ взглядомъ
 Степей широкій полукругъ,
 Съ нимъ старій гетманъ скачетъ
 рядомъ.

Предъ нимъ хуторъ... Что же вдругъ
 Мазепа будто испугался?
 Что мимо хутора помчался
 Онъ стороной во весь опоръ?
 Иль этотъ запустѣлый дворъ,
 И домъ, и садъ уединенный,
 И въ поле отпертая дверь
 Какойнибудь рассказъ забвенный
 Ему напомнили теперь?
 Святой невинности губитель!
 Узналъ ли ты сію обитель,
 Сей домъ, веселый прежде домъ,
 Гдѣ ты, виномъ разгоряченный,
 Семейей счастливой окруженный,
 Шутилъ, бывало, за столомъ?
 Узналъ ли ты пріютъ укромный,
 Гдѣ мирный ангелъ обиталъ,
 И садъ, откуда ночью темной
 Ты вывелъ въ степь?... Узналъ,
 узналъ!

Ночныя тѣни степь объемлютъ.
 На брегѣ синяго Днѣпра,
 Между скалами чутко дремлютъ
 Враги Россіи и Петра.
 Ищадятъ мечты покой героя,

Уронъ Полтавы онъ забылъ.
 Но сонъ Мазепы смутенъ былъ.
 Въ немъ мрачный духъ не звалъ
 покоя.
 И вдругъ въ безмолвіи ночномъ
 Его зовутъ... Онъ пробудился,
 Глядитъ: надъ нимъ, грозя
 перстомъ,

Тихонько кто-то наклонился.
 Онъ вздрогнулъ, какъ подъ
 топоромъ....

Предъ нимъ съ развитыми власами,
 Сверкая впалями глазами,
 Вся въ рубищѣ, худа, блѣдна,
 Стоитъ, лунной освѣщена....
 «Иль это сонъ?.. Марія... ты ли?»

МАРІЯ.

«Ахъ, тише, тише, другъ!...
 Сейчасъ

Отецъ и мать глаза закрыли....
 Постой.... услышать могутъ насъ.»

МАЗЕПА.

Марія, бѣдная Марія!
 Опомнись! Боже!... Что съ тобой?

МАРІЯ.

«Послушай, хитрости какія!
 Что за рассказъ у нихъ смѣшной?
 Она за тайну мнѣ сказала,
 Что умеръ бѣдный мой отецъ,
 И мнѣ тихонько показала
 Сѣдую голову — Творецъ!
 Куда бѣжать намъ отъ злорѣчья?
 Подумай: эта голова
 Была совсѣмъ не человѣчья,
 А волчья — видишь, какова!



Чѣмъ обмануть меня хотѣла!
 Не стыдно ль ей меня терзать?
 И для чего? Чтобъ я не смѣла
 Съ тобой сегодня убѣжать!
 Возможно ль?»

Съ горестью глубокой
 Любownikъ ей внималъ жестокий.
 Но вихрю мыслей предана,
 «Однако жъ, говоритъ она,
 Я помню поле... праздникъ
 шумный....

И чернь.... и мертвыя тѣла....
 На праздникъ мать меня вела....
 Но гдѣ жъ ты былъ?... Съ тобою
 поздно

Зачѣмъ въ ночи скитаюсь я?
 Пойдемъ домой. Скорѣе.... ужъ
 поздно...

Ахъ, вижу, голова моя
 Полна волненія пустаго:
 Я принимала за другаго
 Тебя, старикъ. Оставь меня!
 Твой взоръ насмѣшливъ и ужа-
 сень.

Ты безобразенъ. Онъ прекрасенъ:
 Въ его глазахъ блеститъ любовь,
 Въ его рѣчахъ такаа нѣга!
 Его усы бѣлѣе снѣга,
 А на твоихъ засохла кровь.»

И съ дикимъ смѣхомъ завизжала,
 И легче серны молодой
 Она вспрыгнула, побѣжала,
 И скрылась въ темнотѣ ночной.

Рѣдѣла тѣнь. Востокъ алѣлъ.
 Огонь казачій пламенѣлъ;
 И пшеницу казаки варпли;

Драбанты у берега Днѣпра
 Коней разсѣданныхъ поили.
 Проснулся Карлъ. «Ого! пора!
 Вставай, Мазепа! Разсвѣтаетъ.»
 Но гетманъ ужъ не спитъ давно.
 Тоска, тоска его снѣдаетъ:
 Въ груди дыханье стѣснено.
 И молча онъ коня сѣдлаетъ,
 И скачетъ съ бѣглымъ королемъ,
 И страшно взоръ его сверкаетъ,
 Съ роднымъ прощаясь рубежомъ.

Прошло сто лѣтъ — и что жъ
 осталосъ

Отъ сильныхъ, гордыхъ сихъ мужей,
 Столь полныхъ волею страстей?
 Ихъ поколѣвье миновалось —
 И съ нимъ исчезъ кровавый слѣдъ,
 Успѣй, бѣдствій и побѣдъ.
 Въ гражданствѣ сѣверной державы,
 Въ ея воинственной судьбѣ,
 Лишь ты воздвигъ, герой Полтавы,
 Огромный памятникъ себѣ.
 Въ странѣ — гдѣ мельницъ рядъ
 крылатый

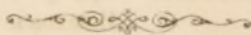
Оградой мирной обступилъ
 Бендеръ пустынные раскаты,
 Гдѣ бродятъ буйволы рогаты
 Вокругъ воинственныхъ могилъ —
 Останки разореной сѣни,
 Три углубленные въ землѣ
 И мхомъ поросшія ступени
 Гласятъ о шведскомъ королѣ.
 Съ нихъ отражалъ герой безумный,
 Одинъ, въ толпѣ домашнихъ слугъ,
 Турецкой рати приступъ шумный,
 И бросилъ шпагу подъ бунчукъ.
 И тщетно тамъ пришлецъ унылый

Искалъ бы гетманской могилы:	Дубовъ, друзьями насажденныхъ;
Забытъ Мазепа съ давиныхъ поръ;	Они о праотцахъ казенныхъ
Лишь въ торжествующей святынѣ	Донынѣ внукамъ говорить.
Разъ въ годъ анаемой донинѣ.	Но дочь-преступница.... преданья
Грозя, гремитъ о немъ соборъ.	Объ ней молчатъ. Ея страданья,
Но сохранилася могила,	Ея судьба, ея конецъ
Гдѣ двухъ страдальцевъ прахъ	Непроницаемою тьмою
почилъ:	Отъ насъ закрыты. Лишь порою
Межъ древнихъ праведныхъ мо-	Слѣпой украинскій пѣвецъ,
гиль	Когда въ селѣ передъ народомъ
Ихъ мирно церковь пріютила. ³¹	Онъ пѣсни гетмана бренчить,
Цвѣтеть въ Диканькѣ древній	О грѣшной дѣвѣ мимоходомъ
рядъ	Казачкамъ юнымъ говоритъ.

³¹ Обезглавленные тѣла Искры и Кочубея были отданы родственникамъ и похоронены въ Кіевской лаврѣ; надъ ихъ гробомъ высѣчена слѣдующая надпись:

«Кто еси мимо грядый о насъ невѣдущій,
 Елицы здѣ естесмо положены сущи,
 Понеже намъ страсть и смерть повелѣ молчати,
 Сей камень возопіетъ о насъ ти вѣдати,
 И за правду и вѣрность къ Монарстѣ нашу,
 Страданія и смерти истинною чашу,
 Злуданьемъ Мазепы, всевѣчно правы,
 Посѣченны заставше топоромъ во главы;
 Почиваемъ въ семъ мѣстѣ Матери Владимѣнѣ,
 Подающія всѣмъ своимъ рабамъ животъ вѣчный.

Року 1708, мѣсяца іюля 15 дня, посѣчены средѣ обозу войскового, за Вѣлою Церковью на Борщаговцѣ и Кошчевомъ, благородный Василій Кочубей, судія генеральный; Іоаннъ Искра, полковникъ полтавскій. Привезены же тѣла ихъ іюля 17 въ Кіевъ и того жъ дня въ обители святой Печерской на семъ мѣстѣ погребены. П.



2. Евгений Онѣгинъ.

РОМАНЪ ВЪ СТИХАХЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

И жить торопится, и чувствовать спѣшитъ.

К. Вяземскій.

I.

«Мой дядя самыхъ честныхъ
правиль,
Когда не въ шутку занемогъ,
Онъ уважать себя заставилъ,
И лучше выдумать не могъ:
Его примѣръ другимъ наука;
Но, Боже мой, какая скука
Съ больнымъ сидѣть и день, и
ночь,
Не отходя ни шагу прочь!
Какое низкое коварство
Полуживаго забавлять,
Ему подушки поправлять,
Печально подносить лѣкарство,
Вздыхать и думать про себя:
Когда же чортъ возьметъ тебя!»

II.

Такъ думалъ молодой повѣса,
Летя въ пыли на почтовыхъ,
Всевышней волею Зевеса
Наслѣдникъ всѣхъ своихъ род-
ныхъ. —
Друзья Людмилы и Руслана!
Съ героемъ моего романа,
Безъ предисловій сей же часъ
Позвольте познакомить васъ:

Онѣгинъ, добрый мой пріятель,
Родился на берегахъ Невы,
Гдѣ, можетъ быть, родились вы,
Или блистали, мой читатель!
Тамъ нѣкогда гулялъ и я:
Но вреденъ сѣверъ для меня.¹

III.

Служивъ отлично, благородно,
Долгами жилъ его отецъ;
Давалъ три бала ежегодно,
И промотался наконецъ.
Судьба Евгения хранила:
Сперва madame за нимъ ходила,
Потомъ monsieur ее смѣнилъ.
Ребенокъ былъ рѣзовъ, но милъ.
Monsieur l'Abbé французъ убогій,
Чтобъ не измучилось дитя,
Училъ его всему шутя;
Не докучалъ моралью строгой;
Слегка за шалости бранилъ
И въ лѣтній садъ гулять водилъ.

IV.

Когда же юности мятежной
Пришла Евгению пора,
Пора надеждъ и грусти нѣжной,
Monsieur прогнали со двора.

¹ Писано въ Бессарабіи.



Вотъ мой Онѣгинъ на свободѣ;
 Остриженъ по послѣдней модѣ;
 Какъ dandy лондонскій, одѣтъ: *
 И наконецъ увидѣлъ свѣтъ.
 Онъ по-французски совершенно
 Могъ пзъясняться и писалъ;
 Легко мазурку танцовалъ,
 И кланялся непринужденно:
 Чего жъ вамъ больше? Свѣтъ рѣ-
 шилъ,
 Что онъ уменъ и очень милъ.

V.

Мы всѣ учились понемногу,
 Чему нибудь и какъ нибудь,
 Такъ воспитаньемъ, слава Богу,
 У насъ немудрено блеснуть.
 Онѣгинъ былъ, по мнѣнью многихъ
 (Судей рѣшительныхъ и строгихъ),
 Ученый малый, по педантъ.
 Имѣлъ онъ счастливый талантъ
 Безъ принужденія въ разговорѣ
 Коснуться до всего слегка;
 Съ ученымъ видомъ знатока
 Хранить молчанье въ важномъ
 спорѣ,
 И возбуждать улыбку дамъ
 Огнемъ неожиданныхъ эпиграммъ.

VI.

Латынь изъ моды вышла вынѣ:
 Такъ, если правду вамъ сказать,
 Онъ зналъ довольно по-латыни,
 Чтобъ эпиграфы разбирать,
 Потолковать объ Ювеналѣ,

Въ концѣ письма поставить vale,
 Да помнилъ, хоть не безъ грѣха,
 Изъ Энеиды два стиха.
 Онъ рыться не имѣлъ охоты
 Въ хронологической пыли
 Бытописанія земли;
 Но дней минувшихъ анекдоты,
 Отъ Ромула до нашихъ дней,
 Хранилъ онъ въ памяти своей.

VII.

Высокой страсти не имѣя
 Для звуковъ жизни не щадить,
 Не могъ онъ ямба отъ хорея,
 Какъ мы ни бился, отличить.
 Бранилъ Гомера, Теокрита;
 За то читалъ Адама Смита, **)
 И былъ глубокой эконоомъ,
 То есть, умѣлъ судить о томъ,
 Какъ государство богатѣть,
 И чѣмъ живетъ, и почему
 Не нужно золота ему,
 Когда простой продуктъ имѣть.
 Отецъ повясть его не могъ,
 И земли отдавалъ въ залогъ.

VIII.

Всего, что зналъ еще Евгеній,
 Пересказать мнѣ недосугъ;
 Но въ чемъ онъ истинный былъ
 геній,
 Что зналъ онъ тверже всѣхъ наукъ,
 Что было для него измлада
 И трудъ, и мука, и отрада,
 Что занимало цѣлый день
 Его тоскующую лѣнь —

* Dandy — франтъ. — **) Знаменитый политико-экономъ; родился въ Шотландіи 23 г. умеръ въ 1790 г.



Была наука страсти пѣжной,
 Которую воспѣлъ Назонъ,
 За что страдальцемъ кончилъ онъ
 Свой вѣкъ блестящій и мятежный
 Въ Молдавіи, въ глуши степей,
 Вдали Италіи своей.²

IX.

.....

X.

Какъ рано могъ онъ лицемѣрить,
 Таить надежду, ревновать,
 Разувѣрять, заставить вѣрять,
 Казаться мрачнымъ, изнывать,
 Являться гордымъ и послушнымъ,
 Внимательнымъ, или равнодуш-
 нымъ!

Какъ томно былъ онъ молчаливъ,
 Какъ пламенно краснорѣчивъ,
 Въ сердечныхъ письмахъ какъ
 небреженъ!

Однимъ дыша, одно любя,
 Какъ онъ умѣлъ забыть себя!
 Какъ взоръ его былъ быстръ и
 пѣженъ,

Стыдливъ и дерзокъ, а порой
 Блесталъ послушною слезой!

XI.

Какъ онъ умѣлъ казаться по-
 вымъ,

Шутя невинность изумлять,
 Пугать отчаяньемъ готовымъ,
 Пріятной лестью забавлять,
 Ловить минуту умиленія,
 Невинныхъ лѣтъ предубѣжденія
 Умомъ и страстью побѣждать,
 Невольной ласки ожидать,
 Молить и требовать признанія,
 Подслушать сердца первый звукъ,
 Преслѣдовать любовь — и вдругъ
 Добиться тайнаго свиданія,
 И послѣ ей наединѣ
 Давать уроки въ тишинѣ!

XII.

Какъ рано могъ ужъ онъ трево-
 жить

Сердца кокетокъ записныхъ!
 Когда жъ хотѣлось уничтожить
 Ему соперниковъ своихъ,
 Какъ онъ язвительно злословилъ,
 Какія сѣти имъ готовилъ!
 Но вы, блаженные мужья,
 Съ нимъ оставались вы друзья:
 Его ласкалъ супругъ лукавый,

² Мнѣніе, будто бы Овидій былъ сосланъ въ нынѣшній Аккерманъ, ни на чемъ не основано. Въ своихъ элегіяхъ: *Ex ponto*, онъ ясно означаетъ мѣсто пребыванія городъ Томы, при самомъ устьѣ Дунаи. Столько же несправедливо и мнѣніе Вольтера, полагающаго причиной его изгнанія тайную благосклонность Юліи, дочери Августа. Овидію было тогда около пятидесяти лѣтъ, а развратная Юлія десять лѣтъ тому прежде была сама изгнана ревнивымъ своимъ родителемъ. Прочія догадки ученыхъ не что иное, какъ догадки. Поэтъ сдержалъ свое слово и тайна его съ нимъ умерла: *«Alterius facti culpa silenda mihi»*. — (Примѣчаніе 1-го изданія).

Фобляса *) давній ученикъ,
И недовѣрчивый старикъ,
И рогоносецъ величавый,
Всегда довольный самъ собой,
Своимъ обѣдомъ и женой.

XIII. XIV.

XV.

Бывало, онъ еще въ постелѣ:
Къ нему записочки несутъ.

Что? Приглашенья? Въ самомъ
дѣлѣ,

Три дома на вечеръ зовутъ:
Тамъ будетъ балъ, тамъ дѣтскій
праздникъ.

Куда жъ поскачетъ мой проказ-
никъ?

Съ кого начнетъ онъ? Все равно —
Вездѣ посиѣтъ немудрено.

Покажѣсть, въ утреннемъ уборѣ,
Надѣвъ широкій боляваръ,³
Онѣгинъ ѣдетъ на бульваръ,
И тамъ гуляетъ на просторѣ,
Пока не дремлющій брегетъ **) —
Не прозвонитъ ему обѣдъ.

XVI.

Ужъ темно: въ санки онъ са-
дится;

«Поди! поди!» раздался крикъ;
Морозной пылью серебрится
Его бобровый воротникъ.

Къ Talon⁴ помчался: онъ увѣренъ,
Что тамъ ужъ ждетъ его Каверинъ;
Вошелъ — и пробка въ потолокъ,
Вина кометы брызнуль токъ,
Предъ нимъ roast-beef окровав-
ленный,

И трюфли — роскошь юныхъ лѣтъ,
Французской кухни лучший цвѣтъ,
И Страсбурга пирогъ нетлѣнный
Межъ сыромъ лимбургскимъ жи-
вымъ

И ананасомъ золотымъ.

XVII.

Еще бокаловъ жажда проситъ
Залить горячій жиръ котлетъ;
Но звонъ брегета имъ доносить,
Что новый начался балетъ.
Театра злой законодатель,
Непостоянный обожатель
Очаровательныхъ актрисъ,
Почетный гражданинъ кулисъ,
Онѣгинъ полетѣлъ къ театру,
Гдѣ каждый, критикой дыша,
Готовъ охлонать entrecôt,
Обшикать Федру, Клеопатру,
Моину вызвать для того,
Чтобъ только слышали его.

XVIII.

Волшебный край! Тамъ въ стары
годы,

Сатиры смѣлой властелинъ,
Блисталь Фонвизинъ, другъ сво-
боды,

*) Фоблясъ — герой романа, написаннаго въ началѣ 19 стол. французскимъ писа-
телемъ Луве де-Кувре. — ³ Шляпа à la Bolivar. — **) Издѣліе знаменитаго часо-
ваго мастера Брегета, который роился въ 1747 г. въ Непшталѣ. — ⁴ Извѣстный
рестораторъ.

И персимчивый Княжнинъ;
 Тамъ Озеровъ невольны дани
 Народныхъ слезъ, рукоплесканій
 Съ молодой Семеновой дѣлилъ;
 Тамъ нашъ Катенинъ воскресилъ
 Корнеля геній величавый;
 Тамъ вывелъ колкій Шаховской
 Своихъ комедій шумный рой;
 Тамъ и Дидло вѣнчался славой;
 Тамъ, тамъ, подъ сѣнію кулисъ,
 Младые дни мои неслись.

XIX.

Мои богини! Что вы? Гдѣ вы?
 Внемлите мой печальный гласъ:
 Все тѣ же ль вы? Другія ль дѣвы,
 Смѣнявъ, не замѣнили васъ?
 Услышу ль вновь я ваши хоры?
 Узрю ли русской Терпсихоры*)
 Душой исполненный полетъ?
 Иль взоръ унылый не найдетъ
 Знакомыхъ лицъ на сценѣ скучной,
 И, устремивъ на чудный свѣтъ
 Разочарованный лорнетъ,
 Веселья зритель равнодушный,
 Безмолвно буду я зѣвать
 И о быломъ воспоминать?

XX.

Театръ ужъ полонъ; ложи блещутъ;
 Партеръ и кресла все кипитъ;

Въ райкѣ нетерпѣливо плещутъ,
 И, взвизвись, занавѣсъ шумитъ.
 Блистательна, полувоздушна,
 Смычку волшебному послушна,
 Толпою нимфъ окружена,
 Стоитъ Истомина; она,
 Одной ногой касаясь пола,
 Другою медленно кружить,
 И вдругъ прыжокъ, и вдругъ летитъ,
 Летитъ, какъ пухъ отъ устъ Эола
 То станъ советъ, то разовѣтъ,
 И быстрою ножкой ножку бьетъ.

XXI.

Все хлопаетъ. Онѣгинъ входитъ:
 Идетъ межъ креселъ по ногамъ,
 Двойной лорнетъ, скосясь, наводитъ
 На ложи незнакомыхъ дамъ;
 Всѣ ярусы окинулъ взоромъ,
 Все видѣлъ: лицами, уборомъ,
 Ужасно недоволенъ онъ;
 Съ мужчинами со всѣхъ сторонъ
 Раскланялся, потомъ на сцену
 Въ большомъ разсѣяньи взглянулъ,
 Отворотился и зѣвнулъ,
 И молвилъ: «всѣхъ пора на смѣну;
 Балеты долго я терпѣлъ,
 Но и Дидло мнѣ надоѣлъ».⁵

*) Терпсихора-одна изъ 9 музъ, покровительница танцевъ, хорового пѣнія. —
 5 Черта охлажденного чувства, достойная Чальдь-Гарольда. Балеты г. Дидло исполнены живости воображенія и прелести необыкновенной. Одинъ изъ нашихъ романтическихъ писателей находилъ въ нихъ гораздо болѣе поэзіи, нежели во всей французской литературѣ.

XXII.

Еще амурь, черти, змѣи
 На сценѣ скачутъ и шумятъ;
 Еще усталые лакеи
 На шубахъ у подъѣзда спятъ;
 Еще не перестали топтать,
 Сморгаться, кашлять, шикать,
 хлопать;

Еще снаружи и внутри
 Вездѣ блистаютъ фонари;
 Еще, прозябнувъ, бьются кони,
 Наскуча упряжью своей,
 И кучера вкружатъ огней
 Бранятъ господъ и бьютъ въ ла-
 дони;
 А ужъ Онѣгинъ вышелъ вонъ:
 Домой одѣться ѣдетъ онъ.

XXIII.

Изображу ль въ картинѣ вѣр-
 ной
 Уединенный кабинетъ,
 Гдѣ модъ воспитанникъ примѣр-
 ный
 Одѣтъ, раздѣтъ и вновь одѣтъ?
 Все, чѣмъ для прихоти обильной
 Торгуетъ Лондонъ щепетильный
 И по балтическихъ волнамъ
 За лѣсъ и сало возить намъ;

Все, что въ Парижѣ вкусомъ голод-
 ный,
 Полезный промыселъ избравъ,
 Изобрѣтаетъ для забавъ,
 Для роскоши, для нѣги модной —
 Все украшало кабинетъ
 Философа въ осмнадцать лѣтъ.

XXIV.

Янтарь на трубкахъ Цареграда,
 Фарфоръ и бронза на столѣ,
 И, чувствъ изнѣженныхъ отрада,
 Духи въ графеномъ хрусталѣ;
 Гребенки, пилочки стальные,
 Прямые ножницы, кривые,
 И щетки тридцати родовъ —
 И для ногтей, и для зубовъ.
 Руссо (замѣчу мимоходомъ)
 Не могъ понять, какъ важный
 Гриммъ
 Смѣлъ чистить ногти передъ нимъ,
 Краснорѣчивымъ сумасбродомъ:⁶
 Защитникъ вольности и правъ
 Въ семь случаѣ совсѣмъ не правъ.

XXV.

Быть можно дѣльнымъ человѣ-
 комъ
 И думать о красѣ ногтей:

⁶ Tout le monde sut qu'il mettait du blanc; et moi, qui n'en croyais rien, je commençai de le croire, non seulement par l'embellissement de son teint et pour avoir trouvé des tasses de blanc sur sa toilette, mais sur ce qu'entrant un matin dans sa chambre, je le trouvais brossant ses ongles avec une petite vergette faite exprès, ouvrage qu'il continua fièrement devant moi. Je jugeai qu'un homme qui passe deux heures tous les matins à brosser ses ongles, peut bien passer quelques instants à remplir de blanc les creux de sa peau [Confessions de J. J. Rousseau].— Гримм опередилъ свой вѣкъ: нынѣ во всей просвѣщенной Европѣ чистятъ ногти особенною щеточкой.

Къ чему безплодно спорить съ
вѣкомъ?

Обычай деспотъ межъ людей.
Второй Каверинъ, мой Евгений,
Боясь ревнивыхъ осужденій,
Въ своей одеждѣ былъ педантъ
И то, что мы назвали франтъ.
Онъ три часа, по крайней мѣрѣ,
Предъ зеркалами проводилъ,
И изъ уборной выходилъ,
Подобный вѣтренной Венерѣ,
Когда, надѣвъ мужской нарядъ,
Богиня ѣдетъ въ маскарадъ.

XXVI.

Въ послѣднемъ вкусѣ туалетомъ
Занявъ вашъ любопытный взглядъ,
Я могъ бы предъ ученымъ свѣтомъ
Здѣсь описать его нарядъ;
Конечно бѣ это было смѣло,
Описывать мое же дѣло;
Но панталоны, фракъ, жилетъ,
Всѣхъ этихъ словъ на русскоиъ
нѣтъ.

А вижу я, винюсь предъ вами,
Что ужъ и такъ мой бѣдный слогъ
Пестрѣтъ гораздо меньше бѣ могъ
Иноплеменными словами,
Хоть и заглядывалъ я встарь
Въ Академическій Словарь.⁷

XXVII.

У насъ теперь не то въ пред-
метѣ:

Мы лучше поспѣшимъ на балъ,
Куда стремглавъ въ ямской ка-
ретѣ

Ужъ мой Онѣгинъ поскакалъ.
Передъ померкшими домами,
Вдоль сонной улицы, рядами
Двойные фонари каретъ
Веселый изливають свѣтъ
И радуги на снѣгъ наводятъ;
Усѣянъ площадками кругомъ,
Блеститъ великолѣпный домъ;
По цѣльнымъ окнамъ тѣни хо-
дятъ,

Мелькають профили головъ
И дамъ, и модныхъ чудаковъ.

XXVIII.

Вотъ нашъ герой подъѣхалъ къ
сѣнямъ;
Швейцара мимо, онъ стрѣлой
Взлетѣлъ по мраморнымъ ступе-
нямъ,

Расправилъ волоса рукой,
Вошелъ. Полна народу зала;
Музыка ужъ гремятъ устала;
Толпа мазуркой занята;
Кругомъ и шумъ, и тѣснота;
Бренчатъ кавалергарда шпоры;
Летаютъ ножки милыхъ дамъ;
По ихъ плѣнительнымъ слѣдамъ
Летаютъ пламенные взоры,
И ревомъ скрипокъ заглушенъ
Ревнивый шепотъ модныхъ женъ.

⁷ Нельзя не пожалѣть, что наши писатели слишкомъ рѣдко справляются съ Словаремъ Россійской Академіи. Онъ останется вѣчнымъ памятникомъ попечительной воли Екатерины и просвѣщеннаго труда наслѣдниковъ Ломоносова, строгихъ и вѣрныхъ опекуновъ языка отечественнаго.— (Примѣчаніе I-го изданія).

XXIX.

Во дни веселій и желаній
 Я былъ отъ баловъ безъ ума:
 Вѣрнѣй нѣтъ мѣста для признаній
 И для врученія письма.
 О вы, почтенные супруги!
 Вамъ предложу свои услуги;
 Прошу мою замѣтить рѣчь:
 Я васъ хочу предостеречь.
 Вы также, маменьки, постройте
 За дочерью смотрите вслѣдъ,
 Держите прямо свой лорнетъ,
 Не то... не то, избави Боже!
 Я это потому пишу,
 Что ужъ давно я не грѣшу.

.

XXX.

Что жъ мой Онѣгинъ?

Полусонный,
 Въ постелю съ бала ѣдетъ онъ,
 А Петербургъ неугомонный
 Ужъ барабаномъ пробужденъ.
 Встаешь кунецъ, идетъ разнощикъ,
 На биржу тянется извозчикъ,
 Съ кувшиномъ охтенка* спѣшитъ,
 Подъней снѣгъ утренній хруститъ.
 Проснулся утра шумъ пріятный;
 Открыты ставни; трубный дымъ
 Столбомъ восходитъ голубымъ,
 И хлѣбникъ, нѣмецъ аккуратный,

Въ бумажномъ колапѣ, не разъ,
 Ужъ отворялъ свой васисдасъ.

XXXI.

Но, шумомъ бала утомленный
 И утро въ полночь обратя,
 Спокойно спитъ вѣтѣни блаженной
 Забавъ и роскоши дитя.
 Проснется заполдень, и снова
 До утра жизнь его готова,
 Однообразна и пестра,
 И завтра то же, что вчера.
 Но былъ ли счастливъ мой Евгений,
 Свободный, въ цвѣтъ лучшихъ
 лѣтъ,
 Среди блистательныхъ побѣдъ,
 Среди всеневныхъ наслаждений?
 Вотще ли былъ онъ средъ пировъ
 Неостороженъ и здоровъ?

XXXII.

Нѣтъ, рано чувства въ немъ
 остыли;
 Ему наскучилъ свѣта шумъ;
 Красавицы не долго были
 Предметъ его привычныхъ думъ;
 Измѣны утомить успѣли;
 Друзья и дружба подошли,
 Затѣмъ, что не всегда же могъ
 Beef-steaks и страсбургскій пи-
 рогъ
 Шампанской обливать бутылкой,
 И сыпать острые слова,
 Когда болѣла голова;

*) Охтенки — жены и дочери петербургскихъ мѣщанъ, живущихъ на правой сторо-
 нѣ Невы.

И хоть онъ былъ повѣса пылкій,
Но разлюбилъ онъ наконецъ
И брань, и саблю, и свинецъ.

XXXIII.

Недугъ, котораго причину
Давно бы отыскать пора,
Подобный англійскому сплину,
Короче — русская хандра
Имъ овладѣла понемногу;
Онъ застрѣлится, слава Богу,
Попробовать не захотѣлъ,
Но къ жизни вовсе охладѣлъ.
Какъ Child-Harold, угрюмый,
томный,
Въ гостинныхъ появлялся онъ;
Ни сплетни свѣта, ни бостонъ,
Ни милый взглядъ, ни вздохъ не-
скромный,
Ничто не трогало его,
Не замѣчалъ онъ ничего.

XXXIV. XXXV. XXXVI.

.

XXXVII.

Причудницы большого свѣта!
Всѣхъ прежде васъ оставилъ онъ.
И правда то, что въ наши лѣта
Довольно скученъ высшій тонъ,
Хоть, можетъ быть, иная дама
Толкуетъ Сей и Бентама;*
Но вообще ихъ разговоръ
Несносный, хоть невинный вздоръ.

Къ тому жъ онъ такъ непорочен,
Такъ величавъ, такъ уменъ,
Такъ благочестія полны,
Такъ осмотрительны, такъ точны,
Такъ неприступны для мужчинъ,
Что видъ ихъ ужъ рождаетъ
сплинъ.

XXXVIII.

И вы, красотки молодые,
Которыхъ позднею порой
Уносятъ дрожки удалыя
По петербургской мостовой,
И васъ покинулъ мой Евгенийъ.
Отступникъ бурныхъ наслаждений,
Овѣгивъ дома заперся,
Зѣвая за перо взялся,
Хотѣлъ писать, но трудъ упорный
Ему былъ тошенъ; ничего
Не вышло изъ пера его,
И не поналъ онъ въ цехъ зазорный
Людей, о коихъ не сужу
Затѣмъ, что къ нимъ принадлежу.

XXXIX.

И снова, преданный бездѣлю,
Томясь душевной пустотой,
Усѣлся онъ съ похвальной цѣлю
Себѣ присвоить умъ чужой;
Отрядомъ книгъ уставилъ полку,
Читалъ, читалъ, а все безъ толку:
Тамъ скука, тамъ обманъ и бредъ;
Въ томъ совѣсти, въ томъ смысла
нѣтъ:
На всѣхъ различныя вериги;

*) Сей — франц. экономистъ (1767—1832); Бентамъ — англ. ученый (1747—1832), посвятившій свою дѣятельность на улучшение законодательства.

И устарѣла старина,
И старымъ бредить новизна.
Какъ женщинъ, онъ оставилъ
книги,
И полку съ пыльной ихъ семьей
Задержнулъ траурной тафтой.

XLV.

Условій свѣта свергнувъ бремя,
Какъ онъ, отставъ отъ суеты,
Съ нимъ подружился я въ то время.
Мнѣ нравились его черты,
Мечтамъ невольная преданность,
Неподражательная странность
И рѣзкій, охлажденный умъ.
Я былъ озлобленъ, онъ угрюмъ;
Страстей игру мы знали оба:
Томила жизнь обоихъ насъ;
Въ обоихъ сердца жаръ погасъ;
Обоихъ ожидала злота
Слѣпой фортуны и людей
На самомъ утрѣ нашихъ дней.

XLVI.

Кто жилъ и мыслилъ, тотъ не
можетъ
Въ душѣ не презирать людей;
Кто чувствовалъ, того тревожитъ
Призракъ невозвратимыхъ дней —
Тому ужъ нѣтъ очарованій,
Того змѣя воспоминаній,
Того раскаянне грызеть.
Все это часто придаетъ

Большую прелесть разговору.
Сперва Онѣгина языкъ
Меня смущалъ, но я привыкъ
Къ его язвительному спору,
И къ шуткѣ, съ желчью пополамъ,
И къ злости мрачныхъ эпиграммъ.

XLVII.

Какъ часто лѣтнею порою,
Когда прозрачно и свѣтло
Ночное небо надъ Невою,
И водъ веселое стекло
Не отражаетъ ликъ Діаны, —
Воспомня прежнихъ лѣтъ романы,
Воспомня прежнюю любовь,
Чувствительны, безпечны вдовъ,
Дыханьемъ ночи благосклонной
Безмолвно упивались мы!
Какъ въ лѣсъ зеленый изъ тюрьмы
Перенесенъ колодникъ сонный,
Такъ уносились мы мечтой
Къ началу жизни молодой.

XLVIII.

Съ душою, полной сожалѣній,
И опершись на гранить,
Стоялъ задумчиво Евгений,
Какъ описалъ себя пѣтъ⁸.
Все было тихо; лишь ночные
Перекликались часовые,
Да дрожекъ отдаленный стукъ
Съ Миліонной раздавался вдругъ;
Лишь лодка, веслами махая,

⁸ Въявь богиню благосклонну
Зрить восторженный пѣтъ,
Что проводить ночь безсонну,
Опершись на грапѣтъ (Муравьевъ, Богинѣ Невы).

Плыла по дремлющей рѣкѣ,
И насъ плѣняли вдальекѣ
Рожокъ и пѣсня удалая.
Но слаще, средь ночныхъ забавъ,
Напѣвъ Торкватовыхъ *) октавъ!

XLIX.

Адриатическія волны!
О, Брента! **) нѣтъ, увижу васъ,
И, вдохновенья снова полный,
Услышу вашъ волшебный гласъ!
Онъ святъ для внуковъ Аполлона;
По гордой лирѣ Альбіона
Онъ мнѣ знакомъ, онъ мнѣ родной.
Ночей Италіи златой
Я нѣгой наслажусь на волѣ,
Съ венеціанкою младой,
То говорливой, то нѣмой,
Плывя въ таинственной гондолѣ;
Съ ней обрѣтутъ уста мои
Языкъ Петrarки ***) и любви.

L.

Придетъ-ли часть моей свободы?
Пора, пора! — взываю къ ней;
Брожу надъ моремъ⁹, жду погоды,
Маню вѣтрила кораблей.
Подъ ризой бурь съ волнами спора,
По вольному распутью моря
Когда-жъ начну я вольный бѣгъ?
Пора покинуть скучный берегъ
Мнѣ непріязненной стихіи,
И средь полуденныхъ зыбей,
Подъ небомъ Африки моей,¹⁰

Вздыхать о сумрачной Россіи,
Гдѣ я страдалъ, гдѣ я любилъ,
Гдѣ сердце я похоронилъ....

LI.

Онѣгинъ былъ готовъ со мною
Увидѣть чуждыя страны;
Но скоро были мы судьбою
На долгій срокъ разведены.
Отецъ его тогда скончался.
Передъ Онѣгинимъ собрался
Заимодавецъ жадный полкъ.
У каждого свой умъ и толкъ:
Евгеній, тяжбы ненавидя,
Довольный жребіемъ своимъ,
Наслѣдство предоставилъ имъ,
Большой потери въ томъ не видя,
Иль предузнавъ издалика
Кончину дяди старика.

LII.

Вдругъ получилъ онъ въ самомъ
дѣлѣ

Отъ управителя докладъ,
Что дядя при смерти въ постелѣ,
И съ нимъ проститься былъ бы
радъ.

Прочтя печальное посланье,
Евгеній тотчасъ на свиданье
Стремглавъ по почтѣ поскакалъ,
И ужъ заранѣе зѣвалъ,
Приготовляясь денегъ ради,
На вздохи скуку и обманъ
(И тѣмъ я началъ мой романъ):

*) Тассо Торквато — знаменитый итальянскій поэтъ XVI стол. — **) Брента — рѣка въ верхней Италіи. — ***) Петрарка — знаменитый лирикъ и ученый Италіи (1304—1374 г.) — ⁹ Писано въ Одессѣ. — ¹⁰ Авторъ, со стороны матери, происхожденія африканскаго.

Но, прилетѣвъ въ деревню дяди,
Его нашель ужъ на столѣ.
Какъ дань, готовую землѣ.

LIII.

Нашель онъ полонъ дворъ ус-
луги;
Къ покойнику со всѣхъ сторонъ
Сѣѣзжались недруги и други,
Охотники до похоронъ.
Покойника похоронили.
Попы и гости ѣли, пили,
И послѣ важно разошлись,
Какъ будто дѣломъ занялись.
Вотъ нашъ Онѣгинъ сельскій жп-
тель,
Заводовъ, водъ, лѣсовъ, земель
Хозяинъ полный, а досель
Порядка врагъ и расточитель,
И очень радъ, что прежній путь
Перемѣнилъ на чтонибудь.

LIV.

Два дня ему казались новы
Уединенныя поля,
Прохлада сумрачной дубравы,
Журчанье тихаго ручья;
На третій—роща, холмъ и поле
Его не занимали болѣ;
Потомъ ужъ наводили сонъ;
Потомъ увидѣлъ ясно онъ,
Что и въ деревнѣ скука та же,
Хоть пѣтъ ни улицъ, ни дворцовъ,
Ни картъ, ни баловъ, ни стиховъ.
Хандра ждала его на стражѣ,
И бѣгала за нимъ она,
Какъ тѣнь плъ вѣрная жена.

LV.

Я былъ рожденъ для жизни
мирной,
Для деревенской тишины:
Въ глуши звучнѣе голосъ лирный,
Живѣе творческіе сны.
Досугамъ посвящаться невиннымъ,
Брожу надъ озеромъ пустыннымъ,
И far niente мой законъ.
Я каждымъ утромъ пробужденъ
Для сладкой нѣги и свободы:
Читаю мало, много сплю,
Летучей славы не ловлю.
Не такъ ли я въ былые годы
Провелъ въ бездѣйствіи тиши,
Мои счастливейшіе дни?

LVI.

Цвѣты, любовь, деревня, празд-
ность,
Поля! я преданъ вамъ душой.
Всегда я радъ замѣтить разность
Между Онѣгинимъ и мной.
Чтобъ насмѣшливый читатель,
Нль какойнибудь издатель
Замысловатой клеветы,
Сличая здѣсь мои черты,
Не повторялъ потомъ безбожно,
Что намаралъ я свой портретъ,
Какъ Байронъ,*) гордости поэтъ;
Какъ будто намъ ужъ невозможно
Писать поэмы о другомъ,
Какъ только о себѣ самомъ?

LVII.

Замѣчу кстати: всѣ поэты—
Любви мечтательной друзья.

*) Байронъ (1788—1824) величайшій поэтъ Англіи.

Бывало, милые предметы
 Мнѣ снились, и душа моя
 Ихъ образъ тайный сохранила;
 Ихъ послѣ муза оживила:
 Такъ я, безпечень, воспѣвалъ
 И дѣву горь, мой идеаль,
 И плѣнницъ береговъ Салгира.*)
 Теперь отъ васъ, мои друзья,
 Вопросъ нерѣлко слышу я:
 «О комъ твоя вздыхаетъ лира?
 Кому, въ толпѣ ревнивыхъ дѣвъ,
 Ты посвятилъ ея напѣвъ?»

LVIII.

«Чей взоръ, волнуя вдохновенье,
 Умильной лаской наградилъ
 Твое задумчивое пѣнье?
 Кого твой стихъ боготворилъ?»
 И, други, никого, ей Богу!
 Любви безумную тревогу
 Я безотрадно испыталъ.
 Блаженъ, кто съ нею сочеталъ
 Горячку рифмъ: онъ тѣмъ удвоилъ
 Поэзіи священной бредъ,
 Петраркѣ шествуя вослѣдъ,
 А муки сердца успокоилъ,
 Поймалъ и славу между тѣмъ;
 Но я, любя, былъ глупъ и нѣмъ.

LIX.

Прошла любовь, явилась муза,
 И прояснился темный умъ.

Свободенъ, вновь ищу союза
 Волшебныхъ звуковъ, чувствъ и
 думъ;

Пишу, и сердце не тоскуетъ;
 Перо, забывшись, не рисуетъ,
 Близъ неоконченныхъ стиховъ,
 Ни женскихъ ножекъ, ни головъ;
 Погасшій пепелъ ужъ не вспых-
 нетъ;

Я все грущу, но слезъ ужъ нѣтъ,
 И скоро, скоро бури слѣдъ
 Въ душѣ моей совѣмъ утихнетъ.
 Тогда-то я начну писать
 Поэму, пѣсень въ двадцать пять.

LX.

Я думалъ ужъ о формѣ плана,
 И какъ героя назову.
 Покажѣсть моего романа
 Я кончилъ первую главу;
 Пересмотрѣлъ все это строго:
 Противорѣчій очень много,
 Но ихъ исправить не хочу.
 Цензурѣ долгъ свой заплачу,
 И журналистамъ на съѣденье
 Плоды трудовъ моихъ отдамъ:
 Иди же къ невскимъ берегамъ,
 Новорожденное творенье!
 И заслужи мнѣ славы дань —
 Кривые толки, шумъ и брань!

*) Салгиръ — рѣка на Крымскомъ полуостровѣ. —

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О гус.
Ног.
О Русь!

I.

Деревня, гдѣ скучалъ Евгений,
Была прелестный уголокъ;
Тамъ другъ невинныхъ наслаж-
деній

Благословить бы небо могъ.
Господскій домъ уединенный,
Горой отъ вѣтровъ огражденный,
Стоялъ надъ рѣчкою; вдали
Предъ нимъ пестрѣли и цвѣли
Луга и нивы золотыя,
Мелькали села здѣсь и тамъ,
Стада бродили по лугамъ,
И сѣни расширялъ густыя
Огромный, запущенный садъ,
Пріютъ задумчивыхъ дріадъ.*)

II.

Почтенный замокъ былъ пост-
роенъ,
Какъ замки строиться должны:
Отмѣнно проченъ и спокоенъ,
Во вкусѣ умой старины.
Вездѣ высокіе покомъ,
Въ гостиной штофные обои,
Царей портреты на стѣнахъ,
И печи въ пестрыхъ изразцахъ.
Все это нынѣ обветшало,
Не знаю право, почему,
Да впрочемъ другу моему
Въ томъ нужны было очень мало,

Затѣмъ, что онъ равно зѣвалъ
Средь модныхъ и старинныхъ
заль.

III.

Онъ въ томъ покоѣ поселился,
Гдѣ деревенскій старожилъ
Лѣтъ сорокъ съ ключницей бра-
вился,
Въ окно смотрѣлъ и мухъ давилъ.
Все было просто: полъ дубовый,
Два шкафа, столъ, диванъ пухо-
вый,
Нигдѣ ни пятнышка чернилъ.
Онѣгинъ шкафы отворилъ:
Въ одномъ нашелъ тетрадь рас-
хода,
Въ другомъ наливкоѣ цѣлый строй,
Кувшины съ яблочной водой,
И календарь осьмага года;
Старикъ, имѣя много дѣлъ,
Въ инныя книги не глядѣлъ.

IV.

Одинъ среди своихъ владѣній,
Чтобъ только время проводить,
Сперва задумалъ нашъ Евгений
Порядокъ новый учредить.
Въ своей глуши мудрецъ пусты-
ный,
Яремъ онъ барщины старинной
Оброкомъ легкимъ замѣнилъ —

*) Дріады — древесныя нимфы (греч. мифологія).

И рабъ судьбу благословилъ.
 Зато въ углу своемъ надулся,
 Увидя въ этомъ страшный вредъ,
 Его расчетливый сосѣдъ;
 Другой лукаво улыбнулся,
 И въ голосъ всѣ рѣшили такъ,
 Что онъ опаснѣйшій чудакъ.

V.

Сначала всѣ къ нему ѣзжали;
 Но такъ какъ съ задняго крыльца
 Обыкновенно подавали
 Ему донскаго жеребца,
 Лишь только вдоль большой дороги
 Заслышать ихъ домашни дроги—
 Поступкомъ оскорбясь такимъ,
 Всѣ дружбу прекратили съ нимъ.
 «Сосѣдъ нашъ неучъ, сумасбро-
 дить,
 Онъ фармазонъ: онъ пьетъ одно*)
 Стаканомъ красное вино;
 Онъ дамамъ къ ручкѣ не подхо-
 дить;
 Все да, да нѣтъ, не скажетъ да-съ
 Иль нѣтъ-съ». Таковъ былъ об-
 щій гласъ.

VI.

Въ свою деревню въ ту же пору
 Помѣщикъ новый прискакалъ,
 И столь же строгому разбору
 Въ сосѣдствѣ поводъ подавалъ:
 По имени Владиміръ Ленскій,
 Съ душою прямо геттингенской,**)
 Красавецъ, въ полномъ цвѣтѣ
 лѣтъ,

Поклонникъ Канта и поэтъ.***)
 Онъ изъ Германіи туманной
 Привезъ учености плоды:
 Вольнолюбивыя мечты,
 Духъ пылкій и довольно стран-
 ный,
 Всегда восторженную рѣчь,
 И кудри черныя до плечъ.

VII.

Отъ хладнаго разврата свѣта
 Еще увянуть не успѣвъ,
 Его душа была согрѣта
 Привѣтомъ друга, лаской дѣвъ.
 Онъ сердцемъ милый былъ не-
 вѣжда;
 Его лелѣяла надежда,
 И міра новый блескъ и шумъ
 Еще плѣняли юный умъ.
 Онъ забавлялъ мечтою сладкой
 Сомнѣнья сердца своего.
 Цѣль жизни нашей для него
 Была заманчивой загадкой;
 Надъ ней онъ голову ломалъ,
 И чудеса подозревалъ.

VIII.

Онъ вѣрилъ, что душа родная
 Соединиться съ нимъ должна;
 Что, безотрадно изнывая,
 Его вседневно ждетъ она;
 Онъ вѣрилъ, что друзья готовы
 За честь его принять оковы,
 И что не дрогнетъ ихъ рука
 Разбить сосудъ клеветника;
 Что есть избранные судьбами,

*) Фармазонъ — изъ Франкъ-масонъ. — **) Умственное настроеніе, полученное въ геттингенскомъ университетѣ. — ***) Знаменитый нѣмецкій философъ (1724—1804 г.).

Людей священные друзья;
 Что ихъ безсмертная семья
 Неотразимыми лучами
 Когда нибудь насъ озарить
 И міръ блаженствомъ одарить.

IX.

Негодование, сожалѣнье,
 Ко благу чистая любовь,
 И славы сладкое мученье
 Въ немъ рано волновали кровь.
 Онъ съ лирой странствовалъ на
 свѣтѣ:

Подъ небомъ Шиллера и Гете,
 Ихъ поэтическимъ огнемъ
 Душа воспламенилась въ немъ;
 И музъ возвышенныхъ искусства,
 Счастливецъ, онъ не постыдилъ;
 Онъ въ пѣсняхъ гордо сохранилъ
 Всегда возвышенныя чувства,
 Порывы дѣвственной мечты
 И прелесть важной простоты.

X.

Онъ пѣлъ любовь, любви по-
 слухный,
 И пѣснь его была ясна,
 Какъ мысли дѣвы простодушной,
 Какъ сонъ младенца, какъ луна
 Въ пустыняхъ неба безмятежныхъ,
 Богиня тайнъ и вздоховъ нѣж-
 ныхъ.
 Онъ пѣлъ разлуку и печаль,
 И нѣчто и туманну даль,
 И романтическія розы;
 Онъ пѣлъ тѣ дальнія страны,
 Гдѣ долго въ лоно тишины

Лились его живыя слезы;
 Онъ пѣлъ поблеклый жизни цвѣтъ,
 Безъ малаго въ осьмнадцать лѣтъ.

XI.

Въ пустынѣ, гдѣ одинъ Евгений
 Могъ оцѣнить его дары,
 Господь сосѣдственныхъ селеній
 Ему не нравились пиры;
 Бѣжалъ онъ ихъ бесѣды шумной.
 Ихъ разговоръ благоразумный
 О сѣнокосѣ, о винѣ,
 О псарнѣ, о своей роднѣ,
 Конечно, не блисталъ ни чув-
 ствомъ,
 Ни поэтическимъ огнемъ,
 Ни остротою, ни умомъ,
 Ни общежитія искусствомъ;
 Но разговоръ ихъ милыхъ женъ
 Гораздо меньше былъ уменъ.

XII.

Богатъ, хорошъ собою, Ленскій
 Вездѣ былъ принятъ, какъ женихъ:
 Таковъ обычай деревенскій;
 Всѣ дочекъ прочили своихъ
 За полурусскаго сосѣда.
 Войдетъ ли онъ—тотчасъ бесѣда
 Заводить слово стороной
 О скукѣ жизни холостой;
 Зовутъ сосѣда къ самовару,
 А Дуня разливаетъ чай;
 Ей шепчутъ: «Дуня, примѣчай!»
 Потомъ приносятъ и гитару,
 И запищитъ она (Богъ мой!):
 «Приди въ чертогъ ко мнѣ зла-
 той...»¹¹

¹¹ Изъ первой части Дибровской Русалки.

XIII.

Но Ленскій, не имѣвъ, конечно,
 Охоты узы брака несть,
 Съ Онѣгинимъ желалъ сердечно
 Знакомство покороче свести.
 Они сошлись. Волна и камень,
 Стихи и проза, ледъ и пламень
 Не столь различны межъ собой.
 Сперва взаимной разнотой
 Они другъ другу были скучны;
 Потомъ понравились; потомъ
 Съѣзжались каждый день верхомъ,
 И скоро стали неразлучны.
 Такъ люди (первый каюсь я)
 Отъ дѣлать нечего друзья.

XIV.

Но дружбы нѣтъ и той межъ
 нами;
 Всѣ предразсудки истребя,
 Мы почитаемъ всѣхъ — нулямъ,
 А единицами — себя;
 Мы всѣ глядимъ въ Наполеоны,
 Двуногихъ тварей миллионы
 Для насъ орудіе одно;
 Намъ чувство дико и смѣшно.
 Сноснѣе многихъ былъ Евгений;
 Хоть онъ людей, конечно, звалъ,
 И вообще ихъ презиралъ;
 Но(правиль нѣтъ безъисключеній)
 Иныхъ онъ очень отличалъ,
 И вчуже чувство уважалъ.

XV.

Онъ слушалъ Ленскаго съ улыб-
 кой:
 Поэта пылкій разговоръ,
 И умъ, еще въ сужденьяхъ зыб-
 кій,

И вѣчно вдохновенный взоръ —
 Онѣгину все было ново;
 Онъ охладительное слово
 Въ устахъ старался удержать,
 И думалъ: глупо мнѣ мѣшать
 Его минутному блаженству;
 И безъ меня пора придеть;
 Пускай, покамѣстъ, онъ живетъ
 Да вѣрить міра совершенству;
 Простимъ горячкѣ юныхъ лѣтъ
 И юный жаръ, и юный бредъ.

XVI.

Межъ ними все рождало споры
 И къ размышленію влекло:
 Племень минувшихъ договоры,
 Плоды наукъ, добро и зло,
 И предразсудки вѣковые,
 И гроба тайны роковыя,
 Судьба и жизнь, въ свою чреду,
 Все подвергалось ихъ суду.
 Поэтъ въ жару своихъ сужденій
 Читалъ, забывшись, между тѣмъ,
 Отрывки сѣверныхъ поэмъ;
 И снисходительный Евгений,
 Хоть ихъ не много понималъ,
 Прилежно юношѣ внималъ.

XVII.

Но чаще занимали страсти
 Умы пустынниковъ моихъ.
 Ушедъ отъ ихъ мятежной власти,
 Онѣгинъ говорилъ объ нихъ
 Съ невольнымъ вздохомъ сожа-
 лѣнья.
 Блаженъ, кто вѣдалъ ихъ волненія
 И наконецъ отъ нихъ отсталъ;
 Блаженнѣй тотъ, кто ихъ не зналъ;
 Кто охлаждалъ любовь разлукой,

Вражду злословіемъ; порой
Зѣваль съ друзьями и женой,
Ревнивой не тревожась мукой,
И дѣдовъ вѣрный капиталъ
Коварной двойкѣ не ввѣрилъ!

XVIII.

Когда прибѣгнемъ мы подъ
знамя
Благоразумной тишины,
Когда страстей угаснетъ пламя,
И намъ становятся смѣшны
Ихъ своевольство, иль порывы
И запоздалые отзвыы:
Смиранные не безъ труда,
Мы любимъ слушать иногда
Страстей чужихъ языкъ мятеж-
ный,
И намъ онъ сердце шевелить;
Такъ точно старый инвалидъ
Охотно клонить слухъ прилежный
Разсказамъ юныхъ усачей,
Забытый въ хижинѣ своей.

XIX.

За то и пламенная младость
Не можетъ ничего скрывать:
Вражду, любовь, печаль и радость
Она готова разболтать.
Въ любви считаясь инвалидомъ,
Онѣгинъ слушалъ съ важнымъ ви-
домъ,
Какъ, сердца исповѣдь любя,
Поэтъ высказывалъ себя;
Свою довѣрчивую совѣсть
Онъ простодушно обнажалъ;
Евгеній безъ труда узналъ
Его любви младую повѣсть,

Обильный чувствами разсказъ,
Давно не новыми для насъ.

XX.

Ахъ, онъ любилъ, какъ въ наши
лѣта

Ужъ не любить; какъ одна
Безумная душа поэта
Еще любить осуждена:
Всегда, вездѣ одно мечтанье,
Одно привычное желанье,
Одна привычная печаль!
Ни охлаждающая даль,
Ни долгія лѣта разлуки,
Ни музамъ данные часы,
Ни чужеземныя красы,
Ни шумъ веселій, ни науки
Души не измѣнили въ немъ,
Согрѣтой дѣвственнымъ огнемъ.

XXI.

Чуть отрокъ, Ольгою плѣненный,
Сердечныхъ мукъ еще не знавъ,
Онъ былъ свидѣтель умиленный
Ея младенческихъ забавъ;
Въ тѣни хранительной дубравы
Онъ раздѣлялъ ея забавы,
И дѣтямъ прочли вѣнцы
Друзья-сосѣди, ихъ отцы.
Въ глуши, подъ сѣнію смиренной,
Невинной прелести полна,
Въ глазахъ родителей, она
Цвѣла, какъ ландышъ потаенный,
Незнаемый въ травѣ глухой
Ни мотыльками, ни пчелой.

XXII.

Она поэту подарила
Младыхъ восторговъ первый сонъ;

И мысль о ней одушевила
Его цѣвницы первый стонъ.
Простите, игры золотыя!
Онъ рощи полюбилъ густыя,
Уединенье, тишину,
И ночь, и звѣзды, и луну —
Луну, небесную лампаду,
Которой посвящали мы
Прогулку средь вечерней тьмы,
И слезы, тайныхъ мукъ отраду....
Но нынѣ видимъ только въ ней
Замѣну тусклыхъ фонарей.

XXIII.

Всегда скромна, всегда
 послушна,

Всегда какъ утро весела,
Какъ жизнь поэта простодушна,
Какъ поцѣлуй любви мила,
Глаза какъ небо голубые.
Улыбка, локоны льняные,
Движенья, голосъ, легкій станъ,
Все въ Ольгѣ... но любой романъ
Возьмите, и найдете вѣрно
Ея портретъ: онъ очень милъ;
Я прежде самъ его любилъ;
Но надоѣлъ онъ мнѣ безмѣрно.
Позвольте мнѣ, читатель мой,
Заняться старшею сестрой.

XXIV.

Ея сестра звалась Татьяна...¹²
Впервые пменемъ такимъ
Страницы нѣжныя романа
Мы своевольно освятимъ.
И что жъ? Оно пріятно, звучно,
Но съ нимъ, я знаю, неразлучно

Воспоминанье старины,
Иль дѣвичей. Мы всѣ должны
Признаться, вкуса очень мало
У насъ и въ нашихъ именахъ
(Не говоримъ ужъ о стпхахъ);
Намъ просвѣщенье не пристало,
И намъ досталось отъ него
Жеманство — больше ничего.

XXV.

И такъ она звалась Татьяной.
Ни красотой сестры своей,
Ни свѣжестью ея румяной,
Не привлекла бѣ она очей.
Дика, печальна, молчалива,
Какъ лань лѣсная, боязлива,
Она въ семьѣ своей родной
Казалась дѣвочкой чужой.
Она ласкаться не умѣла
Къ отцу, ни къ матери своей;
Дитя сама, въ толпѣ дѣтей
Играть и прыгать не хотѣла,
И часто, цѣлый день одна,
Сидѣла молча у окна.

XXVI.

Задумчивость, ея подруга
Отъ самыхъ колыбельныхъ дней,
Теченье сельскаго досуга
Мечтами украшала ей.
Ея изнѣженные пальцы
Не знали иглъ; склонясь на
пальцы,
Узоромъ шелковымъ она
Не оживляла полотна.
Охоты властвовать примѣта:
Съ послушной куклою дитя

¹² Сладкозвучіи́йшія греческія имена, каковы, напри́мѣръ: Агафонъ, Филать, Теодора, Фебла и проч., употребляются у насъ только между простолюдинами.

Приготавливается шутя
Къ приличію — закону свѣта,
И важно повторяетъ ей
Уроки маменьки своей. —

XXVII.

Но куклы, даже въ эти годы,
Татьяна въ руки не брала;
Про вѣсти города, про моды
Бесѣды съ нею не вела.
И были дѣтскія проказы
Ей чужды: страшные рассказы
Зимою, въ темнотѣ ночей,
Плѣняли больше сердце ей.
Когда же няня собирала
Для Ольги, на широкій лугъ,
Всѣхъ маленькихъ ея подругъ,
Она въ горѣлки не играла,
Ей скученъ былъ и звонкій смѣхъ,
И шумъ ихъ вѣтренныхъ утѣхъ.

XXVIII.

Она любила на балконѣ
Предупреждать зари восходъ,
Когда на блѣдномъ небосклонѣ
Звѣздъ исчезаетъ хороводъ,
И тихо край земли свѣтлѣетъ,
И вѣстникъ утра, вѣтеръ вѣетъ,
И всходитъ постепенно день.
Зимой, когда ночная тѣнь
Полміромъ долѣ обладаетъ,
И долѣ въ празднои тишинѣ,
При отуманенной лунѣ,
Востокъ лѣнивый почиваетъ, —
Въ привычный часъ пробуждена,
Вставала при свѣчахъ она.

XXIX.

Ей рано нравились романы;
Они ей замѣнили все;
Она влюблялася въ обманы
И Ричардсона,^{*}) и Руссо.
Отецъ ея былъ добрый малый,
Въ прошедшемъ вѣкѣ запоздалый,
Но въ книгахъ не видалъ вреда;
Онъ, не читая никогда,
Ихъ почиталъ пустой игрушкой,
И не заботился о томъ,
Какой у дочки тайный томъ
Дремалъ до утра подъ подушкой.
Жена жъ его была сама
Отъ Ричардсона безъ ума.

XXX.

Она любила Ричардсона
Не потому, чтобы прочла,
Не потому, чтобы Грандисона
Она Ловлясу предпочла;¹³
Но встарину княжна Полина,
Ея московская кузина,
Твердила часто ей объ нихъ.
Въ то время былъ еще женихъ
Ея супругъ, но по-неволѣ
Она вздыхала о другомъ,
Который сердцемъ и умомъ
Ей нравился гораздо болѣ —
Сей Грандисонъ былъ славный
франтъ,
Игрокъ и гвардіи сержантъ.

XXXI.

Какъ онъ, она была одѣта
Всегда по модѣ п къ лицу.

^{*}) Ричардсонъ-англійскій романистъ (1689—1761) приобрѣлъ громкую извѣстность романами: Памела, Кларисса Гарловъ и Грандисонъ. — ¹³ Грандисонъ и Ловлясъ, герои двухъ славныхъ романовъ.

Но, не спросясь ея совѣта,
Дѣвицу повезли къ вѣнцу.
И чтобъ ея разсѣять горе,
Разумный мужъ уѣхалъ вскорѣ
Въ свою деревню, гдѣ она,
Богъ знаетъ кѣмъ окружена,
Рвалась и плакала сначала,
Съ супругомъ чуть не развелась,
Потомъ хозяйствомъ занялась,
Привыкла, п довольна стала.
Привычка свыше намъ дана,
Замѣна счастію она.¹⁴

XXXII.

Привычка уладила горе,
Неотразимое ничѣмъ;
Открытіе большое вскорѣ
Ее утѣшило совѣмъ.
Она межъ дѣломъ и досугомъ
Открыла тайну, какъ супругомъ
Единовластно управлять,
И все тогда пошло настать.
Она ѣзжала по работамъ,
Солила на зпму грибы,
Вела расходы, брила лбы,
Ходила въ баню по субботамъ,
Служанокъ била, осердясь —
Все это мужа не спросясь.

XXXIII.

Бывало, псывала кровью
Она въ альбомы нѣжныхъ дѣвъ,
Звала Полиною Прасковью,
И говорила нараспѣвъ;
Корсетъ носила очень узкій,
И русскій Н, какъ N французскій.

¹⁴ Si j'avais la folie de croire encore au bonheur, je le chercherais dans l'habitude. (Шатобрианъ).

Пронзосить умѣла въ ность;
Но скоро все перевелось:
Корсетъ, альбомъ, княжну Полину,
Стишковъ чувствительныхъ те-
традь

Она забыла — стала звать
Акулкой прежнюю Селину,
И обновила наконецъ
На ватѣ шлафоръ и чепецъ.

XXXIV.

Но мужъ любилъ ее сердечно,
Въ ея затѣи не входилъ,
Во всемъ ей вѣровалъ безпечно,
А самъ въ халатѣ флѣ и пилъ.
Покойно жизнь его катилась;
Подъ вечеръ иногда сходилась
Сосѣдей добрая семья,
Не церемонные друзья,
И потужить, и позлословить,
И посмѣяться кой о чемъ.
Проходить время; между тѣмъ
Прикажутъ Ольгѣ чай готовить;
Тамъ ужинъ, тамъ и спать пора,
И гости ѣдутъ со двора.

XXXV.

Они хранили въ жизни мирной
Привычки милой старины:
У нихъ на масляницѣ жирной
Водились русскіе блины;
Два раза въ годъ они говѣли;
Любили круглыя качели,
Подблюдны пѣсни, хороводъ;
Въ день Троицынъ, когда народъ
Зѣвая слушаетъ молебень,

Но я бы, кажется, желалъ
Печальный жребій свой прославить,
Чтобъ обо мнѣ, какъ вѣрный другъ,
Напомнилъ хоть единый звукъ.

XL.

И чье нибудь онъ сердце тронетъ;
И сохраненная судьбой,
Быть можетъ, въ Летѣ*) не пото-
нетъ
Строфа, слагаемая мной;

Быть можетъ — лестная надеж-
да —
Укажетъ будущій невѣжда
На мой прославленный портретъ,
И молвить: то-то былъ поэтъ!
Прими жъ мое благодаренье,
Поклонникъ мирныхъ Аонидъ,**)
О ты, чья память сохранить
Мои летучія творенья,
Чья благосклонная рука
Потреплетъ лавры старика!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Elle était fille, elle était amoureuse.

Malfilatre.

I.

«Куда? Ужъ эти мнѣ поэты!
— Прощай, Ояѣгинъ, мнѣ пора.
«Я не держу тебя; но гдѣ ты
Свои проводишь вечера?»
— У Лариныхъ. «Вотъ это чудно.
Поплуй! и тебѣ не трудно
Такъ каждый вечеръ убивать?»
— Ни мало. «Не могу понять.
Отседѣ вижу, что такое:
Во-первыхъ — слушай, правъ ли
я?» —

Простая, русская семья,
Къ гостямъ усердіе большое,
Варенье, вѣчный разговоръ

Про дождь, про лень, про скот-
ный дворъ....»

II.

— Я тутъ еще бѣды не вижу.
«Да скука, вотъ бѣда, мой другъ.»
— Я модный свѣтъ вашъ ненави-
жу;
Милѣе мнѣ домашній кругъ,
Гдѣ я могу.... «Опять эклога!
Да полно, милый, ради Бога.
Ну, что жъ? ты ѣдешь: очень
жаль.
Ахъ, слушай, Ленскій, да нель-
зя-ль

*) Лета — въ греч. мифологіи — рѣка забвенія въ аду. — **) Аониды — прозви-
ніе музъ.

Увидѣть мнѣ Филлиду*) эту,
Предметъ и мыслей, и пера,
И слезъ, и рифмъ et cetera?
Представь меня.» — Ты шутишь.

«Нѣту».

— Я радъ. «Когда же?» — Хотъ
сейчасъ.

Онѣ съ охотой примутъ насъ.

III.

«Поѣдемъ».

Поскакали други,

Явились; имъ расточены,

Порой тяжелыя услуги

Гостепріимной старины.

Обрядъ извѣстный угощенья:

Несутъ на блюдечкахъ варенья,

На столикъ ставятъ вощаной

Кувшинъ съ брусничною водой.

.
.
.
.
.

IV.

Они дорогой самой краткой
Домой летятъ во весь опоръ.¹⁶

Теперь подслушаемъ украдкой

Героевъ нашихъ разговоръ.

— Ну, что жъ, Онѣгинъ? Ты зѣ-
ваешь.

«Привычка, Ленскій.» — Но ску-
чаешь

Ты какъ-то больше. «Нѣтъ, равно.

Однако въ полѣ ужъ темно;

Скорѣй! пошелъ, пошелъ, Анд-
рюшка!

Какія глупыя мѣста!

А, кстати: Ларина проста,

Но очень милая старушка;

Боюсь: брусничная вода

Мнѣ не надѣлала бъ вреда.»

V.

«Скажи, которая Татьяна?

— Да та, которая грустна

И молчалива, какъ Свѣтлана,

Вошла и сѣла у окна.

«Неужто ты влюбленъ въ мень-
шую?»

— А что? «Я выбралъ бы другую,
Когда бъ я былъ какъ ты поэтъ.
Въ чертахъ у Ольги жизни нѣтъ,
Точь въ точь въ Вандиковой **)

Мадонѣ:

Кругла, красна лицомъ она,

Какъ эта глупая луна

На этомъ глупомъ небосклонѣ.»

Владиміръ сухо отвѣчалъ,

И послѣ во весь путь молчалъ.

VI.

Межъ тѣмъ Онѣгина явленье
У Лариныхъ произвело

*) Филлида — изъ греч. мифологіи — идеальный образъ любящей и вѣрной неvě-
сты. — ¹⁶ Въ прежнемъ изданіи, вмѣсто домой летятъ, было ошибкою напечатано
зимой летятъ [что не имѣло никакого смысла]. Критики, того не разобравъ, на-
ходили анахронизмъ въ слѣдующихъ строфахъ. — Смѣемъ увѣрить, что въ нашемъ
романѣ время расчислено по календарю. — **) Вандикъ — знаменитый Голландскій
живописецъ (1599—1641 г.)

На всѣхъ большое впечатлѣнье,
И всѣхъ сосѣдей развлекало.
Пошла догадка за догадкой.
Всѣ стали толковать украдкой,
Шутить, судить не безъ грѣха,
Татьянѣ прочить жениха;
Иные даже утверждали,
Что свадьба слажена совѣтъ,
Но остановлена затѣмъ,
Что модныхъ колець не достали.
О свадьбѣ Ленскаго давно
У нихъ ужъ было рѣшено.

VII.

Татьяна слухала съ досадой
Такія сплетни; но тайкомъ
Съ неизъяснимою отрадой
Невольно думала о томъ;
И въ сердце дума заронила;
Пора пришла, она влюбилась.
Такъ въ землю падшее зерно
Весны огнемъ оживлено.
Давно ея воображенье,
Сгарая нѣгой и тоской,
Алкало пищи роковой;
Давно сердечное томленье
Тѣснило ей младую грудь;
Душа ждала... кого нибудь.

VIII.

И дождалась. Открылись очи;
Она сказала: это онъ!
Увы! теперь и дни, и ночи,
И жаркій, одинокій сонъ,
Все полно имъ; все дѣвъ милой
Безъ умолку волшебной силой

Твердить о немъ. Докучны ей
И звуки ласковыхъ рѣчей,
И взоръ заботливой прислуги.
Въ уныніе погружена,
Гостей не слушаетъ она,
И проклинаетъ ихъ досуги,
Ихъ неожиданный пріѣздъ
И продолжительный присѣсть.

IX.

Теперь съ какимъ она внимань-
емъ

Читаетъ сладостный романъ,
Съ какимъ живымъ очарованьемъ
Пьетъ обольстительный обманъ!
Счастливой силою мечтанья
Одушевленные созданья,
Любовникъ Юліи Вольмаръ,¹⁷
Малекъ Адель и де-Линарь,
И Вертеръ, мученикъ мятежный,
И неподобный Грандисонъ,
Который намъ наводитъ сонъ, —
Всѣ для мечтательницы нѣжной
Въ единый образъ облеклись,
Въ одномъ Онѣгинѣ слились.

X.

Воображаясь героиней
Своихъ возлюбленныхъ творцовъ,
Кларисой, Юліей, Дельфиной,
Татьяна въ тишинѣ лѣсовъ
Одна съ опасной книгой бродить;
Она въ ней ищетъ и находитъ
Свой тайный жаръ, свои мечты,
Плоды сердечной полноты;
Вздыхаетъ, и себѣ присвоя

¹⁷ Юлія Вольмаръ — новая Элоиза. Малекъ-Адель — герой посредственного романа М-е Cottin. Густавъ де-Линарь — герой прелестной повѣсти баронессъ Крюднеръ.

Чужой восторгъ, чужую грусть,
Въ забвеньи шепчетъ наизусть
Письмо для милого героя...

Но нашъ герой, кто бъ ни былъ
онъ,

Ужъ вѣрно былъ не Грандисонъ.

XI.

Свой слогъ на важный ладъ на-
строю,

Бывало, пламенный творецъ
Являлъ намъ своего героя,
Какъ совершенства образецъ.
Онъ одарялъ предметъ любимый,
Всегда несправедливо гонимый,
Душой чувствительной, умою
И привлекательнымъ лицомъ.
Питая жаръ чистѣйшей страсти.
Всегда восторженный герой
Готовъ былъ жертвовать собой,
И при концѣ послѣдней части
Всегда наказанъ былъ порокомъ,
Добру достойный былъ вѣнокъ.

XII.

А нынче всѣ умы въ туманѣ,
Мораль на насъ наводитъ сонъ,
Порокъ любезенъ и въ романѣ,
И тамъ ужъ торжествуетъ онъ.
Британской музы небылицы
Тревожатъ сонъ отроковицы,
И сталъ теперь ея кумиръ
Или задумчивый Вампиръ,
Или Мельмотъ, бродяга мрачный,
Иль Вѣчный Жидъ, или Корсаръ,
Или таинственный Сбогаръ.¹⁸

Лордъ Байронъ, прихотью удачной,
Облекъ въ унылый романтизмъ
И безнадежный эгоизмъ.

XIII.

Друзья мои, что жъ толку въ
этомъ?

Быть можетъ, волею небесъ,
Я перестану быть поэтомъ,
Въ меня вселится новый бѣсъ,
И Фебовы презрѣвъ угрозы,
Унижусь до смиренной прозы:
Тогда романъ на старый ладъ
Займетъ веселый мой закатъ.
Не муки тайныя злодѣйства
Я грозно въ немъ изображу,
Но просто вамъ перескажу
Преданья русскаго семейства,
Любви плѣнительные сны,
Да нравы нашей старины.

XIV.

Перескажу простыя рѣчи
Отца иль дяди старика,
Дѣтей условленные встрѣчи
У старыхъ липъ, у ручейка;
Несчастной ревности мученья,
Разлуку, слезы примиренья;
Поссорю вновь, и, наконецъ,
Я поведу ихъ подъ вѣнецъ...
Я вспомню рѣчи нѣги страстной,
Слова тоскующей любви,
Которыя въ минувши дни
У ногъ любовницы прекрасной
Мнѣ приходили на языкъ,
Отъ коихъ я теперь отвыкъ.

¹⁸ Вампиръ — повѣсть, неправильно приписанная Лорду Байрону. Мельмотъ — гениальное произведение Матюрена. Jean Sbogar — извѣстный романъ Карла Нодье.

100

XVII.

— Что, Таня, что съ тобой?

«Мнѣ скучно;

XVIII.-

— И, полно, Таня! Въ эти лѣта
Мы не слыхали про любовь;
А то бы согнала со свѣта
Меня покойница свекровь.
«Да какъ же ты вѣнчалась, няня?»
— Такъ, видно, Богъ велѣлъ.

Мой Ваня

Моложе былъ меня, мой свѣтъ,
А было мнѣ тринадцать лѣтъ.
Недѣли двѣ ходила сваха
Къ моей роднѣ, и, наконецъ,
Благословилъ меня отецъ.
Я горько плакала со страха;
Мнѣ съ плачемъ косу расплели,
И съ пѣньемъ въ церковь повели.

XIX.

II вотъ ввели въ семью чужую...
Да ты не слушаешь меня...
«Ахъ, няня, няня, я тоскую,
Мнѣ тошно, милая моя:
Я плакать, я рыдать готова!..»
— Дитя мое, ты нездорова;

XX.

XXI.

Облокотясь, Татьяна пишетъ
И все Евгеній на умѣ,
И въ необдуманномъ письмѣ
Любовь невинной дѣвы дышетъ,
Письмо готово, сложено...
Татьяна! для кого жъ оно?

XVII.

Я зналъ красавицъ недоступ-
ныхъ,

Холодныхъ, чистыхъ, какъ зима;
Неутомимыхъ, неподкупныхъ,
Непостижимыхъ для ума;
Двинулся я ихъ смѣси модной,
Ихъ добродѣтели природной,
И, признаюсь, отъ нихъ бѣжалъ,
И, мнится, съ ужасомъ читалъ
Надъ ихъ бровями надпись ада:
Оставь надежду навсегда.¹⁹
Внушать любовь для нихъ бѣда,
Пугать людей для нихъ отрада.
Быть можетъ, на берегахъ Невы
Подобныхъ дамъ видали вы.

XXIII.

Среди поклонников послуш-
ныхъ

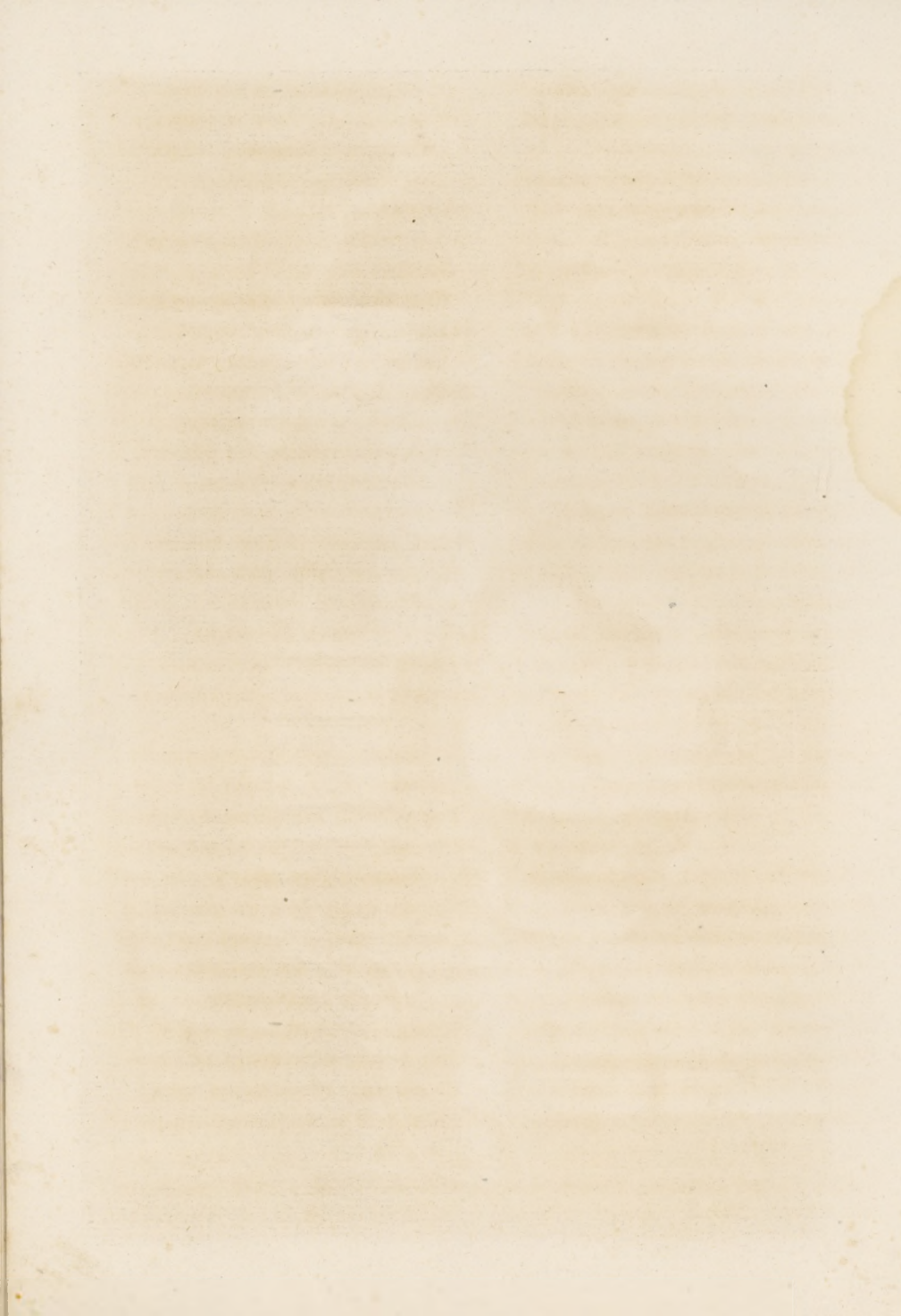
Другихъ причудницъ я видалъ,
Самолюбиво-равнодушныхъ
Для вздоховъ страстныхъ и пох-
валъ.

И что жъ нашель я съ пзумлень-
емъ?

Онъ суровымъ поведенъемъ
Пугая робкую любовь,
Ее привлечь умѣли вновь,

¹⁹ Lasciate ogni speranza voi ch'ntrate. Скромный авторъ перевелъ только первую половину славнаго стиха.





По крайней мѣрѣ, сожалѣньемъ;
По крайней мѣрѣ, звукъ рѣчей
Казался иногда нѣжнѣй,
И съ легковѣрнымъ ослѣпленьемъ
Опять любовникъ молодой
Бѣжалъ за милой суетой.

XXIV.

За что жъ виновнѣ Татьяна?
За то ль, что въ милой простотѣ
Она не вѣдаетъ обмана
И вѣрить избранной мечтѣ?
За то ль, что любить безъ искус-

ства,

Послушная влеченю чувства,
Что такъ довѣрчива она,
Что отъ небесъ одарена
Воображеніемъ мятежнымъ,
Умомъ и волею живой,
И своенравной головой,
И сердцемъ пламеннымъ и нѣж-

нымъ?

Ужели не простите ей
Вы легкомыслія страстей?

XXV.

Кокетка судить хладнокровно;
Татьяна любить не шута,
И предается безусловно
Любви, какъ милое дитя.
Не говоритъ она: отложимъ —
Любви мы цѣну тѣмъ умножимъ,
Вѣрнѣе въ сѣти заведемъ;
Сперва тщеславіе колышемъ
Надеждой, тамъ недоумѣнемъ

Измучимъ сердце, а потомъ
Ревнивымъ оживимъ огнемъ;
А то, скучая наслажденьемъ.
Невольникъ хитрый изъ оковъ
Всечасно вырваться готовъ.

XXVI.

Еще продвигу затрудненіе:
Родной земли спасая честь,
Я долженъ буду, безъ сомнѣнья,
Письмо Татьяны перевести.
Она по-русски плохо знала,
Журналовъ нашихъ не читала,
И выражалася съ трудомъ
На языкѣ своемъ родномъ,
Итакъ писала по-французски...
Что дѣлать! повторяю вновь:
Донинѣ дамская любовь
Не изъяснялася по-русски,
Донинѣ гордый нашъ языкъ
Къ почтовой прозѣ не привыкъ.

XXVII.

Я знаю: дамъ хотѣть заставитъ
Читать по-русски. Право, страхъ!
Могу ли ихъ себѣ представить
Съ «Благонамѣреннымъ» въ ру-

кахъ!²⁰

Я шлюсь на васъ, мои поэты!
Не правда ль: милые предметы,
Которымъ за свои грѣхи
Писали втайнѣ вы стихи,
Которымъ сердце посвящали,
Не всѣ ли русскимъ языкомъ
Владѣя слабо и съ трудомъ,

²⁰ Журналъ, нѣкогда издаваемый покойнымъ А. Измайловымъ довольно неисправно. Издатель однажды печатно извинялся передъ публикою тѣмъ, что онъ на праздникахъ гулялъ.

Его такъ мило искажали,
И въ ихъ устахъ языкъ чужой
Не обратился ли въ родной?

XXVIII.

Не дай мнѣ Богъ сойтись на
балѣ
Пль при разѣздѣ на крыльцѣ
Съ семинаристомъ въ желтой шали
Иль съ академикомъ въ чепцѣ!
Какъ устѣ румянныхъ безъ улыбки,
Безъ грамматической ошпбки
Я русской рѣчи не люблю.
Быть можетъ, на бѣду мою,
Красавицъ новыхъ поколѣнье,
Журналовъ внявъ молящій гласъ,
Къ грамматикѣ пріучить насъ;
Стихи введутъ въ употребленье:
Но я... какое дѣло мнѣ?
Я вѣренъ буду старинѣ.

XXIX.

Неправильный, небрежный ле-
петъ,
Неточный выговоръ рѣчей
По прежнему сердечный трепетъ
Произведутъ въ груди моей;
Раскаяться во мнѣ нѣтъ силы,
Мнѣ галлицизмы будутъ милы,
Какъ прошлой юности грѣхи,
Какъ Богдановича стихи. *)
Но полно. Мнѣ пора заняться
Письмомъ красавицы моей;
Я слово далъ, и что жъ? ей-ей
Теперь готовъ ужъ отказаться.

Я знаю: нѣжнаго Парни **)
Перо не въ модѣ въ наши дни.

XXX.

Пѣвецъ «Шировъ» и грусти
томной, ²¹

Когда бъ еще ты былъ со мной,
Я сталъ бы просьбою нескромной
Тебя тревожить, милый мой,
Чтобъ на волшебные палѣвы
Переложилъ ты страстной дѣвы
Иноплеменные слова.
Гдѣ ты? Приди — свои права
Передаю тебѣ съ поклономъ...
Но посреди печальныхъ скалъ,
Отвыкнувъ сердцемъ отъ похвалъ,
Одинъ, подъ финскимъ небоскло-
номъ,
Онъ бродить, п душа его
Не слышитъ горя моего.

XXXI.

Письмо Татьяны предо мною,
Его я свято берегу,
Читаю съ тайною тоскою
И начитаться не могу.
Кто ей внушалъ п эту нѣжн ость
И словъ любезную небрежность?
Кто ей внушалъ умильный вздоръ,
Безумный сердца разговоръ.
И увлекательный, и вредный?
Я не могу понять. Но вотъ
Неполный, слабый переводъ,
Съ живой картины списокъ блѣд-
ный,

*) Авторъ поэмы „Душенька“. — **) Парни — Фравц. эротическій поэтъ (1753—1814 г.) — ²¹ Е. А. Баратынскій.

Или разыгранный Фрейшицъ *)
Перстами робкихъ ученицъ.

Письмо Татьяны къ Онѣ-
гину.

«Я къ вамъ нишу — чего же
болѣ?

Что я могу еще сказать?
Теперь, я знаю, въ вашей волѣ
Меня презрѣньемъ наказать.
Но вы, къ моей несчастной долѣ
Хоть каплю жалости храня,
Вы не оставите меня.
Сначала я молчать хотѣла;
Повѣрите: моего стыда
Вы не узнали бъ нкогда,
Когда бъ надежду я имѣла,
Хоть рѣдко, хоть въ недѣлю разъ,
Въ деревнѣ нашей видѣть васъ,
Чтобъ только слышать ваши рѣчи,
Вамъ слово молвить, и потомъ
Все думать, думать объ одномъ
И день и ночь до новой встрѣчи.
Но говорить, вы нелюдимъ;
Въ глуши, въ деревнѣ, все вамъ
скучно;
А мы... нпчѣмъ мы не блещемъ,
Хоть вамъ и рады простодушно.

«Зачѣмъ вы посѣтили насъ?
Въ глуши забытаго селенья
Я никогда не знала бъ васъ,
Не знала бъ горькаго мученья.
Души неопытной волненья
Смиривъ со временемъ (какъ
звать?),

По сердцу я нашла бы друга,
Была бы вѣрная супруга
И добродѣтельная мать.

«Другой!... Нѣтъ, никому на
свѣтѣ

Не отдала бы сердца я!
То въ высшемъ суждено совѣтѣ....
То воля неба — я твоя;
Вся жизнь моя была залогомъ
Свиданья вѣрнаго съ тобой;
Я знаю, ты мнѣ посланъ Богомъ,
До гроба ты хранитель мой...
Ты въ сновидѣньяхъ мнѣ являлся;
Незримый, ты мнѣ былъ ужъ милъ,
Твой чудный взглядъ меня томилъ,
Въ душѣ твой голосъ раздавался
Давно.... нѣтъ, это былъ не сонъ!
Ты чуть вошелъ, я въ мигъ узнала,
Вся обомлѣла, запылала,
И въ мысляхъ молвила: вотъ онъ!
Не правда ль? я тебя слыхала:
Ты говорилъ со мной въ тиши,
Когда я бѣднымъ помогала,
Или молитвой улаждала
Тоску волнуемой души?
И въ это самое мгновенье
Не ты ли, милое видѣнье,
Въ прозрачной темнотѣ мелькнулъ
Приникнулъ тихо къ изголовью?
Не ты ль съ отрадой и любовью
Слова надежды мнѣ шепнулъ?
Кто ты: мой ангелъ ли хранитель,
Или коварный искушитель?
Мои сомнѣнья разрѣши.
Быть можетъ, это все пустое,

*) Опера „Волшебный стрѣлокъ“ — Вебера.

Обманъ неопытной души!
 И суждено советѣмъ иное...
 Но такъ и быть! судьбу мою
 Отнынѣ я тебѣ вручаю,
 Передъ тобою слезы лью,
 Твоей защиты умоляю...
 Вообрази: я здѣсь одна.
 Никто меня не понимаетъ,
 Разсудокъ мой изнемогаетъ,
 И молча гибнуть я должна.
 Я жду тебя: единымъ взоромъ
 Надежды сердца оживи,
 Иль сонъ тяжелый перерви,
 Увы, заслуженнымъ укоромъ!

«Кончаю! страшно перечестъ....
 Стыдомъ и страхомъ зампраю...
 Но мнѣ порукой ваша честь,
 И смѣло ей себя ввѣрю....»

XXXII.

Татьянато вздохнетъ, то охнетъ;
 Письмо дрожитъ въ ея рукѣ;
 Облатка розовая сохнетъ
 На воспаленномъ языкѣ.
 Къ плечу головункой склонилась,
 Сорочка легкая спустилась
 Съ ея прелестнаго плеча.
 Но вотъ ужъ луннаго луча
 Сіянье гаснетъ. Тамъ долина
 Сквозь паръ янѣетъ. Тамъ потокъ
 Засеребрился; тамъ рожокъ
 Пастушій будятъ селянина.
 Вотъ утро; встали всѣ давно:
 Моей Татьянѣ все равно.

XXXIII.

Она зари не замѣчаетъ,
 Спитъ съ поникшею главою,

И на письмо не напираетъ
 Своей печати вырѣзной.
 Но, дверь тихонько отпиравъ,
 Ужъ ей Филиппевна сѣдая
 Приноситъ на подносѣ чай.
 — Пора, дитя мое, вставай:
 Да ты, красавица, готова!
 О, пташка ранняя моя!
 Вечоръ ужъ какъ боялась я!
 Да, слава Богу, ты здорова!
 Тоски ночной и слѣду нѣтъ.
 Лицо твое какъ маковъ цвѣтъ.

XXXIV.

«Ахъ! няня, сдѣлай одолже-
 нье...»
 — Изволь, родная, прикажи.
 «Не думай... право... подозрѣнье...
 Но видишь... Ахъ! не откажи.»
 — Мой другъ, вотъ Богъ тебѣ
 порука.
 «И такъ пошли тихонько внука
 Съ запиской этой къ О... къ
 тому...
 Къ сосѣду... да велѣть ему,
 Чтобъ онъ не говорилъ ни слова,
 Чтобъ онъ не называлъ меня...»
 — Кому же, милая моя?
 Я вывѣче стала безтолкова.
 Кругомъ сосѣдей много есть:
 Куда мнѣ ихъ и перечестъ.

XXXV.

«Какъ недогадлива ты, няня!»
 — Сердечный другъ, ужъ я стара,
 Стара; тупѣтъ разумъ, Тани;
 А то, бывало, я востра:
 Бывало, слово барской воли....

«Ахъ, няня, няня! до того ли?
Что нужды мнѣ въ твоёмъ умѣ?
Ты видишь, дѣло о письмѣ
Къ Онѣгину.» — Ну, дѣло, дѣло.
Не гнѣвайся, душа моя,
Ты знаешь, непонятна я....
Да что жъ ты снова поблѣднѣ-
ла?

«Такъ, няня, право ничего.

Пошли же внука своего.»

XXXVI.

Но день протекъ, и нѣтъ отвѣта.
Другой насталь: все нѣтъ, какъ
нѣтъ.

Блѣдна какъ тѣнь, съ утра одѣта,
Татьяна ждетъ: когда жъ отвѣтъ?
Пріѣхаль Ольгинъ обождатель.

«Скажите: гдѣ же вашъ пріятель?»

Ему вопросъ хозяйки былъ:

«Онъ что-то насъ совѣмъ за-
былъ.»

Татьяна, вспыхнувъ, задрожала.

— Сегодня быть онъ общалъ,

Старушкѣ Ленскій отвѣчалъ:

Да видно почта задержала.—

Татьяна потушила взоръ,

Какъ будто слыша злой укоръ.

XXXVII.

Смеркалось; на столѣ, блистая,
Шипѣлъ вечерній самоваръ,
Китайскій чайникъ нагрѣвалъ;
Подъ нимъ клубился легкій паръ.
Разлитый Ольгиной рукою,
По чашкамъ темною струею
Уже душистый чай бѣжалъ,

И сливки мальчикъ подавалъ;
Татьяна предъ окномъ стояла;
На стекла хладныя дыша,
Задумавшись, моя душа,
Прелестнымъ пальчикомъ писала
На отуманенномъ стеклѣ
Завѣтный вензель *О* да *Е*.

XXXVIII.

И между тѣмъ душа въ ней
ныла,
И слезъ былъ полонъ томный
взоръ.

Вдругъ топотъ!.... кровь ея за-
стыла.

Вотъ ближе! скачутъ... и на дворъ
Евгеній. «Ахъ!» и легче тѣни
Татьяна прыгъ въ другія сѣни,
Съ крыльца на дворъ, и прямо
въ садъ;

Летить, летить; взглянуть назадъ
Не смѣетъ; много общала
Куртины, мостики, лужокъ,
Аллею къ озеру, лѣсокъ,
Кусты сирени переломала,
По цвѣтникамъ летя къ ручью,
И задыхаясь на скамью

XXXIX.

Упала...

«Здѣсь онъ! здѣсь Ев-
геній!

О Боже! что подумалъ опъ!»
Въ ней сердце, полное мученій,
Хранить надежды темный сонъ;
Она дрожитъ и жаромъ пышетъ,
И ждетъ, нейдетъ ли? Но не слы-
шать.

Въ саду служанки, на грядахъ,
Сбирали ягоды въ кустахъ
И хоромъ по наказу пѣли
(Наказъ, основанный на томъ,
Чтобъ барской ягоды тайкомъ
Уста лукавыя не ѣли,
И пѣнемъ были заняты:
Затѣя сельской остроты!)

Пѣсни двѣхъ.

«Дѣвицы красавицы,
Душеньки подруженьки,
Разыграйтесь, дѣвицы,
Разгуляйтесь, милыя!
Затяните пѣсенку,
Пѣсенку завѣтную,
Заманите молодца
Къ хороводу нашему.
Какъ заманимъ молодца,
Какъ завидимъ издали,
Разбѣжимтесь, милыя,
Закидаемъ вишенъемъ,
Вишенъемъ, малиною,
Красною смородиной.
Не ходи подслушивать
Пѣсенки завѣтныя,
Не ходи подсматривать
Игры наши дѣвичьи.»

XL.

Онѣ поютъ, и съ небреженьемъ
Внимая звонкій голосъ ихъ,

Ждала Татьяна съ нетерпѣньемъ,
Чтобъ трепеть сердца въ ней за-
тихъ,
Чтобы прошло ланитъ пыланье;
Но въ персяхъ то же трепетанье,
И не проходитъ жаръ ланитъ,
Но ярче, ярче лишь горить.
Такъ бѣдный мотылекъ и бле-
щеть,
И бьется радужнымъ крыломъ,
Плѣненный школьнымъ шалу-
номъ;
Такъ зайчикъ въ озими трепе-
щеть,
Увидя вдругъ издалика
Въ кусты припадашаго стрѣлка.

XLI.

Но наконецъ она вздохнула
И встала со скамьи своей;
Пошла, но только повернула
Въ аллею — прямо передъ ней,
Блестая взорами, Евгенийъ
Стоитъ подобно грозной тѣни,
И какъ огнемъ обожжена,
Остановилась она.
Но слѣдствіи неожиданой встрѣчи
Сегодня, милые друзья,
Пересказать не въ силахъ я;
Мнѣ должно послѣ долгой рѣчи
И погулять, и отдохнуть:
Докончу послѣ какъ нибудь.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

I. II. III. IV. V. VI.

VII.

Чѣмъ меньше женщину мы лю-
бимъ,
Тѣмъ легче правимся мы ей,
И тѣмъ ее вѣрнѣ губимъ
Средь обольстительныхъ сѣтей.
Развратъ, бывало, хладнокровный
Наукой славился любовной,
Самъ о себѣ вездѣ трубя,
И наслаждаясь не любя.
Но эта важная забава
Достойна старыхъ обезьянъ
Хваленыхъ дѣдовскихъ временъ:
Ловлясовъ обветшала слава
Со славой красныхъ каблуковъ
И величавыхъ париковъ.

VIII.

Кому не скучно лицемѣрить,
Различно повторять одно;
Стараться важно въ томъ увѣрить,
Въ чемъ всѣ увѣрены давно;
Все тѣ же слышать возраженья;
Уничтожать предрасужденья,
Которыхъ не было и нѣтъ
У дѣвочки въ тринадцать лѣтъ!
Кого не утомятъ угрозы,
Моленья, клятвы, мнимый страхъ,
Записки на шести листахъ,
Обманы, слетни, кольца, слезы,
Надзоры тетокъ, матерей,
И дружба тяжкая мужей!

IX.

Такъ точно думалъ мой Евгений:
Онъ въ первой юности своей
Былъ жертвой бурныхъ заблужде-
ній

И необузданныхъ страстей.
Привычкой жизни избалованъ,
Однимъ на время очарованъ,
Разочарованный другимъ,
Желаньемъ медленно томимъ,
Томимъ и вѣтреннымъ успѣхомъ,
Внимая въ шумѣ и въ тиши
Роптанье вѣчное души,
Зѣвоту подавляя смѣхомъ:
Вотъ какъ убили онъ восемь лѣтъ,
Утратя жизни лучший цвѣтъ.

X.

Въ красавицъ онъ ужъ не влюб-
лялся,
А волочился какъ нибудь;
Откажутъ — мигомъ утѣшался;
Измѣнятъ — радъ былъ отдохнуть.
Онъ пхъ искалъ безъ упоенья,
А оставлялъ безъ сожалѣнья,
Чуть помня ихъ любовь и злость.
Такъ точно равнодушный гость
На вистъ вечерній пріѣзжаетъ,
Садится; кончилась игра:
Онъ уѣзжаетъ со двора,
Спокойно дома засыпаетъ,
И самъ не знаетъ поутру,
Куда поѣдетъ ввечеру.

XI.

Но, получивъ посланье Тани,
Онѣгинъ живо тронуть былъ:
Языкъ дѣвическихъ мечтаній
Въ немъ думы роємъ возмущилъ;
И вспомнилъ онъ Татьяны милой
И блѣдный цвѣтъ, и видъ унылый;
И въ сладостный, безгрѣшный
сонъ
Душою погрузился онъ.
Быть можетъ, чувствій пылъ ста-
ринный
Имъ на минуту овладѣлъ:
Но обмануть онъ не хотѣлъ
Довѣрчивость души невинной.
Теперь мы въ садъ перелетимъ,
Гдѣ встрѣтилась Татьяна съ нимъ.

XII.

Минуты двѣ они молчали,
Но къ ней Онѣгинъ подошелъ
И молвилъ: «Вы ко мнѣ писали,
Не отпирайтесь. Я прочелъ
Души довѣрчивой признанья,
Любви невинной изліянья;
Мнѣ ваша искренность мила;
Она въ волненье привела
Давно умолкнувшія чувства;
Но васъ хвалить я не хочу;
Я за нее вамъ отплачу
Признаньемъ также безъ искус-
ства;
Примите исповѣдь мою:
Себя на судъ вамъ отдаю.

XIII.

«Когда бы жизнь домашнимъ
кругомъ

Я ограничить захотѣлъ;
Когда бъ мнѣ быть отцомъ, су-
ругомъ
Пріятный жребій повелѣлъ;
Когда бъ семейственной карти-
ной
Плѣнился я хоть мигъ единый:
То вѣрно бъ кромѣ васъ одной
Неиѣсты не искалъ иной.
Скажу безъ блесстокъ мадригаль-
ныхъ:
Нашедъ мой прежній идеаль,
Я вѣрно бъ васъ одну избралъ
Въ подруги дней моихъ печаль-
ныхъ,
Всего прекраснаго въ залогъ,
И былъ бы счастливъ... сколько
могъ!

XIV.

«Но я не созданъ для блажен-
ства:
Ему чужда душа моя;
Напрасны ваши совершенства:
Ихъ вовсе недостойнъ я.
Повѣрьте (совѣсть въ томъ пору-
кой),
Супружество намъ будетъ му-
кой.
Я, сколько ни любилъ бы васъ,
Привыкнувъ, разлюблю тотчасъ;
Начнете плакать — ваши слезы
Не тронуть сердца моего,
А будутъ лишь бѣсить его.
Судите жъ вы, какія розы
Намъ заготовить Гименей
И, можетъ быть, на много дней!



XV.

«Что может быть на свѣтѣ
хуже

Семьи, гдѣ бѣдная жена
Груститъ о недостойномъ мужѣ,
И днемъ, и вечеромъ одна;
Гдѣ скучный мужъ, ей цѣну зная
(Судьбу однако жъ проклиная),
Всегда нахмуренъ, молчаливъ,
Сердитъ и холодно-ревнивъ!
Таковъ я. И того ль искали
Вы чистой, пламенной душой,
Когда съ такою простой,
Съ такимъ умомъ ко мнѣ писали?
Ужели жребій вамъ такой
Назначенъ строгою судьбой?

XVI.

«Мечтамъ и годамъ нѣтъ воз-
врата;

Не обновлю души моей...
Я васъ люблю любовью брата
И, можетъ быть, еще нѣжнѣй.
Послушайте жъ меня безъ гнѣва:
Смѣнить не разъ младая дѣва
Мечтамъ легкія мечты:
Такъ деревцо свои листы
Мѣняетъ съ каждою весною.
Такъ видно небомъ суждено.
Полюбите вы снова, но....
Учитесь властвовать собою,
Не всякій васъ, какъ я, пойметъ;
Къ бѣдѣ неопытность ведетъ.»

XVII.

Такъ проповѣдывалъ Евгеній.
Сквозь слезъ не видя ничего,

Едва дыша, безъ возраженій,
Татьяна слушала его.
Онъ подалъ руку ей. Печально
(Какъ говорится, машинально)
Татьяна молча оперлась;
Головкой томно склонясь,
Пошла домой вокругъ огорода;

Явились вмѣстѣ, и никто
Не вздумалъ имъ пенять на то:
Имѣть сельская свобода
Свои счастливыя права,
Какъ и надменная Москва.

XVIII.

Вы согласитесь, мой читатель,
Что очень мило поступилъ
Съ печальной Таней нашъ прія-
тель;
Не въ первый разъ онъ тутъ
явилъ

Души прямое благородство,
Хотя людей недоброхотство
Въ немъ не щадило ничего.
Враги его, друзья его
(Что, можетъ быть, одно и то же)
Его честили такъ и саякъ.
Враговъ имѣть въ мірѣ всякъ,
Но отъ друзей спаси насъ, Боже!
Ужъ эти мнѣ друзья, друзья!
О нихъ не даромъ вспомнилъ я.

XIX.

А что? Да такъ. Я усыпляю
Пустыя, черныя мечты;
Я только въ скобкахъ замѣ-
чаю,
Что нѣтъ презрѣнной клеветы,

На чердакъ врелемъ рожденной
И свѣтской чернью ободренной;
Что нѣтъ пелѣпицы такой,
Ни эпиграммы площадной,
Которой бы вашъ другъ съ улыб-
кой,
Въ кругу порядочныхъ людей,
Безъ всякой злобы и затѣй,
Не повторилъ стократъ ошибкой;
А, впрочемъ, онъ за васъ горой:
Онъ васъ такъ любить.... какъ
родной!

XXIII.

Что было слѣдствіемъ свиданья?
Увы, не трудно угадать!
Любви безумныя страданья
Не перестали волновать
Младой души, печали жадной;
Нѣтъ, пуще страстью безотрадной
Татьяна бѣдная горитъ;
Ея постели сонъ бѣжитъ;
Здоровье, жизни цвѣтъ и сладость,
Улыбка, дѣвственный покой,
Пропало все, что звукъ пустой,
И меркнетъ милой Тани младость:
Такъ одѣвается бури тѣнь
Едва рождающийся день.

XXIV.

Увы, Татьяна увядаетъ;
Блѣднѣетъ, гаснетъ — и молчитъ!
Ничто ея не занимаетъ,
Ея души не шевелитъ.
Качая важно головою,
Сосѣди шепчуть межъ собою:

Пора, пора бы замужъ ей!
Но полно. Надо мнѣ скорѣй
Развеселить воображенье
Картиной счастливой любви.
Невольно, милые мои,
Меня стѣсняетъ сожалѣнье;
Простите мнѣ: я такъ люблю
Татьяну милую мою!

XXV.

Часть отъ часу плѣненный болѣ
Красами Ольги молодой,
Владиміръ сладостной неволѣ
Предался полною душой.
Онъ вѣчно съ ней. Въ ея покоѣ
Они сидятъ въ потемкахъ двое,
Они въ саду, рука съ рукой,
Гуляютъ утренней порой;
И что жъ? Любовью упоенный,
Въ смятеньи нѣжнаго стыда,
Онъ только смѣетъ иногда,
Улыбкой Ольги ободренный,
Развитымъ локономъ играть,
Иль край одежды цѣловать.

XXVI.

Онъ иногда читаетъ Олѣ
Нравоучительный романъ,
Въ которомъ авторъ знаетъ болѣ
Природу, чѣмъ Шатобріанъ;*)
А между тѣмъ двѣ, три страницы
(Пустыя бредни, небылицы.
Опасныя для сердца дѣвъ)
Онъ пропускаетъ, покрасѣвъ.
Уединясь отъ всѣхъ далеко,
Они надъ шахматной доской,

*) Французскій писатель (1769—1848 г.).

На столъ облокотясь, порой
Сидятъ, задумавшись глубоко,
И Ленскій пѣшкою ладью
Беретъ въ разсыяньи свою.

XXVII.

Поѣдетъ ли домой: и дома
Онъ занять Ольгою своей.
Летучіе листки альбома
Прилежно украшаетъ ей:
То въ нихъ рисуется сельски виды,
Надгробный камень, храмъ Кип-
риды,
Или на лпрѣ голубка,
Перомъ и красками слегка;
То на листкахъ воспоминанья,
Пониже подписи другихъ,
Онъ оставляетъ нѣжный стихъ,
Безмолвный памятникъ мечтанья
Мгновенной думы легкой слѣдъ,
Все тотъ же послѣ многихъ лѣтъ.

XXVIII.

Конечно, вы не разъ видали
Уѣздной барышни альбомъ,
Что всѣ подружки измарали
Съ конца, съ начала и кругомъ.
Сюда, на зло правописанью,
Стихи безъ мѣры, по преданью,
Въ знакъ дружбы вѣрной вне-
сени,
Уменьшены, продолжены.
На первомъ листикѣ встрѣчаешь:
Qu'écritez-vous sur ces tablettes?
И подпись: *t. à v. Annette;*
А на послѣднемъ прочитаешь:
«Кто любитъ болѣе тебя,
Пусть пишетъ далѣе меня.»

XXIX.

Тутъ непременно вы найдете
Два сердца, факель и цвѣтки;
Тутъ вѣрно клятвы вы прочтете
Въ любви до гробовой доски;
Какойнибудь шпатель армейскій
Тутъ подмахнулъ стихокъ зло-
дѣйскій.

Въ такой альбомъ, мои друзья,
Признаться, радъ писать и я,
Увѣренъ будучи душою,
Что всякій мой усердный вздоръ
Заслужитъ благосклонный взоръ,
И что потомъ съ улыбкой злою
Не станутъ важно разбирать,
Остро или нѣтъ я могъ соврать.

XXX.

Но вы, разрозненные томы
Изъ бібліотеки чертей,
Великолѣпные альбомы,
Мученье модныхъ рифмачей,
Вы, украшенные проворно
Толстаго кистью чудотворной,
Иль Баратынскаго перомъ,
Пускай сожжетъ васъ Божій громъ!
Когда блистательная дама
Мнѣ свой *in-quarto* подаетъ,
И дрожь, и злость меня беретъ,
И шевелится эпиграмма
Во глубинѣ моей души,
А мадригалы имъ пиши!

XXXI.

Не мадригалы Ленскій пишетъ
Въ альбомѣ Ольги молодой;
Его перо любовью дышетъ,

Не хладной блещеть остротой;
 Что ни замѣтить, ни услышать
 Объ Ольгѣ, онъ про то и пишетъ:
 И полны истины живои
 Текуть элегии рѣкой.
 Такъ ты, Языковъ вдохновенный,
 Въ порывахъ сердца своего,
 Поешь, Богъ вѣдаетъ, кого,
 И сводъ элегій драгоцѣнный
 Представить нѣкогда тебѣ
 Всю повѣсть о твоей судьбѣ.

XXXII.

Но тише! Слышишь! Критикъ
 строгій
 Повелѣваетъ сбросить намъ
 Элегии вѣнокъ убогій,
 И нашей братьѣ рифмачамъ
 Кричить: «да перестаньте пла-
 кать,
 И все одно и то же квакать,
 Жалѣть о прежнемъ, о быломъ:
 Довольно — пойте о другомъ!»
 — Ты правъ, и вѣрно намъ ука-
 жешь
 Трубу, личину и книжалъ,
 И мыслей мертвый капиталъ
 Отвсюду воскресить прикажешь.
 Не такъ ли, другъ? — Ни чуть.
 Куда!
 «Пишите оды, госнода,

XXXIII.

«Какъ ихъ писали въ мощны
 годы,
 Какъ было встарь заведено...»
 — Однѣ торжественныя оды!
 И, полно, другъ: не все ль равно?

Припомни, что сказалъ сатирикъ!
 Чужаго толка хитрый лирикъ
 Ужели для тебя сноснѣй
 Унылыхъ нашихъ рифмачей? —
 «Но все, въ элегии ничтожно;
 Пустая цѣль ея жалка;
 Межъ тѣмъ цѣль оды высока
 И благородна...» Тутъ бы можно
 Поспорить намъ, но я молчу:
 Два вѣка ссорить не хочу.

XXXIV.

Поклонникъ славы и свободы,
 Въ волненьи бурныхъ думъ сво-
 ихъ,
 Владиміръ и писалъ бы оды,
 Да Ольга не читала ихъ.
 Случалось ли поэтамъ слезнымъ
 Читать въ глаза своимъ любез-
 нымъ
 Свои творенья? Говорятъ,
 Что въ мірѣ выше нѣтъ награды.
 И впрямъ, блаженъ любовникъ
 скромный,
 Читающій мечты свои
 Предмету пѣсень и любви,
 Красавицѣ пріятно-томной!
 Блаженъ... хоть, можетъ быть,
 она
 Совсѣмъ инымъ развлечена.

XXXV.

Но я плоды моихъ мечтаній
 И гармоническихъ затѣй
 Читаю только старой нянѣ.
 Подругѣ юности моей;
 Да послѣ скучнаго обѣда,
 Ко мнѣ забредшаго сосѣда

Поймавъ неожиданно за полу,
 Душу трагедіей въ углу;
 Или (но это кромѣ шутокъ).
 Тоской и рифмами томимъ,
 Бродя надъ озеромъ моимъ,
 Пугаю стадо дикихъ утокъ:
 Внявъ пѣнью сладкозвучныхъ
 строфъ,

Онѣ слетаютъ съ береговъ.

XXXVI. XXXVII.

А что жъ Онѣгинъ? Кстати,
 братья!

Терпѣнья вашего прошу:
 Его вседневныя запятъ
 Я вамъ подробно опишу.
 Онѣгинъ жилъ анахоретомъ;
 Въ седьмомъ часу вставалъ онъ
 лѣтомъ

И отправлялся налегкѣ
 Къ бѣгущей подъ горой рѣкѣ;
 Пѣвцу Гюльнары подражая,
 Сей Геллеспонть переплывалъ,
 Потомъ свой кофе выпивалъ,
 Плохой журналъ перебирая,
 И одѣвался

.

XXXVIII. XXXIX.

Прогулки, чтенье, сонъ глубо-
 кій,

Лѣсная тѣнь, журчанье струй,
 Порой бѣлянки черноокой
 Младой и свѣжій подѣлуй,
 Уздѣ послушный конь ретивый,
 Обѣдъ довольно прихотливый,
 Бутылка свѣтлаго вина,
 Уединенье, тишина:

Вотъ жизнь Онѣгина святая;
 И нечувствительно онъ ей
 Предался, красныхъ лѣтнихъ дней
 Въ безпечной нѣгѣ не считая,
 Забывъ и городъ, и друзей,
 И скуку праздничныхъ затѣй.

XI.

Но наше сѣверное лѣто,
 Карриатура южныхъ зимъ,
 Мелькнетъ и нѣтъ: извѣстно это,
 Хотя мы признаться не хотимъ.
 Ужъ небо осенью дышало,
 Ужъ рѣже солнышко блистало,
 Короче становился день.
 Лѣсовъ таинственная сѣнь
 Съ печальнымъ шумомъ обна-
 жалась.

Ложился на поля туманъ,
 Гусей крикливыхъ караванъ
 Тянулся къ югу: приближалась
 Довольно скучная пора;
 Стоялъ ноябрь ужъ у двора.

XII.

Встаетъ заря во мглѣ холодной;
 На нивахъ шумъ работъ умолкъ;
 Съ своей волчихою голодной
 Выходитъ на дорогу волкъ;
 Его почуя, конь дорожный
 Храпитъ — и путникъ осторожный
 Несется въ гору во весь духъ;
 На утренней зарѣ пастухъ
 Не гонитъ ужъ коровъ изъ
 хлѣва,
 И въ часъ полуденный въ кру-
 жокъ
 Ихъ не зоветъ его рожокъ;

Въ избушкѣ, распѣвая, дѣва ²²
Прядетъ, и, зимнихъ другъ ночей,
Трепцить лучина передъ ней.

XIII.

И вотъ уже трещать морозы
И серебрятся средь полей...
(Читатель ждетъ ужъ рифмы —
розы:

На, вотъ возьми ее скорѣй!)
Опрятнѣй моднаго паркета,
Блится рѣчка, льдомъ одѣта.
Мальчишекъ радостный народъ
Коньками звучно рѣжетъ ледъ;²³
На красныхъ лапкахъ гусь ти-
желый,
Задумавъ плыть по лону водъ,
Ступаетъ бережно на ледъ,
Скользитъ и падаетъ; веселый
Мелькаетъ, вьется первый снѣгъ,
Звѣздами падая на брегъ.

XLIII.

Въ глуши что дѣлать въ эту
пору?
Гулять? Деревня той порою
Невольно докучаетъ взору
Однообразной наготой.
Скакать верхомъ въ степи су-
ровой?
Но конь, притупленной подковой
Невѣрный зацѣпляя ледъ,

Того и жди, что упадетъ.
Сиди подъ кровлею пустынной,
Читай: вотъ Прадтъ, *) вотъ
W. Scott!

Не хочешь? Повѣрай расходъ,
Сердись, иль пей, и вечеръ
длинный
Кой какъ пройдетъ, а завтра то жъ,
И славно зиму проведешь.

XLIV.

Прямымъ Онѣгинъ Чальдъ Га-
рольдомъ
Вдался въ задумчивую дѣнь:
Со сна садится въ ванну со льдомъ,
И послѣ, дома цѣлый день,
Одинъ, въ расчеты погруженный,
Тупымъ кіемъ вооруженный,
Онъ на бильярдѣ въ два шара
Играетъ съ самаго утра;
Настанетъ вечеръ деревенскій,
Бильярдъ оставленъ, кій забытъ,
Передъ каминомъ столъ накрытъ,
Евгеній ждетъ: вотъ ѣдетъ Ленскій
На тройкѣ чалыхъ лошадей;
Давай обѣдать поскорѣй!

XLV.

Вдовы Кипко или Моза
Благословенное вино
Въ бутылкѣ мерзлой для поэта
На столъ тотчасъ принесено.

²² Въ журналахъ удивлялись, какъ можно было назвать дѣвою простую крестьянку, между тѣмъ какъ благородныя барышни, немного ниже, названы дѣвчонками! — ²³ „Это значитъ,“ замѣчаетъ одинъ изъ нашихъ критиковъ: „что мальчишки катаются на конькахъ.“ Справедливо. — *) Писатель и государственный дѣлатель Франціи (1759—1837 г.)

Оно сверкаетъ Ипокреной; *)
 Оно своей игрой и пѣной
 (Подобіемъ того-сего)
 Меня плѣняло: за него
 Послѣдній бѣдный лептъ, бывало,
 Давалъ я, помните ль, друзья?
 Его волшебная струя
 Рождала глупостей не мало;
 А сколько шутокъ, и стиховъ,
 И споровъ, и веселыхъ сповѣ!

XLVI.

Но измѣняетъ пѣной шумной
 Оно желудку моему,
 И я бордо благоразумный
 Ужъ нынче предпочелъ ему.
 Къ аи я больше неспособенъ;
 — Аи любовницѣ подобенъ,
 Блестящей, вѣтренной, живой,
 И своенравной, и пустой....
 Но ты, бордо, подобенъ другу,
 Который въ горѣ и въ бѣдѣ,
 Товарищъ всегда, вездѣ,
 Готовъ намъ оказать услугу,
 Иль тихій раздѣлить досугъ.
 Да здравствуетъ бордо, нашъ
 другъ!

XLVII.

Огонь потухъ; едва золою
 Подернуть уголь золотой;
 Едва замѣтною струею
 Віется паръ, и теплотой
 Каминъ чуть дышетъ. Дымъ изъ
 трубокъ

Въ трубу уходитъ. Свѣтлый ку-
 бокъ

Еще шипитъ среди стола.
 Вечерняя находитъ мгла...
 (Люблю я дружескія враки
 И дружескій бокаль вина
 Порою той, что названа
 Пора межъ волка и собаки,
 А почему, не вижу я).
 Теперь бесѣдуютъ друзья:

XLVIII.

«Ну, что сосѣдки? Что Татьяна?
 Что Ольга рѣзвая твоя?»
 — Налей еще мнѣ полстакана...
 Довольно, милый.... Вся семья
 Здорова; кланяться велѣли.
 Ахъ, милый, какъ похорошѣли
 У Ольги плечи, что за грудь!
 Что за душа!... Когда нибудь
 Заѣдемъ къ нимъ; ты ихъ обя-
 жешь;
 А то, мой другъ, суди ты самъ:
 Два раза заглянулъ, а тамъ
 Ужъ къ нимъ и носу не пока-
 жешь.
 Да вотъ.... какой же я болванъ!
 Ты къ нимъ на той недѣлѣ званъ.

XLIX.

«Я?» — Да, Татьяны именны
 Въ субббту. Оливка и магъ
 Велѣли звать, и нѣтъ причины
 Тебѣ на зовъ не пріѣзжать.
 «Но куча будетъ тамъ народу

*) Ипокрена — въ греч. мифологіи — источникъ, посвященный Аполлону. Всякій, кто изъ него пилъ, говорилъ стихами.

И всякаго такого сброду...
 — И, никого, увѣренъ я!
 Кто будетъ тамъ? своя семья.
 Поѣдемъ, сдѣлай одолженъе!
 Ну, что жъ? «Согласенъ.» — Какъ

ты милъ! —

При сихъ словахъ онъ осушилъ
 Стаканъ, сосѣдкѣ приношенъе,
 Потомъ разговорился вновь
 Про Ольгу: такова любовь!

L.

Онъ веселъ былъ. Чрезъ двѣ
 Недѣли
 Назначенъ былъ счастливый
 Срокъ.
 Гимена хлопоты, печали,
 Зѣвоты хладная чреда
 Ему не спились никогда.
 Межъ тѣмъ какъ мы, враги Гимена,
 Въ домашней жизни зримъ одинъ
 Рядъ утомительныхъ картинъ,
 Романъ во вкусѣ Ляфонтена...²⁴

Мой бѣдный Ленскій, сердцемъ
 Онъ
 Для оной жизни былъ рожденъ.

LI.

Онъ былъ любимъ... по крайней
 мѣрѣ
 Такъ думалъ онъ, и былъ счастливъ.
 Стократъ блаженъ, кто преданъ
 вѣрѣ,
 Кто, хладный умъ угомонивъ,
 Покоится въ сердечной нѣгѣ,
 Какъ пьяный путникъ на ночлегъ,
 Или, нѣжнѣй, какъ мотылекъ,
 Въ весенній впившійся цвѣтокъ;
 Но жалокъ тотъ, кто все предвидитъ,
 Чья не кружится голова,
 Кто всѣ движенья, всѣ слова
 Въ ихъ переводѣ ненавидитъ.
 Чье сердце опытъ остудилъ
 И забываться запретилъ!

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О, не знай сихъ страшныхъ сновъ,
 Ты, моя Святлана!
 Жуковскій.

I.

Въ тотъ годъ осенняя погода
 Стояла долго на дворѣ.

Зимы ждала-ждала природа.
 Снѣгъ выпалъ только въ декабрѣ,
 На третье въ ночь. Проснувшись
 рано,

²⁴ Августъ Ляфонтенъ — авторъ множества семейственныхъ романовъ.

Въ окно увидѣла Татьяна
Поутру побѣлѣвшій дворъ,
Куртины, кровли и заборъ;
На стеклахъ легкіе узоры,
Деревья въ зимнемъ серебрѣ,
Сорокъ веселыхъ на дворѣ,
И мягко устланныя горы
Зимы блистательнымъ ковромъ.
Все ярко, все бѣло кругомъ.

II.

Зима... Крестьянинъ, торже-
ствуя,
На дровняхъ обновляетъ путь;
Его лошадка, снѣгъ почуя,
Плетется рысью какъ нибудь;
Бразды пушистыя взрывая,
Летить кибитка удалая;
Ямщикъ сидитъ на облучкѣ
Въ тулупѣ, въ красномъ кушакѣ.
Вотъ бѣгаетъ дворовый мальчикъ.
Въ салазки жучку посадивъ,
Себя въ коня преобразивъ,
Шалунъ ужъ заморозилъ паль-
чикъ:
Ему и больно и смѣшно,
А мать грозитъ ему въ окно.

III.

Но, можетъ быть, такого рода
Картины васъ не привлекутъ:
Все это низкая природа;
Изящнаго не много тутъ.
Согрѣтый вдохновенья богомъ,
Другой поэтъ роскошнымъ сло-
гомъ

Живописалъ намъ первый снѣгъ
И всѣ оттѣнки зимнихъ вѣгъ.²⁶
Онъ васъ плѣнитъ, я въ томъ
увѣренъ,
Рисуя въ пламенныхъ стихахъ
Прогулки тайныя въ саяхъ;
Но я бороться не намѣренъ
Ни съ нимъ покамѣстъ, ни съ
тобой,
Пѣвецъ финляндки молодой!²⁷

IV.

Татьяна (русская душою,
Сама не зная почему)
Съ ея холодною красотою
Любила русскую зиму,
На солнцѣ иней въ день мороз-
ный,
И сани, и зарю поздней
Сіянье розовыхъ снѣговъ,
И мглу крещенскихъ вечеровъ.
По старинѣ торжествовали
Въ ихъ домѣ эти вечера:
Служанки со всего двора
Про барышенъ своихъ гадали,
И имъ сулили каждый годъ
Мужьевъ военныхъ и походъ.

V.

Татьяна вѣрила преданьямъ
Простонародной старины,
И снамъ, и карточнымъ гаданьямъ,
И предсказаньямъ луны.
Ее тревожили примѣты;
Таинственно ей всѣ предметы
Провозглашали что нибудь,

²⁶ См. „Первый снѣгъ,“ стихотвореніе князя Вяземскаго.— ²⁷ См. описанія финляндской зимы въ „Эдѣ“ Баратынскаго.

Предчувствія тѣснили грудь.
Жеманный котъ на печкѣ спя,
Мурлыча, лапкой рыльцо мыль:
То несомнѣнный знакъ ей былъ,
Что ѣдутъ гости. Вдругъ увидя
Младой двурогій ликъ луны
На небѣ съ лѣвой стороны,

VI.

Она дрожала и блѣднѣла.
Когда жъ падучая звѣзда
По небу темному летѣла
И разсыпалась, тогда
Въ смятеньи Таня торопилась,
Пока звѣзда еще катилась,
Желанье сердца ей шепнуть.
Когда случилось гдѣ нибудь
Ей встрѣтить чернаго монаха,
Иль быстрый залпъ межъ полей
Перебѣгалъ дорогу ей —
Не зная, что начать со страха,
Предчувствій горестныхъ полна,
Идала несчастья ужъ она.

VII.

Что жъ? Тайну прелесть нахо-
дила
И въ самомъ ужасѣ она:
Такъ насъ природа сотворила,
Къ противорѣчію склонна.
Настали свѣтки. То-то радость!
Гадаетъ вѣтренная младость,
Которой ничего не жаль,
Передъ которой жизни даль
Лежитъ свѣтла, необозрима;
Гадаетъ старость сквозь очки

У гробовой своей доски,
Все потерявъ невосвратимо;
И все равно: надежда пмъ
Лжетъ дѣтскимъ лепетомъ своимъ.

VIII.

Татьяна любопытнымъ взоромъ
На воскъ потопленный глядитъ:
Онъ чудно вылитымъ узоромъ
Ей что-то чудное гласитъ;
Изъ блюда, полного водою,
Выходятъ кольца чередою;
И вынулось колечко ей
Подъ пѣсенку старинныхъ дней:
«Тамъ мужички-то все богаты;
Гребутъ лопатой серебро;
Кому поемъ, тому добро
И слава!» Но сулитъ утраты
Сей пѣсни жалостный напѣвъ;
Милѣй кошурка сердцу дѣвъ²⁸.

IX.

Морозна ночь; все небо ясно;
Свѣтилъ небесныхъ дивный хоръ
Течетъ такъ тихо, такъ соглас-
но...
Татьяна на широкій дворъ
Въ открытомъ платицѣ выхо-
дитъ,
На мѣсяцъ зеркало наводитъ;
Но въ темномъ зеркалѣ одна
Дрожитъ печальная луна...
Чу... свѣтъ хруститъ... прохожій;
дѣва
Къ нему на-цыпочкахъ летитъ,
И голосокъ ея звучитъ

²⁸ „Зоветъ котъ кошурку въ печурку спать“ — предвѣщаніе свадьбы; первая пѣсня предрекаетъ смерть.

Нѣжнѣй свирѣльнаго напѣва:

«Какъ ваше имя?»²⁹ Смотрить

онъ —

И отвѣчаетъ: Агаѳонъ.

X.

Татьяна, по совѣту няни,
Сбираясь ночью воровать,
Тихонько приказала въ банѣ
На два прибора столъ накрыть;
Но стало страшно вдругъ Татья-
нѣ...

И я — при мысли о Свѣтланѣ,
Мнѣ стало страшно — такъ и
быть...

Съ Татьяной намъ не воровать.
Татьяна поясокъ шелковый
Сняла, раздѣлась и въ постель
Дегла. Надъ нею вьется Лель,
А подъ подушкою пуховой
Дѣвичье зеркало лежитъ.
Утихло все. Татьяна спитъ.

XI.

И снится чудный сонъ Татьянѣ.
Ей снится, будто бы она
Идетъ по снѣговой полянѣ,
Печальной мглой окружена;
Въ сугробахъ снѣжныхъ передъ
нею

Шумитъ, клубитъ волной своею
Кипучей, темный п сѣдой
Потокъ, не скованный зимой;
Двѣ жердочки склесены льдиной,
Дрожащій, гибельный мостокъ,
Положены черезъ потокъ;
И предъ шумяшею пучиной,

Недоумѣнія полна,

Остановилася она.

XII.

Какъ на досадную разлуку,
Татьяна ропщетъ на ручей,
Не видитъ никого, кто руку
Съ той стороны подалъ бы ей.
Но вдругъ сугробъ зашевелился,
И кто жъ изъ подъ него явился?
Большой взъерошенный медвѣдь;
Татьяна, ахъ! а онъ реветъ,
И лапу съ острыми когтями
Ей протянулъ; она, скрѣпясь,
Дрожащей ручкой оперлась,
И брызливymi шагами
Перебралась черезъ ручей;
Пошла — и что жъ? медвѣдь за
ней.

XIII.

Она, взглянуть назадъ не смѣя,
Поспѣшнѣй ускоряетъ шагъ;
Но отъ косматого лакея
Не можетъ убѣжать никакъ;
Кряхтя, валитъ медвѣдь неснос-
ный;
Предъ нимъ лѣсъ; недвижны со-
сны
Въ своей нахмуренной красѣ;
Отягчены ихъ вѣтви всѣ
Клоками снѣга; сквозь вершины
Осинъ, березъ и липъ нагихъ
Сіяетъ лучъ свѣтилъ починныхъ;
Дороги нѣтъ; кусты, стремнины
Метелью всѣ занесены,
Глубоко въ снѣгъ погружены.

²⁹ Такимъ образомъ узнать имя будущаго жениха.

XIV.

Татьяна вѣлѣсь, медвѣдь за нею;
 Снѣгъ рыхлый по колѣно ей;
 То длинный сукъ ее за шею
 Зацѣпнѣть вдругъ, то изъ ушей
 Златыя серьги вырветъ силой;
 То въ хрупкомъ снѣгѣ съ ножки
 милой

Увязнетъ мокрый башмачекъ;
 То выронитъ она платокъ;
 Поднять ей некогда: боится,
 Медвѣдя слышитъ за собой,
 И даже трепетной рукой
 Одежды край поднять стыдится;
 Она бѣжитъ, онъ все во слѣдъ;
 И силъ уже бѣжать ей нѣтъ.

XV.

Упала въ снѣгъ; медвѣдь про-
 ворно
 Ее хватаетъ и несетъ;
 Она безчувственно-покорна;
 Не шевелится, недохнетъ;
 Онъ мчитъ ее лѣсной дорогой:
 Вдругъ межъ деревъ шалашъ убо-
 гій.

Кругомъ все глушь; отъсюду онъ
 Пустыннымъ снѣгомъ занесенъ,
 И ярко свѣтитъ окошко,
 И въ шалашѣ и крикъ, и шумъ;
 Медвѣдь примолвилъ: «здѣсь мой
 кумъ:

Погрѣйся у него немножко!»
 И въ сѣни прямо онъ идетъ,
 И на порогъ ее кладетъ.

XVI.

Опомнилась, глядитъ Татьяна:
 Медвѣдя нѣтъ; она въ сѣняхъ;
 За дверью крикъ и звонъ стакана,
 Какъ на большихъ похоронахъ;
 Не видя тутъ ни капли толку,
 Глядитъ она тихонько въ щелку,
 И что же! видитъ... за столомъ
 Сидятъ чудовища кругомъ:
 Одинъ въ рогахъ съ собачьей
 мордой,

Другой съ пѣтушьей головой,
 Здѣсь вѣдьма съ козьей бородой,
 Тутъ остовъ чопорный и гордый,
 Тамъ карла съ хвостикомъ, а вотъ
 Полу-журавль и полу-котъ.

XVII.

Еще страшнѣй, еще чуднѣе:
 Вотъ ракъ верхомъ на наукѣ,
 Вотъ черепъ на гусиной шеѣ
 Вертится въ красномъ колпакѣ,
 Вотъ мельница въ присядеу пля-
 шеть
 И крыльями трещитъ и машетъ;
 Лай, хохотъ, пѣнье, свистъ и
 хлопъ.

Людская молвь и конскій топъ!³⁰

³⁰ Въ журналахъ осуждали слова: хлопъ, молвь и топъ, какъ неудачное нововведеніе. Слова сія коренныя русскія. „Вышелъ Бова изъ шатра прохладиться и услышалъ въ чистомъ полѣ людскую молвь и конскій топъ“ (Сказка о Бовѣ Королевичѣ.) Хлопъ употребляется въ просторѣчій вмѣсто хлопаніе, какъ шипъ вмѣсто шипѣніи. „Онъ шипъ пустилъ по змѣиному“ (Древнія русскія стихотворенія.) — Не должно мѣшать свободѣ нашего богатаго и прекраснаго языка.

Авроры сѣверной алѣй
И легче ласточки, влетаетъ;
«Ну, говорить: скажи жъ ты мнѣ,
Кого ты видѣла во снѣ?»

XXII.

Но та, сестры не замѣчая,
Въ постелѣ съ книгою лежитъ,
За листомъ листъ перебирая,
И ничего не говоритъ.
Хоть не являла книга эта
Ни сладкихъ вымысловъ поэта,
Ни мудрыхъ истинъ, ни картинъ;
Но ни Виргилій, ни Расинъ,
Ни Скоттъ, ни Байронъ, ни Се-
нека,
Ни даже Дамскихъ Модъ журналъ
Такъ никого не занималъ:
То былъ, друзья, Мартынъ За-
дека,³²
Глава халдейскихъ мудрецовъ,
Гадатель, толкователь сновъ.

XXIII.

Сіе глубокое творенье
Завезъ кочующій купецъ
Однажды къ нимъ въ уединенье,
И для Татьяны, наконецъ,
Его съ разрозненной «Мальвиной»
Онъ уступилъ за три съ полтиной,
Въ придачу взявъ еще за нихъ
Собранье басенъ площадныхъ,

Граматику, двѣ Петріады,
Да Мармонтеля третій томъ.
Мартынъ Задека сталъ потомъ
Любимецъ Тани.... Онъ отрады
Во всѣхъ печаляхъ ей дарить,
И безотлучно съ нею спитъ.

XXIV.

Ее тревожитъ сновидѣнье.
Не зная, какъ его понять,
Мечтанья страшнаго значенье
Татьяна хочетъ отыскать.
Татьяна въ оглавленіи краткомъ
Находитъ азбучнымъ порядкомъ
Слова: боръ, буря, воронъ, ель,
Ежъ, мракъ, мостокъ, медвѣдь,
метель,
И прочая. Ея сомнѣній
Мартынъ Задека не рѣшить;
Но сонъ зловѣщій ей сулитъ
Печальныхъ много приключеній.
Дней нѣсколько она потомъ
Все беспокоилась о томъ.

XXV.

Но вотъ багряною рукою³³
Заря отъ утреннихъ долинъ
Выводитъ съ солнцемъ за собою
Веселый праздникъ именинъ.
Съ утра домъ Лариной гостями
Весь полонъ; цѣлыми семьями
Сосѣди съѣхались въ возкахъ,

³² Гадательныя книги издаются у насъ подъ фирмою Мартына Задеки, почтеннаго челоѣка, не писавшаго никогда гадательныхъ книгъ, какъ замѣчаетъ Б. М. Федоровъ.

³³ Пародія извѣстныхъ стиховъ Ломоносова:

Заря багряною рукою

Отъ утреннихъ спокойныхъ водъ

Выводитъ съ солнцемъ за собою — и проч.

Въ кибиткахъ, въ бричкахъ и въ
саняхъ.

Въ передней толкотня, тревога;
Въ гостиной встрѣча новыхъ лицъ,
Лай мосекъ, чмоканье дѣвицъ,
Шумъ, хохотъ, давка у порога,
Поклоны, шарканье гостей,
Кормилицъ крикъ и плачь дѣтей.

XXVI.

Съ своей супругою дородной
Приѣхалъ толстый Пустяковъ;
Гвоздинъ, хозяинъ превосходный,
Владѣлецъ нищихъ мужиковъ;
Скотинины, чета сѣдая,
Съ дѣтьми всѣхъ возрастовъ, снп-
тая
Отъ тридцати до двухъ годовъ;
Уѣздный фратикъ Пѣтушковъ;
Мой братъ двоюродный, Буяновъ,
Въ пуху, въ картузѣ съ козырь-
комъ³⁴
(Какъ вамъ, конечно, онъ зна-
комъ),
И основной совѣтникъ Фляновъ,
Тяжелый сплетникъ, старый
плутъ,
Обжора, взяточникъ и шутъ.

XXVII.

Съ семьей Павфила Харликова
Приѣхалъ и мосеъ Трике,
Острякъ, недавно изъ Тамбова,

Въ очкахъ и въ рыжемъ парикѣ.
Какъ истинный французъ, въ
карманѣ
Трике привезъ куплетъ Татьянѣ
На голосъ, знаемый дѣтьми:
Reveille vous, belle endormie.
Межъ ветхихъ пѣсенъ альманаха
Былъ напечатанъ сей куплетъ;
Трике, догадливый поэтъ,
Его на свѣтъ явилъ изъ праха,
И смѣло — вмѣсто belle Nina —
Поставилъ belle Tatiana.

XXVIII.

И вотъ изъ ближняго посада
Созрѣвшихъ барышень кумиръ,
Уѣздныхъ матушекъ отрада,
Приѣхалъ ротный командиръ;
Вошелъ.... Ахъ, новость, да ка-
кая!
Музыка будетъ полковая!
Полковникъ самъ ее послалъ.
Какая радость: будетъ балъ!
Дѣвчонки прыгаютъ заранѣ.³⁵
Но кушать подали. Четой
Идутъ за столъ рука съ рукою,
Тѣснятся барышни къ Татьянѣ;
Мужчины противъ — и, крестясь,
Толпа жужжить, за столъ сядься,

XXIX.

На мигъ умолкли разговоры;
Уста жуютъ. Со всѣхъ сторонъ

³⁴ Буяновъ мой сосѣдъ

Пришелъ ко мнѣ вчера съ небритыми усами,
Растрепанный, въ пуху, въ картузѣ съ козырькомъ....
(Опасный Сосѣдъ).

³⁵ Наши критики, вѣрные почитатели прекраснаго пола, сильно осуждали неприличіе сего стиха.

Хранить глубокое молчанье.
Татьяна чуть жива; Трике,
Къ ней обратясь съ листкомъ въ
рукѣ,
Запѣлъ, фальшивя. Плески, клики
Его привѣтствуютъ. Она
Пѣвцу присѣсть принуждена;
Поэтъ же скромный, хоть великій,
Ея здоровье первый пьетъ
И ей куплетъ передаетъ.

XXXIV.

Пошли привѣты, поздравленья;
Татьяна всѣхъ благодарить.
Когда же дѣло до Евгенья
Дошло, то дѣвы томный видъ,
Ея смущеніе, усталость
Въ его душѣ родили жалость:
Онъ молча поклонился ей,
Но какъ-то взоръ его очей
Былъ чудно-нѣженъ. Отъ того ли,
Что онъ и правду тронуть былъ,
Иль онъ кокетствуя шалилъ,
Невольно ль, иль изъ доброй воли,
Но взоръ ей нѣжность изъяснилъ:
Онъ сердце Тани оживилъ.

XXXV.

Гремятъ отодвинутые стулья;
Толпа въ гостиную валить:
Такъ пчелъ изъ лакомаго улья
На ниву шумный рой летить.
Довольный праздничнымъ обѣ-
домъ,
Сосѣдъ сопитъ передъ сосѣдомъ;
Подсѣли дамы къ камельку;
Дѣвицы шепчутъ въ уголку;
Столы зеленые раскрыты:

Зовутъ задорныхъ игроковъ
Бостонъ, и ломберъ стариковъ,
И вистъ, до нынѣ знаменитый,
Однообразная семья,
Всѣ жадной скуки сыновья.

XXXVI.

Ужъ восемь роберовъ сыграли
Герои виста; восемь разъ
Они мѣста перемѣняли;
И чай несутъ. Люблю я часъ
Опредѣлять обѣдомъ, чаемъ
И ужиномъ. Мы время знаемъ
Въ деревнѣ безъ большихъ суетъ:
Желудокъ — вѣрный нашъ бре-
гетъ,
И, кстати, я замѣчу въ скобкахъ,
Что рѣчь веду въ моихъ стро-
фахъ
Я столь же часто о пирахъ,
О разныхъ кушаньяхъ и проб-
кахъ,
Какъ ты, божественный Омиръ,
Ты, тридцати вѣковъ кумиръ!

XXXVII. XXXVIII. XXXIX.

Но чай несутъ: дѣвицы чинно
Едва за блюдечки взялись,
Вдругъ изъ-за двери въ залъ
длинной
Фаготъ и флейта раздались.
Обрадованъ музыки громомъ,
Оставя чашку чаю съ ромомъ,
Парисъ окружныхъ городковъ,
Подходить къ Ольгѣ Пѣтушковой,
Къ Татьянѣ Ленскій, Харликову,
Невѣсту пересѣльныхъ лѣтъ,
Веретъ тамбовскій мой поэтъ,

Умчалъ Буяновъ Пустякову,
И въ залу высыпали всѣ,
И балъ блеститъ во всей красѣ.

XI.

Въ началѣ моего романа
(Смотрите первую тетрадь)
Хотѣлось въ родѣ мнѣ Альбана
Балъ петербургскій описать;
Но, развлеченъ пустымъ меч-
таньемъ,
Я занялся воспоминаньемъ
О ножкахъ мнѣ знакомыхъ дамъ,
По вашимъ узенькимъ слѣдамъ,
О ножки, полно заблуждаться!
Съ измѣной юности моей
Пора мнѣ сдѣлаться умнѣй,
Въ дѣлахъ и въ слогѣ поправ-
ляться,
И эту пятую тетрадь
Отъ отступленій очищать.

XLI.

Однообразный и безумный,
Какъ вихоръ жизни молодой,
Кружитесь вальса вихоръ шум-
ный;
Чета мелькаетъ за четой.
Къ минутѣ мщенія приближаясь,
Онѣгинъ, втайнѣ усмѣхаясь,
Подходить къ Ольгѣ. Быстро съ
ней
Вертится около гостей,
Потомъ на стулъ ее сажаетъ,
Заводитъ рѣчь о томъ, о семъ:
Спустя минуты двѣ, потомъ
Вновь съ нею вальсъ онъ про-
должаетъ;

Всѣ въ пзумленнѣ. Ленскій самъ
Не вѣритъ собственнымъ гла-
замъ.

XLII.

Мазурка раздалась. Бывало,
Когда гремѣлъ мазурки громъ,
Въ огромной залѣ все дрожало,
Паркетъ трещалъ подъ каблу-
комъ,
Тряслися, дребезжали рамы;
Теперь не то: и мы, какъ дамы,
Скользимъ по лаковымъ доскамъ;
Но въ городахъ, по деревнямъ,
Еще мазурка сохранила
Первоначальныя красы:
Припрыжки, каблуки, усы,
Все тѣ же; ихъ не измѣнила
Лихая мода, нашъ тиранъ,
Недугъ новѣйшихъ россиявъ.

XLIII. XLIV.

Буяновъ, братецъ мой задор-
ный,
Къ герою нашему подвелъ
Татьяну съ Ольгою; проворный
Онѣгинъ съ Ольгою пошелъ;
Ведетъ ее, скользя небрежно,
И наклонясь ей шепчетъ нѣжно
Какой-то пошлый мадригалъ,
И руку жметъ — и запыхалъ
Въ ея лицѣ самолюбивомъ
Румянецъ ярче. Ленскій мой
Все видѣлъ: вспыхнулъ, самъ не
свой;
Въ негодованнѣ ревнивомъ
Поэтъ конца музыки ждетъ
И въ котильонъ ее зоветъ.

XLV.

Но ей нельзя. Нельзя? Но что
же?

Да Ольга слово ужь дала
Онѣгину. О, Боже, Боже!
Что слышитъ онъ? Она могла....
Возможно ль? Чуть лишь изъ не-
ленокъ,
Кокетка, вѣтренный ребенокъ!

Ужъ хитрость вѣдаетъ она,
Ужъ измѣнять научена!
Не въ силахъ Ленскій снестъ
удара;

Проказы женскія кляня,
Выходитъ, требуетъ коня
И скачетъ. Пистолетовъ пара,
Двѣ пули — больше ничего —
Вдругъ разрѣшатъ судьбу его.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

*La, sotto giorni nubilosi e borevi.
Nasce una gente a cui l'morir non dole
F e t r.*

I.

Замѣтивъ, что Владиміръ скрыл-
ся,
Онѣгинъ, скукой вновь гонимъ,
Близъ Ольги въ думу погрузил-
ся,

Довольный мщеніемъ своимъ.
За нимъ и Олнька зѣвала,
Глазами Ленскаго искала,
И безконечный котильонъ
Ее томилъ какъ тяжкій сонъ.
Но копченъ онъ. Идутъ за ужинъ.
Постели стелютъ; для гостей
Ночлегъ отводятъ отъ сѣней
До самой дѣвичьей. Всѣмъ ну-
женъ

Покойный сонъ. Онѣгинъ мой
Одинъ уѣхалъ спать домой.

II.

Все успокоилось: въ гостиной
Хранить тяжелый Пустяковъ

Съ своей тяжелой половиной.
Гвоздинъ, Буяновъ, Пѣтушковъ
И Фляновъ, не совсѣмъ здоровый,
На стульяхъ улеглись въ сто-
ловой,

А на полу мосье Трике,
Въ фуфайкѣ, въ старомъ кол-
пакѣ.

Дѣвцы въ комнатахъ Татьяны
И Ольги всѣ объаты сномъ.
Одна печально подъ окномъ
Озарена лучемъ Діаны,
Татьяна бѣдная не спитъ
И въ поле темное глядитъ.

III.

Его неожиданнымъ появленіемъ,
Мгновенной нѣжностью очей
И страннымъ съ Ольгой пове-
деніемъ

До глубины души своей
Она проникнута; не можетъ

Подъ ней чернѣть и шумить...
«Погибну, Тани говоритъ :
Но гибель отъ него любезна.
Я не рошщу : зачѣмъ роптать?
Не можетъ онъ мнѣ счастья дать».

IV.

Деревни Ленскаго, живеть
И здравствуетъ еще донынѣ
Въ философической пустынѣ
Зарѣцкій, вѣкогда буняъ,
Картежной шайки атаманъ,
Глава повѣсъ, трибунъ трактир-
ный,
Теперь же добрый и простой
Отецъ семейства холостой,
Надежный другъ, помѣщикъ мир-
ный

И даже честный человекъ:
Такъ исправляется нашъ вѣкъ!

V.

Бывало, лъстивый голосъ свѣта
Въ немъ злую храбрость выхва-
лялъ:
Онъ, правда, въ тузъ изъ ш-
стоleta
Въ пыги саженихъ попадалъ;

И то сказать, что и въ сраженьи
Разъ въ настоящемъ упоеньи
Онъ отличился, смѣло въ грязь
Съ коня калмыцкаго сваясь,
Какъ зюзя пьяный, п французамъ
Достался въ плѣнъ: драгой залогъ!
Новѣйшій Регуль, чести богъ,
Готовый вновь предаться узамъ,
Чтобъ каждыиъ утромъ у Верн³⁶
Въ долгъ осушать бутылки три.

VI.

Бывало, онъ трунилъ забавно,
Умѣлъ морочить дурака
И умнаго дурачить славно,
Иль явно, иль пснопдишка,
Хоть и ему нияя штуки
Не проходили безъ науки,
Хоть иногда и самъ впросакъ
Онъ попадался, какъ простакъ.
Умѣлъ онъ весело поспорить,
Остро и тупо отвѣчать,
Порой разсчетливо смолчать,
Порой разсчетливо повздорить,
Друзей поссорить молодыхъ
И на барьеръ поставить ихъ,

VII.

Иль помириться ихъ заставить,
Дабы позавтракать втроемъ,
И послѣ тайно обезславить
Веселой шуткою, враньемъ ;
Sed alia tempora! Удалость
(Какъ сонъ любви, другая ша-
лость)
Проходить съ юностью живою
Какъ я сказала, Зарѣцкій мой.

36 Парижскій рестораторъ.

Подъ сѣнь черемухъ и акацій
Отъ бурь укрывшись, наконецъ,
Живетъ, какъ истинный мудрецъ,
Капусту садитъ, какъ Гораций,
Разводитъ утокъ и гусей
И учить азбукѣ дѣтей.

VIII.

Онъ былъ не глупъ; и мой
Евгеній,
Не уважая сердца въ немъ,
Любилъ и духъ его сужденій,
И здравый толкъ о томъ, о семъ.
Онъ съ удовольствіемъ, бывало,
Видался съ нимъ; и такъ ни мало
Поутру не былъ удивленъ,
Когда его увидѣлъ онъ.
Тотъ, послѣ перваго привѣта,
Прервавъ начатый разговоръ,
Онѣгину, ослаби взоръ,
Вручилъ записку отъ поэта.
Къ окну Онѣгинъ подошелъ
И про себя ее прочелъ.

IX.

То былъ пріятный, благород-
ный,
Короткій вызовъ иль картель:
Учтиво, съ ясностью холодной
Звалъ друга Ленскій на дуэль.
Онѣгинъ съ перваго движенія,
Къ послу такого порученія
Оборотясь, безъ лишнихъ словъ
Сказалъ, что онъ всегда го-
товъ.
Зарѣцкій всталъ безъ объясненій;
Остаться долѣ не хотѣлъ,
Имѣя дома много дѣлъ,

И тотчасъ вышелъ; но Евгеній
Наединѣ съ своей душой
Былъ недоволенъ самъ собой.

X.

И по дѣломъ: въ разборѣ стро-
гомъ,
На тайный судъ себя призвавъ,
Онъ обвинялъ себя во многомъ:
Во первыхъ, онъ ужъ былъ не-
правъ,
Что надъ любовью робкой, нѣжной
Такъ подшутилъ вѣчоръ небрежно.
А во вторыхъ, пускай поэтъ
Дурачится; въ осьмнадцать лѣтъ
Оно простительно. Евгеній,
Всѣмъ сердцемъ юношу любя,
Былъ долженъ оказать себя
Не мячикомъ предразсужденій,
Не пылкимъ мальчишкой, бой-
цомъ,
Но мужемъ съ честью и съ умомъ.

XI.

Онъ могъ бы чувства обнару-
жить,
А не щетиниться какъ звѣрь;
Онъ долженъ былъ обезоружить
Младое сердце. «Но теперь
Ужъ поздно; время улетѣло...
Къ тому жъ — онъ мыслить — въ
это дѣло
Вмѣшался старый дуэлистъ;
Онъ золь, онъ сплетникъ, онъ
рѣчистъ...
Конечно: быть должно презрѣнне
Цѣной его забавныхъ словъ;
Но шепотъ, хохотня глумцовъ...»

И вотъ общественное мнѣнье! ³⁷
 Пружина чести, нашъ кумиръ!
 И вотъ на чемъ вертится міръ!

XII.

Кипи враждой петербургливой,
 Отвѣта дома ждетъ поэтъ;
 И вотъ сосѣдъ велерѣчивый
 Привезъ торжественно отвѣтъ.
 Теперь ревнивцу то-то праздникъ!
 Онъ все боялся, чтобъ проказникъ
 Не отшутился какъ нибудь,
 Уловку выдумавъ п груди
 Отворотивъ отъ пистолета.
 Теперь сомнѣнья рѣшены:
 Они на мельницу должны
 Приѣхать завтра до разсвѣта,
 Ввести другъ на друга курокъ,
 И мѣтить въ ляжку или въ ви-
 сокъ.

XIII.

Рѣшась кокетку ненавидѣть,
 Кипящій Ленскій не хотѣлъ
 Предъ поединкомъ Ольгу видѣть,
 На солнце, на часы смотрѣлъ,
 Махнулъ рукою напоследокъ —
 И очутился у сосѣдокъ.
 Онъ думалъ Оленьку смутить,
 Своимъ приѣздомъ поразить;
 Не тутъ-то было; какъ и прежде,
 Навстрѣчу бѣднаго цѣвца
 Прыгнула Оленька съ крыльца,
 Подобна вѣтренной надеждѣ,
 Рѣзва, безпечна, весела,
 Ну, точно та же, какъ была.

XIV.

«Зачѣмъ вечеръ такъ рано
 скрылись?»

Былъ первый Оленькинъ вопросъ.
 Всѣ чувства въ Ленскомъ пому-
 тились,

И молча онъ повѣсилъ носъ.
 Исчезла ревность и досада
 Предъ этой ясностію взгляда,
 Предъ этой нѣжной простотой,
 Предъ этой рѣзвою душой!...
 Онъ смотритъ въ сладкомъ уми-
 леньѣ;
 Онъ видитъ: онъ еще любимъ!
 Ужъ онъ раскаяньемъ томимъ,
 Готовъ просить у ней прощенье,
 Трепещетъ, не находить словъ:
 Онъ счастливъ, онъ почти здо-
 ровъ....

XV. XVI. XVII.

И вновь задумчивый, унылый
 Предъ милой Ольгою своей,
 Владиміръ не имѣетъ силы
 Вчерашній день напомнить ей;
 Онъ мыслить: «буду ей спаситель;
 Не потерплю, чтобъ развратительъ
 Огнемъ и вздохомъ, и похвалъ
 Младое сердце искушалъ;
 Чтобъ червь презрѣнный, ядови-
 тый

Точилъ лилеи стебелекъ;
 Чтобы двухъ-утренній цвѣтокъ
 Увялъ еще полураскрытый».
 Все это значило, друзья:
 Съ пріятелемъ стрѣляюсь я.

³⁷ Стихъ Рибождова.

XVIII.

Когда бъ онъ зналъ, какая рана
Моей Татьяны сердце жгла!
Когда бы вѣдала Татьяна,
Когда бы знать она могла,
Что завтра Ленскій и Евгенийъ
Заспорятъ о могильной сѣни:
Ахъ можетъ быть, ея любовь
Друзей соединила бъ вновь!
Но этой страсти и случайно
Еще никто не открывалъ.
Онѣгинъ обо всемъ молчалъ;
Татьяна изнывала тайно;
Одна бы няня знать могла,
Да недогадлива была.

XIX.

Весь вечеръ Ленскій былъ раз-
сѣянъ,
То молчаливъ, то веселъ вновь;
Но тотъ, кто музою взлелѣянъ,
Всегда таковъ: нахмури бровь,
Садился онъ за клавикорды,
И бралъ на нихъ одни аккорды:
То, къ Ольгѣ взоры устремивъ,
Шепталъ: «не правда ль? я счаст-
ливъ».
Но поздно; время ѣхать. Сжалось
Въ немъ сердце, полное тоской;
Прощаясь съ дѣвой молодой,
Оно какъ будто разрывалось.
Она глядитъ ему въ лицо.
«Что съ вами?» — Такъ. — И на
крыльцо.

XX.

Домой приѣхавъ, пистолеты
Онъ осмотрѣлъ, потомъ вложилъ

Опять ихъ въ ящикъ, и раздѣтый
При свѣчкѣ Шиллера открылъ;
Но мысль одна его объемлетъ;
Въ немъ сердце грустное не дрем-
летъ:

Съ неизъяснимою красой
Онъ видитъ Ольгу предъ собой.
Владиміръ книгу закрываетъ,
Беретъ перо; его стихи,
Полны любовной чепухи,
Звучать и льются. Ихъ читаетъ
Онъ вслухъ, въ лирическомъ
жару,
Какъ Дельвигъ пьяный на пруду.

XXI.

Стихи на случай сохранились,
Я ихъ имѣю, вотъ они:
«Куда, куда вы удалились,
Весны моей златые дни?
Что день грядущій мнѣ готовить?
Его мой взоръ напрасно ловить;
Въ глубокой мглѣ таится онъ.
Нѣтъ нужды; правъ судьбы за-
конъ».

Паду ли я, стрѣлой пронзенный,
Иль мимо пролетитъ она,
Все благо: бдѣнія и сна
Приходить часъ опредѣленный;
Благословенъ и день заботъ,
Благословенъ и тьмы приходъ!

XXII.

«Блеснетъ завтра лучъ денницы
И заиграетъ яркій день;
А я, быть можетъ, я гробницы
Сойду въ таинственную сѣнь,
И память юнаго поэта

Поглотить медленная Лета,
Забудеть міръ меня; но ты
Придешь ли, дѣва красоты,
Слезу пролить надъ равней урной
И думать: онъ меня любилъ,
Онъ мнѣ единой посвятилъ
Разсвѣтъ печальный жизни бур-

ной!...
Сердечный другъ, желанный
другъ,
Приди, приди: я твой супругъ!...»

XXIII.

Такъ онъ писалъ темно и
вяло
(Что романтизмомъ мы зовемъ,
Хоть романтизма тутъ ни мало
Не вижу я; да что намъ въ томъ?)
И, наконецъ, передъ зарею,
Склоняясь усталой головою,
На модномъ словѣ идеаль
Тихонько Ленскій задремалъ;
Но только соннымъ обаяньемъ
Онъ позабылся, ужъ сосѣдъ
Въ безмолвный входитъ кабинетъ
И будить Ленскаго воззваньемъ:
«Пора вставать: седьмой ужъ
часть!

Онѣгинъ, вѣрно, ждетъ ужъ насъ».

XXIV.

Но ошибался онъ: Евгенийъ
Спалъ въ это время мертвымъ
сномъ.
Уже рѣдѣютъ ночи тѣни
И встрѣченъ Вesperъ пѣтухомъ;
Онѣгинъ спитъ себѣ глубоко.

³⁸ Славный ружейный мастеръ.

Ужъ солнце катится высоко
И перелетная метель
Блеститъ и вѣется; но постель
Еще Евгенийъ не покинулъ.
Еще надъ нимъ летаетъ сонъ.
Вотъ, наконецъ, проснулся онъ
И полы завѣса раздвинулъ;
Глядитъ — и видитъ, что пора
Давно ужъ ѣхать со двора.

XXV.

Онъ поскорѣй звонитъ. Въѣ-
гаетъ

Къ нему слуга, французъ Гильо.
Халатъ и туфли предлагаетъ,
И подаетъ ему бѣлье.
Спѣшить Онѣгинъ одѣваться,
Слугѣ велитъ приготовляться
Съ нимъ вмѣстѣ ѣхать, и съ собой
Взять также ящикъ боевой.
Готовы санки бѣговья.
Онъ сѣлъ, на мельницу летитъ.
Примчались. Онъ слугѣ велитъ
Лепажа ³⁸ стволы роковые
Нести за нимъ, а лошадямъ
Отъѣхать въ поле къ двумъ дуб-
камъ.

XXVI.

Опершись на плотину, Ленскій
Давно нетерпѣливо ждалъ;
Межъ тѣмъ, механикъ деревен-
скій,
Зарѣцкій жорновъ осуждалъ.
Идетъ Онѣгинъ съ извиненьемъ.
«Но гдѣ же, молвилъ съ изум-
леньемъ

Зарѣцкій, гдѣ вашъ секундантъ?»
 Въ дуэляхъ классикъ и педантъ,
 Любилъ методу онъ изъ чувства,
 И человѣка растянуть
 Онъ позволялъ не какъ нибудь,
 Но въ строгихъ правилахъ искусства,
 По всѣмъ преданьямъ старины
 (Что похвалить мы въ немъ
 должны).

XXVII.

«Мой секундантъ?» сказалъ Евгений;
 «Вотъ онъ: мой другъ, monsieur
 Guillot.
 Я не предвижу возраженій
 На представленіе мое;
 Хотя человѣкъ онъ неизвѣстный,
 Но, ужъ конечно, малый честный». Зарѣцкій губу закусилъ.
 Онѣгинъ Левскаго спросилъ:
 «Что жъ, начинать? — Начнемъ,
 пожалуй,
 Сказалъ Владиміръ. И пошли
 За мельницу. Пока вдали
 Зарѣцкій нашъ и честный малый
 Вступили въ важный договоръ,
 Враги стоятъ, потупя взоръ.

XXVIII.

Враги! Давно ли другъ отъ
 друга
 Ихъ жажда крови отвела?
 Давно ль они часы досуга,
 Трапезу, мысли и дѣла
 Дѣлили дружно? Нынѣ злобно,

Врагамъ наслѣдственнымъ по-
 добно,
 Какъ въ страшномъ, непонят-
 номъ снѣ,
 Они другъ другу въ тишинѣ
 Готовятъ гибель хладнокровно...
 Не засмѣяться ль имъ, пока
 Не обагрилась ихъ рука,
 Не разойтись ль полюбовно?..
 Но дико свѣтская вражда
 Боится ложнаго стыда.

XXIX.

Вотъ пистолеты ужъ блеснули
 Гремить о шомполь молотокъ.
 Въ граненый стволъ уходятъ
 пули
 И щелкнулъ въ первый разъ
 курокъ.
 Вотъ порохъ струйкой сѣровой
 На полку сыплется. Зубчатый
 Надежно винченный кремь
 Введенъ еще. За ближній пень
 Становится Гильо смущенный.
 Плащи бросаютъ два врага.
 Зарѣцкій тридцать два шага
 Отмѣрилъ съ точностью отмѣнной,
 Друзей развелъ по крайній слѣдъ,
 И каждый взялъ свой пистолетъ.

XXX.

«Теперь сходитесь».
 Хладнокровно,
 Еще не цѣля, два врага
 Походкой твердой, тихо, ровно
 Четыре перешли шага,
 Четыре смертныя ступени.
 Свой пистолетъ тогда Евгений,

Не преставаая наступать,
 Сталъ первый тихо подымать
 Вотъ пять шаговъ еще ступили,
 И Ленскій, жмура лѣвый глазъ,
 Сталъ также цѣлить — но какъ
 разъ
 Ояѣгинъ выстрѣлилъ... Пробили
 Часы урочные: поэтъ
 Роняетъ молча пистолеть,

XXXI.

На грудь кладетъ тихонько
 руку
 И падаетъ. Туманный взоръ
 Изображаетъ смерть, не муку.
 Такъ медленно по скату горъ,
 На солнцѣ искрами блистая,
 Спадаетъ глыба снѣговая.
 Мгновеннымъ холодомъ облить,
 Ояѣгинъ къ юношѣ спѣшить,
 Глядитъ, зоветъ его... напрасно:
 Его ужъ нѣтъ. Младой пѣвецъ
 Нашелъ безвременный конецъ!
 Дохнула буря, цвѣтъ прекрасный
 Увялъ на утренней зарѣ,
 Потухъ огонь на алтарѣ!

XXXII.

Недвижимъ онъ лежалъ, п
 страненъ
 Былъ томный миръ его чела.
 Подъ грудь онъ былъ на вылетъ
 раненъ;
 Дымясь, изъ раны кровь текла.
 Тому назадъ одно мгновенье,
 Въ семь сердцѣ билось вдохно-
 венье,
 Вражда, надежда и любовь,
 Играла жпзнь, кипѣла кровь:

Теперь, какъ въ домѣ опустѣломъ,
 Все въ немъ и тихо, и темно;
 Замоккло навсегда оно.
 Закрыты ставни, окна мѣломъ
 Забѣлены. Хозяйки нѣтъ.
 А гдѣ, Богъ вѣсть. Пропалъ и
 слѣдъ!

XXXIII.

Пріятно дерзкой эпиграммой
 Взбѣспитъ оплошнаго врага;
 Пріятно зрѣть, какъ онъ, упрямо
 Склонивъ бодливые рога,
 Невольно въ зеркало глядится
 И узнавать себя стыдится;
 Пріятнѣй, если онъ, друзья,
 Завоетъ сдуру: это я!
 Еще пріятнѣе въ молчаньи
 Ему готовить честный гробъ,
 И тихо цѣлить въ блѣдный лобъ
 На благородномъ разстояньи;
 Но отослать его къ отцамъ
 Едва ль пріятно будетъ вамъ?

XXXIV.

Что жъ, если вашимъ пистоле-
 томъ
 Сраженъ пріятель молодой,
 Нескромнымъ взглядомъ, иль от-
 вѣтомъ,
 Иль бездѣлицей иной
 Васъ оскорбившій за бутылкой,
 Пль даже самъ въ досадѣ пылкой
 Васъ гордо вызвавшій на бой?
 Скажите: вашею душой
 Какое чувство овладѣетъ,
 Когда недвижимъ, на землѣ,
 Предъ вами, съ смертью на челѣ,
 Онъ постепенно костенѣетъ,



Когда онъ глухъ и молчаливъ
На вашъ отчаянный призывъ?

XXXV.

Въ тоскѣ сердечныхъ угрызе-
ній,
Рукою стиснувъ пистолетъ,
Глядитъ на Ленскаго Евгеній.
«Ну, что жь? убить!» рѣшилъ со-
сѣдъ.
Убить!.. симъ страшнымъ воскли-
цаньемъ
Сраженъ, Онѣгинъ съ содраганъ-
емъ
Отходить и людей зоветъ.
Зарѣцкій бережно кладетъ
На сани трупъ оледенѣлый;
Домой везетъ онъ страшный кладъ.
Почуя мертвого, храпятъ
И бьются кони, пѣной бѣлой
Стальные мочать удила,
И полетѣли какъ стрѣла.

XXXVI.

Друзья мои, вамъ жаль поэта:
Во цвѣтѣ радостныхъ надеждъ,
Ихъ не свершивъ еще для свѣта,
Чуть изъ младенческихъ одеждъ—
Увялъ! Гдѣ жаркое волненье,
Гдѣ благородное стремленье
И чувствъ, и мыслей молодыхъ,
Высокихъ, нѣжныхъ, удалыхъ?
Гдѣ бурныя любви желанья,
И жажда знаній и труда,
И страхъ порока и стыда,
И вы, завѣтные мечтанья,
Вы, призракъ жизни неземной,
Вы, сны поэзіи святой!

XXXVII.

Быть можетъ, онъ для блага
міра,
Иль хотъ для славы былъ рожденъ;
Его умолкнувшая лира
Гремучій, непрерывный звонъ
Въ вѣкахъ поднять могла. Поэта,
Быть можетъ, на ступеняхъ свѣта
Ждала высокая ступень.
Его страдальческая тѣнь,
Быть можетъ, унесла съ собою
Святую тайну, и для насъ
Погибъ животворящій гласъ,
И за могильною чертою
Къ ней не домыслится гимнъ вре-
менъ,
Благословенія племенъ.

XXXVIII. XXXIX.

А можетъ быть и то: поэта
Обыкновенный ждалъ удѣлъ.
Прошли бы юности лѣта,
Въ немъ пылъ души бы охладѣлъ.
Во многомъ онъ бы измѣнился,
Разстался бъ съ музамъ, женился;
Въ деревнѣ, счастливъ и рогатъ,
Носилъ бы стеганный халатъ;
Узналъ бы жизнь на самомъ дѣлѣ,
Подагру бъ въ сорокъ лѣтъ имѣлъ
Пилъ, ѣлъ, скучалъ, толстѣлъ, хи-
рѣлъ,
И, наконецъ, въ своей постелѣ
Скончался бъ посреди дѣтей,
Плаксивыхъ бабъ и лѣкарей.

XL.

Но что бы ни было, читатель,
Увы, любовникъ молодой,

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Москва, Россін дочь любима,
Гдѣ равную тебѣ сыскать?
Джигирѣвъ.

Какъ не любить родной Москвы?
Баратынский.

Гоненье на Москву! Что значить видѣть свѣтъ!
Гдѣ жъ лучше?

Гдѣ насъ нѣтъ.

Грибоедовъ.

I.

Гонимы вѣшними лучами,
Съ окрестныхъ горъ уже снѣга
Сбѣжали мутными ручьями
На потопленные луга.
Улыбкой лесою природа
Сквозь сонъ встрѣчаетъ утро года;
Снѣжа блещутъ небеса.
Еще прозрачные, лѣса
Какъ будто пухомъ зеленѣютъ.
Пчела за данью полевой
Летитъ изъ кельи восковой.
Должны сохнуть п пестрѣютъ;
Стада шумятъ, и соловей
Ужъ нѣтъ въ безмолвіи ночей.

II.

Какъ грустно мнѣ твое яв-
ленье,
Весна, весна! пора любви!
Какое томное волненіе
Въ моей душѣ, въ моей кровп!
Съ какимъ тяжелымъ умиленіемъ
Я наслаждаюсь дуновеньемъ
Въ лицо мнѣ вѣющей весны
На лонѣ сельской тишины!
Или мнѣ чуждо наслажденіе,

И все, что радуетъ, живить,
Все, что ликуетъ и блестить,
Наводитъ скуку и томленіе
На душу мертвую давно,
И все ей кажется темно?

III.

Или, не радуясь возврату
Погибшихъ осенью листовъ,
Мы помнимъ горькую утрату,
Внимая новый шумъ лѣсовъ?
Или съ природой оживленной
Сближаемъ думою смущенной
Мы увяданья нашихъ лѣтъ,
Которымъ возрожденія нѣтъ?
Быть можетъ, въ мыслп намъ
приходить,
Средь поэтическаго сна,
Иная, старая весна,
И въ трепетъ сердце намъ при-
водитъ

Мечтой о дальней сторонѣ,
О чудной ночи, о лунѣ....

IV.

Вотъ время: добрые лѣнливцы,
Эпикурейцы-мудрецы,
Вы, равнодушные счастливыцы,

Вы, школы Левшина птенцы,³⁹
 Вы, деревенскіе Пріамы,
 И вы, чувствительныя дамы,
 Весна въ деревню васъ зоветъ,
 Пора тепла, цвѣтовъ, работъ,
 Пора гуляній вдохновенныхъ
 И соблазнительныхъ ночей.
 Въ поля, друзья! скорѣй, скорѣй,
 Въ каретахъ тяжело нагружен-
 ныхъ,
 На долгихъ, иль на почтовыхъ,
 Тянитесь изъ заставъ градскихъ.

V.

И вы, читатель благосклонный,
 Въ своей коляскѣ выписной
 Оставьте градъ неугомонный,
 Гдѣ веселились вы зимой;
 Съ моею музой своенравной
 Пойдемте слушать шумъ дубрав-
 ный
 Надъ безыменною рѣкой,
 Въ деревнѣ, гдѣ Евгений мой,
 Отшельникъ праздный и унылый,
 Еще недавно жилъ зимой
 Въ сосѣдствѣ Тани молодой,
 Моей мечтательницы милой;
 Но гдѣ его теперь ужъ нѣтъ....
 Гдѣ грустный онъ оставилъ слѣдъ.

VI.

Межъ горъ, лежащихъ полукру-
 гомъ,
 Пойдемъ туда, гдѣ ручеекъ,
 Виясь, бѣжитъ зеленымъ лугомъ
 Къ рѣкѣ сквозь липовый лѣсокъ.
 Тамъ соловей, весны любовникъ,

Всю ночь поетъ; цвѣтеть шипов-
 никъ,
 И слышенъ говоръ ключевой;
 Тамъ видѣнъ камень гробовой
 Въ тѣни двухъ сосенъ устарѣ-
 лыхъ.

Пришельцу надпись говоритъ:
 «Владиміръ Ленскій здѣсь лежитъ,
 Погибшій рано смертью смѣлыхъ,
 Въ такой-то годъ, такихъ-то
 лѣтъ.

Покойся, юноша-поэтъ!»

VII.

На вѣтви сосны преклоненной,
 Бывало, ранній вѣтерокъ
 Надъ этой урною смиренной
 Качалъ таинственный вѣнокъ:
 Бывало, въ поздніе досуги
 Сюда ходили двѣ подруги.
 И на могилѣ, при лунѣ,
 Обнявшись плакали онѣ.
 Но нынѣ... памятникъ унылый
 Забытъ. Къ нему привычный
 слѣдъ
 Заглохъ. Вѣнка на вѣтви нѣтъ;
 Одинъ подъ нимъ, сѣдой и хилый,
 Пастухъ по прежнему поетъ.
 И обувь бѣдную плететъ.

VIII. IX. X.

Мой бѣдный Ленскій! изнывая,
 Не долго плакала она.
 Увы! невѣста молодая
 Своей печали не вѣрна.
 Другой увлекъ ея вниманье,
 Другой уснѣлъ ея вниманье

³⁹ Левшинъ, авторъ многихъ сочиненій по части хозяйственной.

Любовной лестью усыпить;
 Уланъ умѣлъ ее плѣнить,
 Уланъ любилъ ея душою...
 И вотъ ужъ съ нимъ, предъ
 алтаремъ,
 Она стыдливо подъ вѣнцомъ
 Стоитъ съ поникшей головою,
 Съ огнемъ въ потупленныхъ
 очахъ,
 Съ улыбкой легкой на устахъ.

XI.

Мой бѣдный Ленскій! за мо-
 гилой,
 Въ предѣлахъ вѣчности глухой,
 Смутился ли пѣвецъ унылый,
 Измѣны вѣстью роковой?
 Или надъ Летою усыпленный,
 Поэтъ, безчувствіемъ блаженный,
 Ужъ не смущается ничѣмъ,
 И міръ ему закрыть и нѣтъ?...
 Такъ, равнодушное забвеніе
 За гробомъ ожидаетъ насъ.
 Враговъ, друзей, любовницъ
 гласъ
 Вдругъ молкнетъ. Про одно
 имѣнье
 Наслѣдниковъ сердитый хоръ
 Заводитъ непристойный споръ.

XII.

И скоро звонкій голосъ Оли
 Въ семействѣ Ларинихъ умолкъ.
 Уланъ, своей невольникъ доли,
 Былъ долженъ ѣхать съ нею въ
 полкъ.
 Слезами горько обливаясь,
 Старушка, съ дочерью прощаясь,

Казалось, чуть жива была;
 Но Тани плакать не могла:
 Лишь смертной блѣдностью
 покрывлось

Ея печальное лицо.
 Когда всѣ вышли на крыльцо,
 И все, прощаясь, суетилось
 Вокругъ кареты молодыхъ,
 Татьяна проводила ихъ.

XIII.

И долго, будто сквозь тумана,
 Она глядѣла имъ вослѣдъ...
 И вотъ одна, одна Татьяна!
 Увы! подруга столькохъ лѣтъ,
 Ея голубка молодая,
 Ея наперсница родная,
 Судьбою въ даль занесена,
 Съ ней навсегда разлучена.
 Какъ тѣнь, она безъ цѣли бро-
 дить:
 То смотритъ въ опустѣлый садъ...
 Нигдѣ, ни въ чемъ ей нѣтъ
 отрадъ,
 И облегченія не находитъ
 Она подавленнымъ слезамъ,
 И сердце рвется пополамъ.

XIV.

И въ одиночествѣ жестокомъ
 Сильнѣе страсть ея горитъ,
 И объ Онѣгинѣ далеко
 Ей сердце громче говорить.
 Она его не будетъ видѣть;
 Она должна въ немъ ненавидѣть
 Убийцу брата своего.
 Поэтъ погибъ.... но ужъ его
 Никто не помнитъ; ужъ другому

Его невѣста отдалась.
Поэта память пронеслась,
Какъ дымъ по небу голубому.
О немъ два сердца, можетъ быть,
Еще грустятъ.... на что гру-
стить?....

XV.

Быль вечеръ. Небо меркло.
Воды
Струились тихо. Жукъ жужжалъ.
Ужъ расходились хороводы.
Ужъ за рѣкой дымясь пылалъ
Огонь рыбацiй. Въ полѣ чистомъ,
Дуны при свѣтѣ серебристомъ,
Въ свои мечты погружена,
Татьяна долго шла одна;
Шла, шла.... и вдругъ передъ
собою
Съ холма господскiй видитъ домъ,
Селенье, рошу подъ холмомъ
И садъ надъ свѣтлою рѣкою.
Она глядитъ — сердце въ ней
Забилось чаще и сильнѣй.

XVI.

Ее сомнѣнія смущаютъ :
«Пойду ль впередъ, пойду ль
назадъ?...
Его здѣсь нѣтъ. Меня не знаютъ....
Взгляну на домъ, на этотъ садъ! »
И. вотъ съ холма Татьяна сходитъ.
Едва дыша, кругомъ обводитъ
Недоумѣнья полный взоръ....
И входитъ на пустынный дворъ.
Къ ней лая кинулись собаки.
На крикъ испуганный ея
Ребятъ дворовая семья

Сбѣжалась шумно. Не безъ драки
Мальчишки разогнали псовъ,
Взявъ барышню подъ свой по-
кровъ.

XVII.

«Увидѣть барскій домъ нельзя
да?»»

Спросила Таня. Поскорѣй
Къ Анисьѣ дѣти побѣжали,
У ней ключи взять отъ сѣней.
Анисья тотчасъ къ ней явилась,
И дверь предъ ними отворилась.
И Таня входитъ въ домъ пустой,
Гдѣ жилъ недавно нашъ герой.
Она глядитъ: забытый въ залѣ
Кій на бильярдѣ отдыхалъ;
На смятомъ канале лежалъ
Манежный хлыстикъ. Тани далѣ;
Старушка ей: «а вотъ каминъ;
Здѣсь баринъ спживалъ одинъ.

XVIII.

«ЗДѢСЬ СЪ НИМЪ ОБЪДЫВАЛЪ ЗИ-
МОЮ

Покойный Ленскій, нашъ сосѣдъ.
Сюда пожалуйте за мною.
Вотъ это барскій кабинетъ:
Здѣсь почивальонъ, кофей кушалъ,
Прикащика доклады слушалъ,
И книжку поутру читалъ...
И старшій баринъ здѣсь живалъ,
Со мной, бывало, въ воскресенье,
Здѣсь подъ окномъ, надѣвъ очки,
Играть изволилъ въ дурачки.
Дай Богъ душѣ его спасенье,
А косточкамъ его покой
Въ могилѣ, въ мать-землѣ сырой!»

XIX.

Татьяна взоромъ умиленнымъ
Вокругъ себя на все глядитъ;
И все ей кажется безцѣннымъ,
Все душу томную живить
Полумучительной отрадой:
И столъ съ померкшею лампадой,
И грудa книгъ, и подъ окномъ
Кровать, покрытая ковромъ.
И видъ въ окно сквозь сумракъ
лунный,

И этотъ блѣдный полусвѣтъ,
И лорда Байрона портретъ,
И столбикъ съ куклою чугунной
Подъ шляпой, съ пасмурнымъ че-
ломъ,
Съ руками, сжатыми крестомъ.

XX.

Татьяна долго въ кельѣ модной,
Какъ очарована, стоитъ.
Но поздно. Вѣтеръ всталъ холод-
ный.

Темно въ долину. Роща спитъ
Надъ отуманенной рѣкою;
Луна сокрылась за горою,
И пилигримъ молодой
Пора, давно пора домой.
И Тая, скрывъ свое волненье,
Не безъ того, чтобъ не вздохнуть,
Пускается въ обратный путь,
Но прежде просить позволенья
Пустынный замокъ навѣщать,
Чтобъ книжки здѣсь одной читать.

XXI.

Татьяна съ ключницей прости-
лась

За воротами. Черезъ день
Ужъ утромъ рано вновь явилась
Она въ оставленную сѣнь,
И въ молчаливомъ кабинетѣ,
Забывъ на время все на свѣтѣ,
Осталась, наконецъ, одна,
И долго плакала она.
Потомъ за книги принялася.
Сперва ей было не до нихъ;
Но показался выборъ ихъ
Ей страненъ. Чтенью предалась
Татьяна жадною душой:
И ей открылся міръ иной.

XXII.

Хотя мы знаемъ, что Евгений
Издавна чтенье разлюбилъ,
Однако жъ нѣсколько твореній
Онъ изъ опалы исключилъ:
Пѣвца Гиура и Жуана,
Да съ нимъ еще два, три романа.
Въ которыхъ отразился вѣкъ,
И современный человекъ
Изображенъ довольно вѣрно
Съ его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтанью преданной безмѣрно,
Съ его озлобленнымъ умомъ,
Кипящимъ въ дѣйстви пустомъ.

XXIII.

Хранили многія страницы
Отмѣтку рѣзкую ногтей.
Глаза внимательной дѣвицы
Устремлены на нихъ живѣй.
Татьяна видитъ съ трепетаньемъ,
Какою мыслью, замѣчаньемъ,
Бывалъ Онѣгинъ пораженъ,

Съ чѣмъ молча соглашался онъ.
 На ихъ поляхъ она встрѣчаетъ
 Черты его карандаша.
 Вездѣ Онѣгина душа
 Себя невольно выражаетъ,
 То краткимъ словомъ, то крестомъ,
 То вопросительнымъ крючкомъ.

XXIV.

И начинается понемногу
 Моя Татьяна понимать
 Теперь яснѣе, слава Богу,
 Того, по комъ она вздыхать
 Осуждена судьбою властной:
 Чудакъ печальный и опасный,
 Созданье ада или небесъ,
 Сей ангель, сей надменный бѣсъ,
 Что жъ онъ? Ужели подражанье,
 Ничтожный призракъ, или еще
 Москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ,
 Чужихъ причудъ истолкованье,
 Слово модныхъ полный лексиконъ?..
 Ужъ не пародія ли онъ?

XXV.

Ужель загадку разрѣшила?
 Ужели слово найдено?
 Часы бѣгутъ; она забыла,
 Что дома ждутъ ее давно,
 Гдѣ собрались два сосѣда
 И гдѣ о ней идетъ бесѣда.
 «Какъ быть? Татьяна не дитя»,
 Старушка молвила крехти,
 «Вѣдь Олинѣе ея моложе.
 Пристроить дѣвушку, ей-ей,
 Пора; а что мнѣ дѣлать съ ней?

Вѣмъ наотрѣзъ одно и тоже:
 Нейду. И все грустить она,
 Да бродить по лѣсамъ одна».

XXVI.

— Не влюблена ль она? «Въ
 кого же?

Буяновъ сватался — отказъ.
 Ивану Пѣтушкову тоже.
 Гусарь Пыхтинъ гостилъ у насъ,
 Ужъ какъ онъ Танею прельщался,
 Какъ мелкимъ бѣсомъ разсыпался!
 Я думала: поидетъ, авось;
 Куда! и снова дѣло врозь».
 — Что жъ, матушка, зачѣмъ же
 стало?
 Въ Москву, на ярмарку невѣсть!
 Тамъ, слышно, много праздныхъ
 мѣстъ.
 «Охъ, мой отецъ! доходу мало».
 — Довольно для одной зимы;
 Не то ужъ дамъ хоть я займы.

XXVII.

Старушка очень полюбила
 Совѣтъ разумный и благой;
 Сочлась, и тутъ же положила
 Въ Москву отправиться зимой.
 И Тania слышитъ новость эту.
 На судъ взыскательному свѣту
 Представить ясныя черты
 Провинціальной простоты,
 И запоздалые наряды,
 И запоздалый складъ рѣчей!
 Московскихъ франтовъ и цирцей
 Привлечь насмѣшливые взгляды!..
 О, страхъ! вѣтъ, лучше и вѣрнѣй
 Въ глуши лѣсовъ остаться ей.

XXVIII.

Вставая съ первыми лучами,
Теперь она въ поля спѣшить,
И умиленными очами
Ихъ озирая, говорить:

«Простите, мирныя долины,
И вы, знакомыхъ горъ вершины,
И вы, знакомые лѣса!
Прости, небесная краса,
Прости, веселая природа!
Мнѣня милый, тихій свѣтъ
На шумъ блистательныхъ суетъ!..
Прости жъ и ты, моя свобода!
Куда, зачѣмъ стремлюся я?
Что мнѣ сулить судьба моя?»

XXIX.

Ея прогулки длятся долѣ.
Теперь то холмикъ, то ручей
Остановляютъ поневолѣ
Татьяну прелестью своей.
Она, какъ съ давними друзьями,
Съ своими рощами, лугами,
Еще бесѣдовать спѣшить.
Но лѣто быстрое летить.
Настала осень золотая.
Природа трепетна, блѣдна,
Какъ жертва, пышно убрана....
Вотъ сѣверъ, тучи нагоняя,
Дохнулъ, завылъ — и вотъ сама
Идетъ волшебница зима.

XXX.

Пришла, рассыпалась; клоками
Повисла на сукахъ дубовъ;
Легла волнистыми коврами
Среди полей, вокругъ холмовъ;
Брега съ недвижною рѣкою

Сравняла пухлой пеленой;
Блеснулъ морозъ. И рады мы
Проказамъ матушки зимы.
Не радо ей лишь сердце Тани.
Нейдетъ она зиму встрѣчать,
Морозной пылью подышать,
И первымъ снѣгомъ съ кровли бани
Умыть лицо, плеча и грудь:
Татьянѣ страшень зимній путь.

XXXI.

Отъѣзда день давно просрочень;
Приходить и послѣдній срокъ.
Осмотрѣнъ, вновь обить, упроче-
чень

Забвенью брошенный возокъ.
Обозъ обычный — три кибитки
Везутъ домашніе пожитки,
Кастрюльки, стулья, сундуки,
Варенья въ банкахъ, тюфики,
Перины, клѣтки съ пѣтухами,
Горшки, тазы et cetera.
Ну, много всякаго добра.
И вотъ въ избѣ между слугами
Поднялся шумъ, прашальный
плачь:
Ведутъ на дворъ осьмнадцать
клячъ;

XXXII.

Въ возокъ боярскій ихъ впря-
гаютъ;
Готовятъ завтракъ повара;
Горой кибитки нагружаютъ;
Бранятся бабы, кучера.
На клячѣ тощей и косматой
Сидитъ форрейторъ бородатый.
Сбѣжалась челядь у воротъ

Прощаться съ барами. И вотъ
Усѣлись, и возокъ почтенный
Скользя ползеть за ворота.
«Простите, мирныя мѣста!
Прости, пріютъ уединенный!
Увижу ль васъ?...» И слезъ ручей
У Тани лется изъ очей.

XXXIII.

Когда благому просвѣщенью
Отдвинемъ болѣе границъ,
Со временемъ (по расчисленью
Философическихъ таблицъ,
Лѣтъ чрезъ пятьсотъ) дороги,
вѣрно,
У насъ измѣнятся безмѣрно:
Шоссе Россію здѣсь и тутъ,
Соединивъ, пересѣкутъ;
Мосты чугунные чрезъ воды
Шагнуть широкою дугой;
Раздвинемъ горы; подъ водой
Пророемъ дерзостные своды,
И заведетъ крещенный міръ
На каждой станціи трактиръ.

XXXIV.

Теперь у насъ дороги плохи,⁴⁰
Мосты забытые гниютъ,
На станціяхъ клопы да блохи
Заснуть минуты не даютъ;
Трактировъ нѣтъ. Въ избѣ хо-
лодной

Для виду преискурантъ висить,
И тщетный дразнить аппетитъ,
Межъ тѣмъ какъ сельскіе цик-
лопы,
Передъ медлительнымъ огнемъ,
Россійскимъ лѣчатъ молоткомъ
Издѣлье легкое Европы,
Благословляя колеи
И рвы отеческой земли.

XXXV.

Зато зимы порой холодной
Бзда пріятна и легка.
Какъ стихъ безъ мысли въ пѣснѣ
модной,
Дорога зимняя гладка.
Автомедоны наши бойки,
Неутомимы наши тройки,
И версты, тѣша праздный взоръ,
Въ глазахъ мелькаютъ, какъ за-
боръ.⁴¹
Къ несчастью, Ларина тащи-
лась,
Боясь прогоновъ дорогихъ,
Не на почтовыхъ, на своихъ —
И наша дѣва насладила
Дорожной скукою вполне:
Семь сутокъ ѣхали онѣ.

XXXVI.

Но вотъ ужъ близко. Передъ
ними

⁴⁰ Дороги наши — садъ для глазъ, и пр. (выписано 20 стиховъ.

Станція. Князь Вяземскій.

⁴¹ Сравненіе, заимствованное у К**, столь извѣстнаго игривостью воображенія. К... рассказывалъ, что, будучи однажды посланъ курьеромъ отъ князя Потемкина къ императрицѣ, онъ ѣхалъ такъ скоро, что шпага его, высунувшись концомъ изъ телѣжки, стучала по верстамъ, какъ по частоколу.

Ужъ бѣлокаменной Москвы,
Какъ жаръ, крестами золотыми
Горять старинныя главы.
Ахъ, братцы! какъ я былъ до-
воленъ.

Когда переквей и колоколень,
Садовъ, чертоговъ, полукругъ
Открылся предо мною вдругъ!
Какъ часто въ горестной разлукѣ,
Въ моей блуждающей судьбѣ,
Москва, я думалъ о тебѣ!

Москва... какъ много въ этомъ
звукѣ

Для сердца русскаго слилось!
Какъ много въ немъ отозвалось!

XXXVII.

Вотъ, окружень своей дубравой,
Петровскій замокъ. Мрачно онъ
Недавнею гордится славой.
Напрасно ждалъ Наполеонъ,
Послѣднимъ счастьемъ упоенный,
Москвы колѣнопреклоненной
Съ ключами стараго Кремля:
Нѣтъ, не пошла Москва моя
Къ нему съ повинной головою.
Не праздникъ, не приѣмный даръ,—
Она готовила пожаръ
Нетерпѣливому герою!
Отселъ, въ думу погружень,
Глядѣлъ на грозный пламень онъ.

XXXVIII.

Прощай, свидѣтель нашей славы,
Петровский замокъ! Ну! не стой,
Пошелъ! Уже столпы заставы
Бѣлѣютъ; вотъ ужъ по Тверской
Возокъ несется чрезъ ухабы.

Мелькаютъ мимо будки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сады, монастыри,
Бухарцы, сани, огороды,
Купцы, лачужки, мужики,
Бульвары, башни, казаки,
Аптеки, магазины моды,
Балконы, львы на воротахъ
И стаи галокъ на крестахъ.

XXXIX. XL.

Въ сей утомительной прогулкѣ
Проходить часть-другой, и вотъ
У Харитонья въ переулкѣ
Возокъ предъ домомъ у воротъ
Остановился. Къ старой теткѣ,
Четвертый годъ больной въ ча-
хоткѣ.

Онѣ пріѣхали теперь.
Имъ настѣжъ отворяетъ дверь
Въ очкахъ, въ изорванномъ каф-
тапѣ,
Съ чулкомъ въ рукѣ, съдой кал-
мыкъ.

Встрѣчаетъ ихъ въ гостиной крикъ
Княжны, простертой на диванѣ.
Старушки съ плачемъ обнялись,
И восклицанья полились.

XLI.

«Княжна, mon ange!» Pachtette!
«Алина!»

— Кто бъ могъ подумать? «Какъ давно!»

— Надолго ль? «Милая! кузина!»

— Садись! какъ это мудроно!

Ей Богу, сцена изъ романа....

«А это дочь моя, Татьяна.»

— Ахъ, Тани! подойди ко мнѣ,
 Какъ будто брежу я во снѣ...
 Кузина, помнишь Грандисона?
 «Какъ, Грандисонъ?... а, Гран-
 дисонъ!
 Да, помню, помню. Гдѣ же онъ?»
 — Въ Москвѣ, живетъ у Си-
 меона;*)
 Меня въ сочельникъ навѣстилъ:
 Недавно сына онъ женилъ.

XLII.

А тотъ... но послѣ все расска-
 жемъ,
 Не правда ль? Всей ея роднѣ
 Мы Таню завтра же покажемъ.
 Жаль, развѣзжать нѣтъ мочи
 мнѣ;
 Едва-едва таскаю ноги.
 Но вы замучены съ дороги;
 Пойдемте вмѣстѣ отдохнуть...
 Охъ, силы нѣтъ.... устала
 грудь....
 Мнѣ тяжела теперь и радость,
 Не только грусть.... душа моя,
 Ужъ никуда негодна я....
 Подъ старость жизнь такая га-
 дость....
 И тутъ, совсѣмъ утомлена,
 Въ слезахъ раскашлялась она.

XLIII.

Больной и ласки, и веселье
 Татьяну трогаютъ; но ей
 Нехорошо на новосельѣ,
 Привыкшей къ горницѣ своей.

Подъ занавѣскою шелковой
 Не спится ей въ постелѣ новой,
 И ранній звонъ колоколовъ,
 Предтеча утреннихъ трудовъ,
 Ее съ постели подымаетъ.
 Садится Таниа у окна.
 Рѣдѣетъ сумракъ; но она
 Своихъ полей не различаетъ:
 Предъ нею незнакомый дворъ,
 Конюшня, кухня и заборъ.

XLIV.

И вотъ по родственнымъ обѣ-
 дамъ
 Развозятъ Таню каждый день —
 Представить бабушкамъ и дѣдамъ
 Ея развѣянную лѣнь.
 Роднѣ, прибывшей издалеча,
 Повсюду ласковая встрѣча,
 И восклицанья, п хлѣбъ-соль.
 «Какъ Таниа выросла! Давно-ль
 Я, кажется, тебя крестила?»
 — А я такъ на руки брала!
 «А я такъ за уши драла.»
 — А я такъ приникомъ кормила!
 И хоромъ бабушки твердятъ:
 «Какъ наши годы-то летятъ!»

XLV.

Но въ нихъ не видно переменъ;
 Все въ нихъ на старый образецъ:
 У тетюшки княжны Елены
 Все тотъ же тюлевый чепецъ;
 Все бѣлится Лукерья Львовна,
 Все также лжетъ Любовь Пет-
 ровна,

*) У церкви Симеона Столпника.

Иванъ Петровичъ также глупъ,
 Семень Петровичъ также скупъ,
 У Пелагеи Николаовны
 Все тотъ же другъ, москѣ Фин-
 мушъ,
 И тотъ же шиницъ, и тотъ же
 мужъ;
 А онъ все клуба членъ псправный,
 Все также смиренъ, также глухъ,
 И также ѣсть и пьеть за двухъ.

XLVI.

Ихъ дочки Таню обнимають.
 Младья граціи Москвы
 Сначала молча озирають
 Татьяну съ ногъ до головы;
 Ее находятъ что-то странной,
 Провинціальной и жеманной,
 И что-то блѣдной и худой,
 А, впрочемъ, очень недурной;
 Потомъ, покорствуя природѣ,
 Дружатся съ ней, къ себѣ ве-
 дутъ,
 Цѣлуютъ, нѣжно руки жмутъ,
 Возбиваютъ кудри ей по модѣ,
 И повѣряютъ на распѣвъ
 Сердечны тайны, тайны дѣвъ,

XLVII.

Чужія и свои побѣды,
 Надежды, шалости, мечты.
 Текуть невинныя бесѣды
 Съ прикрасой легкой клеветы.
 Потомъ, въ отплату лепетанья,
 Ея сердечнаго признанья
 Умильно требуютъ онѣ.

Но Таня, точно какъ во снѣ,
 Ихъ рѣчи слышать безъ участья,
 Не понимаетъ ничего,
 И тайну сердца своего,
 Завѣтный кладъ и слезъ и счастья,
 Хранить безмолвно между тѣмъ,
 И имъ не дѣлится ни съ кѣмъ.

XLVIII.

Татьяна вслушаться желаетъ
 Въ бесѣды, въ общій разговоръ;
 Но всѣхъ въ гостиной запи-
 маетъ
 Такой безсвязный, пошлый
 вздоръ;
 Все въ нихъ такъ блѣдно, равно-
 душно;
 Они клеветцуютъ даже скучно;
 Въ безплодной сухости рѣчей,
 Вопросовъ, сплетенъ и вѣстей,
 Не вспыхнетъ мысли въ цѣлы
 сутки,
 Хоть невзначай, хоть наобумъ;
 Не улыбнется темный умъ,
 Не дрогнетъ сердце, хоть для
 шутки.
 И даже глупости смѣшной
 Въ тебѣ не встрѣтишь, свѣтъ
 пустой!

XLIX.

Архивны юноши*) толпою
 На Таню чонорно глядятъ,
 И про нее между собою
 Неблагодарно говорятъ.
 Одинъ какой то шутъ печальный

*) Молодые люди, которые состояли на службѣ въ управленіи архивами.

Татьяна смотреть и не видитъ,
 Волненье свѣта ненавидить;
 Ей душно здѣсь... она мечтой
 Стремится къ жизни полевой,
 Въ деревню, къ бѣднымъ поселя-

намъ,
 Въ уединенный уголокъ,
 Гдѣ льется свѣтлый ручеекъ,
 Къ своимъ цвѣтамъ, къ своимъ
 романамъ,
 И въ сумракъ липовыхъ аллей,
 Туда, гдѣ онъ являлся ей.

LIV.

Такъ мысль ея далече бродить:
 Забыть и свѣтъ, и шумный балъ,
 А глазъ межъ тѣмъ съ нею не сво-

дить
 Какой-то важный генераль.
 Другъ другу тетушки мигнули,
 И локтемъ Таню вразъ толкнули,
 И каждая шепнула ей:

«Взгляни на-лѣво поскорѣй.»
 — На-лѣво? гдѣ? что тамъ такое?
 «Ну, что бы ни было, гляди...

Въ той кучкѣ, видишь, впереди,
 Тамъ, гдѣ еще въ мундирахъ
 двое...

Вотъ отошелъ... вотъ бокомъ
 сталъ?

— Кто? толстый этотъ генераль?..

LV.

Но здѣсь съ побѣдою поздра-
 вимъ

Татьяну милую мою,
 И въ сторону свой путь напра-
 вимъ,

Чтобъ не забыть, о комъ пою...
 Да кстати здѣсь о томъ два слова:
 «Пою пріятеля младона
 И множество его причудъ.

Благослови мой долгій трудъ,
 О ты, эпическая муза!
 И, вѣрный посохъ мнѣ вручивъ,
 Не дай блуждать мнѣ вкось и
 вкривъ».

Довольно. Съ плечъ долой обуза!
 Я классицизму отдалъ честь:
 Хоть поздно, а вступленье есть.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Fare thee well, and if for ever
 Still for ever fare thee well.
 В у р о н.

I.

Въ тѣ дни, когда въ садахъ
 лицей
 Я безмятежно расцвѣталъ,

Читалъ охотно Елисея,*)
 А Цицерона не читалъ;
 Въ тѣ дни, въ таинственныхъ
 долинахъ,
 Весной, при кликахъ лебединыхъ,

*) Шуточная поэма В. Майкова (1728—1778 г.).

Близъ водъ, сѣвшихъ въ тишинѣ,
 Являться муза стала мнѣ.
 Моя студенческая келья
 Вдругъ озарилась: муза въ ней
 Открыла прѣмъ молодыхъ затѣй,
 Воспѣла дѣтскія веселья,
 И славу нашей старины,
 И сердца трепетные сны.

II.

И свѣтъ ее съ улыбкой встрѣ-
 тиль:
 Успѣхъ насъ первый окрылилъ;
 Старикъ Державинъ насъ замѣ-
 тиль
 И, въ гробъ сходя, благословилъ.

.....

III.

И я, въ законъ себѣ вмѣняя
 Страстей единый произволъ,
 Съ толпою чувства раздѣляя,
 Я музу рѣзвую привелъ
 На шумъ пировъ и буйныхъ спо-
 ровъ,
 Грозы полуночныхъ дозоровъ;
 И къ нимъ въ безумные пиры

Она несла свои дары,
 И какъ вакханочка рѣзвилась,
 За чашей пѣла для гостей,
 И молодежь минувшихъ дней
 За нею буйно волочилась,
 А я гордился межъ друзей
 Подругой вѣтреной моей.

IV.

Но я отсталъ отъ ихъ союза
 И вдаль бѣжалъ... она за мной.
 Какъ часто ласковая муза
 Мнѣ улаждала путь нѣмой
 Волшебствомъ тайнаго разсказа!
 Какъ часто по скаламъ Кавказа,
 Она Ленорой, при лунѣ,
 Со мной скакала на конѣ!
 Какъ часто по берегамъ Тавриды
 Она меня во мглѣ ночной
 Водила слушать шумъ морской,
 Немолчный шепотъ Нереиды,*)
 Глубокій, вѣчный хоръ валовъ,
 Хвалебный гимнъ отцу міровъ.

V.

И, позабывъ столицы дальней
 И блескъ, и шумные пиры,
 Въ глуши Молдавіи печальной
 Она смиренные шатры
 Племень бродячихъ посѣщала,
 И между ними одиночала,
 И позабыла рѣчь боговъ
 Для скудныхъ, сгранныхъ язы-
 ковъ,
 Для пѣсенъ степи ей любезной...
 Вдругъ измѣнилось все кругомъ:

*) Нереиды — морскія нимфы.

И вотъ она въ саду своемъ
Явилась барышней уѣздной,
Съ печальной думою въ очахъ,
Съ французской книжкою въ рукахъ.

VI.

И нынѣ музу я впервые
На свѣтскій раутъ привожу,⁴²
На прелести ея степныя
Съ ревливой робостью гляжу.
Сквозь тѣсный рядъ аристократовъ,
Военныхъ франтовъ, дипломатовъ
И гордыхъ дамъ она скользитъ;
Вотъ сѣла тихо и глядитъ,
Любуясь шумной тѣсною,
Мельканьемъ платьевъ и рѣчей,
Явленьемъ медленнымъ гостей
Передъ хозяйкой молодою,
И темной рамою мужчинъ
Вкругъ дамъ, какъ около картинъ.

VII.

Ей правится порядокъ стройный
Олигархическихъ бесѣдъ,
И холодъ гордости спокойной,
И эта смѣсь чиновъ и лѣтъ.
Но это кто въ толпѣ избранной
Стоитъ безмолвный и туманный?
Для всѣхъ онъ кажется чужимъ.
Мелькаютъ лица передъ нимъ,
Какъ рядъ докучныхъ привидѣній.
Что? сплинъ иль страждущая
спѣсь
Въ его лицѣ? Зачѣмъ онъ здѣсь?

Кто онъ таковъ? Ужель Евгеній?
Ужели онъ?... Такъ, точно онъ.
«Давно ли къ намъ онъ занесенъ?

VIII.

«Все тотъ же ль онъ, иль усмирился?

Иль корчитъ также чудака?
Скажите, чѣмъ онъ возвратился?
Что намъ представить онъ пока?
Чѣмъ нынѣ явится? Мельмотомъ,
Космополитомъ *), патриотомъ,
Гарольдомъ, квакеромъ, ханжой,
Иль маской щегольнетъ иной?
Иль просто будетъ добрый малый,
Какъ вы да я, какъ цѣлый свѣтъ?
По крайней мѣрѣ, мой совѣтъ:
Отстать отъ моды обветшалої.
Довольно онъ морочилъ свѣтъ...»
— Знакомъ онъ вамъ? «И да и нѣтъ».

IX.

— Зачѣмъ же такъ неблаго-
склонно

Вы отзываетесь о немъ?
За то ль, что мы неугомонно
Хлопочемъ, судимъ обо всемъ,
Что пылкихъ душъ неосторож-
ность
Самолюбивую ничтожность
Иль оскорбляетъ, иль смѣшаетъ;
Что умъ, любя просторъ, тѣснитъ;
Что слишкомъ часто разговоры
Принять мы рады за дѣла;
Что глупость вѣтрена и зла;

⁴² Rout, вечернее собраніе безъ танцевъ, собственно значить толпа. — *) Гражданинъ вселенной.

Что важнымъ людямъ — важны
взоры,
И что посредственность одна
Намъ по плечу и не странна?

X.

Блаженъ, кто смолоду былъ
молодъ,
Блаженъ, кто во время созрѣлъ,
Кто постепенно жизни холодъ
Съ лѣтами вытерпѣть умѣлъ;
Кто страннымъ снамъ не преда-
вался;
Кто черни свѣтской не чуждался;
Кто въ двадцать лѣтъ былъ франтъ
или хватъ,
А въ тридцать выгодно женатъ;
Кто въ пятьдесятъ освободился
Отъ частныхъ и другихъ долговъ;
Кто славы, денегъ и чиновъ
Спокойно въ очередь добился,
О комъ твердили цѣлый вѣкъ:
N. N. прекрасный человѣкъ!

XI.

Но грустно думать, что
напрасно
Была намъ молодость дана,
Что измѣняли ей всечасно,
Что обманула насъ она;
Что наши лучшія желанья,
Что наши свѣжія мечтанья
Истлѣли быстрой чередой,
Какъ листья осенью гнилой...
Несносно видѣть предъ собою
Однихъ обѣдовъ длинный рядъ,
Глядѣть на жизнь, какъ на
обрядъ,

И вслѣдъ за чинною толпою
Идти, не раздѣляя съ ней
Ни общихъ мнѣній, ни страстей! —

XII.

Предметомъ ставъ сужденій
шумныхъ,
Несносно (согласитесь въ томъ)
Между людей благоразумныхъ
Прослыть притворнымъ чудакомъ,
Или печальнымъ сумасбродомъ,
Иль сатаническимъ уродомъ,
Иль даже «Демономъ» моимъ.
Опѣгивъ (вновь займуся имъ),
Убивъ на поединкѣ друга,
Доживъ безъ цѣли безъ трудовъ,
До двадцати шести годовъ,
Томясь въ бездѣйствіи досуга,
Безъ службы, безъ жены, безъ
дѣлъ,
Ничѣмъ заняться не умѣлъ.

XIII.

Имъ овладѣло безпокойство,
Охота къ переменѣ мѣстъ
(Весьма мучительное свойство,
Немногихъ добровольный крестъ).
Оставилъ онъ свое селенье,
Лѣсовъ и нивъ уединенье,
Гдѣ окровавленная тѣнь
Ему являлась каждый день,
И началъ странствія безъ цѣли,
Доступный чувству одному —
И путешествія ему,
Какъ все на свѣтѣ, надоели;
Онъ возвратился и попалъ,
Какъ Чацкій, съ корабля на
балъ.

XIV.

Но вотъ толпа заколебалась,
 По залѣ шепотъ пробѣжалъ....
 Къ хозяйкѣ дама приближалась,
 За нею важный генераль.
 Она была не тороплива,
 Не холодна, не говорлива,
 Безъ взора наглаго для всѣхъ,
 Безъ притязаній на успѣхъ,
 Безъ этихъ маленькихъ ужимокъ,
 Безъ подражательныхъ затѣй....
 Все тихо, просто было въ ней.
 Она казалась вѣрный снимокъ
 Du comte il faut... N. N.!

прости:

Не знаю, какъ перевести.

XV.

Къ ней дамы подвигались
 ближе,
 Старушки улыбались ей;
 Мужчины кланялись ниже,
 Ловили взоръ ея очей;
 Дѣвицы проходили тѣше
 Предъ ней по залѣ, и всѣхъ
 выше

И носъ и плечи подымалъ
 Вошедшій съ нею генераль.
 Никто бъ не могъ ее прекрасной
 Назвать; но съ головы до ногъ
 Никто бы въ ней найти не могъ
 Того, что модой самовластной
 Въ высокомъ лондонскомъ кругу
 Зовется vulgar. Не могу....

XVI.

Люблю я очень это слово,
 Но не могу перевести:

Оно у насъ покамѣстъ ново,
 И вриды ли быть ему въ чести,
 Оно бъ годилось въ эпиграммы....
 Но обращаюсь къ нашей дамѣ.
 Бозпечной прелестью мила,
 Она сидѣла у стола
 Съ блестящей Ниной Воронскою,
 Сей Клеопатрою Невы:
 И вѣрно, согласилсъ-бъ вы,
 Что Нина мраморной красую
 Затмить сосѣдку не могла,
 Хотя ослѣпительна была.

XVII.

«Ужели,» думаетъ Евгеній:
 «Ужель она? Но точно... Нѣтъ...
 Какъ? изъ глуши степныхъ се-
 леній...»

И неотвязчивый лорнетъ
 Онъ обращаетъ поминутно
 На ту, чей видъ напомнилъ смутно
 Ему забытыя черты.
 «Скажи мнѣ, князь, не знаешь ты,
 Кто тамъ въ малиновомъ беретѣ,
 Съ посломъ испанскимъ гово-
 ритъ?»

Князь на Онѣгина глядитъ.
 — Ага! давно жъ ты не былъ въ
 свѣтѣ.
 Постой, тебя представлю я.
 «Да кто жъ она?» — Жена моя.

XVIII.

«Такъ ты женатъ! не зналъ и
 ранѣ!
 Давно ли?» — Около двухъ лѣтъ.
 «На комъ?» — На Ларинной.
 «Татьянѣ?»

— Ты ей знакомъ? «Я имъ со-
сѣдъ.»

— О, такъ пойдёмъ же. — Князь
подходить

Къ своей женѣ, и ей подводитъ
Родню и друга своего.

Княгиня смотритъ на него...

И, что ей душу ни смутило,

Какъ сильно ни была она

Удивлена, поражена,

Но ей ничто не измѣнило:

Въ ней сохранился тотъ же тонъ;

Быль также тихъ ея поклонъ.

XIX.

Ей-ей! не то чтобъ содрогну-
лась,

Иль стала вдругъ блѣдна, красна...

У ней и бровь не шевельнулась;

Не сжала даже губъ она.

Хоть онъ глядѣлъ нельзя при-
лежнѣй,

Но и слѣдовъ Татьяны прежней

Не могъ Онѣгинъ обрѣсти.

Съ ней рѣчь хотѣлъ онъ завести

И — и не могъ. Она спросила,

Давноль онъ здѣсь, откуда онъ,

И не изъ ихъ ли ужъ сторонъ?

Потомъ къ супругу обратила

Усталый взглядъ; скользнула

вонъ....

И недвижимъ остался онъ.

XX.

Ужель та самая Татьяна,

Которой онъ наединѣ,

Въ началѣ нашего романа,

Въ глухой далекой сторонѣ,}

Въ благомъ пылу правоученья,

Читалъ когда-то наставленья,

Та, отъ которой онъ хранить

Письмо, гдѣ сердце говорить,

Гдѣ все наружу, все на волѣ,

Та дѣвочка... иль это сонъ?...

Та дѣвочка, которой онъ

Пренебрегалъ въ смиренной долѣ,

Ужели съ нимъ сейчасъ была

Такъ равнодушна, такъ смѣла?

XXI.

Онъ оставляетъ раутъ тѣсный.

Домой задумчивъ ѣдетъ онъ.

Мечтой то грустной, то прелест-
ной

Его встревоженъ позднѣй сонъ.

Проснулся онъ — ему приносятъ

Письмо: князь N. покорно проситъ

Его на вечеръ. «Боже! къ ней!..

О! буду, буду!» — и скорѣй

Мараешь онъ отвѣтъ учтивый.

Что съ нимъ? Въ какомъ онъ
страшномъ снѣ!

Что шевельнулось въ глубинѣ

Души холодной и лѣнливой?

Досада? суетность? или вновь

Забота юности — любовь?

XXII.

Онѣгинъ вновь часы считаетъ,

Вновь не дожидется дня конца,

Но десять бьетъ; онъ выѣзжаетъ,

Онъ полетѣлъ, онъ у крыльца;

Онъ съ трепетомъ къ княгинѣ

входитъ;

Татьяну онъ одну находитъ,

И вмѣстѣ нѣсколько минутъ

Они сидятъ. Слова нейдутъ
Изъ устъ Онѣгина. Угрюмый,
Неловкій, онъ едва-едва
Ей отвѣчаетъ. Голова
Его полна упрямой думой.
Упрямо смотритъ онъ. Она
Сидитъ покойна и вольна.

XXIII.

Приходитъ мужъ, Онъ преры-
ваетъ

Сей непріятный tête à tête;
Съ Онѣгинымъ онъ вспоминаетъ
Проказы, шутки иррежнихъ лѣтъ.
Они смѣются. Входятъ гости.
Вотъ крупной солью свѣтской

злости

Сталъ оживляться разговоръ;
Передъ хозяйкой легкій вздоръ
Сверкалъ безъ глупаго жеманства,
И прерывалъ его межъ тѣмъ
Разумный толкъ безъ пошлыхъ

темъ,

Безъ вѣчныхъ истинъ, безъ пе-
дантства,

И не пугалъ на чьихъ ушей
Свободной живостью своей.

XXIV.

Тутъ былъ однако цвѣтъ сто-
лицы,

И знать, п моды образцы,
Вездѣ встрѣчаемыя лица,
Необходимые глупцы;
Тутъ были дамы пожилыя
Въ чепсахъ и въ розахъ, съ ви-
ду злые;
Тутъ было нѣсколько дѣвницъ,

Не улыбающихся лицъ;
Тутъ былъ посланникъ, говорив-
шій

О государственныхъ дѣлахъ;
Тутъ былъ въ душистыхъ сѣди-
нахъ

Старикъ, по старому шүтившій,
Отмѣнно тонко и умно,
Что нынче нѣсколько смѣшно.

XXV.

Тутъ былъ на эниграммы падкій,
На все сердитый господинъ:

На чай хозяйскій, слишкомъ слад-
кій,

На плоскость дамъ, на тонъ муж-
чинъ,

На толки про романъ туманный,
На вензель, двумъ сестрицамъ
давний,

На ложъ журналовъ, на войну,
На свѣтъ, и на свою жену.

.
.
.
.
.
.

XXVI.

Тутъ былъ Сабуровъ, заслу-
жившій

Извѣстность низостью души,
Во всѣхъ альбомахъ пригупив-
шій,

St.-Priest, твои карандаши;
Въ дверяхъ другой диктаторъ
балъный

Стоилъ картинкою журнальной —
 Румянъ, какъ вербный херувимъ,
 Затянутъ, пѣмъ и недвижимъ;
 И путешественникъ залетный,
 Перекрахмаленный нахаль,
 Въ гостяхъ улыбку возбуждалъ
 Своей осанкою заботной,
 И молча обмѣненный взоръ
 Ему былъ общій приговоръ.

XXVII.

Но мой Онѣгинъ вечеръ цѣлый
 Татьяной занять былъ одной;
 Не этой дѣвочкой несмѣлой,
 Влюбленной, бѣдной и простой,
 Но равнодушною княгиней,
 Но неприступною богиней
 Роскошной, царственной Невы.
 О, люди! всѣ похожи вы
 На прародительницу Эву:
 Что вамъ дано, то не влечетъ;
 Васъ непрестанно змій зоветъ
 Къ себѣ, къ таинственному древу;
 Запретный плодъ вамъ подавай,
 А безъ того вамъ рай не рай.

XXVIII.

Какъ измѣнилася Татьяна,
 Какъ твердо въ роль свою вошла!
 Какъ утѣснительнаго сана
 Приемы скоро приняла!
 Кто бѣ смѣлъ пскать дѣвчонки
 нѣжной
 Въ сей величавой, въ сей небреж-
 ной
 Законодательницѣ залъ?
 И онъ ей сердце волновалъ!
 Объ немъ она во мракѣ ночи,

Пока Морфей не прилетитъ,
 Бывало, дѣвственно грустить,
 Къ лунѣ подъемлетъ томны очи,
 Мечтая съ нимъ когда нибудь
 Свершить смпренный жизни путь!

XXIX.

Люби всѣ возрасты покорны;
 Но юнымъ, дѣвственнымъ серд-
 цамъ

Ея порывы благотворны,
 Какъ бури вешнія полямъ.
 Въ дождѣ страстей они свѣжѣютъ,
 И обновляются, и зрѣютъ —
 И жизнь могучая даетъ
 И пышный цвѣтъ, и сладкій
 плодъ;
 Но въ возрастъ поздній и без-
 плодный,
 На поворотѣ нашихъ лѣтъ,
 Печаленъ страсти мертвый слѣдъ:
 Такъ бури осени холодной
 Въ болото обращаютъ лугъ
 И обнажаютъ лѣсъ вокругъ.

XXX.

Сомнѣнья нѣтъ: увы! Евгенийъ
 Въ Татьяну, какъ дитя, влюбленъ;
 Въ тоскѣ любовныхъ помышлений
 И день и ночь проводитъ онъ.
 Ума не внемля строгимъ пенямъ,
 Къ ея крыльцу, стекляннымъ сѣ-
 нямъ
 Онъ подъѣзжаетъ каждый день;
 За ней онъ гонится, какъ тѣнь;
 Онъ счастливъ, если ей напнетъ
 Боа пушистый на плечо,
 Или коснется горячо

«Нѣтъ, поминутно видѣть васъ,
Повсюду слѣдовать за вами,
Улыбку устъ, движеніе глазъ
Ловить влюбленными глазами,
Внимать вамъ долго, понимать
Душой все ваше совершенство,
Предъ вами въ мукахъ замирать.

Блѣднѣть и гаснуть.... вотъ бла-
женство!

XXXIII.

Отвѣта нѣтъ. Онъ вновь по-
сланье.

«И я лишень того: для васъ
Тащусь повсюду на удачу;
Мнѣ дорогъ день, мнѣ дорогъ часъ:
А я въ напрасной скукѣ трачу
Судьбой отсчитанные дни.
И такъ ужъ тягостны они.
Я знаю: вѣкъ ужъ мой измѣренъ;
Но, чтобъ продлилась жизнь моя,
Я утромъ долженъ быть увѣренъ,
Что съ вами днемъ увижусь я....

Второму, третьему письму
Отвѣта нѣтъ. Въ одно собранье
Онъ ѣдетъ; лишь вошелъ.... ему
Она навстрѣчу. Какъ сурова!
Его не видятъ, съ нимъ ни слова;
У! какъ теперь окружена
Крещенскимъ холодомъ она!
Какъ удержатъ негодованье
Уста упрямые хотятъ!
Вперилъ Онѣгинъ горкій взглядъ:
Гдѣ, гдѣ смятенье, состраданье?
Гдѣ пятна слезъ?... Ихъ нѣтъ,
ихъ нѣтъ!
На семь лицъ лишь гнѣва слѣдъ...

XXXIV.

«Боюсь: въ мольбѣ моей сми-
ренной
Увидить вашъ суровый взоръ
Затѣи хитрости презрѣнной —
И слышу гнѣвный вашъ укоръ.
Когда бъ вы знали, какъ ужасно
Томиться жаждою любви,
Пылать — и разумомъ всечасно
Смирять волненіе въ крови;
Желать обнять у васъ колѣни,
И, зарыдавъ, у вашихъ ногъ
Излить мольбы, признанья, пени,
Все, все, что выразить бы могъ;
А между тѣмъ притворнымъ хла-
домъ
Вооружить и рѣчь, и взоръ,
Вести спокойный разговоръ,
Глядѣть на васъ веселымъ взгля-
домъ!...

Да, можетъ быть, боязни тайной,
Чтобъ мужъ иль свѣтъ не угадалъ
Проказы слабости случайной....
Всего, что мой Онѣгинъ зналъ....
Надежды нѣтъ! Онъ уѣзжаетъ,
Свое безумство проклинаятъ —
И, въ немъ глубоко погруженъ,
Отъ свѣта вновь отрекся онъ.
И въ молчаливомъ кабинетѣ
Ему припомнилась пора,
Когда жестокая хандра
За нимъ гналася въ шумномъ
свѣтѣ,
Поймала, за воротъ взяла
И въ темный уголъ заперла.

XXXV.

«Но такъ и быть: я самъ себѣ
Противиться не въ силахъ болѣ;
Все рѣшено: я въ вашей волѣ,
И предаюсь моей судьбѣ».

Сталъ вновь читать онъ безъ
разбора.

Прочелъ онъ Гиббона*), Руссо**),
Манзоні***), Гердера†), Шанфор-
та,

Madame de Stael, Биша, Тиссо,
Прочелъ скептическаго Бели††),
Прочелъ творенья Фонтенеля†††),
Прочелъ пзъ нашихъ кой-кого,
Не отвергая ничего:
И альманахи, и журналы,
Гдѣ поученья намъ твердятъ,
Гдѣ нынче такъ меня бранятъ,
А гдѣ такіе мадригалы
Себѣ встрѣчалъ я иногда —
E sempre bene, господа.

XXXVI.

И что жъ? Глаза его читали,
Но мысли были далеко;
Мечты, желанія, печали
Тѣснились въ душу глубоко.
Онъ межъ печатными строками
Читалъ духовными глазами
Другія строки. Въ нихъ-то онъ
Былъ совершенно углубленъ.
То были тайныя преданья
Сердечной, темной старины,
Ни съ чѣмъ несвязанные сны,
Угрозы, толки, предсказанья,
Иль длинный сказки вздоръ живой
И письма дѣвы молодой.

XXXVII.

И постепенно въ усыпленье

И чувствъ и думъ впадаетъ онъ,
А передъ нимъ воображенье
Свой пестрый мечеть фараонъ.
То видитъ онъ: на таломъ снѣгѣ,
Какъ будто спящій на почлегѣ,
Недвижимъ юноша лежитъ,
И слышитъ голосъ: что жъ? убить!
То видитъ онъ враговъ забвен-
ныхъ,

Клеветниковъ и трусовъ злыхъ,
И рой измѣнницъ молодыхъ,
И кругъ товарищей презрѣн-
ныхъ;

То сельскій домъ — и у окна
Спитъ она... и все она!

XXXVIII.

Онъ такъ привыкъ теряться въ
этомъ,

Что чуть съ ума не своротилъ,
Или не сдѣлался поэтомъ.
Признаться: то-то бѣ одолжилъ!
А точно: силой магнетизма
Стиховъ російскихъ механизма
Едва въ то время не постыгъ
Мой безтолковый ученикъ.
Какъ походилъ онъ на поэта,
Когда въ углу сидѣлъ одинъ,
И передъ нимъ пылалъ каминъ,
И онъ мурлыкалъ: Benedetta
Иль Idol mio, и ронялъ
Въ огонь то туфлю, то журналъ.

*) Англійскій историкъ (умъ въ 1744 г.). — **) Авторъ знаменитыхъ романовъ: «Новая Элоиза» и «Эмилъ». — ***) Итальянскій поэтъ (род. въ 1784 г.). — †) Знаменитый нѣмецкій поэтъ-философъ. — ††) Франц. философъ (1647—1706 г.). — †††) Франц. писатель (1657—1757 г.). Аут. Кантемиръ перевелъ на русскій языкъ одно изъ его сочиненій подъ именемъ «Разговоры о множествѣ міровъ».

XXXIX.

Дни мчалсь; въ воздухѣ на-
грѣтомъ

Ужъ разрѣшалася зима.
И онъ не сдѣлался поэтомъ,
Не умеръ, не сошелъ съ ума.
Весна живить его: впервые
Свои покои запертые,
Гдѣ зимоваль онъ, какъ сурокъ,
Двойныя окна, камелекъ,
Онъ яснымъ утромъ оставляетъ.
Несется вдоль Невы въ саняхъ.
На синихъ, изсѣченныхъ льдахъ
Играетъ солнце; грязно таетъ
На улицахъ разрытый снѣгъ.
Куда по немъ свой быстрый бѣгъ

XL.

Стремить Онѣгину? Вы заранѣ
Ужъ угадали: точно такъ.

Примчался къ ней, къ своей
Татьянѣ

Мой неисправленный чудакъ.
Идетъ, на мертвеца похожий.
Нѣтъ ни одной души въ при-
хожей.

Онъ въ залу, дальше — нпкого.
Дверь отворилъ онъ. Что жъ его
Съ такою силой поражаетъ?
Княгиня передъ нимъ, одна
Сидитъ, неубрана, блѣдна,
Письмо какое-то читаетъ,
И тихо слезы льетъ рѣкой,
Опершись на руку щекой.

XLI.

О, кто бъ нѣмыхъ ея страданій
Въ сей быстрый мигъ не прочиталъ?

Кто прежней Тани, бѣдной Тани
Теперь въ княгинѣ бъ не узналъ!
Въ тоскѣ безумныхъ сожалѣній
Къ ея ногамъ упалъ Евгеній;
Она вздрогнула, п молчитъ;
И на Онѣгина глядитъ
Безъ удивленія, безъ гнѣва ...
Его больной, угасшій взоръ,
Молящій видъ, нѣмой укоръ,
Ей внятно все. Простая дѣва,
Съ мечтами, сердцемъ прежнихъ
дней,
Теперь опять воскресла въ ней!

XLII.

Она его не подымаетъ,
И, не сводя съ него очей,
Отъ жадныхъ устъ не отнимаетъ
Безчувственной руки своей...
О чемъ теперь ея мечтанье?
Проходитъ долгое молчанье,
И тихо, наконецъ, она:
«Довольно, встаньте. Я должна
Вамъ объясниться откровенно.
Онѣгину, помните ль тотъ часъ,
Когда въ саду, въ аллеѣ насъ
Судьба свела, и такъ смпренно
Урокъ вашъ выслушала я?
Сегодня очередь моя.

XLIII.

«Онѣгину, я тогда моложе,
Я лучше, кажется, была,
И я любила васъ; и что же?
Что въ сердцѣ вашемъ я нашла,
Какой отвѣтъ? Одну суровость.
Не правда ль? Вамъ была не но-
вость

Смирненной дѣвочки любовь?
И нынче — Боже! — стынетъ
кровь,
Какъ только вспомню взглядъ
холодный
И эту проповѣдь... Но васъ
Я не внию: въ тотъ страшный
часъ
Вы поступили благородно,
Вы были правы предо мной:
Я благодарна всей душой...

XLIV.

«Тогда — не правда ли? — въ
пустынь,
Вдали отъ суетной молвы,
Я вамъ не правилась... Что жъ
нынѣ
Меня преслѣдуете вы?
Зачѣмъ у васъ я на примѣтъ?
Не потому ли, что въ высшемъ
свѣтѣ
Теперь являться я должна;
Что я богата и знатна;
Что мужъ въ сраженьяхъ пзу-
вѣченъ;
Что насъ за то ласкаетъ дворъ?
Не потому-ли, что мой позоръ
Теперь бы всѣми былъ замѣченъ,
И могъ бы въ обществѣ принести
Вамъ соблазнительную честь?

XLV.

«Я плачу... Если вашей Таня
Вы не забыли до сихъ поръ,
То знайте: колкость нашей браки,
Холодный, строгій разговоръ,

Когда бъ въ моей лишь было
 власти,
 Я предпочла бъ обидной страсти
 И этимъ письмамъ, п слезамъ.
 Къ моимъ младенческимъ меч-
 тамъ
 Тогда имѣли вы хоть жалость,
 Хотя уваженіе къ лѣтамъ...
 А нынче!.. Что къ моимъ но-
 гамъ
 Васъ привело? Какая малость!
 Какъ съ вашимъ сердцемъ и
 умомъ
 Быть чувства мелкаго рабомъ?

XLVI.

«А мѣѣ, Онѣгпнѣ, пышность
эта —
Постылой жизни мпшура,
Мои успѣхи въ вихрѣ свѣта,
Мой модный домъ и вечера,
— Что въ нпхъ? Сейчасъ отдать
я рада
Всю эту ветошь маскарада,
Весь этотъ блескъ и шумъ и
чадъ
За полку книгъ, за дпкій садъ,
За наше бѣдное жплице,
За тѣ мѣста, гдѣ въ первый разъ,
Онѣгпнѣ, впдѣла я васъ,
Да за смиренное кладбище,
Гдѣ выныче крестъ и тѣнь вѣт-
вей
Надъ бѣдной вянею моей...

XLVII.

«А счастье было такъ возможно,
Такъ близко!.. Но судьба моя



Ужъ рѣшена. Неосторожно,
 Быть можетъ, поступила я:
 Меня съ слезами заклинаній
 Молила мать; для бѣдной Танн
 Всѣ были жребіи равны...
 Я вышла замужъ. Вы должны,
 Я васъ прошу, меня оставить;
 Я знаю: въ вашемъ сердцѣ есть
 И гордость, и прямая честь.
 Я васъ люблю (къ чему лука-
 вить)?
 Но я другому отдана;
 Я буду вѣкъ ему вѣрна.»

XLVIII.

Она ушла. Стоптъ Евгенийъ,
 Какъ будто громомъ пораженъ.
 Въ какую бурю ощущеній
 Теперь онъ сердцемъ погруженъ!
 Но шпоръ внезапный звонъ раз-
 дался,
 И мужъ Татьянинъ показался,
 И здѣсь героя моего,
 Въ минуту злую для него,
 Читатель, мы теперь оставимъ
 Надолго... навсегда. За нимъ
 Довольно мы путемъ однимъ
 Бродили по свѣту. Поздравимъ
 Другъ друга съ берегомъ. Ура!
 Давно бѣ (не правда ли?) пора!

XLIX.

Кто бѣ ни былъ ты, о мой чи-
 татель,
 Другъ, недругъ, я хочу съ то-
 бой
 Разстаться нынче, какъ пріятель.
 Прости! Чего бы ты за мной

Здѣсь ни искалъ въ строфахъ не-
 брежныхъ:
 Воспоминаній ли мятежныхъ,
 Отдохновенія ль отъ трудовъ,
 Живыхъ картинъ, иль острыхъ
 словъ,
 Иль грамматическихъ ошибокъ, —
 Дай Богъ, чтобъ въ этой книжкѣ
 ты,
 Для развлеченія, для мечты,
 Для сердца, для журнальныхъ
 сшибокъ,
 Хотя крупицу могъ найти.
 За смѣхъ разстанемся, прости!

I.

Прости жѣ и ты, мой спутникъ
 странный,
 И ты, мой вѣрный идеалъ,
 И ты, живой и постоянный,
 Хоть милый трудъ. Я съ вами
 зналъ,
 Все, что завидно для поэта:
 Забвеніе жизни въ буряхъ свѣта,
 Бесѣду сладкую друзей.
 Промчалось много, много дней
 Съ тѣхъ поръ, какъ юная Татья-
 на
 И съ ней Онѣгинъ въ смутномъ
 снѣ

Явились впервые мнѣ —
 И даль свободнаго романа
 Я сквозь магическій кристаллъ
 Еще неясно различалъ.

II.

Но тѣ, которымъ въ дружной
 встрѣчѣ

Я строфы первыя читаль...
 Иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече,
 Какъ Сади*) нѣкогда сказалъ.
 Безъ нихъ Онѣгинъ дорисованъ.
 А ты, съ которой образованъ
 Татьяна милый идеаль...
 О, много, много рокъ отъялъ!

Блаженъ, кто праздникъ жизни
 рано
 Оставилъ, не допивъ до дна
 Бокала, полного вина,
 Кто не дочель ея романа
 И вдругъ умѣлъ разстаться съ
 нимъ,
 Какъ я съ Онѣгинымъ моимъ.

*) Знаменитый персидскій поэтъ.





ЛИРИКА.

1. НА СТАТУИ:

I. мальчика, играющаго въ бабки.

(РАБОТЫ Н. ПИМЕНОВА.)

Юноша трижды шагнулъ, наклонился, рукой о колѣно
Бодро оперся, другой поднялъ мѣткую кость.
Вотъ ужъ прицѣлился.... Прочь! раздавайся, народъ любопытный;
Врознь разступись: не мѣшай русской удалой игрѣ!

II. мальчика, играющаго въ свайку.

(РАБОТЫ Н. ЛОГАНОВСКАГО.)

Юноша, полный красоты, напряженья, усилія чуждый,
Строенъ, легокъ и могучъ, тѣшится быстрой игрой.
Вотъ товарищъ тебѣ, Дискоболь! онъ достоинъ, клянуса,
Дружно обнявшись съ тобой, послѣ игры отдыхать!

2. КЪ ПОРТРЕТУ КН. П. А. ВЯЗЕМСКАГО.

Судьба свои дары явить желала въ немъ,
Въ счастливомъ баловнѣ соединивъ ошибкой
Богатство, знатный родъ съ возвышеннымъ умомъ,
И простодушіе съ язвительной улыбкой.

3. EX UNGUE LEONEM.

Недавно я стихами какъ-то свиснулъ
 И выдалъ ихъ безъ подписи моей;
 Журнальный шутъ о нихъ статейку тиснулъ,
 Безъ подписи жъ пустивъ ее, злодѣй.
 Но что жъ? Ни мнѣ, ни площадному шуту
 Не удалось прикрыть своихъ проказъ:
 Онъ по когтямъ узналъ меня въ минуту,
 Я по ушамъ узналъ его какъ-разъ.

4. ЗАВѢЩАНІЕ.

Друзья, простите! завѣщаю
 Вамъ все, чѣмъ радъ и чѣмъ богатъ;
 Обиды, пѣснь — все прощаю,
 А мнѣ пускай долги простятъ.

5. * *

«Скажи, что новаго?» — Ни слова.
 «Не знаешь ли, гдѣ, какъ и кто?»
 — О, братецъ! отвѣйся: я знаю только то,
 Что ты дуракъ, но это ужъ не ново.

6. РУССКОМУ ГЕСНЕРУ.

(В. И. ПАНАЕВУ.)

Куда ты холоденъ и сухъ!
 Какъ слогъ твой чопоренъ и блѣденъ!
 Какъ въ изобрѣтеняхъ ты бѣденъ!
 Какъ утомляешь ты мой слухъ!
 Твоя пастушка, твой пастухъ
 Должны ходить въ овчинной шубѣ;
 Ты ихъ морозишь на-легкѣ!
 Гдѣ ты нашелъ ихъ? Въ шустерь-клубъ
 Или въ Красномъ-кабачкѣ?

7. ВЪ АЛЬБОМЪ А. Н. ЗУБОВУ.

Когда погаснутъ дни мечтанья,
 И позоветъ насъ шумный свѣтъ —
 Кто вспомнитъ братскія свиданья
 И дружество минувшихъ лѣтъ?...
 Позволь въ листахъ воспоминанья
 Оставить имъ минутный слѣдъ.

8. ПРИГЧА.

Картину разъ высматриваль сапожникъ,
 И въ обуви ошибку указалъ;
 Взявъ тотчасъ кисть, исправился художникъ.
 «Вотъ», подбочась, сапожникъ продолжалъ:
 «Мнѣ кажется, лицо немного криво...
 А эта грудь не слишкомъ ли нага?»
 Но Апеллесъ *) прервалъ нетерпѣливо:
 «Суди, дружокъ, не выше сапога.»

Есть у меня пріятель на примѣтѣ:
 Не вѣдаю, въ какомъ бы онъ предметѣ
 Былъ знатокомъ, хоть строгъ онъ на словахъ;
 Но чортъ его несетъ судить о свѣтѣ:
 Попробуй онъ судить о сапогахъ.

9. ИСТОРИЯ СТИХОТВОРЦА.

Внимаетъ онъ привычнымъ ухомъ
 Свистъ;
 Мараетъ онъ единымъ духомъ
 Листъ;
 Потомъ всему терзаетъ свѣту
 Слухъ;
 Потомъ печатаетъ: и въ Лету
 Бухъ!

*) Знаменитый живописецъ древней Греціи.

10. * *

Какъ брань тебѣ не надоѣла!
 Разсчесть коротокъ мой съ тобой:
 Ну, такъ, я празденъ, я безъ дѣла;
 А ты бездѣльникъ дѣловой.

11. * *

«Хоть, впрочемъ, онъ поэтъ изрядный,
 Эмилій человѣкъ пустой.»
 Да ты чѣмъ полонъ, шутъ нарядный?
 А, понимаю: самъ собой!
 Ты полонъ дрини, милый мой!

12. С О В Ѣ Т Ъ.

Повѣрь: когда слѣпней и комаровъ
 Вокругъ тебя летаетъ рой журнальный,
 Не разсуждай, не трать учтивыхъ словъ,
 Не возражай на пискъ и шумъ нахальный:
 Ни логикой, ни вкусомъ, милый другъ,
 Никакъ нельзя смирить ихъ родъ упрямый;
 Сердиться грѣхъ — но замахнись п вдругъ
 Прихлопни ихъ проворной эпиграммой,

13. П Р І Я Т Е Л Я М Ъ.

Враги мои, покамѣсть, я ни слова....
 И, кажется, мой быстрый гнѣвъ угасъ,
 Но изъ виду не выпускаю васъ,
 И выберу когданибудь любаго:
 Не пзбѣжитъ пронзительныхъ когтей,
 Какъ налечу неожиданный, беспощадный.
 Такъ въ облакахъ кружится ястребъ жадный
 И сторожитъ индѣекъ п гусей.

14. ВІНОГРАДЪ.

Не стану я жалѣть о розахъ,	Краса моей долины злачной,
Увядшихъ съ легкою весной:	Отрада осени златой,
Мнѣ мплъ и виноградъ на лозахъ,	Продолговатый и прозрачный,
Въ кпстяхъ созрѣвшій подъ го-	Какъ переты дѣвы молодой.
рой,	

15. ПРИМѢТЫ.

Старайся наблюдать различныя примѣты.
 Пастухъ п земледѣль въ младенческія лѣты,
 Взглянувъ на небеса, на западную тѣнь,
 Умѣютъ ужъ предречь п вѣтръ, и ясный день,
 П майскіе дожди, младыхъ полей отраду,
 И мразовъ ранній хладъ, опасный винограду.
 Такъ, если лебеди, на лонѣ тихихъ водъ
 Плескаясь вечеромъ, окличутъ твой приходъ,
 Иль солнце яркое зайдетъ въ печальны тучи,
 Знай: завтра сонныхъ дѣвъ разбудитъ дождь ревучій,
 Иль бьющій въ окна градъ, а ранній селянинъ,
 Готовясь ужъ косить высокій злакъ долинъ,
 Услыша бури шумъ, не выйдетъ на работу
 И погрузится вновь въ лѣнивую дремоту.

16. ДОРОЖНЫЯ ЖАЛОБЫ.

Долголь мнѣ гулять на свѣтѣ,	Подъ разобраннѣмъ мостомъ.
То въ коляскѣ, то верхомъ,	Иль чума меня подцѣпитъ,
То въ кбиткѣ, то въ каретѣ,	Иль морозъ окостенитъ,
То въ телѣгѣ, то пѣшкомъ?	Иль мнѣ въ лобъ шлагбаумъ
Не въ наслѣдственной берлогѣ,	влѣпитъ
Не средь отческихъ могилъ,	Непроворный инвалидъ.
На большой мнѣ, знатъ, дорогѣ	Иль въ лѣсу подъ ножъ зло-
Умереть Господь судилъ:	дѣю

На каменьяхъ подъ копытомъ,	Попадуса въ сторонѣ,
На горѣ подъ колесомъ,	Иль со скуки околю
Иль во рву, водой размытомъ,	Гдѣ нибудь въ карантинѣ.

17. ВЪ АЛЬБОМЪ Е. Н. ВУЛЬФЪ.

Если жизнь тебя обманетъ,	Сердце въ будущемъ живетъ;
Не печалься, не сердись!	Настоящее уныло:
Въ день унынія смирись:	Все мгновенно, все пройдетъ;
День веселья, вѣрь, настанетъ.	Что пройдетъ, то будетъ мило.

18. З И М А.

Зима. Что дѣлать намъ въ деревнѣ? Я встрѣчаю
 Слугу, несущаго мнѣ утромъ чашку чаю,
 Вопросы: тепло ль? утихла ли метель?
 Пороша есть иль нѣтъ? и можно ли постель
 Покинуть для сѣдла, иль лучше до обѣда
 Возиться съ старыми журналами сосѣда?
 Пороша. Мы встаемъ, и тотчасъ на коня,
 И рысю по полю при первомъ свѣтѣ дня;
 Арапники въ рукахъ, собаки вслѣдъ за нами;
 Глядимъ на блѣдный свѣтъ прилежными глазами;
 Кружимся, рыскаемъ и поздней ужъ порой,
 Двухъ зайцевъ потравивъ, являемся домой.
 Куда какъ весело! Вотъ вечеръ: вьюга воетъ,
 Свѣча темно горитъ; стѣсняясь, сердце поетъ;
 По каплѣ, медленно, глотаю скуки ядъ.
 Читать хочу — глаза надъ буквами скользятъ,
 А мысли далеко... Я книгу закрываю;
 Беру перо, сижу, насильно вырываю
 У музы дремлющей несвязныя слова.
 Ко звуку звукъ нейдетъ.... Теряю всѣ права
 Надъ рифмой, надъ моей прислужницею странной:
 Стихъ вяло тянется, холодный и туманный.
 Усталый, съ лирою я прекращаю споръ,
 Иду въ гостиную; тамъ слышу разговоръ
 О близкихъ выборахъ, о сахарномъ заводѣ.
 Хозяйка хмурится въ подобіе погодѣ,
 Стальными спицами проворно шевеля,
 Иль про червоннаго гадаетъ короля.
 Тоска! Такъ день за днемъ идетъ въ уединеньѣ!

Но если подъ вечеръ въ печальное селенье,
 Когда за шашками сiju я въ уголкѣ,
 Приѣдетъ издали въ кибиткѣ иль возкѣ
 Нежданая семья: старушка, двѣ дѣвицы
 (Двѣ бѣлокуроыя, двѣ стройныя сестрицы),
 Какъ оживляется глухая сторона!
 Какъ жизнь, о Боже мой, становится полна!
 Сначала косвенно-внимательные взоры,
 Потомъ словъ нѣсколько, потомъ и разговоры,
 А тамъ и дружный смѣхъ, и пѣсни вечеркомъ,
 И вальсы рѣзвые, и шепотъ за столомъ.

19. ВОЙНА

Война!...*) Подъяты наконецъ,
 Шумять знамена бранной чести!
 Увижу кровь, увижу праздникъ мести;
 Засвищеть вокругъ меня губительный свинецъ!
 И сколько сильныхъ впечатлѣній
 Для жаждущей души моей:
 Стремленье бурныхъ ополченій,
 Тревоги стана, звукъ мечей,
 И въ роковомъ огнѣ сраженій
 Паденье ратныхъ и вождей;
 Предметы гордыхъ пѣснопѣній
 Разбудятъ мой уснувшій геній**).

Все ново будетъ мнѣ: простая сѣнь шатра,
 Огни враговъ, ихъ чуждое званье,
 Вечерній барабанъ, громъ пушки, визгъ ядра
 И смерти грозной ожиданье.

Родишься ль ты во мнѣ, слѣная славы страсть,
 Ты, жажда гибели, свирѣпый жаръ героевъ?
 Вѣнокъ ли мнѣ двойной достанется на часть,
 Кончину ль темную сулилъ мнѣ жребій боевъ,

*) Стихотвореніе написано по поводу возстанія грековъ противъ турецкаго ига.

**) Предполагая, что Россія объявитъ войну Турціи, Пушкинъ думалъ поступить въ русское войско.

И все умереть со мной: надежды юных дней,
 Священный сердца жаръ, къ высокому стремленье,
 Воспоминаніе и брата и друзей,
 И мыслей творческихъ напрасное волненье,
 И ты, и ты любовь?... Ужель ни бранный шумъ,
 Ни ратные труды, ни ропотъ гордой славы —
 Ничто не заглушитъ моихъ привычныхъ думъ?

Я таю, жертва злой отравы:

Покой бѣжитъ меня; нѣтъ власти надъ собой,
 И тягостная лѣнь душою овладѣла....

Что жъ медлитъ ужасъ боевой?

Что жъ битва первая еще не запыла?...

20. АКВИЛОНЪ.

Зачѣмъ ты, грозный аквилонъ,	Но ты поднялся, ты выигралъ,
Тростникъ болотный долу кло-	Ты прошумѣлъ грозой и сла-
нишь?	вой —

Зачѣмъ на дальній небосклонъ	И бурны тучи разогналъ,
Ты облака столь гнѣвно го-	И дубъ низвергнулъ величавый.
нишь?	

Недавно черныхъ тучъ грядой	Пускай же солнца ясный ликъ
Сводъ неба глухо облакался;	Отнынѣ радостью блистаетъ,
Недавно дубъ надъ высотой	И облакомъ зефиръ играетъ,
Въ красѣ надменной величался.	И тихо зыблется тростникъ.

21. ЦЫГАНЫ.

Надъ лѣсистыми берегами,	Завтра съ первыми лучами
Въ часъ вечерней тишины,	Вашъ исчезнетъ вольный слѣдъ,
Шумъ и пѣсни подъ шатрами,	Вы уйдете — но за вами
И огни разложены.	Не пойдетъ ужъ вашъ поэтъ.

Здравствуй, счастливое племя!	Онъ бродящіе ночлеги
Узнаю твои костры;	И проказы старинны
Я бы самъ въ иное время	Позабылъ для сельской нѣги
Провожалъ сіи паты.	И домашней тишины.

22. Я ПОМНЮ ЧУДНОЕ МГНОВЕНЬЕ....

И помню чудное мгновенье:	Въ глуши, во мракъ заточеньи,
Передо мной явилась ты,	Тянулись тихо дни мои
Какъ мимолетное видѣнье,	Безъ божества, безъ вдохновенья,
Какъ геній чистой красоты.	Безъ слезъ, безъ жизни, безъ
Въ томленьяхъ грусти безнад-	любви.
ежной,	
Въ тревогахъ шумной суеты,	Душѣ настало пробужденье:
Звучалъ мнѣ долго голосъ нѣж-	И вотъ опять явилась ты,
ный,	Какъ мимолетное видѣнье,
И снились милыя черты.	Какъ геній чистой красоты.
Шли годы. Бурь порывъ мя-	
тежный	И сердце бьется въ упоеньѣ:
Разсѣялъ прежнія мечты,	И для него воскресли вновь
И я забылъ твой голосъ нѣжный,	И божество, и вдохновенье,
Твои небесныя черты.	И жизнь, и слезы, и любовь.

23. КЪ ***.

(сонетъ).

Суровый Дантъ не презиралъ сонета;
 Въ немъ жаръ любви Петрарка пливалъ;
 Игру его любилъ творецъ Макбета; *)
 Имъ скорбну мысль Камюэнсъ **) облекалъ.

И въ наши дни плѣняетъ онъ поэта:
 Вордсвортъ ***) его орудиємъ избралъ,
 Когда вдали отъ суетнаго свѣта,
 Природы онъ рисуетъ идеаль.

Подъ сѣнью горъ Тавриды отдаленной
 Пѣвецъ Литвы †) въ размѣръ его стѣсненный
 Свои мечты мгновенно заключалъ.

У насъ еще его не знали дѣвы,
 Какъ для него ужъ Дельвигъ забывалъ
 Гексаметра священные напѣвы.

*) Шекспиръ. — **) Португальскій поэтъ (1524 — 1579 г.), авторъ поэмы «Лузіада». — ***) Англійскій поэтъ (1770 — 1840 г.) — †) Мицкевичъ, польскій поэтъ (1798 — 1855 г.). Особенно замѣчательна его поэма «Конрадъ Валленродъ».

24. ХУДОЖНИКУ.

Грустенъ и весель вхожу, ваятель, въ твою мастерскую:
 Гипсу ты мысли даешь, мраморъ послушенъ тебѣ.
 Сколько боговъ, и богинь, и героевъ!.. Вотъ Зевсъ громовержець;
 Вотъ изъ-подлобья глядитъ, дѣя въ цѣвницу, сатиръ;
 Здѣсь зачинатель Барклай, а здѣсь совершитель Кутузовъ;
 Тутъ Аполлонъ — идеаль, тамъ Ниобея печаль...
 Весело мнѣ! Но межъ тѣмъ, въ толпѣ молчаливыхъ кумировъ,
 Грустенъ гуляю: со мной добраго Дельвига нѣтъ;
 Въ темной могилѣ почилъ художниковъ другъ и совѣтникъ.
 Какъ бы онъ обнялъ тебя, какъ бы гордился тобой!

25. КОГДА ЗА ГОРОДОМЪ ЗАДУМЧИВЪ Я БРОЖУ...

Когда за городомъ задумчивъ я брожу
 И на публичное кладбище захожу —
 Рѣшетки, столбики, нарядныя гробницы,
 Подъ коими гниютъ всѣ мертвецы столицы,
 Въ болотѣ кое-какъ стѣсненные кругомъ,
 Какъ гости жадные за нищенскимъ столомъ;
 Купцовъ, чиновниковъ усопшихъ мавзоль
 (Дешеваго рѣзца нелѣпыя затѣи!),
 Надъ ними надписи и въ прозѣ и въ стихахъ
 О добродѣтеляхъ, о службѣ, о чинахъ;
 Ворами со столбовъ отвинченныя урны,
 Могила склизкія, зѣвающія тутъ,
 Которыя жильцовъ къ себѣ на утро ждуть —
 Такія смутныя мнѣ мысли все наводитъ,
 Что злое на меня уныніе находитъ,
 Хоть плюнуть да бѣжать.

Но какъ же любо мнѣ
 Осеннею порой, въ вечерней тишинѣ,
 Въ деревнѣ посѣщать кладбище родовое,
 Гдѣ дремлютъ мертвые въ торжественномъ покое:
 Къ нимъ ночью темною не лѣзетъ блѣдный воръ;
 Близъ камней вѣковыхъ, покрытыхъ желтымъ мохомъ,

Проходить селянинъ съ молитвой и со вздохомъ;
 На мѣсто праздныхъ урнъ и мелкихъ пирамидъ,
 Безносыхъ геніевъ, растрепанныхъ харитъ —
 Стоитъ широкій дубъ надъ важными гробами,
 Колеблясь и шумя...

26. КЪ ОВИДІЮ.

Овидій, я живу близъ тихихъ береговъ,
 Которымъ изгнанныхъ отеческихъ боговъ
 Ты вѣкогда принесъ и пепелъ свой оставилъ.
 Твой безотрадный плачъ мѣста сіи прославилъ:
 И лиры вѣжнѣйшій гласъ еще не онѣмѣлъ;
 Еще твоей молвой наполненъ сей предѣлъ.
 Ты живо впечатлѣлъ въ моемъ воображеніи
 Пустыню мрачную — поэта заточенье,
 Туманный сводъ небесъ, обычные снѣга
 И краткой теплотой согрѣтые дуга.
 Какъ часто, увлеченъ унылыхъ струнъ игрою,
 Я сердцемъ слѣдовалъ, Овидій, за тобою:
 Я видѣлъ твой корабль игралищемъ валовъ,
 И якорь, вверженный близъ дикихъ береговъ,
 Гдѣ ждетъ пѣвца любви жестокаѣ награда.
 Тамъ нивы безъ тѣней, холмы безъ винограда;
 Рожденные въ снѣгахъ для ужасовъ войны,
 Тамъ хладной Склоіи свирѣпыя сыны,
 За Истромъ *) утаясь, добычи ожидаютъ,
 И селамъ каждый мигъ набѣгомъ угрожаютъ.
 Преграды нѣтъ для нихъ: въ волнахъ они плывутъ,
 И по льду звучному безтрепетно идутъ.
 Ты самъ (дивись, Назонъ, дивись судьбѣ превратной!)
 Ты, съ юныхъ лѣтъ презрѣвъ волненіе жизни ратной,
 Привыкнувъ розами вѣнчать свои власы
 И въ нѣгѣ провождать безпечныя часы,
 Ты будешь принужденъ взложить и шлемъ тяжелый,
 И грозный мечъ хранить близъ лиры оробѣлой.
 Ни дочь, ни жена, ни вѣрный сонмъ друзей,

*) Дунай въ нижнемъ теченіи въ древности назывался Истромъ.

Ни музы, легкія подруги прежнихъ дней,
 Изгнаннаго пѣвца не уладятъ печали.
 Напрасно граціи стихи твои вѣнчали,
 Напрасно юноши ихъ помнятъ паизусть:
 Ни слава, ни лѣта, ни жалобы, ни грусть,
 Ни пѣсни робкія Октавія не тронутъ;
 Дни старости твоей въ забвеніи потонуть.
 Златой Италіи роскошный гражданинъ,
 Въ отчизнѣ варваровъ безвѣстенъ и одинъ,
 Ты звуковъ родины вокругъ себя не слышишь,
 Ты въ тяжелой горести далекой дружбѣ пишешь:
 «О, возвратите мнѣ священный градъ отцовъ
 И тѣни мирныя наслѣдственныхъ садовъ!
 О, други, Августу мольбы мои несите!
 Карающую длань слезами отклоните!
 Но если гнѣвный богъ досель неумолимъ,
 И вѣкъ мнѣ не видать тебя, великій Римъ —
 Последнею мольбой смягчая рокъ ужасный,
 Приблизьте хоть мой гробъ къ Италіи прекрасной!»
 Чье сердце хладное, презрѣвшее харить,
 Твое уныніе и слезы укорить?
 Кто въ грубой гордости прочтетъ безъ умиленія
 Сии элегіи — послѣднія творенія,
 Гдѣ ты свой тщетный стонъ потомству передалъ?

Суровый славянинъ, я слезъ не проливалъ,
 Но понимая ихъ. Изгнанникъ самовольный,
 И свѣтомъ, и собой, и жизнью недовольный,
 Съ душой задумчивой, я нынѣ посѣтилъ
 Страну, гдѣ грустный вѣкъ ты нѣкогда влачилъ.
 Здѣсь, ожививъ тобою мечты воображенія,
 Я повторилъ твои, Овидій, пѣснописныя,
 И ихъ печальныя картины повѣрялъ;
 Но взоръ обманутымъ мечтаньямъ измѣнялъ.
 Изгнаніе твое плѣняло втайнѣ очи,
 Привыкшія къ свѣтамъ угрюмой полуночи.
 Здѣсь долго свѣтится небесная лазурь;
 Здѣсь кратко царствуетъ жестокость зимнихъ бурь.

На скискихъ берегахъ переселенець новый,
 Сынъ юга, виноградъ блистаетъ пурпуровый.
 Ужъ пасмурный декабрь на русскіе луга
 Слоями разстилалъ пушистые снѣга;
 Зима дышала тамъ; а съ вешней теплотою
 Здѣсь солнце ясное катилось надо мною;
 Младую зеленю пестрѣлъ увядшій лугъ;
 Свободныя поля взрывалъ ужъ ранній плугъ;
 Чуть вѣялъ вѣтерокъ, подъ вечеръ холодѣя;
 Едва прозрачный ледъ, надъ озеромъ тускнѣя,
 Кристаломъ покрывалъ недвижныя струи.
 Я вспомнилъ опыты несмѣлые твои,
 Сей день, замѣченный крылатымъ вдохновеньемъ,
 Когда ты въ первый разъ ввѣрялъ съ недоумѣньемъ
 Шаги свои волнамъ, окованнымъ зимой:
 И по льду новому, казалось, предо мной
 Скользила тѣнь твоя, и жалобные звуки
 Неслися издали, какъ томный стонъ разлуки.
 Утѣшься: не увишь Овидіевъ вѣнецъ!
 Увы, среди толпы затерянный цвѣнецъ,
 Безвѣстенъ буду я для новыхъ поколѣній,
 И, жертва темная, умереть мой слабый геній
 Съ печальной жизнію, съ минутною молвой!..
 Но если обо мнѣ потонокъ поздній мой
 Узнавъ, придетъ искать въ странѣ сей отдаленной,
 Близъ праха славнаго, мой слѣдъ уединенный —
 Бреговъ забвеніи остави хладну сѣнь,
 Къ нему слетитъ моя признательная тѣнь,
 И будетъ мило мнѣ его воспоминанье.
 Да сохранится же завѣтное преданье:
 Какъ ты, враждующей покорствуя судьбѣ,
 Не славой, участію я равенъ былъ тебѣ.
 Здѣсь, лирой сѣверной пустыни оглашая,
 Спитался я въ тѣ дни, какъ на брега Дуная
 Великодушный грекъ свободу вызывалъ:
 И ни единый другъ мнѣ въ мірѣ не внималъ;
 Но не унижилъ вѣкъъ измѣной беззаконной
 Ни гордой совѣсти, ни лиры непреклонной.

27. ЖЕЛАНІЕ.

Кто видѣлъ край, гдѣ роскошью природы
 Оживлены дубровы и луга;
 Гдѣ весело синѣютъ, блещутъ воды
 И пышные ласкаютъ берега;
 Гдѣ на холмы, подъ лавровые своды,
 Не смѣютъ лечь угрюмые снѣга?
 Скажите мнѣ: кто видѣлъ край прелестный,
 Гдѣ я любилъ, изгнанникъ неизвѣстный?

Златой предѣлъ, любимый край Эльвины!
 Туда летятъ желанія мои.
 Я помню горъ высокія вершины,
 Прозрачныхъ водъ веселыя струи,
 И тѣнь, и шумъ, и красныя долины,
 Гдѣ бѣдныя простыхъ татаръ семьи,
 Среди заботъ и съ дружбою взаимной,
 Подъ кровлею живутъ гостепріимной.

Все мило тамъ красою безмятежной,
 Все путника плѣняетъ и манитъ,
 Какъ въ ясный день дорогою прибрежной
 Привычный конь по склону горъ бѣжитъ.
 Повсюду трудъ веселый и прилежный
 Сады татаръ и нивы богатить,
 Холмы цвѣтутъ, и въ листьяхъ винограда
 Виситъ янтарь, ночныхъ пировъ отрада.

Все живо тамъ: и тополей прохлада,
 Въ тѣни оливъ уснувшія стада,
 Вокругъ домовъ рѣшотки винограда,
 Монастыри, селенья, города,
 И моря шумъ, и говоръ водопада,
 И средь валовъ бѣгущія суда,
 И яркіе лучи златаго Феба,
 И синій сводъ полуденнаго неба.

Приду ли вновь, поклонникъ мѣзъ и мира,
 Забывъ молву и свѣта суеты,
 На берегахъ веселаго Салгира*)
 Воспоминать души моей мечты?
 Въ моихъ рукахъ Овидіева лира,
 Счастливалъ пѣвица красоты,
 Пѣвица нѣгъ, изгнанья и разлуки,
 Найдеть ли вновь свои живые звуки?

И тамъ, гдѣ миртъ шумитъ надъ тихой урной,
 Увижу ль вновь, сквозь темные лѣса,
 И своды скалъ, и моря блескъ лазурный,
 И ясныя, какъ радость, небеса?
 Утихнутъ ли волненія жизни бурной?
 Мпнувшихъ лѣтъ воскреснетъ ли краса?
 Приду ли вновь подъ сладостныя тѣни
 Душой заснуть на лонѣ мирной лѣни?..

28. КТО ЗНАЕТЪ КРАЙ...

Кто знаетъ край, гдѣ небо блещетъ	Адріатической волной
Непзяснимой спневой,	Повторены его октавы,
Гдѣ море теплою волной	Гдѣ Рафаэль живописалъ,
Вокругъ развалинъ тихо плещетъ,	Гдѣ въ наши дни рѣзецъ Ка- новы **)
Гдѣ вѣчный лавръ и кипарисъ	Послушный мраморъ оживлялъ,
По волѣ гордо разрослись,	И Байронъ, мученикъ суровый,
Гдѣ пѣлъ Торквато величавый,	Страдалъ, любилъ и прокли- налъ?
Гдѣ и теперь во мглѣ ночной	

29. РѢДѢЕТЪ ОБЛАКОВЪ ЛЕТУЧАЯ ГРЯДА.

Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда.
 Звѣзда печальная, вечерняя звѣзда!
 Твой лучъ осеребрилъ увидшія равнины,
 И дремлющій заливъ, и черныхъ скалъ вершины.

*) Рѣчка въ Крыму.

**) Знаменитый скульпторъ новѣйшаго времени (1757—1822 г.).

Люблю твой слабый свѣтъ въ небесной вышнѣ;
 Опъ думы разбудилъ уснувшія во мнѣ.
 Я помню твой восходъ, знакомое свѣтило,
 Надъ мирною страной, гдѣ все для сердца мило,
 Гдѣ стройно тополи въ долинахъ вознеслись,
 Гдѣ дремлетъ нѣжвый миртъ и темный кипарисъ,
 И сладостно шумятъ таврическія волны.
 Тамъ нѣкогда въ горахъ, сердечной думы полный,
 Надъ моремъ я влачилъ задумчивую лѣнь.
 Когда на хижины сходила ночи тѣнь,
 И дѣва юная во мглѣ тебя искала
 И пнемъ своимъ — подругамъ называла.

30. ПОГАСЛО ДНЕВНОЕ СВѢТИЛО.. *)

Погасло дневное свѣтило;
 На море синее вечерній палъ туманъ.
 Шуми, шуми, послушное вѣтрило.
 Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ!
 Я вижу берегъ отдаленный,
 Земли полуденной волшебные края:
 Съ волненьемъ и тоской туда стремлюся я,
 Воспоминаямъ упоенный...
 И чувствую: въ очахъ родились слезы вновь;
 Душа кипить и замираетъ:
 Мечта знакомая вокругъ меня летаетъ;
 Я вспомнилъ прежнихъ лѣтъ безумную любовь,
 И все, чѣмъ я страдалъ, и все, что сердцу мило,
 Желаній и надеждъ томительный обманъ...
 Шуми, шуми, послушное вѣтрило,
 Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ!
 Лети, корабль, неси меня къ предѣламъ дальнимъ
 По грозной прихоти обманчивыхъ морей,
 Но только не къ брегамъ печальнымъ
 Туманной родины моей,
 Страны, гдѣ пламенемъ страстей

*) Стихотвореніе писано на кораблѣ въ виду Крымскихъ береговъ.

Впервые чувства разгорались,
 Гдѣ музы нѣжныя мнѣ тайно улыбались,
 Гдѣ рано въ буряхъ отцвѣла
 Моя потерянная младость,
 Гдѣ легкокрылая мнѣ измѣнила радость
 И сердце хладное страданью предала.

Искатель новыхъ впечатлѣній,
 Я васъ бѣжалъ, отечески края.
 Я васъ бѣжалъ, нитомцы наслажденій,
 Минутной младости минутные друзья;
 И вы, наперсницы порочныхъ заблужденій,
 Которымъ безъ любви я жертвовалъ собой,
 Покоемъ, славою, свободой и душой.
 И вы забыты мной, измѣнницы младыхъ,
 Подруги тайныя моей весны златыхъ,
 И вы забыты мной... Но прежнихъ сердца ранъ,
 Глубокихъ ранъ любви, ничто не излѣчило...

Шуми, шуми, послушное вѣтрило,
 Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ!...

31. КЪ МОРЮ.

Прощай, свободная стихія!*)
 Послѣдній разъ передо мной
 Ты катишь волны голубыя
 И блещешь гордою красой.

Какъ друга ропотъ заунывный,
 Какъ зовъ его въ прощальный
 часъ,

Твой грустный шумъ, твой шумъ
 призывный,
 Услышалъ я въ послѣдній разъ.

Моей души предѣлъ желанный!
 Какъ часто по брегамъ твоимъ

Бродилъ я тихій и туманный,
 Завѣтнымъ умисломъ томимъ.

Какъ я любилъ твои отзвуки,
 Глухіе звуки, бездны гласъ,
 И тишину въ вечерній часъ,
 И своенравные порывы.

Смиранный парусъ рыбарей,
 Твоею прихотью хранимый,
 Скользитъ отважно средь зы-
 бей:

Но ты взыгралъ, неодолимый —
 И стая тонетъ кораблей!

*) Пушкинъ написалъ это стихотвореніе въ Одессѣ, когда ему было приказано оставить южный край Россіи.

Не удалось навѣкъ оставить
Мнѣ скучный, неподвижный берегъ,
Тебя восторгами поздравить
И по хребтамъ твоимъ направить
Мой поэтический побѣгъ.

Ты ждалъ, ты звалъ... я былъ
Окованъ:
Вотще рвалась душа моя:
Могучей страстью очарованъ,
У береговъ остался я.

О чемъ жалѣть? Куда бы нынѣ
Я путь безпечный устремилъ?
Одинъ предметъ въ твоей пустынѣ
Мою бы душу поразилъ.

Одна скала, гробница славы...*)
Тамъ погружались въ хладный
сонъ
Воспоминанья величавы:
Тамъ угасалъ Наполеонъ.

Тамъ онъ почилъ среди мученій.
И вслѣдъ за нимъ, какъ бури
шумъ,
Другой отъ насъ умчался геній,
Другой властитель нашихъ думъ.

Исчезъ, онлаканный свободой
Остави міру свой вѣнецъ.
Шуми, взволнуйся непогодой:
Онъ былъ, о море, твой вѣвецъ**).

Твой образъ былъ на немъ озна-
ченъ;
Онъ духомъ созданъ былъ твоимъ:
Какъ ты, могущъ, глубокъ и мра-
ченъ,
Какъ ты, ничѣмъ неукротимъ.

Мірѡпустѣль. . . Теперь куда же
Меня бѣ ты вынесешь, океанъ?
Судьба людей повсюду та же:
Гдѣ капля блага, тамъ на стражѣ
Иль самовластье, иль тиранъ.

Прощай же, море! не забуду
Твоей торжественной красы,
И долго, долго слышать буду
Твой гулъ въ вечерніе часы.

Въ лѣса, въ пустыни молча-
ливы
Перенесу, тобою полнѣ,
Твои скалы, твои заливы,
И блескъ, и тѣнь, и говоръ волнъ.

32. СТАНСЫ.

Въ надеждѣ славы и добра
Гляжу впередъ я безъ боязни.
Начало славныхъ дней Петра
Мрачили мятежи и казни.

Но правдой онъ привлекъ сердца,
Но нравы укротилъ наукой,
И былъ отъ буйнаго стрѣльца

*) Островъ св. Елены, гдѣ въ 1821 году умеръ Наполеонъ I.—**) Байронъ.

Предъ нимъ отличенъ Долгору-
кой.

Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работ-
никъ.

Самодержавною рукой
Онъ смѣло сѣялъ просвѣщеніе;
Не презиралъ страны родной:
Онъ зналъ ея предназначеніе.

Семейнымъ сходствомъ будь же
гордъ *),
Во всемъ будь прачуру подобенъ:
Какъ онъ, неутомимъ и твердъ,
И памятью, какъ онъ, незло-
бенъ.

То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,

33. ДРУЗЬЯМЪ.

Нѣтъ, я не льстецъ, когда
царю
Хвалу свободную слагаю:
Я смѣло чувства выражаю,
Языкомъ сердца говорю.

Во мнѣ почтилъ онъ вдохно-
веніе,
Освободилъ онъ мысль мою,
И я ль, въ сердечномъ умиленіи,
Ему хвалы не воспою?

Его я просто полюбилъ:
Онъ бодро, честно править нами;
Россію вдругъ онъ оживилъ
Войной, надеждами, трудами.

Я льстецъ? Нѣтъ, братья,
льстецъ лукавъ:
Онъ горе на царя накличетъ,
Онъ изъ его державныхъ правъ
Одну лишь милость ограничитъ.

О, нѣтъ, хоть юность въ немъ
кпипитъ,
Но не жестокъ въ немъ духъ
державный:
Тому, кого караегъ явлю,
Онъ втайнѣ милости творитъ **).

Онъ скажетъ: презирай народъ,
Гнеги природы голосъ вѣжнѣй!
Онъ скажетъ: просвѣщенія
плодъ —
Развратъ и нѣкій духъ мятежный!

Текла въ изгнаньи жизнь моя,
Влачилъ я съ миломи разлуку,
Но онъ мнѣ царственную руку
Подаль — и съ вами снова я!

Бѣда странѣ, гдѣ рабъ и льстецъ
Одни приближены къ престолу,
А небомъ избранный пѣвецъ
Молчитъ, потуши очи долу.

*) Обращеніе къ Императору Николаю I.

**) Императоръ Николай I.

34. ОЛЕГОВЪ ЩИТЬ.

Когда ко граду Константина
 Съ тобой, воинственный варягъ,
 Пришла славянская дружина
 И развила побѣдный стягъ:
 Тогда во славу Руси ратной,
 Строптиву греку въ стыдъ и страхъ,
 Ты пригвоздилъ свой щитъ булатный
 На цареградскихъ высотахъ.
 Настали дни вражды кровавой.
 Твой путь мы снова обрѣли.
 Но днесъ, когда мы вновь со славой
 Къ Стамбулу грозно протекли, *)
 Твой холмъ потрясся съ браннымъ гуломъ,
 Твой стонъ ревнивый насъ смутилъ,
 И нашу рать передъ Стамбуломъ
 Твой старый щитъ остановилъ.

35. КЛЕВЕТНИКАМЪ РОССИИ.

О чемъ шумите вы, народныя витіи?**)
 Зачѣмъ анаемой грозите вы Россіи?
 Что возмутило васъ? Волненія Литвы?
 Оставьте: это споръ славянъ между собою;
 Домашній, старый споръ, ужъ взвѣшенный судьбою;
 Вопросъ, котораго не разрѣшите вы.

Уже давно между собою
 Враждуютъ эти племена;
 Не разъ клонилась предъ грозою
 То ихъ, то наша сторона.
 Кто устоитъ въ неравномъ спорѣ:
 Кичливый ляхъ, иль вѣрный россия?

*) Говорится о походѣ русскихъ въ 1829 году.

**) Французскіе и англійскіе ораторы, которые своими рѣчами желали уни-
 зить Россію.

Славянскіе ль ручки сольются въ русскомъ морѣ?
Ово ль изсикнетъ? — Вотъ вопросъ.

Оставьте насъ: вы не читали
Сіи кровавыя скрижали;
Вамъ непонятна, вамъ чужда
Сія семейная вражда;
Для васъ безмолвны Кремль и Прага;
Безмысленно прельщаетъ васъ
Борьбы отчаянной отвага —
И ненавидите вы насъ....

За что жъ? Отвѣтствуйте: за то ли,
Что на развалинахъ пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, подъ кѣмъ дрожали вы?
За то ль, что въ бездну повалили
Мы тяготѣющій надъ царствами кумирь,*)
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и миръ?

Вы грозны на словахъ — попробуйте на дѣлѣ!
Иль старый богатырь, покойный на постелѣ,
Не въ силахъ завинтить свой измаильскій штыкъ?
Иль русскаго царя уже безспильно слово?
Иль намъ съ Европой спорить ново?
Иль русскій отъ побѣдъ отвыкъ?
Иль мало насъ? Или отъ Перми до Тавриды,
Отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной
Колхиды**),

Отъ потрясеннаго Кремля
До стѣнъ недвижнаго Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанетъ русская земля?—
Такъ высылайте жъ намъ, вѣтти,
Своихъ озлобленныхъ сыновъ:
Есть мѣсто имъ въ поляхъ Россіи,
Среди не чуждыхъ имъ гробовъ.

*) Наполеонъ I. **) Закавказскій край.

36. БОРОДИНСКАЯ ГОДОВЩИНА.

Великій день Бородина *),
 Мы, братской гризной поминал.
 Твердили: «шли же племена,
 Бѣдой Россіи угрожая;
 Не вся ль Европа тутъ была?
 А чья звѣзда ее вела!..
 Но стали жъ мы пятою твердой,
 И грудью приняли напоръ
 Племенъ, послушныхъ волѣ гордой.
 И равенъ былъ неравный споръ.

«И что жъ? Свой бѣдственный побѣгъ,
 Кичась, они забыли нынѣ;
 Забыли русскій штыкъ и снѣгъ.
 Погребшій славу ихъ въ пустынѣ.
 Знакомый пиръ ихъ манитъ вновь —
 Хмѣльна для нихъ славяновъ кровь;
 Но тяжело будетъ имъ похмѣлье.
 Но дологъ будетъ сонъ гостей
 На тѣсномъ, хладномъ новосельѣ.
 Подъ знакомъ сѣверныхъ полей!

«Ступайте жъ къ намъ: васъ Русь зоветъ!
 Но знайте, прошеные гости,
 Ужъ Польша васъ не поведетъ:
 Черезъ ея шагнете кости!...»
 Сбылось — и, въ день Бородина,
 Вновь наши вторглись знамена
 Въ проломы падшей вновь Варшавы;
 И Польша, какъ бѣгущій полкъ,
 Во прахъ бросаетъ стигъ кровавый —
 И бунтъ раздавленный умолекъ.

*) 26 Августа 1812 г.

Въ бореньи падшій невредимъ;
 Враговъ мы въ прахѣ не топтали;
 Мы не напомнимъ нынѣ имъ
 Того, что старыя скрижалы
 Хранять въ преданіяхъ пѣмьхъ:
 Мы не сождемъ Варшавы ихъ;
 Они народной Немезиды *)
 Не узрять гнѣвнаго лица,
 И не услышатъ пѣснь обиды
 Отъ лпы русскаго пѣвца.

Но вы, мутители палатъ **),
 Легкоязычные витіи;
 Вы, черни бѣдственный набатъ,
 Клеветники, враги Россіи!
 Что взяли вы?.... Еще ли россы
 Большой, разслабленный колоссъ? ***)
 Еще ли сѣверная слава
 Пустая притча, дживный сонъ?
 Скажите: скоро ль намъ Варшава
 Предпишетъ гордый свой законъ?

Куда отвинемъ строй твердынь?
 За Бугъ, до Ворсклы, до Лимана?
 За кѣмъ останется Волинь?
 За кѣмъ наслѣдіе Богдана? †)
 Признавъ мятежныя права,
 Отъ насъ отторгнется ль Литва?
 Нашъ Кіевъ дряхлый, златоглавый,
 Сей пращуръ русскихъ городовъ,
 Сроднить ли съ буйною Варшавой
 Святыню всѣхъ своихъ гробовъ?

Вашъ буйный шумъ и хриплый крикъ
 Смутили ль русскаго владыку?

*) Богиня карающей справедливости.— **) Парламентскіе ораторы.— ***) Та-
 кимъ названіемъ въ то время хотѣли унижить Россію въ заграничной печати.
 †) Малороссія.

Скажите, кто главой поникъ?
 Кому вѣнецъ: мечу иль крику?
 Сильна ли Русь? — Война, и моръ,
 И бунтъ, и вѣшнихъ бурь напоръ,
 Ее, бѣснующь, потрясали —
 Смотрите жъ: все стоитъ она!
 А вокругъ нея волненья пали —
 И Польши участь рѣшена....

Побѣда! сердцу сладкій часъ!
 Россія, встань и возвышайся!
 Греми восторговъ общій гласъ!
 Но тише, тише раздавайся
 Вокругъ одра, гдѣ онъ лежитъ,
 Моучій мститель злыхъ обидъ,
 Кто покорилъ вершины Тавра,
 Предъ кѣмъ смирплась Эривань,
 Кому суворовскаго лавра
 Вѣнокъ сплела тройная брань.

Возставъ изъ гроба своего,
 Суворовъ видитъ плѣнь Варшавы;
 Вострепетала тѣнь его
 Отъ блеска имъ начатой славы!
 Влагословляетъ онъ, герой,
 Твое страданье, твой покой,
 Твоихъ подвижниковъ отвагу,
 И вѣсть триумфа твоего,
 И съ ней летящаго за Прагу,
 Младаго внука своего *).

*) Ротмистра князя Суворова, который посланъ былъ въ Варшаву извѣстить, что штурмъ Праги начинается.

37. ПОЛКОВОДЕЦЪ.

У русскаго царя въ чертогахъ есть палата:*)
 Она не золотомъ, не бархатомъ богата,
 Не въ ней алмазъ вѣнца хранится за стекломъ;
 Но сверху до низу, во всю длину, кругомъ,
 Своєю кистию свободной и широкой
 Ее разрисовалъ художникъ быстроокій.

Тутъ нѣтъ ни сельскихъ нимфъ, ни дѣвственныхъ мадонъ,
 Ни фавновъ съ чашами, ни полногрудыхъ женъ,
 Ни плясокъ, ни охотъ: а все плащи, да шпаги,
 Да лица, полныя воинственной отваги.
 Толпою тѣсною художникъ помѣстилъ
 Сюда начальниковъ народныхъ нашихъ силъ,
 Покрытыхъ славою чудеснаго похода
 И вѣчной памятью двѣнадцатаго года.
 Нерѣдко медленно межъ ними я брожу,
 И на знакомые ихъ образы гляжу,
 И, мнится, слышу ихъ вопиственные клики.
 Изъ нихъ ужъ многихъ нѣтъ; другіе, конхъ лики
 Еще такъ молоды на яркомъ полотнѣ,
 Ужъ состарѣлись, и никнуть въ тишинѣ
 Главою лавровой.

Но въ сей толпѣ суровой
 Одинъ**) меня влечетъ всѣхъ больше. Съ думой новой
 Всегда останавлиюсь предъ нимъ, и не свожу
 Съ него моихъ очей. Чѣмъ долѣе гляжу,
 Тѣмъ болѣе томимъ я грустію тяжелой.

Онъ писанъ во весь ростъ. Чело, какъ черенъ голый,
 Высоко лоснится, и, мнится, залегла
 Тамъ грусть великая. Кругомъ — густая мгла;
 За нимъ — военный станъ. Спокойный и угрюмый,

*) Портретная галлерея русскихъ генераловъ въ Зимнемъ дворцѣ.

**) Фельдмаршалъ Барклай-де Толли.

Онъ, кажется, глядитъ съ презрительною думой.
 Свою ли точно мысль художникъ обнажилъ,
 Когда онъ таковымъ его изобразилъ,
 Или невольное то было вдохновенье —
 Но Дуу*) далъ ему такое выраженье.

О, вождь несчастливый! суровъ былъ жребій твой:
 Все въ жертву ты принесъ землѣ тебѣ чужой.
 Непроницаемый для взгляда черни дикой,
 Въ молчаньи шелъ одинъ ты съ мыслию великой;
 И въ имени твоёмъ звукъ чуждый не влюбя,
 Своими криками преслѣдуя тебя,
 Народъ, таинственно спасаемый тобою,
 Ругался надъ твоей священной сѣдиною,
 И тотъ, чей острый умъ тебя и постигалъ,
 Въ угоду имъ тебя лукаво порицалъ....
 И долго укрѣпленъ могущимъ убѣжденьемъ,
 Ты былъ неколебимъ предъ общимъ заблужденьемъ;
 И на полунути былъ долженъ, наконецъ,
 Безмолвно уступить и лавровый вѣнецъ,
 И власть, и замыселъ, обдуманнй глубоко,
 И въ полковыхъ рядахъ сокрыться одиноко.
 Тамъ, устарѣлый вождь, какъ ратникъ молодой,
 Свинца веселый свистъ слышавши впервой,
 Бросался ты въ огонь, ища желанной смерти, —
 Вотще! —

О люди! жалкій родъ, достойный слезъ и смѣха!
 Жрецы минутнаго, поклонники успѣха!
 Какъ часто мимо васъ проходятъ человѣкъ,
 Надъ кѣмъ ругается слѣпой и буйный вѣкъ,
 Но чей высокій ликъ въ грядущемъ поколѣньѣ
 Поэта приведетъ въ восторгъ и умиленье!

*) Художникъ-портретистъ, написавшій портретъ Барклая-де Толли.

38. НАПОЛЕОНЪ.

Чудесный жребій совершился :
 Угасъ великій человѣкъ *).
 Въ неволѣ мрачной закатился
 Наполеона грозный вѣкъ.
 Исчезъ властитель осужденный,
 Могуцій баловень побѣдъ :
 И для изгнанника вселенной
 Уже потомство настаесть.

О ты, чьей памятью кровавой
 Міръ долго, долго будетъ полнъ,
 Пріосѣненъ твоею славой,
 Почій среди пустынныхъ волнъ!
 Великолѣнная могила....
 Надъ урной, гдѣ твой прахъ ле-
 жить.
 Народовъ ненависть почилъ,
 И лучъ безсмертія горить.

Давно ль орлы твои летали
 Надъ обезславленной землей?
 Давно ли царства упадали
 При громахъ силы роковой?
 Послушны волѣ своенравной,
 Вѣдой шумѣли знамена,
 И налагалъ яремъ державный
 Ты на земныя племена.

Когда, надеждой озаренный,
 Отъ рабства пробудился міръ,
 И галль десницею разъяренной....
 Низвергнулъ ветхій свой кумиръ...

Тогда, въ волненьи бурь народ-
 ныхъ,
 Предвидя чуждый свой удѣлъ,
 Въ его надеждахъ благородныхъ
 Ты человѣчество презрѣлъ.
 Въ свое погибельное счастье
 Ты дерзкой вѣровалъ душой;
 Тебя плѣнило самовластье
 Разочарованной красой.

И обновленнаго народа
 Ты буйность юную смирилъ;
 Едва рожденная свобода,
 Вдругъ онѣмѣвъ, лишилась силъ.
 Среди рабовъ, до упоенія
 Ты жажду власти утопилъ,
 Помчалъ къ боямъ пхъ ополченья,
 Ихъ цѣпи лаврами обвилъ.

И Франція, добыча славы,
 Плѣненный устремила взоръ,
 Забывъ надежды величавы,
 На свой блпстательный позоръ.
 Ты велъ мечи на пиръ обильный;
 Все пало съ шумомъ предъ тобой :
 Европа гббла; сонъ могильный
 Носился надъ ея главой.

Сбылось! Въ величіи постыдномъ
 Ступилъ на грудь ея колоссъ!
 Тплзнить—при звукѣ семъ обид-
 номъ **)

*) Наполеонъ I умеръ 5 мая 1821 г. — **) Городъ въ Пруссіи, гдѣ въ 1807 г. былъ заключенъ между Франціей и Россіей договоръ, очень невыгодный для послѣдней.

Теперь не поблѣднѣть россъ —
 Тилъзить надменнаго героя
 Послѣдней славою вѣнчалъ,
 Не скучный миръ, но хладъ покоя
 Счастливица душу волновалъ.

Надменный, кто тебя подвиг-
 нулъ?
 Кто обуялъ твой дивный умъ?
 Какъ сердца русскихъ не постиг-
 нулъ
 Ты съ высоты отважныхъ думъ?
 Великодушнаго пожара
 Не предузнавъ, ужъ ты мечталъ,
 Что мира вновь мы ждемъ, какъ
 дара;
 Но поздно русскихъ разгадалъ...

Россія, бранная царица,
 Воспомни древнія права!
 Померкни, солнце Австерлица!*)
 Пылай, великая Москва!
 Настали времена другія:
 Исчезни, краткій нашъ позоръ!
 Благослови Москву, Россія!
 Война: по гробъ нашъ договоръ.

Оцѣпенѣлыми руками
 Схвативъ желѣзный свой вѣнецъ,
 Онъ бездну видитъ предъ очами,
 Онъ гибнетъ, гибнетъ наконецъ.
 Бѣжать Европы ополченья;
 Окровавленные снѣга
 Провозгласили ихъ паденье,
 И таетъ съ ними слѣдъ врага.

И все, какъ буря, закишѣло;
 Европа свой расторгла плѣнь;
 Во слѣдъ тирану полетѣло,
 Какъ громъ, проклятіе племенъ.
 И длань народной Немезиды
 Подъяту видитъ великанъ:
 И до послѣдней всѣ обиды
 Отплачены тебѣ, тиранъ!

Искуплены его стиханья
 И зло вопиственныхъ чудесъ
 Тоскою душнаго изгнанья,
 Подъ сѣнью чуждою небесъ.
 И знойный островъ заточенья
 Полпощный парусъ посѣтитъ,
 И путникъ слово примиренья
 На ономъ камнѣ начертитъ,

Гдѣ, устремивъ на волны очи,
 Изгнанникъ помнилъ звукъ мечей,
 И льдистый ужасъ полуночи,
 И небо Франціи своей;
 Гдѣ пногда, въ своей пустынѣ
 Забывъ войну, потомство, тронъ,
 Одинъ, одинъ о миломъ сынѣ
 Въ уныньи горькомъ думалъ онъ.

Да будетъ омраченъ позоромъ
 Тотъ малодушный, кто въ сей день,
 Безумный, возмутитъ укоромъ
 Его развѣнчанную тѣнь!
 Хвала!... Онъ русскому народу
 Высокій жребій указалъ,
 И міру вѣчную свободу
 Изъ мрака ссылки завѣщалъ.

*) Городъ въ Австріи, гдѣ Наполеонъ въ 1805 году разбилъ союзныя войска Россіи и Австріи.

39. ГЕРОЙ.

другъ.

Да, слава въ прихотяхъ воляна.
 Какъ огненный языкъ, она
 По избраннымъ главамъ летаетъ;
 Съ одной сегодня исчезаетъ,
 И на другой уже видна.
 За новизной бѣжать смиренно
 Народъ безмысленный привыкъ,
 Но намъ ужъ то чело священно,
 Надъ копъ вспыхнулъ сей языкъ.
 На тронѣ, на кровавомъ полѣ,
 Межъ гражданъ на чредѣ иной,
 Изъ сихъ избранныхъ кто всѣхъ
 болѣ
 Твоею властвуетъ душой?

поэтъ.

Все онъ, все онъ, прищелецъ
 сей бранный,
 Предъ кѣмъ смирились цари,
 Сей ратникъ, вольностью вѣнчан-
 ный,
 Исчезнувшій, какъ тѣнь зари.

другъ.

Когда жъ твой умъ онъ пора-
 жаетъ
 Своею чудною звѣздой?
 Тогда ль, какъ съ Альновъ онъ
 взираетъ
 На дно Италиі святой?
 Тогда ли, какъ хватаетъ знамя
 Иль жезлъ диктаторскій? Тогда ль,
 Какъ водить и кругомъ пь вдалѣ
 Войны стремительное пламя —
 И пролетаетъ рядъ побѣдъ

Надъ нимъ, одна другой во слѣдъ?
 Тогда ль, какъ рать героя пле-
 щетъ
 Передъ громадой пирамидъ,
 Иль какъ Москва пустынно бле-
 щетъ,
 Его приемлетъ и молчитъ?

поэтъ.

Нѣтъ, не у счастья на лонѣ
 Его я вижу, не въ бою,
 Не зятемъ Кесаря на тронѣ,
 Не тамъ, гдѣ на скалу свою,
 Сѣвъ мучимъ казню покоя,
 Осмѣявъ прозвищемъ героя,
 Онъ угасаетъ недвижимъ,
 Плащемъ закрывшись боевымъ!
 Не та картина предо мною:
 Одровъ я вижу длинный строй;
 Лежитъ на каждомъ трупъ жи-
 вой,
 Клейменный мощною чумою,
 Царицею болѣзней. Онъ,
 Не бранной смертью окруженъ.
 Нахмуясь ходитъ межъ одрами,
 И хладно руку жметъ чумѣ,
 И въ погибающемъ умѣ
 Рождаетъ бодрость. Небесами
 Клинуся: тотъ, кто жизнію своей
 Игралъ предъ сумрачнымъ недуг-
 омъ,
 Чтобъ ободрить угасшій взоръ,
 Клянусь, тотъ будетъ небу дру-
 гомъ,
 Каковъ бы ни былъ приговоръ
 Земли слѣпой!

другъ.

Мечты поэта,

Историкъ строгій гонить васъ!

Увы — его раздался гласъ *).

И гдѣ жъ очарованье свѣта?...

поэтъ.

Да будетъ проклять правды

свѣтъ,

Когда посредственности хладной,

Завистливой, къ соблазну жадной,
Онъ угождаетъ праздно! Нѣтъ,
Тьмы нпзкихъ истинъ мнѣ до-
роже

Насъ возвышающій обманъ.

Оставь герою сердце! Что же

Онъ будетъ безъ него? Тираъ!

другъ.

Утѣшься...

40. 26-го МА Я 1828 **).

Даръ напрасный, даръ случайный,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?

Иль зачѣмъ судьбою тайной

Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Изъ ничтожества воззвалъ;

Душу мнѣ наполнилъ страстью,
Умъ сомнѣньемъ взволновалъ?...

Цѣли вѣтъ передо мною:

Сердце пусто, праздненъ умъ,

И томить меня тоскою

Однозвучный жпзви шумъ.

41. СТАНСЫ.

(МЯТР. МОСК. ФИЛАРЕТУ).

Въ часы забавъ пль праздной
скуки,

Вѣтрялъ извѣженныя звуки
Безумства, лѣни и страстей.

Бывало, лпрѣ я моей

*) Mémoires de Bourienne. Бурьенъ въ „Запискахъ“ своихъ отрицаетъ сказаніе о томъ, что Бонапарте, посѣтивъ въ Яффѣ госпиталь зараженныхъ чумою, прикоснулся къ нѣкоторымъ для ободренія ихъ. J'affirme, говоритъ онъ, ne l'avoir pas vu toucher un pestiféré.

**) На это стихотвореніе оговарялся Московскій митрополитъ Филаретъ извѣстными стихами:

Не напрасно, не случайно

Жизнь отъ Бога мнѣ дана.

Не безъ Божьей воли тайной

И на казнь осуждена.

Самъ я своенравной властью

Зло изъ тайныхъ безднъ воззвалъ,

Душу самъ наполнилъ страстью,

Умъ сомнѣньемъ взволновалъ, и проч.

Но и тогда струны лукавой
Невольно звонъ я прерывалъ,
Когда твой голосъ величавый
Меня внезапно поражалъ.

И нынѣ съ высоты духовной
Мнѣ руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смпряешь буйныя мечты.

Я лиль потоки слезъ неждан-
ныхъ,
И ранамъ совѣсти моей
Твоихъ рѣчей благоуханныхъ
Отраденъ чистый былъ елей.

Твоимъ огнемъ душа палима,
Отвергла мракъ земныхъ суетъ,
И внемлетъ арфѣ серафима
Въ священномъ ужасѣ поэтъ.

42. АНГЕЛЪ.

Въ дверяхъ эдема ангелъ нѣж-
ный
Главой поникшею сіялъ,
А демонъ, мрачный и мятежный,
Надъ адской бездною леталъ.

И жаръ невольный умиленья
Впервые смутно познавалъ.

Духъ отрицанья, духъ сомнѣнья
На духа чистаго взиралъ,

Прости, онъ рекъ, тебя я ви-
дѣлъ,

И ты недаромъ мнѣ сіялъ:
Не все я въ мірѣ ненавиждѣлъ,
Не все я въ мірѣ презиралъ.

43. МАДОННА.

(советъ).

Не множествомъ картинъ старинныхъ мастеровъ
Украсть я всегда желалъ свою обитель,
Чтобъ суетвѣрно ямъ дивился почитатель,
Внимая важному сужденью знатоковъ.

Въ простомъ углу моемъ, средь медленныхъ трудовъ.
Одной картины я желалъ быть вѣчно зритель,
Одной: чтобъ на меня съ холста, какъ съ облаковъ,
Пречистая и нашъ Божественный Спаситель, —

Она съ величіемъ, Онъ съ разумомъ въ очахъ —
Взирали, кроткіе, во славѣ и въ лучахъ,
Одни, безъ ангеловъ, подъ пальмою Сіона.

Исполнились мои желанія. Творецъ
Тебя мнѣ ниспослалъ, тебя, моя Мадонна,
Чистѣйшей прелести, чистѣйшій образецъ.

44. ЧААДАЕВУ.

Въ странѣ, гдѣ я забылъ тревоги прежнихъ лѣтъ,
Гдѣ прахъ Овидіевъ пустынный мой сосѣдъ,
Гдѣ слава для меня предметъ заботы малой,
Тебя не достаетъ душѣ моей усталой.
Врагу стѣснительныхъ условій и оковъ,
Нетрудно было мнѣ отвыкнуть отъ пировъ,
Гдѣ праздный умъ блескитъ, тогда какъ сердце дремлетъ,
И правду пылкую приличій хладъ объемлетъ.
Оставя шумный кругъ безумцевъ молодыхъ,
Въ изгнаніи моемъ я не жалѣлъ о нихъ;
Вдохнувъ, оставилъ я другія заблужденья,
Враговъ моихъ предаль проклятію забвенья,
И, сѣти разорвавъ, гдѣ бился я въ плѣну,
Для сердца новую вкушаю тишину.
Въ уединеніи мой своенравный геній
Позналъ и тихій трудъ, и жажду размышлений.
Владѣю днемъ монмъ; съ порядкомъ друженъ умъ;
Учусь удерживать вниманье долгихъ думъ,
Ищу вознаградить въ объятіяхъ свободы
Мятежной младостью утраченные годы,
И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ.
Богини мира, вновь явились музы мнѣ
И независимымъ досугамъ улыбнулись;
Пѣвницы брошенной уста мои коснулись;
Старинный звукъ меня обрадовалъ — и вновь
Пою мои мечты, природу и любовь,
И дружбу вѣрную, и млые предметы,
Плѣнявшіе меня въ младенческія лѣты,
Въ тѣ дни, когда, еще незнаемый никѣмъ,
Не зная ни заботъ, ни цѣли, ни системъ,
Я пѣньемъ оглашалъ пріютъ забавъ и лѣни
И царскосельскія хранилища сѣни
Но дружбы нѣтъ со мной: печальный, вижу я

Лазурь чужихъ небесъ, полдневные края;
 Ничто не замѣнить единственнаго друга:
 Ни музы, ни труды, ни радости досуга.
 Ты былъ цѣлителемъ моихъ душевныхъ силъ;
 О, неизмѣнный другъ, тебѣ я посвятилъ
 И краткій вѣкъ, уже испытанный судьбою,
 И чувства, можетъ быть, спасенныя тобою!
 Ты сердце зналъ мое во цвѣтѣ юныхъ дней;
 Ты видѣлъ, какъ потомъ въ волненіи страстей
 Я тайно изнывалъ, страдалецъ утомленный;
 Въ минуту гибели, надъ бездною потаенной,
 Ты поддержалъ меня не дремлющей рукой;
 Ты другу замѣнилъ надежду и покой;
 Во глубину души вникая строгимъ взоромъ,
 Ты оживлялъ ее совѣтомъ или укоромъ;
 Твой жаръ воспламенялъ къ высокому любовь;
 Терпѣнье смѣлое во мнѣ рождалось вновь.

45. КЪ МОЕЙ ЧЕРНИЛЬНИЦѢ.

Подруга думы праздною,
 Чернильница моя!
 Мой вѣкъ однообразный
 Тобой украсилъ я.
 Какъ часто другъ веселя
 Съ тобою забывалъ
 Условный часъ похмѣлья
 И праздничный бокалъ!
 Подъ сѣвью хаты скромной,
 Въ часы печали томной,
 Была ты предо мной
 Съ лампадой и мечтой.
 Въ минуты вдохновенья
 Къ тебѣ я прибѣгалъ,
 И музу призывалъ
 На пиръ воображенья...

Сокровища мои
 На днѣ твоємъ таятся.

Прозрачный, легкій дымъ
 Носился надъ тобою...

Тебя я посвятилъ
 Занятіямъ досуга,
 И съ лѣнью примприлъ:
 Она твоя подруга!
 Съ тобой успѣхъ узналъ
 Отшельникъ неизвѣстный....
 Завѣтный твой кристалъ
 Хранить огонь небесный;
 И подъ вечеръ, когда
 Перо по книжкѣ бродить,
 Безъ всякаго труда
 Оно въ тебѣ находитъ
 Концы моихъ стиховъ
 И вѣрность выраженья,
 То звуковъ или словъ

Нежданное стеченье,
 То ѣдкой шутки соль,
 То странность ризмы новой,
 Неслыханной дотоль
 Цензурою суровой....
 Съ глупцовъ сорвавъ одежду,
 Я весело клеймилъ
 Зоила и невѣжду
 Пятномъ твоихъ чернилъ....
 Но ихъ не разводилъ
 Ни тайной злости пѣной,
 Ни ядомъ клеветы —
 И сердца простоты
 Ни лести, ни измѣной
 Не замарала ты.

Безпечный сынъ природы,
 Пока златые годы
 Въ забвеньи трачу я,
 Со мною неразлучно
 Живи благополучно,
 Наперсница моя!
 Но здѣсь, на лонѣ лѣни
 Я слышу пѣжны пени
 Заботливыхъ друзей....
 Ужели ихъ забуду,
 Друзей души моей,
 И имъ невѣренъ буду?
 Оставь, оставь порой

Привычныя затѣи,
 И дактиль, и хорей,
 Для прозы почтовой.
 Минуты хладной скуки,
 Сердечной пустоты,
 Уныніе разлуки,
 Всегдашнія мечты,
 Мои надежды, чувства
 Безъ лести, безъ искусства
 Бумагъ передай....
 Болтливостью небрежной,
 И вѣтреной, и вѣжной,
 Ихъ сердце утѣшай....
 Когда же берегъ ада
 На вѣкъ тебя возьметъ;
 Когда со мной заснетъ
 Перо, моя отрада,
 И ты, въ углу пустомъ
 Осиротѣвъ, остынешь
 И навсегда покинешь
 Поэта тихій домъ —
 Тебя возьметъ унылый
 Чадаевъ, другъ мой милый:
 Послѣдній будь привѣтъ
 Любимцу праздныхъ лѣтъ;
 Взыскательнаго свѣта
 Очей не привлекай,
 Но вѣрнаго поэта
 Друзьямъ напоминай.

46. Я ПЕРЕЖИЛЪ СВОИ ЖЕЛАНЬЯ.

Я пережилъ свои желанья,
 Я разлюбилъ свои мечты!
 Остались мнѣ одни страданья,
 Плоды сердечной пустоты.

Подъ бурями судьбы жестокой
 Увяль цвѣтущій мой вѣнецъ!

Живу печальный, одинокій,
 И жду: придетъ ли мой конецъ?
 Такъ позднимъ хладомъ пора-
 женный,
 Какъ бури слышенъ зимній свистъ,
 Одинъ на вѣткѣ обнаженной
 Трепещетъ запоздалый листъ.

47. ВОЗРОЖДЕНИЕ.

Художникъ — варваръ кистью сонной
 Картину генія чернитъ
 И свой рисунокъ незаконный
 На ней бессмысленно чертитъ.

Но краски чуждыя съ лѣтами
 Спадаютъ ветхой чешуей;
 Созданье генія предъ нами
 Выходить съ прежней красотой.

Такъ исчезаютъ заблужденья
 Съ измученной души моей,
 И возникаютъ въ ней видѣнья
 Первоначальныхъ чистыхъ дней.

48. Э Л Е Г И Я.

Безумныхъ лѣтъ усасее веселье
 Мнѣ тяжело, какъ смутное похмѣлье.
 Но какъ вино — печаль минувшихъ дней
 Въ моей душѣ чѣмъ старѣ, тѣмъ сильнѣй.
 Мой путь унылъ. Сулитъ мнѣ трудъ и горе
 Грядущаго волнуемое море.

Но не хочу, о други, умирать!
 Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать;
 И вѣдаю, мнѣ будутъ наслажденья
 Межъ горестей, заботъ и тревоженья:
 Порой опять гармоніей уныюсь,
 Надъ вымысломъ слезами обольюсь,
 И, можетъ быть, на мой закатъ печальный
 Блеснетъ любовь улыбкою прощальной.

49. ВОСПОМИНАНИЕ.

Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день,
 И на нѣмыя стогны града
 Полупрозрачная налжеть ночи тѣнь
 И сонъ, дневныхъ трудовъ награда, —

Въ то время для меня влчаться въ тишинѣ
 Часы томительнаго бдѣнья:
 Въ бездѣйстви почномъ живѣи горятъ во мнѣ
 Змѣи сердечной угрызенья;
 Мечты кипятъ, въ умѣ, подавленномъ тоской,
 Тѣснится тяжкихъ думъ избытокъ;
 Воспоминаніе безмолвно предо мной
 Свой длинный развиваетъ свитокъ:
 И, съ отвращеніемъ читая жизнь мою,
 Я трепещу и проклиная,
 И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
 Но строкъ печальныхъ не смываю.

50. ПРЕДЧУВСТВІЕ.

Снова тучи надо мною	Но, предчувствуя разлуку,
Собрался въ тишинѣ;	Неизбѣжный грозный часъ,
Рокъ завистливый бѣдою	Сжать твою, мой ангелъ, руку
Угрожаетъ снова мнѣ....	Я спѣшу въ послѣдній разъ.
Сохранюль къ судьбѣ презрѣнье?	
Понесу ль навстрѣчу ей	Ангелъ кроткій, безмятежный,
Непреклонность и терпѣнье	Тихо молви мнѣ: прости;
Гордой юности моей?	Опечалься; взоръ свой нѣжный
	Подыми иль опусти;
Бурной жизнью утомленный,	И твое воспоминанье
Равнодушно бурю жду:	Замѣнить душѣ моей
Можетъ быть, еще спасенный,	Силу, гордость, упованье
Снова пристань я найду.	И отвагу юныхъ дней.

51. ОТВѢТЪ АНОНИМУ.

О, кто бы ни былъ ты, чье ласковое пѣнье
 Привѣтствуетъ мое къ блаженству возрожденье,
 Чья скрытая рука мнѣ руку крѣпко жметъ,
 Указываетъ путь и посохъ подаетъ!
 О, кто бы ни былъ ты: старикъ ли вдохновенный,
 Иль юности моей товарищъ отдаленный,
 Иль отрокъ, музами таинственно хранимъ,
 Иль пола кроткаго стыдливый херувимъ,
 Благодарю тебя душою умиленной!

Вниманья слабого предметъ уединенный,
 Къ доброжелательству досель я не привыкъ —
 И страненъ мнѣ его привѣтливый языкъ.
 Смѣшонъ, участія кто требуетъ у свѣта!
 Холодная толпа взираетъ на поэта,
 Какъ на заѣзжаго фиглира: если онъ
 Глубоко выразить сердечный, тяжкій стонъ,
 И выстраданный стихъ, пронзительно-унылый,
 Ударить по сердцамъ съ невѣдомою силой —
 Она въ ладони бьетъ и хвалить, иль порой
 Неблагодарною киваетъ головой.
 Постигнетъ ли пѣвца внезапное волненье,
 Утрата скорбная, изгнанье, заточенье —
 «Тѣмъ лучше», говорятъ любители искусствъ:
 «Тѣмъ лучше! наберетъ онъ новыхъ думъ и чувствъ»
 И намъ ихъ передастъ». Но счастье поэта
 Межъ ними не найдетъ сердечнаго привѣта,
 Когда боязненно безмолвствуетъ оно...

52. 19 ОКТЯБРЯ 1825.*)

1.

Ровняетъ лѣсъ багряный свой уборъ;
 Сребритъ морозъ увянувшее поле;
 Проглянетъ день, какъ будто по неволѣ,
 И скроется за край окружающихъ горъ.
 Пылай, каминъ, въ моей пустынной кельѣ;
 А ты, вино, осенней стужи другъ,
 Пролей мнѣ въ грудь отрадное похмѣлье,
 Мгновенное забвенье горькихъ мукъ.

2.

Печаленъ я: со мною друга нѣтъ,
 Съ кѣмъ долгую запилъ бы я разлуку,
 Кому бы могъ пожать отъ сердца руку
 И пожелать веселыхъ много лѣтъ.

*) День основанія въ Царскомъ Селѣ Лицея, гдѣ воспитывался Пушкинъ.

Я пью одинъ; вотще воображенье
Вокругъ меня товарищей зоветъ;
Знакомое не слышно приближенье,
И милого душа моя не ждетъ.

3.

Я пью одинъ, и на берегахъ Невы
Меня друзья сегодня именуютъ....
Но многіе ль и тамъ изъ васъ прируютъ?
Еще кого не досчитались вы?
Кто измѣнилъ плѣнительной привычкѣ?
Кого отъ васъ увлекъ холодный свѣтъ?
Чей гласъ умолкъ на братской перекличкѣ?
Кто не пришелъ? Кого межъ вами нѣтъ?

4.

Онъ не пришелъ, кудрявый нашъ пѣвецъ,
Съ огнемъ въ очахъ, съ гитарой сладкогласной:
Подъ миртами Италіи прекрасной
Онъ тихо спитъ, и дружескій рѣзецъ
Не начерталъ надъ русскою могилой
Словъ нѣсколько на языкѣ родномъ,
Чтобъ нѣкогда нашелъ привѣтъ унылый
Сынъ сѣвера, бродя въ краю чужомъ *).

5.

Сидишь ли ты въ кругу своихъ друзей,
Чужихъ небесъ любовникъ безпокойный?
Иль снова ты проходишь тропикъ знойный
И вѣчный ледъ полуночныхъ морей?
Счастливый путь!.. Съ лицейскаго порога
Ты на корабль перешагнулъ пути,
И съ той поры въ моряхъ твоя дорога,
О волнъ и буръ любимое дити! **)

*) Н. А. Корсаковъ, первый покойникъ изъ лицейскихъ товарищей Пушкина.

**) О. О. Матюшкинъ. Къ нему впоследствии было написано посланіе, отъ котораго уцѣлѣло только слѣдующее начало:

6.

Ты сохранилъ въ блуждающей судьбѣ
 Прекрасныхъ лѣтъ первоначальны нравы:
 Лицейскій шумъ, лицейскія забавы
 Средь бурныхъ волнъ мечталися тебѣ;
 Ты простиралъ изъ-за моря намъ руку,
 Ты насъ однихъ въ молодой душѣ носилъ
 И повторялъ: на долгую разлуку
 Насъ тайный рокъ, быть можетъ, осудилъ!

7.

Друзья мои, прекрасенъ нашъ союзъ!
 Онъ, какъ душа, нераздѣлимъ и вѣченъ —
 Неколебимъ, свободенъ и безпеченъ;
 Сростался онъ подъ сѣнью дружныхъ музъ.
 Куда бы насъ ни бросила судьбина,
 И счастье куда бъ ни повело,
 Все тѣ же мы: намъ цѣлый міръ чужбина;
 Отечество намъ Царское Село.

8.

Изъ края въ край преслѣдуемъ грозой,
 Запутанный въ сѣтяхъ судьбы суровой,
 Я съ трепетомъ на лоно дружбы новой,
 Уставъ, приникъ ласкающей главой....
 Съ мольбой моей печальной и мятежной,
 Съ довѣрчивой надеждой первыхъ лѣтъ,
 Друзьямъ пнымъ душой предался нѣжной;
 Но горекъ былъ небратскій ихъ привѣтъ.

„Завидую тебѣ, питомецъ моря смѣлый,
 Подъ сѣнью парусовъ и въ буряхъ посѣдѣлый!
 Спокойной пристани давно ли ты достигъ,
 Давно ли тишины вкусилъ отрадный мигъ?
 И снова ты бѣжишь Европы обетнойдой....“

9.

И вниѣ здѣсь, въ забытой сей глуши,
 Въ обители пустынныхъ вьюгъ и хлада,
 Мнѣ сладкая готовилась отрада:
 Трoихъ изъ васъ, друзей моей души,
 Здѣсь обнялъ я. Поэта домъ опальный,
 О, Пушкинъ мой, ты первый посѣтилъ,
 Ты усладилъ изгнанья день печальный,
 Ты въ день его Лицея превратилъ!

10.

Ты, Горчаковъ, счастливецъ съ первыхъ дней,
 Хвала тебѣ — Фортуны блескъ холодной
 Не измѣнилъ души твоей свободной:
 Все тотъ же ты для чести и друзей.
 Намъ разный путь судьбой назначенъ строгий;
 Вступая въ жизнь, мы быстро разошлись,
 Но невзначай проселочной дорогой
 Мы встрѣтились и братски обнялись. —

11.

Когда постигъ меня судьбины гнѣвъ,
 Для всѣхъ чужой, какъ сирота бездомный,
 Подъ бурю главой поникъ я томной,
 И ждалъ тебя, вѣщунъ пермесскихъ дѣвъ,
 И ты пришелъ, сынъ лѣни вдохновенный,
 О, Дельвигъ мой! твой голосъ пробудилъ
 Сердечный жаръ, такъ долго усыпленный,
 И бодро я судьбу благословилъ.

12.

Съ младенчества духъ пѣсенъ въ насъ горѣлъ
 И дивное волненіе мы познали;
 Съ младенчества двѣ музы къ намъ летали,
 И сладокъ былъ ихъ лаской нашъ удѣлъ;

Но я любилъ уже рукоплесканья,
Ты, гордый, пѣлъ для музъ и для души;
Свой даръ какъ, жизнь, я тратилъ безъ вниманья,
Ты гений свой воспитывалъ въ тиши.

13.

Служенье музъ не терпитъ суеты:
Прекрасное должно быть величаво;
Но юность намъ совѣтуетъ лукаво.
И шумныя насъ радуютъ мечты....
Опомнимся — но поздно, и уныло
Глядимъ назадъ, слѣдовъ не види тамъ.
Скажи, Вильгельмъ *), не то ль и съ нами было,
Мой братъ родной по музѣ, по судьбамъ?

14.

Пора, пора! душевныхъ нашихъ мукъ
Не стоитъ мѣръ; оставимъ заблужденья!
Сокроемъ жизнь подъ сѣнь уединенья!
Я жду тебя, мой запоздалый другъ —
Приди: огнемъ волшебнаго разсказа
Сердечныя преданья оживи;
Поговоримъ о бурныхъ дняхъ Кавказа,
О Шиллерѣ, о славѣ, о любви.

15.

Пора и мнѣ.... пируйте, о, друзья!
Предчувствую отрадное свиданье;
Запомните жъ поэта предсказанье:
Промчится годъ — и съ вами снова я!
Исполнится завѣтъ моихъ мечтаній;
Промчится годъ и — я явлюся къ вамъ!
О, сколько слезъ, и сколько восклицаній.
И сколько чашъ, подъятыхъ къ небесамъ!

*) Кюхельбекеръ.

16.

И первую полнѣй, друзья, полнѣй!
 И всю до дна въ честь нашего союза!
 Благослови, ликующая муза,
 Благослови: да здравствуетъ Лицей!
 Наставникамъ, хранившимъ юность нашу,
 Всѣмъ честію, и мертвымъ, и живымъ,
 Къ устамъ подъявъ признательную чашу,
 Не помня зла, за благо воздадимъ.

17.

Пируйте же, пока еще мы тутъ!
 Увы, нашъ кругъ часъ отъ часу рѣдѣетъ;
 Кто въ гробѣ спитъ, кто дальній сиротѣтъ,
 Судьба глядитъ, мы вынемъ; дни бѣгутъ;
 Невидно склоняясь п хладѣя,
 Мы близимся къ началу своему....
 Кому жъ пзъ насъ подъ старость день Лицея
 Торжествовать придется одному?

18.

Несчастный другъ! средь новыхъ поколѣній
 Докучный гость п лишній и чужой,
 Онъ вспомнить насъ п дни соединеній,
 Закрывъ глаза дрожащею рукой....
 Пускай же онъ съ отрадой хоть печальной
 Тогда сей-день за чашей проведетъ,
 Какъ нынѣ я, затворникъ вашъ опальный,
 Его провелъ безъ горя п заботъ.

53. 19 ОКТЯБРЯ 1831 г.

Чѣмъ чаще празднуетъ Лицей	Тѣмъ рѣже онъ; тѣмъ праздникъ
Свою святую годовщину,	нашъ
Тѣмъ робче старый кругъ дру-	Въ своемъ веселіи мрачнѣе;
зей	Тѣмъ глуше звонъ заздравныхъ
Въ семью стѣсняется едину;	чашъ,

И наши пѣсни тѣмъ грустиѣ.
 Давно ль, друзья?... Но двад-
 цать лѣтъ
 Тому прошло; и что же вижу?
 Того царя *) въ живыхъ ужъ нѣтъ;
 Мы жгли Москву, былъ плѣнъ
 Царюжу,
 Угасъ въ тюрьмѣ Наполеонъ,
 Воскресла грековъ древнихъ сла-
 ва, **)
 Съ престола палъ другой Бур-
 бонъ, ***)
 Отбунтовала вновь Баршава.

Такъ дуновенья бурь земныхъ
 И насъ печально касались;
 И мы средь пршествъ молодыхъ
 Душою часто омрачались;
 Мы возмужали; рокъ судилъ
 И намъ жптейски пепытанья;
 И смерти духъ средь насъ ходилъ,
 И назначалъ свои закланья.

Шесть мѣстъ упраздненныхъ
 стоятъ;
 Шести друзей не узримъ болѣ;
 Они, разбросанные, спятъ
 Кто здѣсь, кто тамъ, на разномъ
 полѣ,
 Кто дома, кто въ землѣ чужой;
 Кого педугъ, кого печали
 Свели во мракъ земли сырой —
 И всѣхъ мы братски помнили.

И, мнится, очередь за мной...
 Зоветъ меня мой Дельви́гъ ми-
 лый,

Товарищъ юности живой,
 Товарищъ юности унылой,
 Товарищъ пѣсенъ молодыхъ,
 Пировъ и чистыхъ помышлений,
 Туда, въ толпу тѣней родныхъ,
 На вѣкъ отъ насъ ушедшій ге-
 ній. †)

54. 19 ОКТЯБРЯ 1836.

Была пора: нашъ праздникъ молодой
 Сіялъ, шумѣлъ и розами вѣнчался,
 И съ пѣснями бокаловъ звонъ мѣшался,
 И тѣсною спѣли мы толпой.
 Тогда, душой безпечные певѣжды,
 Мы жили всѣ п легче и смѣлѣй,
 Мы пили всѣ за здравіе надежды
 И юности и всѣхъ ея затѣй.

*) Императора Александра Павловича. — **) Возстановлена независимость Греціи. — ***) Карлъ X, лишившійся престола въ 1830 году. — †) Поэтъ Дельви́гъ, умершій въ 1831 году.

Теперь не то: разгульный праздник нашъ,
 Съ приходомъ лѣтъ, какъ мы, перебѣсилъ;
 Опъ пристрафилъ, утихъ, остепенился;
 Сталъ глуше звонъ его заздравныхъ чашъ;
 Межъ нами рѣчь не такъ игриво льется;
 Просторнѣе, грустнѣе мы сидимъ;
 И рѣже смѣхъ средѣ насъ раздается;
 И чаще мы вздыхаемъ и молчимъ.

Всему пора. Ужъ двадцать пятый разъ
 Мы празднуемъ Лицей день завѣтный;
 Прошли года чредою незамѣтной;
 И какъ они перемѣнили насъ...
 Не даромъ, вѣтъ, промчалась четверть вѣка!
 Не сѣуйте: таковъ судьбы законъ.
 Вращается весь міръ вокругъ человѣка,
 Ужель одинъ недвижимъ будетъ онъ?

Припомните, о други, съ той поры,
 Когда нашъ кругъ судьбы соединилъ,
 Чему, чему свидѣтели мы были!...
 Игралища таинственной игры,
 Метались смущенные народы,
 И высились и падали цари;
 И кровь людей то славы, то свободы,
 То гордости багрила алтари.

Вы помните: когда возникъ Лицей,
 Какъ царь для насъ открылъ чертогъ царицынъ*),
 И мы пришли, и встрѣтилъ насъ Куницынъ**)
 Привѣтствіемъ межъ царственныхъ гостей.
 Тогда гроза двѣнадцатаго года
 Еще спала; еще Наполеонъ
 Не испыталъ великаго народа —
 Еще грозилъ и колебался онъ.

*) Для помѣщенія Лицея была отдѣлена часть дворца. — **) Профессоръ Лицея.



Вы помните: текла за ратью рать;
 Со старшими мы братьями прощались,
 И въ сѣнь наукъ съ досадой возвращались,
 Завидуя тому, кто умирать
 Шелъ мимо насъ.... И племена сразились.
 Русь обняла кипячаго врага,
 И заревомъ московскимъ озарились
 Его полкамъ готовые сѣѣга.

Вы помните, какъ нашъ Агамемнонъ *)
 Изъ плѣннаго Парижа къ намъ примчался.
 Какой восторгъ тогда предъ нимъ раздался!
 Какъ былъ великъ, какъ былъ прекрасенъ онъ,
 Народовъ другъ, спаситель ихъ свободы!
 Вы помните, какъ оживились вдругъ
 Сии сады, сии живыя воды,
 Гдѣ проводилъ онъ славный свой досугъ!

И нѣтъ его—и Русь оставилъ онъ,
 Вознесенну имъ надъ міромъ изумленнымъ;
 И на скалѣ, изгнанникомъ забвеннымъ,
 Всему чужой, угасъ Наполеонъ.
 И новый царь, безстрашный и могучій,
 На рубежѣ Европы бодро сталъ †)....

55. РАЗГОВОРЪ КНИГОПРОДАВЦА СЪ ПОЭТОМЪ.

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Стишки для васъ одна забава,
 Немножко столтъ вамъ присѣсть,
 Ужъ разгласить успѣла слава
 Вездѣ пріятнѣйшую вѣсть:
 Поэма, говорить, готова,
 Плодъ новыхъ умственныхъ за-
 тѣй.

И такъ рѣшите, жду я слова:

Назначьте сами цѣну ей.

Стишки любимца музъ и грацій

Мы выпить рублями замѣнимъ,

И въ пукъ наличныхъ ассигнацій

Листочки ваши обратимъ.

О чемъ вздохнули такъ глубоко,

Нельзя ль узнать?

*) Императоръ Александръ I. — †) Императоръ Николай I.

поэтъ.

Я былъ далеко:

И время то воспоминалъ,
 Когда, надеждами богатый,
 Поэтъ безпечный, я писалъ,
 Изъ вдохновенья, не изъ платы.
 И видѣлъ вновь пріюты скалъ.
 И темный кровъ уединенья,
 Гдѣ я на пиръ воображенья,
 Бывало, музу призывалъ.
 Тамъ слаше голосъ мой звучалъ;
 Тамъ долѣ яркія видѣнья,
 Съ неизъяснимою красой,
 Вились, летали надо мной
 Въ часы вѣчнаго вдохновенья.
 Все волновало нѣжный умъ:
 Цвѣтущій лугъ, луны блистанье,
 Въ часовнѣ ветхой бури шумъ,
 Старушки чудное преданье.
 Какой-то демонъ обладалъ
 Моими играми, досугомъ;
 За мной повсюду онъ леталъ.
 Мнѣ звуки дивныя шепталъ,
 И тижкимъ пламеннымъ недугомъ
 Была полна моя глава;
 Въ ней грезы чуждыя рожда-
 лись;
 Въ размѣры стройныя стекались
 Мои послушныя слова
 И звонкой рифмой замыкались.
 Въ гармоніи соперникъ мой
 Былъ шумъ лѣсовъ, иль вихорь
 буйный,
 Иль иволги налѣвъ живой,
 Иль ночью моря гулъ глухой,
 Иль шепотъ рѣчки тихоструй-
 ной.

Тогда въ безмолвіи трудовъ,
 Дѣлится не былъ я готовъ
 Съ толпою пламеннымъ востор-
 гомъ,
 И музы сладостныхъ даровъ
 Не унижалъ постыднымъ торгомъ;
 Я былъ хранитель ихъ скупой.

книгопродавецъ.

Но слава замѣнила вамъ
 Мечтанья тайнаго отрады;
 Вы разошлись по рукамъ,
 Межъ тѣмъ, какъ пыльные гро-
 мады
 Лежалой прозы и стиховъ
 Напрасно ждуть себѣ чтецовъ
 И вѣтренной ея награды.

поэтъ.

Блаженъ, кто про себя таилъ
 Души высокія созданья,
 И отъ людей, какъ отъ могилъ,
 Не ждалъ за чувство воздаянья!
 Блаженъ, кто молча былъ поэтъ
 И, терномъ славы не увитый,
 Презрѣнной чернью забытый,
 Безъ имени покинулъ свѣтъ!
 Обманчивѣй и снова надежды,
 Что слава? Шепотъ ли чтеца?
 Гоненье ль низкаго невѣжды?
 Иль восхищеніе глупца?

книгопродавецъ.

Лордъ Байронъ былъ того же
 мнѣнья:

Жуковский то же говорилъ:
 Но свѣтъ узналъ и раскупилъ
 Ихъ сладковзвучныя творенья.

И впрямь, завиденъ вашъ удѣлъ:	Въ потомствѣ дальнемъ поражаетъ;
Поэтъ казнить, поэтъ вѣнчать;	Героевъ утѣшаетъ онъ;
Злодѣевъ громомъ вѣчныхъ стрѣлъ	Хвала для васъ докучный звонъ.

56. П О Э Т Ъ.

Пока не требуетъ поэта	Душа поэтъ встрепенется,
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,	Какъ пробудившійся орелъ.
Въ заботахъ суетнаго свѣта	Тоскуетъ онъ въ забавахъ міра,
Онъ малодушно погруженъ;	Людской чуждается молвы;
Молчить его свята лира,	Къ ногамъ народнаго кумира
Душа вкушаетъ хладный сонъ.	Не клонить гордой головы;
И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,	Вѣжитъ онъ, дикій и суровый,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй	И звуковъ, и смятенія полнъ,
онъ.	На берега пустынныхъ волнъ,
Но лишь божественный глаголъ	Въ шпрокошумныя дубровы....
До слуха чуткаго коснется,	

57. П О Э Т У.

(сонетъ).

Поэтъ, не дорожи любовію народной!
Восторженныхъ похвалъ пройдетъ минутный шумъ,
Услышишь судъ глумца и смѣхъ толпы холодной;
Но ты останься твердъ, спокоенъ и угрюмъ.

Ты царь: живи одинъ. Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
Не требуя наградъ за подвигъ благородный.

Онъ въ самомъ тебѣ. Ты самъ свой высшій судъ;
Всѣхъ строже оцѣнить умѣешь ты свой трудъ.
Ты имъ доволенъ ли, взыскательный художникъ?
Доволенъ? Такъ пускай толпа его бранитъ,
И плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ,
И въ дѣтской рѣзвости колеблетъ твой треножникъ.

58. Ч Е Р Н Ы.

Procul este, profani.

Поэтъ по лирѣ вдохновенной
 Рукой разсѣянной бряцалъ.
 Онъ пѣлъ, — а хладный и надменный.
 Кругомъ народъ непосвященный,
 Ему безмысленно внималъ.

И толковала чернь тупая:
 «Зачѣмъ такъ звучно онъ поетъ?
 Напрасно ухо поражая,
 Къ какой онъ цѣли насъ ведетъ?
 О чемъ бренчить? Чему насъ учить?
 Зачѣмъ сердца волнуетъ, мучитъ,
 Какъ своенравный чародѣй?
 Какъ вѣтеръ, пѣснь его свободна.
 Зато какъ вѣтеръ и бесплодна:
 Какая польза намъ отъ ней?»

П О Э Т Ъ.

Молчи, безмысленный народъ,
 Поденщикъ, рабъ нужды, заботъ!
 Несносенъ мнѣ твой ропотъ дерзкій.
 Ты червь земли, не сынъ небесъ;
 Тебѣ бы пользы все — на вѣсь
 Кумиръ ты цѣнишь бельведерскій.
 Ты пользы, пользы въ немъ не зришь.
 Но мраморъ сей вѣдь богъ!... Такъ что же?
 Печной горшокъ тебѣ дороже:
 Ты пищу въ немъ себѣ варишь.

Ч Е Р Н Ы.

Нѣтъ, если ты небесъ избранникъ.
 Свой даръ, божественный посланникъ,
 Во благо намъ употребляй:
 Сердца собратьевъ исправляй.
 Мы малодушны, мы коварны,

Безстыдны, злы, неблагодарны:
 Мы сердцемъ хладные скопцы,
 Клеветники, рабы, глупцы;
 Гнѣзятся клубомъ въ насъ пороки:
 Ты можешь, ближняго любя,
 Давать намъ смѣлые уроки.
 А мы послушаемъ тебя.

п о э т ь.

Подите прочь — какое дѣло
 Поэту мирному до васъ!
 Въ развратѣ каменѣйте смѣло;
 Не оживить васъ лиры гласъ;
 Душѣ противны вы, какъ гробы.
 Для вашей глупости и злобы
 Имѣли вы до сей поры
 Бичи, темницы, топоры;
 Довольно съ васъ, рабовъ безумныхъ!
 Во градахъ вашихъ съ улицъ шумныхъ
 Сметаютъ соръ — полезный трудъ! —
 Но, позабывъ свое служенье,
 Алтарь и жертвоприношенье,
 Жрецы ль у васъ метлу берутъ?
 Не для житейскаго волненья,
 Не для корысти, не для битвъ,
 Мы рождены для вдохновенья,
 Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

* * *

Съ толпой не дѣлишь ты ни гнѣва,
 Ни удивленья, ни напѣва,
 Ни нужды, ни смѣха, ни труда.
 Глушецъ кричитъ: «куда, куда?
 Дорога здѣсь!» — но ты не слышишь,
 Идешь, куда тебя влекутъ
 Мечты невольныя. Твой трудъ
 Тебѣ награда — имъ ты дынешь,
 А плодъ его бросаешь ты
 Толпѣ, рабынѣ суеты....

59. ПРОРОКЪ.

Духовной жаждою томимъ,	И празднословный и лукавый,
Въ пустынь мрачной и влачился,	И жало мудрыи змѣи
И шестикрылый серафимъ	Въ уста замершіи мои
Не перепутѣи мнѣ явился.	Вложилъ десницею кровавой.
Перстами легкими, какъ сонъ,	И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечемъ,
Моихъ зѣницъ коснулся онъ:	И сердце трепетное вынулъ,
Отверзлись вѣщія зѣницы,	И угли, пылающій огнемъ,
Какъ у испуганной орлицы.	Во грудь отверстую водвинулъ.
Моихъ ушей коснулся онъ,	Какъ трупъ, въ пустынь я лежалъ,
И ихъ наполнилъ шумъ и звонъ:	И Бога гласъ ко мнѣ воззвалъ:
И внялъ я неба содраганье,	«Возстанъ, пророкъ, п виждь, и
И горній ангеловъ полетъ,	внемли,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,	Исполнишь волею моею,
И дольней лозы прозябанье.	И, обходя моря и земли,
И онъ къ устамъ моимъ приникъ,	Глаголомъ жги сердца людей!
И вырвалъ грѣшныи мой языкъ,	

60. Т Р У Д Ь.

Мигъ вождельбный насталь. Оконченъ мой трудъ многолѣтній.
 Что жъ непонятная грусть тайно тревожитъ меня?
 Или, свой подвигъ свершивъ, я стою, какъ поденщикъ не нужный,
 Плату пріавшій свою, чуждый работъ другой?
 Или жаль мнѣ труда, молчаливаго спутника ночи,
 Друга Авроры златой, друга Пенатовъ святыхъ?

61. Э Х О.

(изъ томага муса).

Реветь ли звѣрь въ лѣсу глу-	
хомъ,	*
Трубить ли рогъ, гремитъ ли	Ты внемлешь грохоту громовъ
громъ,	И гласу бури и валовъ,
Поетъ ли дѣва за холмомъ —	И крику сельскихъ пастуховъ —
На всякій звукъ	И плешь отвѣтъ;
Свой откликъ въ воздухъ пустомъ	Тебѣ же нѣтъ отзыва.... Таковъ
Родишь ты вдругъ.	И ты, поэтъ!





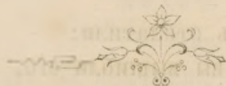
62. ПАМЯТНИКЪ.

И памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный;
 Къ нему не заростетъ народная тропа;
 Вознесся выше онъ главою непокорной
 Наполеонова столпа.

Нѣтъ! весь я не умру: душа въ завѣтной лирѣ
 Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ —
 И славенъ буду я, доколь въ подлунномъ мѣрѣ
 Живъ будетъ хоть одинъ пиитъ.

Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой,
 И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ:
 И гордый внукъ славянъ, и финнъ, и нынѣ дикій
 Тунгусъ, и другъ степей калмыкъ.

И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
 Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
 Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ
 И милость къ падшимъ призывалъ.
 Велѣнью Божию, о муза, будь послушна!
 Обиды не страшись, не требуй и вѣнца;
 Хвалу и клевету приѣмля равнодушно,
 И не оспаривай глупца.





В) ДРАМА.

1. Скупой рыцарь.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

(ВЪ БАШНѢ).

АЛЬБЕРТЪ И ПВАНЪ.

АЛЬБЕРТЪ.

Во что бы то ни стало, на турниръ
Явлюсь я. Покажи мнѣ шлемъ, Пванъ.

(Иванъ подаетъ ему шлемъ).

Пробить насквозь, испорченъ. Невозможно
Его надѣть. Достать мнѣ надо новый.
Какой ударъ! проклятый графъ Делоржъ!

ИВАНЪ.

И вы ему порядкомъ отплатили:
Какъ изъ стремянъ вы вышибли его,
Онъ сутки замертво лежалъ — и врядъ ли
Оправился.

АЛЬБЕРТЪ.

А все жъ онъ не въ убыткѣ;
Его нагрудникъ цѣлъ венеціанскій —
А грудь своя гроша ему не стоитъ —

Другой себѣ не станетъ покушать.
 Зачѣмъ съ него не снялъ я шлема тутъ же?
 А снялъ бы я, когда бъ не было стыдно
 Мнѣ дамъ и герцога. Проклятый графъ!
 Онъ лучше бы мнѣ голову пробилъ.
 И платъ нужно мнѣ. Въ послѣдній разъ
 Всѣ рыцари сидѣли тутъ въ атласѣ
 Да бархатѣ; я въ латахъ былъ одинъ
 За герцогскимъ столомъ. Отговорился
 Я тѣмъ, что на турниръ попалъ случайно.
 А нынче что скажу? О, бѣдность, бѣдность!
 Какъ унижаетъ сердце намъ она!
 Когда Делоржъ конемъ своимъ тяжелымъ
 Пробилъ мнѣ шлемъ и мимо проскакалъ,
 А я съ открытой головой припиорилъ
 Эмира моего, помчался вихремъ
 И бросилъ графа на двадцать шаговъ,
 Какъ маленькаго пажу; какъ всѣ дамы
 Привстали съ мѣстъ, когда сама Клотильда,
 Закрывъ лицо, невольно закричала,
 И славили герольды мой ударъ:
 Тогда никто не думалъ о причинѣ
 И храбрости моей и силы дивной!
 Взбѣсился я за поврежденный шлемъ;
 Геройству что виною было? — Скупость.
 Да! заразиться здѣсь не трудно ею
 Подъ кровлею одной съ моимъ отцомъ.
 Что бѣдный мой Эмиръ?

ИВАНЪ.

Онъ все хромаетъ.

Вамъ выѣхать на немъ еще нельзя.

АЛЪБЕРЪ.

Ну, дѣлать нечего, куплю гнѣдаго.

Недорого и просить за него.

ИВАНЪ.

Недорого, да денегъ нѣтъ у насъ.

АЛБЕРЪ.

Что жъ говоритъ бездѣльникъ Соломонъ?

ИВАНЪ.

Онъ говоритъ, что болѣе не можетъ
Въ — займы давать вамъ денегъ безъ заклада.

АЛБЕРЪ.

Закладъ! а гдѣ мнѣ взять заклада, дьяволъ?

ИВАНЪ.

Я сказывалъ.

АЛБЕРЪ.

Что жъ онъ?

ИВАНЪ.

Крихтитъ да жметса.

АЛБЕРЪ.

Да ты бѣ ему сказалъ, что мой отецъ
Богатъ и самъ какъ жидъ, что рано ль, поздно ль
Всеу наслѣдую.

ИВАНЪ.

Я говорилъ.

АЛБЕРЪ.

Что жъ?

ИВАНЪ.

Жметса да крихтитъ.

АЛБЕРЪ.

Какое горе!

ИВАНЪ.

Онъ самъ хотѣлъ придти.

АЛБЕРЪ.

Ну, слава Богу.

Безъ выкупа не выпущу его.

(Стучать въ дверь).

Кто тамъ?

(Входитъ жидъ).

жидъ.

Слуга вашъ низкій.

АЛЬБЕРЪ.

А, пріятель!

Проклятый жидъ, почтенный Соломонъ,
Пожалуй-ка сюда: такъ ты, я слышу,
Не вѣришь въ долтъ?

жидъ.

Ахъ, милостивый рыцарь,
Клянусь вамъ, радъ бы... право не могу.
Гдѣ денегъ взять? Весь разорился я,
Все рыцарямъ усердно помогая.
Никто не платитъ. Васъ хотѣлъ просить,
Не можете ль хоть часть отдать....

АЛЬБЕРЪ.

Разбойникъ!

Да если бъ у меня водились деньги,
Съ тобою сталъ ли бъ я возиться? Полно,
Не будь упрямъ, мой милый Соломонъ,
Давай червонцы. Высыпи мнѣ сотню.
Пока тебя не обыскали.

жидъ.

Сотню!

Когда бъ имѣлъ я сто червонцевъ!

АЛЬБЕРЪ.

Слушай:

Не стыдно ли тебѣ своихъ друзей
Не выручать?

жидъ.

Клянусь вамъ....

АЛЬБЕРЪ.

Полно, полно.

Ты требуешь заклада? что за вздоръ!
Что дамъ тебѣ въ закладъ? — свиную кожу?
Когда бъ я могъ что заложить, давно
Ужъ продалъ бы. Иль рыцарскаго слова
Тебѣ, собака, мало?

жидъ.

Ваше слово,

Пока вы живы, много значить:
 Всѣ сундуки фламандскихъ богачей,
 Какъ талисманъ, оно вамъ отопретъ;
 Но если вы его передадите
 Мнѣ, бѣдному еврею, а межъ тѣмъ
 Умрете (Боже сохрани), тогда
 Въ моихъ рукахъ оно подобно будетъ
 Ключу отъ брошенной пикатюлки въ море.

АЛЬБЕРЪ.

Уже-ль отецъ меня переживетъ?

жидъ.

Какъ знать? Дни наши сочтены не нами:
 Цвѣлъ юноша вѣчеръ, а нынче умеръ,
 И вотъ его четыре старика
 Несутъ на сгорбленныхъ плечахъ въ могилу.
 Баронъ здоровъ. Богъ дастъ, лѣтъ десять, двадцать
 И двадцать пять и тридцать проживетъ онъ.

АЛЬБЕРЪ.

Ты врешь, еврей! Да черезъ тридцать лѣтъ
 Мнѣ стукнетъ пятьдесятъ, тогда и деньги
 На что мнѣ пригодятся?

жидъ.

Деньги? — Деньги

Всегда, во всякій возрастъ намъ пригодны;
 Но юноша въ нихъ ищетъ слугъ проворныхъ,
 И не жалѣя плетъ туда-сюда:
 Старикъ же видитъ въ нихъ друзей надежныхъ
 И бережетъ ихъ, какъ зѣницу ока.

АЛЬБЕРЪ.

О! мой отецъ не слугъ и не друзей
 Въ нихъ видитъ, а господъ; и самъ имъ служить,
 И какъ же служить? какъ алжирскій рабъ,
 Какъ песь цѣной! Въ нетопленной канурѣ

Живетъ, пьетъ воду, ѣстъ сухія корки,
 Всю ночь не спитъ, все бѣгаетъ да лаетъ, —
 А золото спокойно въ сундукахъ
 Лежитъ себѣ. Молчи! когда нибудь
 Оно послужитъ мнѣ, лежать забудетъ.

жидъ.

Да, на бароновыхъ похоронахъ
 Прольется больше денегъ, нежели слезъ.
 Пошли вамъ Богъ скорѣй наслѣдство?

АЛЬБЕРЪ.

Amen!

жидъ.

А можно бѣ....

АЛЬБЕРЪ.

Что?

жидъ.

Такъ, думалъ я, что средство
 Такое есть....

АЛЬБЕРЪ.

Какое средство?

жидъ.

Такъ —

Есть у меня знакомый старичекъ,
 Еврей, аптекарь бѣдный....

АЛЬБЕРЪ.

Ростовщикъ

Такой же, какъ и ты, иль почестнѣе?

жидъ.

Нѣтъ, рыцарь, Товій торгъ ведетъ иной:
 Онъ составляетъ капли.... право, чудно,
 Какъ дѣйствуютъ онѣ.

АЛЬБЕРЪ.

А что мнѣ въ нихъ?

жидъ.

Въ стаканъ воды подлить.... трехъ капель будетъ,
 Ни вкуса въ нихъ, ни цвѣта незамѣтно;
 А человѣкъ безъ рѣзи въ животѣ,
 Безъ тошноты, безъ боли умираетъ.

АЛЬБЕРЪ.

Твой старичекъ торгуетъ ядомъ?

жидъ.

Да —

И ядомъ.

АЛЬБЕРЪ.

Что жъ? Въ-займы на мѣсто денегъ
 Ты мнѣ предложишь стклянокъ двѣсти яду —
 За стклянку по червонцу. Такъ, что ли?

жидъ.

Смѣяться вамъ угодно надо мною.
 Нѣтъ, я хотѣлъ.... быть можетъ, вы.... я думалъ,
 Что ужъ барону время умереть.

АЛЬБЕРЪ.

Какъ! отравить отца! и смѣлъ ты сыну....
 Иванъ! держи его. И смѣлъ ты мнѣ!...
 Да знаешь ли, жидовская душа,
 Собака, змѣй, что я тебя сейчасъ же
 На воротахъ повѣшу!

жидъ.

Виновать!

Простите, я шутилъ.

АЛЬБЕРЪ.

Иванъ, веревку!

жидъ.

Я.... я шутилъ. Я деньги вамъ принесъ.

АЛЬБЕРЪ.

Вонъ, песъ!

(Жидъ уходитъ.)

Вотъ до чего меня доводитъ
 Отца роднаго скупость! Жидъ мнѣ смѣлъ
 Что предложить! Дай мнѣ стаканъ вина!
 Я весь дрожу.... Иванъ, однако жъ деньги
 Мнѣ нужны.... Сбѣгай за жидомъ проклятымъ;
 Возьми его червонцы. Да сюда
 Мнѣ привеси чернильницу.... Я плуту
 Росписку дамъ. Да не вводи сюда
 Иду этого.... Иль нѣтъ, постой —
 Его червонцы будутъ пахнуть ядомъ,
 Какъ сребреники пращура его....
 Я спрашивалъ вина.

ИВАНЪ.

У насъ вина

Ни капли нѣтъ.

АЛБЕРЪ.

А то, что мнѣ прислалъ
 Въ подарокъ изъ Испаніи Ремонъ?

ИВАНЪ.

Вечоръ я снесъ послѣднюю бутылку
 Больному кузнецу.

АЛБЕРЪ.

Да, помню, знаю....

Такъ дай воды. Проклятое житье!
 Нѣтъ, рѣшено — пойду искать управы
 У герцога: пускай отца заставятъ
 Меня держать какъ сына, не какъ мышь,
 Рожденную въ подпольѣ.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

(подвалъ).

БАРОНЪ.

Какъ молодой повѣса ждетъ свиданья
 Съ какой нибудь развратницей лукавой,
 Иль дурой, пмъ обманутой, такъ я
 Весь день минуты ждалъ, когда сойду
 Въ подвалъ мой тайный, къ вѣрнымъ сундукамъ.
 Счастливый день! могу сегодня я
 Въ шестой сундукъ (въ сундукъ еще неполный)
 Горсть золота накопленнаго всыпать.
 Не много кажется, но по-немногу
 Сокровища растутъ. Читалъ я гдѣ-то,
 Что царь однажды воинамъ своимъ
 Велѣлъ снести земли по горсти въ кучу,
 И гордый холмъ возвысился, и царь
 Могъ съ вышины съ весельемъ озирать
 И долъ, покрытый бѣлыми шатрами,
 И море, гдѣ бѣжали корабли.
 Такъ я по горсти бѣдной принося
 Привычну дань мою сюда въ подвалъ,
 Вознесъ мой холмъ — и съ высоты его
 Могу взирать на все, что мнѣ подвластно.
 Что не подвластно мнѣ?... Какъ нѣкій демонъ,
 Отселѣ править міромъ я могу;
 Лишь захочу — воздвигнутся чертоги;
 Въ великолѣнные мои сады
 Сбѣгутся нимфы рѣзвою толпою;
 И музы дань свою мнѣ принесутъ,
 И вольный геній мнѣ поработится,
 И добродѣтель, и безсонный трудъ
 Смирненно будутъ ждать моей награды.
 Я свисну — и ко мнѣ послушно, робко,
 Вползетъ окровавленное злодѣйство,
 И руку будетъ мнѣ лизать, и въ очи
 Смотрѣть, въ нихъ знакъ моей читая воли.

Мнѣ все послушно, я же — ничему;
 Я выше всѣхъ желаній; я спокоенъ;
 Я знаю мощь мою: съ меня довольно
 Сего сознанья.... (Смотритъ на свое золото.)

Кажется, не много. —

А сколькихъ человѣческихъ заботъ,
 Обмановъ, слезъ, моленій и проклятій
 Оно тяжеловѣсный представитель!
 Тутъ есть дублонъ старинный... вонъ онъ. Нынче
 Вдова мнѣ отдала его, но прежде
 Съ тремя дѣтьми полдня передъ окномъ
 Она стояла на колѣняхъ, воя.
 Шелъ дождь, и пересталъ, и вновь пошелъ,
 Притворщица не трогалась; я могъ бы
 Ее прогнать, но что-то мнѣ шептало,
 Что мужни въ долгъ она мнѣ принесла
 И не захочетъ завтра быть въ тюрьмѣ.
 А этотъ? Этотъ мнѣ принесъ Тибо.
 Гдѣ было взять ему лѣнивцу, плуту?
 Укралъ, конечно, или, можетъ быть,
 Тамъ на большой дорогѣ, ночью, въ рошѣ...
 Да! Если бы всѣ слезы, кровь и потъ,
 Пролитые за все, что здѣсь хранится,
 Изъ нѣдръ земныхъ всѣ выступили вдругъ,
 То былъ бы вновь потопъ — я захлебнулся бъ
 Въ мопхъ подвалахъ вѣрныхъ. Но пора.

(Хочетъ отпереть сундукъ).

Я каждый разъ, когда хочу сундукъ
 Мой отпереть, впадаю въ жаръ и трепегъ.
 Не страхъ (о, нѣтъ! кого бояться мнѣ?
 При мнѣ мой мечъ: за злато отвѣчаетъ
 Честной булатъ), но сердце мнѣ тѣснить
 Какое-то невѣдомое чувство....
 Насъ увѣряютъ медики: есть люди,
 Въ убійствѣ находящіе пріятность.
 Когда я ключъ въ замокъ влагаю, тоже
 Я чувствую, что чувствовать должны

Они, вонзая въ жертву пожъ. пріятно
И страшно вмѣстѣ!

(Отпираетъ сундуки).

Вотъ мое блаженство!

(Всыпаетъ деньги).

Ступайте, полно вамъ по свѣту рыскать,
Служа страстямъ и нуждамъ челоуѣка.
Усыите здѣсь сномъ силы и покоя,
Какъ боги спятъ въ глубокихъ небесахъ!...

Хочу себѣ сегодня пиръ устроить:
Зажгу свѣчу предъ каждымъ сундукомъ,
И всѣ ихъ отопру, и стану самъ
Средь нихъ глядѣть на блещущія груди.

(Зажигаетъ свѣчи и отпираетъ сундуки
одинъ за другимъ).

Я царствую!... Какой волшебный блескъ!
Послушна мнѣ, сильна моя держава;
Въ ней счастье, въ ней честь моя и слава!
Я царствую!... Но кто во слѣдъ за мной
Пріиметъ власть надъ нею! Мой наслѣдникъ!
Безумецъ, расточитель молодой!
Развратниковъ разгульныхъ собесѣдникъ!
Едва умру, онъ, онъ! сойдетъ сюда,
Подъ эти мирные, нѣмые своды
Съ толпой ласкателей, придворныхъ жадныхъ.
Укравъ ключи у трупа моего,
Онъ сундуки со смѣхомъ отпереть —
И потекутъ сокровища мои
Въ атласные дырявые карманы.
Онъ разобьетъ священные сосуды,
Онъ грязь елеемъ царскимъ напоитъ,
Онъ расточить.... А по какому праву?
Мнѣ развѣ даромъ это все досталось,
Или шута, какъ игроку, который
Гремитъ костями, да груди загребаешь?
Кто знаетъ, сколько горькихъ воздержаній,



Обузданныхъ страстей, тяжелыхъ думъ,
 Дневныхъ заботъ, ночей бессонныхъ мнѣ
 Все это стоило? Иль скажетъ сынъ,
 Что сердце у меня обросло мохомъ,
 Что я не зналъ желаній, что меня
 И совѣсть никогда не грызла, — совѣсть,
 Когтистый звѣрь, скребящій сердце, — совѣсть,
 Незванный гость, докучный собесѣдникъ,
 Запмодавецъ грубый; эта вѣдьма,
 Отъ коей меркнеть мѣсяцъ и могилы
 Смущаются и мертвыхъ высылаютъ!...
 Нѣтъ, выстрадай сперва себѣ богатство,
 А тамъ, посмотримъ, станетъ ли несчастный
 То расточать, что кровью пріобрѣлъ.
 О, если бъ могъ отъ взоромъ недостойныхъ
 Я скрыть подвалъ!... о, если бъ изъ могилы
 Придти я могъ, сторожевою тѣнью
 Сидѣть на сундукѣ и отъ живыхъ
 Сокровища мои хранить, какъ нынѣ!

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

(во дворцѣ).

АЛЬБЕРЪ, ГЕРЦОГЪ.

АЛЬБЕРЪ.

Повѣрьте, государь, терпѣлъ я долго
 Стыдъ горькой бѣдности. Когда бъ не крайность,
 Вы бъ жалобы моей не услышали.

ГЕРЦОГЪ.

Я вѣрю: благородный рыцарь,
 Таковъ какъ вы, отца не обвинить
 Безъ крайности. Такихъ развратныхъ мало....
 Спокойны будьте, вашего отца
 Усовѣщу наединѣ, безъ шума.
 Я жду его. Давно мы не видались.

Онъ былъ другъ дѣду моему. Я помню,
 Когда я былъ еще ребенкомъ, онъ
 Меня сажалъ на своего коня
 И покрывалъ своимъ тяжелымъ шлемомъ,
 Какъ будто колоколомъ. —

(Смотрить въ окно).

Это кто?

Не онъ ли?

АЛЬБЕРЪ.

Такъ — онъ, государь.

ГЕРЦОГЪ.

Подите жъ

Въ ту комнату. Я кликну васъ.

(Альберъ уходитъ; входитъ баронъ).

Баронъ!

Я радъ васъ видѣть бодрымъ и здоровымъ.

БАРОНЪ.

Я счастливъ, государь, что въ силахъ былъ
 По приказанью вашему явиться.

ГЕРЦОГЪ.

Давно, баронъ, давно разстались мы.
 Вы помните меня?

БАРОНЪ.

Я, государь?

Я какъ теперь васъ вижу. О, вы были
 Ребенокъ рѣзвый. — Мнѣ покойный герцогъ
 Говаривалъ: Филиппъ (онъ звалъ меня
 Всегда Филиппомъ), что ты скажешь? а?
 Лѣтъ черезъ двадцать, право, ты да я,
 Мы будемъ глупы передъ этимъ малымъ....
 Предъ вами, то есть....

ГЕРЦОГЪ.

Мы теперь знакомство

Возобновимъ. Вы дворъ забыли мой.

БАРОНЪ.

Старъ, государь, я нынче: при дворѣ
Что дѣлать мнѣ? Вы молоды; вамъ любви
Турниры, праздники. А я на нихъ
Ужь не гожусь. Богъ дастъ войну, такъ я
Готовъ, крихтя, взлѣзть снова на коня;
Еще достанетъ силы старый мечъ
За васъ рукой дрожащей обнажить.

ГЕРЦОГЪ.

Баронъ, усердье ваше намъ извѣстно:
Вы дѣду были другомъ; мой отецъ
Васъ уважалъ. И я всегда считалъ
Васъ вѣрнымъ, храбрымъ рыцаремъ; но сядемъ.
У васъ, баронъ, есть дѣти?

БАРОНЪ.

Сынъ одинъ...

ГЕРЦОГЪ.

Зачѣмъ его я при себѣ не вижу?
Вамъ дворъ наскучилъ, но ему прилично
Въ его лѣтахъ и званьи быть при насъ.

БАРОНЪ.

Мой сынъ не любитъ шумной, свѣтской жизни;
Онъ дикаго и сумрачнаго нрава; —
Вкругъ замка по лѣсамъ онъ вѣчно бродитъ,
Какъ молодой олень.

ГЕРЦОГЪ.

Не хорошо

Ему дичиться. Мы тотчасъ приучимъ
Его къ весельямъ, къ баламъ и турнирамъ.
Пришлите мнѣ его; назначьте сыну
Приличное по званью содержанье....
Вы хмуритесь — устали вы съ дороги,
Быть можетъ?

БАРОНЪ.

Государь, я не усталъ;
Но вы мени смутили. Передъ вами

Я бѣ не хотѣлъ сознаться, но меня
 Вы принуждаете сказать о сынѣ
 То, что желалъ отъ васъ бы утаить.
 Онъ, государь, къ несчастью, не достоинъ
 Ни милостей, ни вашего вниманья.
 Онъ молодость свою проводить въ буйствѣ,
 Въ порокахъ низкихъ....

ГЕРЦОГЪ.

Это потому,
 Баронъ, что онъ одинъ. Уединенье
 И праздность губятъ молодыхъ людей.
 Пришлите къ намъ его; онъ позабудетъ
 Привычки, зарожденныя въ глуши.

БАРОНЪ.

Простите мнѣ, но право, государь,
 Я согласиться не могу на это....

ГЕРЦОГЪ.

Но почему жъ?

БАРОНЪ.

Увольте старика....

ГЕРЦОГЪ.

Я требую: откройте мнѣ причину
 Отказа вашего.

БАРОНЪ.

На сына я

Сердить.

ГЕРЦОГЪ.

За что?

БАРОНЪ.

За злое преступленье.

ГЕРЦОГЪ.

А въ чемъ оно, скажите, состоитъ?

БАРОНЪ.

Увольте, герцогъ....

ГЕРЦОГЪ.

Это очень странно!
Или вамъ стыдно за него?

БАРОНЪ.

Да... стыдно...

ГЕРЦОГЪ.

Но что же сдѣлалъ онъ?

БАРОНЪ.

Онъ... онъ меня
Хотѣлъ убить.

ГЕРЦОГЪ.

Убить! Такъ я суду
Его предамъ, какъ чернаго злодѣя.

БАРОНЪ.

Доказывать не стану я, хотъ знаю,
Что точно смерти жаждетъ онъ моей,
Хотъ знаю то, что покушался онъ
Меня....

ГЕРЦОГЪ.

Что?

БАРОНЪ.

Обокрасть.

(Альберъ бросается въ комнату).

АЛЬБЕРЪ.

Баронъ, вы лжете!

ГЕРЦОГЪ (сыну).

Какъ смѣли вы?

БАРОНЪ.

Ты здѣсь! ты, ты мнѣ смѣлъ!...

Ты могъ отцу такое слово молвить!...

Я лгу? и передъ нашимъ государемъ?....

Мнѣ, мнѣ.... иль ужъ не рыцарь я?...

АЛЬБЕРЪ.

Вы лжецъ!

БАРОНЪ.

И громъ еще не грянулъ, Боже правый!
Такъ подыми жъ, и мечъ насъ разсуди!

(Бросаетъ перчатку, сынъ поспѣшно ее подымаетъ).

АЛЬБЕРЪ.

Благодарю. Вотъ первый даръ отца!

ГЕРЦОГЪ.

Что видѣлъ я? Что было предо мною?
Сынъ принялъ вызовъ стараго отца!
Въ какіе дни надѣлъ я на себя
Цѣпь герцоговъ! Молчите: вы, безумецъ,
И ты, тигренокъ! — полно. (Сыну). Бросьте это;
Отдайте мнѣ перчатку эту. (Отнимаетъ ее).

АЛЬБЕРЪ (а parte).

Жаль!

ГЕРЦОГЪ.

Такъ и впился въ нее когтями!... Извергъ!
Подите: на глаза моп не смѣйте
Являться до тѣхъ поръ, пока я самъ
Не призову васъ.

(Альберъ выходитъ).

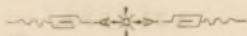
Вы, старикъ несчастный,
Не стыдно ль вамъ?...

БАРОНЪ.

Простите, государь....
Стоять я не могу.... моп колѣна
Слабѣютъ.... душно!... душно!... Гдѣ ключи?
Ключи, ключи мои!

ГЕРЦОГЪ.

Онъ умеръ. Боже!
Ужасный вѣкъ, ужасныя сердца!



2. Моцартъ и Сальери.*

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

(КОМНАТА).

САЛЬЕРИ.

Всѣ говорятъ: нѣтъ правды на землѣ.
 Но правды нѣтъ — и выше. Для меня
 Такъ это ясно, какъ простая гамма.**
 Родился я съ любовію къ искусству;
 Ребенкомъ будучи, когда высоко
 Звучалъ органъ въ старинной церкви нашей,
 Я слушалъ и заслушивался, слезы
 Невольныя и сладкія текли.
 Отвергъ я рано праздныя забавы;
 Науки, чуждыя музыкѣ, были
 Постылы мнѣ; упрямо и надменно
 Отъ нихъ отрекся я и предался
 Одной музыкѣ. Труденъ первый шагъ
 И скученъ первый путь. Преодолѣлъ
 Я раннія невзгоды. Ремесло
 Поставилъ я подножіемъ искусству;
 Я сдѣлался ремесленникъ: перстамъ
 Придалъ послушную, сухую бѣглость,
 И вѣрность уху. Звуки умертвивъ,
 Музыку я разъялъ, какъ трупъ. Повѣрилъ
 Я алгеброй гармонію. Тогда
 Уже дерзнулъ, въ наукѣ искушенный,
 Предаться вѣгѣ творческой мечты.
 Я сталъ творить, не въ тишинѣ, но втайнѣ,

*) Моцартъ — знаменитый вѣмецкій музыкантъ и композиторъ, умершій въ 1791 году на 35 году жизни. Онъ особенно прославился своей оперою «Донъ-Жуанъ». Сальери также былъ извѣстенъ, какъ музыкантъ и композиторъ; умеръ въ 1825 году.

**) Музыкальный терминъ.

Не смѣя помышлять еще о славѣ.
 Нерѣдко, проспидѣвъ въ безмолвной кельѣ
 Два-три дня, позабывъ и сонъ, и пищу,
 Вкусивъ восторгъ и слезы вдохновенья,
 Я жегъ мой трудъ и холодно смотрѣлъ,
 Какъ мысль моя п звуки, мной рожденны,
 Пылая, съ легкимъ дымомъ исчезали!...
 Что говорю? Когда великій Глюкъ *
 Явился и открылъ намъ новы тайны
 (Глубокія, плѣнительныя тайны!) —
 Не бросилъ ли я все, что прежде зналъ,
 Что такъ любилъ, чему такъ жарко вѣрилъ,
 И не пошелъ ли бодро вслѣдъ за нимъ
 Безропотно, какъ тотъ, кто заблуждался,
 И встрѣчнымъ посланъ въ сторону иную?
 Усиленнымъ, напряженнымъ постоянствомъ
 Я наконецъ въ искусствѣ безграничномъ
 Достигнулъ степени высокой. Слава
 Мнѣ улыбнулась; я въ сердцахъ людей
 Нашелъ созвучія своимъ созданьямъ.
 Я счастливъ былъ: я наслаждался мирно
 Своимъ трудомъ, успѣхомъ, славой; также
 Трудами и успѣхами друзей,
 Товарищей моихъ въ искусствѣ дивномъ.
 Нѣтъ! никогда я зависти не зналъ!
 О, никогда — ниже, когда Пиччини **
 Плѣнить умѣлъ слухъ дикихъ парижанъ,
 Ниже, когда слышалъ въ первый разъ
 Я Ифигеніи начальны звуки.
 Кто скажетъ, чтобъ Сальери гордый былъ
 Когда нибудь завистникомъ презрѣннымъ,
 Змѣей, людьми растоптанною вживѣ,
 Песокъ и пыль грызуще безсильно?
 Никто!... А нынѣ — самъ скажу — я нынѣ

*) Глюкъ — знаменитый композиторъ, родившійся въ Богеміи въ 1714 году. Изъ его оперъ особенно замѣчательна: Ифигенія въ Тавридѣ.

**) Итальянскій композиторъ, родившійся въ 1738 году.

Завистникъ! Я завидую; глубоко,
 Мучительно завидую. — О небо!
 Гдѣ жъ правота, когда священный даръ,
 Когда бессмертный гений — не въ награду
 Любви горящей, самоотверженья,
 Трудовъ, усердія, моленій посланъ,
 А озаряетъ голову безумца,
 Гуляки празднаго?... О, Моцартъ, Моцартъ!

(Входитъ Моцартъ.)

МОЦАРТЪ.

Ага! увидѣлъ ты! А мнѣ хотѣлось
 Тебя неожиданной шуткой угостить.

САЛЬЕРИ.

Ты здѣсь! — Давно ль?

МОЦАРТЪ.

Сейчасъ. Я шелъ къ тебѣ,
 Несъ кое-что тебѣ я показать;
 Но проходя передъ трактиромъ, вдругъ
 Услышалъ скрипку.... Нѣтъ, мой другъ, Сальери!
 Смѣшивъ отроду ты ничего
 Не слыхивалъ!... Слѣпой скрипачъ въ трактирѣ
 Разыгрывалъ *voi se sapete**) Чудо!
 Не вытерпѣлъ, привелъ я скрипача,
 Чтобъ угостить тебя его искусствомъ.
 Войди!

(Входитъ слѣпой старикъ со скрипкой).

Изъ Моцарта намъ что нибудь!

(Старикъ играетъ арію изъ Донъ-Жуана;
 Моцартъ хохочетъ.)

САЛЬЕРИ.

И тѣ смѣяться можешь?

МОЦАРТЪ.

Ахъ, Сальери!

Ужель и самъ ты не смѣешься?

*) Изъ оперы «Донъ-Жуанъ» — Моцарта.

САЛЬЕРИ.

Нѣтъ,

Мнѣ не смѣшно, когда маляръ негодный
 Мнѣ пачкаетъ Мадону Рафаэля;
 Мнѣ не смѣшно, когда фигляръ презрѣнный
 Пародіей безчеститъ Алигьери *).
 Пошелъ, старикъ!

МОЦАРТЪ.

Постой же: вотъ тебѣ;

Пей за мое здоровье.

(Старикъ уходитъ).

Ты, Сальери,

Не въ духѣ нынче. Я приду къ тебѣ
 Въ другое время.

САЛЬЕРИ.

Что ты мнѣ принесешь?

МОЦАРТЪ.

Нѣтъ — такъ, бездѣлицу. Намедни ночью
 Безсонница моя меня томилъ,
 И въ голову пришли мнѣ двѣ-три мысли.
 Сегодня ихъ я набросалъ. Хотѣлось
 Твое мнѣ слышать мнѣнье; но теперь
 Тебѣ не до меня.

САЛЬЕРИ.

Ахъ, Моцартъ, Моцартъ!

Когда же мнѣ не до тебя? Садись,
 Я слушаю.

МОЦАРТЪ (за фортепіано).

Представь себѣ.... кого бы?

Ну, хоть меня — немного помоложе;
 Влюбленнаго — не слишкомъ, а слегка;
 Съ красоткой, или съ другомъ — хоть съ тобой,
 Я веселъ.... Вдругъ, видѣнье гробовое,

*) Данте.

Незапный мракъ или что-нибудь такое....

Ну, слушай же.

(Играетъ).

САЛЬЕРИ.

Ты съ этимъ шелъ ко мнѣ
И могъ остановиться у трактира
И слушать скрипача слѣпаго! — Боже!
Ты, Моцартъ, недостойнъ самъ себя.

МОЦАРТЪ.

Что жъ, хорошо?

САЛЬЕРИ.

Какая глубина!
Какая смѣлость и какая стройность!
Ты, Моцартъ, богъ, и самъ того не знаешь;
Я знаю, я!

МОЦАРТЪ.

Ба! право? можетъ быть....
Но божество мое проголодалось.

САЛЬЕРИ.

Послушай: отобѣдаемъ мы вмѣстѣ
Въ трактирѣ Золотаго Льва.

МОЦАРТЪ.

Пожалуй;
Я радъ. Но дай схожу домой, сказать
Женѣ, чтобы меня она къ обѣду
Не дожидалась.

(Уходитъ).

САЛЬЕРИ.

Жду тебя, смотри-жъ. —
Нѣтъ! не могу противиться я долѣ
Судьбѣ моей: я избранъ, чтобы его,
Остановить — не то мы всѣ погибли,
Мы всѣ, жрецы, служители музыки,
Не я одинъ съ моей глухою славой....
Что пользы, если Моцартъ будетъ живъ

И новой высоты еще достигнетъ?
 Подыметъ ли онъ тѣмъ искусство? Нѣтъ!
 Оно падетъ опять, какъ онъ исчезнетъ:
 Наслѣдника намъ не оставитъ онъ.
 Что пользы въ немъ? Какъ нѣкій херувимъ,
 Онъ нѣсколько занесъ намъ пѣсенъ райскихъ,
 Чтобы, возмутивъ безкрылое желанье,
 Въ насъ, чадахъ праха, послѣ улетѣть!
 Такъ улетай же! чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше...
 Вотъ ядъ, послѣдній даръ моей Изоры*.
 Осмнадцать лѣтъ ношу его съ собою —
 И часто жизнь казалась мнѣ съ тѣхъ поръ
 Несносной раной, и сидѣлъ я часто
 Съ врагомъ безпечнымъ за одной трапезой,
 И никогда на шепотъ искушенья
 Не преклонился я, хоть я не трусь.
 Хотя обиду чувствую глубоко,
 Хоть мало жизнь люблю. Все медлил я.
 Какъ жажда смерти мучила меня, —
 Что умирать? я мнилъ: быть можетъ, жизнь
 Мнѣ принесетъ незапные дары:
 Быть можетъ, посѣтитъ меня восторгъ
 И творческая ночь, и вдохновенье;
 Быть можетъ, новый Гайденъ** сотворитъ
 Великое — и наслажуся имъ....
 Какъ пировалъ я съ гостемъ ненавистнымъ:
 Быть можетъ, мнилъ я, злѣйшаго врага
 Найду; быть можетъ, злѣйшая обида
 Въ меня съ надменной грянетъ высоты —
 Тогда не пронадешъ ты, даръ Изоры.
 И я былъ правъ! и — наконецъ нашелъ
 Я моего врага, и новый Гайденъ
 Меня восторгомъ дивно упоилъ!
 Теперь — пора! Завѣтный даръ любви
 Переходи сегодня въ чашу дружбы.

* Женское имя.

** Композиторъ, прославившійся своей ораторіей: Сотвореніе міра.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

МОЦАРТЪ И САЛЬЕРИ (за столомъ.)

(ОСОБАЯ КОМНАТА ВЪ ТРАКТИРѢ; ФОРТЕПИАНО).

САЛЬЕРИ.

Что ты сегодня пасмуренъ?

МОЦАРТЪ.

Я? Нѣтъ!

САЛЬЕРИ.

Ты, вѣрно, Моцартъ, чѣмъ-нибудь разстроенъ?

Обѣдъ хорошій, славное вино,

А ты молчишь и хмуришься.

МОЦАРТЪ.

Признаться,

Мой Requiem *) меня тревожить.

САЛЬЕРИ.

А!

Ты сочиняешь Requiem? Давно ли?

МОЦАРТЪ.

Давно, недѣли три. Но странный случай....

Не сказывать тебѣ я?

САЛЬЕРИ.

Нѣтъ.

МОЦАРТЪ.

Такъ слушай:

Недѣли три тому, пришелъ я поздно

Домой. Сказали мнѣ, что заходилъ

За мною кто-то. Отчего — не знаю,

Всю ночь я думалъ: кто бы это былъ?

И что ему во мнѣ? Наавтра тотъ же

Зашелъ, и не засталъ опять меня.

* Духовная пѣснь, которая поется у католиковъ при заупокойной литургіи.

На третій день игралъ я на полу
 Съ моимъ мальчишкой. Кликнули меня,
 Я вышелъ. Человѣкъ, одѣтый въ черномъ,
 Учтиво поклонившись, заказалъ
 Мнѣ Requiem и скрылся. Сѣлъ я тотчасъ
 И сталъ писать — и съ той поры за мною
 Не приходилъ мой черный человѣкъ;
 А я и радъ: мнѣ было бы жаль разстаться
 Съ моей работой, хотъ совсѣмъ готовъ
 Ужъ Requiem. Но между тѣмъ я....

САЛЬЕРИ.

Что?

МОЦАРТЪ.

Мнѣ совѣстно признаться въ этомъ....

САЛЬЕРИ.

Въ чемъ же?

МОЦАРТЪ.

Мнѣ день и ночь покоя не даетъ
 Мой черный человѣкъ. За мною всюду,
 Какъ тѣнь, онъ гонится. Вотъ и теперь
 Мнѣ кажется, онъ съ нами самъ-третей
 Сидитъ.

САЛЬЕРИ.

И, полно! Что за страхъ ребячій!
 Разсѣй пустую думу. Бомарше *
 Говаривалъ мнѣ: «слушай, братъ, Сальери,
 Какъ мысли черныя къ тебѣ придутъ.
 Откупори шампанскаго бутылку,
 Иль перечти женитьбу Фигаро».

МОЦАРТЪ.

Да! Бомарше вѣдь былъ тебѣ пріятель:
 Ты для него Тарара сочинилъ,
 Вещь славную. Тамъ есть одинъ мотивъ....
 Я все твержу его, когда я счастливъ....

* Авторъ извѣстной французской комедіи «Свадьба Фигаро».



Та-ла-ла-ла.... Ахъ, правда ли, Сальери,
Что Бомарше кого-то отравилъ?

САЛЬЕРИ.

Не думаю: онъ слишкомъ былъ смѣшонъ
Для ремесла такого.

МОЦАРТЪ.

Онъ же геній,
Какъ ты да я. А геній и злодѣйство
Двѣ вещи несовмѣстныя. Не правда ль?

САЛЬЕРИ.

Ты думаешь?

(Бросаетъ ядъ въ стаганъ Моцарта).

Ну, пей же.

МОЦАРТЪ.

За твое
Здоровье, другъ, за искренній союзъ,
Связующій Моцарта и Сальери.
Двухъ сыновей гармоніи.

(Пьетъ).

САЛЬЕРИ.

Постой,
Постой, постой!... Ты выпилъ.... безъ меня?

МОЦАРТЪ (Бросаетъ салфетку на
столъ).

Довольно, сытъ я.

(Идетъ къ фортепіано).

Слушай же, Сальери,
Мой Requiem.

(Играетъ).

Ты плачешь?

САЛЬЕРИ.

Эти слезы

Впервые лью: и больно, и пріятно,
Какъ будто тяжкій совершилъ я долгъ,

Какъ будто ножъ цѣлебный мнѣ отсѣкъ
 Страдавшій членъ! Другъ, Моцартъ, эти слезы....
 Не замѣчай ихъ. Продолжай, спѣши
 Еще наполнить звуками мнѣ душу....

МОЦАРТЪ,

Когда бы всѣ такъ чувствовали силу
 Гармоніи! Но нѣтъ: тогда бъ не могъ
 И міръ существовать; никто бъ не сталъ
 Заботиться о нуждахъ низкой жизни —
 Всѣ предались бы вольному искусству!
 Намъ мало избранныхъ, счастливыхъ праздныхъ,
 Пренебрегающихъ презрѣнной пользой,
 Единаго прекраснаго жрецовъ,
 Не правда ль? Но я нынче нездоровъ:
 Мнѣ что-то тяжело; пойду, засну.
 Прощай же.

САЛЬЕРИ.

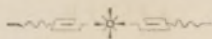
До свиданья.

(Одинъ).

Ты заснешь

Надолго, Моцартъ! Но ужель онъ правъ,
 И я не гений? Гений и злодѣйство
 Двѣ вещи несовмѣстныя? Не правда:
 А Бонаротти?*... Или это сказка
 Тупой, бессмысленной толпы — п не былъ
 Убийцею создатель Вагикана!

*) Знаменитый итальянскій художникъ, который будто бы отравилъ изъ зависти Рафаэля.



3. Каменный гость.

Leporello. O statua gentilissima
Del gran Commendatore!..
Ah, Padroni!..
Don Giovanni.

СЦЕНА I.

ночь. кладбище близъ мадрита.

донъ-жуанъ и лепорелло.

донъ-жуанъ.

Дождемся ночи здѣсь. Уфъ! наконецъ
Достигли мы воротъ Мадрита. Скоро
Я полечу по улицамъ знакомымъ,
Усы плащемъ закрывъ, а брови шляпой.
Какъ думаешь: узнать меня нельзя?

лепорелло.

Да, Донъ-Жуана мудрено признать!
Такихъ, какъ онъ, такая бездна!

донъ-жуанъ.

Шутишь?

Да кто жъ меня узнаетъ?

лепорелло.

Первый сторожъ,
Гитаа*, или пьяный музыкантъ,
Иль свой же братъ, нахальный кавалеръ,
Въ плащѣ, со шпагою подъ мышкой, въ маскѣ.

донъ-жуанъ.

Что за бѣда, хоть и узнаютъ! Только бы
Не встрѣтился мнѣ самъ король, а впрочемъ
Я никого въ Мадритѣ не боюсь.

* Испанское названіе цыганки.

ЛЕПОРЕЛЛО.

А завтра же до короля дойдетъ,
 Что Донъ-Жуанъ изъ ссылки самовольно
 Въ Мадритъ явился — что тогда, скажите,
 Онъ съ вами сдѣлаетъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Пошлетъ назадъ.

Ужъ вѣрно головы мнѣ не отрубятъ:
 Вѣдь я не государственный преступникъ!
 Меня онъ удалилъ, меня жъ любя.
 Чтобы оставила въ покоѣ
 Семья убитаго.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Ну, то-то же!

Сидѣли бъ вы себѣ спокойно тамъ!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Слуга покорный! Я едва-едва
 Не умеръ тамъ со скуки. Что за люди!
 Что за земля! А небо?... точно дымъ;
 А женщины?... Да я не промѣняю,
 Вотъ видишь ли, мой Лепорелло,
 Послѣдней въ Андалузiи крестьянки
 На первыхъ тамошнихъ красавицъ — право.
 Онъ сначала нравились мнѣ
 Глазами синими, да бѣлизною,
 Да скромностью — а пуще новизною;
 Да, слава Богу, скоро догадался:
 Увидѣлъ я, что съ ними грѣхъ и знаться.
 Въ нихъ жизни нѣтъ — все куклы восковые....
 А наши!... Но послушай, это мѣсто
 Знакомо намъ; узналъ ли ты его?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Какъ не узнать? Антоньевъ монастырь
 Мнѣ памятенъ. Ызжали вы сюда,
 А лошадей держалъ я въ этой рошѣ:

Проклятая, признаться, должность! Вы
Пріятнѣе здѣсь время проводили,
Чѣмъ я, повѣрьте!

ДОНЪ-ЖУАНЪ (задумчиво).

Бѣдная Инеза!
Ея ужъ нѣтъ! Какъ я любилъ ее!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Инезу — черноглазую... о, помню!
Три мѣсяца ухаживали вы
За ней, насилу-то помогъ лукавый.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Въ іюлѣ.... ночью. Чудную пріятность
Я находилъ въ ея печальномъ взорѣ
И помертвѣлыхъ губкахъ. Это странно.
Ты, кажется, ее не находилъ
Красавицей. И точно — мало было
Въ ней истинно-прекраснаго. Глаза,
Одни глаза, да взглядъ.... такого взгляда
Ужъ никогда не встрѣчалъ! А голосъ
У ней былъ тихъ и слабъ, какъ у больной....
А мужъ ея былъ негодяй суровый —
Узналъ я поздно.... Бѣдная Инеза!...

ЛЕПОРЕЛЛО.

Что жъ? Вслѣдъ за ней другія были.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Правда.

ЛЕПОРЕЛЛО.

А живы будемъ, будутъ и другія.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

И то.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Теперь которую въ Мадритѣ
Отыскивать мы будемъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

О, Лауру!

Я прямо къ ней бѣгу явиться.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Дѣло.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Къ ней прямо въ дверь; а если кто-нибудь
Ужъ у нея, прошу въ окно прыгнуть.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Конечно. Ну, развеселились мы.

Недолго насъ покойницы тревожать.

Кто къ намъ идетъ?

(Входитъ монахъ).

МОНАХЪ.

Сейчасъ она пріѣдетъ

Сюда. Кто здѣсь? Не люди ль Доны-Анны?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Нѣтъ, сами по себѣ мы господа.

Мы здѣсь гуляемъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

А кого вы ждете?

МОНАХЪ.

Сейчасъ должна пріѣхать Дона-Анна

На мужнину гробницу.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Дона-Анна

Де Сольва? Какъ? Супруга командора,

Убитаго.... не помню кѣмъ.

МОНАХЪ.

Развратнымъ,

Безсовѣстнымъ, безбожнымъ Донъ-Жуаномъ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Ого! вотъ какъ! Молва о Донъ-Жуанѣ

И въ мирный монастырь проникла даже:
Отшельникъ хвалы ему поютъ.

МОНАХЪ.

Онъ вамъ знакомъ, быть можетъ?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Намъ? Нимало.

А гдѣ-то онъ теперь?

МОНАХЪ.

Его здѣсь нѣтъ.

Онъ въ ссылкѣ, далеко.

ЛЕПОРЕЛЛО.

И слава Богу!

Чѣмъ далѣе, тѣмъ лучше. Всѣхъ бы ихъ,
Развратниковъ, въ одинъ мѣшокъ да въ море.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что, что ты врешь?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Молчите: я нарочно....

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Такъ здѣсь похоронили командора?

МОНАХЪ.

Здѣсь. Памятникъ жена ему воздвигла,
И пріѣзжаетъ каждый день сюда
За упокой души его молиться
И плакать.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что за странная вдова!

Не даромъ же покойникъ былъ ревнивъ;
Онъ Дону-Анну въ-заперти держалъ:
Никто изъ насъ не видывалъ ея.
И не дурна?

МОНАХЪ.

Мы красотою женской,
Отшельники, прельщаться не должны;

Но лгать грѣшно: не можетъ и угодникъ
Въ ея красѣ чудесной не сознаться.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я съ нею бы хотѣлъ поговорить.

МОНАХЪ.

О, Дона-Анна никогда съ мужчиной
Не говоритъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

А съ вами, мой отецъ?

МОНАХЪ.

Со мной ипое дѣло — я монахъ.

Да вотъ она.

(Входитъ Дона-Анна).

ДОНА-АННА.

Отецъ мой, отойдите.

МОНАХЪ.

Сейчасъ сеньора; я васъ ожидалъ.

(Дона-Анна идетъ за монахомъ).

ЛЕПОРЕЛЛО.

Что, какова?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ея совѣтъ не видно

Подъ этимъ вдовьимъ чернымъ покрываломъ;

Чуть узенькую пятку я замѣтилъ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Довольно съ васъ. У васъ воображенъе

Въ минуту дорисуетъ остальное;

Оно у васъ проворнѣй живописца.

Вамъ все равно, съ чего бы ни начать —

Съ бровей ли, съ ногъ ли.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Слушай, Лепорелло,

Я съ нею познакомлюсь.

ЛЕПОРЕЛЛО (про-себя).

Вотъ еще!

Куда какъ нужно! Мужа повалилъ,
Да хочетъ поглядѣть на вдовьи слезы.
Безсовѣстный!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Однако ужъ и смерклось.

Пока луна надъ нами не взошла
И въ свѣтлый сумракъ тьмы не обратила,
Войдемъ въ Мадритъ.

ЛЕПОРЕЛЛО (про-себя).

Испанскій грандъ, какъ воръ,
Ждетъ ночи — и луны боится, Боже!
Проклятое житъе! Да долго ль будетъ
Мнѣ съ нимъ возиться! Право, силъ ужъ нѣтъ!

СЦЕНА II.

КОМНАТА, УЖИНЪ У ЛАУРЫ.

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

Клянусь тебѣ, Лаура, никогда
Съ такимъ ты совершенствомъ не играла!
Какъ роль свою ты вѣрно поняла!

ВТОРОЙ.

Какъ развила ее! съ какою сплой!

ТРЕТІЙ.

Съ какимъ искусствомъ!

ЛАУРА.

Да, мнѣ удавалось
Сегодня каждое движенъе, слово.
Я вольно предавалась вдохновенью.
Слова лились, какъ будто ихъ рождала
Не память робкая, но сердце....

ПЕРВЫЙ.

Правда.

Да и теперь глаза твои блестятъ
И щеки разгорѣлись — не проходитъ
Въ тебѣ восторгъ. Лаура, не давай
Остыть ему бесплодно: спой, Лаура,
Спой что нибудь!

ЛАУРА.

Подайте мнѣ гитару.

(Поетъ).

Я здѣсь, Инезилья,
Стою подъ окномъ!
Объята Севилья
И мракомъ и сномъ!
Исполненъ отвагой,
Окутанъ плащемъ,
Съ гитарой и шнагой
Я здѣсь подъ окномъ!

Ты спишь ли? Гитарой
Тебя разбужу.
Проснется ли старый —
Мечемъ уложу.

Шелковыя петли
Къ окошку привѣсь....
Чтожъ медлишь?... Ужъ нѣтъ ли
Соперника здѣсь?

Я здѣсь, Инезилья,
Стою подъ окномъ!
Объята Севилья
И мракомъ и сномъ!

О, bravo! bravo! чудно! безподобно!

ПЕРВЫЙ.

Благодаримъ, волшебница! Ты сердце
Чаруешь намъ. Изъ наслажденій жизни
Одной любви музыка уступаетъ;

Но и любовь мелодія... Взгляни:
Самъ Карлосъ тронуть, твой угрюмый гость!

ВТОРОЙ.

Какіе звуки! сколько въ нихъ души!
А чьи слова, Лаура?

ЛАУРА

Донъ-Жуана.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Что? Донъ-Жуанъ!

ЛАУРА.

Ихъ сочинилъ когда-то
Мой вѣрный другъ, мой вѣтренный любовникъ.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Твой Донъ-Жуанъ — безбожникъ и мерзавецъ;
А ты, дура.

ЛАУРА.

Ты съ ума сошелъ!
Да я сейчасъ велю тебя зарѣзать
Моимъ слугамъ, хоть ты испанскій грандъ.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ (встаетъ).

Зови же ихъ.

ПЕРВЫЙ.

Лаура, перестань!
Донъ-Карлосъ, не сердись. Она забыла....

ЛАУРА.

Что?... Что Жуанъ на поединкѣ честно
Убилъ его роднаго брата? Правда, жаль,
Что не его.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Я глупъ, что осердился.

ЛАУРА.

Ага! самъ сознаешься, что ты глупъ —
Такъ помиримся.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Виновать, Лаура!

Прости меня. Но знаешь: не могу
Я слышать это имя равнодушно....

ЛАУРА.

А виновата ль я, что поминутно
Мнѣ на языкъ приходятъ это имя?

ГОСТЬ.

Ну, въ знакъ, что ты совсѣмъ уже не сердита,
Лаура, спой еще!

ЛАУРА.

Да, на прощанье.

Пора — ужъ ночь. Но что же я спою?
А слушайте.

(Поетъ).

Ночной зефиръ,
Струить эфиръ,
Шумить,
Бѣжить
Гвадалквивиръ.

Вотъ взошла луна золотая,
Тише!... чу.... гитары звонъ;
Вотъ испанка молодая
Оперлася на балконъ.

Ночной зефиръ
Струить эфиръ,
Шумить,
бѣжить
Гвадалквивиръ.

Скинь мантилью, ангелъ милый,
И явись, какъ яркій день!
Сквозь чугунныя перилы
Нежку дивную продѣнь!

Ночной зефиръ
Струить ээпръ,
Шумить,
Бѣжить
Гвадалквивиръ.

в с ѣ.

Прелестно, неподобно!

ЛАУРА.

Прощайте-жъ, господа.

ГОСТИ.

Прощай, Лаура.

(Выходить, Лаура останавливаетъ Донъ-Карлоса.)

ЛАУРА.

Ты, бѣшенный, останься у меня.
Ты мнѣ понравился; ты Донъ-Жуана
Напомнилъ мнѣ, какъ выбрали меня
И стиснуть зубы съ скрежетомъ.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Счастливецъ!

Такъ ты его любила?

(Лаура дѣлаетъ утвердительный знакъ).

Очень?

ЛАУРА.

Очень.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

И любяшь и теперь?

ЛАУРА.

Въ сію минуту

Нѣтъ, не люблю. Мнѣ двухъ любить нельзя.
Теперь люблю тебя.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Скажи, Лаура,

Который годъ тебѣ?

ЛАУРА.

Осьмнадцать лѣтъ.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Ты молода..... и будешь молода
 Еще лѣтъ пять или шесть. Вокругъ тебя
 Еще лѣтъ шесть они толнятся будутъ,
 Тебя ласкать, лелѣять и дарить,
 И серенадами ночными тѣшить,
 И за тебя другъ друга убивать
 На перекресткахъ ночью. Но когда
 Пора пройдетъ, когда твои глаза
 Впадутъ, и вѣки, сморщась, почернѣютъ,
 И сѣдина въ косѣ твоей мелькнетъ,
 И будутъ называть тебя старухой,
 Тогда — что скажешь ты?

ЛАУРА.

Тогда.... Зачѣмъ

Объ этомъ думать? Что за разговоръ?
 Или у тебя всегда такія мысли?
 Приди — открой балконъ. Какъ небо тихо!
 Недвижимъ теплый воздухъ; ночь лимонномъ
 И лавромъ пахнетъ; яркая луна
 Блеститъ на синевѣ густой и темной,
 И сторожа кричатъ протяжно, ясно!...
 А далеко, на сѣверѣ — въ Парижѣ —
 Быть можетъ, небо тучами покрыто,
 Холодный дождь идетъ и вѣтеръ дуетъ.
 А намъ какое дѣло? Слушай, Карлосъ:
 Я требую, чтобъ улыбнулся ты.
 Ну! то-то жъ!

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Милый демонъ!

(Стучать).

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Гей, Лаура!

ЛАУРА.

Кто тамъ? Чей это голосъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Огопри....

ЛАУРА.

Ужели!... Боже!...

(Отпираетъ двери, входитъ Донъ-Жуанъ).

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Здравствуй....

ЛАУРА.

Донъ-Жуанъ!...

(Лаура кидается ему на шею).

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Какъ! Донъ-Жуанъ!...

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Лаура, милый другъ!...

(Цѣлуетъ ее).

Кто у тебя, моя Лаура?

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Я, —

Донъ-Карлосъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Вотъ нечаянная встрѣча!

Я завтра весь къ твоимъ услугамъ....

ДОНЪ-КАРЛОСЪ

Нѣтъ!

Теперь — сейчасъ.

ЛАУРА.

Донъ-Карлосъ, перестаньте!

Вы не на улицѣ — вы у меня —

Извольте выйти вонъ.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ. (ее не слушая).

Я жду. Ну, что-жь?

Вѣдь ты при шпагѣ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ежели тебѣ

Не терпится, изволь.

(Бьются).

ЛАУРА.

Ай, ай! Жуанъ!...

(Кидается на постель. Донъ-Карлосъ падаетъ).

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Вставай, Лаура, кончено.

ЛАУРА.

Что тамъ?

Убить? Прекрасно! въ комнатѣ моей!

Что дѣлать мнѣ теперь, повѣса, дьяволъ?

Куда я выброшу его?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Быть можетъ,

Онъ живъ еще.

(Осматриваетъ тѣло).

ЛАУРА.

Да, живъ! Гляди, проклятый!

Ты прямо въ сердце ткнулъ — небось, не мимо.

И кровь неидетъ изъ треугольной ранки.

А ужъ не дышетъ — каково?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что дѣлать?

Онъ самъ того хотѣлъ.

ЛАУРА.

Эхъ, Донъ-Жуанъ,

Досадно, право. Вѣчныя проказы!...

А все не виновать... Откуда ты?

Давно ли здѣсь?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я только что прѣхалъ

И то тихонько — я вѣдь не прощень.

ЛАУРА.

И вспомнилъ тотчасъ о своей Лаурѣ?
 Что хорошо, то хорошо. Да полно,
 Не вѣрю я. Ты мимо шелъ случайно,
 И домъ увидѣлъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Нѣтъ, моя Лаура,
 Спроси у Лепорелло. Я стою
 За городомъ, въ проклятой вентѣ *. Я Лауры
 Пришелъ искать въ Мадритѣ.

(Цѣлуетъ ее).

ЛАУРА.

Другъ ты мой!....
 Постой.... при мертвомъ!.. Что намъ дѣлать съ нимъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Оставь его — передъ разсвѣтомъ, рано,
 Я вынесу его подъ епанчею
 И положу на перекресткѣ.

ЛАУРА.

Только

Смотри, чтобъ не увидѣлъ тебя.
 Какъ хорошо ты сдѣлалъ, что явился
 Одной минутой позже! У меня
 Твои друзья здѣсь ужинали. Только
 Что вышли вонъ. Когда бъ ты ихъ засталъ!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Лаура, и давно его ты любишь?

ЛАУРА.

Кого? Ты бредишь.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Нѣтъ. А сколько разъ,
 Скажи, ты мнѣ успѣла измѣнить
 Въ моемъ отсутствіи?

*) Вента — испанская гостиница.

ЛАУРА.

А ты, повѣса?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Скажи жь.... Нѣтъ, послѣ переговоримъ!...

СЦЕНА III.

ПАМЯТНИКЪ КОМАНДОРА.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Все къ лучшему: нечаянно убивъ
Донъ-Карлоса, отшельникомъ смиреннымъ
Я скрылся здѣсь — и вижу каждый день
Мою прелестную вдову, п е ю,
Мнѣ кажется, замѣченъ. До сихъ поръ
Чинились мы другъ съ другомъ, но сегодня
Пушуся въ разговоры съ ней; пора!
Съ чего начну? «Осмѣлюсь»... пп нѣтъ:
«Сеньора»... ба! что въ голову придетъ,
То и скажу, безъ предуготовленья,
Импровизаторомъ любовной пѣсни...
Пора бъ ужъ ей пріѣхать. Безъ нея,
Я думаю, скучаетъ командоръ.
Какимъ онъ здѣсь представленъ исполиномъ!
Какія плечи! что за Геркулесъ!
А самъ, покойникъ, малъ былъ и щедушень:
Здѣсь, ставъ на-цыпочки, не могъ бы руку
До своего онъ носу дотянуть.
Когда за Эскурьяломъ* мы сошлись,
Наткнулся мнѣ на шпагу онъ и замеръ,
Какъ на булавокѣ стрекоза: а былъ
Онъ гордъ и смѣлъ, и духъ имѣлъ суровый...
А! вотъ она.

(Входитъ Дона-Анна).

* Знаменитый монастырь близъ Мадрита.

ДОНА-АННА.

Опять онъ здѣсь. Отецъ мой,
Я развлекла васъ въ вашихъ помышленьяхъ —
Простите.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я просить прощенья долженъ
У васъ, сеньора. Можетъ, я мѣшаю
Печали вашей вольно изливаться.

ДОНА-АННА.

Нѣтъ, мой отецъ: печаль моя во мнѣ.
При васъ мои моленья могутъ къ небу
Смиренно возноситься. Я прошу
И васъ свой голосъ къ нимъ соединить.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Мнѣ, мнѣ молиться съ вами, Дона-Анна!
Я не достоинъ участи такой,
Я не дерзну порочными устами
Мольбу святую вашу повторять;
Я только пздали съ благоговѣньемъ
Смотрю на васъ, когда, склонившись тихо,
Вы кудри черныя на мраморъ блѣдный
Разсыплете — и мнится мнѣ, что тайно
Гробницу эту ангелъ посѣтилъ.
Въ смущенномъ сердцѣ я не обрѣтаю
Тогда молений. Я дивлюсь безмолвно
И думаю: счастливъ, чей хладный мраморъ
Согрѣтъ ея дыханіемъ небеснымъ
И окропленъ любви ея слезами.

ДОНА-АННА.

Какія рѣчи странныя!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Сеньора?

ДОНА-АННА.

Мнѣ.... вы забыли....

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что? Что недостойный
Отшельникъ я? Что грѣшный голосъ мой
Не долженъ здѣсь такъ громко раздаваться?

ДОНА-АННА.

Мнѣ показалось.... Я не поняла....

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ахъ, вижу я: вы все, вы все узнали!

ДОНА-АННА.

Что я узнала?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Такъ, я не монахъ....
У вашихъ ногъ прощенья умолю.

ДОНА-АННА.

О, Боже! встаньте, встаньте!... Кто же вы?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Несчастный, жертва страсти безнадёжной!

ДОНА-АННА.

О, Боже мой! п здѣсь, при этомъ гробѣ?
Подите прочь!...

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Минуту, Дона-Анна!

Одну минуту!

ДОНА-АННА.

Если кто взойдетъ!...

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Рѣшетка заперта. Одну минуту!

ДОНА-АННА.

Ну? что? чего вы требуете?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Смерти!

О, пусть умру сейчасъ у вашихъ ногъ,
Пусть бѣдный прахъ мой здѣсь же похоронятъ,

Не подлѣ праха, милого для васъ,
 Не тутъ — не близко — далѣ гдѣ нибудь,
 Тамъ — у дверей — у самаго порога,
 Чтобъ камня моего могли коснуться
 Вы легкою ногой или одеждой,
 Когда сюда, на этотъ гордый гробъ,
 Пройдете кудри наклонить и плакать.

ДОНА-АННА.

Вы не въ своемъ умѣ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Или желать

Кончины, Дона-Анна, знакъ безумства?
 Когда-бъ я былъ безумецъ, я бъ хотѣлъ
 Въ живыхъ остаться, я бъ имѣлъ надежду
 Любовью нѣжной тронуть ваше сердце;
 Когда-бъ я былъ безумецъ, я бы ночи
 Сталъ провождать у вашего балкона,
 Тревожа серенадами вашъ сонъ;
 Не сталъ бы я скрываться — я, напротивъ,
 Старался-бъ быть вездѣ замѣченъ вами;
 Когда-бъ я былъ безумецъ, я бъ не сталъ
 Страдать въ безмолвіи....

ДОНА-АННА.

Такъ это вы,

Молчите!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Случай, Дона-Анна, случай
 Увлекъ меня. Не то, вы-бъ никогда
 Моей печальной тайны не узнали....

ДОНА-АННА.

И любите давно ужъ вы меня?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Давно или недавно, самъ не знаю,
 Но съ той поры лишь только знаю цѣну
 Мгновенной жизни, только съ той поры
 И понялъ я, что значитъ слово счастье.

ДОНА-АННА.

Подите прочь — вы человѣкъ опасный.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Опасный! чѣмъ?

ДОНА-АННА.

Я слушать васъ боюсь.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я замолчу; лишь не гоните прочь
Того, кому вашъ видъ одна отрада.
Я не питаю дерзостныхъ надеждъ,
Я ничего не требую, но видѣть
Васъ долженъ я, когда уже на жпзнѣ
Я осужденъ.

ДОНА-АННА.

Подите — здѣсь не мѣсто
Такимъ рѣчамъ, такимъ безумствамъ.... Завтра
Ко мнѣ придите; если вы клянетесь
Хранить ко мнѣ такое жъ уваженъе,
Я васъ приму — но вечеромъ поздите...
Я никого не вижу съ той поры,
Какъ овдовѣла....

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ангель, Дона-Анна!

Утѣшь васъ Богъ, какъ сами вы сегодня
Утѣшили несчастнаго страдальца!

ДОНА-АННА.

Подите прочь!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Еще одну минуту.

ДОНА-АННА.

Нѣтъ, видно мнѣ уйти.... Къ тому жъ моленъе
Мнѣ въ умъ нейдетъ. Вы развлекли меня
Рѣчами свѣтскими; отъ нихъ ужъ ухо

Мое давно, давно отвыкло.— Завтра
Я васъ приму....

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Еще не смѣю вѣрять,
Не смѣю счастью моему предаться!...
Я завтра васъ увижу!... И не здѣсь,
И не украдкою!

ДОНА-АННА.

Да, завтра, завтра.
Какъ васъ зовутъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Діего де Кальвида.

ДОНА-АННА.

Прощайте, Донъ-Діего.

(Уходитъ).

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Лепорелло!

(Лепорелло входитъ).

ЛЕПОРЕЛЛО.

Что вамъ угодно?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Милый Лепорелло!

Я счастливъ! — «Завтра — вечеромъ позднѣе»...
Мой Лепорелло, завтра!... приготовь!...
Я счастливъ какъ ребенокъ!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Съ Доной-Анной

Вы говорили? Можетъ быть, она
Сказала вамъ два ласковыя слова,
Или ее благословили вы.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Нѣтъ, Лепорелло, нѣтъ! Она свиданье,
Свиданье мнѣ назначила!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Неужто?

О, вдовы! всё вы таковы.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я счастливъ!

И пѣть готовъ, я радъ весь міръ обнять!

ЛЕПОРЕЛЛО.

А командоръ? Что скажетъ онъ объ этомъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ты думаешь, онъ станетъ ревновать?

Ужъ вѣрно нѣтъ: онъ человѣкъ разумный,

И, вѣрно, присмирѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ умеръ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Нѣтъ, посмотрите на его статую.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что жъ?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Кажется, на васъ она глядитъ

И сердится.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ступай же, Лепорелло,

Проси ее пожаловать ко мнѣ —

Нѣтъ, не ко мнѣ — а къ Донѣ-Аннѣ, завтра.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Статую въ гости звать! Зачѣмъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ужъ вѣрно

Не для того, чтобъ съ нею говорить.

Проси статую завтра къ Донѣ-Аннѣ

Придти попозже вечеромъ и стать

У двери на часахъ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Охота вамъ

Шутить, и съ кѣмъ!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ступай же!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Но....

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Ступай!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Преславная, прекрасная статуя!
Мой баринъ, Донъ-Жуанъ, покорно просить
Пожаловать.... Ей-Богу, не могу:
Мнѣ страшно.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Трусъ! вотъ я тебя!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Позвольте.

Мой баринъ, Донъ-Жуанъ, васъ проситъ завтра
Прийти попозже въ домъ супруги вашей
И стать у двери....

(Статуя киваетъ головой въ знакъ согласія).

Ай!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что тамъ?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Ай, ай!...

Ай, ай!... умру!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что сдѣлалось съ тобою?

ЛЕПОРЕЛЛО (кивая головой).

Статуя.... ай!...

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ты кланяешься?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Нѣтъ,

Не я — она!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Какой ты вздоръ несешь?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Подите сами.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ну, смотри жъ, бездѣльникъ!

(Статуѣ). Я, командоръ, прошу тебя придти

Къ твоей вдовѣ, гдѣ завтра буду я,

И стать у двери на часахъ. Что? будешь?

(Статуя киваетъ опять).

О Боже!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Что? я говорилъ...

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Уйдемъ.

СЦЕНА IV.

(КОМНАТА ДОНЪ-АННЫ).

ДОНЪ-ЖУАНЪ И ДОНА-АННА.

ДОНА-АННА.

Я приняла васъ, Донъ-Діего — только

Боюсь, моя печальная бесѣда

Скучна вамъ будетъ. Бѣдная вдова,

Все помню я свою потерю: слезы

Съ улыбкою мѣшаю, какъ апрѣль.

Что жъ вы молчите?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Наслаждаюсь молча,

Глубоко — мысля быть наединѣ



Съ прелестной Доной-Анной, здѣсь — не тамъ,
 Не при гробницѣ мертваго счастливца —
 И вижу васъ уже не на колѣнахъ
 Предъ мраморнымъ супругомъ

ДОНА-АННА.

Донъ-Диего,
 Такъ вы ревнивы! Мужъ мой и во гробѣ
 Васъ мучить.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я не долженъ ревновать:
 Онъ вами выбранъ былъ.

ДОНА-АННА.

Нѣтъ; мать моя
 Велѣла мнѣ дать руку Донъ-Альвару.
 Мы были бѣдны. Донъ-Альваръ богатъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Счастливецъ! Онъ сокровища пустыя
 Принесъ къ ногамъ богини: вотъ за что
 Вкусилъ онъ райское блаженство! Если бъ
 Я прежде васъ узналъ — съ какимъ восторгомъ
 Мой санъ, мои богатства, все бы отдалъ,
 Все, за единый благосклонный взглядъ!
 Я былъ бы рабъ священной вашей воли!
 Всѣ ваши прихоти я бъ изучалъ,
 Чтобъ ихъ предупреждать, чтобъ ваша жизнь
 Была однимъ волшебствомъ непрерывнымъ!
 Увы, судьба судила мнѣ иное!

ДОНА-АННА.

Диего, перестаньте! Я грѣшу,
 Васъ слушая — мнѣ васъ любить нельзя:
 Вдова должна и гробу быть вѣрна.
 Когда бы знали вы, какъ Донъ-Альваръ
 Меня любилъ! О, Донъ-Альваръ ужъ вѣрно
 Не принялъ бы къ себѣ влюбленной дамы,

Когда бъ онъ овдовѣлъ; онъ былъ бы вѣренъ
Супружеской любви.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Не мучьте сердца
Мнѣ, Дона-Анна, вѣчнымъ поминаньемъ
Супруга. Полно вамъ меня казнить,
Хоть казнѣ и заслужилъ, быть можетъ.

ДОНА-АННА.

Чѣмъ-же?

Вы узамъ не связаны святыми
Ни съ кѣмъ — не правда ль? Полюбивъ меня,
Вы предо мной и предъ небомъ правы.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Предъ вами! Боже!

ДОНА-АННА.

Развѣ вы виновны
Передо мной? Скажите, въ чемъ же?...Ну!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Нѣтъ, никогда —

ДОНА-АННА.

Діего, что такое?
Вы предо мной неправы? Въ чемъ, скажите?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Нѣтъ, ни за что!

ДОНА-АННА.

Діего, это странно!
И васъ прошу, я требую....

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Нѣтъ, нѣтъ!

ДОНА-АННА.

А! такъ-то вы моей послушны волѣ!
А что сейчасъ вы говорили мнѣ?

Что вы бѣ рабомъ мопмъ желали быть.
Я разсержусь, Діего: отвѣчайте,
Въ чемъ предо мной виновны вы?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Не смѣю:

Вы ненавпдѣть станете меня.

ДОНА-АННА.

Нѣтъ, нѣтъ! Я васъ заранѣе прощаю,
Но знать хочу я.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Не желайте звать

Ужасную, убійственную тайну.

ДОНА-АННА.

Ужасную!... Вы мучите меня:

Я страхъ какъ любопытна — что такое?

И какъ меня могли вы оскорбить?

Я васъ не знала. У меня враговъ

И нѣтъ, и не было. Убійца мужа

Одинъ и есть.

ДОНЪ-ЖУАНЪ (про себя).

Идетъ къ развязкѣ дѣло!

Скажите мнѣ: несчастный Донъ-Жуанъ

Вамъ не знакомъ?

ДОНА-АННА.

Нѣтъ, огъ роду его

Я не видала.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Вы въ душѣ къ нему

Питаете вражду?

ДОНА-АННА.

По долгу чести.

Но вы отвлечь стараетесь меня

Отъ моего вопроса, Донъ-Діего —

Я требую....

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что, если бь Донъ-Жуана
Вы встрѣтили?

ДОНА-АННА.

Тогда бы я злодѣю
Кинжалъ вонзила въ сердце.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Дона-Анна,
Гдѣ твой кинжалъ? — Вотъ грудь моя.

ДОНА-АННА.

Діего!

Что вы?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я не Діего — я Жуанъ.

ДОНА-АННА.

О Боже! нѣтъ, не можетъ быть, не вѣрю....

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я Донъ-Жуанъ.

ДОНА-АННА.

Не правда.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я убилъ

Супруга твоего; и не жалѣю
О томъ — и нѣтъ раскаянья во мнѣ.

ДОНА-АННА.

Что слышу я? Нѣтъ, нѣтъ, не можетъ быть.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я Донъ-Жуанъ, и я тебя люблю.

ДОНА-АННА (падая).

Гдѣ я?... Гдѣ я?... Мнѣ дурно, дурно!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Небо!

Что съ нею? Что съ тобою, Дона-Анна?

Проснись, опомнись: твой Діего,
Твой рабъ у ногъ твоихъ!

ДОНА-АННА.

Оставь меня.

(Слабо). Ты, ты мнѣ врагъ — ты отнялъ у меня
Все, все, что въ жизни....

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Милое созданье!

Я всѣмъ готовъ ударъ мой искупить;
У ногъ твоихъ жду только приказанья:
Вели — умру; вели — дышать я буду
Лишь для тебя....

ДОНА-АННА.

Такъ это Донъ-Жуанъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Не правда ли, онъ былъ описанъ вамъ
Злодѣемъ, извергомъ?

О, Дона-Анна!

Молва, быть можетъ, не совѣмъ неправа;
На совѣсти усталой много зла,
Быть можетъ, тяготѣть; но съ тѣхъ поръ,
Какъ васъ увидѣлъ я, все измѣнилось:
Мнѣ кажется, я весь переродился!
Васъ полюбя, люблю я добродѣтель —
И въ первый разъ смѣнно передъ ней
Дрожащія колѣна преклоняю.

ДОНА-АННА.

О, Донъ-Жуанъ краснорѣчивъ — я знаю!
Слыхала я: онъ хитрый человѣкъ....
Вы, говорятъ, безбожный развратитель,
Вы сущій демонъ. Сколько бѣдныхъ женщинъ
Вы погубили?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ни одной донинѣ

Изъ нихъ я не любилъ.

ДОНА-АННА.

И я повѣрю,

Чтобъ Донъ-Жуанъ влюбился въ первый разъ,
Чтобъ не искалъ во мнѣ онъ жертвы новой!

донъ-жуанъ.

Когда бъ и васъ обманывать хотѣлъ,
Признался ль я, сказалъ бы и то имя,
Котораго не можете вы слышать?
Гдѣ жъ видны тутъ обдуманность, коварство?

дона-анна.

Кто знаетъ васъ? Но какъ могли придти
Сюда вы, здѣсь узнать могли бы васъ —
И ваша смерть была бы неизбѣжна.

донъ-жуанъ.

Что значить смерть? За сладкій мигъ свиданья
Безропотно отдамъ я жизнь.

дона-анна.

Но какъ же
Отсюда выйти вамъ, неосторожный?

донъ-жуанъ (цѣлуя ей руки).

И вы о жизни бѣднаго Жуана
Заботитесь! Такъ ненависти нѣтъ
Въ душѣ твоей небесной, Дона-Анна?

дона-анна.

Ахъ, если бъ васъ могла я ненавидѣть!
Однако жъ надобно разстаться намъ.

донъ-жуанъ.

Когда жъ опять увидимся?

дона-анна.

Не знаю,
Когда вибудь.

донъ-жуанъ.

А завтра?

дона-анна.

Гдѣ же?

донъ-жуанъ.

Здѣсь.

ДОНА-АННА.

О, Донъ-Жуанъ, какъ сердцемъ я слаба!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Въ залогъ прощанья мирный поцѣлуй...

ДОНА-АННА

Поди, пора.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Однѣвъ, холодный, мирный....

ДОНА-АННА.

Какой ты неотвязный! на, вотъ онъ....

(Стучать).

Что тамъ за стукъ?... О, скройся, Донъ-Жуанъ!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Прощай же, до свиданья, другъ мой милый.

(Уходитъ и вбѣгаетъ опять).

А!...

ДОНА-АННА.

Что съ тобой? А!...

(Входитъ статуя командора; Дона-Анна падаетъ).

СТАТУЯ.

Я на зовъ явился.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

О, Боже! Дона-Анна!

СТАТУЯ.

Брось ее.

Все кончено. Дрожишь ты, Донъ-Жуанъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я? нѣтъ!... Я звалъ тебя и радъ, что вижу.

СТАТУЯ.

Дай руку.

ДОНЪ - ЖУАНЪ.

Вотъ она.... О, тяжело
 Пожатъе каменной его деспоты!
 Оставь меня, пусти, пусти мнѣ руку!...
 Я гибну — кончено — о, Дона-Анна!...

(Проваливаются).

4. Борисъ Годуновъ.

КРЕМЛЕВСКІЯ ПАЛАТЫ.

(1598 года, 20 февраля).

КНЯЗЬЯ ШУЙСКІЙ И ВОРОТЫНСКІЙ.

ВОРОТЫНСКІЙ.

Наряжены мы вмѣстѣ городъ вѣдать,
 Но, кажется, намъ не за кѣмъ смотрѣть:
 Москва пуста; во слѣдъ за патріархомъ
 Къ монастырю пошелъ и весь народъ.
 Какъ думаешь, чѣмъ кончится тревога?

ШУЙСКІЙ.

Чѣмъ кончится? Узнать немудрено:
 Народъ еще повоюетъ, да поплачетъ,
 Борисъ еще поморщится немного,
 Что пьяница предъ чаркою вина,
 И, наконецъ, по милости своей
 Принять вѣнецъ смиренно согласится,
 А тамъ — а тамъ онъ будетъ нами править
 По прежнему.

ВОРОТЫНСКІЙ.

Но мѣсяцъ ужъ протекъ,
 Какъ, затворясь въ монастырѣ съ сестрою,

Онъ, кажется, покинулъ все мірское.
 Ни патріархъ, ни думные бояре
 Склонить его доселѣ не могли;
 Не внемлетъ онъ ни слезнымъ увѣщаньямъ,
 Ни ихъ мольбамъ, ни воплю всей Москвы,
 Ни голосу великаго собора.
 Его сестру напрасно умоляли
 Благословить Бориса на державу;
 Печальная монахиня-царица,
 Какъ онъ тверда, какъ онъ неумолима:
 Знать, самъ Борисъ сей духъ въ нее вселилъ.
 Что ежели правитель въ самомъ дѣлѣ
 Державными заботами наскучилъ
 И на престолъ безвластный не взойдетъ?
 Что скажешь ты?

шуйскій.

Скажу, что понапрасну
 Лилася кровь цѣревича-младенца;
 Что если такъ, Димитрій могъ бы жить.

воротынскій.

Ужасное злодѣйство! Полно, точно ль
 Цѣревича сгубилъ Борисъ?

шуйскій.

А кто же?

Кто подкупалъ напрасно Чепчугова?
 Кто подослалъ обоихъ Битяговскихъ
 Съ Качаловымъ? Я въ Угличъ посланъ былъ
 Изслѣдовать на мѣстѣ это дѣло:
 Наѣхалъ я на свѣжіе слѣды;
 Весь городъ былъ свидѣтель злодѣянья;
 Всѣ граждане согласно показали;
 И, возвратясь, я могъ единымъ словомъ
 Изобличить сокрытаго злодѣя.

ВОРОТЫНСКІЙ.

Зачѣмъ же ты его не уничтожилъ?

ШУЙСКІЙ.

Онъ, признаюсь, тогда меня смутилъ
Спокойствіемъ, безстыдностью неожиданой;
Онъ мнѣ въ глаза смотрѣлъ, какъ будто правый:
Разспрашивалъ, въ подробности входилъ —
И передъ нимъ я повторилъ нелѣпость,
Которую мнѣ самъ онъ нашепталъ.

ВОРОТЫНСКІЙ.

Нечисто, князь!

ШУЙСКІЙ.

А что мнѣ было дѣлать?

Все объявить Феодору? Но царь
На все глядѣлъ очами Годунова,
Всему внималъ ушами Годунова:
Пускай его бѣ увѣрилъ я во всемъ;
Борисъ тотчасъ его бы разуувѣрилъ,
А тамъ меня жѣ сослали бѣ въ заточенье,
Да въ добрый часъ, какъ дядю моего,
Въ глухой тюрьмѣ тихонько бѣ задавили.
Не хвастаюсь, а въ случаѣ, конечно,
Никая казнь меня не устрашитъ;
Я самъ не трусь, но также не глупецъ,
И въ петлю лѣзть не соглашуся даромъ.

ВОРОТЫНСКІЙ.

Ужасное злодѣйство! Слушай, вѣрно
Губителя раскаянье тревожитъ:
Конечно, кровь невиннаго младенца
Ему ступить мѣшаетъ на престолъ?

ШУЙСКІЙ.

Перешагнетъ; Борисъ не такъ-то робокъ!
Какая честь для насъ, для всей Руси!

Вчерашній рабъ, татаринъ, зять Малюты,
Зять палача и самъ въ душѣ палачъ,
Возьметъ вѣнецъ и бармы Мономаха....

ВОРОТЫНСКІЙ.

Такъ, родомъ онъ не знатенъ; мы знатнѣе.

ШУЙСКІЙ.

Да, кажется.

ВОРОТЫНСКІЙ

Вѣдь Шуйскій, Воротынскій....

Легко сказать, природные князья!

ШУЙСКІЙ.

Природные, и Рюриковой крови.

ВОРОТЫНСКІЙ.

А слушай, князь, вѣдь мы бѣ имѣли право
Наслѣдовать Феодору!

ШУЙСКІЙ.

Да, болѣ,

Чѣмъ Годуновъ.

ВОРОТЫНСКІЙ.

Вѣдь въ самомъ дѣлѣ!

ШУЙСКІЙ.

Что жъ?

Когда Борисъ хитрить не перестанетъ,
Давай народъ искусно волновать;
Пускай они оставятъ Годунова,
Своихъ князей у нихъ довольно; пусть
Себѣ въ цари любого изберутъ.

ВОРОТЫНСКІЙ.

Не мало насъ, наслѣдниковъ варяга,
Да трудно намъ тягаться съ Годуновымъ:

Народъ отвыкъ въ насъ видѣть древню отрасль
 Воинственныхъ властителей своихъ.
 Уже давно лишились мы удѣловъ,
 Давно царямъ подручниками служимъ,
 А онъ умѣлъ и страхомъ, и любовью,
 И славою народъ очаровать.

ШУЙСКІЙ (глядитъ въ окно).

Онъ смѣлъ, вотъ все — а мы... Но полно. Видишь,
 Народъ идетъ, разсыпавшись, назадъ —
 Пойдемъ скорѣй, узнаемъ, рѣшено ли.

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ.

НАРОДЪ.

ОДИНЪ.

Неумолимъ! Онъ отъ себя прогналъ
 Святителей, бояръ и патриарха.
 Они предъ нимъ напрасно пали ницъ;
 Его страшить сіяніе престола.

ДРУГОЙ.

О, Боже мой, кто будетъ нами править?
 О, горе намъ!

ТРЕТІЙ.

Да вотъ верховный дьякъ
 Выходитъ намъ сказать рѣшенье думы.

НАРОДЪ.

Молчать! молчать! Дьякъ думный говорить;
 Ш-ш — слушайте!

ЩЕЛКАЛОВЪ (съ Краснаго Крыльца).

Соборомъ положили
 Въ послѣдній разъ отвѣдать силу просьбы

Надъ скорбною правителя душой:
 Заутра вновь святѣйшій патріахъ,
 Въ Кремлѣ отпѣвъ торжественно молебень,
 Предшествуемъ хоругвями святыми,
 Съ иконами Владимірской, Донской,
 Воздвигется, а съ нимъ синклитъ, бояре,
 Да сонмъ дворянъ, да выборные люди,
 И весь народъ московскій православный,
 Мы всѣ пойдемъ молить царицу вновь,
 Да сжалится надъ сирогою Москвою
 И на вѣнецъ благословитъ Бориса.
 Идите же вы съ Богомъ по домамъ,
 Молитесь, да взыдетъ къ небесамъ
 Усердная молитва православныхъ!

(Народъ расходится).

ДѢВНИЧЬЕ ПОЛЕ.

НОВОДѢВНИЧІЙ МОНАСТЫРЬ. НАРОДЪ.

Одинъ.

Теперь они пошли къ царицѣ въ келью;
 Туда вошли Борисъ и пагіархъ
 Съ толпой бояръ.

Другой.

Что слышно?

Третій.

Все еще

Упрямятся; однако есть надежда

БАБА (съ ребенкомъ).

Агу! не плачь, не плачь! Вотъ бука, бука
 Тебя возьметъ! Агу, агу... не плачь.

Одинъ.

Нельзя ли намъ пробраться за ограду?

ДРУГОЙ.

Нельзя. Куды! п въ полѣ даже тѣсно.
Не только тамъ. Легко ли! Вся Москва
Сперлася здѣсь. Смотри: ограда, кровли,
Всѣ ярусъ соборной колокольной,
Главы церквей и самые кресты
Унизаны народомъ.

ПЕРВЫЙ.

Право, любо!

ОДИНЪ.

Что тамъ за шумъ?

ДРУГОЙ.

Послушай... что за шумъ?

Народъ завылъ: тамъ падаютъ, что волны
За рядомъ рядъ... еще... еще! Ну, братъ,
Дошло до насъ: скорѣе на колѣна!

НАРОДЪ (на колѣнахъ, вой и плачь).

Ахъ, смилуйся, отецъ нашъ! Властвуй нами!
Будь нашъ отецъ, нашъ царь!

ОДНЪ (тихо).

О чемъ тамъ плачутъ

ДРУГОЙ.

А какъ намъ знать? То вѣдаютъ бояре —
Не намъ чета.

БАБА (съ ребенкомъ).

Ну, что жъ? Какъ надо плакать,
Такъ и затихъ! Вотъ я тебя!... вотъ бука!
Плачь, баловень! (Ребенокъ плачетъ). Ну, то-то же!

ОДИНЪ.

Всѣ плачутъ —

Заплачемъ, братъ, и мы!

другой.

Да слезъ-то нѣтъ.

Что тамъ еще?

первый.

Да кто ихъ разберетъ!

народъ.

Вѣнецъ за пимъ! онъ царь! онъ согласился!...

Борисъ нашъ царь! да здравствуетъ Борисъ!

КРЕМЛЕВСКІЯ ПАЛАТЫ.

БОРИСЪ, ПАТІАРХЪ, БОЯРЕ.

БОРИСЪ.

Ты, отче патріархъ, вы всѣ, бояре!

Обнажена моя душа предъ вами:

Вы видѣли, что и приѣмлю власть

Великую со страхомъ и смиреніемъ.

Сколь тяжела обязанность моя!

Наслѣдую могучимъ Іоаннамъ —

Наслѣдую и ангелу-царю!...

О, праведникъ, о, мой отецъ державный!

Воззри съ небесъ на слезы вѣрныхъ слугъ

И ниспошли тому, кого любилъ ты,

Кого ты здѣсь столь дивно возвеличилъ,

Священное на власть благословеніе:

Да правлю я во славѣ свой народъ,

Да буду благу и праведенъ, какъ ты.

Отъ васъ я жду содѣйствія, бояре,

Служите мнѣ, какъ вы ему служили,

Когда труды и ваши раздѣлялъ,

Не избранный еще народной волей.

БОЯРЕ.

Не пзмѣнимъ присягъ, нами данной.

БОРИСЪ.

Теперь пойдѣмъ, поклонимся гробамъ
Почюющихъ властителей Россіи.

А тамъ — сзывать весь нашъ народъ на пиръ,
Всѣхъ, отъ вельможъ до нищаго слѣпца;
Всѣмъ вольный входъ, всѣ гости дорогіе.

(Уходитъ; за нимъ и бояре).

КНЯЗЬ ВОРОТЫНСКІЙ (останавливая Шуйскаго).

Ты угадалъ.

ШУЙСКІЙ.

А что?

ВОРОТЫНСКІЙ.

Да здѣсь, намедни,

Ты помнишь?

ШУЙСКІЙ.

Нѣтъ, не помню ничего.

ВОРОТЫНСКІЙ.

Когда народъ ходилъ въ Дѣвичье поле,
Ты говорилъ —

ШУЙСКІЙ.

Теперь не время помнить,
Совѣтую порой и забывать.

А впрочемъ, я злословіемъ притворнымъ
Тогда желалъ тебя лишь псытять,
Вѣрнѣй узнать твой тайный образъ мыслей;
Но вотъ — народъ привѣтствуетъ царя —
Отсутствіе мое замѣтить могутъ —
Иду за нимъ.

ВОРОТЫНСКІЙ.

Лукавый царедворецъ!

НОЧЬ. КЕЛІЯ ВЪ ЧУДОВОМЪ МОНАСТЫРѢ.

(1603 года).

ОТЕЦЪ ПИМЕНЪ, ГРИГОРІЙ (спящій).

П П М Е Н Ъ (пишетъ передъ лампадой).

Еще одно, послѣднее сказанье —
 И лѣтопись окончена моя,
 Исполненъ долгъ, завѣщанный отъ Бога
 Мнѣ, грѣшному. Недаромъ многихъ лѣтъ
 Свидѣтелемъ Господь меня поставилъ
 И книжному искусству вразумилъ:
 Когда нибудь монахъ трудолюбивый
 Найдеть мой трудъ усердный, безыменный;
 Засвѣтитъ онъ, какъ я, свою лампаду,
 И, пыль вѣковъ отъ хартій отряхнувъ,
 Правдивыя сказанья переписатьъ:
 Да вѣдаютъ потомки православныхъ
 Земли родной минувшую судьбу,
 Своихъ царей великихъ поминають
 За ихъ труды, за славу, за добро —
 А за грѣхи, за темныя дѣянья.
 Спасителя смиренно умоляютъ.

На старости я сызнова живу;
 Минувшее проходить предо мною....
 Давно ль оно неслось, событій полно,
 Волнуясь, какъ море-окіанъ?
 Теперь оно безмолвно и спокойно:
 Немного лицъ мнѣ память сохранила,
 Немного словъ доходить до меня,
 А прочее погребло невозвратно!...
 Но близокъ день, лампада догораетъ —
 Еще одно, послѣднее сказанье. (Пишетъ).

ГРИГОРІЙ (пробуждается).

Все тотъ же сонъ! Возможно ль? Въ третій разъ!
 Проклятый сонъ!.. А все передъ лампадой
 Старикъ сидитъ да пишетъ — и дремотой,
 Знать, во всю ночь онъ не смыкалъ очей.
 Какъ я люблю его спокойный видъ,
 Когда, душой въ минувшемъ погруженный,
 Онъ лѣтопись свою ведетъ; и часто
 Я угадать хотѣлъ, о чемъ онъ пишетъ:
 О темномъ ли владычествѣ татаръ?
 О казняхъ ли свирѣпыхъ Іоанна?
 О бурномъ ли новгородскомъ вѣчѣ?
 О славѣ ли отечества? Напрасно!
 Ни на челѣ высокомъ, ни во взорахъ
 Нельзя прочесть его сокрытыхъ думъ;
 Все тотъ же видъ смиренный, величавый...
 Такъ точно дыкъ, въ приказахъ посѣдѣлый,
 Спокойно зрѣтъ на правыхъ и виновныхъ,
 Добру и злу внимая равнодушно,
 Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва.

ПИМЕНЪ.

Проснулся, братъ?

ГРИГОРІЙ.

Благослови меня,

Честный отецъ!

ПИМЕНЪ.

Благослови, Господь,

Тебя и днесь, и присно, и во вѣки!

ГРИГОРІЙ.

Ты все писалъ и сномъ не позабылся,



А мой покой бѣсовское мечтанье
Тревожило, и врагъ меня мутилъ:
Мнѣ снилось, что лѣстница крутая
Меня вела на башню; съ высоты
Мнѣ видѣлась Москва, что муравейникъ;
Внизу народъ на площади кипѣлъ
И на меня указывалъ со смѣхомъ;
И стыдно мнѣ, и страшно становилось —
И, падая стремглавъ, я пробуждался....
И три раза мнѣ снился тотъ же сонъ.
Не чудно ли?

п и м е н ь.

Младая кровь играетъ;
Смирый себя молитвой и постомъ,
И сны твои видѣній легкихъ будутъ
Исполнены. Донынѣ — если я,
Невольною дремотой обезилень,
Не сотворю молитвы долгой къ ночи —
Мой старый сонъ не тихъ и не безгрѣшенъ;
Мнѣ чудятся то шумные пиры,
То ратный станъ, то схватки боевыя,
Безумныя потѣхи юныхъ лѣтъ!

г р и г о р і й.

Какъ весело провелъ свою ты младость!
Ты воевалъ подъ башнями Казани,
Ты рать Литвы при Шуйскомъ отражалъ,
Ты видѣлъ дворъ и роскошь Іоанна!
Счастливъ! а я отъ отроческихъ лѣтъ
По келіямъ скитаюсь, бѣдный пнокъ!
Зачѣмъ и мнѣ не тѣшиться въ бояхъ,
Не пировать за царскою трапезой?
Успѣлъ бы я, какъ ты, на старость лѣтъ
Отъ суеты, отъ міра отложиться,
Произнести монашества обѣтъ,
И въ тихую обитель затвориться.

П И М Е Н Ъ.

Не сѣтуй, братъ, что рано грѣшный свѣтъ
 Покинулъ ты, что мало искушеній
 Послалъ тебѣ Всевышній. Вѣрь ты мнѣ:
 Насъ издали плѣняютъ слава, роскошь
 И женская лукавая любовь.
 Я долго жилъ и многимъ наслаждался;
 Но съ той поры лишь вѣдаю блаженство,
 Какъ въ монастырь Господь меня привелъ.
 Подумай, сынъ, ты о царяхъ великихъ:
 Кто выше ихъ? Единый Богъ. Кто смѣетъ
 Противу нихъ? Никто. А что же? Часто
 Златой вѣнецъ тяжелъ имъ становился:
 Они его мѣняли на клобукъ.
 Царь Іоаннъ искалъ успокоенія
 Въ подобіи монашескихъ трудовъ.
 Его дворецъ, любимцевъ гордыхъ полный,
 Монастыря видъ новый принималъ:
 Кромѣшники въ тафьяхъ и власницахъ
 Послушными являлись чернецами,
 А грозный царь игумною богомольнымъ.
 Я видѣлъ здѣсь, вотъ въ этой самой кельѣ
 (Въ ней жилъ тогда Кприлъ многострадальный
 Мужъ праведный; тогда ужъ и меня
 Сподобилъ Богъ уразумѣть ничтожность
 Мірскихъ суетъ), здѣсь видѣлъ я царя,
 Усталого отъ гнѣвныхъ думъ и казней:
 Задумчивъ, тихъ сидѣлъ межъ нами Грозный;
 Мы передъ нимъ недвижимо стояли,
 И тихо онъ бесѣду съ нами велъ.
 Онъ говорилъ игумну и всей братѣ:
 «Отцы мои, желанный день придетъ:
 Предстану здѣсь алкающій спасенія;
 Ты, Никодимъ, ты, Сергій, ты, Кирилъ,
 Вы всѣ — обѣтъ примите мой духовный:
 Прииду къ вамъ преступникъ окаянный
 И схиму здѣсь честную восприму,

Къ стопамъ твоимъ, святой отецъ, припадши».
 Такъ говорилъ державный государь,
 И сладко рѣчь изъ устъ его лилася,
 И плакаль онъ. А мы въ слезахъ молились,
 Да ниспошлетъ Господь любовь и миръ
 Его душѣ, страдающей и бурной.
 А сынъ его Θεодоръ? На престолѣ
 Онъ вздыхалъ о мирномъ житіи
 Молчальника. Онъ царскіе чертоги
 Преобратилъ въ молчтвенную келью;
 Тамъ тяжкія державныя печали
 Святой души его не возмущали.
 Богъ возлюбилъ смиреніе царя,
 И Русь при немъ во славѣ безмятежной
 Утѣшилась — а въ часъ его кончины
 Свершилося неслыханное чудо:
 Къ его одру, царю едину зримый,
 Явился мужъ необычайно свѣтелъ,
 И началъ съ нимъ бесѣдовать Θεодоръ
 И называть великимъ патріархомъ....
 И все кругомъ объаты были страхомъ,
 Уразумѣвъ небесное видѣнье,
 Зане святой владыка предъ царемъ
 Во храминѣ тогда не находился.
 Когда же онъ преставился, палаты
 Исполнились святымъ благоуханьемъ,
 И ликъ его, какъ солнце, просіялъ —
 Ужъ не видать такого намъ царя....
 О страшное, невиданное горе!
 Прогнѣвали мы Бога, согрѣшили:
 Владыкою себѣ цареубійцу
 Мы нарекли....

ГРИГОРІЙ.

Давно, честный отецъ,
 Хотѣлось мнѣ тебя спросить о смерти
 Димитрія-царевича; въ то время.
 Ты, говорятъ, былъ въ Угличѣ.

ИМЕНЬ.

Охъ, помню!

Привелъ меня Богъ видѣть злое дѣло,
Кровавый грѣхъ. Тогда я въ дальній Угличъ
На вѣкое былъ усланъ послушанье.
Пришелъ я въ почъ. Наутро, въ часъ обѣдни,
Вдругъ слышу звонъ; ударили въ набатъ;
Крикъ, шумъ. Бѣгутъ на дворъ царицы. Я
Спѣшу туда жъ — а тамъ уже весь городъ.
Гляжу: лежитъ зарѣзанный царевичъ;
Царица-мать въ безпамятствѣ надъ нимъ,
Кормилица въ отчаяннѣ рыдаетъ,
А тутъ народъ, остервенясь, волочить
Безбожную предательницу-мамку....
Вдругъ между нихъ, свирѣпъ, отъ злости блѣденъ,
Является Іуда-Битяговскій.
«Вотъ, вотъ злодѣй!» раздался общій вопль,
И вмгъ его не стало. Тутъ народъ
Велѣдъ бросился бѣжавшимъ тремъ убійцамъ;
Укрывшихся злодѣевъ захватили
И привели предъ теплый трупъ младенца,
И чудо — вдругъ мертвецъ затрепеталъ.
«Покайтесь!» народъ имъ завопилъ:
И въ ужасѣ подъ топоромъ злодѣи
Покаялись — и назвали Бориса.

ГРИГОРІЙ.

Какихъ былъ лѣтъ царевичъ убіенный?

ИМЕНЬ.

Да лѣтъ семи; ему бы нынѣ было —
(Тому прошло ужъ десять лѣтъ.... нѣтъ, больше:
Двѣнадцать лѣтъ) — онъ былъ бы твой ровесникъ
И царствовалъ; но Богъ судилъ иное.

Сей повѣстью плачевной заключу
Я лѣтопись свою; съ тѣхъ поръ я мало
Вникалъ въ дѣла мірскія. Братъ Григорій,
Ты грамотой свой разумъ просвѣтилъ,

Тебѣ свой трудъ передаю. Въ часы
 Свободные отъ подвиговъ духовныхъ
 Описывай, не мудрствуя лукаво,
 Все то, чему свидѣтель въ жизни будешь:
 Войну и миръ, управу государей,
 Угодниковъ святыхъ чудеса,
 Пророчества и знаменья небесны —
 А мнѣ пора, пора ужъ отдохнуть
 И погасить лампаду.... Но звонять
 Къ заутренѣ.... Благослови, Господь,
 Своихъ рабовъ!.... Подай костьль, Григорій.

(Уходитъ).

Г Р И Г О Р І Й.

Борись, Борись! все предъ тобой трепещетъ,
 Никто тебѣ не смѣетъ и напомнить
 О жребіи несчастнаго младенца;
 А между тѣмъ отшельникъ въ темной кельѣ
 Здѣсь на тебя доносъ ужасный пишетъ:
 И не уйдешь ты отъ суда мірскаго,
 Какъ не уйдешь отъ Божьяго суда *).

ПАЛАТЫ ПАТРИАРХА.

ПАТРИАРХЪ, ИГУМЕНЪ (Чудова монастыря).

ПАТРИАРХЪ.

И онъ убѣжалъ, отецъ игуменъ?

ИГУМЕНЪ.

Убѣжалъ, святой владыка, вотъ ужъ тому третій день.

ПАТРИАРХЪ.

Пострѣлъ, окаянный! Да какого онъ роду?

*) Послѣ этого въ рукописи слѣдовала сцена, откинутая авторомъ: «Монастырская ограда». Она помѣщена ниже, въ концѣ пьесы.

ИГУМЕНЪ.

Изъ роду Отрѣпьевыхъ, галицкихъ боярскихъ дѣтей; смолоду постригся невѣдомо гдѣ, жилъ въ Суздалѣ, въ Ефимьевскомъ монастырѣ; ушелъ оттуда, шатался по разнымъ обителямъ, нако. нецъ пришелъ къ моей чудовской братіи; а я, видя, что онъ еще младъ и неразуменъ, отдалъ его подъ начало отцу Пимену, старцу кроткому и смиренному; и былъ онъ весьма грамотенъ, читалъ наши лѣтописи, сочинялъ каноны святымъ; но, зная, грамота далася ему не отъ Господа Бога....

ПАТРИАРХЪ.

Ужъ эти мнѣ грамоты! Что еще выдумалъ! Буду царемъ на Москвѣ! Ахъ онъ сосудъ діавольскій! Однако нечего царю и докладывать объ этомъ; что тревожить отца-государя? Довольно будетъ объявить о побѣгѣ дьяку Смирнову или дьяку Ефимьеву. Этака ересь! Буду царемъ на Москвѣ!.... Поймать, поймать врагоугодника, да и сослать въ Соловецкій на вѣчное покаяніе. Вѣдь это ересь, отецъ игуменъ?

ИГУМЕНЪ.

Ересь, святой владыка, сущая ересь.

ЦАРСКІЯ ПАЛАТЫ.

ДВА СТОЛЬНИКА.

ПЕРВЫЙ.

Гдѣ государь?

ВТОРОЙ.

Въ своей опочивальнѣ.
Онъ заперся съ какимъ-то колдуномъ.

ПЕРВЫЙ.

Такъ; вотъ его любимая бесѣда:
Кудесники, гадатели, колдуньи.
Все ворожить, что красная невѣста.
Желалъ бы знать, о чемъ гадаетъ онъ?

ВТОРОЙ.

Вотъ онъ идетъ. Угодно ли спросить?

ПЕРВЫЙ.

Какъ онъ угрюмъ!

(Уходятъ).

ЦАРЬ (входитъ).

Достигъ я высшей власти;
 Шестой ужъ годъ я царствую спокойно:
 Но счастья нѣтъ моей душѣ. Не такъ ли
 Мы смолоду влюбляемся п алчемъ
 Утѣхъ любви, но только утолимъ
 Сердечный гладъ мгновеннымъ обладаньемъ,
 Ужъ охладѣвъ, скучаемъ и томимся!....
 Напрасно мнѣ кудесники сулятъ
 Дни долгіе, дни власти безмятежной —
 Ни власть, ни жизнь меня не веселятъ;
 Предчувствую небесный громъ и горе.
 Мнѣ счастья нѣтъ. Я думалъ свой народъ
 Въ довольствіи, во славѣ успокоить,
 Щедротами любовь его снискать;
 Но отложилъ пустое попеченье:
 Живая власть для черни ненавистна,
 Они любить умѣютъ только мертвыхъ.
 Безумны мы, когда народный плескъ
 Иль ярый вопль тревожить сердце наше.
 Богъ насылалъ на землю нашу гладъ;
 Народъ завылъ, въ мученьяхъ погибая;
 Я отворилъ имъ житницы; я злато
 Разсыпалъ имъ; и имъ сыскалъ работы:
 Они жъ меня, бѣснуясь, проклинали!
 Пожарный огонь ихъ дома истребилъ;
 Я выстроилъ имъ новыя жилища:
 Они жъ меня пожаромъ упрекали!
 Вотъ черни судъ: ищи жъ ея любви!
 Въ семьѣ моей я мнилъ найти отраду,
 Я дочь мою мнилъ осчастливить бракомъ;

Какъ буря, смерть уносить жениха....
 И тутъ молва лукаво нарекаетъ
 Виновникомъ дочерняго вдовства
 Меня, мени, несчастнаго отца!...
 Кто ни умреть — я всёхъ убійца тайный:
 Я ускорию Феодора кончину,
 Я отравилъ свою сестру царицу,
 Монахиню смпренную.... все я!
 Ахъ, чувствую: ничто не можетъ насъ
 Среди мірскихъ печалей успокоить;
 Ничто, ничто.... едина развѣ совѣсть;
 Такъ, здравая, она восторжествуетъ
 Надъ злобою, надъ темной клеветою....
 Но если въ ней единое пятно,
 Единое случайно зевелось,
 Тогда бѣда: какъ язвой моровой,
 Душа сгоритъ, нальется сердце ядомъ;
 Какъ молоткомъ, стучить въ ухахъ упрекомъ,
 И все тошнить, и голова кружится.
 И мальчики кровавые въ глазахъ....
 И радъ бѣжать, да некуда.... ужасно!
 Да, жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть нечиста.

БОРЧМА НА ЛИТОВСКОЙ ГРАНИЦѢ.

МИСАИЛЬ И ВАРЛААМЪ, бродяги въ видѣ чернецовъ; ГРИГОРІЙ ОТРЕПЬЕВЪ
 міряниномъ; ХОЗЯЙКА.

ХОЗЯЙКА.

Чѣмъ-то янѣ васъ потчивать, старцы честные?

ВАРЛААМЪ.

Чѣмъ Богъ пошлетъ, хозяйюшка. Иѣтъ ли вина?

ХОЗЯЙКА.

Какъ не быть, отцы мои! сейчасъ вынесу.

(Уходитъ).

МИСАИЛЬ.

Что же ты закручинился, товарищъ? Вотъ и граница Литовская, до которой такъ хотѣлось тебѣ добраться.

ГРИГОРІЙ.

Пока не буду въ Литвѣ, до тѣхъ поръ не буду спокоенъ.

ВАРЛААМЪ.

Что тебѣ Литва такъ слюбилась? Вотъ мы, отецъ Мисаиль да я грѣшнѣйшій, какъ утекли изъ монастыря, такъ ни о чемъ и не думаемъ: Литва ли, Русь ли, что гудокъ, что гусли, все намъ равно, было бы вино.... да вотъ и оно!...

МИСАИЛЬ.

Складно сказано, отецъ Варлаамъ.

ХОЗЯЙКА (входитъ).

Вотъ вамъ, отцы мои. Пейте на здоровье.

МИСАИЛЬ.

Спасибо, родная, Богъ тебя благослови. (Пьетъ. Варлаамъ затыгиваетъ пѣсню: «Какъ во городѣ было во Казани....») Что же ты не подтыгиваешь да и не потягиваешь?

ГРИГОРІЙ.

Не хочу.

МИСАИЛЬ.

Вольному воля....

ВАРЛААМЪ.

А пьяному рай, отецъ Мисаиль! Выпьемъ же чарочку за шинкарочку.... (Пьетъ).

Однако, отецъ Мисаиль, когда я пью, такъ трезвыхъ не люблю; иное дѣло пьянство, а иное чванство; хочешь жить какъ мы, милости просимъ — нѣтъ, такъ убирайся, проваливай: скорморохъ попу не товарищъ.

ГРИГОРІЙ.

Пей, да про себя разумѣй, отецъ Варлаамъ!.... Видишь, и я порой складно говорить умѣю.

ВАРЛААМЪ.

А что мнѣ про себя разумѣть?

МИСАНІЪ.

Оставь его, отецъ Варлаамъ.

ВАРЛААМЪ.

Да что онъ за постникъ? Самъ же къ намъ назвался въ товарищи, невѣдомо кто, невѣдомо откуда — да еще и спѣсивится.

(Пьетъ и поетъ: «Молодой чернецъ постригся»).

ГРИГОРІЙ (хозяйкѣ).

Куда ведетъ эта дорога?

ХОЗЯЙКА.

Въ Литву, мой кормилецъ, къ Луевымъ горамъ.

ГРИГОРІЙ.

А далече ли до Лувыхъ горъ?

ХОЗЯЙКА.

Недалече, къ вечеру можно бы туда поспѣть, кабы не заставы царскія, да сторожевые приставы.

ГРИГОРІЙ.

Какъ, заставы! что это значить?

ХОЗЯЙКА.

Кто-то бѣжалъ изъ Москвы, а велѣно всѣхъ задерживать да осматривать.

ГРИГОРІЙ (про себя).

Вотъ тебѣ, бабушка, Юрьевъ день. (Вслухъ). Да кого жъ имъ надобно? Кто бѣжалъ изъ Москвы?

ХОЗЯЙКА.

А Господь его вѣдаетъ, воръ ли, разбойникъ, только здѣсь и добрымъ людямъ нынѣ прохода нѣтъ. А что изъ того будетъ? Ничего; ни лысаго бѣса не поймаютъ: будто въ Литву нѣтъ и другаго пути, какъ столбовая дорога! Вотъ хоть отсюда свороти влѣво, да боромъ иди по тропинкѣ до часовни, что на Чеканскомъ ручью, а тамъ прямо черезъ болото на Хлопино, а оттуда на Захарьево, а тутъ ужъ всякій мальчишка доведетъ до Луевыхъ горъ. Отъ этихъ приставовъ только и толку, что притѣсняютъ прохожихъ, да обираютъ насъ, бѣдныхъ. (Слышенъ шумъ). Что тамъ еще? Ахъ, вотъ они, проклятые! дозоромъ идутъ.

ГРИГОРІЙ.

Хозяйка! нѣтъ ли въ избѣ другаго угла?

ХОЗЯЙКА.

Нѣту, родимый, рада бы сама спрятаться. Только слава, что дозоромъ ходятъ, а подавай имъ и вина, и хлѣба, и невѣдомо чего — чтобъ имъ издохнуть, окайннымъ! чтобъ пмъ....

(Входятъ приставы).

ПРИСТАВЪ.

Здорово, хозяйка!

ХОЗЯЙКА.

Добро пожаловать, гости дорогіе, милости просимъ!

ОДИНЪ ПРИСТАВЪ (другому).

Ба! да здѣсь попойка идетъ; будетъ чѣмъ поживиться. (Монахамъ). Вы что за люди?

ВАРЛААМЪ.

Мы Божіи старцы, иноки смиренныя, ходимъ по селеніямъ, да собираемъ милостыню христіанскую на монастырь.

ПРИСТАВЪ (Григорію).

А ты?

МИСАИЛЪ.

Нашъ товарищъ....

ГРИГОРІЙ.

Мірянинъ изъ пригорода; проводилъ старцевъ до рубежа; отселѣ
иду во-свои.

МИСАИЛЪ.

Такъ ты раздумалъ....

ГРИГОРІЙ (тихо).

Молчи.

ПРИСТАВЪ.

Хозяйка, выставь-ко еще вина; а мы здѣсь со старцами попьемъ
да побесѣдуемъ.

ДРУГОЙ ПРИСТАВЪ (тихо).

Парень-то, кажется, голъ; съ него взять нечего; за то старцы...

ПЕРВЫЙ.

Молчи, сейчасъ до нихъ доберемся.— Что, отцы мои, каково
промышляете?

ВАРЛААМЪ.

Плохо, сыне, плохо! нынѣ христіане стали скуны; деньгу лю-
бятъ, деньгу прячутъ. Мало Богу даютъ. Приде грѣхъ велій
на языцы земніи. Всѣ пустилися въ торги, въ мытарства; думаютъ
о мірскомъ богатствѣ, не о спасеніи души. Ходишь, ходишь; мо-
лишь, молишь; иногда въ три дни трехъ полушекъ не вымолишь.
Такой грѣхъ! Пройдетъ недѣля, другая, заглянешь въ мошѣнку,
а въ ней такъ мало, что совѣстно въ монастырь показаться; что
дѣлать? съ горя и остальное пропъешь; бѣда да и только.— Охъ,
плохо, знать пришли наши послѣднія времена....

ХОЗЯЙКА (плачетъ).

Господь помилуй и спаси!

(Впродолженіе Варлаамовой рѣчи первый
приставъ значительно всматривается въ
Мисаила).

ПЕРВЫЙ ПРИСТАВЪ.

Алеха! при тебѣ ли царскій указъ?

ВТОРОЙ.

При мнѣ.

ПЕРВЫЙ.

Поддай-ка сюда.

МИСАИЛЪ.

Что ты на меня такъ пристально смотришь?

ПЕРВЫЙ ПРИСТАВЪ.

А вотъ что: изъ Москвы бѣжалъ нѣкоторый злой еретикъ, Гришка Отрепьевъ. Слыхалъ ли ты это?

МИСАИЛЪ.

Не слыхалъ.

ПРИСТАВЪ.

Не слыхалъ? Ладно. А того бѣглаго еретика царь приказалъ изловить и повѣсить. Знаешь ли ты это?

МИСАИЛЪ.

Не знаю.

ПРИСТАВЪ (Варлааму).

Умѣешь ли ты читать?

ВАРЛААМЪ.

Смолоду зналъ, да разучился.

ПРИСТАВЪ (Мисаилу).

А ты?

МИСАИЛЪ.

Не умудрилъ Господь.

ПРИСТАВЪ.

Такъ вотъ тебѣ царскій указъ.

МИСАИЛЪ.

На что мнѣ его?

ПРИСТАВЪ.

Мнѣ здается, что этотъ бѣглый еретикъ, воръ, мошенникъ — ты.

МИСАИЛЪ.

Я? Помилуй! что ты!

ПРИСТАВЪ.

Постой! держи двери. Вотъ мы сейчасъ и справимся.

ХОЗЯЙКА.

Ахъ, они окаянные мучители! и старца-то въ покоѣ не оставляютъ!

ПРИСТАВЪ.

Кто здѣсь грамотный?

ГРИГОРІЙ (выступаетъ впередъ).

Я грамотный!

ПРИСТАВЪ.

Вотъ на... А у кого же ты научился?

ГРИГОРІЙ.

У нашего пономаря.

ПРИСТАВЪ (даетъ ему указъ).

Читай же вслухъ.

ГРИГОРІЙ (читаетъ).

«Чудова монастыря недостойный чернецъ Григорій, изъ роду Отрепьевыхъ, впалъ въ ересь и дерзнулъ, наученный діаволомъ, возмущать святую братію всякими соблазнами и беззаконіями. А по справкамъ оказалось, отбѣжалъ онъ, окаянный Гришка, къ границѣ Литовской...»

ПРИСТАВЪ (Мисаилу).

Какъ же не ты?

ГРИГОРІЙ.

«И царь повелѣлъ изловить его...»

ПРИСТАВЪ.

И повѣсить!

ГРИГОРІЙ.

Тутъ не сказано: повѣсить.

ПРИСТАВЪ.

Врешь! не всяко слово въ строку пишется. Читай: изловить и повѣсить.

ГРИГОРІЙ.

«И повѣсить. А лѣтъ ему вору Гришкѣ отъ роду.... (Смотря на Варлаама) за 50, а росту онъ средняго, лобъ нмѣетъ плѣшивый, бороду сѣдую, брюхо толстое».

(Всѣ глядятъ на Варлаама).

ПЕРВЫЙ ПРИСТАВЪ.

Ребята! здѣсь Гришка! держите, вяжите его! Вотъ ужъ не ду-малъ, не гадалъ!

ВАРЛААМЪ (вырывая бумагу).

Отстаньте, пострѣлы! что я за Гришка? Какъ! 50 лѣтъ, бо-рода сѣдая, брюхо толстое! Нѣтъ, братъ, молодъ еще надо мною шутки шутить. Я давно не читывалъ и худо разбираю, а тутъ ужъ разберу, какъ дѣло до петли доходитъ. (Читаетъ по складамъ). «А лѣтъ е-му отъ ро-ду... 20». — Что, братъ, гдѣ тутъ 50? видишь — 20?

ВТОРОЙ ПРИСТАВЪ.

Да, помнится, двадцать; такъ и намъ было сказано.

ПЕРВЫЙ ПРИСТАВЪ (Григорію).

Да ты, братъ, видно забавникъ.

(Во время чтенія, Григорій стоитъ, потупя голову, съ рукою за пазухой).

ВАРЛААМЪ (продолжаетъ).

«А ростомъ онъ малъ, грудь широкая, одна рука короче дру-гой, глаза голубые, волосы рыжіе, на щекѣ бородавка, на лбу другая». Да это, другъ, ужъ не ты ли?

(Григорій вдругъ вынимаетъ кин-жалъ; всѣ передъ нимъ разстуна-ются; онъ бросается въ окно).

ПРИСТАВЫ.

Держи! держи!

(Всѣ бѣгутъ въ беспорядкѣ).

МОСКВА. ДОМЪ ШУЙСКАГО.

ШУЙСКІЙ, множество гостей; ужинь.

ШУЙСКІЙ.

Вина еще! (Встаётъ, за нимъ всѣ). Ну, гости дорогіе,
Послѣдній ковшъ! Читай молитву, мальчикъ.

МАЛЬЧКЪ.

Царю небесъ, вездѣ и присно сущій,
Своихъ рабовъ моленію внимли:
Помолпмся о нашемъ государѣ,
Объ избранномъ тобой, благочестивомъ,
Всѣхъ христіанъ царѣ самодержавномъ.
Храни его въ палатахъ, въ полѣ ратномъ
И на путяхъ, и на одрѣ ночега.
Подай ему побѣду на враги,
Да славится онъ отъ моря до моря,
Да здравіемъ цвѣтетъ его семья,
Да осѣнятъ ея драгія вѣтви
Весь міръ земной; а къ намъ, своимъ рабамъ,
Да будетъ онъ, какъ прежде, благодатенъ
И милостивъ, и долготерпѣливъ;
Да мудрости его неистощимой
Проистекутъ источники на насъ;
И царскую на то воздвигнувъ чашу,
Мы молимся Тебѣ, Царю небесъ.

ШУЙСКІЙ (пѣть).

Да здравствуетъ великій государь!
Простите же вы, гости дорогіе;
Благодарю, что вы моей хлѣбъ-солью
Не презрѣли. Простите, добрый сонъ.

(Гости уходятъ; онъ провожаетъ ихъ до дверей).

ПУШКИНЪ.

Насилу убрались; ну, князь Василій Ивановичъ, я ужъ думалъ,
что намъ не удастся и переговорить.

ш у й с к и й (слугамъ).

Вы что ротъ разинули? Все бы вамъ господъ подслушивать. Сбирайте со стола да ступайте вонъ. -- Что такое, Аѳанасій Михайловичъ?

п у ш к и н ъ.

Чудеса да и только!

Племянникъ мой, Гаврила Пушкинъ, мнѣ Изъ Кракова гонца прислалъ сегодня.

ш у й с к и й.

Ну?

п у ш к и н ъ.

Странную племянникъ пишетъ новость:
Сынъ Грознаго... Постой. (Идетъ къ дверямъ и осматриваетъ).
Державный отрокъ,
По мнѣнію Бориса убіенный...

ш у й с к и й.

Да это ужъ не ново.

п у ш к и н ъ.

Погоди:

Димитрій живъ.

ш у й с к и й.

Вотъ на! какая вѣсть!

Царевичъ живъ! Ну, подлинно чудесно!

И только-то?

п у ш к и н ъ.

Послушай до конца:

Кто бъ ни былъ онъ, спасенный ли царевичъ,
Иль нѣкій духъ во образѣ его,
Иль смѣлый плутъ, безстыдный самозванецъ,
Но только тамъ Димитрій появился.

ш у й с к и й.

Не можетъ быть.

пушкинъ.

Его самъ Пушкинъ видѣлъ,
Какъ прїѣзжалъ въ первой онъ во дворецъ
И сквозь ряды литовскихъ пановъ прямо
Шелъ въ тайную палату короля.

шуйскій.

Кто жъ онъ такой? Откуда онъ?

пушкинъ.

Не знаютъ;

Извѣстно то, что онъ слугою былъ
У Вишневецкаго; что на одрѣ болѣзни
Открылся онъ духовному отцу;
Что гордый панъ, сію провѣдавъ тайну,
Ходилъ за нимъ, поднялъ его съ одра,
И съ нимъ потомъ уѣхалъ къ Сигизмунду.

шуйскій.

Что жъ говорятъ объ этомъ удалецъ?

пушкинъ.

Да слышно, онъ уменъ, прїѣтливъ, ловокъ,
По праву всѣмъ. Московскихъ бѣглецовъ
Обворожилъ. Латинскіе попы
Съ нимъ заодно. Король его ласкаетъ —
И, говорятъ, помогъ общалъ.

шуйскій.

Все это, братъ, такая кутерьма,
Что голова кругомъ пойдетъ неволью.
Сомнѣнья вѣтъ, что это самозванецъ,
Но, признаюсь, опасность не мала.
Вѣсть важная! и если до народа
Она дойдетъ, то быть грозѣ великой!

пушкинъ.

Такой грозѣ, что врядъ царю Борису
Сдержатъ вѣнецъ на умной головѣ.
И подѣломъ ему: онъ править нами,
Какъ царь Иванъ (не къ ночи будь помянутъ).

Что пользы въ томъ, что явныхъ казней нѣтъ,
 Что на полу кровавомъ всенародно
 Мы не поемъ каноновъ Иисусу,
 Что насъ не жгутъ на площади, а царь
 Своимъ жезломъ не подгребаешь углей?
 Увѣрены ль мы въ бѣдной жизни нашей?
 Насъ каждый день опала ожидаетъ:
 Тюрьма, Сибирь, клобукъ иль кандалы;
 А тамъ, въ глуши голодна смерть иль петля.
 Знатнѣйшіе межъ нами роды гдѣ?
 Гдѣ Сицкіе князья, гдѣ Шестуновы,
 Романовы, отечества надежда?
 Заточены, замучены въ изгнаньѣ!
 Дай срокъ: тебѣ такая жъ будетъ участь.
 Легко ль, скажи: мы дома, какъ Литвой,
 Осаждены невѣрными рабами:
 Все языки, готовые продать,
 Правительствомъ подкупленные воры.
 Зависимъ мы отъ перваго холопа,
 Котораго захочемъ наказать.
 Вотъ — Юрьевъ день задумалъ уничтожить...
 Не властны мы въ помѣстіяхъ своихъ,
 Не смѣй согнать лѣнивца! радъ не радъ,
 Корми его! не смѣй переманить
 Работника! не то — въ приказъ холопій.
 Ну, слыхано ль хотъ при царѣ Иванѣ
 Такое зло? А легче ли народу?
 Спроси его! Попробуй самозванецъ
 Имъ посулить старинный Юрьевъ день,
 Такъ и пойдетъ потѣха.

ш у й с к і й.

Правъ ты, Пушкинъ.

Но знаешь ли? Объ этомъ обо всемъ
 Мы помолчимъ до времени.

п у ш к и н ъ.

Вѣстимо,

Знай про себя. Ты человѣкъ разумный;

Всегда съ тобой бесѣдовать я радъ,
И если что меня подчасъ тревожить,
Не вытерплю, чтобъ не сказать тебѣ;
Къ тому жъ твой медъ да бархатное пиво
Сегодня такъ языкъ мнѣ развязали...
Прощай же, князь.

ш у й с к и й.

Прощай, братъ. до свиданья.

(Провожаетъ Пушкина.)

ЦАРСКІЯ ПАЛАТЫ.

ЦАРЕВИЧЪ чертитъ географическую карту. ЦАРЕВНА, МАМКА царевны.

К С Е Н І Я (цѣлуетъ портретъ)*).

Милый мой женихъ, прекрасный королевичъ! не мнѣ ты достался, не своей невѣстѣ, а темной могилкѣ, на чужой сторонкѣ; никогда не утѣшусь, вѣчно по тебѣ буду плакать.

М А М К А.

И, царевна! Дѣвица плачетъ, что роса падеть: взойдетъ солнце, росу высушитъ. Будетъ у тебя другой женихъ и прекрасный, и привѣтливый. Полюбишь его, дитя наше ненаглядное, забудешь Пвана королевича.

*) Въ рукописи сцена эта начиналась такъ:

К С Е Н І Я (держитъ портретъ).

Что жъ уста твои

Не промолвили,

Очи ясныя

Не проглянули?

Аль уста твои

Затворилися,

Очи ясныя

Закатилися?

Братецъ, а братецъ! скажи: королевичъ похожъ былъ на мой образокъ?

Ф Е О Д О Р Ъ.

Я говорю тебѣ, что похожъ.

(Далѣе, какъ напечатано въ текстѣ.)



КСЕНІЯ.

Нѣтъ, мамушка, я и мертвому буду ему вѣрна.

(Входитъ Борисъ.)

ЦАРЬ.

Что, Ксенія? Что, милая моя?
 Въ невѣстахъ ужъ печальная вдовица!
 Все плачешь ты о мертвомъ женихѣ?
 Дитя мое! судьба мнѣ не судила
 Виновникомъ быть вашего блаженства;
 Я, можетъ быть, прогнавъ небеса,
 Я счастье твое не могъ устроить;
 Безвинная! зачѣмъ же ты страдаешь?
 А ты, мой сынъ, чѣмъ занятъ? Это что?

ФЕОДОРЪ.

Чертежъ земли московской; наше царство
 Изъ края въ край. Вотъ видишь: тутъ Москва,
 Тутъ Новгородъ, тутъ Астрахань. Вотъ море,
 Вотъ пермскіе дремучіе лѣса,
 А вотъ Сибирь.

ЦАРЬ.

А это что такое
 Узоромъ здѣсь вѣется?

ФЕОДОРЪ.

Это Волга.

ЦАРЬ.

Какъ къ хорошо! вотъ сладкій плодъ ученя!
 Какъ съ облаковъ, ты можешь обозрѣть
 Все царство вдругъ: границы, грады, рѣки.
 Учись, мой сынъ: наука сокращаетъ
 Намъ опыты быстротекущей жизни.
 Когда нибудь, и скоро, можетъ быть,
 Всѣ области, которыя ты нынѣ
 Изобразилъ такъ хитро на бумагѣ,
 Всѣ подъ руку достанутся твою.

Учись, мой сынъ, и легче и яснѣ
Державный трудъ ты будешь постигать.

(Входитъ Семень Годуновъ.)

Вотъ Годуновъ идетъ ко мнѣ съ докладомъ.

(Ксенія.) Душа моя, поди въ свою свѣтлицу;

Прости мой другъ; утѣшь тебя Господь.

(Ксенія съ мамкою уходятъ).

Что скажешь мнѣ, Семень Никитичъ?

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

Нынче

Ко мнѣ, чѣмъ свѣтъ, дворецкій князь Василья

И Пушкина слуга пришли съ доносомъ.

ЦАРЬ.

Ну?

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

Пушкина слуга донесъ сперва,

Что поутру вчера къ нимъ въ домъ пріѣхалъ

Изъ Кракова гонецъ — и черезъ часъ

Безъ грамоты отославъ былъ обратно.

ЦАРЬ.

Гонца схватить!

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

Уже послано въ догоню.

ЦАРЬ.

О Шуйскомъ что?

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

Вечоръ онъ угощалъ

Своихъ друзей: обоихъ Милославскихъ,

Бутурлиныхъ, Михайла Салтыкова,

Да Пушкина, да нѣсколько другихъ;

А разошлись ужъ поздно. Только Пушкинъ

Наедннѣ съ хозяиномъ остался

И долго съ нимъ бесѣдовалъ еще.

ЦАРЬ.

Сейчасъ послать за Шуйскимъ!

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Государь!

Онъ здѣсь уже.

ЦАРЬ.

Позвать его сюда.

(Годуновъ уходитъ).

ЦАРЬ.

Сношенія съ Литвою! это что?...

Противень мнѣ родъ Пушкиныхъ мятежный,

А Шуйскому не должно довѣрять:

Уклончивый, но смѣлый и лукавый....

(Входитъ Шуйскій).

Мнѣ нужно, князь, съ тобою говорить.

Но, кажется, ты самъ пришелъ за дѣломъ:

И выслушать хочу тебя сперва.

ШУЙСКІЙ.

Такъ, государь: мой долгъ тебѣ повѣдать

Вѣсть важную.

ЦАРЬ.

Я слушаю тебя.

ШУЙСКІЙ (тихо, указывая на Феодора).

Но, государь....

ЦАРЬ.

Царевичъ можетъ знать,

Что вѣдаетъ князь Шуйскій. Говори.

ШУЙСКІЙ.

Царь, изъ Литвы пришла намъ вѣсть....

ЦАРЬ.

Не та ли,

Что Пушкину привезъ вечеръ гонецъ?

ШУЙСКИЙ.

Все знаетъ онъ!... Я думалъ, государь,
Что ты еще не вѣдаешь сей тайны.

ЦАРЬ.

Нѣтъ нужды, князь: хочу сообразить
Извѣстія; иначе не узнаемъ
Мы истины.

ШУЙСКИЙ.

Я знаю только то,
Что въ Краковѣ явился самозванецъ,
И что король и паны за него.

ЦАРЬ.

Что жъ говорятъ? Кто этотъ самозванецъ?

ШУЙСКИЙ.

Не вѣдаю.

ЦАРЬ.

Но.... чѣмъ опасенъ онъ?

ШУЙСКИЙ.

Конечно, царь, сильна твоя держава,
Ты милостью, радѣньемъ и щедротой
Усыновилъ сердца своихъ рабовъ;
Но знаешь самъ: безмысленная чернь
Измѣнчива, мятежна, суетѣрна,
Легко пустой надеждѣ предана,
Мгновенному внушенію послушна,
Для истины глуха и равнодушна,
А баснями питается она.
Ей правится безстыдная отвага;
Такъ если сей невѣдомый бродяга
Литовскую границу перейдетъ,
Къ нему толпу безумцевъ привлечетъ
Димитрія воскреснувшее имя!

ЦАРЬ.

Димитрія!... Какъ? Этого младенца?

Димитрія!... Царевичъ, удались.

ШУЙСКІЙ.

Онъ покраснѣлъ: быть бурѣ!...

ТЕОДОРЪ.

Государь,

Дозволишь ли?...

ЦАРЬ.

Нельзя, мой сынъ, поди.

(Теодоръ уходитъ).

Димитрія!...

ШУЙСКІЙ (про себя).

Онъ ничего не зналъ.

ЦАРЬ.

Послушай, князь: взять мѣры сей же часъ;

Чтобъ отъ Липты Россія оградилась

Заставами; чтобъ ни одна душа

Не перешла за эту грань; чтобъ заяцъ

Не прибѣжалъ изъ Польши къ намъ; чтобъ воронъ

Не прилетѣлъ изъ Кракова. Ступай.

ШУЙСКІЙ.

Иду.

ЦАРЬ.

Постой. Не правда ль, эта вѣсть

Загѣйлива? Слыхалъ ли ты когда,

Чтобъ мертвые изъ гроба выходили

Допрашивать царей, царей законныхъ,

Назначенныхъ, избранныхъ всенародно,

Увѣнчанныхъ великимъ патріархомъ?

Смѣшно? а? что? Что жъ не смѣешься ты?

ШУЙСКІЙ.

Я, государь?...

ЦАРЬ.

Послушай, князь Василій:

Какъ я узналъ, что отрока сего....
 Что отрокъ сей лишился какъ-то жизни,
 Ты посланъ былъ на слѣдствіе; теперь
 Тебя крестомъ и Богомъ заклиная,
 По совѣсти мнѣ правду объяви:
 Узналъ ли ты убитаго младенца
 И не было ль подмѣна? Отвѣчай.

ШУЙСКІЙ.

Клянусь тебѣ....

ЦАРЬ.

Нѣтъ, Шуйскій, не клянись,
 Но отвѣчай: то былъ царевичъ?

ШУЙСКІЙ.

Онъ.

ЦАРЬ.

Подумай, князь. Я милость обѣщаю,
 Прошедшей лжи опалою напрасной
 Не накажу. Но если ты теперь
 Со мной хитришь, то головою сына
 Клянусь — тебя постигнетъ злая казнь,
 Такая казнь, что царь Иванъ Васильичъ
 Отъ ужаса во гробъ содрогнется.

ШУЙСКІЙ.

Не казнь страшна; страшна твоя немилость;
 Передъ тобой дерзну ли я лукавить?
 И могъ ли я такъ слѣпо обмануться,
 Что не узналъ Димитрія? Три дня
 Я трупъ его въ соборѣ посѣщалъ,
 Веѣмъ Угличемъ туда сопровождаемый.
 Вокругъ него тринадцать тѣлъ лежало,
 Растерзанныхъ народомъ, и по нимъ
 Ужъ тлѣніе примѣтно проступало,

Но дѣтскій ликъ царевича былъ ясенъ,
И свѣжъ и тихъ, какъ будто усыпленный;
Глубокая не запекалась язва,
Черты жъ лица совсѣмъ не измѣнились.
Нѣтъ, государь, сомнѣнья нѣтъ: Димитрій
Во гробѣ спитъ.

ЦАРЬ.

Довольно, удались!

(Шуйскій уходитъ).

Ухъ, тяжело!.... дай духъ переведу!
Я чувствовалъ: вся кровь моя въ лицо
Мнѣ кинулась и тяжело опускалась....
Такъ вотъ зачѣмъ тринадцать лѣтъ мнѣ сряду
Все снилося убитое дитя!
Да, да — вотъ что! теперь я понимаю.
Но кто же онъ, мой грозный супостатъ?
Кто на меня? Пустое имя, тѣнь —
Ужели тѣнь сорветъ съ меня порфиру,
Иль звукъ лишитъ дѣтей моихъ наслѣдства?
Безумецъ я! чего жъ я испугался?
На призракъ сей подуи — и нѣтъ его.
Такъ, рѣшено: не окажу я страха —
Но презирать не должно ничего....
Охъ, тяжела ты, шапка Мономаха!

КРАКОВЪ. ДОМЪ ВИШНЕВЕЦКАГО.

САМОЗВАНЕЦЪ И РАТЕРЪ ЧЕРНИКОВСКІЙ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Нѣтъ, мой отецъ, не будетъ затрудненья.
Я знаю духъ народа моего;
Въ немъ набожность не знаетъ изступленья:
Ему священъ примѣръ царя его.
Всегда, къ тому жъ, терпимость равнодушна.
Ручаюсь я, что прежде двухъ годовъ

Весь мой народъ и вся восточна церковь
Признають власть памѣтника Петра.

РАТЕР.

Вспомоществуй тебѣ святой Игнатій,
Когда придуть нныя времена.
А между тѣмъ небесной благодати
Таи въ душѣ, паревичъ, сѣмена;
Притворствовать предъ оглашеннымъ свѣтомъ
Намъ иногда духовный долгъ велить:
Твои слова, дѣянья — судять люди:
Намѣренья единый видитъ Богъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Амен. Кто тамъ?

(Входитъ слуга).

Сказать: мы принимаемъ.

(Отворяются двери, входитъ толпа русскихъ и поляковъ).

Товарищи! мы выступаемъ завтра
Изъ Кракова Я, Мнишекъ, у тебя
Остановлюсь въ Самборѣ на три дня.
Я знаю: твой гостеприимный замокъ
И пышностью блистаетъ благородной,
И славится хозяйкой молодой.
Прелестную Марену я надѣюсь
Увидѣть тамъ. А вы, мои друзья,
Литва и Русь, вы, братскія знамена
Поднявшіе на общаго врага,
На моего коварнаго злодѣя,
Сыны славянъ, я скоро поведу
Въ желанный бой дружины ваши грозны;
Но между васъ я впью помысли.

ГАВРИЛА ПУШКИНЪ.

Они пришли у милости твоей
Просить меча и службы.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Радъ вамъ, дѣти.

Ко мнѣ, друзья. Но кто, скажи мнѣ, Пушкинъ,
Красавецъ сей?

ПУШКИНЪ.

Князь Курбскій.

САМОЗВАНЕЦЪ (Курбскому).

Имя громко!

Ты родственникъ казанскому герою?

КУРБСКІЙ.

И сынъ его.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Онъ живъ еще?

КУРБСКІЙ.

Нѣтъ, умеръ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Великій умъ! мужъ битвы и совѣта!
Но съ той поры, когда являлся онъ,
Своихъ обидъ ожесточенныхъ мститель,
Съ литовцами подъ ветхій городъ Ольгинъ,
Молва объ немъ умолкла.

КУРБСКІЙ.

Мой отецъ

Въ Волинніи провелъ остатокъ жизни,
Въ помѣстіяхъ, дарованныхъ ему
Баторіемъ. Уединенья тихъ,
Въ наукахъ онъ искалъ себѣ отрады;
Но мирный трудъ его не утѣшалъ:
Онъ юности своей отчизну помнилъ
И до конца по ней онъ тосковалъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Несчастный вожь! какъ ярко просіялъ
Восходъ его шумящей, бурной жизни!
Я радуюсь, великородный витязь,
Что кровь его съ отечествомъ мирится;
Вины отцовъ не должно вспоминать;
Миръ гробу ихъ! Приблизься, Курбскій... руку!
Не странно ли? сынъ Курбскаго ведетъ

На тронъ, кого? да — сына Иоанна!
 Все за меня: и люди, и судьба.
 Ты кто такой?

ПОЛЯКЪ.

Собаньскій, шляхтичъ вольный.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Хвала и честь тебѣ, свободы чадо!
 Впередъ ему треть жалованья выдать.
 Но эти кто? Я узнаю на нихъ
 Земли родной одежду. Это наши.

ХРУЩОВЪ (бьетъ челомъ).

Такъ, государь, отецъ нашъ. Мы твои
 Усердные, гонимые холопья.
 Мы изъ Москвы, опальные, бѣжали
 Къ тебѣ, нашъ царь — и за тебя готовы
 Главами лечь, да будутъ наши трупы
 На царскій тронъ ступенями тебѣ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Мужайтесь, безвинные страдальцы —
 Лишь дайте мнѣ добраться до Москвы,
 А тамъ Борисъ расплатится во всемъ. *)
 Ты кто?

*) Въ рукописи разговоръ продолжался такъ:

САМОЗВАНЕЦЪ

...Лишь дайте мнѣ добраться до Москвы,
 А тамъ уже Борисъ со мной и съ вами
 Расплатится. Что жъ новаго въ Москвѣ?

ХРУЩОВЪ.

Все тихо тамъ еще. Но ужъ народъ
 Спасеніе царевича провѣдалъ,
 Ужъ грамоту твою вездѣ читаютъ.
 Всѣ ждутъ тебя. Недавно двухъ бояръ
 Борисъ казнилъ за то, что за столомъ
 Они твое здоровье тайно пили.

САМОЗВАНЕЦЪ.

О добрые, несчастные бояре;

Казакъ; къ тебѣ я съ Дона посланъ
Отъ вольныхъ войскъ, отъ храбрыхъ атамановъ,
Отъ казаковъ верховыхъ и низовыхъ,
Узрѣть твои царицы ясны очи
И кланяться тебѣ ихъ головами.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Я зналъ донцовъ: не сомнѣвался видѣть
Въ своихъ рядахъ казачьи бунчуки.
Благодаримъ донское наше войско.
Мы вѣдаемъ, что нынѣ казаки
Неправедно притѣснены, гонимы;
Но если Богъ поможетъ намъ вступить
На тронъ отцовъ, то мы по старинѣ
Пожалуетъ нашъ вѣрный вольный Донъ.

Но кровь за кровь! и горе Годунову!
Что говорятъ о немъ?

ХРУЩОВЪ.

Онъ удалился
Въ печальныя свои палаты. Грозенъ
И мраченъ онъ. Ждутъ казни. Но недугъ
Его грызетъ. Борисъ едва влечется
И думаютъ его послѣдній часъ
Ужъ не далеко.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Какъ врагъ великодушный,
Борису я желаю смерти скорой:
Не то — бѣда злодѣю! А кого
Наслѣдникомъ наречъ намъ ренъ онъ?

ХРУЩОВЪ.

Онъ замысловъ своихъ не объявляетъ,
Но кажется, что молодого сына,
Феодора, онъ прочитъ намъ въ цари.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Въ расчетахъ онъ, быть можетъ, ошибется.
Ты кто?

КАРЕЛА.

Казакъ; къ тебѣ.... и пр.

П О Э Т Ъ (приближается, кланяясь низко и
хватая Гришку за полу).

Веллкій принцъ, свѣтлѣйшій королевичъ!

САМОЗВАНЕЦЪ.

Что хочешь ты?

П О Э Т Ъ (подаетъ ему бумагу).

Примите благосклонно

Сей бѣдный плодъ усерднаго труда.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Что вижу я? Латинскіе стихи!

Стократь священъ союзъ меча и лиры;

Единый лавръ ихъ дружно обвиваетъ.

Родился я подъ небомъ полунощнымъ,

Но мнѣ знакомъ латинской музы голосъ,

И я люблю парнасскіе цвѣты.*)

Я вѣрую въ пророчества пінтовъ.

Нѣтъ, не вотще въ ихъ пламенной груди

Кипить восторгъ: благословится подвигъ,

Его жъ они прославили заранѣ!

Приблнжсья, другъ. Въ мое воспоминанье

Прими сей даръ. (Даетъ ему перстень).

Когда со мной свершится

Судьбы завѣтъ, когда корону предковъ

*) Въ рукописи послѣ этого было добавлено:

САМОЗВАНЕЦЪ (читаетъ про-себя).

Хрущовъ (тихо Пушкину).

Кто сей?

ПУШКИНЪ.

Нѣтъ.

ХРУЩОВЪ.

Какое жъ это званье?

ПУШКИНЪ.

Какъ бы сказать по-русски? Виршенисецъ

Иль скоморохъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Прекрасные стихи!

Надѣну я, надѣюсь вновь услышать
Твой сладкій гласъ, твой вдохновенный гимнъ.

Musa gloriam coronat, gloriaque musam.

И такъ, друзья, дозавтра, до свиданья.

В С Ъ.

Въ походъ, въ походъ! Да здравствуетъ Дмитрій!
Да здравствуетъ великій князь московскій!

ЗАМОКЪ ВОЕВОДЫ МНИШКА ВЪ САМБОРѢ.

УБОРНАЯ МАРИНЫ.

МАРИНА, РУЗЯ убираетъ ее; СЛУЖАНКИ.

МАРИНА (передъ зеркаломъ.)

Ну, что жъ? готово ли? нельзя ли поспѣшить?

РУЗЯ.

Позвольте — напередъ рѣшите выборъ трудный:

Что вы надѣнете, жемчужную ли нить,

Иль полумѣсяцъ изумрудный?

МАРИНА.

Алмазный мой вѣнецъ.

РУЗЯ.

Прекрасно! Помните, его вы надѣвали,

Когда извоили вы ѣздить во дворецъ?

На балѣ, говорятъ, какъ солнце вы блистали:

Мужчины ахали, красавицы шептались...

Въ то время, кажется, васъ видѣлъ въ первый разъ

Хоткевичъ молодой, что послѣ застрѣлился.

А точно, говорятъ, на васъ

Кто ни взглянулъ, тотъ и влюбился.

МАРИНА.

Нельзя ли поскорѣй?

РУЗЯ.

Сейчасъ.

Сегодня вашъ отецъ надѣется на васъ.

Царевичъ видѣлъ васъ не даромъ;
Не могъ онъ утаить восторга своего;

Ужъ раненъ онъ; такъ надобно его
Сразить рѣшительнымъ ударомъ.

А точно, папна, онъ влюбленъ:
Вотъ мѣсяцъ, какъ оставя Краковъ,
Забывъ войну, московскій тронъ,
Въ гостихъ у васъ пируетъ онъ
И бѣситъ русскихъ и поляковъ.

Ахъ, Боже мой, дождусь ли дня?...
Не правда ли, когда въ свою столицу
Дѣмитрій повезетъ московскую царицу,
Вы не оставите меня?

МАРИНА.

Ты развѣ думаешь, царицей буду я?

РУЗЯ.

А кто жъ, когда не вы? Кто смѣетъ красотою
Равняться здѣсь съ моею госпожею?

Родъ Мнишконъ ни чѣму еще не уступалъ;
Умомъ — превыше вы похвалъ...

Счастливъ, кого вашъ взоръ вниманья удостоитъ,
Кто сердца вашего любовь себѣ присвоитъ —

Кто бъ ни былъ онъ, хоть нашъ король,
Или французскій королевичъ....

Не только нищій вашъ царевичъ,
Богъ вѣсть какой, Богъ вѣсть отколь!

МАРИНА.

Онъ точно царскій сынъ и признанъ цѣлымъ свѣтомъ.

РУЗЯ.

А все жъ онъ былъ прошедшею зимой
У Вишневецкаго слугой.

МАРИНА.

Скрывался онъ.

РУЗЯ.

Не спорю я объ этомъ.

А только знаете ли вы,

Что говорить о немъ въ народѣ?

Что будто онъ дьячекъ, бѣжавшій изъ Москвы,
Извѣстный плутъ въ своемъ приходѣ.

МАРИНА.

Какія глупости!

РУЗЯ.

О, я не вѣрю имъ!

Я только говорю, что долженъ онъ, конечно,
Благословлять еще судьбу, когда сердечно
Вы предпочли его другимъ.

СЛУЖАНКА (вбѣгаетъ).

Ужъ гости сѣхались.

МАРИНА.

Вотъ видишь: ты до свѣта
Готова пустяки болтать,
А между тѣмъ я не одѣта....

РУЗЯ.

Сейчасъ, готово все. (Служанки суетятся.)

МАРИНА (про-себя).

Мнѣ должно все узнать....

РЯДЪ ОСВѢЩЕННЫХЪ КОМНАТЪ. МУЗЫКА.

ВИШНЕВЕЦКІЙ. МНИШЕКЪ.

МНИШЕКЪ.

Онъ говорить съ одной моей Мариной,
Мариною одною занятъ онъ....

А дѣло-то на свадьбу страхъ похоже.
 Ну, думалъ ты — признайся, Вишневецкій —
 Что дочь моя царицей будетъ? а?

ВИШНЕВЕЦКІЙ.

Да, чудеса.... И думалъ лп ты, Мнишекъ,
 Что мой слуга взойдетъ на тронъ московскій?

МНИШЕКЪ.

А какова, скажи, моя Марина?
 Я только ей промолвлпъ: ну, смотри,
 Не упускай Димитрія!... и вотъ
 Все кончено, ужъ онъ въ ея сѣтяхъ.
 (Музыка играетъ польскій. Самозванецъ
 идетъ съ Мариною въ первой парѣ.)

МАРИНА (тихо Димитрію.)

Да, ввечеру, въ одиннадцать часовъ,
 Въ аллеѣ липъ, я завтра у фонтана...

(Расходятся. Другая пара).

КАВАЛЕРЪ.

Что въ ней нашелъ Димитрій?

ДАМА.

Какъ? она

Красавица.

КАВАЛЕРЪ.

Да, мраморная нимфа:
 Глаза, уста безъ жизни, безъ улыбки....

(Новая пара).

ДАМА.

Онъ не красивъ, но видъ его пріятенъ;
 И царская порода въ немъ видна.

(Новая пара).

ДАМА.

Когда жъ похоть?

КАВАЛЕРЪ.

Когда велить царевичъ.
Готовы мы; но, видно, панна Мнишекъ
Съ Димитріемъ задержать насъ въ плѣну.

ДАМА.

Пріятный плѣнъ.

КАВАЛЕРЪ.

Конечно, если вы....

(Расходятся: комнаты пустѣютъ).

МНИШЕКЪ.

Мы, старики, ужъ нынче не танцуемъ,
Музыки громъ не призываетъ насъ,
Прелестныхъ рукъ не жмемъ и не цѣлуемъ....
Охъ, не забылъ старинныхъ я проказъ!
Теперь не то, не то, что прежде было!
И молодежь ей-ей не такъ смѣла;
И красота не такъ ужъ весела;
Признайся, другъ: все какъ-то приуныло.
Оставимъ ихъ; пойдёмъ, товарищъ мой,
Венгерскаго, обросшую травой,
Велимъ открыть бутылку вѣковую,
Да въ уголку потянемъ-ка вдвоемъ
Душистый токъ, струю какъ жиръ густую,
А между тѣмъ посудимъ кой о чемъ.
Пойдемъ, же братъ.

ВИШНЕВЕЦКІЙ.

И дѣло, другъ, пойдёмъ.

НОЧЬ. САДЪ. ФОНТАНЪ.

САМОЗВАНЕЦЪ (входитъ).

Вотъ и фонтанъ; она сюда придетъ.
Я, кажется, рожденъ не боязливымъ;

Передъ собой вблизи видалъ я смерть;
 Предъ смертію душа не содрогалась.
 Мнѣ вѣчная неволя угрожала,
 За мной гнались — я духомъ не смутился
 И дерзостью неволи избѣжалъ.
 Но что жъ теперь тѣснить мое дыханье?
 Что значить сей неодолимый трепетъ?
 Иль это дрожь желаній напряженныхъ?
 Нѣтъ, это страхъ. День цѣлый ожидалъ
 Я тайнаго свиданія съ Мариной,
 Обдумывалъ все то, что ей скажу,
 Какъ обольщу ея надменный умъ,
 Какъ назову московскою царицей;
 Но часъ насталъ — и ничего не помню;
 Не нахожу затверженныхъ рѣчей;
 Любовь мутитъ мое воображенье....
 Но что-то вдругъ мелькнуло.... шорохъ.... тише....
 Нѣтъ, это свѣтъ обманчивой луны,
 И прошумѣлъ здѣсь вѣтерокъ.

МАРИНА (входитъ).

Царевичъ!

САМОЗВАНЕЦЪ.

Она!.... вся кровь во мнѣ остановилась.

МАРИНА.

Дмитрій! вы?

САМОЗВАНЕЦЪ.

Волшебный, сладкій голосъ!

(Идетъ къ ней). Ты ль наконецъ? Тебя ли вижу я,
 Одну со мной, подъ сѣнью тихой ночи?
 Какъ медленно катился скучный день!
 Какъ медленно заря вечерня гасла!
 Какъ долго ждалъ во мракѣ я ночномъ!

МАРИНА.

Часы бѣгутъ, и дорого мнѣ время —
 Я здѣсь тебѣ назначила свиданье

Не для того, чтобъ слушать нѣжны рѣчи
 Любовника. Слова не нужны. Вѣрю,
 Что любишь ты; но слушай: я рѣшилась
 Съ твоей судьбой, и бурной и невѣрной,
 Соединить судьбу мою; то вправѣ
 Я требовать, Димитрій, одного:
 Я требую, чтобъ ты души своей
 Мнѣ тайныя открылъ теперь надежды,
 Намѣренья и даже опасенья;
 Чтобъ объ руку съ тобой могла я смѣло
 Пуститься въ жизнь — не съ дѣтской слѣпотой.
 Не какъ раба желаній легкихъ мужа,
 Наложница безмолвная твоя;
 Но какъ тебя достойная супруга,
 Помощница московскаго царя.

САМОЗВАНЕЦЪ.

О, дай забыть хоть на единый часъ
 Моей судьбы заботы и тревоги!
 Забуди сама, что видишь предъ собой
 Царевича. Марина! зри во мнѣ
 Любовника, избраннаго тобою,
 Счастливаго твоимъ единымъ взоромъ.
 О, выслушай моленія любви!
 Дай высказать все то, чѣмъ сердце полно!

МАРИНА.

Не время, князь: ты медлишь, и межъ тѣмъ
 Приверженность твоихъ клеветовъ стынетъ;
 Часъ отъ часу опасность и труды
 Становятся опаснѣй и труднѣе;
 Ужъ несутся сомнительные слухи,
 Ужъ новизна смѣняетъ новизну;
 А Годуновъ свои пріемлетъ мѣры....

САМОЗВАНЕЦЪ.

Что Годуновъ? Во власти ли Бориса
 Твоя любовь, одно мое блаженство?

Нѣтъ, нѣтъ. Теперь гляжу я равнодушно
 На тронъ его, на царственную власть.
 Твоя любовь... что безъ нея мнѣ жизнь,
 И славы блескъ, и русская держава?
 Въ глухой степи, въ землянкѣ бѣдной — ты,
 Ты замѣнишь мнѣ царскую корону;
 Твоя любовь....

МАРИНА.

Стыдись! не забывай
 Высокаго, святаго назначенья:
 Тебѣ твой санъ дороже долженъ быть
 Всѣхъ радостей, всѣхъ обольщеній жизни.
 Его ни съ чѣмъ не можешь ты равнять.
 Не юношѣ, кипящему безумно,
 Плѣненному моею красотой —
 Знай, отдаю торжественно я руку
 Наслѣднику московскаго престола,
 Царевичу, спасенному судьбой.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Не мучь меня, прелестная Марина,
 Не говори, что санъ, а не меня
 Избрала ты. Марива! ты не знаешь,
 Какъ больно тѣмъ ты сердце мнѣ язвишь.
 Какъ! ежели.... о страшное сомнѣнье!
 Скажи: когда бъ не царское рожденье
 Назначила слѣпая мнѣ судьба,
 Когда бъ я былъ не Иоанновъ сынъ,
 Не сей, давно забытый міромъ отрокъ;
 Тогда бъ.... тогда бъ любила ль ты меня?

МАРИНА.

Дмитрій ты и быть инымъ не можешь;
 Другаго мнѣ любить нельзя.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Нѣтъ! полно —
 Я не хочу дѣлиться съ мертвецомъ

Любовницей, ему принадлежащей —
 Нѣтъ, полно мнѣ притворствоваться! скажу
 Всю истину; такъ знай же: твой Дмитрій
 Давно погребъ, зарытъ — и не воскреснетъ;
 А хочешь ли ты знать, кто я таковъ?
 Изволь, скажу: я бѣдный черноризецъ;
 Монашеской неволею скучая,
 Подъ клобукомъ свой замысль отважный
 Обдумалъ я; готовилъ міру чудо —
 И наконецъ изъ келіи бѣжалъ
 Къ украинцамъ, въ ихъ буйные курени;
 Владѣть конемъ и саблей научился;
 Явился къ вамъ, Дмитріемъ назвался
 И поляковъ безмозглыхъ обманулъ.
 Что скажешь ты, надменная Марина?
 Довольна ль ты признаніемъ моимъ?
 Что жъ ты молчишь?

МАРИНА.

О стыдъ! о горе мнѣ!

(Молчаніе).

САМОЗВАНЕЦЪ (тихо).

Куда завлекъ меня порывъ досады!
 Съ такимъ трудомъ устроенное счастье
 Я, можетъ быть, навѣки погубилъ.
 Что сдѣлалъ я, безумецъ? (Вслухъ). Вижу, вижу:
 Стыдишься ты не княжеской любви;
 Такъ вымолви жъ мнѣ роковое слово;
 Въ твоихъ рукахъ теперь моя судьба;
 Рѣши: я жду. (Бросается на колѣна).

МАРИНА.

Встань, бѣдный самозванецъ.
 Не мнишь ли ты колѣнопреклоненіемъ,
 Какъ дѣвочки довѣрчивой и слабой,
 Тщеславное мнѣ сердце умилишь?
 Ошибся, другъ: у ногъ своихъ видала

Я рыцарей и графовъ благородныхъ;
Но ихъ мольбы я хладно отвергала
Не для того, чтобъ бѣглаго монаха....

САМОЗВАНЕЦЪ (встаётъ).

Не презирай младаго самозванца;
Въ немъ доблести таятся, можетъ быть,
Достойныя московскаго престола,
Достойныя руки твоей безцѣнной....

МАРИНА.

Достойныя позорной петли, дерзкій!

САМОЗВАНЕЦЪ.

Винювентъ я; гордыней обуянный,
Обманивалъ я Бога и царей —
Я міру лгалъ: но не тебѣ, Марина,
Меня казнить; я правъ передъ тобою.
Нѣтъ, я не могъ обманывать тебя.
Ты мнѣ была единственной святыней,
Предъ ней же я притворствовать не смѣлъ:
Любовь, любовь ревнивая, слѣпая,
Одна любовь принудила меня
Все высказать.

МАРИНА.

Чѣмъ хвалится, безумецъ!
Кто требовалъ признанья твоего?
Ужъ если ты, бродяга безыменный,
Могъ ослѣпить чудесно два народа;
Такъ долженъ ужъ, по крайней мѣрѣ, ты
Достоинъ быть успѣха своего
И свой обманъ отважный обезпечить
Упорною, глубокой, вѣчной тайной.
Могу ль, скажи, предаться я тебѣ,
Могу ль, забывъ свой родъ и стыдъ дѣвичій,
Соединить судьбу мою съ твоею,
Когда ты самъ съ такою простотой,
Такъ вѣтрено позоръ свой обличаешь?

Онъ изъ любви со мною проболтался!
 Дивлюся: какъ передъ мопмъ отцомъ
 Изъ дружбы ты доселѣ не открылся,
 Отъ радости предъ нашимъ королемъ,
 Или еще предъ паномъ Вишневецкимъ
 Изъ вѣрнаго усердія слуги.

САМОВАНЕЦЪ.

Клянусь тебѣ, что сердца моего
 Ты вымучить одна могла признанье;
 Клянусь тебѣ, что никогда, нигдѣ,
 Ни въ пиршествѣ, за чашею безумства,
 Ни въ дружескомъ завѣтномъ разговорѣ,
 Ни подъ ножомъ, ни въ мукахъ истязаній,
 Сихъ тяжкихъ тайнъ не выдастъ мой языкъ.

МАРНА.

Клянешься ты! и такъ должна я вѣрить.
 О, вѣрю я! но чѣмъ, нельзя ль узнать,
 Клянешься ты? Не именемъ ли Бога,
 Какъ набожный приемышь езуитовъ?
 Иль честію, какъ витязь благородный,
 Иль, можетъ быть, единымъ царскимъ словомъ.
 Какъ царскій сынъ? Не такъ ли? Говори.

ДИМИТРІЙ (гордо).

Тѣнь Грознаго меня усыновила,
 Димитріемъ изъ гроба нарекла,
 Вокругъ меня народы возмутила
 И въ жертву мнѣ Бориса обрекла.
 Царевичъ я! Довольно. Стыдно мнѣ
 Предъ гордою полячкой упижаться.
 Прощай навѣкъ: игра войны кровавой,
 Судьбы моей обширныя заботы
 Тоску любви, надѣюсь, заглушатъ.
 О, какъ тебя я стану ненавидѣть,
 Когда пройдетъ постыдной страсти жаръ.
 Теперь иду — погибель иль вѣнецъ

Мою главу въ Россіи ожидаетъ.
 Найду ли смерть, какъ воинъ въ битвѣ честной,
 Иль какъ злодѣй на плахѣ площадной, —
 Не будешь ты подругою моею,
 Моей судьбы не раздѣлишь со мною;
 Но, можетъ быть, ты будешь сожалѣть
 Объ участи, отвергнутой тобою.

МАРИНА.

А если я твой дерзостный обманъ
 Заранѣ предъ всѣми обваружу?

САМОЗВАНЕЦЪ.

Не мнишь ли ты, что я тебя боюсь?
 Что болѣе повѣрять польской дѣвѣ,
 Чѣмъ русскому царевичу? Но знай,
 Что ни король, ни папа, ни вельможи
 Не думаютъ о правдѣ словъ моихъ.
 Димитрій я, иль нѣтъ — что имъ за дѣло?
 Но я предлогъ раздоровъ и войны.
 Имъ это лишь и нужно: и тебя,
 Мятежница, повѣрь, молчать заставятъ.
 Прощай.

МАРИНА.

Постой, царевичъ. Наконецъ
 Я слышу рѣчь не мальчика, но мужа.
 Съ тобою, князь, она меня мирить.
 Безумный твой порывъ я забываю
 И вижу вновь Димитрія. Но слушай:
 Пора, пора! проснись, не медли болѣ,
 Веди полки скорѣе на Москву;
 Очисти Кремль, садись на тронъ московскій —
 Тогда за мной шли брачнаго посла;
 Но, слышитъ Богъ, пока твоя нога
 Не оперлась на тронныя ступени,
 Пока тобой не сверженъ Годуновъ,
 Любви рѣчей не буду слушать я.

(Уходить).

САМОЗВАНЕЦЪ.

Нѣтъ — легче мнѣ сражаться съ Годуновымъ,
 Или хитрить съ придворнымъ езуитомъ,
 Чѣмъ съ женщиной. Чортъ съ нею; мочи нѣтъ:
 И путаегъ, и вьется, и ползетъ
 Скользитъ изъ рукъ, шипитъ, грозитъ и жалитъ.
 Змѣя! змѣя!.. Не даромъ и дрожалъ.
 Она меня чуть чуть не погубила.
 Но рѣшено: завтра двину рать.

ГРАНИЦА ЛИТОВСКАЯ.

(1604 года, 16-е октября).

КНЯЗЬ КУРБСКІЙ И САМОЗВАНЕЦЪ, оба верхами. Поляки приближаются
 къ границѣ.

КУРБ'СКІЙ (прискакавъ первый).

Вотъ, вотъ она, вотъ русская граница!
 Святая Русь! отечество! я твой!
 Чужбинны прахъ съ презрѣньемъ отряхаю
 Съ моихъ одеждъ; пью жадно воздухъ новый:
 Онъ мнѣ родной! Теперь твоя душа,
 О, мой отецъ, утѣшилась и въ гробѣ
 Опальные возрадуются кости!
 Блеснулъ опять наслѣдственный нашъ мечъ,
 Сей славный мечъ — гроза Казани темной,
 Сей добрый мечъ — слуга царей московскихъ!
 Въ своемъ прру теперь онъ загуляетъ
 За своего надежу-государя!...

САМОЗВАНЕЦЪ (ѣдетъ тихо съ поникшей
 головой).

Какъ счастливъ онъ! какъ чистая душа
 Въ немъ радостью и славой разыгралась!
 О, витязь мой, завидую тебѣ!
 Сынъ Курбскаго, воспитанный въ изгнаньи,

Забывъ отцомъ снесенныя обиды,
Его вину за гробомъ искупивъ,
Ты кровь излить за сына Іоанна
Готовишься, законнаго цари
Ты возвратишь отечеству.... Ты правъ,
Душа твоя должна пылать весельемъ.

КУРЬСКІЙ.

Ужель и ты не веселишься духомъ?
Вотъ наша Русь: она твоя, царевичъ.
Тамъ ждуть тебя сердца твоихъ людей,
Твоя Москва, твой Кремль, твоя держава.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Кровь русская, о Курбскій, потечетъ!
Вы за царя подъяли мечъ, вы чисты.
Я жъ васъ веду на братьевъ; я Литву
Позвалъ на Русь; и въ красную Москву
Кажу врагамъ завѣтную дорогу!

Но пусть мой грѣхъ падетъ не на меня,
А на тебя, Борисъ-цареубійца!
Впередъ!

КУРЬСКІЙ.

Впередъ! и горе Годунову!

(Скачутъ. Полки переходятъ черезъ границу.)

ЦАРСКАЯ ДУМА.

ЦАРЬ, ПАТРИАРХЪ И ВОЯРЕ.

ЦАРЬ

Возможно ли? Разстрига, бѣглый инокъ
На насъ ведетъ злодѣйскія дружины,
Дерзаетъ намъ писать угрозы! Полно,
Пора смирить безумца! Поѣзжайте,
Ты, Трубецкой, и ты, Васмановъ; помощь

Нужна моимъ усерднымъ воеводамъ.
 Бунтовщикомъ Черниговъ осажденъ.
 Спасайте градъ и гражданъ.

БАСМАНОВЪ.

Государь,
 Трехъ мѣсяцевъ отнынѣ не пройдетъ,
 И замолчить и слухъ о самозванцѣ;
 Его въ Москву мы привеземъ, какъ звѣря
 Заморскаго, въ желѣзной клѣткѣ. Богомъ
 Тебѣ клянусь.

(Уходить съ Трубецкимъ).

ЦАРЬ.

Мнѣ свейскій государь
 Черезъ пословъ союзъ свой предложилъ;
 Но не нужна намъ чуждая помощь;
 Своихъ людей у насъ довольно ратныхъ,
 Чтобъ отразить измѣнниковъ и ляха.
 Я отказалъ.

Щелкаловъ! разослать
 Во всѣ концы указы къ воеводамъ,
 Чтобъ на коня садились и людей
 По старинѣ на службу высылали;
 Въ монастыряхъ подобно отобрать
 Служителей причетныхъ. Въ прежни годы,
 Когда бѣдой отечеству грозило,
 Отшельники на битву сами шли;
 Но не хотимъ тревожить нынѣ ихъ;
 Пусть молятся за насъ они: таковъ
 Указъ царя и приговоръ боярскій.
 Теперь вопросъ мы важный разрѣшимъ:
 Вы знаете, что наслѣдъ самозванецъ
 Коварные промчалъ повсюду слухи;
 Повсюду имъ разосланныя письма
 Посѣяли тревогу и сомнѣнье;
 На площадяхъ мятежный бродитъ шепотъ,
 Умы кипятъ... ихъ нужно остудить;

Предупредить желать бы казни я,
Но чѣмъ и какъ? рѣшимъ теперь. Ты первый,
Святой отецъ, свою повѣдай мысль.

ПАТРИАРХЪ.

Благословенъ Всевышній, поселившій
Духъ милости и кроткаго терпѣнья
Въ душѣ твоей, великій государь;
Ты грѣшному погибели не хочешь,
Ты тихо ждешь, да пройдетъ заблужденье:
Оно пройдетъ, и солнце правды вѣчной
Всѣхъ озаритъ.

Твой вѣрный богомолецъ,
Въ дѣлахъ мірскихъ не мудрый судія,
Дерзаетъ днесь подать тебѣ свой голосъ:

Бѣсовскій сынъ, разстрига окаянный,
Прослыть умѣлъ Димитріемъ въ народѣ;
Онъ именемъ царевича, какъ ризой
Украденной, безстыдно облачился:
Но стоитъ лишь ее раздрать — и самъ
Онъ наготой своею посрамится.

Самъ Богъ на то намъ средство посылаетъ:
Знай, государь, тому прошло шесть лѣтъ,
Въ тотъ самый годъ, когда тебя Господь
Благословилъ на царскую державу —
Въ вечерній часъ ко мнѣ пришелъ однажды
Простой пастухъ, уже маститый старецъ,
И чудную повѣдалъ онъ мнѣ тайну:
«Въ молодыхъ лѣтахъ», сказалъ онъ, «я ослѣпъ,
И съ той поры не зналъ ни дня, ни ночи
До старости. Напрасно я лѣчился
И зелиемъ, и тайнымъ нашептаниемъ;
Напрасно я ходилъ на поклоненье
Въ обители къ великимъ чудотворцамъ;
Напрасно я изъ кладизей святыхъ
Кропилъ водой цѣлебной темны очи —

Не посылалъ Господь мнѣ исцѣленья.
 Вотъ наконецъ утратилъ я надежду,
 И къ тьмѣ своей привыкъ, и даже сны
 Мнѣ виданныхъ вещей ужъ не являли,
 А слышались мнѣ только звуки. Разъ
 Въ глубокомъ снѣ я слышу, дѣтскій голосъ
 Мнѣ говоритъ: встань, дѣдушка, поди
 Ты въ Угличъ-градъ, въ соборъ Преображенья;
 Тамъ помолись ты надъ моей могилой,
 Богъ милостивъ — и я тебя прошу.
 Но кто же ты? спросилъ я дѣтскій голосъ.
 Царевичъ я Димитрій. Царь небесный
 Пріялъ меня въ ликъ ангеловъ своихъ,
 И я теперь великій чудотворецъ.
 Иди, старикъ. — Проснулся я и думалъ:
 Что жъ, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ, Богъ
 Мнѣ позднее даруетъ исцѣленье.
 Пойду — и въ путь отправился далекій.
 Вотъ Углича достигъ я, прихожу
 Въ святой соборъ, и слушаю обѣдню,
 И, разгораясь душой усердной, плачу
 Такъ сладостно, какъ будто слѣпота
 Изъ глазъ моихъ слезами текла.
 Когда народъ сталъ выходить, я внуку
 Сказалъ: Иванъ, води меня на гробъ
 Царевича Димитрія. И мальчикъ
 Повелъ меня — и только передъ гробомъ
 Я тихую молитву сотворилъ,
 Глаза мои прозрѣли: я увидѣлъ
 И Божій свѣтъ, и внука, и могилку.
 Вотъ, государь, что мнѣ повѣдалъ старецъ.

(Общее смущеніе. Въ продолженіи сей рѣчи Борисъ
 нѣсколько разъ отираетъ лице платкомъ.)

Я посылалъ тогда нарочно въ Угличъ,
 И свѣдано, что многіе страдалцы
 Спасеніе подобно обрѣтали
 У гробовой царевича доски.

Вотъ мой совѣтъ: во Кремль святыя мощи
 Перенести, поставить ихъ въ соборѣ
 Архангельскомъ; народъ увидитъ ясно
 Тогда обманъ безбожнаго злодѣя,
 И мощь бѣсовъ исчезнетъ яко прахъ.
 (Молчаніе).

князь шуйскій.

Святой отецъ, кто вѣдаетъ пути
 Всевышняго? Не мнѣ его судить.
 Нетлѣнный сонъ и силу чудотворства
 Онъ можетъ дать младенческимъ останкамъ;
 Но надлежитъ народную молву
 Изслѣдовать прилежно и безстрастно;
 А въ бурныя ль смятеній времена
 Намъ помышлять о столь великомъ дѣлѣ?
 Не скажутъ ли, что мы святыню дерзко
 Въ дѣлахъ мірскихъ орудіемъ творимъ?
 Народъ и такъ колеблется безумно,
 И такъ ужъ есть довольно шумныхъ толковъ:
 Умы людей не время волновать
 Нежданною, столь важной новизною

Самъ вижу я: необходимо слухъ,
 Разсѣянный разстригой, уничтожить;
 Но есть на то иныя средства — проще;
 Такъ, государь, когда изволишь ты,
 Я самъ явлюсь на площади народной,
 Уговорю, усовѣщу безумство
 И злой обманъ бродяги обнаружу.

царь.

Да будетъ такъ! Владыка патріархъ,
 Прошу тебя пожаловать въ палату:
 Сегодня мнѣ нужна твоя бесѣда.

(Уходитъ; за нимъ и всѣ бояре).

одинъ бояринъ (тихо другому).

Замѣтилъ ты, какъ государь блѣднѣлъ,
 И крупный потъ съ лица его закапалъ?

ВТОРОЙ.

Я, признаюсь, не смѣлъ поднять очей,
Не смѣлъ вздохнуть, не только шевелиться.

ПЕРВЫЙ.

А выручилъ князь Шуйскій. Молодецъ!

РАВНИНА БЛИЗЪ НОВГОРОДА-СѢВЕРСКАГО.

(1604 года 21 декабря).

БИТВА.

ВОИНЫ (бѣгутъ въ безпорядкѣ).

Бѣда, бѣда! Царевичъ! Лихи! Вотъ онъ! вотъ они!

(Входятъ капитаны: Маржеретъ и Вальтеръ Розень).

МАРЖЕРЕТЪ.

Куда, куда? Allons.... пошелъ назадъ!

ОДИНЪ ИЗЪ БѢГЛЕЦОВЪ.

Самъ пошелъ, коли есть охота, проклятый басурманъ.

МАРЖЕРЕТЪ.

Quoi? quoi?

ДРУГОЙ.

Ква! ква! Тебѣ любо, лягушка заморская, квакать на русскаго
царевича; а мы вѣдь православные.

МАРЖЕРЕТЪ.

Qu'est-ce à dire pravoslavni?... Sacrés gueux, maudite canaille!
Mordieu, mein Herr, j'enrage: on dirait que ça n'a pas bras pour
frapper, ça n'a que des jambes pour fuir.

В. РОЗЕНЪ.

Es ist Schande.

МАРЖЕРЕТЪ.

Ventre-saint-gris! Je ne bouge plus d'un pas; puisque le vin est tiré, il faut le boire. Qu'en dites-vous, mein Herr?

В. РОЗЕНЪ.

Sie haben Recht.

МАРЖЕРЕТЪ.

Diable, il y fait chaud! Ce diable de Samozvanetz, comme il s'appelle, est un brave à trois poils.

В. РОЗЕНЪ.

Ja.

МАРЖЕРЕТЪ.

Hé! voyez donc, voyez donc! L'action s'engage sur les derrières de l'ennemi. Ce doit être le brave Basmanoff, qui aurait fait une sortie.

В. РОЗЕНЪ.

Ich glaube das.

(Входятъ нѣмцы).

МАРЖЕРЕТЪ

Ha, ha! voici nos Allemands. Messieurs! Mein Herr, dites-leur donc de se rallier et, sacrebleu, chargeons!

В. РОЗЕНЪ.

Sehr gut. Halt!

(Нѣмцы строятся).

Marsch!

НѢМЦЫ (идутъ).

Hilf Gott!

(Сраженіе. Русскіе снова бѣгутъ).

ЛЯХИ.

Побѣда! побѣда! Слава царю Дмитрію!

ДИМИТРІЙ (верхомъ).

Ударить отбой! Мы побѣдили. Довольно; щадите русскую кровь. Отбой!

(Трубятъ; бьютъ барабаны).

ПЛОЩАДЬ ПЕРЕДЪ СОВОРОМЪ ВЪ МОСКВѢ.

НАРОДЪ.

О Д И Н Ъ.

Скоро ли царь выйдетъ изъ собора?

Д Р У Г О Й.

Обѣдня кончилась; теперь идетъ молебствіе.

П Е Р В Ы Й.

Что? ужъ проклинали того?

Д Р У Г О Й.

Я стоялъ на паперти и слышалъ, какъ дьяконъ завопилъ: Гришка Отрепьевъ — аваемъ!

П Е Р В Ы Й.

Пускай себѣ проклинаятъ; царевичу дѣла нѣтъ до Отрепьева.

Д Р У Г О Й.

А царевичу поютъ теперь вѣчную память.

П Е Р В Ы Й.

Вѣчную память живому! Вотъ уже имъ будетъ, безбожникамъ.

Т Р Е Т І Й.

Чу! шумъ. Не царь ли?

Ч Е Т В Е Р Т Ы Й.

Нѣтъ, это юродивый.

(Входитъ юродивый въ желѣзной шапкѣ, обвѣшенный веригами и окруженный мальчишками).

М А Л Ь Ч И Ш К И.

Желѣзный колпакъ! желѣзный колпакъ!... трррр....

С Т А Р У Х А.

Отвяжитесь отъ него, бѣсенята. Помолись, блаженный, за меня грѣшную.

Ю Р О Д И В Ы Й.

Дай, дай, дай копѣчку.

СТАРУХА.

Вотъ тебѣ копѣчка; помяни же меня.

ЮРОДИВЫЙ (садится на землю и поетъ).

Мѣсяцъ ѣдетъ,
Котенокъ плачетъ,
Юродивый, вставай,
Богу помолися!

(Мальчишки окружаютъ его снова).

ОДНѢ ИЗЪ НИХЪ.

Здравствуй, юродивый, что же ты шапки не снимаешь?
(Щелкаетъ его по желѣзной шапкѣ). Экъ она звонитъ!

ЮРОДИВЫЙ.

А у меня копѣчка есть.

МАЛЬЧИШКА.

Неправда; ну, покажи.

(Вырываетъ копѣчку и убѣгаетъ).

ЮРОДИВЫЙ (плачетъ).

Взяли мою копѣчку, обижаютъ юродиваго.

НАРОДЪ.

Царь, царь идетъ!

(Царь выходитъ изъ собора; бояринъ впереди
раздаетъ нищимъ милостыню. Бояре).

ЮРОДИВЫЙ.

Борись, Борись! мальчишки обижаютъ юродиваго.

ЦАРЬ.

Подать ему милостыню! О чемъ онъ плачетъ?

ЮРОДИВЫЙ.

Мальчишки меня обижаютъ.... Вели ихъ зарѣзать, какъ зарѣзали
ты маленькаго царевича.

БОЯРЕ.

Поди прочь, дуракъ! схватите дурака!

ЦАРЬ.

Оставьте его. Молись за меня, юродивый.

(Уходитъ).

ЮРОДИВЫЙ (ему вслѣдъ).

Нѣтъ, нѣтъ! нельзя молиться за царя-Ирода: Богородица не велить.

СѢВСКЪ.

САМОЗВАНЕЦЪ, окруженный своими.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Гдѣ плѣнный?

ЛЯХЪ.

Здѣсь.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Позвать его ко мнѣ.

(Входитъ русскій плѣнникъ).

Кто ты?

ПЛѢННИКЪ.

Рожновъ, московскій дворянинъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Давно ли ты на службѣ?

ПЛѢННИКЪ.

Съ мѣсяцъ будетъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Не совѣстно, Рожновъ, что на меня
Ты поднялъ мечъ?

ПЛѢННИКЪ.

Какъ быть, не наша воля.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Сражался ты подъ Сѣверскимъ?

ПЛѢННИКЪ.

Я прибылъ

Недѣли двѣ по битвѣ изъ Москвы.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Что Годуновъ?

ПЛѢННИКЪ.

Онъ очень былъ встревоженъ
Потерю сраженія и раной
Мстиславскаго, и Шуйскаго послалъ
Начальствовать надъ войскомъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

А зачѣмъ

Онъ отозвалъ Басманова въ Москву?

ПЛѢННИКЪ.

Царь наградишь его заслуги честью
И золотомъ. Басмановъ въ царской думѣ
Теперь сидитъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Онъ въ войскѣ былъ нужнѣе.

Ну, что въ Москвѣ?

ПЛѢННИКЪ.

Все, слава Богу, тихо.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Что? ждутъ меня?

ПЛѢННИКЪ.

Богъ знаетъ; о тебѣ

Тамъ говорить не слишкомъ нынче смѣютъ.
Кому языкъ отрѣжутъ, а кому
И голову. Такая право притча —
Что день, то казнь Тюрьмы биткомъ набиты.
На площади, гдѣ человѣка три
Сойдутся — глядь — лазутчикъ ужъ и вѣтся,
А государь досужною порою
Доносчиковъ допрашиваетъ самъ.
Какъ разъ бѣда; такъ лучше ужъ молчать.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Завидна жизнь Борисовыхъ людей!

Ну, войско что?

П Л Ъ Н Н И К Ъ .

Что съ нимъ? Одѣто, сыто,
Довольно всѣмъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Да много ли его?

П Л Ъ Н Н И К Ъ .

Богъ вѣдаетъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

А будетъ тысячъ тридцать?

П Л Ъ Н Н И К Ъ .

Да наберешь и тысячъ пятьдесятъ.

(Самозванецъ задумывается; окружающіе
смотреть другъ на друга).

САМОЗВАНЕЦЪ.

Ну, обо мнѣ какъ судить въ нашемъ станѣ?

П Л Ъ Н Н И К Ъ .

А говорятъ о милости твоей,
Что ты-дескать (будь не во гнѣвѣ) и воръ,
А молодецъ.

САМОЗВАНЕЦЪ (смѣясь).

Такъ это я на дѣлѣ

Имъ докажу: друзья, не станемъ ждать
Мы Шуйскаго; я поздравляю васъ:
На завтра бой.

(Уходитъ).

В С Ъ .

Да здравствуетъ Дмитрій!

Л Я Х Ъ .

На завтра бой! Ихъ тысячъ пятьдесятъ,
А насъ всего едва ль пятнадцать тысячъ:
Съ ума сошелъ.

Д Р У Г О Й .

Пустое, другъ: полякъ
Одинъ пятьсотъ москалей вызвать можетъ.

ПЛѢННИКЪ.

Да, вызовешь! а какъ дойдетъ до драки,
Такъ убѣжишь отъ одного, хвастунъ.

Л Я Х Ъ.

Когда бы ты былъ при саблѣ, дерзкій плѣнникъ,
То я тебя (указывая на свою саблю) вотъ этимъ бы смирилъ.

ПЛѢННИКЪ.

Нашъ братъ русакъ безъ сабли обойдется:
Не хочешь ли вотъ этого (показывая кулакъ), безмозглый!
(Ляхъ гордо смотреть на него и молча
стходить. Всѣ смѣются).

Л Я С Ъ.

Лжедимитрій, пушкінъ.

(Въ отдаленіи лежитъ конь издыхающій).

Л ж е д и м и т р і й.

Мой бѣдный конь! какъ бодро поскакалъ
Сегодня онъ въ послѣднее сраженье,
И раненый какъ быстро несъ меня.
Мой бѣдный конь!

п у ш к и н ъ (про-себя).

Ну, вотъ о чемъ жалѣть,

Объ лошади, когда все наше войско
Побито въ прахъ!

с а м о з в а н е ц ъ.

Послушай, можетъ быть,

Отъ равы онъ лишь только заморился
И отдохнетъ?

п у ш к и н ъ.

Куда! онъ издыхаетъ.

с а м о з в а н е ц ъ (идетъ къ коню).

Мой бѣдный конь!... что дѣлать? снять узду,

Да отстегнуть подиругу. Пусть на волѣ
Издохнетъ онъ.

(Разнуздываетъ и разсѣдываетъ коня. Входитъ
нѣсколько ляховъ).

Здорово, господа!

Что жъ Курбскаго не вижу между вами?
Я видѣлъ, какъ сегодня въ гущу боя
Онъ врѣзался; тьмы сабель молодца,
Что зыбіе колосья, облѣпили;
Но мечъ его всѣхъ выше подымался,
А грозный кликъ всѣ клики заглушалъ.
Гдѣ жъ витязь мой?

Ляхъ.

Онъ легъ на полѣ смерти.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Честь храброму и миръ его душѣ!
Какъ мало насъ отъ битвы уцѣлѣло!
Измѣнники, злодѣи запорожцы,
Проклятые! вы, вы сгубили насъ!
Не выдержать и трехъ минутъ отпора!
Я ихъ уже! десятого повѣшу;
Разбойники!

ПУШКИНЪ.

Кто тамъ ни виновать,
Но все такъ мы начисто разбиты,
Истреблены.

САМОЗВАНЕЦЪ.

А дѣло было наше;
Я было снялъ передовую рать —
Да нѣмцы насъ порядкомъ отразили;
А молодцы! ей Богу молодцы!
Люблю за то; изъ нихъ ужъ непремѣнно
Составлю я почетную дружину.

ПУШКИНЪ.

А гдѣ-то намъ сегодня ночевать?

САМОЗВАНЕЦЪ.

Да здѣсь, въ лѣсу. Чѣмъ это не ночлегъ?
 Чѣмъ свѣтъ, мы въ путь; къ обѣду будемъ въ Рыльскѣ.
 Спокойна ночь.

(Ложится, кладетъ сѣдло подъ голову и засыпаетъ).

ПУШКИНЪ.

Пріятный сонъ, царевичъ!
 Разбитый въ прахъ, спасаясь побѣгомъ,
 Безпечень онъ, какъ глупое дитя:
 Хранить его, конечно, Провидѣнье;
 И мы, друзья, не станемъ унывать.

МОСКВА. ЦАРСКІЯ ПАЛАТЫ.

БОРИСЪ, БАСМАНОВЪ.

ЦАРЬ.

Онъ побѣжденъ, какая польза въ томъ?
 Мы тщетною побѣдой увѣнчались.
 Онъ вновь собралъ разсѣянное войско
 И намъ со стѣнъ Путивля угрожаетъ.
 Что дѣлають межъ тѣмъ герои наши?
 Стоять у Кромъ, гдѣ кучка казаковъ
 Смѣется имъ изъ-подъ гнилой ограды.
 Вотъ слава! Нѣтъ, я ими недоволенъ;
 Пошлю тебя начальствовать надъ ними,
 Не родъ, а умъ поставлю въ воеводы;
 Пускай ихъ спѣсь о мѣстничествѣ тузить!
 Пора презрѣть мнѣ ропотъ знатной черни
 И гибельный обычай уничтожить.

БАСМАНОВЪ.

Ахъ, государь, стократъ благословенъ
 Тотъ будетъ день, когда Разрядны книги
 Съ раздорами, съ гордыней родословной
 Пожретъ огонь.

ЦАРЬ.

День этотъ не далѣкъ;
Лишь дай сперва смятеніе народа
Мнѣ усмирить.

БАСМАНОВЪ.

Что на него смотрѣть?

Всегда народъ къ смятенью тайно склоненъ:
Такъ борзый конь грызетъ свои бразды;
На власть отца такъ отрокъ негодуетъ:
Но что жъ? Конемъ спокойно всадникъ править,
И отрокомъ отецъ повелѣваетъ.

ЦАРЬ.

Конь иногда сбиваетъ сѣдока,
Сынъ у отца не вѣчно въ полной волѣ:
Лишь строгостью мы можемъ неусыпной
Сдержать народъ. Такъ думалъ Іоаннъ,
Смиритель бурь, разумный самодержецъ,
Такъ думалъ и его свирѣпый ввукъ.
Нѣтъ, мплости не чувствуетъ народъ:
Твори добро — не скажетъ онъ спасибо;
Грабъ и казни — тебѣ не будетъ хуже.

(Входитъ бояринъ).

Что?

БОЯРИНЪ.

Привели гостей иноплеменныхъ.

ЦАРЬ.

Иду принять; Басмановъ, погоди,
Останься здѣсь: съ тобой еще мнѣ нужно
Поговорить.

(Уходитъ).

БАСМАНОВЪ.

Высокій духъ державный!

Дай Богъ ему съ Отрепьевымъ проклятымъ
Управиться; и много, много онъ

Еще добра въ Россіи сотворить.
 Мысль важная въ умѣ его родилась;
 Не надобно ей дать остыть. Какое
 Мнѣ поприще откроется, когда
 Онъ сломить рогъ боярству родовому!
 Соперниковъ по брани я не знаю;
 У царскаго престола стану первый...
 И можетъ быть.... Но что за чудный шумъ?

(Тревога. Бояре, придворные служители въ без-
 порядкѣ бѣгутъ, встрѣчаются и шепчутъ).

ОДНЪ.

За лѣкаремъ!

ДРУГОЙ.

Скорѣе къ патриарху!

ТРЕТІЙ.

Царевича, царевича зоветь!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Духовника!

БАСМАНОВЪ.

Что сдѣлалось такое?

ПЯТЫЙ И ШЕСТОЙ.

Царь занемогъ, царь умираетъ.

БАСМАНОВЪ.

Боже!

ПЯТЫЙ.

На тронѣ онъ сидѣлъ и вдругъ упалъ;

Кровь хлынула изъ устъ и изъ ушей.

(Царя выносятъ на стулѣ, все царское
 семейство, всѣ бояре).

ЦАРЬ.

Подите всѣ — оставьте одного

Царевича со мною. (Всѣ удаляются). Умираю;

Обнимемся. Прощай, мой сынъ: сейчасъ

Ты царствовать начнешь... о Боже, Боже!

Сейчасъ явлюсь передъ тобой — и душу
 Мнѣ некогда очистить покаяньемъ!
 Но чувствую — мой сынъ, ты мнѣ дороже
 Душеваго спасенья... такъ и быть!
 Я подданнымъ рожденъ, п умереть
 Мнѣ подданнымъ во мракѣ бѣ надлежало:
 Но я достигъ верховной власти — чѣмъ?
 Не спрашивай. Довольно: ты невиненъ,
 Ты царствовать теперь по праву станешь,
 А я за все одинъ отвѣчу Богу.
 О, милый сынъ, не обольщайся ложно,
 Не ослѣпилъ себя ты добровольно.
 Въ дни бурные державу ты приемишь:
 Опасенъ онъ, сей чудный самозванецъ:
 Онъ именемъ ужаснымъ ополченъ.
 Я, съ давнихъ лѣтъ въ правленьи искушенный,
 Могъ удержать смятенье и мятежъ:
 Передо мной они дрожали въ страхѣ;
 Возвыспѣ гласъ измѣна не дерзала:
 Но ты молодой, неопытный властитель,
 Какъ управлять ты будешь подъ грозой,
 Тушить мятежъ, опутывать измѣну!
 Но Богъ великъ! онъ умудряетъ юность,
 Онъ слабости даруетъ силу.... Слушай:
 Совѣтника во-первыхъ избери
 Надежнаго, холоднаго, зрѣлыхъ лѣтъ.
 Любимаго народомъ, а въ боярахъ
 Почтеннаго породой или славой —
 Хоть Шуйскаго. Для войска нынѣ нуженъ
 Искусный вождь. Басманова пошли
 И съ твердостью снеси боярскій ропоть.
 Ты съ малыхъ лѣтъ спдѣлъ со мною въ думѣ,
 Ты знаешь ходъ державнаго правленья;
 Не пзмѣняй теченья дѣлъ. Привычка —
 Душа державъ. Я нынѣ долженъ былъ
 Возстановить опалы, казни — можешь
 Ихъ отиѣнить; тебя благословятъ,
 Какъ твоего благословляли дядю,

Когда престолъ онъ Грознаго пріялъ.
 Со временемъ и понемногу снова
 Затягивай державныя бразды.
 Теперь ослабь, изъ рукъ не выпуская.
 Будь милостивъ, доступенъ къ иноземцамъ,
 Довѣрчиво ихъ службу принимай.
 Со строгостью храни уставъ церковный;
 Будь молчаливъ; не долженъ царскій голосъ
 На воздухъ теряться по пустому;
 Какъ звонъ святой, онъ долженъ лишь вѣщать
 Велику скорбь или великій праздникъ.
 О милый сынъ! тыходишь въ тѣ лѣта,
 Когда намъ кровь волнуетъ женскій ликъ.
 Храни, храни святую чистоту
 Невинности и гордую стыдливость;
 Кто чувствами въ порочныхъ наслажденьяхъ
 Въ младые дни привыкнулъ утопать,
 Тотъ, возмужавъ, угрюмъ и кровожаденъ,
 И умъ его безвременно темнѣетъ.
 Въ семьѣ своей будь всегда главой;
 Мать почитай, но властвуй самъ собою:
 Ты мужъ и царь; люби свою сестру —
 Ты ей одинъ хранитель остаешься.

ФЕОДОРЪ (на колѣнахъ).

Нѣтъ, нѣтъ — живи и царствуй долговѣчно:
 Народъ и мы погибли безъ тебя.

ЦАРЬ.

Все кончено — глаза мои темнѣютъ,
 Я чувствую могильный хладъ....

(Входятъ патріархъ, святители; за ними
 всѣ бояре. Царицу ведутъ подъ руки;
 царевна рыдаетъ).

Кто тамъ?

А! сжима.... такъ! святое постриженъе....
 Ударилъ часъ! въ монахи царь идетъ —
 И темный гробъ моею будетъ кельей

Повременн, владыка патріархъ,
 Я царь еще: внемлите вы, бояре —
 Се тотъ, кому приказываю царство;
 Цѣлуйте крестъ Θεодору.... Басмановъ,
 Друзья мои.... при гробѣ васъ молю
 Ему служить усердіемъ и правдой!
 Онъ такъ еще и младъ, и непороченъ.
 Клянетесь ли?

БОЯРЕ.

Клянемся.

ЦАРЬ.

Я доволенъ.

Простите жъ мнѣ соблазны и грѣхи,
 И вольныя, и тайныя обиды....
 Святый отецъ, приближся, я готовъ.

(Начинается обрядъ постриженія. Женщинъ
 въ обморокѣ выносятъ).

С Т А В К А.

БАСМАНОВЪ вводитъ ПУШКИНА.

БАСМАНОВЪ.

Войди сюда и говори свободно.
 И такъ тебя ко мнѣ онъ посылаетъ?

ПУШКИНЪ.

Тебѣ свою онъ дружбу предлагаетъ
 И первый санъ по немъ въ московскомъ царствѣ.

БАСМАНОВЪ.

Но я и такъ Θεодоромъ высоко
 Ужъ вознесенъ; начальствую надъ войскомъ;
 Онъ для меня презрѣлъ и чинъ разрядный,
 И гнѣвъ бояръ. Я присягалъ ему.

ПУШКИНЪ.

Ты присягалъ наслѣднику престола
Законному; но если живъ другой,
Законнѣйшій?...

БАСМАНОВЪ.

Послушай, Пушкинъ, полно;
Пустаго мнѣ не говори; я знаю,
Кто онъ такой.

ПУШКИНЪ.

Россія и Литва

Димитріемъ давно его признали;
Но, впрочемъ, я за это не стою.
Быть можетъ, онъ Димитрій настоящій,
Быть можетъ, онъ и самозванецъ; только
Я вѣдаю, что рано или поздно
Ему Москву уступить сынъ Борисовъ.

БАСМАНОВЪ.

Пока стою за юнаго царя,
Дотолѣ онъ престола не оставитъ;
Полковъ у насъ довольно, слава Богу!
Побѣдою я ихъ одушевлю,
А вы кого противъ меня пошлете,
Не казака ль Карелу, али Мнишка?
Да много ль васъ? всего-то восемь тысячъ.

ПУШКИНЪ.

Ошибся ты: и тѣхъ не наберешь.
Я самъ скажу, что войско наше дрянъ,
Что казаки лишь только села грабятъ,
Что полики лишь хвастаютъ, да пьютъ,
А русскіе.... да что и говорить —
Передъ тобой не стану я лукавить;
Но знаешь ли, чѣмъ сильны мы, Басмановъ?
Не войскомъ, нѣтъ, не польскою помощью,
А мнѣніемъ — да, мнѣніемъ народнымъ.

Димитрія ты помнишь торжество
И мирныя его завоеванья,
Когда вездѣ безъ выстрѣла ему
Послушныя сдавались города,
А воеводѣ упрямыхъ чернь вязала?
Ты видѣлъ самъ: охотно ль ваши рати
Сражались съ нимъ? Когда же? При Борисѣ!
А нынче ль?... Нѣтъ, Басмановъ, поздно спорить
И раздувать холодный пепелъ брани:
Со всѣмъ твоимъ умомъ и твердой волей
Не устоишь; не лучше ли тебѣ
Дать первому примѣръ благоразумный,
Димитрія царемъ провозгласить
И тѣмъ ему навѣки удружить?
Какъ думаешь?

Б А С М А Н О В ъ .

Узнаете вы завтра.

П У Ш К И Н ъ .

Рѣшился!

Б А С М А Н О В ъ .

Прощай!

П У Ш К И Н ъ .

Подумай же, Басмановъ.

(Уходитъ).

Б А С М А Н О В ъ .

Онъ правъ, онъ правъ, вездѣ измѣна зрѣть:
Что дѣлать мнѣ? Ужели буду ждать,
Чтобъ и меня бунтовщики связали
И выдали Отрепьеву? Не лучше ль
Предупредить разрывъ потока бурный,
И самому.... Но измѣнить присягѣ!
Но заслужить безчестье въ родъ и родъ!
Довѣренность младаго вѣнценосца
Предательствомъ ужаснымъ заплатить!...
Опальному изгнаннику легко
Обдумывать мятежъ и заговоръ,

Но мнѣ ли, мнѣ ль, любимцу государя...
 Но смерть.... но власть.... но бѣдствія народны...
 (Задумывается).
 Сюда! кто тамъ? (Свищеть). Коня! трубите сборъ!

ЛОБНОЕ МѢСТО.

ПУШКИНЪ идетъ, окруженный народомъ.

НАРОДЪ.

Царевичъ намъ боярина послалъ.
 Послушаемъ, что скажетъ намъ бояринъ.
 Сюда! сюда!

ПУШКИНЪ (на амвонѣ).

Московскіе граждане,
 Вамъ кланяться царевичъ приказалъ. (Кланяется).
 Вы знаете, какъ промысль небесный
 Царевича отъ рукъ убійцы спасъ;
 Онъ шель казнить злодѣя своего,
 Но Божій судъ ужъ поразилъ Бориса.
 Димитрію Россія покорилась;
 Басмановъ самъ съ расканьемъ усерднымъ
 Свои полки привелъ ему къ присягѣ.
 Димитрій къ вамъ идетъ съ любовью, съ миромъ.
 Въ угоду ли семейству Годуновыхъ
 Подымете вы руку на царя
 Законнаго, на внука Мономаха?

НАРОДЪ.

Вѣстимо нѣтъ.

ПУШКИНЪ.

Московскіе граждане,
 Міръ вѣдаетъ, сколь много вы терпѣли
 Подъ властію жестокаго пришельца:
 Опалу, казнь, безчестіе, налоги;
 И трудъ, и гладъ, все испытали вы.

Димитрій же васъ жаловать намѣренъ.
 Бояръ, дворянъ, людей приказныхъ, ратныхъ,
 Гостей, купцовъ — и весь честной народъ.
 Вы ль станете упрямиться безумно
 И милостей кичливо убѣгать?
 Но онъ идетъ на царственный престолъ
 Своихъ отцовъ въ сопровожденіи грозномъ.
 Не гнѣвайте жъ царя и бойтесь Бога,
 Цѣлуйте крестъ законному владыкѣ:
 Смиритесь; немедленно пошлите
 Къ Димитрію во станъ митрополита,
 Бояръ, дьяковъ и выборныхъ людей,
 Да бьютъ челомъ отцу и государю.

(Сходить. Шумъ народный).

НАРОДЪ.

Что толковать? Бояринъ правду молвилъ.
 Да здравствуетъ Димитрій, нашъ отецъ!

МУЖИКЪ НА АМВОНѢ.

Народъ! народъ! въ Кремль! въ царскія палаты!
 Ступай вязать Борисова щенка!

НАРОДЪ (несется толпою).

Вязать! топить! Да здравствуетъ Димитрій!
 Да гибнетъ родъ Бориса Годунова!

КРЕМЛЬ. ДОМЪ БОРИСОВЪ. СТРАЖА У КРЫЛЬЦА.

ЕФЕДОРЪ ПОДЪ ОКНОМЪ.

и щ і й.

Дайте милостыню Христа ради!

СТРАЖА.

Поди прочь; не велѣно говорить съ заключенными.

ѲЕОДОРЪ.

Подп, старикъ, я бѣднѣ тебя: ты на волѣ.

(Ксенія подъ покрываломъ подходитъ также къ окну).

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

Братъ да сестра — бѣдныя дѣти, что птички въ клѣткѣ.

ДРУГОЙ.

Есть о комъ жалѣть? Проклятое племя!

ПЕРВЫЙ.

Отецъ былъ злодѣй, а дѣтки невинны.

ДРУГОЙ.

Яблоко отъ яблони недалеко падаетъ.

КСЕНІЯ.

Братецъ! братецъ! кажется, къ намъ бояре идутъ.

ѲЕОДОРЪ.

Это Голицынъ, Мосальскій. Другіе мнѣ незнакомы.

КСЕНІЯ.

Ахъ, братецъ, сердце замираетъ.

(Голицынъ, Мосальскій, Молчановъ, и Шерефединовъ; за ними трое стрѣльцовъ).

НАРОДЪ.

Разступитесь, разступитесь: бояре идутъ.

(Они входятъ въ домъ).

ОДНѢ ИЗЪ НАРОДА.

Зачѣмъ они пришли?

ДРУГОЙ.

А вѣрно, приводить къ присягѣ Ѳеодора Годунова.

ТРЕТІЙ.

Въ самомъ дѣлѣ. Слышишь, какой въ домѣ шумъ!... Тревога!... дерутся!

НАРОДЪ.

Слышишь? възгъ! Это женскій голосъ... Взойдемъ.... Двери заперты — крики замолкли — шумъ продолжается.

(Отворяются двери. Мосальскій является на крыльцѣ).

МОСАЛЬСКІЙ.

Народъ! Марія Годунова и сынъ ея Ѳеодоръ отравили себя ядомъ. Мы видѣли ихъ мертвые трупы. (Народъ въ ужасѣ молчитъ). Что жъ вы молчите? Кричите: да здравствуетъ царь Димитрій Ивановичъ!

НАРОДЪ БЕЗМОЛВСТВУЕТЪ.

ПРОПУЩЕННАЯ.

СЦЕНА ИЗЪ БОРИСА ГОДУНОВА.*).

ОГРАДА МОНАСТЫРСКАЯ.

ГРИГОРІЙ И ЗЛОЙ ЧЕРНЕЦЪ.

ГРИГОРІЙ.

Что за скука, что за горе наше бѣдное житье?
 День приходитъ, день проходитъ — видно, слышно все одно:
 Только видишь черныя рясы, только слышишь колоколь.
 Днемъ зѣвая бродишь, бродишь: дѣлать нечего — соснешь;
 Ночью долгою до свѣта все не спится чернецу.
 Сномъ забудешься, такъ душу грезы черныя мутятъ;
 Радъ, что въ колоколь ударятъ, что разбудятъ костьюлемъ....
 Нѣтъ, не вытерплю! нѣтъ мочи. Черезъ ограду да бѣгомъ!
 Міръ великъ: мнѣ путь-дорога на четыре стороны,
 Поминай, какъ звали.

*) Эта сцена была откинута Пушкинымъ, хотя и напечатана при его жизни, въ 1833 году. Она должна была слѣдовать за сценой съ Пименомъ.

чернецъ.

Правда — ваше горькое житье,
Вы разгульные, лихіе, молодые чернецы!

григорій.

Хоть бы хавъ оиять нагринуль, хоть Литва бы поднялась,
Такъ и быть, пошелъ бы съ ними перевѣдаться мечемъ!
Что, когда бы нашъ царевичъ изъ могилы вдругъ воскресъ
И вскричалъ: «а гдѣ вы, дѣти, слуги вѣрные мои?
Вы подите на Бориса, на злодѣя моего,
Изловите супостата, приведите мнѣ его!»

чернецъ.

Полно, не болтай пустаго. Мертвыхъ намъ не воскресить.
Нѣтъ, царевичу иное видно было суждено...
Но, послушай, если дѣло затѣвать, такъ затѣвать...

григорій.

Что такое?

чернецъ.

Если бъ я былъ также молодъ, какъ и ты,
Если бъ усь не пробивала ужъ лихая сѣдина...
Понимаешь?

григорій.

Нѣтъ, нисколько.

чернецъ.

Слушай. Глухой нашъ народъ
Легковѣренъ, радъ дивиться чудесамъ и новизнѣ,
А бояре въ Годуновѣ помнятъ равнаго себѣ.
Племя древняго варяга и теперь любезно всѣмъ.
Ты царевичу ровесникъ... Если ты хитеръ и твердъ...
Понимаешь?

григорій.

Понимаю.

чернецъ.

Что же скажешь?

ГРИГОРИЙ.

Рѣшено!

И Димитрій, я царевичъ!

ЧЕРНЕЦЪ.

Дай мнѣ руку: будешь царь!

5. Сцена изъ Фауста.

БЕРЕГЪ МОРИ. ФАУСТЪ И МЕФИСТОФИЛЬ.

ФАУСТЪ.

Мнѣ скучно, бѣсъ.

МЕФИСТОФИЛЬ.

Что дѣлать, Фаустъ!

Таковъ вамъ положенъ предѣлъ,
Его жъ никто не преступаетъ.
Вся тварь разумная скучаетъ:
Иной отъ лѣни, тотъ отъ дѣлъ;
Кто вѣрить, кто утратилъ вѣру;
Тотъ насладиться не успѣлъ,
Тотъ насладился черезъ мѣру,
И всякъ зѣваетъ да живетъ —
И всѣхъ васъ гробъ, зѣвая, ждетъ.
Зѣвай и ты!

ФАУСТЪ.

Сухая шутка!

Найди мнѣ способъ какъ нибудь
Разсѣяться.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Доволенъ будь

Ты доказательствомъ разсудка.
 Въ своемъ альбомѣ запиши:
 Fastidium est quies — скука
 Отдохновеніе души.
 Я психологъ.... О, вотъ наука!...
 Скажи, когда ты не скучалъ?
 Подумай, поищи. Тогда ли,
 Какъ надъ Виргиліемъ дремалъ,
 А розги умъ твой возбуждали?
 Тогда ль, какъ розами вѣнчалъ
 Ты благосклонныхъ дѣвъ веселья
 И въ буйствѣ шумномъ посвящалъ
 Имъ пылъ вечерняго похмѣлья?
 Тогда ль, какъ погрузился ты
 Въ великодушныя мечты,
 Въ пучину темную науки?
 Но, помнится, тогда со скуки,
 Какъ арлекина, изъ огни
 Ты вызвалъ наконецъ меня.
 Я мелкимъ бѣсомъ извивался,
 Развеселить тебя старался,
 Возилъ и къ вѣдьямъ, и къ духамъ,
 И что же? все по пустякамъ.
 Желалъ ты славы — и добился,
 Хотѣлъ влюбиться — и влюбился.
 Ты съ жизни взялъ возможну дань,
 А былъ ли счастливъ?

ФАУСТЪ.

Перестань.

Не растравляй мнѣ язвы тайной.
 Въ глубокомъ знаньи жизни нѣтъ —
 Я проклялъ знаній ложный свѣтъ,
 А слава.... лучъ ея случайный
 Неуловимъ. Мѣрская честь

Безмысленна, какъ сонъ.... Но есть
Прямое благо: сочетаніе
Двухъ душъ....

МЕФИСТОФИЛЬ.

И первое свиданье,
Не правда ль? Но нельзя ль узнать,
Кого позволишь поминать?
Не Гретхенъ ли?

ФАУСТЪ.

О, сонъ чудесный!
О, пламя чистое любви!
Тамъ, тамъ — гдѣ тѣнь, гдѣ шумъ древесный,
Гдѣ сладко-звонкія струи,—
Тамъ, на груди ея прелестной
Покою томную главу,
Я счастливъ былъ....

МЕФИСТОФИЛЬ.

Творецъ небесный!
Ты бредишь, Фаустъ, наяву!
Услужливымъ воспоминаньемъ
Себя обманываешь ты.
Не я ль тебѣ своимъ стараньемъ
Доставилъ чудо красоты,
И въ часъ полуночи глубокой
Съ тобою свелъ ее? Тогда
Плодами своего труда
Я забавлялся одинокій,
Какъ вы вдвоемъ.... все помню я!
Когда красавица твоя
Была въ восторгѣ, въ упоеньѣ,
Ты безпокойною душой
Ужъ погружался въ размышленье
(А доказали мы съ тобой,
Что размышленье — скуки сѣмя).

И знаешь ли, философъ мой,
 Что думалъ ты въ такое время,
 Когда не думаетъ никто?
 Сказать ли?

ФАУСТЪ.

Говори. Ну, что?

МЕФИСТОФИЛЬ.

Ты думалъ: агнецъ мой послушный!
 Какъ жадно я тебя желалъ!
 Какъ хитро въ дѣвѣ простодушной
 Я грезы сердца возмущалъ!
 Любви невольной, безкорыстной
 Невинно предалась она....
 Что жъ грудь моя теперь полна
 Тоской и скукой ненавистой?...
 На жертву прихоти моей
 Гляжу, упившись наслажденьемъ,
 Съ neodолимымъ отвращеньемъ:
 Такъ безразсчетный дуралей,
 Вотще рѣшась на злое дѣло,
 Зарѣзавъ нищаго въ лѣсу,
 Бранить ободранное тѣло;
 Такъ на продажную красу,
 Насытись ею торопливо,
 Развратъ косится боязливо...
 Потомъ изъ этого всего
 Одно ты вывелъ заключенье....

ФАУСТЪ.

Сокройся, адское творенье!
 Вѣги отъ взора моего!

МЕФИСТОФИЛЬ.

Изволь. Задай лишь мнѣ задачу:
 Безъ дѣла, знаешь, отъ тебя

Не смѣю отлучаться я —
Я даромъ времени не трачу.

ФАУСТЪ.

Что тамъ бѣлѣетъ? говори!

МЕФИСТОФИЛЬ.

Корабль испанскій трехмачтовый,
Пристать въ Голландію готовый:
На немъ мерзавцевъ сотни три,
Двѣ обезьяны, бочки злата,
Да грузъ богатый шоколата,
Да модная болѣзнь: она
Недавно вамъ подарена.

ФАУСТЪ.

Все утопить.

МЕФИСТОФИЛЬ.

Сейчасъ.

(Исчезаетъ).





ПОВѢСТИ.

1. Старинныя русскія странности.

ОТРЫВКИ БИОГРАФИИ НАЩОКИНА.

Я начинаю себя помнить на большомъ барскомъ дворѣ, гдѣ сидѣлъ я въ пескѣ (что почитается средствомъ противъ такъ называемой англійской болѣзни). Около меня толпа нянекъ и мамушекъ и шестнадцать дворовыхъ мальчишекъ, готовыхъ попеременно таскать меня во весь духъ въ колясочкѣ съ барскаго на черный дворъ и на деревенскій базаръ. Помню отца моего, и вотъ въ какихъ обстоятельствахъ. Назначенъ отъѣздъ въ Петербургъ. На дворѣ собирается огромный обозъ. Крыльцо усеяно народомъ: гусарами, егерями, ливрейными лакеями, карликами, арапами, отставными маіорами въ старинныхъ мундирахъ, и пр. Отецъ мой между ними въ зеленомъ плащѣ. Одноколка подапа. Меня приносятъ къ отцу съ нимъ проститься. Онъ хочетъ взять меня съ собою. Я плачу: жаль разстаться съ нянею. Отецъ съ досадою меня отталкиваетъ, садится въ одноколку, выѣзжаетъ; за нимъ ѣдетъ весь обозъ; дворъ пустѣетъ, челядь расходится, и съ тѣхъ поръ впечатлѣнія мои становятся слабы и неясны до десятаго года моего возраста.

Отецъ мой жилъ бариномъ. Порядокъ его развѣздовъ даетъ понятіе объ его жизни. Собираясь куда нибудь въ дорогу, подымался онъ всѣмъ домомъ. Впереди на рослой испанской лошади ѣхалъ съ волторною человѣкъ (изъ иностранцевъ). Должность его въ домѣ состояла въ томъ, что въ базарные дни обязанъ онъ былъ выѣзжать на верблюдѣ и показывать мужикамъ *lanterne-magique*. Въ дорогѣ же подавалъ онъ волторною сигналъ привалу и походу. За нимъ ѣхала одноколка отца моего; за одноколкою двумѣстная карета про случай дождя (подъ козлами находилось мѣсто любимаго его шута). Вслѣдъ тянулись кареты, наполненные нами, нашими мадами, учителями, няньками и проч. За нами ѣхала длинная рѣшетчатая фура съ дураками, арапами, карлами, всего тридцать человѣкъ. Вслѣдъ за нею точно такая же фура съ большими борзыми собаками. Потомъ слѣдовалъ огромный ящикъ съ роговою музыкою, буфетъ на шестнадцати лошадяхъ, наконецъ повозки съ калмыцкими кибитками и разной мебелью (ибо отецъ мой останавливался всегда въ полѣ). Посудите, сколько при всемъ этомъ находилось народу, музыкантовъ, поваровъ, псарей и разной челяди.

Мать моя была въ своемъ родѣ столь же замѣчательна, какъ и мой отецъ. Она была изъ роду Нелидовыхъ. Отецъ, заблудившись на охотѣ, пріѣхалъ въ домъ къ Нелидову, влюбился въ его дочь, и свадьба совершилась на другой же день. Она была женщина необыкновеннаго ума и способностей. Она знала многіе языки, между прочимъ греческій; англійскому выучилась она шестидесяти лѣтъ. Отецъ мой ее любилъ, но содержалъ въ строгости. Много вытерпѣла она отъ его причудъ. Напримѣръ: она боялась воды. Отецъ мой въ волновую погоду сажалъ ее въ рыбачью лодку и каталъ ее по Волгѣ. Иногда, чтобъ приучить ее къ военной жизни, сажалъ онъ ее на пушку и палилъ изъ-подъ нея. До глубокой старости сохранила она видъ и обхожденіе знатной дамы. Я не видывалъ старушки лучшаго тона.

У насъ было множество учителей, гувернеровъ и дядекъ. Однажды, мучаясь продолжительностью вечерняго урока, въ то время, какъ французъ учитель занялся съ братомъ моимъ, я подкрался

и задулъ обѣ свѣчки. Матери моей не было дома. Случилось, что во всемъ домѣ, кромѣ сихъ двухъ свѣчей, не было огня, а слуги, по своему обыкновенію, всѣ ушли, оставя домъ пустымъ. Учитель насилу ихъ нашель, насилу добился огня, насилу добрался до меня и, въ наказаніе, заперъ меня въ чуланъ. Вышло, что въ чуланѣ заперты были разные съѣстные припасы. Я, къ неизъяснимому утѣшенію, тотчасъ отыскалъ тутъ изюмъ и винныя ягоды и наѣлся вдоволь; между тѣмъ, оцупалъ штофъ, откупорилъ его, полизалъ горлышко, нашель его сладкимъ, попробовалъ изъ него хлебнуть: мнѣ это понравилось; нѣсколько разъ повторилъ свое испытаніе и вскорѣ повалился безъ чувствъ. Между тѣмъ, матушка пріѣхала. Учитель разсказалъ мою проказу, и съ нею отправился въ чуланъ. Будить меня. Что же? Встаю, шатаюсь, блѣдный; на полу рабитый штофъ. Отъ меня несетъ водкой. Матушка ахнула... На другой день просыпаюсь поздно, съ головою болью, смутно вспоминая вчерашнее. Гляжу въ окно и вижу, что на повозку громоздятъ пожитки моего учителя. Няня моя объяснила мнѣ, что матушка прогнала его за тѣмъ-де, что онъ вѣчеръ заперъ меня въ чуланъ.

2. Исторія села Горохина.

Званіе литератора всегда казалось для меня самымъ завиднымъ. Родители мои, люди почтенные, но простые и воспитанные по старинному, никогда ничего не читывали; и во всемъ домѣ, кромѣ азбуки, купленной для меня, календарей и Новѣйшаго Письмовника, никакихъ книгъ не находилось. Чтеніе Письмовника долго было любимымъ моимъ упражненіемъ. Я зналъ его наизусть и, не смотря на то, каждый день находилъ въ немъ новыя, незамѣченныя красоты. Послѣ генерала Н. Н., у котораго батюшка былъ нѣкогда адъютантомъ, Кургановъ казался мнѣ величайшимъ человекомъ. Я разспрашивалъ о немъ у всѣхъ — и, къ сожалѣнію, никто не могъ удовлетворить моему любопытству, никто не зналъ его лично; на всѣ мои вопросы отвѣчали только, что Кургановъ сочинилъ Новѣйшій Письмовникъ, но это твердо зналъ я и прежде. Мракъ неувѣдѣнности окружалъ его, какъ нѣкоего древняго полубога;

иногда я даже сомнѣвался въ истинѣ его существованія. Имя его казалось мнѣ вымышленнымъ, и преданіе о немъ — пустою мифою, ожидавшею изысканій новаго Нибура *). Однако же, онъ все преслѣдовалъ мое воображеніе; я старался придать какой нибудь образъ сему таинственному лицу и наконецъ рѣшилъ, что долженъ онъ походить на земскаго застѣдателя Корючкина, маленькаго старичка съ краснымъ носомъ и сверкающими глазами.

Въ 1812 году повезли меня въ Москву и отдали въ пансіонъ Карла Ивановича Мейера, гдѣ пробылъ я не болѣе трехъ мѣсяцевъ; ибо насъ распустили передъ вступленіемъ непріятели. Я возвратился въ деревню....**)

Сія эпоха жизни моей столь для меня важна, что я намѣренъ о ней распространиться, заранее прося извиненія у благосклоннаго читателя, если во зло употреблю снисходительное его вниманіе.

День былъ осенній и пасмурный. Прибывъ на станцію, съ которой должно было мнѣ сверотить на Горохино (такъ называлась наша деревня), нанялъ я вольныхъ и поѣхалъ проселочной дорогой. Хотя я нрава отъ природы тихаго, но нетерпѣніе увидѣть вновь мѣста, гдѣ провелъ я лучшіе свои годы, такъ сильно овладѣло мной, что я поминутно погонялъ моего ямщика, то обѣщая ему на водку, то угрожая побоями, и какъ удобнѣе было мнѣ толкать его въ спину, нежели вынимать и развязывать кошелькъ, то, признаюсь, раза три и ударилъ его, чего отъ роду со мною не случалось, ибо сословіе ямщиковъ, не знаю почему, для меня въ особенности любезно. Ямщикъ погонялъ свою тройку, но мнѣ казалось, что онъ, по обыкновенію ямскому, уговаривая лошадей и размахивая кнутомъ, все-таки затигивалъ возжи. Наконецъ я завидѣлъ горохинскую рощу и черезъ 10 минутъ въѣхалъ на барскій дворъ; сердце мое сильно билось; я смотрѣлъ вокругъ себя съ волненіемъ необыкновеннымъ; восемь лѣтъ не видалъ я Горохина. Березки, которыя при мнѣ посажены были около забора,

*) Знаменитый нѣмецкій историкъ; главное его сочиненіе «Римская Исторія».

**) Обозначеніе этой главы было написано Пушкинымъ, какъ видно изъ его пометы въ этомъ мѣстѣ рукописи: «По изгнаніи и проч. до... въ лапту, единственной наукѣ, въ коей пріобрѣлъ я достаточное познаніе во время пребыванія моего въ пансіонѣ». Этого дополненія не найдено.

выросли и стали теперь высокими, вѣтвистыми деревьями. Дворъ, нѣкогда украшенный тремя правильными цвѣтниками, межъ которыхъ шла широкая дорога, усыпанная пескомъ, теперь обращенъ былъ въ некошенный лугъ, на которомъ паслась буря корова. Бричка моя остановилась у передняго крыльца. Человѣкъ пошелъ отворить двери, но онѣ были заколочены, хотя ставни открыты и домъ казался обитаемымъ. Баба вышла изъ людской избы и спросила, кого мнѣ надобно. Узнавъ, что баринъ пріѣхалъ, она снова побѣжала въ избу, и вскорѣ вся дворня меня окружила. Я былъ тронутъ до глубины сердца, увидя знакомыя и незнакомыя мнѣ лица и дружески со всѣми ими цѣлуясь: мои потѣшные мальчишки были ужъ мужиками, а дѣвчонки, нѣкогда сидѣвшія на полу для посылки, замужними бабами. Мужчины плакали. Женщинамъ говорилъ я безъ церемоніи: «какъ ты постарѣла». И мнѣ отвѣчали съ чувствомъ: «какъ вы-то, батюшка, подурнѣли!» Повели меня на заднее крыльцо; навстрѣчу мнѣ вышла моя кормилица и обняла меня съ плачемъ и рыданіемъ, какъ многострадальнаго Одиссея. Побѣжали топить баню. Поваръ, давно въ бездѣйствіи отроотившій себѣ бороду, вызвался приготовить мнѣ обѣдъ или ужинъ, ибо уже смеркалось. Тотчасъ очистили мнѣ комнаты, въ коихъ жила кормилица съ дѣвушками покойной матушки. Такъ очутился я въ смѣренной отеческой обители и заснулъ въ той самой комнатѣ, въ которой за двадцать три года тому назадъ родился.

Около трехъ недѣль прошло для меня въ хлопотахъ всякаго рода; я возился съ засѣдателями, предводителями и всевозможными губернскими чиновниками. Наконецъ принялъ я наслѣдство и былъ введенъ во владѣніе вотчиной. Я успокоился: но скоро скука бездѣйствія стала меня мучить. Я не былъ еще знакомъ съ добрымъ и почтеннымъ сосѣдомъ моимъ **. Занятія хозяйственныя были вовсе для меня чужды. Разговоры кормилицы моей, произведенной мною въ ключницы и управительницы, состояли счетомъ изъ пятнадцати домашнихъ анекдотовъ, весьма для меня любопытныхъ, но рассказываемыхъ ею всегда одинаково, такъ что она сдѣлалась для меня другимъ Новѣйшимъ Письмовникомъ, въ которомъ я зналъ, на какой страницѣ какую пайду и строчку. Настоящій же заслуженный Письмовникъ былъ мною найденъ въ кладовой, между всякой рухлядью, въ жалкомъ состояніи. Я вынесъ его на свѣтъ и принялся было за него, но Кургановъ поте-



рялъ для меня прежнюю свою прелесть. Я прочелъ его еще разъ и больше уже не открывалъ.

Въ сей крайности пришло мнѣ на мысль: не попробовать ли са-мому что-нибудь сочинить? Благосклонный читатель знаетъ уже, что воспитанъ я былъ на мѣдныя деньги....

Къ тому же быть сочинителемъ казалось мнѣ такъ мудро, такъ недосигаемо, что мысль взяться за перо сначала испугала меня. Смѣлъ ли я надѣяться попасть когда-нибудь въ число писателей, когда уже пламенное желаніе мое встрѣтиться съ однимъ изъ нихъ никогда не было исполнено? Но это напоминаетъ мнѣ случай, который намѣренъ я рассказать въ доказательство всегдашней страсти моей къ отечественной словесности.

Въ 1820 году, еще юнкеромъ, случилось мнѣ быть по казенной надобности въ Петербургѣ; я прожилъ въ немъ недѣлю и, не смотря на то, что не было у меня здѣсь ни одного знакомаго человѣка, провелъ время чрезвычайно весело; каждый день тихонько ходилъ я въ театръ въ галерею 4-го яруса. Всѣхъ актеровъ узналъ по имени, и страстно влюбился въ *), игравшую съ большимъ искусствомъ въ одно воскресенье роль Эйлали, въ драмѣ: Ненависть къ людямъ и раскаяніе. Утромъ, возвращаясь изъ Главнаго Штаба, заходилъ я обыкновенно въ низенькую конфектную лавку, и за чашкой шоколада читалъ литературные журналы. Однажды сидѣлъ я углубленный въ критическую статью Благонамѣреннаго; вдругъ нѣкто, въ гороховой шинели, ко мнѣ подошелъ и изъ-подъ моей книжки тихонько потянулъ листокъ гамбургской газеты; я былъ такъ занятъ, что не поднялъ и глазъ. Незнакомый спросилъ себя бифштекса и сѣлъ передо мною; я невольно все читалъ, не обращая на него вниманія; онъ между тѣмъ позавтракалъ, сердито побранилъ мальчика за неисправность, выпилъ полбутылки вина и вышелъ. Двое молодыхъ людей тутъ же завтракали. «Знаешь ли, кто это былъ?» сказалъ одинъ другому: «это Б..., сочинитель». — Сочинитель! воскликнулъ я и, оставивъ журналъ недочитаннымъ и чашку недопитою, побѣжалъ расплачиваться и, не дождавшись сдачи, выбѣжалъ на улицу. Смотря во все стороны, увидѣлъ я пздали гороховую шинель и пустился по

*) Здѣсь Пушкинымъ сдѣлана помѣта: «и проч... въ грязи», но указаннаго дополненія въ бумагахъ его не найдено.

Невскому проспекту, только что не бѣгомъ. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, чувствую вдругъ, что меня останавливаютъ; оглядываюсь, гвардейскій офицеръ замѣтилъ мнѣ: что-де мнѣ слѣдовало не толкать его на тротуарѣ, но скорѣе остановиться и вытянуться. Послѣ сего выговора я сталъ осторожнѣе; на бѣду мою, поминутно встрѣчались мнѣ офицеры: я поминутно останавливался, а сочинитель все уходитъ отъ меня впередъ. Отъ роду моя солдатская шинель не была мнѣ столь тягостною, отъ роду эполеты не казались мнѣ столь завидными; наконецъ у самаго Аничкина моста догналъ я гороховую шинель. «Позвольте спросить», сказалъ я, представи ко лбу руку: «вы г. Б., коего прекрасныя статьи имѣлъ я счастье читать въ Соревнователѣ Просвѣщенія?» — Никакъ нѣтъ, отиѣчалъ онъ мнѣ: я не сочинитель, а стряпчій; но Б. мнѣ очень знакомъ; четверть часа тому, я встрѣтилъ его у Полицейскаго моста. Такимъ образомъ уваженіе мое къ русской литературѣ стоило мнѣ 80 копѣекъ потерянной сдачи, выговора по службѣ и чуть-чуть не ареста — и все даромъ.

Не смотря на всѣ возраженія моего разсудка, дерзкая мысль сдѣлаться писателемъ поминутно приходила мнѣ въ голову. Наконецъ, не будучи болѣе въ состояніи противиться влеченію природы, я сшилъ себѣ толстую тетрадь и рѣшился, съ твердымъ намѣреніемъ, наполнить ее чѣмъ бы то ни было. Всѣ роды поэзіи (ибо о смиренной прозѣ я еще и не и не помышлялъ) были мною разобраны, оцѣнены, и я непремѣнно рѣшился на эпическую поэму, почерпнутую изъ отечественной исторіи. Недолго я искалъ себѣ героя — выбралъ Рюрика — и принялся за работу.

Къ стихамъ пріобрѣлъ я нѣкоторый навыкъ, переписывая тетрадки, ходившія по рукамъ между нашими офицерами, именно: Критику на Московскій бульваръ, на Прѣсенскіе пруды, Опаснаго сосѣда и т. д. Не смотря на то, поэма моя подвигалась медленно, и я бросилъ ее на третьемъ стихѣ. Я думалъ, что эпическій родъ не мой родъ, и началъ трагедію: Рюрикъ. Трагедія не пошла. Я попробовалъ обратить ее въ балладу, но и баллада какъ-то мнѣ не давалась. Наконецъ вдохновеніе озарило меня, — я началъ и благополучно окончилъ: надпись къ портрету Рюрика.

Не смотря на то, что «надпись» моя была не вовсе недостойна вниманія, особенно какъ первое произведеніе молодого стихо-

творца, однако жъ я почувствовалъ, что не рожденъ поэтомъ и довольствовался спмъ первымъ опытомъ. Творческія мои попытки такъ привязали меня къ литературнымъ занятіямъ, что я уже не могъ разстаться съ тетрадью и чернильницей. Я хотѣлъ низойти къ прозѣ. На первый случай, не желая заняться предварительнымъ изученіемъ, расположеніемъ плана, скрѣпленіемъ частей и т. п., я вознамѣрился писать отдѣльныя мыслп, безъ связи, безъ всякаго порядка, въ томъ видѣ, какъ онѣ мнѣ станутъ представляться. Къ несчастію, мысли не приходили мнѣ въ голову, и въ цѣлые два дня надумалъ я только слѣдующее замѣчаніе:

«Человѣкъ, не повинующійся законамъ разсудка и привыкшій слѣдовать внушеніямъ страстей, часто заблуждается и подвергаетъ себя позднему раскаянію».

Мысль, конечно, справедливая, но уже не новая. Оставя мысли, принялся я за повѣсти; но, не умѣя съ непривычки расположить вымышленное происшествіе, я избралъ замѣчательные анекдоты, нѣкогда мною слышанные отъ разныхъ особъ, и старался украсить истину живостью разсказа, а иногда и цвѣтами собственнаго воображенія. Составляя сіи повѣсти, мало по малу, образовалъ я свой слогъ и пріучился выражаться правильно, пріятно и свободно. Но скоро запасъ мой истощился, и я сталъ опять искать предмета для литературной моей дѣятельности.

Мысль оставить мелочныя и сомнительныя анекдоты для повѣствованія истинныхъ и великихъ происшествій давно тревожила мое воображеніе. Быть судіею, наблюдателемъ и пророкомъ въковъ и народовъ казалось мнѣ вышею степенью, доступной для писателя. Какую исторію могъ я написать съ моей жалкой образованностью? Гдѣ не предупредили меня многоученые, добросовѣстные мужи? Какой родъ исторіи не истощенъ уже ими? Стану ли писать исторію всемірную: но развѣ не существуетъ уже безсмертный трудъ аббата Милота? Обращусь ли къ исторіи отечественной: что скажу я послѣ Татищева, Болтина, Голикова? И мнѣ ли рыться въ лѣтописяхъ и добираться до сокровеннаго смысла обветшалаго языка, когда не могъ я выучиться цифрамъ славянскимъ? Я по думалъ объ исторіи меньшаго объема, напр. объ исторіи губернскаго нашего города; но и тутъ сколько препятствій, для меня неодолимыхъ! Исторія уѣзднаго нашего города была бы для меня удобнѣе, но она не была занимательна ни для фллософа, ни для

политика и представляла мало пищи краснорѣчію. Единственное замѣчательное происшествіе, сохранившееся въ его лѣтописяхъ, есть ужасный пожаръ, случившійся десять лѣтъ тому назадъ, пестрившій базаръ и присутственные мѣста.

Нечаянный случай разрѣшилъ мои недоумѣнія. Баба, развѣшивая бѣлье на чердакѣ, нашла старую корзину, наполненную щепками, соромъ и книгами. Весь домъ зналъ охоту мою къ чтенію. Ключница моя въ то самое время, какъ я, сидя за моей тетрадью, грызъ перо и думалъ объ опытахъ сельскихъ проповѣдей, съ торжествомъ втащила корзину въ мою комнату, радостно восклицая: книги! книги! — «Книги!» повторилъ я съ восторгомъ и бросился къ корзине. Въ самомъ дѣлѣ, я увидѣлъ цѣлую груду книгъ въ зеленомъ и сивомъ бумажномъ переплетѣ. Это было собраніе старыхъ календарей. Сіе открытіе охладило мой восторгъ, но все я былъ радъ нечаянной находкѣ: все же это были книги, и я щедро награждалъ усердіе прачки полтиной серебра.

Оставшись наединѣ, я сталъ разсматривать свои календари и скоро мое вниманіе было сильно ими привлечено. Они составляли непрерывную цѣпь годовъ отъ 1744 до 1799, т. е. ровно 55 лѣтъ. Синіе листы бумаги, обыкновенно влетаемые въ календари, были все исписаны стариннымъ почеркомъ. Брося взоръ на сіи строки, съ изумленіемъ увидѣлъ я, что онѣ заключали не только замѣчанія о погодѣ и хозяйственные счета, но также и краткія историческія извѣстія касательно села Горохина. Немедленно занялся я разборомъ сихъ драгоценныхъ записокъ и вскорѣ нашелъ, что онѣ представляли полную исторію моей вотчины, въ теченіе почти цѣлаго столѣтія, въ самомъ строгомъ хронологическомъ порядкѣ. Сверхъ сего заключали онѣ неистощимый запасъ экономическихъ, статистическихъ, метеорологическихъ и другихъ ученыхъ наблюденій. Съ тѣхъ поръ изученіе сихъ записокъ заняло меня исключительно, ибо увидѣлъ я возможность извлечь изъ нихъ повѣствованіе стройное, любопытное и поучительное. Ознакомясь довольно съ драгоценными сими памятниками, я сталъ искать новыхъ источниковъ исторіи села Горохина, и вскорѣ ихъ обиліе изумило меня. Посвятивъ цѣлые шесть мѣсяцевъ на предварительное ихъ изученіе, наконецъ приступилъ я къ давно желаемому труду; съ помощію Божіею совершилъ оный сего ноября 3 дня 1827 года. Нылъ, какъ нѣкоторый, мнѣ подобный историкъ, коего

имени я не запомню, оконча свой трудный подвигъ, кладу перо и съ грустію пду въ мой садъ размышлять о томъ, что мною совершено. Кажется и мнѣ, что, написавъ исторію Горохина, я уже не нуженъ міру, что долгъ мой исполненъ и что, пора мнѣ опочить.

Здѣсь прилагаю списокъ источниковъ, послужившихъ мнѣ къ составленію исторіи Горохина:

I. Собраніе старинныхъ календарей 55 частей. Первые 20 частей исписаны стариннымъ почеркомъ съ титлами. Лѣтопись сія сочинена прадѣдомъ моимъ Андреемъ Степановичемъ Бѣлкинымъ; она отличается ясностію и краткостію слога, напримѣръ: 4-го мая снѣгъ. Тришка за грубость бить. 6-го — корова бурая пала. Сенька за пьянство бить. 8-го — погода ясная. 9-го — дождь и снѣгъ. Тришка за пьянство бить.... и тому подобное, безо всякихъ размышленій. 11-го — погода ясная, пороша; затравилъ трехъ зайцевъ. — Остальныя 35 частей писаны разными почерками, большею частію такъ называемымъ лавочничьимъ, съ титлами и безъ титловъ, вообще плодовито, несвязно и безъ соблюденія правописанія; кое-гдѣ замѣтна женская рука. Въ сіе отдѣленіе входятъ записки дѣда моего Ивана Андреевича Бѣлкина и бабки моей, а его супруги, Евпраксіи Алексѣевны; также и записки прикащика Горбовицкаго.

II. Лѣтопись горохинскаго дьячка. Сія любопытная рукопись отыскана мною у моего попа, женатаго на дочери лѣтописца. Первые листы были выдраны и употреблены дѣтми священника на такъ называемые змѣи. Одинъ изъ таковыхъ упалъ посреди моего двора; я поднялъ его и хотѣлъ-было возвратить дѣтмъ, какъ замѣтилъ, что онъ былъ исписанъ. Съ первыхъ строкъ увидѣлъ я, что змѣй составленъ былъ изъ лѣтописи. Къ счастью успѣлъ спасти остальное. Лѣтопись сія, пріобрѣтенная мною за четверть овса, отличается глубокомысліемъ и велерѣчіемъ необыкновеннымъ.

III. Изустныя преданія. Я не пренебрегалъ никакими извѣстіями; но въ особенности обязанъ многимъ Аграфенѣ Трифионовой, матери Авдѣи старосты, бывшей, говорятъ, любовницею прикащика Горбовицкаго.

IV. Ревижскія сказки, съ замѣчаніями прежнихъ старостъ, касательно нравственности и состоянія крестьянъ.

31-го октября (1830).

БАСНОСЛОВНЫЯ ВРЕМЕНА.

СТАРОСТА ТРИФОНЪ.

Основаніе Горохина и первоначальное населеніе онаго покрыто мракомъ неизвѣстности. Темныя преданія гласятъ, что нѣкогда Горохино было село богатое и обширное, что всѣ жители онаго были зажиточны; что оброкъ собирали единожды въ годъ и отсылали невѣдомо кому, на нѣсколькихъ возахъ. Въ то время все покупали дешево и дорого продавали. Прикащиковъ не существовало; старосты никого не обижали; обитатели работали мало, а жили припѣваючи, и пастухи стерегли стадо въ сапогахъ. Мы не должны обольщаться сею очаровательною картиною. Мысль о золотомъ вѣкѣ сродна всѣмъ народамъ и доказываетъ только, что люди никогда не довольны настоящимъ и, по опыту имѣя мало надежды на будущее, украшаютъ невозвратимое минувшее всѣми цвѣтами своего воображенія. Вотъ что достоверно: село Горохино издревле принадлежало знаменитому роду Бѣлкиныхъ. Но предки мои, владѣя многими другими отчинами, не обращали вниманія на сію отдаленную страну. Горохино платило малую дань и управлялось старшинами, избираемыми народомъ на вѣчѣ, мірскою сходкою называемомъ.

Въ теченіе этого времени родовыя имѣнія Бѣлкиныхъ раздробились и пришли въ упадокъ. Объединившіе внуки богатого дѣда не могли отвыкнуть отъ роскошныхъ своихъ привычекъ и требовали прежняго полного дохода отъ имѣнія, въ десять кратъ уже уменьшившагося. Грозныя предписанія слѣдовали одно за другимъ. Староста читалъ ихъ на вѣчѣ; старшины витѣйствовали; міръ волновался — а господа, вмѣсто двойнаго оброка, получали скучныя отговорки и смиренныя жалобы, писанныя на засаленной бумагѣ и залечатанныя грошемъ.

Мрачная туча висѣла надъ Горохинимъ, а никто объ ней и не помышлялъ. Въ послѣдній годъ властвованія Трифона, послѣдняго старосты, народомъ избраннаго, въ самый день храмоваго празд-

ника, когда весь народъ или шумно окружалъ увеселительное зданіе (кабакомъ въ просторѣчій именуемое), или бродилъ по улицамъ, обнявшись между собою и громко воспѣвая пѣсни Архипа Лысаго, въѣхала въ село ямская крытая бричка, 'заложенная парюю клячъ едва живыхъ; на козлахъ сидѣлъ оборванный жидъ; изъ брички высунулась голова въ картузѣ и, казалось, съ любопытствомъ смотрѣла на веселящійся народъ. Жители встрѣтили повозку смѣхомъ и грубыми насмѣшками. (NB. Свернувъ трубкою возкраія одеждъ, безумцы глумились надъ еврейскимъ возницею и восклицали смѣхотворно: жидъ, жидъ, ѣшь свиное ухо!... Лѣтонецъ дѣячка). Сколь изумилися они, когда бричка остановилась посреди села и когда пріѣзжій, выпрыгнувъ изъ нея, повелительнымъ голосомъ потребовалъ старосту Трифона. Сей сановникъ находился въ увеселительномъ зданіи, откуда двое старшинъ почтительно вывели его подъ руки. Незнакомецъ посмотрѣлъ на него грозно, подалъ ему письмо и велѣлъ чатать оное немедленно. Староста былъ неграмотенъ. Послали за земскимъ Авдѣемъ. Его нашли неподалеку спящаго въ переулкѣ подъ заборомъ и привели къ незнакомцу. Но, или отъ внезапнаго испуга, или отъ горестнаго предчувствія, буквы письма, четко написаннаго, показались ему огуманенными, и онъ не былъ въ состояніи ихъ разобрать. Незнакомецъ, старосту Трифона и земскаго Авдѣя съ ужаснымъ проклятіемъ отославъ спать, отложилъ чтеніе письма до завтрашняго дня и пошелъ въ приказную избу, куда жидъ понесъ за нимъ его маленькій чемоданъ.

Горохинцы съ изумленіемъ смотрѣли на сіе необыкновенное происшествіе; но вскорѣ бричка, жидъ и незнакомецъ были забыты. День кончился шумно и весело — и Горохино заснуло, не предвидя, что ожидало его....

Съ восходомъ утренняго солнца жители были пробуждены стукомъ въ окошки и призываніемъ на мірскую сходку. Граждане, одинъ за другимъ, явились на дворъ приказной избы, служившей въчехою площадью. Глаза ихъ были мутны и красны; лица опухлыя; они, зѣвая и почесываясь, смотрѣли на челоуѣка въ картузѣ, въ старомъ голубомъ кафтанѣ, важно стоявшаго на крыльцѣ приказной избы — и старались припомнить черты его, когда-то ими видѣнныя. Староста и земскій Авдѣй стояли подлѣ него безъ шапокъ, съ видомъ подобострастія и глубокой горести. «Вѣ ли здѣсь?»

спросилъ незнакомецъ. — Всѣ ли-ста здѣсь? повторилъ староста. «Всѣ-ста», отвѣчали граждане, а староста объявилъ, что отъ барина получена грамота, и приказалъ земскому прочесть ее во услышаніе міра. Авдѣй выступилъ и прочелъ слѣдующее. (NB. Сію грозновѣщую грамоту списалъ я у Трифона старосты; у него же хранилась она въ кивотѣ вмѣстѣ съ другими памятниками владычества его надъ Горохинимъ).

Трифонъ Ивановъ!

Вручитель письма сего, повѣренный**, ѣдетъ въ отчину мою село Горохино для поступленія въ управленіе онаго. Немедленно, по его прибытіи, собрать мужиковъ и объявить имъ мою барскую волю, а именно: приказаній повѣреннаго моего** имъ мужикамъ слушаться, какъ моихъ собственныхъ, и все, чего онъ потребуеть, исполнять безпрекословно; въ противномъ случаѣ имѣтъ онъ** поступать съ ними со всевозможною строгостію. Къ сему понудило меня ихъ безсовѣстное непослушаніе и твое, Трифонъ Ивановъ, плутовское потворство.

Подписано: N. N.

Тогда**, растопыривъ ноги на подобіе хѣра и подбоченись на подобіе ферта, произнесъ слѣдующую краткую и выразительную рѣчь: «Смотрите жъ вы у меня, не очень умничайте — вы, я знаю, народъ избалованный, да я, небось, выбью дурь изъ вашихъ головъ скорѣе вчерашняго хмѣля.» Хмѣля уже не было ни въ одной головѣ, и Горохинцы, какъ громомъ пораженные, повѣспли носы и съ ужасомъ разошлись по домамъ.

ПРАВЛЕНІЕ ПРИКАЩИКА**.

**, принявъ бразды правленія, потребовалъ описи крестьянъ, раздѣлилъ ихъ на богачей и бѣдныхъ, и приступилъ къ исполненію своей политической системы. Она заслуживаетъ особеннаго разсмотрѣнія.

Главнымъ основаніемъ оной была слѣдующая аксіома: чѣмъ мужикъ богаче, тѣмъ онъ избалованнѣе; чѣмъ бѣднѣе, тѣмъ смиреннѣе. Вслѣдствіе сего** старался о смирности вотчины, какъ о главной крестьянской добродѣтели. 1) Недоимки были разложены на всѣхъ зажиточныхъ мужиковъ, и взыскиваемы съ нихъ

со всевозможною строгостію. 2) Недостаточные и празднoлюбивые гуляки были немедленно посажены на пашню; если же, по его расчетамъ, трудъ ихъ оказывался недостаточнымъ, то онъ отдавалъ ихъ въ батраки другимъ крестьянамъ, за что сіи платили ему добровольную дань; а отдаваемые въ холопство имѣли полное право откупаться, заплати сверхъ недоимокъ двойной годовой оброкъ. Всякая общественная повинность падала на зажиточныхъ мужиковъ. Рекрутство же было торжествомъ корыстолюбивому правителю, ибо отъ онаго по очереди откупались всѣ богатые мужики, пока наконецъ выборъ не падалъ на негодя или разореннаго. Мірскія сходки были уничтожены. Оброкъ собиралъ онъ понемногу и круглый годъ сряду. Мужики, кажется, платили и не слишкомъ болѣе противу прежняго, но никакъ не могли ни заработать, ни накопить достаточно денегъ. Въ три года Горохино совершенно обнищало. Горохино приуныло, базаръ запустѣлъ, пѣсни Архипа Лысаго умолкли; ребятишки пошли по міру — и день храмоваго праздника сдѣлался, по выраженію лѣтописца, не днемъ радости и ликованія, но годовщиною печали и поминанія горестнаго.

изъ горохинскаго лѣтописца.

Посадила окаанный прикащикъ Антона Тимоеева въ желѣзы, а старикъ Тимоей сына откупилъ за 100 руб.; а прикащикъ заковалъ Петрушку Еремѣева, и того откупилъ отецъ за 68 руб.: а хотѣлъ окаанный сковать Леху Тарасова, но тотъ убѣжалъ въ лѣсъ, и прикащикъ о томъ весьма крушился и свирѣпствовалъ во словесахъ; а отвезли въ городъ и отдали въ рекруты Ваньку пьянцу.

ВРЕМЕНА ИСТОРИЧЕСКІЯ.

Страна (Горохинымъ называемая, по имени столицы своей, число жителей простирается до 63 душъ) занимаетъ на земномъ шарѣ болѣе 240 десятинъ. Къ сѣверу граничитъ она съ деревнями Дернуховымъ и Церкуховымъ (когого обитатели бѣдны и малорослы, а владѣльцы преданы воинственному упражненію заячьей охоты); къ югу рѣка Сивка отдѣляетъ ее отъ владѣній Карачевскихъ вольныхъ хлѣбопашцевъ — сосѣдей безпокойныхъ, извѣст-

ныхъ буйною животою правыхъ; къ западу облегають его нѣтъщія поля Захарьинскія, благодѣнствующія подѣ властію мудрыхъ и просвѣщенныхъ помѣщиковъ: къ востоку примыкаетъ она къ дикимъ, необитаемымъ мѣстамъ, къ непроходимому болоту, гдѣ произрастаетъ одна клюква, гдѣ раздается лишь однообразное кваканіе лягушекъ, и гдѣ суевѣрное преданіе предполагаетъ быть обиталищу нѣкоего бѣса.

Издrevле Горохино славилось своимъ плодородіемъ и благодѣнственнымъ климатомъ. На тучныхъ его нивахъ рожь, овесъ, ячмень и гречиха. Березовая роща и еловый лѣсъ снабжаютъ обитателей деревнями и валежникомъ на постройку и отопку жилищъ. Нѣтъ недостатка въ орѣхахъ, въ клюквѣ, брусникѣ и черникѣ. Грибы произрастаютъ въ необыкновенномъ количествѣ; пжаренные въ сметанѣ представляютъ они пріятную, хотя и нездоровую пищу. Прудъ наполненъ карасями, а въ рѣкѣ Сивкѣ водятся щуки и налимы.

Обитатели Горохина, большею частію, росту средняго, сложенія крѣпкаго и мужественнаго; глаза ихъ сѣрые; волосы русые или рыжіе. Женщины отличаются носами, поднятыми нѣсколько вверхъ, выпуклыми скулами и дородностію.

Н. В. Баба здоровенная. Сіе выраженіе встрѣчается часто въ примѣчаніяхъ старосты къ ревизскимъ сказкамъ.

Мужчины добронравны, трудолюбивы (особенно на своей пашнѣ), храбры, воинственны. Многіе изъ нихъ ходятъ одни на медвѣдя и славятся въ околоткѣ кулачными бойцами; всѣ вообще склонны къ чувственному наслажденію пьянства. Женщины, сверхъ домашнихъ работъ, раздѣляютъ съ мужчинами большую часть ихъ трудовъ и не уступаютъ имъ въ отважности; рѣдкая изъ нихъ боится старосты.

Жители Горохина издавна производятъ обильный торгъ лыками, лукошками и лаптями. Сему способствуетъ рѣка Сивка, черезъ которую весною переправляются они на челнокахъ, подобно древнимъ скандинавамъ, а прочее время года переходятъ въ бродѣ, предварительно засучивъ нижнее платье до колѣнъ.

Языкъ горохинскій есть рѣшительно отрасль славянскаго, но столь же разнится отъ него, какъ и русскій. Онъ исполненъ сокращеніями и усѣченіями; нѣкоторые звуки вовсе въ немъ уничто-

жены, или замѣнены другими. Однако жъ, русскимъ легко понять горохинца и обратно.

Мужчины женятся обыкновенно на 13 году на дѣвицахъ 20-лѣтнихъ. Жены били своихъ мужей въ теченіе четырехъ или пяти лѣтъ. Послѣ чего мужья уже начинали бить женъ: и такимъ образомъ оба пола имѣли свое время власти, и равновѣсіе было соблюдено.

Обряды похоронъ происходили слѣдующимъ образомъ. Въ самый день смерти, покойника относили на кладбище, дабы мертвый въ пѣбѣ не занималъ напрасно лишняго мѣста. Отъ сего случилось, что, къ неописанной радости родственниковъ, мертвецъ чихалъ или зѣвалъ въ ту самую минуту, какъ его выносили въ гробъ за околицу. Жены оплакивали мужьевъ, воя и приговаривая: «свѣтъ, моя удалая головушка, на кого ты меня покинулъ? чѣмъ-то мнѣ тебя поминати?» — При возвращеніи съ кладбища начиналась тризна въ честь покойника, и родственники и друзья были пьяны два три дня, или даже цѣлую недѣлю, смотря по усердію и привязанности къ его памяти. Сія древніе обряды сохранились и понынѣ.

Одежда горохинцевъ состояла изъ рубахи, надѣваемой сверхъ нижняго платья, что есть отличительный признакъ ихъ славянскаго происхожденія. Зимю носили они овчинные тулупы, но болѣе для красоты, нежели изъ настоящей нужды, ибо тулупъ обыкновенно надѣвали они на одно плечо и сбрасывали при малѣйшемъ трудѣ, требующемъ движенія.

Науки, искусства и поэзія издревле находились въ Горохинѣ въ довольно цвѣтущемъ состояніи. Сверхъ священника и церковныхъ причетниковъ всегда водились въ немъ грамотеи. Лѣтопись упоминаетъ о земскомъ Терентѣ, жившемъ около 1767 года, умѣвшемъ писать не только правою, но и лѣвою рукою. Сей необыкновенный человѣкъ прославился въ околоткѣ сочиненіемъ всякаго рода писемъ, челобитныхъ, партикулярныхъ паспортовъ и т. п. Неоднократно пострадавъ за свое искусство, услужливость и участіе въ разныхъ замѣчательныхъ происшествіяхъ, онъ умеръ уже въ глубокой старости, въ то самое время, какъ пріучался писать правою ногою; ибо почерки обѣихъ рукъ его были уже слишкомъ извѣстны. Онъ играетъ (какъ читатель увидитъ послѣ) важную роль и въ исторіи Горохина.

Музыка была всегда любимое искусство образованныхъ горохинцевъ; балалайка и волынка, улаждая чувства и сердце, повинны раздаются въ ихъ жилищахъ, особенно въ древнемъ общественномъ зданіи, украшенномъ ёлкою.

Поэзія нѣкогда процвѣтала въ древнемъ Горохинѣ. Донынѣ стихотворенія Архипа Лысаго сохранились въ памяти потомства. Приведемъ въ примѣръ сіе сатирическое стихотвореніе:

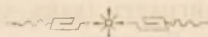
Ко боярскому двору
Акимъ староста идетъ,
Бирки въ пазухѣ несетъ.
Боярину подаетъ;
А бояринъ смотритъ,
Ничего не смысляетъ.
Ахъ ты, староста Акимъ!
Обокралъ бояръ кругомъ,
Село по міру пустилъ,
Старостиху подарилъ.

Въ нѣжности не уступая они эклогамъ извѣстнаго Виргилія *); въ красотѣ воображенія далеко превосходятъ они идилліи г. Сумарокова; и хотя въ щеголеватости и уступаютъ новѣйшимъ произведеніямъ нашихъ музъ, но равняются съ ними затѣйливостію и остроуміемъ.

Образъ правленія въ Горохинѣ нѣсколько разъ измѣнился. Оно попеременно находилось подъ властію старшинъ, выбранныхъ міромъ; прикащиковъ, назначенныхъ помѣщикомъ, и наконецъ непосредственно подъ рукою самихъ помѣщиковъ. Выгоды и невыгоды сихъ различныхъ образовъ правленія будутъ развиты мною въ теченіе моего повѣствованія.

Познакомя такимъ образомъ моего читателя съ этнографическимъ и статистическимъ состояніемъ Горохина и со нравами и обычаями его обитателей, приступимъ теперь къ самому повѣствованію....

*) Виргилій, славный энический поэтъ, род. 70 г. до Р. Хр. близъ Мантауи. Кромѣ знаменитой его «Энеиды», замѣчательны его «Эклоги» — буколич. стихотворенія.



3. Рославлевъ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ НЕИЗДАННЫХЪ ЗАПИСОКЪ ДАМЫ (1814 годъ).

Читая Рославлева, съ изумленіемъ увидѣла я, что завязка его основана на истинномъ происшествіи, слишкомъ для меня извѣстномъ. Нѣкогда я была другомъ несчастной женщины, выбранной г. Загоскинымъ въ героини его повѣсти. Онъ вновь обратилъ вниманіе публики на происшествіе забытое, разбудилъ чувства негодованія, усиленные временемъ, и возмущилъ спокойствіе могилы. Я буду защитницею тѣни, и читатель извинитъ слабость пера моего, уваживъ сердечныя мои побужденія. Буду принуждена много говорить о самой себѣ, потому что судьба моя долго была связана съ участью бѣдной моей подруги.

Меня вывели въ свѣтъ зимою 1811 года. Не стану описывать первыхъ моихъ впечатлѣній. Легко можно себѣ вообразить, что должна была чувствовать шестнадцатилѣтняя дѣвушка, промѣнявъ антресоли и учителей на непрерывныя балы и визиты. Я предавалась вихрю веселій со всею живостью моихъ лѣтъ и еще не размышляла. Жаль: тогдашнее время стоило наблюденія.

Между дѣвками, выѣхавшими вмѣстѣ со мною въ свѣтъ, отличалась княжна** (г. Загоскинъ назвалъ ее Полиною; оставляю ей это имя). Мы скоро подружились — вотъ по какому случаю.

Братъ мой, двадцати-двухъ-лѣтній малый, принадлежалъ къ сословію тогдашнихъ франтовъ; онъ считался въ иностранной коллегіи и жилъ въ Москвѣ, танцуя и повѣсничая. Онъ влюбился въ Полину и упросилъ меня сблизить наши дома. Братъ былъ идоломъ всего нашего семейства, а изъ меня дѣлалъ, что хотѣлъ.

Сблизясь съ Полиною изъ угожденія къ нему, вскорѣ я искренно къ ней привязалась. Въ ней было много страннаго и еще болѣе пріятельскаго. Я еще не понимала ея, а уже любила. Нечувствительно я стала смотрѣть ея глазами и думать ея мыслями.

Отецъ Полины былъ заслуженный человѣкъ, г. е. ѣздилъ цугомъ и носилъ ключъ и звѣзду, впрочемъ, былъ вѣтренъ и простъ. Мать ея, напротивъ, была женщина степенная и отличалась важностію и здравымъ смысломъ.

Полина являлась вездѣ; она окружена была поклонниками. Съ нею любезничали; но она скучала, и скука придавала ей видъ

гордости и холодности. Это чрезвычайно шло къ ея греческому лицу и къ чернымъ бровямъ. Я торжествовала, когда мои сатирическія замѣчанія наводили улыбку на это правильное и скупающее лицо.

Полина чрезвычайно много читала и безъ всякаго разбора. Ключъ отъ библіотеки отца ея былъ у нея. Библіотека большею частію состояла изъ сочиненій писателей XVIII вѣка. Французская словесность отъ Монтескье*) до романовъ Кребильона была ей знакома. Руссо знала она наизусть. Въ библіотекѣ не было ни одной русской книги, кромѣ сочиненій Сумарокова, которыхъ Полина никогда не раскрывала. Она сказывала мнѣ, что съ трудомъ разбирала русскую печать, и, вѣроятно, ничего по-русски не читала, не исключая и стишковъ, поднесенныхъ ей московскими стихотворцами.

Здѣсь позволю себѣ маленькое отступленіе. Вотъ уже, слава Богу, лѣтъ тридцать, какъ бранятъ насъ бѣдныхъ за то, что мы по-русски не читаемъ и не умѣемъ (будто бы) изъясняться на отечественномъ языкѣ. (NB. Автору «Юрія Милославскаго» грѣхъ повторять пошлыя обвиненія: мы всѣ прочли его, и, кажется, одной изъ насъ обязанъ онъ и переводомъ своего романа на французскій языкъ.) Дѣло въ томъ, что мы и рады бы читать по-русски, но словесность наша, кажется, не старѣе Ломоносова и чрезвычайно еще ограничена. Она, конечно, представляетъ намъ нѣсколько отличныхъ поэтовъ, но нельзя же отъ всѣхъ читателей требовать исключительной охоты къ стихамъ. Въ прозѣ имѣемъ мы только Исторію Карамзина; первые два или три романа появились два или три года тому назадъ: между тѣмъ какъ во Франціи, Англіи и Германіи книги, одна другой замѣчательнѣе, поминутно слѣдуютъ одна за другой. Мы не видимъ даже и переводовъ; а если и видимъ, то, воля ваша, я все-таки предпочитаю оригиналы. Журналы наши занимательны для нашихъ литераторовъ. Мы принуждены все, извѣстія и понятія, черпать изъ книгъ иностранныхъ; такимъ образомъ и мыслимъ мы на языкѣ иностранномъ (по крайней мѣрѣ всѣ тѣ, которые мыслятъ и слѣдуютъ за мыслями человеческого рода). Въ этомъ признались мнѣ самые извѣстные наши литераторы. Вѣчныя жалобы нашихъ писателей на пренебреженіе, въ коемъ оставляемъ мы русскія книги, похожи на жалобы русскихъ

*) Франц. ученый (1689—1755), прославившійся своими сочиненіемъ «Духъ Законовъ».

торговокъ, негодующихъ на то, что мы шляпки наши покупаемъ у Сихлеръ, а не довольствуемся произведеніями костромскихъ модистокъ....

Обращаюсь къ моему предмету.

Воспоминанія свѣтской жизни обыкновенно слабы и ничтожны, даже въ эпоху историческую. Однако жъ, появленіе въ Москвѣ одной путешественницы оставило во мнѣ глубокое впечатлѣніе. Эта путешественница *M-me de Staël* *).

Она пріѣхала лѣтомъ, когда большая часть московскихъ жителей разъѣхалась по деревнямъ. Русское гостепріимство засуетилось; не зная, какъ угостить славную иностранку. Разумѣется, давали ей обѣды. Мужчины и дамы съѣзжались поглазѣть на нее и были по большей части недовольны ею. Они видѣли въ ней пятидесятилѣтнюю толстую бабу, одѣтую не по лѣтамъ. Тонъ ея не понравился, рѣчи показались слишкомъ длинны и рукава слишкомъ коротки. Отецъ Полины, знавшій *M-me de Staël* еще въ Парижѣ, далъ ей обѣдъ, на который скликалъ всѣхъ нашихъ московскихъ умниковъ. Тутъ увидѣла я сочинительницу *Коринны*. Она сидѣла на первомъ мѣстѣ, облокотясь на столъ, свертывая и развертывая прекрасными пальцами трубочку изъ бумаги. Она казалась не въ духѣ; нѣсколько разъ принималась говорить и не могла разговориться. Наши умники ѣли и пили въ свою мѣру и, казалось, были гораздо болѣе довольны ухомъ князя, нежели бесѣдою *M-me de Staël*. Дамы чинились. Тѣ и другіе только изрѣдка прерывали молчаніе, убѣжденные въ ничтожество своихъ мыслей и оробѣвшіе при европейской знаменитости. Во все время обѣда Полина сидѣла какъ на иголкахъ. Вниманіе гостей раздѣлено было между осетромъ и *M-me de Staël*. Ждалъ отъ нея помпунтно *bonmot*; наконецъ вырвалось у ней двусмысліе и даже довольно смѣлое. Всѣ подхватили его, захохотали, поднялся шепотъ удивленія; князь былъ внѣ себя отъ радости. Я взглянула на Полину: лицо ея пылало, и слезы показались на ея глазахъ. Гости встали изъ за стола, совершенно примиренные съ *M-me de Staël*. Она сказала каламбуръ, который они поскакали развозить по городу.

*) Французская писательница (1776—1817), прославившаяся своими «Коринною» и «Дельфиною». При Бонапарте она составляла оппозицію и должна была оставить Францію.

«Что съ тобою сдѣлалось, ma chère?» спросила я Полину: «Неужели шутка немножко вольная могла до такой степени тебя смутить?» — «Ахъ, милая, отвѣчала Полина: я въ отчаяніи! Какъ ничтожно должно было показаться наше большое общество этой необыкновенной женщинѣ! Она привыкла быть окружена людьми, которые ее понимаютъ, для которыхъ блестящее замѣчаніе, сильное движеніе сердца, вдохновенное слово никогда не потеряны; она привыкла къ увлекательному разговору высшей образованности. А здѣсь.... Боже мой! Ни одной мысли, ни одного замѣчательнаго слова въ теченіе трехъ часовъ! Тупыя лица, тупая важность.... и только! Какъ ей было скучно! Какъ она казалась утомленною! Она увидѣла, чего имъ было надобно, что могли понять эти обезьяны просвѣщенія, и кинула имъ каламбуръ. А они такъ и бросились.... Я сгорѣла со стыда, и готова была заплакать.... Но пускай, съ жаромъ продолжала Полина, пускай она вывезетъ объ нашей свѣтской черни мнѣніе, котораго они достойны. По крайней мѣрѣ, она видѣла нашъ добрый, простой народъ, и понимаетъ его. Ты слышала, что сказала она дядюшкѣ, этому старому несносному шуту, который, изъ угожденія къ иностранкѣ, вздумалъ было смѣяться надъ русскими бородами? «Народъ, который, тому сто лѣтъ, отстоялъ свою бороду, отстоять въ наше время и свою голову». Какъ она мила! Какъ я люблю ее! Какъ ненавижу ея гонителя!»*)

Не я одна замѣтила смущеніе Полины. Другіе проникательные глаза остановились на ней въ ту же самую минуту: черные глаза самой M-me de Staël. Не знаю, что подумала она, но только послѣ обѣда она подошла къ моей подругѣ и съ нею разговорилась. Черезъ нѣсколько дней M-me de Staël написала ей слѣдующую записку:

Ma chère enfant, je suis tout malade. Il serait bien aimable à vous de venir me ranimer. Tachez de l'obtenir de M-me votre mère et veuillez lui présenter les respects de votre amie de S.

Эта записка хранится у меня. Никогда Полина не объясняла мнѣ своихъ сношеній съ M-me de Staël, не смотря на все мое любопытство. Она была безъ памяти отъ славной женщины, столь же добродушной, какъ и гениальной.

До чего доводитъ охота къ злословію! Недавно рассказывала я

*) Императора Наполеона.

все это въ одномъ порядочномъ обществѣ. «Можетъ быть, замѣтили мнѣ, M-me de Staël была не что иное, какъ шпионъ Наполеоновъ, а книжна ** доставляла ей нужныя свѣдѣнія». — «Помилуйте», сказала я: «M-me de Staël, десять лѣтъ гонимая Наполеономъ, благородная, добрая M-me de Staël, насилу убѣждавшая подъ покровительство русскаго императора, M-me de Staël, другъ Шатобріана и Байрона, M-me de Staël будетъ шпиономъ у Наполеона!...» — «Очень, очень можетъ статься», возразила мнѣ востроносая графиня Б.: «Наполеонъ былъ такая бестія, а M-me de Staël претонкая штука».

Всѣ говорили о близкой войнѣ и, сколько помню, довольно легкомысленно. (Подражаніе французскому тону временъ Людовика XV было въ модѣ.)

Вдругъ пзвѣстіе о нашествіи и воззваніе государя поразили насъ. Москва взволновалась. Появились престопаходные листки графа Ростопчина; народъ ожесточился. Свѣтскіе балагуры прісмирѣли; дамы струхнули.

Гонители французскаго языка и Кузнецкаго моста взяли въ обществахъ рѣшительный верхъ, и гостинныя наполнились патріотами: кто высыпалъ пзъ табакерки французскій табакъ и сталъ нюхать русскій; кто сжегъ десятокъ французскихъ брошюръ кто отказался отъ лафита, а принялся за кислыя щи. Всѣ заклились говорить по-французски; всѣ закричали о Пожарскомъ и Мининѣ и стали проповѣдывать народную войну, собираясь на долгихъ отправиться въ саратовскія деревни.

Полина не могла скрыть свое презрѣніе, какъ прежде не скрывала своего негодованія. Такая проворная перемѣна и трусость выводили ее пзъ терпѣнія. На бульварѣ, на Прѣсненскихъ прудахъ, она нарочно говорила по-французски; за столомъ, въ присутствіи слугъ, нарочно оспаривала патріотическое хвастовство, нарочно говорила о многочисленности Наполеоновыхъ войскъ, о его военномъ геліи. Присутствующіе блѣднѣли, опасаясь доноса, и спѣшили укорить ее въ приверженности ко врагу отечества. Полина презрительно улыбалась. «Дай Богъ», говорила она, «чтобы всѣ русскіе любили свое отечество, какъ я его люблю». Она удивляла меня. Я всегда знала Полину скромной и молчаливой и не понимала, откуда взялась у нея такая смѣлость. «Помилуй», сказала я однажды: «охота тебѣ вмѣшивавься не въ наше дѣло.

Пусть мужчины себя дерутся и кричать о политикѣ; женщины на войну не ходятъ, и имъ дѣла нѣтъ до Бонапарта». Глаза ея засверкали. — «Стыдись, сказала она: развѣ женщины не имѣютъ отечества? развѣ нѣтъ у нихъ отцовъ, братьевъ, мужей? развѣ кровь русская для насъ чужда? Или ты полагаешь, что мы рождены для того только, чтобъ насъ на балѣ вертѣли въ экосезахъ, а дома заставляли вышивать по канвѣ собачекъ? Нѣтъ! Я знаю, какое вліяніе женщина можетъ имѣть на мнѣніе общественное. Я не признаю уничиженія, къ которому присуждаютъ насъ. Посмотри на M-me de Staël. Наполеонъ боролся съ нею, какъ съ непріятельской силой... И дядюшка смѣетъ еще насмѣхаться надъ ея робостію при приближеніи французской арміи: «будьте покойны, сударыни: Наполеонъ воюетъ противъ Россіи, а не противу васъ»... Да! Если бъ дядюшка попался въ руки французамъ, то его бы пустили гулять по Пале-Роялю; но M-me de Staël въ такомъ случаѣ умерла бы въ государственной темницѣ. А Шарлота Корде?*) а наша Марѳа Посадница? а княгиня Дашкова? Чѣмъ я ниже ихъ? Ужъ вѣрно не смѣлостію души и рѣшительностію». — Я слушала Полину съ изумленіемъ. Никогда не подозрѣвала я въ ней такого жара, такого честолюбія. (Увы! къ чему привели ее необыкновенныя качества души и мужественная возвышенность ума? Правду сказалъ мой любимый писатель: Il n'est de bonheur que dans les voies communes. **)

Пріѣздъ государя усугубилъ общее волненіе. Восторгъ патріотизма овладѣлъ наконецъ и высшимъ обществомъ. Гостинныя превратились въ палаты преній. Вездѣ толковали о патріотическихъ пожертвованіяхъ. Повторяли безсмертную рѣчь молодого графа Мамона, пожертвовавшего всѣмъ своимъ имѣніемъ. Нѣкоторые маменьки послѣ того замѣтили, что графъ уже не такой завидный женихъ; но мы все были отъ него въ восхищеніи. Полина бредила имъ. «Вы чѣмъ жертвуете?» спросила она разъ у моего брата. — «Я не владѣю еще моимъ имѣніемъ, отвѣчалъ мой повѣса. У меня всего на все 30,000 долгу: приношу ихъ въ жертву на алтарь отечества». Полина разсердилась. «Для нѣкоторыхъ людей», сказала

*) Дочь франц. дворянина; она умертвила Марата, который, по ея мнѣнію, способствовалъ уничтоженію свободы, и за это была осуждена на смерть.

**) Кажется, слова Шатобріана. А. П.

она: «и честь и отечество — все бездѣлца. Братья ихъ умирають на полѣ сраженія, а они дурачатся въ гостинныхъ. Не знаю, найдется ли женщина, довольно нпзкая, чтобъ позволить такимъ фигурамъ притворяться передъ нею въ любви». Братъ мой вспыхнулъ. — «Вы слишкомъ взыскательны, княжна, возразилъ онъ. Вы требуете, чтобы всѣ видѣли въ васъ M-me de Staël и говорили бы вамъ тирады изъ Коринны. Знайте, что кто шутить съ женщиною, тотъ можетъ не шутить передъ лицомъ отечества и его непріятелемъ». — Съ этимъ словомъ онъ отвернулся. Я думала, что они навсегда поссорились, но ошиблась: Полинѣ понравилась дерзость моего брата; она простила ему неумѣстную шутку за благородный порывъ негодованія и, узнавъ чрезъ педѣлю, что онъ вступилъ въ Мамоновскій полкъ, сама просила, чтобъ я ихъ помприла. Братъ былъ въ восторгѣ. Онъ тутъ же предложилъ ей свою руку. Она согласилась, но отерочила свою свадьбу до конца войны. На другой день братъ мой отправился въ армію.

Наполеонъ шелъ на Москву; наши отступали; Москва тревожилась; жители ея выбирались одинъ за другимъ. Князь и княгиня уговорили матушку вмѣстѣ ѣхать въ ихъ ***скую деревню.

Мы пріѣхали въ ** огромное село, въ 20-ти верстахъ отъ губернскаго города. Около насъ было множество сосѣдей, большею частію пріѣзжихъ изъ Москвы. Всякій день всѣ бывали вмѣстѣ; наша деревенская жизнь походила на городскую. Письма изъ арміи приходили почти каждый день; старушки искали на картѣ мѣстечка бивакъ и сердились, не находя его. Полина занималась одною политикою, ничего не читала, кромѣ газетъ, Ростопчинскихъ афишекъ, и не открывала ни одной книги. Окруженная людьми, коихъ понятія были ограничены, слыша сужденія почти нелѣпныя, и новости неосновательныя, она впала въ глубокое уныніе. Она не постигала мысли тогдашняго времени, столь великой въ своемъ ужасѣ, мысли, которой смѣлое исполненіе спасло Россію и освободило Европу. Цѣлые часы проводила она, облокотясь на карту Россіи, разсчитывая версты, слѣдуя за быстрыми движеніями войскъ. Странныя мысли приходили ей въ голову. Однажды она мнѣ объявила о своемъ намѣреніи уйти изъ деревни и явиться въ лагерь... Мнѣ не трудно было убѣдить ее въ безумствѣ такого предпріятія...

Отецъ ея, какъ уже извѣстно, былъ человѣкъ довольно легкомысленный; онъ только думалъ, чтобы жить въ деревнѣ, какъ можно болѣе по-московскому, давалъ обѣды, завелъ *théâtre de société*, гдѣ разыгрывались французскія *proverbes*, и всячески старался разнообразить наши удовольствія. Въ городъ прибыло нѣсколько плѣнныхъ французовъ. Князь обрадовался новымъ лицамъ — и выпросилъ у губернатора позволеніе помѣстить ихъ у себя. Ихъ было четверо; трое довольно незначущіе люди, фанатически преданные Наполеону, нестерпимые крикуны — правда, выкупающіе свою хвастливость своими почтенными ранами. Четвертый былъ человѣкъ чрезвычайно примѣчательный.

Ему было тогда 26 лѣтъ; онъ принадлежалъ хорошему дому. Лицо его было пріятно, тонъ очень хорошій; мы тотчасъ отличили его. Ласки принималъ онъ съ благородной скромностію. Онъ говорилъ мало; но рѣчи его были основательны. Полинѣ онъ понравился тѣмъ, что первый могъ ясно ей истолковать военныя дѣйствія и движенія войскъ. Онъ успокоилъ ее, удостовѣривъ, что отступленіе русскихъ войскъ было не безсмысленный побѣгъ, п столько же беспокоило Наполеона, какъ и ожесточало русскихъ. — «Но вы, спросила его Полина, развѣ вы не убѣждены въ непобѣдимости вашего императора». — Синекуръ (назову жъ и его пменемъ, даннымъ ему г-мъ Загоскинымъ), Синекуръ, нѣсколько помолчавъ, отвѣчалъ, что въ его положеніи откровенность была бы затруднительна. Полина настоятельно требовала отвѣта. Синекуръ признался, что стремленіе французскихъ войскъ въ сердце Россіи могло сдѣлаться для нихъ опасно, что походъ 1812 года, кажется, конченъ, но не представляетъ ничего рѣшительнаго. «Конченъ! возразила Полина, а Наполеонъ все еще идетъ впередъ, а мы все отступаемъ». — Тѣмъ хуже для насъ, отвѣчалъ Синекуръ, и заговорилъ о другомъ предметѣ.

Полина, которой надоѣли и трусливыя предсказанія, и глупое хвастовство сосѣдей, жадно слушала сужденія, основанныя на знаніи дѣла и безпристрастіи. Отъ брата получала она письма, въ которыхъ толку невозможно было добиться; они были наполнены шутками умными и плохими, вопросами о Полинѣ, пошлыми увѣреніями въ любви и проч. Полина, читая ихъ, досадовала и пожмала плечами. «Признайся, говорила она, что твой Алексѣй препустой человѣкъ. Даже въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, съ



поля сраженія, находитъ онъ способъ писать ничего незначающія письма; какова же будетъ мнѣ его бесѣда въ теченіе тихой семейственной жизни?» Она ошибалась. Пустота братниныхъ писемъ происходила не отъ его собственного ничтожества, но отъ предразсудка, впрочемъ, самаго оскорбительнаго для насъ. Онъ полагалъ, что съ женщинами должно употреблять языкъ, приравленный къ слабости ихъ понятій, и что важные предметы до насъ не касаются. Таковое мнѣніе вездѣ было бы невѣжливо, но у насъ оно и глупо. Нѣтъ сомнѣнія, что русскія женщины лучше образованы, болѣе читаютъ, болѣе мыслятъ, нежели мужчины, занятые Богъ знаетъ чѣмъ.

Разнеслась вѣсть о Бородинскомъ сраженіи. Всѣ толковали о немъ, у всякаго было самое вѣрное извѣстіе, всякій имѣлъ списокъ убитымъ и раненымъ; братъ намъ не писалъ. Мы чрезвычайно были встревожены. Наконецъ одинъ изъ развозителей всякой всячины пріѣхалъ насъ извѣстить о его взятіи въ плѣнъ, а между тѣмъ по-шепту объявилъ Полинѣ о его смерти. Полина глубоко огорчилась. Она не была влюблена въ брата и часто на него досадовала, но въ эту минуту видѣла она въ немъ мученика, героя, и оплакивала въ тайнѣ отъ меня. Нѣсколько разъ я заставляла ее въ слезахъ. Это меня не удивляло; я знала, какое болѣзненное участіе принимала она въ судьбѣ страждущаго нашего отечества. Я не подозрѣвала еще, что было причиной ея горести.

Однажды утромъ я гуляла въ саду; подлѣ меня шелъ Синекуръ. Мы разговаривали о Полинѣ. Я замѣтила, что онъ глубоко чувствовалъ ея необыкновенныя качества, и что ея красота сдѣлала на него сильное впечатлѣніе. Я, смѣясь, дала ему замѣтить, что положеніе его самое романическое.... Раненый рыцарь влюбляется въ благородную владѣтельницу замка, трогаетъ ее сердце и наконецъ получаетъ ея руку. — «Нѣтъ, сказалъ мнѣ Синекуръ, княжна видитъ во мнѣ врага Россіи и никогда не согласится оставить свое отечество». Въ эту минуту Полина показалась въ концѣ аллеи; мы пошли къ ней навстрѣчу. Она приближалась скорыми шагами. Блѣдность ея меня поразила. — «Москва взята!» сказала она мнѣ, не отвѣчая на поклонъ Синекура. Сердце мое сжалось, слезы потекли ручьемъ. Синекуръ молчалъ, потупя глаза. — «Благородные, просвѣщенные французы, продолжала она голосомъ, дрожащимъ отъ негодованія, ознаменовали свое торжество достойнымъ

образомъ. Они зажгли Москву — Москва горитъ уже два дня». — «Что вы говорите? закричалъ Синекуръ, не можетъ быть». — «Дождитесь ночи, отвѣчала она сухо, можетъ быть увидите зарево». — «Боже мой! онъ погибъ, сказалъ Синекуръ; какъ? развѣ вы не видите, что пожаръ Москвы есть гибель всему французскому войску, что Наполеону нигдѣ нечѣмъ будетъ держаться, что онъ принужденъ будетъ скорѣе отступить сквозь разоренную, опустѣвшую дорогу, съ войскомъ разстроеннымъ и недовольнымъ. И вы могли думать, что французы сами изрыли себѣ адъ: русскіе, русскіе зажгли Москву! — Теперь все рѣшено: ваше отечество выпило изъ опасности; но что будетъ съ нами, что будетъ съ нашимъ императоромъ?» Онъ оставилъ насъ. Полина и я не могли опомниться. «Неужелп, сказала она, Синекуръ правъ, и пожаръ Москвы — нашихъ дѣло? Если такъ.... О, мнѣ можно гордиться именемъ россиянки! Вселенная изумится великой жертвѣ! Теперь и паденіе наше мнѣ не страшно — честь наша спасена; никогда Европа не осмѣлится уже бороться съ народомъ, который рубить самъ себѣ руки и жжетъ свою столицу». Глаза ея такъ и блистали, голосъ такъ и звенѣлъ. Я обняла ее, мы смѣшали слезы благороднаго восторга и жаркія моленія за отечество. «Ты знаешь? сказала мнѣ Полина съ видомъ вдохновеннымъ: твой братъ.... онъ счастливъ, онъ не въ плѣну — радуйся: онъ убитъ за спасеніе Россіи». Я вскрикнула и упала безъ чувствъ въ ея объятія.

4. Дубровскій.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ одномъ изъ помѣстій своихъ, жилъ старинный русскій баринъ, Кпріла Петровичъ Троекуровъ. Его богатство, знатный родъ и связи давали ему большой вѣсъ въ той губерніи, гдѣ находилось его имѣніе. Избалованный всѣмъ, что только окружало его, онъ привыкъ давать полную волю каждому порыву пылкаго своего нрава и всѣмъ затѣямъ довольно ограниченнаго ума. Сосѣди рады были угождать малѣйшимъ его

прихотямъ; губернскіе чиновники трепетали при его имени. Кирила Петровичъ принималъ всѣ знаки подобострастія, какъ надлежащую дань. Домъ его всегда былъ полонъ гостями, готовыми тѣшить его барскую праздность, раздѣляя шумныя, а иногда и буйныя его увеселенія. Никто не дерзалъ отказываться отъ его приглашеній или въ извѣстные дни не являться съ должнымъ почтеніемъ въ село Покровское. Кирила Петровичъ былъ великій хлѣбосоль и, не смотря на необыкновенную силу физическихъ способностей, раза два въ недѣлю страдалъ отъ обжорства, и каждый вечеръ былъ навеселѣ.

Всегдашнія занятія покровскаго помѣщика состояли въ разѣздахъ около пространныхъ его владѣній, въ продолжительныхъ пирахъ и въ проказахъ, ежедневно притомъ пзобрѣтаемыхъ, жертвою коихъ бывалъ обыкновенно какой нибудь новыи знакомецъ, хотя и старинные пріатели не всегда ихъ избѣгали, за исключеніемъ одного Андрея Гавриловича Дубровскаго. Сей Дубровскій, отставной поручикъ гвардіи, былъ ему ближайшимъ сосѣдомъ и владѣлъ семьюдесятью душами. Троекуровъ, надменный въ сношеніяхъ съ людьми самаго высшаго званія, уважалъ Дубровскаго, не смотря на его бѣдность. Нѣкогда были они товарищами по службѣ, и Троекуровъ зналъ по опыту нетерпѣливость и рѣшительность его характера. Обстоятельства разлучили ихъ надолго: Троекуровъ пошелъ въ гору; Дубровскій, съ разстроеннымъ состояніемъ, принужденъ былъ выйти въ отставку и поселиться въ остальной своей деревнѣ. Кирила Петровичъ, узнавъ о томъ, предлагалъ ему свое покровительство; но Дубровскій благодарилъ его и остался бѣденъ и независимъ. Спустя нѣсколько лѣтъ, Троекуровъ, отставной генераль-аншефъ, пріѣхалъ въ свое помѣстье; они свидѣлись и обрадовались другъ другу. Съ тѣхъ поръ каждый день бывали вмѣстѣ, и Кирила Петровичъ, отъ роду не удостоивавшій никого своимъ посѣщеніемъ, заѣзжалъ запросто въ домишко стараго своего товарища. Будучи ровесниками, рожденные въ одномъ сословіи, воспитанные одинаково, они сходились отчасти въ характерѣ и наклонностяхъ; въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и судьба ихъ была одинакова: оба женились по любви, оба скоро овдовѣли, у обоихъ осталось по ребенку. Сынъ Дубровскаго воспитывался въ Петербургѣ, дочь Кирилы Петровича росла въ глазахъ родителей, и Троекуровъ часто говаривалъ Дубровскому: «Слушай, братъ,

Андрей Гавриловичъ, когда въ твоёмъ Володькѣ будетъ путь, такъ отдамъ за него Машу, даромъ что онъ голъ какъ соколъ». Андрей Гавриловичъ качалъ головою и отвѣчалъ обыкновенно: «Нѣтъ, Кирила Петровичъ, мой Володька не женихъ Марьѣ Кириловнѣ. Бѣдному дворянчику, каковъ онъ, лучше жениться на бѣдной дворяночкѣ, да быть главою въ домѣ, нежели сдѣлаться прикащикомъ избалованной бабенки».

Всѣ завидовали согласію, царствовавшему между надменнымъ Троекуровымъ и бѣднымъ его сосѣдомъ, и удивлялись смѣлости послѣдняго, когда онъ за столомъ у Кирилы Петровича прямо высказывалъ свое мнѣніе, не заботясь о томъ, противорѣчило ли оно мнѣніямъ хозяина. Нѣкоторые было пытались ему подражать и выйти изъ должнаго повиновенія; но Кирила Петровичъ пугнулъ ихъ такъ, что навсегда у нихъ отбѣлъ охоту къ таковымъ покушеніямъ; а Дубровскій остался одинъ впѣ общаго закона. Нечаянный случай все разстроплъ и перемѣнилъ.

Разъ, въ началѣ осени, Кирила Петровичъ собирался въ отъѣзжее поле. Наканунѣ отданъ былъ приказъ псарямъ и стремяннымъ быть готовыми къ пяти часамъ утра. Палатка и кухня отправлены были впередъ, на мѣсто, гдѣ Кирила Петровичъ долженъ былъ обѣдать. Хозяинъ и гости пошли на псарный дворъ, гдѣ болѣе пятисотъ гончихъ и борзыхъ жили въ довольствѣ и теплѣ, прославляя щедрость Кирилы Петровича на своемъ собачьемъ языкѣ. Тутъ же находился и лазаретъ для больныхъ собакъ, подъ присмотромъ штабъ-лѣкаря Тимошки, и отдѣленіе, гдѣ суки щенялись и кормили своихъ щенятъ. Кирила Петровичъ гордился симъ прекраснымъ заведеніемъ и никогда не упускалъ случая похвастать онымъ предъ своими гостями, изъ коихъ каждый осматривалъ его по крайней мѣрѣ уже въ двадцатый разъ. Онъ расхаживалъ по псарнѣ, окруженный своими гостями и сопровождаемый Тимошкой и главными псарями, останавливался предъ нѣкоторыми канурами, то спрашивая о здоровьѣ больныхъ, то дѣлая замѣчанія болѣе или менѣе строгія и справедливыя, то подзывая къ себѣ знакомыхъ собакъ и ласково съ ними разговаривая. Гости почитали обязанностію восхищаться псарнею Кирилы Петровича; одинъ Дубровскій молчалъ и хмурился; онъ былъ горячій охотникъ, но его состояніе позволяло ему держать только двухъ гончихъ и одну борзую, суку, и онъ не могъ удержаться отъ нѣкоторой зависти

при видѣ сего великолѣпнаго заведенія. «Что же ты нахмурился, братъ», спросилъ его Кирила Петровичъ: «или псарня моя тебѣ не нравится?» — «Нѣтъ», отвѣчалъ Дубровскийъ сурово: «псарня чудная; вриды ли людямъ вашимъ житье такое, какъ вашимъ собакамъ». Одинъ пзъ псарей обидѣлся. «Мы на свое житье», сказалъ онъ: «благодаря Бога и барина, не жалуемся; а что правда, то правда, иному и барину не худо бы промѣнять усадьбу свою на любую здѣшнюю кануру: ему было бы и сытнѣе и теплѣе». Кирила Петровичъ громко засмѣялся при дерзкомъ замѣчаніи своего холопа, а гости вслѣдъ за нимъ захохотали, хотя и чувствовали, что шутка псари могла относиться и къ нимъ. Дубровскийъ поблѣднѣлъ и не сказалъ ни слова. Въ сіе время поднесли Кирилѣ Петровичу въ лукошкѣ новорожденныхъ щенятъ; онъ занялся ими, выбралъ двухъ, а прочихъ велѣлъ утопить. Между тѣмъ Андрей Гавриловичъ скрылся, и никто того не замѣтилъ.

Возвратясь съ гостями со псарнаго двора, Кирила Петровичъ сѣлъ ужинать, и тогда только, не видя Добровскаго, хватился его. Люди отвѣчали, что Андрей Гавриловичъ уѣхалъ домой. Троекуровъ тотчасъ велѣлъ его догнать и воротить непременно. Отъ роду не выѣзжалъ онъ на охоту безъ Дубровскаго, опытнаго и тонкаго цѣнителя псовыхъ достоинствъ и безошибочнаго рѣшителя всѣхъ возможныхъ охотничьихъ споровъ. Слуга, поскакавшій за нимъ, воротился, когда еще сидѣли за столомъ, и доложилъ своему господину, что дескать Андрей Гавриловичъ не послушался и не хотѣлъ воротиться. Кирила Петровичъ, по обыкновенію своему, разгоряченный наливкою, осердился и вторично послалъ того же слугу сказать Андрею Гавриловичу, что если онъ тотчасъ же не пріѣдетъ ночевать въ Покровское, то онъ Троекуровъ, рассорится съ нимъ на вѣки. Слуга снова поскакалъ. Кирила Петровичъ всталъ пзъ-за стола, отпустилъ гостей и отправился спать.

На другой день первый вопросъ его былъ: «здѣсь ли Андрей Гавриловичъ?» Ему подали письмо, сложенное треугольникомъ. Кирила Петровичъ приказалъ своему писарю читать его въ слухъ и услышалъ слѣдующее:

«Государь мой премилосердый!

Я до тѣхъ поръ не намѣренъ пріѣхать въ Покровское, пока не вышлете вы мнѣ псаря Парамошку съ повинною; а будетъ моя

воля наказать его или помиловать; а я терпѣть шутокъ отъ вашихъ холоповъ не намѣренъ, да и отъ васъ ихъ не стерплю, потому что я не шутъ, а старинный дворянинъ. За симъ остаюсь покорный къ услугамъ.

Андрей Дубровскій».

По нынѣшнимъ понятіямъ объ этикетѣ, такое письмо было бы весьма неприличнымъ; но оно разсердило Кирила Петровича не страннымъ слогомъ, а только своею сущностію. «Какъ?» закричалъ Троекуровъ, вскочивъ съ постели босой: «высылать моихъ людей къ нему съ повинною! онъ воленъ ихъ наказывать и миловать! да что онъ въ самомъ дѣлѣ затѣялъ? да знаетъ ли онъ, съ кѣмъ связывается? Вотъ я жъ его! наплачется онъ у меня! узнаетъ, каково идти на Троекурова.»

Кирила Петровичъ одѣлся и выѣхалъ на охоту съ обыкновенною своею пышностію. Но охота не удалась; во весь день видѣли только одного зайца и того протравили; обѣдъ въ полѣ подъ палаткой также не удался, или по крайней мѣрѣ былъ не по вкусу Кирила Петровича, который прибилъ повара, разбранилъ гостей, и на возвратномъ пути со всею своею охотою нарочно поѣхалъ полями Дубровскаго.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Прошло нѣсколько дней и вражда между двумя сосѣдами не унималась. Андрей Гавриловичъ не возвращался уже въ Покровское, а Кирила Петровичъ безъ него скучалъ, и досада его изливалась въ самыхъ оскорбительныхъ выраженіяхъ, которыя, благодаря усердію тамошнихъ дворянъ, доходили до Дубровскаго исправленныя и дополненныя. Новое обстоятельство уничтожило и послѣднюю надежду на примиреніе.

Дубровскій объѣзжалъ однажды малое свое владѣніе; приближался къ березовой рощѣ, услышалъ онъ удары топора и чрезъ минуту трескъ повалившагося дерева; онъ поспѣшилъ туда и наѣхалъ на покровскихъ мужиковъ, ворующихъ его лѣсъ. Увидя его, они бросились было бѣжать; но Дубровскій съ своимъ кучеромъ поймалъ одного изъ нихъ, котораго привелъ связаннаго къ себѣ на дворъ; сверхъ того двѣ лошади непріятельскія достались тутъ же въ до-

бычу побѣдителю. Дубровскій былъ чрезвычайно сердитъ; прежде сего никогда люди Троекурова, извѣстные разбойники, не осмѣливались шалить въ предѣлахъ его владѣнія, зная короткую связь его съ ихъ господиномъ; теперь Дубровскій увидѣлъ, что они пользуются разрывомъ, происшедшимъ между нимъ и его сосѣдомъ, и рѣшился, вопреки всѣмъ понятіямъ о правѣ войны, проучить своихъ плѣнниковъ прутьями, коими они сами запаслись въ его рошѣ, а лошадей отдать въ работу, приписать къ барскому скоту.

Слухъ о семъ происшествіи въ тотъ же день достигъ до ушей Кирила Петровича. Онъ вышелъ изъ себя и въ первую минуту гнѣва хотѣлъ было со всѣми своими дворовыми учинить нападеніе на Кистеневку (такъ называлась деревня его сосѣда), разорить ее до тла и осадить самаго помѣщика въ его усадьбѣ; таковыя подвиги были ему не въ диковинку; но мысли его приняли вскорѣ другое направленіе. Расхаживая тяжелыми шагами назадъ и впередъ по залѣ, онъ взглянулъ нечаянно въ окно и увидѣлъ у воротъ остановившуюся тройку; человекъ въ кожаномъ картузѣ и въ фризовой шинели вышелъ изъ телѣги и пошелъ во флигель къ прикащику. Троекуровъ узналъ засѣдателя Шабашкина и велѣлъ его позвать. Черезъ минуту уже Шабашкинъ стоялъ предъ Кирилою Петровичемъ, отвѣсивъ поклонъ за поклономъ и съ благоговѣніемъ ожидая, что онъ ему скажетъ.

«Здорово.... какъ бишь тебя зовутъ?» сказалъ Троекуровъ; «зачѣмъ пожаловалъ?»

— Я ѣхалъ въ городъ, ваше высокопревосходительство, отвѣчалъ Шабашкинъ; и заѣхалъ къ Ивану Демьянову узнать, не будетъ ли какихъ приказаній.

«Очень кстати заѣхалъ.... какъ бишь тебя зовутъ? мнѣ до тебя нужда; выпей водки и выслушай.»

Таковой ласковый пріемъ пріятно изумилъ засѣдателя; онъ отказался отъ водки и сталъ слушать Кирилу Петровича со всевозможнымъ вниманіемъ.

«У меня сосѣдъ есть», сказалъ Троекуровъ: «мелкопомѣстный, грубиянъ; я хочу взять у него помѣніе.... какъ ты объ этомъ думаешь?»

— Ваше высокопревосходительство, имѣются ли какіе нибудь документы?

«Врешь, братецъ.... какъ бишь тебя? какіе тутъ документы? Дѣло

въ томъ, чтобы отнять имѣніе и съ документами и безъ документовъ».

— Ваше высокопревосходительство, мудроно.

«Подумай, братецъ, поищи хорошенько.

— Если бы, наиримѣрь, наше высокопревосходительство, могли достать какимъ нибудь образомъ отъ сосѣда записъ, въ силу которой владѣтъ онъ своимъ имѣніемъ, то конечно...

«Понимаю, да вотъ бѣда: у него всѣ бумаги сгорѣли во время пожара».

— Какъ, ваше высокопревосходительство, бумаги его сгорѣли? Чего же вамъ лучше? Въ такомъ случаѣ извольте дѣйствовать по законамъ: безъ всякаго сомнѣнія, получите совершенное удовольствіе.

«Ты думаешь? Ну, смотри же, я полагаюсь на твое усердіе, а въ благодарности моей можешь быть увѣренъ».

Шабашкинъ, поклонившись почти до земли, вышелъ вонъ, съ того же дня сталъ хлопотать по замышленному дѣлу, и, благодаря его проворству, ровно черезъ двѣ недѣли Дубровскій получилъ изъ города приглашеніе явиться въ судъ и представить документы, въ силу которыхъ онъ владѣтъ селомъ Кистеневкою.

Андрей Гавриловичъ изумился и въ тотъ же день написалъ въ отвѣтъ довольно грубое отношеніе, въ коемъ объяснялъ онъ, что село Кистеневка досталось ему по смерти покойнаго его родителя, что онъ владѣтъ имъ по праву наслѣдства, что Троекурову до него дѣла нѣтъ, и что всякое постороннее притязаніе на сію его собственность — есть ябеда и мошенничество. Это письмо произвело весьма пріятное впечатлѣніе въ душѣ засѣдателя Шабашкина; онъ увидѣлъ, во-первыхъ, что Дубровскій мало знаетъ толку въ дѣлахъ; во-вторыхъ, что человѣка столь горячаго и неосмотрительнаго не трудно будетъ поставить въ самое невыгодное положеніе.

Андрей Гавриловичъ, разсмотрѣвъ хладнокровно сдѣланный ему запросъ, увидѣлъ необходимость отвѣчать обстоятельнѣе; онъ написалъ довольно дѣльную бумагу; но она внослѣдствіи оказалась недостаточною.

Дѣло стало тянуться. Увѣренный въ своей правотѣ, Андрей Гавриловичъ мало о немъ заботился, не имѣлъ ни охоты, ни возможности сыпать около себя деньгами, первый трунилъ надъ продажною совѣстью чернильнаго племени, и мысль сдѣлаться жертвою ябеды не приходила ему въ голову. Съ своей стороны Трое-

куровъ столь же мало думаль о выигрышѣ затѣяннаго имъ дѣла: Шабашкинъ за него хлопоталь, дѣйствуя отъ его имени, страшая и подкупая судей и толкуя вкривъ и вкосъ все возможные указы. Какъ бы то ни было, 18.... года, февраля, 9-го дня Дубровскій получилъ чрезъ городовую полицію приглашеніе явиться въ ** земскій судъ для выслушанія рѣшенія онаго по дѣлу спорнаго имѣнія между имъ поручикомъ Дубровскимъ и генераль-аншефомъ Троекуровымъ, и для подписки своего удовольствія или неудовольствія. Въ тотъ же день Дубровскій отправился въ городъ; на дорогѣ обогналъ его Троекуровъ; они гордо взглянули другъ на друга, и Дубровскій замѣтилъ злобную улыбку на лицѣ своего противника.

Пріѣхавъ въ городъ, Андрей Гавриловичъ остановился у знакомаго купца, почеваль у него и на другой день утромъ явился въ присутствіе уѣзднаго суда. Никто не обратилъ на него вниманія. Вслѣдъ за нимъ пріѣхаль и Кирила Петровичъ; члены встрѣтили его съ изъявленіемъ глубокаго подобострастія, придвинули къ нему кресла, изъ уваженія къ его чину, лѣтамъ и дородности; онъ сѣлъ; Андрей Гавриловичъ, стоя, прислонился къ стѣнѣ. Настала глубокая тишина, и секретарь началъ звонкимъ голосомъ читать опредѣленіе суда. Мы помѣщаемъ его вполнѣ, полагая, что всякому пріятно будетъ увидѣть одинъ изъ способовъ, какимъ на Руси можемъ мы лишиться имѣнія, на владѣніе котораго имѣемъ неоспоримое право...*)

Секретарь умолкнулъ; засѣдатель всталъ и съ низкимъ поклономъ обратился къ Троекурову, приглашая его подписать предлагаемую бумагу. Торжествующій Троекуровъ взялъ изъ рукъ его перо и подписалъ подъ рѣшеніемъ суда свое совершенное удовольствіе.

Очередь была за Дубровскимъ. Секретарь поднесъ ему бумагу; но Дубровскій стоялъ неподвижно, потупя голову. Секретарь повторилъ ему свое приглашеніе: «подписать свое полное и совершенное удовольствіе, или свое явное неудовольствіе, если, паче чаянія, чувствуетъ по совѣсти, что дѣло его есть правое и намѣ-

*) Пушкинъ хотѣлъ приложить подлинную резолюцію Козловскаго уѣзднаго суда по дѣлу Крюкова съ Муратовымъ, измѣнивъ только ихъ фамиліи. Резолюція остается въ его бумагахъ ненапечатанною.

ренъ въ положенное законами время просить по апелліаціи, куда слѣдуетъ».

Дубровскій молчалъ.... вдругъ онъ поднялъ голову, глаза его засверкали, онъ топнулъ ногою, оттолкнулъ секретаря съ такою силою, что тотъ упалъ, схватилъ чернильницу и пустилъ ею въ засѣдателя. Всѣ пришли въ ужасъ. Сторожа сбѣжались на шумъ и насилу имъ овладѣли. Его вывели и усадили въ сани. Троекуровъ вышелъ вслѣдъ за нимъ, сопровождаемый всѣмъ судомъ; внезапное сумасшествіе Дубровскаго сильно подѣйствовало на его воображеніе; судьи, надѣявшіеся на его благодарность, не удостоились получить отъ него ни единого привѣтливаго слова; онъ тотчасъ отправился въ Покровское, втайнѣ мучимый совѣстію и не вполне удовлетворенный торжествомъ своей ненависти. Дубровскій, между тѣмъ, лежалъ въ постели; уѣздный лѣкарь (не совѣмъ невѣжа) успѣлъ пустить ему кровь, приставить пиявки и испанскія мухи; къ вечеру стало ему легче, и на другой день отвезли его въ Кистеневку, почти уже ему не принадлежащую.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Прошло нѣсколько времени, а здоровье больного Дубровскаго было все еще плохо. Правда, припадки сумасшествія уже не возобновлялись, но силы его примѣтно ослабѣвали. Онъ забывалъ свои прежнія занятія, рѣдко выходилъ изъ своей комнаты и задумывался по цѣлымъ суткамъ. Егоровна, добрая старуха, нѣкогда ходившая за его сыномъ, теперь сдѣлалась его пнянькою. Она смотрѣла за нимъ, какъ за ребенкомъ, напоминала ему о времени пищи и сна, кормила его, укладывала спать. Андрей Гавриловичъ повиновался ей, и кромѣ ея не имѣлъ ни съ кѣмъ сношенія. Онъ былъ не въ состояніи думать о своихъ дѣлахъ, о хозяйственныхъ распоряженіяхъ, и Егоровна увидѣла необходимость увѣдомить обо всемъ молодого Дубровскаго, служившаго въ одномъ изъ гвардіи пѣхотныхъ полковъ и находящагося въ то время въ Петербургѣ. И такъ, отодравъ листъ отъ расходной книги, она продиктовала повару Харитону, единственному кистеневскому грамотею, письмо, которое въ тотъ же день и отослала въ городъ на почту.

Но пора читателя познакомить съ настоящимъ героемъ нашей повѣсти.

Владиміръ Дубровскій воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ и выпущенъ былъ корнетомъ въ гвардію. Отецъ не шадилъ ничего для приличнаго содержанія, и молодой человѣкъ получалъ изъ дому болѣе, нежели долженъ былъ ожидать. Будучи пылокъ и честолюбивъ, онъ позволялъ себѣ роскошныя прихоти; игралъ въ карты, вхолилъ въ долги и, не заботясь о будущемъ, иногда мимоходомъ думалъ, что рано или поздно ему придется взять богатую невесту.

Однажды вечеромъ, когда нѣсколько офицеровъ спѣли у него, развалившись по диванамъ и куря изъ его янтарей, Гриша, его камердинеръ, подалъ ему письмо, коего надпись и печать тотчасъ поразили молодого человѣка. Онъ поспѣшно распечаталъ и прочелъ слѣдующее:

«Государь ты нашъ, Владиміръ Андреевичъ, я, твоя старая нянька, осмѣлюсь доложить тебѣ о здоровьѣ папенькиномъ. Онъ очень плохъ, иногда заговаривается, и весь день сидитъ какъ дитя глупое — а въ животѣ и смерти Богъ воленъ — пріѣзжай ты къ намъ, соколикъ мой ясный, мы тебѣ и лошадей вышлемъ на Песочное. Слышно, земскій судъ къ намъ ѣдетъ отдать насъ подначаль Кирилу Петровичу Троекурову — потому, что мы-деската ихнѣ, а мы искони ваши — и отъ роду того не слыхивали. Ты бы могъ, живя въ Петербургѣ, доложить о томъ Царю-Батюшкѣ, а онъ бы не далъ насъ въ обиду. Остаюсь твоя вѣрная раба, нянька Арина Егоровна Бузырева».

Владиміръ Дубровскій съ волненіемъ нѣсколько разъ сряду прочиталъ сіи довольно безтолковыя строки. Онъ лишился матери въ малолѣтствѣ и, почти не зная отца своего, былъ привезенъ въ Петербургъ на восьмомъ году своего возраста. За всѣмъ тѣмъ онъ романтически былъ къ нему привязанъ и тѣмъ болѣе любилъ семейственную жизнь, чѣмъ менѣе успѣлъ насладиться ея тихими радостями.

Мысль потерять отца своего тягостно терзала его сердце, а положеніе бѣднаго больного, которое угадывалъ онъ по письму своей няни, ужасало его. Онъ воображалъ отца, оставшагося въ глухой деревнѣ, на рукахъ глупой старухи и дворни.... угрожаемаго какимъ-то бѣдствіемъ и угасающаго безъ помощи, въ мученіяхъ тѣ-

лесныхъ и душевныхъ. Владиміръ Андреевичъ упрекалъ себя въ преступномъ небреженіи. Долго не получая отъ отца никакого извѣстія, онъ и не подумалъ о немъ освѣдомиться, полагая его въ разбѣздахъ или хозяйственныхъ заботахъ.

Онъ рѣшился къ нему ѣхать и даже выйти въ отставку, если болѣзненное состояніе отца потребуетъ его присутствія. Товарищи, замѣтя его безпокойство, ушли. Владиміръ, оставшись одинъ, написалъ просьбу объ отпускѣ, закурилъ трубку и погрузился въ глубокое размышленіе.

Владиміръ Андреевичъ приближался къ той станціи, съ которой онъ долженъ былъ своротить на Кистеневку. Сердце его исполнено было печальныхъ предчувствій: онъ боялся уже не застать отца въ живыхъ; онъ воображалъ грустный образъ жизни, ожидающей его въ деревнѣ, глушѣ, безлюдье, бѣдности и хлопоты по дѣламъ, въ коихъ онъ не зналъ никакого толку. Приѣхавъ на станцію, онъ вошелъ къ смотрителю и спросилъ вольныхъ лошадей. Смотритель освѣдомился, куда надобно было ему ѣхать, объявилъ, что лошади, присланные изъ Кистеневки, ожидали его уже четвертыя сутки. Вскорѣ явился къ Владиміру Андреевичу старый кучеръ Антонъ, нѣкогда водившій его по конюшнѣ и смотрѣвшій за его маленькою лошаdkю. Антонъ прослезился, увидя его, поклонился ему до земли, сказалъ ему, что старый его баринъ еще живъ, и побѣждалъ запрягать лошадей. Владиміръ Андреевичъ отказался отъ предлагаемаго завтрака и спѣшилъ отправиться. Антонъ повезъ его проселочными дорогами и между ними завязался разговоръ.

«Скажи, пожалуйста, Антонъ, какое дѣло у отца моего съ Троекуровымъ?»

— А Богъ ихъ вѣдаетъ, батюшка Владиміръ Андреевичъ; баринъ, слышь, не лададилъ съ Кирилой Петровичемъ, а тотъ и подалъ въ судъ — хотъ почаству онъ самъ себѣ судія. Не наше холопье дѣло разбирать барскія ихъ воли; а, ей Богу, напрасно батюшка вашъ пошелъ на Кирилу Петровича: плетью обуха не перешибешь.

«Такъ видно этотъ Кирила Петровичъ у васъ дѣлаетъ что хочетъ?»

— И вѣстимо, баринъ: засѣдателя, слышь, онъ и въ грошъ не ставитъ, исправникъ у него на посылкахъ: господа съѣзжаются

къ нему на поклонъ; и то сказать, было бы корыто, а свиньи-то будутъ.

«Правда ли, что отымаешь онъ у насъ имѣнiе?»

— Охъ, баринъ, слышали такъ и мы. На дняхъ покровскій пономарь сказалъ на крестинахъ у нашего старосты: полво вамъ гулять; вотъ уже приберетъ васъ къ рукамъ Кирила Петровичъ; а Микита кузнецъ сказалъ ему: полво, Савельичъ, не печаль кума, не мѣти гостей. Кирила Петровичъ самъ по себѣ, а Андрей Гаврилычъ самъ по себѣ — а всѣ мы Божіи да государевы; а на чужой ротъ пуговицы не нашъешь.

«Стало быть, вы не желаете перейти во владѣнiе Троекурова?»

— Во владѣнiе Кирилы Петровича! Господь упаси и избави! у него тамъ и своимъ плохо приходится, а достанутся чужіе, такъ онъ съ нихъ не только шкуру, да и мясо-то отдеретъ. Нѣтъ, дай Богъ долго здравствовать Андрею Гавриловичу; а коли ужъ Богъ его приберетъ, такъ не надо намъ никого, кромѣ тебя, нашъ кормилецъ. Не выдавай ты насъ, а мы ужъ за тебя станемъ.

При сихъ словахъ Антонъ размахнулъ кнутомъ, трихнулъ возжами, и лошади побѣжали крупной рысью.

Тронутый преданностію стараго кучера, Дубровскій замолчалъ и предался своимъ размышленіямъ. Прошло болѣе часу; вдругъ Гриша пробудилъ его восклицаніемъ: «Вотъ Покровское!» Дубровскій поднялъ голову. Онъ ѣхалъ берегомъ широкаго озера, изъ котораго вытекала рѣчка, извинаясь между холмами. На одномъ изъ нихъ, надъ густою зеленью рощи, возвышалась зеленая кровля и бельведеръ огромнаго каменнаго дома, пятиглавая церковь и старинная колокольня; около разбросаны были деревенскія избы, съ ихъ огородами и колодцами. Дубровскій узналъ сіи мѣста; онъ вспомнилъ, что на семъ самомъ холмѣ игралъ онъ съ маленькой Машей Троекуровой, которая была двумя годами его моложе и тогда уже общала быть красавицею. Онъ хотѣлъ о ней освѣдомиться у Антона; но какая-то застѣнчивость удержала его.

Подѣхавъ къ господскому дому, онъ увидѣлъ бѣлое платье, мелькающее между деревьями сада. Въ это время Антонъ ударилъ по лошадямъ и, повинувшись честолюбію, общему и деревенскимъ кучерамъ, какъ и извозчикамъ, пустился во весь духъ черезъ мостъ и мимо сада. Выѣхавъ изъ деревни, поднялись они на гору, и Владиміръ увидѣлъ березовую рощу, а влѣво на открытомъ

мѣстѣ — сѣреный домикъ съ красною кровлею; сердце въ немъ забилось — передъ нимъ была Кистеневка и бѣдный домъ отца его.

Черезъ десять минутъ вѣхалъ онъ на барскій дворъ. Онъ смотрѣлъ вокругъ себя съ волненіемъ неописаннымъ: двѣнадцать лѣтъ не видалъ онъ своей родины. Березки, которыя при немъ только что были посажены около забора, выросли и стали теперь высокими, вѣтвистыми деревьями. Дворъ, нѣкогда украшенный тремя правильными цвѣтниками, межъ коими шла широкая дорога, тщательно выметаемая, обращенъ былъ въ некошеный лугъ, на которомъ паслась спутанная лошадь. Собаки было залаяли, но, узнавъ Антона, умоляли и замахали косматыми хвостами. Дворня высыпала изъ людскихъ избъ и окружила молодого барина съ шумными изъясненіями радости. Насилу могъ онъ продраться сквозь ихъ усердную толпу и взбѣжалъ на ветхое крыльцо; въ сѣняхъ встрѣтила его Егоровна и съ плачемъ обняла своего воспитанника. — «Здорово, здорово, няня», повторилъ онъ, прижимая къ сердцу добрую старуху: «что батюшка, гдѣ онъ? каковъ онъ?» Въ эту минуту въ залу вошелъ, насилу передвигая ноги, старикъ высокаго роста, блѣдный и худой, въ халатѣ и колпакѣ. «Гдѣ жъ Володька?» сказалъ онъ слабымъ голосомъ, и Владиміръ съ жаромъ обнялъ отца своего. Радость произвела въ больномъ слишкомъ сильное потрясеніе, онъ ослабѣлъ, ноги подъ нимъ подкоились, и онъ бы упалъ, если бъ сынъ не поддержалъ его. «Зачѣмъ ты всталъ съ постели?» говорила ему Егоровна: «на ногахъ не стоитъ, а туда же норовить, куда и люди». Старика отнесли въ спальню. Онъ сплился съ нимъ разговаривать; но мысли мѣшались въ его головѣ, и слова его не имѣли никакой связи. Онъ замолчалъ и впалъ въ усыпленіе. Владиміръ пораженъ былъ его состояніемъ. Онъ расположился въ его спальнѣ и просилъ оставить его наединѣ съ отцомъ. Домашніе повиновались, и тогда всѣ обратились въ Гришѣ, повели его въ людскую, гдѣ и угостили его по деревенскому со всевозможнымъ радушіемъ, измучивъ его вопросами и привѣтствіями.



ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Гдѣ столъ былъ яствъ, тамъ гробъ стоятъ.

Нѣсколько дней спустя послѣ своего пріѣзда, молодой Дубровскій хотѣлъ заняться дѣлами, но отецъ его былъ не въ состояніи дать ему нужныя объясненія; не было повѣреннаго у Андрея Гавриловича. Разбирая его бумаги, нашелъ онъ только первое письмо засѣдателя и черновой отвѣтъ на оное. Изъ этого не могъ онъ получить яснаго понятія о тяжбѣ и рѣшился ожидать послѣдствій, надѣясь на правоту самаго дѣла.

Между тѣмъ здоровье Андрея Гавриловича часъ отъ часу становилось хуже. Владиміръ предвидѣлъ его скорое разрушеніе и не отходилъ отъ старика, впадшаго въ совершенное дѣтство.

Между тѣмъ срокъ положенный прошель, и апелляція не была подана. Кистеневка принадлежала Троекурову. Шабашкинъ явился къ нему съ поклонами и поздравленіями и просьбою назначить: «когда угодно будетъ Троекурову вступить во владѣніе новопріобрѣтеннымъ имѣніемъ—самому или кому изволитъ онъ дать на то довѣренность?» Кирила Петровичъ смутился. Отъ природы не былъ онъ корыстолюбивъ; желаніе мести завлекло его слишкомъ далеко; совѣсть его ронтала. Онъ зналъ, въ какомъ состояніи находился его противникъ, старый товарищъ его молодости, и побѣда не радовала его сердца. Онъ грозно взглянулъ на Шабашкина, ища къ чему привязаться, чтобъ его выбранить, но, не нашедъ достаточнаго къ тому предлога, сказалъ ему сердито: «Пошелъ вонъ; не до тебя!» Шабашкинъ, видя, что онъ не въ духѣ, поклонился и спѣшилъ удалиться, а Кирила Петровичъ, оставшись наединѣ, сталъ расхаживать взадъ и впередъ, насвистывая: Громъ побѣды раздавайся, что всегда означало въ немъ необыкновенное волненіе мыслей.

Наконецъ онъ велѣлъ запрячь себѣ бѣговыя дрожки, одѣлся потеплѣе (это было уже въ концѣ сентября) и, самъ правя, выѣхалъ со двора.

Вскорѣ завидѣлъ онъ домикъ Андрея Гавриловича. Противоположныя чувства наполнили душу его. Удовлетворенное мщеніе и властолюбіе заглушали до нѣкоторой степени чувства болѣе благородныя, но послѣднія наконецъ восторжествовали. Онъ рѣшился

помириться съ старымъ своимъ сосѣдомъ, уничтожить и слѣды ссоры, възвратить ему его достояніе. Облегчивъ душу спмъ благимъ намѣреніемъ, Кирила Петровичъ пустился рысью къ усадьбѣ своего сосѣда — и въѣхалъ прямо на дворъ.

Въ это время больной сидѣлъ въ спальнѣ у окна. Онъ узналъ Кирилу Петровича — и ужасное смятеніе изобразилось на лицѣ его: багровый румянецъ заступилъ мѣсто обыкновенной блѣдности, глаза засверкали, онъ произнесъ невнятные звуки. Сынъ его, спѣвшій тутъ за хозяйственными книгами, поднялъ голову и пораженъ былъ его состояніемъ. Больной указывалъ пальцемъ на дворъ, съ видомъ ужаса и гнѣва. Онъ торопился подбирать полы своего халата, собираясь встать съ кресель, приподнялся — и вдругъ упалъ. Сынъ бросился къ нему; старикъ лежалъ безъ чувствъ, безъ дыханія: параличъ его ударилъ. «Скорѣй, скорѣй въ городъ, за лѣкаремъ!» кричалъ Владиміръ. — «Кирила Петровичъ спрашиваетъ васъ,» сказалъ вошедшій слуга. Владиміръ бросилъ на него ужасный взглядъ. «Скажи Кирилѣ Петровичу, чтобъ онъ скорѣе убирался, пока я не велѣлъ его выгнать съ двора... пошелъ!» Слуга радостно побѣждалъ исполнить приказаніе своего барина. Егоровна всплеснула руками: «Батюшка ты нашъ», сказала она пискливымъ голосомъ: «погубишь ты свою головушку! Кирила Петровичъ съѣстъ насъ.» — «Молчи, няня,» сказалъ съ сердцемъ Владиміръ. «Сейчасъ пошли Антона въ городъ за лѣкаремъ.» Егоровна вышла. Въ передней никого не было: всѣ люди сбѣжались на дворъ смотрѣть на Кирилу Петровича. Они вышли на крыльцо и слышали отвѣтъ слуги отъ имени молодого барина. Кирила Петровичъ выслушалъ его, сидя на дрожкахъ; лицо его стало мрачнѣе ночи; онъ съ презрѣніемъ улыбнулся, грозно взглянулъ на дворню и поѣхалъ шагомъ около двора. Онъ взглянулъ и въ окошко, гдѣ за минуту передъ симъ сидѣлъ Андрей Гавриловичъ, но гдѣ ужъ его не было. Няня стояла на крыльцѣ, забывъ о приказаніи барина. Дворня съ шумомъ толковала о семъ происшествіи. Вдругъ Владиміръ явился между людьми и отрывисто сказалъ: «не надобно лѣкаря — батюшка скончался.»

Сдѣлалось смятеніе. Люди бросились въ комнату стараго барина. Онъ лежалъ въ креслахъ, на которыя перенесъ его Владиміръ; правая рука его висѣла до полу, голова спущена была на грудь — не было уже и признака жизни въ семъ тѣлѣ, еще не охладѣ-

ломъ, но уже обезображенномъ кончиною. Егоровна взвыла, слуги окружили трупъ, оставленный на ихъ попеченіе — обмыли его, одѣли въ мундиръ, шитый еще въ 1797 году, и положили на тотъ самый столъ, за которымъ столько лѣтъ они служили своему господину.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Похороны совершились на третій день. Тѣло бѣднаго старика лежало въ гробѣ, покрытое саваномъ и окруженное свѣчами. Столовая полна была дворовыхъ, готовившихся къ выносу. Владиміръ и слуги подвигли гробъ. Священникъ пошелъ впередъ, дьячекъ за нимъ, воспѣвая погребальныя молитвы. Хозяинъ Кистеневки въ послѣдній разъ перешелъ за порогъ своего дома. Гробъ понесли рошею — церковь находилась за нею. День былъ ясный и холодный; осенніе листья падали съ деревь. При выходѣ изъ рощи, увидѣли кистеневскую деревянную церковь и кладбище, осыпанное старыми липами. Тамъ покоилось тѣло Владиміровой матери; тамъ подлѣ могилы ея наканунѣ вырыта была свѣжая яма. Церковь полна была кистеневскими крестьянами, пришедшими отдать послѣднее поклоненіе господину своему. Молодой Дубровскийъ сталъ у крылоса; онъ не плакалъ и не молился; но лицо его было страшно. Печальный обрядъ кончился. Владиміръ первый пошелъ прощаться съ тѣломъ, за нимъ и всѣ дворовые; принесли крышку и заколотили гробъ. Бабы громко выли, мужики нерѣдко утирали слезы кулакомъ. Владиміръ и тѣ же трое слугъ понесли гробъ на кладбище, въ сопровожденіи всей деревни. Гробъ опустили въ могилу — всѣ присутствующіе бросили въ нее по горсти песку — яму засыпали, поклонились ей и разошлись. Владиміръ поспѣшно удалился, всѣхъ опередилъ и скрылся въ кистеневскую рощу.

Егоровна отъ имени его пригласила попа и весь причетъ церковный на похоронный обѣдъ, объявивъ, что молодой баринъ не намѣренъ на ономъ присутствовать. И такимъ образомъ отецъ Анисимъ, попадья Федотовна и дьячекъ пѣшкомъ отправились на барскій дворъ, разсуждая съ Егоровной о добродѣтеляхъ покойника и о томъ, что, по-видимому, ожидало его наслѣдника. (Пріѣздъ

Троекурова и пріемъ, ему оказанный, были уже извѣстны всему околотку, и тамошніе политики предвѣщали важныя оному послѣдствія).

— Что будетъ, то будетъ, сказала попадья: а жаль, если не Владиміръ Андреевичъ будетъ нашимъ господиномъ. Молодецъ, нечего сказать!

— А кому же и быть какъ не ему у насъ господиномъ? прервала Егоровна: напрасно Кирила Петровичъ и горячится — не на робкаго попалъ; мой соколикъ и самъ за себя постоятъ, да и Богъ дастъ — благодѣтели его не оставятъ. Больно спѣсивъ Кирила Петровичъ!

— Ахти, Егоровна, сказалъ дьячекъ: я скорѣе соглашусь, кажется, съ чертомъ возиться, нежели косо взглянуть на Кирилу Петровича. Какъ увидишь его — страхъ и ужасъ! а спина-го сама такъ и гнется, такъ и гнется.

— Суета суетъ! сказалъ священникъ: и Кирилъ Петровичу отпоютъ вѣчную память, какъ нынѣ Андрею Гавриловичу; развѣ похороны будутъ побогаче, да гостей созовутъ побольше, а Богу не все ли равно?

— Ахъ, батюшка! и мы хотѣли созвать весь околотокъ, да Владиміръ Андреевичъ не захотѣлъ. Небось, у насъ всего довольно, есть чѣмъ угостить.... что прикажешь дѣлать? По крайней мѣрѣ, коли нѣтъ людей, такъ ужъ васъ употчую, дорогіе гости.

Сіе ласковое обѣщаніе и надежда найти лакомый пирогъ ускорили шаги собесѣдниковъ, и они благополучно прибыли въ барскій домъ, гдѣ столъ былъ уже накрытъ и водка подана.

Между тѣмъ Владиміръ углублялся въ чащу деревъ, движеніемъ и усталостію стараясь заглушить душевную скорбь. Онъ шелъ, не замѣчая дороги; сучья поминутно задѣвали и царапали его, ноги его поминутно вязли въ болотѣ — онъ ничего не замѣчалъ. Наконецъ достигнулъ онъ маленькой лощины, со всѣхъ сторонъ окруженной лѣсомъ; ручеекъ пзвивался молча около деревьевъ, полуобнаженныхъ осенью. Владиміръ остановился, сѣлъ на холодный дернъ, и мысли одна другой мрачнѣе стѣснились въ душѣ его.... Сильно чувствовалъ онъ свое одиночество, будущее для него являлось покрытымъ грозными тучами. Вражда съ Троекуровымъ предвѣщала ему новыя несчастія. Бѣдное его достоинство могло отойти отъ него въ чужія руки: въ такомъ случаѣ нищета

ожидала его. Долго сидѣлъ онъ неподвижно на томъ же мѣстѣ, взирая на тихое теченіе ручья, уносящаго нѣсколько поблеклыхъ листьевъ, и живо представлялось ему подобіе жизни — подобіе столь вѣрное, обыкновенное. Наконецъ замѣтилъ онъ, что начало смеркаться; онъ всталъ и пошелъ искать дороги домой, но еще долго блуждалъ по незнакомому лѣсу, пока не попалъ на тропинку, которая и привела его прямо къ воротамъ его дома.

Навстрѣчу Дубровскому попался попъ со всѣмъ причетомъ. Мысль о несчастливомъ предзнаменованіи пришла ему въ голову. Онъ невольно пошелъ стороною и скрылся за деревьями. Они его не замѣтили и съ жаромъ говорили между собою: «Удалились отъ зла и сотвори благо,» говорилъ попъ попадѣ. «Нечего намъ здѣсь оставаться, не твоя бѣда, чѣмъ бы дѣло ни кончилось.» Попадья что-то отвѣчала, но Владиміръ не могъ ея разслышать.

Приближаясь къ дому, увидѣлъ онъ множество народу: крестьяне и дворовые люди толпились на барскомъ дворѣ. Издали услышалъ Владиміръ необыкновенный шумъ и говоръ. У сарая стояли двѣ тройки. На крыльцѣ нѣсколько незнакомыхъ людей, въ мундирныхъ сюртукахъ, казалось, о чемъ-то толковали. «Что это значитъ?» спросилъ онъ сердито у Антона, который бѣжалъ ему навстрѣчу: «это кто такіе, и что имъ падобно?» — «Ахъ, батюшка, Владиміръ Андреевичъ,» отвѣчалъ Антонъ, запыхавшись: «судъ пріѣхалъ. Отдаютъ насъ Троекурову, отымаютъ насъ отъ твоей милости!...»

Владиміръ потупилъ голову; люди его окружили несчастнаго своего господина. «Отецъ ты нашъ», кричали они, цѣлуя ему руки: «не хотимъ другаго барина, кромѣ тебя. Умремъ, а тебя не выдадимъ». Владиміръ смотрѣлъ на нихъ, и мрачныя чувства волновали его. «Стойте смирно», сказалъ онъ имъ: «а я переговорю съ приказными». — «Переговори, батюшка», закричали ему изъ толпы: «да усовѣсти окаянныхъ». Владиміръ подошелъ къ чиновникамъ. Шабашкинъ, съ картузомъ на головѣ, стоялъ подбочась и гордо взирая около себя. Исправникъ, высокій и толстый мужчина, лѣтъ пятидесяти, съ краснымъ лицомъ и въ усахъ, увидя приближающагося Дубровскаго, крикнулъ и произнесъ охриплымъ голосомъ: «И такъ, я вамъ повторяю то, что уже сказалъ: по рѣшенію *** уѣзднаго суда, принадлежите вы Кирилѣ Петровичу Троекурову и коего лицо представляетъ здѣсь г. Шабашкинъ. Слушайте его во всемъ, что онъ прикажетъ; а вы, бабы, любите и

почитайте его, а онъ до васъ большой охотникъ». При сей острой путѣ исправникъ захохоталъ. Шабашкинъ и прочіе члены ему послѣдовали. Владиміръ кинѣлъ отъ негодованія. «Позвольте узнать, что это значить?» спросилъ онъ съ притворнымъ хладнокровіемъ у веселаго исправника. — «А это то значить», отвѣчалъ замысловатый чиновникъ: «что мы пріѣхали вводить во владѣніе сего Кирилу Петровича Троекурова и просить иныхъ прочихъ убираться по добру, по здорову».

«Но вы могли бы, кажется, отнестись ко мнѣ, прежде нежели къ моимъ крестьянамъ, и объявить помѣщику отрѣшеніе отъ власти...»

— Бывшій помѣщикъ Андрей Гавриловъ сынъ Дубровскій волею Божіею помре; а ты кто такой? сказалъ Шабашкинъ съ дерзкимъ взоромъ: мы васъ не знаемъ, да и знать не хотимъ.

«Ваше благородіе, это нашъ молодой баринъ», сказалъ голосъ изъ толпы.

— Кто тамъ смѣлъ ротъ разинуть! сказалъ грозно исправникъ: какой баринъ? Баринъ вашъ Кирила Петровичъ Троекуровъ... слышите ли, олухи?

«Какъ не такъ!» сказалъ тотъ же голосъ.

— Да это бунтъ! закричалъ исправникъ. Гей, староста, сюда! Староста выступилъ впередъ.

— Отыщи сей же часъ, кто смѣлъ со мною разговаривать; я его!...

Староста обратился въ толпу, спрашивая, кто говорилъ. Но всѣ молчали. Вскорѣ въ заднихъ рядахъ поднялся ропотъ, сталъ усиливаться и въ одну минуту превратился въ ужаснѣйшіе вопли. Исправникъ понизилъ голосъ и хотѣлъ было ихъ уговаривать... «Да что на него смотрѣть», закричали дворовые: «ребята, бери его?» и толпа двинулась. Шабашкинъ и члены земскаго суда бросились въ сѣни и заперли за собою дверь. «Ребята, принимай!» закричалъ тотъ же голосъ, и толпа стала напирать. «Стойте», крикнувъ Дубровскій: «дураки! что вы? Губите и себя и меня; ступайте по дворамъ и оставьте меня въ покоѣ. Не бойтесь, государь милостивъ: я буду просить его — онъ насъ не обидитъ — мы всѣ его дѣти; а какъ ему за васъ будетъ заступиться, если вы станете бунтовать и разбойничать?»

Рѣчь молодого Дубровскаго, его звучный голосъ и величествен-

ный видъ произвели желаемое дѣйствіе. Народъ утихъ и разошелся; дворъ опустѣлъ, члены сидѣли въ избѣ. Владиміръ печально вышелъ на крыльцо. Шабашкинъ отперъ двери и съ униженными поклонами сталъ благодарить Дубровскаго за его милостивое заступленіе.

Владиміръ слушалъ его съ презрѣніемъ и ничего не отвѣчалъ. «Мы рѣшили», продолжалъ засѣдатель: «съ вашего дозволенія остаться здѣсь ночевать; а то уже темно, и ваши мужики могутъ напасть на насъ на дорогѣ. Сдѣлайте такую милость, прикажите постлатъ намъ хоть сѣна въ гостиной; чѣмъ свѣтъ, мы отправимся восвояси».

— Дѣлайте, что хотите, отвѣчалъ имъ сухо Дубровскій; я здѣсь уже не хозяинъ.

Съ этимъ словомъ онъ удалился въ комнату отца своего и заперъ за собою дверь.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

«И такъ, все кончено!» сказалъ Владиміръ самъ себѣ; «еще утромъ имѣлъ я уголь и кусокъ хлѣба; завтра долженъ буду оставить домъ, гдѣ я родился. Мой отецъ, земля, гдѣ онъ покойся, будетъ принадлежать ненавистному человѣку, виновнику его смерти и моей нищеты!...» Владиміръ стиснулъ зубы и глаза его неподвижно остановились на портретѣ его матери. Живописецъ представилъ ее облокоченною на перила, въ бѣломъ утреннемъ платьѣ, съ одною розою въ волосахъ. «И портретъ этотъ достанется врагу моего семейства — подумалъ Владиміръ — онъ заброшенъ будетъ въ кладовую вмѣстѣ съ изломанными стульями, или повѣшенъ въ передней, предметомъ насмѣшекъ и замѣчаній его псарей; а въ ея спальней, въ комнатѣ, гдѣ умеръ отецъ, поселится его прикащикъ или помѣстится его гаремъ. Нѣтъ, нѣтъ! пускай же и ему не достанется печальный домъ, пзъ котораго онъ выгоняетъ меня». Владиміръ стиснулъ зубы: страшныя мысли рождались въ умѣ его. Голоса подьячихъ доходили до него; они хозяйничали, требовали то того, то другаго, и непріятно развлекали его среди печальныхъ его размышленій. Наконецъ все утихло.

Владиміръ отперъ комоды и ящики и занялся разборомъ бумагъ покойнаго. Онѣ большею частію состояли изъ хозяйственныхъ счетовъ и переписки по разнымъ дѣламъ. Владиміръ разорвалъ ихъ, не читая. Между ними попался ему пакетъ съ надписью: Письма моей жены. Съ сильнымъ движеніемъ чувства Владиміръ принялся за нихъ: они писаны были во время турецкаго похода и были адресованы въ армію изъ Кистеневки. Она описывала ему свою деревенскую жизнь и хозяйственные занятія; съ нѣжностію сѣтовала на разлуку и призывала его домой, въ объятія доброй подруги. Въ одномъ изъ нихъ она изъявляла ему свое безпокойство на счетъ здоровья маленькаго Владиміра; въ другомъ она радовалась его раннимъ способностямъ и предрекала для него счастливую и блестящую будущность. Владиміръ зачитался и, погруженный душою въ міръ семейнаго счастія, не замѣтилъ, какъ прошло время: стѣнные часы пробили одиннадцать. Владиміръ положилъ письма въ карманъ, взялъ свѣчу и вышелъ изъ кабинета. Въ залѣ приказные спали на полу. На столѣ стояли стаканы, ими опороженные, и сильный духъ рому слышенъ по всей комнатѣ. Владиміръ съ отвращеніемъ прошелъ мимо ихъ въ переднюю. Тамъ было темно. Кто-то, увидя свѣтъ, бросился въ уголъ. Обратись къ нему со свѣчею, Владиміръ узналъ Архипа-кузнеца.

«Зачѣмъ ты здѣсь?» спросилъ онъ съ изумленіемъ.

— Я хотѣлъ... я пришелъ было провѣдать, всё ли дома? ты-ко отвѣчалъ Архипъ, запинаясь.

«А зачѣмъ съ тобою топоръ?»

— Топоръ-то зачѣмъ? Да какъ же безъ топора ноньче и ходить? Эти приказные такіе, вишь, озорники: того и гляди...

«Ты пьянъ; брось топоръ, поди выспись».

— Я пьянъ? Батюшка Владиміръ Андреевичъ, Богъ свидѣтель, ни единой капли во рту не было... да и пойдеть ли вино на умъ? Слыхано ли дѣло, подьячіе задумали нами владѣть, подьячіе гонять нашихъ господъ съ барскаго двора.... Экъ они храпятъ, окаянные; всѣхъ бы разомъ, такъ и концы въ воду.

Дубровскій нахмурился.

«Послушай, Архипъ», сказалъ онъ, немного помолчавъ: «оставь свои затѣи, не приказные виноваты. Засвѣти-ка фонарь, да ступай за мною».

Архипъ взялъ свѣчку изъ рукъ барина, отыскалъ за печкою фо-

нарь, засвѣтилъ его, и оба тихо сошли съ крыльца и пошли около двора. Сторожъ началъ бить въ чугунную доску; собаки залаяли. «Кто на-сторожахъ?» спросилъ Дубровскій. — «Мы, батюшка», отвѣчалъ тонкій голосъ: «Василиса да Лукерья.» — «Подите по дворамъ», сказалъ имъ Дубровскій: «васъ не нужно». — «Шабашъ», примолвилъ Архипъ. — «Спасибо, кормилецъ», отвѣчали бабы, и тотчасъ отправились домой.

Дубровскій пошелъ далѣе. Два человѣка приблизились къ нему; они его окликали; Дубровскій узналъ голосъ Антоны и Гриши. «Зачѣмъ вы не спите?» спросилъ онъ ихъ. «До свадьбы намъ», отвѣчалъ Антонъ: «до чего мы дожили, кто бы подумалъ....»

«Тише», прервалъ Дубровскій: «гдѣ Егоровна?»

— Въ барскомъ домѣ, въ своей свѣтелкѣ, отвѣчалъ Гриша.

«Поди, приведи ее сюда, да выведи изъ дому всѣхъ нашихъ людей, чтобъ ни одной души въ немъ не оставалось, кромѣ приказныхъ; а ты, Антонъ, запряги телѣгу.

Гриша ушелъ; чрезъ минуту онъ явился съ своею матерью. Старуха не раздѣвалась въ эту ночь; кромѣ приказныхъ никто не смыкалъ глаза.

«Всѣ ли здѣсь?» спросилъ Дубровскій: «не осталось ли кого въ домѣ?»

— Никого, кромѣ подьячихъ, отвѣчалъ Гриша.

«Давайте сюда сѣна, или соломы», сказалъ Дубровскій.

Люди побѣжали въ конюшню и возвратились назадъ съ охапками сѣна.

«Подложите подъ крыльцо, вотъ такъ. Ну, ребята огню!»

Архипъ открылъ фонарь, Дубровскій зажегъ лучину.

«Постой», сказалъ онъ Архипу: «кажется, въ-торопяхъ и заперъ двери въ переднюю, пооди скорѣй отопри ихъ».

Архипъ побѣжалъ въ сѣни, двери были отперты. Архипъ заперъ ихъ на ключъ, примолвя вполголоса: какъ не такъ, отопри, и возвратился къ Дубровскому.

Дубровскій приблизилъ лучину, сѣно вспыхнуло, пламя взвилось и освѣтило весь дворъ.

— Ахти! жалобно закричала Егоровна: Владиміръ Андреевичъ, что ты дѣлаешь!

«Молчи!» сказалъ Дубровскій. «Ну, дѣти, прощайте, иду, куда Богъ поведетъ; будьте счастливы съ новымъ вашимъ господиномъ».

— Отецъ ты нашъ, кормилецъ, закричали люди: умремъ — не оставимъ тебя, идемъ съ тобою.

Лошади были поданы. Дубровскийъ сѣлъ съ Гришею въ телѣгу; Антонъ ударилъ по лошадамъ, и они выѣхали со двора.

Въ одну минуту пламя обхватило весь домъ. Полы затрещали, носыпались; пылающія бревна стали падать, красный дымъ вился надъ кровлею; раздался жалобный вопль и крики: «помогите, помогите!» — «Какъ не такъ», сказалъ Архипъ, съ злобною улыбкой взирающій на пожаръ. — «Архипушка», говорила ему Егоровна: «спаси ихъ окаянныхъ, Богъ тебя наградитъ». — «Какъ не такъ», отвѣчалъ кузнецъ. Въ сію минуту приказные показались въ окна, стараясь выломить двойныя рамы. Но тутъ кровля съ трескомъ обрушилась — и вопли утихли.

Вскорѣ вся дворня высыпала на дворъ. Бабы съ крикомъ спѣшили спасти свою рухлядь, ребятишки прыгали, любясь на пожаръ. Искры полетѣли огненной метелью, пзбы загорѣлись. «Теперь все ладно!» сказалъ Архипъ; «каково горить, а? Чай изъ Покровскаго славно смотрѣть». Въ сію минуту новое явленіе привлекло его вниманіе: кошка бѣгала по кровлѣ пылающаго сарая, не доразумѣвъ, куда прыгнуть. Со всѣхъ сторонъ окружало ее пламя. Бѣдное животное жалкимъ мяуканьемъ призывало на помощь; мальчишки помирали со смѣху, смотря на ея отчаяніе. «Чему смѣтеся, бѣсенята», сказалъ сердито кузнецъ: «Бога вы не боитесь: Божія тварь погибаетъ, а вы съ-дурѣ радуетесь», и поставя лѣстницу на загорѣвшуюся кровлю, онъ полѣзъ за кошкою; она поняла его намѣреніе и съ видомъ торопливой благодарности уцѣпилась за его рукавъ. Полуобгорѣлый кузнецъ съ своей добычей полѣзъ внизъ. «Ну, ребята, прощайте», сказалъ онъ смущенной дворнѣ; «мнѣ здѣсь дѣлать нечего, счастливо оставаться, не поминайте меня лихомъ». Кузнецъ ушелъ; пожаръ свирѣпствовалъ еще нѣсколько времени, наконецъ унялся, и груды углей безъ пламени ярко горѣли въ темнотѣ ночи; около нихъ бродили погорѣлые жители Кистеневки.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

На другой день вѣсть о пожарѣ разнеслась по всему околотку. Всѣ толковали о немъ съ различными догадками и предположеніями. Иные увѣряли, что люди Дубровскаго, напившись пьяны на похоронахъ, зажгли домъ изъ неосторожности, другіе обвиняли приказныхъ, подгулявшихъ на новосельи. Нѣкоторые догадывались объ истинѣ и утверждали, что виновникомъ сего ужаснаго бѣдствія былъ самъ Дубровскій; многіе увѣряли, что онъ самъ сгорѣлъ съ судомъ и со всѣми дворовыми. Троекуровъ пріѣзжалъ на другой же день на мѣсто пожара и самъ производилъ слѣдствіе. Оказалось, что исправникъ, застѣдатель земскаго суда, стрипчій и писарь, такъ же, какъ Владиміръ Дубровскій, няня Егоровна, дворовый человѣкъ Григорій, кучеръ Антонъ и кузнецъ Архипъ пропали неизвѣстно куда. Всѣ дворовые показали, что приказные сгорѣли въ то время, какъ повалилась кровля. Обгорѣлыя кости ихъ были разрыты. Бабы, Василиса и Лукерья, сказали, что Дубровскаго и Архипа кузнеца видѣли онѣ за нѣсколько минутъ передъ пожаромъ. Кузнецъ Архипъ, по всеобщему показанію, былъ живъ и, вѣроятно, главный, если не единственный виновникъ пожара. На Дубровскомъ лежали сильныя подозрѣнія. Кирила Петровичъ послалъ губернатору подробное описаніе всему происшествію, и новое дѣло завязалось.

Вскорѣ другія вѣсти дали другую пищу любопытству и толкамъ. Появились разбойники и распространили ужасъ по всѣмъ окрестностямъ. Мѣры, принятія противъ нихъ, оказались недостаточными. Грабительства, одно другаго замѣчательнѣе, слѣдовали одно за другимъ. Не было безопасности ни по дорогамъ, ни по деревнямъ. Нѣсколько троекъ, наполненныхъ разбойниками, разъѣзжали днемъ по всей губерніи, останавливали путешественниковъ и почту, пріѣзжали въ села, грабили помѣщичьи дома и предавали ихъ огню. Начальникъ шайки славился умомъ, отважностью и какимъ-то великодушіемъ. Рассказывали о немъ чудеса. Имя Дубровскаго было во всѣхъ устахъ; всѣ были увѣрены, что онъ, а никто другой предводительствовалъ отважными злодѣями. Удивлялись одному: помѣстья Троекурова были пощажены; разбойники не ограбили у него ни единого сарая, не остановили ни

одного воза. Съ обыкновенной своей надменностію Троекуровъ приписывалъ сіе исключеніе страху, который умѣлъ онъ внушить всей губерніи, также и отмѣнно хорошей полиціи, имъ заведенной въ его деревняхъ. Сначала сосѣди смѣялись надъ высокомеріемъ Троекурова, и каждый ожидалъ, чтобъ незваные гости посѣтили Покровское, гдѣ было имъ чѣмъ поживиться, но наконецъ принуждены были согласиться и сознаться, что и разбойники оказывали ему непонятное уваженіе. Троекуровъ торжествовалъ, и при каждой вѣсти о новомъ грабительствѣ Дубровскаго, разсыпался намеками на счетъ губернатора, исправниковъ протныхъ командировъ, отъ коихъ Дубровскій уходилъ всегда невредимо.

Между тѣмъ наступило 1-е октября, день храмоваго праздника въ селѣ Троекурова. Но прежде, нежели приступимъ къ описанію дальнѣйшихъ происшествій, мы должны познакомить читателя съ лицами, для него новыми, или о коихъ мы слегка только упомянули въ началѣ нашей повѣсти.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Читатель, вѣроятно, уже догадался, что дочь Кирилы Петровича, о которой сказали мы еще только нѣсколько словъ, есть героиня нашей повѣсти. Въ эпоху, нами описываемую, ей было семнадцать лѣтъ, и красота ея была въ полномъ цвѣтѣ. Отецъ любилъ ее до безумія, но обходился съ нею съ свойственнымъ ему своенравіемъ, то стараясь угождать малѣйшимъ ея прихотямъ, то пугая ее суровымъ, а иногда жестокимъ обращеніемъ. Увѣренный въ ея привязанности, никогда не могъ онъ добиться ея довѣренности. Она привыкла скрывать отъ него свои чувства и мысли, ибо никогда не могла знать навѣрно, какимъ образомъ будутъ они приняты. Она не имѣла подругъ и выросла въ уединеніи. Жены и дочери сосѣдей рѣдко ѣзжали къ Кирилѣ Петровичу, коего обыкновенные разговоры, увеселенія, требовали товарищества мужчинъ, а не присутствія дамъ. Рѣдко наша красавица являлась посреди гостей, пирующихъ у Кирилы Петровича. Огромная бібліотека, составленная большею частію изъ сочиненій французскихъ писателей XVIII вѣка, была отдана въ ея распоряженіе. Отецъ ея, никогда не читавшій ничего, кромѣ Совершенной По-

варихи, не могъ руководствовать ее въ выборѣ книгъ, и Маша, естественнымъ образомъ, перерывъ сочиненія всякаго рода, остановилась на романахъ. Такимъ образомъ совершала она свое воспитаніе, начатое нѣкогда подъ руководствомъ мамзель Мишо. Мамзель Мишо оставила по себѣ память довольно пріятную. Она была добрая дѣвушка и никогда во зло не употребляла вліянія, которое видимо имѣла надъ Кирилою Петровичемъ. Кирила Петровичъ выписалъ изъ Москвы для своего маленькаго Сашки французскаго учителя, который и прибылъ въ Покровское во время проществій, нами теперь описываемыхъ.

Сей учитель понравился Кирилѣ Петровичу своей пріятною наружностію и простымъ обращеніемъ. Онъ представилъ Кирилѣ Петровичу аттестаты и письмо отъ одного изъ родственниковъ Троекурова, у котораго четыре года жилъ онъ гувернеромъ. Кирила Петровичъ все это пересмотрѣлъ и былъ недоволенъ одною молодостію своего француза, не потому, что полагалъ бы сей любезный недостатокъ несовмѣстнымъ съ терпѣніемъ и опытностію, столь нужными въ несчастномъ званіи учителя, но у него были сомнѣнія, которыя тотчасъ и рѣшился ему объяснить. Для сего велѣлъ онъ позвать къ себѣ Машу. (Кирила Петровичъ по-французски не говорилъ, и она служила ему переводчикомъ.) «Полойди сюда, Маша: скажи ты этому мусье, что, такъ и быть, принимаю его, только съ тѣмъ, чтобъ онъ у меня за моими дѣвущками не осмѣливался волочиться, не то я его собачьяго сына... переведи это ему, Маша.»

Маша покраснѣла и, обратясь къ учителю, сказала ему по-французски, что отецъ ея надѣется на его скромность и порядочное поведеніе.

Французъ ей поклонился и отвѣчалъ, что онъ надѣется заслужить уваженіе, даже если откажутъ ему въ благосклонности.

Маша слово въ слово перевела его отвѣтъ.

«Хорошо, хорошо! сказалъ Кирила Петровичъ. Не нужно для него ни благосклонности, ни уваженія. Дѣло его ходить за Сашей и учить грамматикѣ да географіи... пореведи это ему.»

Марья Кириловна смягчила въ своемъ переводѣ грубыя выраженія отца, и Кирила Петровичъ отпустилъ своего француза во флигель, гдѣ назначена была ему комната.

Маша не обратила никакого вниманія на молодаго француза.

Воспитанная въ аристократическихъ предразсудкахъ, учитель былъ для нея родъ слуги или мастерового, а слуга или мастеровой не казался ей мужчиною. Она не замѣтила и впечатлѣнія, произведеннаго ею на М-г Дефоржа, ни его смущенія, ни его трепета, ни измѣнивагося голоса. Нѣсколько дней сряду потомъ она встрѣчала его довольно часто, не удостоивая большой внимательности. Неожиданнымъ образомъ получила она о немъ совершенно новое понятіе.

На дворѣ у Кирила Петровича воспитывались обыкновенно нѣсколько медвѣжатъ и составляли одну изъ главныхъ забавъ покровскаго помѣщика. Въ первой своей молодости медвѣжата приводимы были ежедневно въ гостиную, гдѣ Кирила Петровичъ по пѣлымъ часамъ возился съ ними, стравливая ихъ съ кошками и щенятами. Возмужавъ, они были посажены на цѣпь, въ ожиданіи настоящей травли. Изрѣдка ихъ выводили предъ окна барскаго дома и подкатывали имъ порожнюю винную бочку, утыканную гвоздями: медвѣдь обнюхивалъ ее, потомъ тихонько до нея дотрогивался, кололъ себѣ лапы, осердясь, толкалъ ее сильнѣе, и сильнѣе становилась боль. Онъ входилъ въ совершенное бѣшенство, съ ревомъ бросался на бочку, покамѣстъ не отнимали у бѣднаго звѣря предмета тщетной его ярости. Случалось, что въ телѣгу впрягали пару медвѣдей, волею и неволею сажали въ нее гостей, и пускали ихъ скакать на волю Божию. Но лучшею шуткою считалась у Кирилы Петровича слѣдующая:

Проголодавшася медвѣдя заперуть, бывало, въ пустой комнатѣ, привязавъ его веревкою за кольцо, ввинченное въ стѣну. Веревка была длиною почти во всю комнату, такъ что одинъ только противоположный уголъ могъ быть безопаснымъ отъ нападенія страшнаго звѣря. Приводили обыкновенно новичка къ дверямъ этой комнаты, нечаянно вталкивали его къ медвѣдю, двери запирались, и несчастную жертву оставляли наединѣ съ косматымъ пустыннымъ. Бѣдный гость, съ оборванной полою, съ оцарапанной рукою, скоро отыскивалъ безопасный уголъ, но принужденъ былъ иногда цѣлые три часа стоять прижавшись въ стѣнѣ, и видѣть, какъ разъяренный звѣрь въ двухъ шагахъ отъ него прыгалъ, становился на дыбы, ревлѣлъ, рвался и силился до него дотянуться. Нѣсколько дней спустя послѣ пріѣзда учителя, Троекуровъ вспомнилъ о немъ и вознамѣрился угостить его въ мед-

вѣжѣй комнатѣ. Для сего призвавъ его однажды утромъ, повелѣлъ онъ его темными корридорами; вдругъ боковыя двери открылись — двое слугъ вталкиваютъ въ нее француза и запираютъ ее на ключъ. Опомнившись, учитель увидѣлъ привязаннаго медвѣдя; звѣрь началъ фыркать, издали обнюхивая своего гостя, и вдругъ, поднявшись на заднія лапы, пошелъ на него.... Французъ не смутился, не побѣжалъ и ждалъ нападенія. Медвѣдь приблизился; Дефоржъ вынулъ изъ кармана маленькій пистолетъ, вложилъ его въ ухо голодному звѣрю и выстрѣлилъ. Медвѣдь повалился. Всѣ сбѣжались, двери открылись. — Кирила Петровичъ вошелъ, изумленный развязкою своей шутки.

Кирила Петровичъ хотѣлъ непременно объясненія всему дѣлу. Кто предварилъ Дефоржа о шуткѣ, ему приготовленной, или зачѣмъ у него въ карманѣ былъ заряженный пистолетъ? Онъ послалъ за Машей. Маша прибѣжала и перевела французу вопросы отца.

«Я не слыхивалъ о медвѣдѣ», отвѣчалъ Дефоржъ; «но всегда ношу при себѣ пистолеты, потому что не намѣренъ терпѣть обиду, за которую, по моему званію, не могу требовать удовлетворенія»

Маша смотрѣла на него съ изумленіемъ и перевела слова его Кирилу Петровичу. Кирила Петровичъ ничего не отвѣчалъ, велѣлъ вытащить медвѣдя и снять съ него шкуру; потомъ, обратясь къ своимъ людямъ, сказалъ: «каковъ молодецъ, не струсилъ, ей-Богу не струсилъ». Съ той минуты онъ Дефоржа полюбилъ и не думалъ уже его пробовать.

Но случай сей произвелъ еще большее впечатлѣніе на Марью Кириловну. Воображеніе ея было поражено: она видѣла мертваго медвѣдя и Дефоржа, спокойно стоящаго надъ нимъ и спокойно съ нею разговаривающаго. Она видѣла, что храбрость и гордое самолюбіе не исключительно принадлежать одному сословію, и съ тѣхъ поръ стала оказывать молодому учителю уваженіе, которое часъ отъ часу становилось внимательнѣе. Между ними основались нѣкоторыя сношенія. Маша имѣла прекрасный голосъ и большія музыкальныя способности; Дефоржъ вызвался давать ей уроки. Послѣ того читателю не трудно уже догадаться, что Маша въ него влюбилась, сама еще въ томъ не признаваясь.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Наканунѣ праздника гости начали съѣзжаться; пные оставивались въ господскомъ домѣ и во флигеляхъ, другіе у прикащика, третьи у священника, четвертые у зажиточныхъ крестьянъ; конюшни полны были дорожныхъ лошадей, дворы и сараи загромождены разными экипажами. Въ девять часовъ утра заблаговѣстили къ обѣднѣ, и все потянулось къ новой каменной церкви, построенной Кирило Петровичемъ и ежегодно украшаемой его приношеніями. Собралось такое множество почетныхъ богомольцевъ, что простые крестьяне не могли помѣститься въ церкви, и стояли на паперти и въ оградѣ. Обѣдня не начиналась: ждали Кирила Петровича. Онъ пріѣхалъ въ коляскѣ шестернею, и торжественно пошелъ на свое мѣсто, сопровождаемый Марьею Кириловной. Взоры мужчинъ и женщинъ обратились на нее — первые удивлялись красотѣ, вторыя со вниманіемъ осматривали ея нарядъ. Началась обѣдня; домашніе пѣвчіе пѣли на крылосѣ, Кирила Петровичъ подтягивалъ, молился, не смотря ни направо, ни налево, и съ гордымъ смиреніемъ поклонился въ землю, когда дьяконъ громкогласно упомянулъ и о зиждителѣ храма сего.

Обѣдня кончилась. Кирила Петровичъ первый подошелъ къ кресту. Всѣ двинулись за нимъ хоромъ; сосѣди подошли къ нему съ почтеніемъ, дамы окружили Машу. Кирила Петровичъ, выходя изъ церкви, пригласилъ всѣхъ къ себѣ обѣдать, сѣлъ въ коляску и отправился домой, всѣ поѣхали вслѣдъ за нимъ. Комнаты наполнились гостями; минуточно входили новыя лица и насилу могли пробираться до хозяина. Барыни сѣли чинно полукругомъ, и одѣтыя по запоздалой модѣ, въ поношенныхъ и дорогихъ нарядахъ, всѣ въ жемчугахъ и брилліантахъ; мужчины толпились около икры и водки, съ шумнымъ разнообразіемъ разговаривая между собою. Въ залѣ накрывали столъ на восемьдесятъ приборовъ; слуги суетились, разставляли бутылки и графины и прилаживали скатерти. Наконецъ дворецкій провозгласилъ: кушанье поставлено — и Кирила Петровичъ первый пошелъ садиться за столъ, за нимъ двинулись дамы и важно заняли свои мѣста, наблюдая нѣкоторое старшинство; барышни стѣснялись межъ собою, какъ робкое стадо

козочекъ, и выбрали себѣ мѣста одна подлѣ другой; противъ нихъ помѣстились мужчины; на концѣ стола сѣлъ учитель подлѣ маленькаго Саши.

Слуги стали разносить тарелки по чинамъ, въ случаѣ недоразумѣнія руководствуясь Ляфатеровскими догадками, и почти всегда безошибочно. Звонъ тарелокъ и ложекъ слился съ шумнымъ говоромъ гостей. Кирилъ Петровичъ весело обозрѣвалъ свою трапезу и вполнѣ наслаждался счастьемъ хлѣбосола. Въ это время вѣхала на дворъ коляска, запряженная шестью лошадьми. Это кто? спросилъ хозяинъ. Антонъ Пафнутьичъ, отвѣчали нѣсколько человекъ. Двери отворились — и Антонъ Пафнутьичъ Сипцынъ, толстый мужчина, лѣтъ 50-ти, съ круглымъ и рябымъ лицомъ, украшеннымъ тройнымъ подбородкомъ, ввалился въ столовую, кланяясь, улыбаясь и уже собравшись извиниться. «Приборъ сюда!» закричалъ Кирила Петровичъ: «милости просимъ, Антонъ Пафнутьичъ, садись, да скажи, что это значитъ: не былъ у моей обѣдни и къ обѣду опоздалъ? Это на тебя не похоже: ты и богомоленъ, и покушать любишь». — «Виновать», отвѣчалъ Антонъ Пафнутьичъ, привзывая салфетку въ петлицу гороховаго кофтана: «виновать, батюшка Кирилъ Петровичъ, я было рано пустился въ дорогу, да не успѣлъ отъѣхать и десяти верстъ, вдругъ шина у передняго колеса полопалась — что прикажешь? Къ счастью, недалеко было отъ деревни; пока до нея дотацились, да отыскали кузнеца, да все кое-какъ уладили, прошло ровно три часа — дѣлать было нечего. Ѣхать ближнимъ путемъ черезъ Кистеневскій лѣсъ я не осмѣлился, а пустился въ объѣздъ». — «Эге!» прервалъ Кирила Петровичъ: «да ты, знать, не изъ храбраго десятка: чего ты боишься?» — «Какъ, чего боюсь, батюшка Кирила Петровичъ, а Дубровскаго-то: того и гляди попадешься ему въ лапы. Онъ малый не промахъ, никому не спустить; а съ меня, пожалуй, и двѣ шкуры сдеретъ». — «За что жъ, братъ, такое отличіе?» — «Какъ за что, батюшка Кирила Петровичъ? а за тяжбу-то покойника Андрея Гавриловича. Не я ли, въ удовольствіе ваше, т. е. по совѣсти и по справедливости, показалъ, что Дубровскіе владѣютъ Кистеневкою безъ всякаго на то права, а единственно по снисхожденію вашему, и покойникъ (царство ему небесное!) обѣщалъ со мною посвойски перевѣдаться, а сынокъ, пожалуй, сдержитъ слово батюшкино. Доселѣ Богъ миловалъ: всего на-все разграбили у меня одинъ

анбаръ, да того и гляди до усадьбы доберется». — «А въ усадьбѣ-то будетъ имъ раздолье», замѣтилъ Кирила Петровичъ; «я чай, красная шкатулочка полнымъ-полна». — «Худо, батюшка Кирила Петровичъ; была полна, а нынче совсѣмъ опустѣла!» — «Полно врать, Антонъ Пафнutyчъ. Знаемъ мы васъ; куда тебѣ тратить? дома живешь свинья свиньей, никого не принимаешь, своихъ мужиковъ обдираешь — знай конишь, да и только». — «Вы все изволите шутить, батюшка Кирила Петровичъ», пробормоталъ Антонъ Пафнutyчъ, улыбаясь: «а мы ей-Богу разорились» — и Антонъ Пафнutyчъ сталъ заѣдать барскую шутку хозяина жирнымъ кускомъ кулебяки. Кирила Петровичъ оставилъ его и обратился къ новому исправнику, въ первый разъ къ нему въ гости пріѣхавшему и сидящему на другомъ концѣ стола, подлѣ учителя.

«Ну-ка, господинъ исправникъ, докажи намъ свое удалство: поймай намъ Дубровскаго».

Исправникъ струсилъ, поклонился, улыбнулся, заикнулся и произвесь наконецъ: «постараемся, ваше превосходительство».

«Гмъ! постараемся. Давно стараетесь, а проку все-таки нѣтъ.»

— Сущая правда, ваше превосходительство, отвѣчалъ совершенно смутившійся исправникъ.

Гости захохотали.

«Люблю молодца за искренность», сказалъ Кирила Петровичъ. «А жаль покойнаго исправника Тараса Алексѣевича: кабы не сожгли его, такъ въ околоткѣ было бы тише. А что слышно про Дубровскаго? Гдѣ его видѣли въ послѣдній разъ?»

— У меня, Кирила Петровичъ, пропичалъ толстый дамскій голосъ: въ прошлый вторникъ обѣдалъ онъ у меня.

Всѣ взоры обратились на Анну Савишну Глобову, довольно простую вдову, всѣми любимую за добрый и веселый нравъ. Всѣ съ любопытствомъ приготовились услышать ея рассказъ.

«Надобно знать, что тому три недѣли послала я прикащика на почту съ письмомъ для моего Ванюши. Сына я не балую, да и не въ состояніи баловать, хотя бы и хотѣла; однако, сами изволите знать, офицеру гвардіи нужно содержать себя приличнымъ образомъ, и я съ Ванюшей дѣлюсь, какъ могу, моими доходишками. Вотъ и послала ему 2.000 рублей, хоть Дубровскій не разъ приходилъ мнѣ въ голову, да думаю: городъ близко, всего семь верстъ, авось Богъ пронесетъ. Смотрю: вечеромъ мой прикащикъ возвра-

шается блѣденъ, оборванъ, пѣшъ. Я такъ и ахнула. «Что такое? что съ тобою сдѣлалось?» Онъ мнѣ: «Матушка, Анна Савишна, разбойники ограбили, самого чуть не убили. Самъ Дубровскій былъ тутъ, хотѣлъ повѣсить меня, да сжалился и отпустилъ; зато всего обобралъ, отнялъ и лошадь и телѣгу.» Я обмерла. Царь мой небесный! Что будетъ съ моимъ Ванюшею? Дѣлать нечего; написала я снова письмо, рассказала все и послала ему свое благословеніе безъ гроша денегъ.

«Прошла недѣля, другая. Вдругъ вѣзжаетъ ко мнѣ на дворъ коляска. Какой-то генералъ проситъ со мною увидѣться; милости просимъ. Входитъ ко мнѣ человѣкъ лѣтъ тридцати пяти, смуглый, черноволосый, въ усахъ, въ бородѣ, сущій портретъ Кульнева, рекомендуется мнѣ какъ другъ и сослуживецъ покойнаго мужа Ивана Андреевича; онъ-де ѣхалъ мимо и не могъ не заѣхать къ его вдовѣ, зная, что я тутъ живу. Я угостила его, чѣмъ Богъ послалъ, разговорилась о томъ, о семъ, наконецъ и о Дубровскомъ. Я рассказала ему свое горе. Генералъ мой нахмурился. «Это странно», сказалъ онъ: «я слышалъ, что Дубровскій нападаетъ не на всякаго, а на извѣстныхъ богачей, да и тутъ дѣлится съ ними, а не грабитъ дочиста. А въ убійствахъ никто его не обвиняетъ; нѣтъ ли тутъ плутни? Прикажите-ка позвать вашего прикащика». Пошли за прикащикомъ. Онъ явился. Только увидѣлъ генерала, онъ такъ и остолбенѣлъ. «Расскажи-ка мнѣ, братецъ, какимъ образомъ Дубровскій тебя ограбилъ и какъ онъ хотѣлъ тебя повѣсить?» Прикащикъ мой задрожалъ и повалился генералу въ ноги. — Батюшка, виновать: грѣхъ попуталъ... солгалъ. — «Коли такъ», отвѣчалъ генералъ: «такъ изволь же рассказать барынѣ, какъ все дѣло случилось, а я послушаю». Прикащикъ не могъ опомниться. «Ну, что же», продолжалъ генералъ: «рассказывай, гдѣ ты встрѣтился съ Дубровскимъ?» — У двухъ сосенъ, батюшка, у двухъ сосенъ. — «Что же сказалъ онъ тебѣ?» — Онъ спросилъ у меня: чей ты, куда ѣдешь, зачѣмъ? — «Ну, а послѣ?» — А послѣ потребовалъ онъ письмо и деньги. Ну, я отдалъ ему письмо и деньги. «А онъ?» — Ну, а онъ... батюшка, виновать. — «Ну, что же онъ сдѣлалъ?» — Онъ возвратилъ мнѣ деньги и письмо, да и сказалъ: ступай себѣ съ Богомъ, отдай это на почту. — «Ну!» — Батюшка, виновать. — «Я съ тобою, голубчикъ, управлюсь», сказалъ грозно генералъ. «А вы, сударыня, прикажите

обыскать сундукъ этого мошенника и отдайте его мнѣ на руки, а я его прочту». Я догадалась, кто былъ его превосходительство: нечего мнѣ было съ нимъ толковать. Кучера привязали прикащика къ козламъ коляски; деньги нашли; генераль у меня отобѣдалъ, потомъ тотчасъ уѣхалъ и увезъ съ собою прикащика. Прикащика моего нашли на другой день въ лѣсу привязаннаго къ дубу и ободраннаго какъ липку».

Всѣ слушали молча рассказъ Анны Савишны, особенно барышни. Многія изъ нихъ втайнѣ доброжелательствовали Дубровскому, видя въ немъ героя романическаго, особенно Марья Кириловна, пылкая мечтательница, напитанная таинственными ужасами Радклифъ *).

«И ты, Анна Савишна, полагаешь, что у тебя былъ самъ Дубровскій? спросилъ Кирила Петровичъ. Очень же ты ошиблась. Не знаю, кто былъ у тебя въ гостяхъ, а только не Дубровскій».

— Какъ, батюшка, не Дубровскій? Да кто же, какъ не онъ выйдетъ на дорогу и станетъ останавливать прохожихъ, да ихъ осматривать?

«Не знаю, а ужъ вѣрно не Дубровскій. Я помню его ребенкомъ, не знаю, почернѣли ль у него волосы, а тогда былъ онъ кудрявый, бѣлокуренькій мальчикъ; но знаю навѣрно, что Дубровскій пятью годами старше моей Маши, и что, слѣдственно, ему не тридцать пять лѣтъ, а около двадцати трехъ».

— Точно такъ, ваше превосходительство, провозгласилъ исправникъ; — у меня въ карманѣ и примѣты Владиміра Дубровскаго. Въ нихъ точно сказано, что ему отъ роду двадцать третій годъ.

«А! сказалъ Кирила Петровичъ; кстати: прочтите-ка, а мы послушаемъ: не худо намъ знать его примѣты, авось въ глаза попадется, такъ не вырвется».

Исправникъ вынулъ изъ кармана довольно замаранный листъ бумаги, развернулъ его съ важностію и сталъ читать на-распѣвъ.

«Примѣты Дубровскаго, составленныя по сказкамъ бывшихъ его дворовыхъ людей:

Отъ роду 24 года, роста средняго, лицомъ чистъ, бороду брѣть, глаза имѣетъ каріе, волосы русые, носъ прямой. Примѣты особылъ: таковыхъ не оказалось».

*) Писательница, прославившаяся сочиненіемъ романовъ, наполненныхъ ужасами и привидѣніями.

«И только?» сказалъ Кирила Петровичъ.

— Только, отвѣчалъ исправникъ, складывая бумагу.

«Поздравляю, г-нъ исправникъ. Ай, да бумага! По этимъ примѣтамъ не мудрено будетъ вамъ отыскать Дубровскаго! Да кто же не средняго роста, у кого не русые волосы, не прямой носъ, да не каріе глаза? Бьюсь объ закладъ: три часа сряду будешь говорить съ самимъ Дубровскимъ, а не догадаешься, съ кѣмъ Богъ тебя свелъ. Нечего сказать, умныя головушки приказныя».

Исправникъ, смиренно положивъ въ карманъ свою бумагу, молча принялся за гуся съ капустой; между тѣмъ слуги успѣли ужъ нѣсколько разъ обойти гостей, наливая каждому его рюмку. Нѣсколько бутылокъ горскаго и цимлянскаго громко были откупорены и приняты благосклонно подъ пменемъ шампанскаго; лица начинали рдѣть, разговоры становились звонче, несвязнѣе и веселѣе.

«Нѣтъ», продолжалъ Кирила Петровичъ: «ужъ не видать намъ такого исправника, какъ былъ покойникъ Тарасъ Алексѣевичъ! Этотъ былъ не промахъ, не разиня. Жаль, что сожгли молодца, а то бы отъ него не ушелъ ни одинъ человѣкъ изъ всей шайки. Онъ всѣхъ бы до единого переловилъ, да и самъ Дубровскій бы не вывернулся. Тарасъ Алексѣевичъ деньги съ него взять-то бы взялъ, да и самого не выпустилъ. Таковъ былъ обычай у покойника. Дѣлать нечего; видно, мнѣ вступиться въ это дѣло, да пойти на разбойниковъ съ моими домашними. На первый случай отряжу человѣкъ двадцать, такъ они и очистятъ воровскую рощу: народъ не трусливый, каждый въ одиночку на медвѣдя ходитъ, отъ разбойниковъ не попятится».

— Здоровъ ли вашъ медвѣдь, батюшка Кирила Петровичъ? сказалъ Антонъ Пафнutyичъ, вспомя при сихъ словахъ о своемъ косматомъ звачомцѣ и о нѣкоторыхъ шуткахъ, коихъ и онъ былъ когда-то жертвою.

«Миша приказалъ долго жить», отвѣчалъ Кирила Петровичъ: «умеръ славною смертію отъ руки непріятеля. Вонъ его побѣдитель!» Кирила Петровичъ указалъ на учителя француза. «Онъ отомстилъ за твою... съ позволенія сказать... помнишь?»

— Какъ не помнить? сказалъ Антонъ Пафнutyичъ, почесываясь:— очень помню. Такъ Миша умеръ — жаль Мишу, ей Богу жаль! какой былъ забавникъ! какой умница! этакое медвѣдя другаго не сыщешь. Да зачѣмъ мусье убилъ его?

Кирила Петровичъ съ великимъ удовольствіемъ сталъ разсказывать подвигъ своего француза, ибо имѣлъ счастливую способность тщеславиться всѣмъ, что только ни окружало его. Гости со вниманіемъ слушали повѣсть о Мишипой смерти и съ изумленіемъ посматривали на Дефоржа, который, не подозрѣвая, что разговоръ шель о его храбрости, спокойно сидѣлъ на своемъ мѣстѣ и дѣлалъ нравственные замѣчанія рѣзвому своему воспитаннику.

Обѣдъ, продолжавшійся около трехъ часовъ, кончился; хозяинъ положилъ салфетку на столъ, всѣ встали и пошли въ гостиную, гдѣ ожидалъ ихъ кофей, карты и продолженіе попойки, столь славно начатой въ столовой.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Около семи часовъ вечера, нѣкоторые гости хотѣли ѣхать; но хозяинъ, развеселясь отъ пуншу, приказалъ запереть ворота и объявилъ, что до слѣдующаго утра никого со двора не выпустить. Скоро загремѣла музыка, двери въ залу отворились, и балъ завязался. Хозяинъ и его приближенные сидѣли въ углу, выпивая стаканъ за стаканомъ и любуясь веселостію молодежи. Старушки играли въ карты. Кавалеровъ, какъ и вездѣ, гдѣ не квартируетъ какой нибудь уланской бригады, было менѣе, нежели дамъ; всѣ мужчины, годные для танцевъ, были завербованы. Учитель между всѣми отличался; всѣ барышни выбирали его и находили, что съ нимъ очень ловко вальсировать. Нѣсколько разъ кружился онъ съ Марьей Кириловною, и барышни насмѣшливо за ними примѣчали. Наконецъ, около полуночи, усталый хозяинъ прекратилъ танцы, приказалъ давать ужинать, а самъ отправился спать.

Отсутствіе Кириллы Петровича придало обществу болѣе свободы и живости; кавалеры осмѣлились занять мѣста подлѣ дамъ; дѣвицы смѣялись и перешептывались съ своими сосѣдами; дамы громко разговаривали черезъ столъ. Мужчины пили, спорили и хохотали; словомъ, ужинъ былъ чрезвычайно веселъ и оставилъ по себѣ много пріятныхъ воспоминаній.

Одинъ только человѣкъ не участвовалъ въ общей радости. Антонъ Пафнutyичъ сидѣлъ пасмуренъ и молчаливъ на своемъ мѣстѣ,

ѣлъ разсѣяннo и казался чрезвычайно безпокоенъ. Разговоры разбойническіе взволновали его воображеніе. Мы скоро увидимъ, что онъ имѣлъ достаточную причину ихъ опасаться.

Антонъ Пафнutyичъ, призывая Господа въ свидѣтели въ томъ, что красная шкатулка точно была пуста, не лгалъ и не согрѣшилъ; красная шкатулка точно была пуста: нѣкогда въ ней хранившіеся ассигнаціи перешли въ кожаную суму, которую носилъ онъ на груди подъ рубашкой. Сею только предосторожностію успокоивалъ онъ свою недовѣрчивость ко всѣмъ и вѣчную боязнь. Будучи принужденъ остаться ночевать въ чужомъ домѣ, онъ боялся, чтобъ не отвели ему ночлега гдѣ нибудь въ уединенной комнатѣ, куда легко могли забраться воры; онъ искалъ глазами надежнаго товарища, и выбралъ наконецъ Дефоржъ. Его наружность, обличающая силу, а пуще храбрость, имъ оказанная при встрѣчѣ съ медвѣдемъ, о коемъ бѣдный Антонъ Пафнutyичъ не могъ вспомнить безъ содроганія, рѣшили его выборъ. Когда встали изъ-за стола, Антонъ Пафнutyичъ сталъ вертѣться около молодаго француза, побрякивая и откашливаясь, и наконецъ обратился къ нему съ изъясненіемъ.

«Гмъ! гмъ! нельзя ли, мусье, переночевать мнѣ въ вашей комнатѣ, потому что, изволишь видѣть....»

— *Que désire monsieur?* спросилъ Дефоржъ, учтиво ему поклонившись.

«Эхъ, бѣда! ты, мусье, по-русски еще не выучился. Же ве, муа ше ву куше, понимаешь ли?»

— *Monsieur, vous n'avez qu'à ordonner,* отвѣчалъ Дефоржъ.

Антонъ Пафнutyичъ, очень довольный своими свѣдѣніями во французскомъ языкѣ, пошелъ тотчасъ распоряжаться.

Гости стали прощаться между собою, и каждый отправился въ комнату, ему назначенную; а Антонъ Пафнutyичъ пошелъ съ учителемъ во флигель. Ночь была темная. Дефоржъ освѣщалъ дорогу фонаремъ; Антонъ Пафнutyичъ шелъ за нимъ довольно бодро, прижимая изрѣдка къ груди потаенную суму, дабы удостовѣриться, что деньги его еще при немъ.

Пришедъ во флигель, учитель засвѣтилъ свѣчу, и оба стали раздѣваться; между тѣмъ, Антонъ Пафнutyичъ похаживалъ по комнатѣ, осматривая замки и окна, и качая головою при семъ неутѣшительномъ осмотрѣ. Двери запирались одною задвижкой, окна

не имѣли еще двойныхъ рамъ. Онъ попытался было жаловаться Дефоржу; но знанія его во французскомъ языкѣ были слишкомъ ограниченны для столь сложнаго объясненія. Французъ его не понималъ, и Антонъ Пафнютычъ принужденъ былъ оставить свои жалобы. Постели ихъ стояли одна противъ другой; оба легли, и учитель потушилъ свѣчу.

«Пуркуа ву туше, пуркуа ву туше?» закричалъ Антонъ Пафнютычъ, спрятавъ съ грѣхомъ пополамъ русскій глаголъ тушу на французскій ладъ. «Я не могу dormire въ потемкахъ.»

Дефоржъ не понималъ его восклицанія и пожелалъ ему доброй ночи.

«Проклятый басурманъ!» проворчалъ Спицынъ, закутываясь въ одѣло. «Нужно ему было свѣчку тушить. Ему же хуже. Я спать не могу безъ огня. — Мусье, мусье,» продолжалъ онъ: «же ве авекъ ву парле.»

Но французъ не отвѣчалъ и вскорѣ захрапѣлъ.

«Хранить, бестія французъ,» — подумалъ Антонъ Пафнютычъ, — «а мнѣ такъ и сонъ въ умъ нейдетъ: того и гляди, воры войдутъ въ открытыя двери, или влѣзутъ въ окно, а его, бестію, и пушками не добудисься. Мусье! а мусье! — дьяволъ тебя поберетъ.»

Антонъ Пафнютычъ замолчалъ, усталость и винные пары мало по малу превозмогли его боязливость; онъ сталъ дремать, и вскорѣ глубокой сонъ овладѣлъ имъ совершенно.

Странное готовилось ему пробужденіе. Онъ чувствовалъ сквозь сонъ, что кто-то тихонько дергалъ его за воротъ рубашки. Антонъ Пафнютычъ открылъ глаза и, при блѣдномъ свѣтѣ осенняго утра, увидѣлъ передъ собою Дефоржа: французъ въ одной рукѣ держалъ карманный пистолетъ, а другою отстегивалъ зашитую суму. Антонъ Пафнютычъ обмеръ. «Кесь ке се, мусье, кесь ке се?» произнесъ трепещущимъ голосомъ. — «Тише! молчать!» отвѣчалъ учитель чистымъ русскимъ языкомъ: «молчать! или вы пропали. Я — Дубровскийъ.»

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Теперь попросимъ у читателя позволенія объяснить послѣднія происшествія повѣсти нашей предыдущими обстоятельствами, кои не успѣли мы еще рассказать.

На станціи **, въ домѣ смотрителя, о коемъ уже мы упоминали, сидѣлъ въ углу проѣзжій съ видомъ смиреннымъ и терпѣливымъ, отличающимъ разночинца или иностранца, т. е. человѣка, не имѣющаго голоса на почтовомъ трактѣ. Бричка его стояла на дворѣ, ожидая подмазки. Въ ней лежалъ маленькій чемоданъ, тощее доказательство не весьма достаточнаго состоянія. Проѣзжій не спрашивалъ себѣ ни чаю, ни кофею, поглядывалъ въ окно и посвистывалъ, къ великому неудовольствію смотрительши, сидѣвшей за перегородкою.

«Вотъ Богъ послалъ свистуна», говорила она вполголоса: «экъ посвистываетъ! чтобъ онъ лопнулъ, окаленный басурманъ.»

— А что? сказалъ смотритель: что за бѣда? пускай себѣ свищетъ.

«Что за бѣда?» возразила сердитая супруга: «а развѣ не знаешь примѣты?»

— Какой примѣты? Что свищетъ денежку выживаетъ? И, Пахомовна! у насъ что свисти, что нѣтъ, а денегъ все нѣтъ какъ нѣтъ.

«Да отпусти ты его, Сидорычъ. Охота тебѣ его держать. Дай ему лошадей, да провались онъ къ чорту.»

— Подождеть, Пахомовна; на конюшнѣ всего три тройки, четвертая отдыхаетъ. Того и гляди, подоспѣютъ хорошіе проѣзжіе; не хочу своею шеей отвѣчать за француза. Чу! такъ нѣсть! вонъ скачутъ! Эге, ге! и, да какъ шибко! ужъ не генералъ ли?

Коляска остановилась у крыльца. Слуга соскочилъ съ козелъ, отперъ дверцы, и черезъ минуту молодой человѣкъ, въ военной шинели и въ бѣлой фуражкѣ вошелъ къ смотрителю; вслѣдъ за нимъ слуга внесъ шкатулку и поставилъ ее на окошко.

«Лошадей!» сказалъ офицеръ повелительнымъ голосомъ.

— Сейчасъ! отвѣчалъ смотритель; пожалуйста подорожную.

«Нѣтъ у меня подорожной. Я ѣду въ сторону... Развѣ ты меня не узнаешь?»

Смотритель засуетился и кинулся торопить ямщиковъ. Молодой человѣкъ сталъ расхаживать взадъ и впередъ по комнатѣ, зашелъ за перегородку и спросилъ тихо у смотрительши: «кто такой проѣзжій?»

«Богъ его вѣдаетъ,» отвѣчала смотрительша: «какой-то французъ; вотъ ужъ пять часовъ, какъ дожидается лошадей, да свищетъ. Надоѣлъ, проклятый.»

Молодой человѣкъ заговорилъ съ проѣзжимъ по-французски.

«Куда изволите вы ѣхать?» спросилъ онъ его.

— Въ ближній городъ, отвѣчалъ французъ: отсюда отправлюсь къ одному помѣщику, который нанялъ меня за глаза въ учителя. Я думалъ сегодня быть уже на мѣстѣ, но г-нъ смотритель, кажется, судилъ иначе. Въ этой землѣ трудно достать лошадей. г-нъ офицеръ.

«А къ кому изъ здѣшнихъ помѣщиковъ опредѣлились вы?» спросилъ офицеръ.

— Къ Троекурову, отвѣчалъ французъ.

«Къ Троекурову? Кто такой этотъ Троекуровъ?»

— Ma foi, monsieur, я слышалъ о немъ мало добраго. Сказываютъ, что онъ баринъ гордый и своенравный, жестокий въ обращеніи съ своими домашними, что никто не можетъ съ нимъ ужиться, что всѣ трепещутъ при его имени, что съ учителями (avec les outchitels) онъ не церемонится.

«Помилуйте! и вы рѣшаетесь опредѣлиться къ такому чудовищу?»

— Что жъ дѣлать, г-нъ офицеръ? Онъ предлагаетъ мнѣ хорошее жалованье, 3000 руб. въ годъ, и все готовое. Быть можетъ, я счастливѣе другихъ. У меня старуха мать: половину жалованья буду отсылать ей на пропитаніе; изъ остальныхъ денегъ въ пять лѣтъ могу скопить маленькій капиталъ, достаточный для будущей моей независимости, и тогда, bon soir, ѣду въ Парижъ и пускаюсь въ коммерческіе обороты.

«Знаетъ ли васъ ктонибудь въ домѣ Троекурова?» спросилъ онъ.

— Никто, отвѣчалъ учитель; меня онъ выписалъ изъ Москвы черезъ одного изъ своихъ пріятелей, у коего поваръ мой соотечественникъ, и онъ меня рекомендовалъ. Надобно вамъ знать, что я готовился было не въ учителя, а въ кондитеры; но мнѣ сказали, что въ вашей землѣ званіе учителя не въ примѣръ выгоднѣе...

Офицеръ задумался. «Послушайте,» прервалъ онъ француза: «что если бы, вмѣсто этой будущности, предложили вамъ 10,000 руб. чистыми деньгами, съ тѣмъ, чтобъ сей же часъ вы отправились обратво въ Парижъ?»

Французъ посмотрѣлъ на офицера съ пзумленіемъ, улыбнулся и покачалъ головою.

— Лошади готовы! сказалъ вошедшій смотритель.

Слуга подтвердилъ тоже самое.

«Сейчасъ», отвѣчалъ офицеръ. «Видѣте вонъ на минуту.» (Смотритель и слуга вышли). «Я не шучу», продолжалъ онъ по-французски: «10,000 руб. могу я вамъ дать; мнѣ нужно только ваше отсутствіе и ваши бумаги.»

При сихъ словахъ онъ отперъ шкатулку и вынулъ нѣсколько кипъ ассигнацій.

Французъ вытаращилъ глаза. Онъ не зналъ, что и думать.

— Мое отсутствіе... мои бумаги, повторялъ онъ съ изумленіемъ. Вотъ мои бумаги... но вы шутите? зачѣмъ вамъ мои бумаги!

«Вамъ дѣла нѣтъ до того. Спрашиваю, согласны вы, или нѣтъ?»

Французъ, все еще не вѣря своимъ ушамъ, протянулъ бумаги свой молодому офицеру, который быстро ихъ пересмотрѣлъ.

«Вашъ паспортъ... хорошо; письмо рекомендательное... посмотримъ; свидѣтельство о рожденіи... прекрасно. Ну, вотъ же вамъ ваши деньги, отправляйтесь назадъ. «Прощайте.»

Французъ стоялъ, какъ вкопанный. Офицеръ воротился.

«Я было забылъ самое важное: дайте мнѣ честное слово, что все это останется между нами... честное ваше слово.»

— Честное мое слово, отвѣчалъ французъ. Но мои бумаги? что мнѣ дѣлать безъ нихъ?

«Въ первомъ городѣ объявите, что вы были ограблены Дубровскимъ. Вамъ повѣрять и дадутъ нужныя свидѣтельства. Прощайте; дай Богъ вамъ скорѣе доѣхать до Парижа и найти матушку въ добромъ здоровьѣ.»

Дубровскийъ вышелъ изъ комнаты, сѣлъ въ коляску и поехалъ.

Смотритель смотрѣлъ въ окошко, и когда коляска уѣхала, обратился къ женѣ съ восклицаніемъ: «Пахомовна! знаешь ли ты что? вѣдь это былъ Дубровскийъ!»

Смотрительша опрометью бросилась въ окошко, но было уже поздно: Дубровскийъ былъ ужъ далеко. Она принялась бранить мужа: «Бога ты не боишься, зачѣмъ ты не сказалъ мнѣ того прежде, я бы хотъ взглянула на Дубровскаго, а теперь жди, чтобъ онъ опять завернулъ. Безсовѣстный ты, право безсовѣстный!»

Французъ стоялъ какъ вкопанный. Договоръ съ офицеромъ, деньги — все казалось ему сновидѣніемъ. Но кипы ассигнацій были тутъ, у него въ карманѣ, и краснорѣчиво твердили ему существенность удивительнаго происшествія.

Онъ рѣшился нанять лошадей до города. Ямщикъ повезъ его шагомъ, и ночью дотащился онъ до города.

Дубровскій, овладѣвъ бумагами француза, смѣло явился, какъ мы ужъ видѣли, къ Троекурову и поселился въ его домѣ. Каковы ни были его тайныя намѣренія (мы ихъ узнаемъ послѣ), но въ его поведеніи не оказалось ничего предосудительнаго. Правда, онъ мало занимался воспитаніемъ маленькаго Саши, давалъ ему полную свободу повѣсничать, и не строго взыскивалъ за уроки, задаваемые только для формы, зато съ большимъ прилежаніемъ слѣдилъ за музыкальными успѣхами своей ученицы, и часто по цѣлымъ часамъ сидѣлъ съ нею за фортепіано. Всѣ любили молодаго учителя: Кирила Петровичъ за его смѣлое проворство на охотѣ, Марья Кириловна за неограниченное усердіе и рабскую внимательность, Саша за снисходительность къ его шалостямъ, домашніе за доброту и за щедрость, по видимому, несовмѣстную съ его состояніемъ. Самъ онъ, казалось, привязанъ былъ ко всему семейству и почиталъ уже себя членомъ онаго.

Прошло около мѣсяца отъ его вступленія въ званіе учительское до достопамятнаго празднества, и никто не подозрѣвалъ, что въ скромномъ молодомъ французѣ таился грозный разбойникъ, коего имя наводило ужасъ на всѣхъ окрестныхъ владѣльцевъ. Во все это время Дубровскій не отлучался изъ Покровскаго, но слухъ о разбояхъ его не утихалъ, благодаря изобрѣтательному воображенію сельскихъ жителей; но могло стать и то, что шайка его продолжала свои дѣйствія и въ отсутствіе начальника. Ночуя въ одной комнатѣ съ человѣкомъ, коего могъ онъ почесть личнымъ своимъ врагомъ и однимъ изъ главныхъ виновниковъ его бѣдствія, Дубровскій не могъ удержаться отъ искушенія. Онъ зналъ о существованіи сумки и рѣшился ею завладѣть. Мы видѣли, какъ изумилъ онъ бѣднаго Антона Пафнютыча неожиданнымъ своимъ превращеніемъ изъ учителя въ разбойника.

Не доѣзжая заставы, у которой, вмѣсто часового, стояла развалившаяся будка, французъ велѣлъ остановиться, вылѣзъ изъ брички и пошелъ пѣшкомъ, объяснивъ знаками ямщику, что бричку и чемоданъ дарить ему на водку. Ямщикъ былъ въ такомъ же изумленіи отъ его щедрости, какъ и самъ французъ отъ предложенія Дубровскаго. Но, заключивъ изъ того, что нѣмецъ сошелъ съ ума, ямщикъ поблагодарилъ его усерднымъ поклономъ

и, не разсудивъ за благо въѣхать въ городъ, отправился въ известное ему увеселительное заведеніе, коего хозяинъ былъ ему пріятель. Тамъ провелъ онъ цѣлую ночь, а на другой день утромъ, на порожней тройкѣ отправился восвояси, безъ брички и безъ чемодана, съ пухлымъ лицомъ и красными глазами.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Прошло нѣсколько дней и не случилось ничего достопримѣчательнаго. Жизнь обитателей Покровскаго была однообразна. Кирила Петровичъ ежедневно выѣзжалъ на охоту; чтеніе, прогулки, музыкальные уроки занимали Марью Кириловну, особенно музыкальные уроки. Она начинала повимать собственное сердце и признавалась, съ невольной досадою, что оно не было равнодушно къ достоинствамъ молодого француза. Онъ, съ своей стороны, не выходилъ изъ предѣловъ почтенія и строгой пристойности и тѣмъ успокоивалъ ея гордость и боязливыя сомнѣнія. Она съ большей и большей довѣренностію предавалась увлекательной привычкѣ. Она скучала безъ Дефоржа; въ его присутствіи поминутно занималась имъ, обо всемъ хотѣла знать его мнѣніе и всегда съ нимъ соглашалась. Можетъ быть, она не была еще влюблена; но, при первомъ, случайномъ препятствіи или внезапномъ гоненіи судьбы, пламя страсти должно было вспыхнуть въ ея сердцѣ.

Однажды, пришедъ въ залу, гдѣ ожидалъ ее учитель, Марья Кириловна, съ изумленіемъ замѣтила смущеніе на блѣдномъ его лицѣ. Она открыла фортепіано, пропѣла нѣсколько нотъ; но Дубровскийъ, подъ предлогомъ головной боли, извинился, прервалъ урокъ и, закрывая ноты, подаль ей украдкою записку. Марья Кириловна, не успѣвъ одуматься, приняла ее и раскаялась въ ту же минуту; но Дубровскаго не было уже въ залѣ. Марья Кириловна пошла въ свою комнату, развернула записку и прочла слѣдующее:

«Будьте сегодня въ семь часовъ въ бесѣдкѣ у ручья: мнѣ необходимо съ вами говорить».

Любопытство ея было сильно возбуждено. Она давно ожидала призванія, желая и опасаясь его. Ей пріятно было бы услышать подтвержденіе того, о чемъ она догадывалась; и она чувствовала,

что ей было бы неприлично слышать таковое объясненіе отъ челоѣка, который, по состоянію своему, не долженъ былъ надѣяться когда нибудь получить ея руку. Она рѣшилась идти на свиданіе, но колебалась въ одномъ: какимъ образомъ приметъ она признаніе учителя: съ аристократическимъ ли негодованіемъ, съ увѣщаніемъ ли дружбы, съ веселыми шутками, или съ безмолвнымъ участіемъ. Между тѣмъ она поминутно поглядывала на часы. Смерклось; подали свѣчи; Кирила Петровичъ сѣлъ играть въ бостонъ съ пріѣзжими сосѣдами; столовые часы пробили третью четверть седьмого, и Марья Кириловна тихонько вышла на крыльцо, оглядѣлась во всѣ стороны и побѣжала въ садъ.

Ночь была темна, небо покрыто тучамъ, въ двухъ шагахъ отъ себя нельзя было ничего видѣть; но Марья Кириловна шла въ темнотѣ по знакомымъ дорожкамъ, и черезъ минуту очутилась у бесѣдки; тутъ остановилась она, дабы перевести духъ и явиться передъ Дефоржемъ съ видомъ равнодушнымъ и неторопливымъ. Но Дефоржъ стоялъ ужъ передъ нею.

«Благодарю васъ», сказалъ онъ ей тихимъ и печальнымъ голосомъ, «что вы не отказали въ моей просьбѣ. Я былъ бы въ отчаяніи, еслибъ вы на то не согласились».

Марья Кириловна отвѣчала заготовленною фразой: «Надѣюсь, что вы не заставите меня раскаться въ моей снисходительности».

Онъ молчалъ и, казалось, собирался съ духомъ. «Обстоятельства требуютъ.... я долженъ васъ оставить», сказалъ онъ наконецъ: «вы скоро, можетъ быть, услышите.... но передъ разлукой я долженъ съ вами самъ объясниться».

Марья Кириловна не отвѣчала ничего. Въ этихъ словахъ видѣла она предисловіе въ ожидаемому признанію.

«Я не то, что вы предполагаете», продолжалъ онъ, потупя голову: «я не французъ Дефоржъ — я Дубровскій».

Марья Кириловна вскрикнула.

«Не бойтесь, ради Бога; вы не должны бояться моего имени. Да, я тотъ несчастный, котораго вашъ отецъ, лишивъ куска хлѣба, выгналъ изъ отческаго дома и послалъ грабить на большихъ дорогахъ. Но вамъ не надобно меня бояться ни за себя, ни за него. Все кончено.... я ему простилъ; вы спасли его. Первый мой кровавыйподвигъ долженъ былъ совершиться надъ нимъ. Я хо-

диль около его дома, назначая, гдѣ вспыхнуть пожару, откуда войти въ его спальню, какъ пересѣчь ему всѣ пути къ бѣгству; въ ту минуту вы прошли мимо меня, какъ небесное видѣніе, и сердце мое смирилось. Я понялъ, что домъ, гдѣ обитаете вы, священъ, что ни единое существо, связанное съ вами узами крови, не подлежитъ моему проклятію. Я отказался отъ мщенія, какъ отъ безумства. Цѣлые дни я бродилъ около садовъ Покровскаго, въ надеждѣ увидѣть издали ваше бѣлое платье. Въ вашихъ неосторожныхъ прогулкахъ я слѣдовалъ за вами, прокрадываясь отъ куста къ кусту, счастливый мыслию, что для васъ нѣтъ опасности тамъ, гдѣ я присутствую тайно. Наконецъ случай представился... я поселился въ вашемъ домѣ. Эти три недѣли были для меня днями счастья; ихъ воспоминаніе будетъ отрадою печальной моей жизни.... Сегодня я получилъ извѣстіе, послѣ котораго мнѣ невозможно болѣе здѣсь оставаться. Я расстаюсь съ вами сегодня, сей же часъ.... Но прежде я долженъ былъ вамъ открыться, чтобы вы не проклинали меня, не презирали. Думайте иногда о Дубровскомъ. Знайте, что онъ рожденъ былъ для инаго назначенія, что душа его умѣла любить васъ, что никогда»....

Тутъ раздался сильный свистъ, и Дубровскій умолкъ. Онъ схватилъ ея руку и прижалъ къ пылающимъ устамъ. Свистъ повторился. «Простите», сказалъ Дубровскій: «меня зовутъ; минута можетъ погубить меня». Онъ отошелъ.... Марья Кириловна стояла неподвижно. Дубровскій воротился и снова взялъ ея руку. «Если когда несчастье васъ постигнетъ, и вы ни отъ кого не будете ждать ни помощи, ни покровительства, въ такомъ случаѣ общаетесь ли вы прибѣгнуть ко мнѣ, требовать отъ меня всего для вашего спасенія? Общаетесь ли вы не отвергнуть моей преданности?»

Марья Кириловна плакала молча. Свистъ раздался въ третій разъ.

«Вы меня губите!» закричалъ Дубровскій; «Я не оставлю васъ, пока не дадите мнѣ отвѣта, общаетесь ли вы, или нѣтъ?»

— Общаюсь! прошептала бѣдная красавица.

Взволнованная свиданіемъ съ Дубровскимъ, Марья Кириловна возвращалась изъ саду. Ей показалось, что на дворѣ было много народу, у крыльца стояла тройка, люди разбѣгались, домъ былъ въ движеніи; издали услышала она голосъ Кирилы Петровича и

спѣшила войти въ комнаты, опасаясь, чтобъ отсутствіе не было замѣчено. Въ залѣ встрѣтилъ ее Кирила Петровичъ; гости окружили исправника, нашего знакома, и осыпали его вопросами. Исправникъ, въ дорожномъ платьѣ, вооруженный съ ногъ до головы, отвѣчалъ имъ съ видомъ таинственнымъ и суетливымъ. «Гдѣ ты была, Маша?» спросилъ Кирила Петровичъ: «встрѣтила ли ты М-г Дефоржа?» Маша насилу могла отвѣчать отрицательно. «Вообрази», продолжалъ Кирила Петровичъ: «исправникъ пріѣхалъ его арестовать, и увѣряетъ [меня, что это самъ Дубровскийъ]. — «Всѣ примѣты, наше превосходительство», сказалъ почтительно исправникъ. — «Охъ, братецъ», прервалъ Кирила Петровичъ: «убирайся, знаешь куда, со своими примѣтами. Я тебѣ моего француза не выдамъ, покамѣстъ самъ не разберу дѣла. Какъ можно вѣрить на слово Антону Пафнутьичу, трусу и мужику: ему пригрезилось, что учитель хотѣлъ ограбить его. Зачѣмъ онъ въ то же утро не сказалъ мнѣ о томъ ни слова...» — «Французъ застращалъ его, ваше превосходительство», отвѣчалъ исправникъ: «и взялъ съ него клятву молчать». — «Вранье», рѣшилъ Кирила Петровичъ: «сейчасъ я все выведу на чистую воду. Гдѣ же учитель?» спросилъ онъ у вошедшаго слуги. — «Нигдѣ не найдутъ-съ», отвѣчалъ слуга. — «Такъ сыскать его!» закричалъ Троекуровъ, начинающій сомнѣваться. «Покажи мнѣ твои хваленныя примѣты», сказалъ онъ исправнику, который тотчасъ и подалъ ему бумагу. «Гмъ! гмъ! двадцать три года и проч. Оно такъ, да это ничего не доказываетъ. Что жъ учитель?» — «Не найдутъ», былъ опять отвѣтъ. Кирила Петровичъ начиналъ беспокоиться; Марья Кириловна была ни жива, ни мертва. «Ты блѣдна, Маша», замѣтилъ ей отецъ: «тебя перепугали?» — «Нѣтъ, папенька», отвѣчала Маша: «у меня голова болитъ». — «Подп, Маша, въ свою комнату и не беспокойся». Маша поцѣловала у него руку, и ушла скорѣе въ свою комнату; тамъ она бросилась на постель и зарыдала въ истерическомъ припадкѣ. Служанки сбѣжались, раздѣли ее насилу, насилу успѣли ее успокоить холодной водой и всевозможными спиртами; ее уложили и она впадала въ усыпленіе.

Между тѣмъ француза не находили. Кирила Петровичъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатамъ, громко насвистывая: Громъ побѣды раздавайся. Гости шептались между собою: исправникъ казался въ дуракахъ; француза не нашли. Вѣроятно, онъ успѣлъ

скрыться, бывъ предупрежденъ. Но кѣмъ и какъ? это оставалось тайною.

Било одиннадцать часовъ, и никто не думалъ о снѣ. Наконецъ Кирила Петровичъ сказалъ сердито исправнику: «Ну, что? вѣдь не до свѣту же тебѣ здѣсь оставаться; домъ мой не харчевня. Не съ твоимъ проворствомъ, братецъ, поймать Дубровскаго, если ужъ это Дубровскій. Отправляйся-ка восвояси, да впередъ будь расторопнѣе. Да и вамъ пора домой», продолжалъ онъ, обратясь къ гостямъ. «Велите закладывать, а я хочу спать».

Такъ немилостиво расстался Троекуровъ съ своими гостями.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Прошло нѣсколько времени безъ всякаго замѣчательнаго случая. Но въ началѣ слѣдующаго лѣта произошло много перемѣнъ въ семейномъ быту Кирилы Петровича.

Въ тридцати верстахъ отъ него находилось богатое помѣстье князя Верейскаго. Князь долгое время находился въ чужихъ краяхъ; всѣмъ имѣніемъ его управлялъ отставной маіоръ, и никакого сношенія не существовало между Покровскимъ и Арбатовымъ. Но въ концѣ мая мѣсяца, князь возвратился изъ-за границы и пріѣхалъ въ свою деревню, которой отъ роду еще не видалъ. Привыкнувъ къ разсѣянности, онъ не могъ вынести уединенія, и на третій день по своемъ пріѣздѣ отправился обѣдать къ Троекурову, съ которымъ былъ нѣкогда знакомъ.

Князю было около пятидесяти лѣтъ, но онъ казался гораздо старѣе. Излишества всякаго рода изнурили его здоровье и положили на немъ свою неизгладимую печать. Не смотря на то, наружность его была пріятна, замѣчательна, а привычка быть всегда въ обществѣ придавала ему нѣкоторую любезность, особенно съ женщинами. Онъ имѣлъ непрестанную нужду въ разсѣяніи, непрестанно скучалъ. Кирила Петровичъ былъ чрезвычайно доволенъ его посѣщеніемъ, принявъ оное знакомъ уваженія отъ человѣка, знающаго свѣтъ. Онъ, по обыкновенію своему, сталъ угощать его смотромъ своихъ заведеній, и повелъ на царный дворъ. Но князь чуть не задохся въ собачьей атмосферѣ и спѣшилъ выйти вонъ, зажимая носъ платкомъ, опрысканнымъ духами. Старинный садъ,

съ его стриженными липами, четырехугольнымъ прудомъ и правильными аллеями, ему не понравился; онъ не любилъ англійскіе сады и такъ называемую природу, но хвалилъ и восхищался. Слуга пришелъ доложить, что кушанье поставлено. Они пошли обѣдать. Князь прихрамывалъ, усталъ отъ своей прогулки, и уже раскаявался въ своемъ посѣщеніи.

Но въ залѣ встрѣтила ихъ Марья Кириловна — и старый волкита былъ пораженъ ея красотой. Троекуровъ посадилъ гости подлѣ нея. Князь былъ оживленъ ея присутствіемъ, былъ веселъ и успѣлъ нѣсколько разъ привлечь ея вниманіе любопытными своими разсказами. Послѣ обѣда Кирила Петровичъ предложилъ ѣхать верхомъ, но князь извинился, указывая на свои бархатные сапоги и шутя надъ своею подаброй. Онъ предложилъ прогулку въ линейкѣ, съ тѣмъ, чтобъ не разлучаться съ милою своею сосѣдкою. Линейку заложили. Старики и красавица сѣли втроемъ и поѣхали. Разговоръ не прерывался. Марья Кириловна съ удовольствіемъ слушала льстивыя и веселыя привѣтствія свѣтскаго челоуѣка, какъ вдругъ Вережскій, обратясь къ Кирилѣ Петровичу, спросилъ у него: что значить это погорѣлое строеніе и ему ли оно принадлежитъ? Кирила Петровичъ нахмурился: воспомнанія, возбуждаемые въ немъ погорѣлою усадьбой, были ему неприяты. Онъ отвѣчалъ, что земля теперь его и что прежде принадлежала она Дубровскому. «Дубровскому? повторилъ Вережскій: какъ, этому славному разбойнику?» — Отцу его, отвѣчалъ Троекуровъ; да и отецъ-то былъ порядочный разбойникъ.

«Куда же дѣвался нашъ Ринальдо?») Схваченъ ли онъ, живъ ли онъ?»

— И живъ, и на волѣ. Кстати, князь! Дубровскій побывалъ вѣдь у тебя въ **?»

«Да, прошлаго года, онъ, кажется, что-то сжегъ или разграбилъ. Не правда ли, Марья Кириловна, что было бы любопытно познаться покороче съ этимъ романтическимъ героемъ?»

— Что любопытнаго! сказалъ Троекуровъ; она знакома съ нимъ. Онъ цѣлыя три недѣли училъ ее музыкѣ, да слава Богу, не взялъ ничего за уроки. Тутъ Кирила Петровичъ началъ разсказывать повѣсть о мнимомъ французѣ учителѣ. Марья Кириловна сидѣла

*) Ринальдо — разбойникъ, герой романа «Ринальдо Ринальдини».

какъ на иголкахъ. Верейскій, выслушавъ съ глубокимъ вниманіемъ, нашелъ все это очень страннымъ, и перемѣнилъ разговоръ. Возвратясь, онъ велѣлъ подавать свою карету, и, не смотря на усиленные просьбы Кирилы Петровича остаться ночевать, уѣхалъ тотчасъ послѣ чаю; но прежде просилъ Кирилу Петровича пріѣхать къ нему въ гости съ Марьею Кириловной, и гордый Троекуровъ общался; ибо, взявъ въ уваженіе княжеское достоинство, двѣ звѣзды и 3000 душъ родового имѣнія, онъ до нѣкоторой степени почиталъ князя Верейскаго себѣ равнымъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Два дни спустя послѣ его посѣщенія, Кирила Петровичъ отправился съ дочерью въ гости къ князю Верейскому. Подъѣзжая къ **, онъ не могъ налюбоваться чистыми и веселыми избами крестьянъ и каменнымъ господскимъ домомъ, выстроеннымъ во вкусѣ англійскихъ замковъ. Передъ домомъ разстился густозеленый лугъ, на коемъ паслись швейцарскія коровы, звеня своими колокольчиками. Просторный паркъ окружалъ домъ со всѣхъ сторонъ. Хозяинъ встрѣтилъ гостей у крыльца и подаль руку молодой красавицѣ. Она вошла въ великолѣпную залу, гдѣ столъ былъ накрытъ на три прибора. Князь подвелъ гостей къ окну, и имъ открылся прелестный видъ. Волга протекала передъ окнами, по коей шли нагруженные барки подъ натянутыми парусами и мелькали рыбацкія лодки, столь выразительно названныя душегубками. За рѣкою тянулись холмы и поля; нѣсколько деревень оживляли окрестность. Потомъ они занялись разсмотрѣніемъ галлерей картинъ, купленныхъ княземъ въ чужихъ краяхъ. Князь объяснялъ Марѣ Кириловнѣ ихъ различныя достоинства, содержаніе, исторію живописцевъ; указывалъ на достоинства и недостатки. Онъ говорилъ о картинахъ не на условленномъ языкѣ педантическаго знатока, но съ чувствомъ и воображеніемъ. Марья Кириловна слушала его съ удовольствіемъ. Пошли за столъ. Троекуровъ отдалъ полную справедливость винамъ своего Амфитріона и искусству его повара, а Марья Кириловна не чувствовала ни малѣйшаго замѣшательства или принужденія въ бесѣдѣ съ человѣкомъ, котораго видѣла она только во второй разъ отъ роду. Послѣ обѣда хозяинъ

предложилъ гостямъ пойти въ садъ. Они пили кофе въ бесѣдкѣ, на берегу широкаго озера, усѣяннаго островами. Вдругъ раздалась духовая музыка, и шестипесельная лодка причалила къ самой бесѣдкѣ. Они поѣхали по озеру, около острововъ, посѣщали нѣкоторые изъ нихъ; на одномъ находили мраморную статую, на другомъ уединенную пещеру, на третьемъ памятникъ съ таинственной надписью, возбуждавшій въ Марьѣ Кириловнѣ дѣвическое любопытство, не вполнѣ удовлетворенное учтивыми недомолвками князя. Время прошло незамѣтно. Начало смеркаться. Князь, подъ предлогомъ свѣжести и росы, спѣшилъ возвратиться домой; самоваръ ихъ ожидалъ. Князь просилъ Марью Кириловну хозяйничать въ домѣ холостяка. Она разливала чай, слушая неистощимые рассказы любезнаго говоруна. Вдругъ раздался выстрѣлъ — и ракета освѣтила небо.... Князь подаль Марьѣ Кириловнѣ шаль, позвалъ ее и Троекурова на балконъ. Передъ домомъ, въ темнотѣ, разноцвѣтные огни вспыхнули, завертѣлись, поднялись вверхъ колосьями, полились фонтанами, посыпались дождемъ, звѣздами, угасали и снова вспыхивали. Марья Кириловна веселилась какъ дитя. Князь Вереискій радовался ея восхищенію, и Троекуровъ былъ чрезвычайно имъ доволенъ, ибо принималъ *tous les frais* князя, какъ знаки уваженія и желанія ему угодить.

Ужинъ въ своемъ достоинствѣ ни чѣмъ не уступалъ обѣду. Гости отправились въ комнаты, для нихъ отведенныя, и на другой день поутру разстались съ любезнымъ хозяиномъ, давъ другъ другу обѣщаніе скорѣ снова увидѣться.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Марья Кириловна сидѣла въ своей комнатѣ, вышивая въ пальцахъ, передъ открытымъ окошкомъ. Она не путалась шелками, подобно любовницѣ Конрада, которая, въ любовной разсѣянности, вышила розу зеленымъ шелкомъ. Подъ ея иглой канва повторяла безошибочно узоры подлинника; не смотря на то, ея мысли не слѣдовали за работой — онѣ были далеко.

Вдругъ въ окошкѣ тихонько протянулась рука, кто-то положилъ на пальцы письмо и скрылся, прежде нежели Марья Кириловна успѣла образумиться. Въ это самое время слуга къ ней вошелъ и

позвалъ ее къ Кирилѣ Петровичу. Она съ трепетомъ спрятала письмо за косынку, и поспѣшила къ отцу въ кабинетъ.

Кирила Петровичъ былъ не одинъ. Князь Верейскій сидѣлъ у него. При появленіи Марьи Кириловны князь всталъ и молча поклонился съ замѣшательствомъ, для него необыкновеннымъ. «Подойди сюда, Маша, сказалъ Кирила Петровичъ. Скажу тебѣ новость, которая, надѣюсь, тебя обрадуетъ. Вотъ тебѣ женихъ; князь за тебя сватается.»

Маша остолбенѣла; смертная блѣдность покрыла ея лицо. Она молчала. Князь къ ней подошелъ, взялъ ее руку и съ видомъ тронутымъ спросилъ: согласна ли она сдѣлать его счастье? Маша молчала.

«Согласна, конечно согласна, сказалъ Кирила Петровичъ: не знаешь, князь, дѣвухѣ трудно выговорить это слово. Ну, дѣти, поцѣлуйтесь и будьте счастливы.»

Маша стояла неподвижно, старый князь поцѣловалъ ея руку; вдругъ слезы побѣжали по ея блѣдному лицу. Князь слегка нахмурился.

«Пошла, пошла, пошла! сказалъ Кирила Петровичъ: осуши свои слезы и воротись къ намъ веселешенька. Онѣ всѣ плачутъ при помолвкѣ, продолжалъ онъ, обратясь къ Верейскому: это у нихъ ужъ такъ заведено. Теперь, князь, поговоримъ о дѣлѣ, т. е. о приданомъ.»

Марья Кириловна жадно воспользовалась позволеніемъ удалиться. Она побѣжала въ свою комнату, заперлась и дала волю своимъ слезамъ, воображая себя женою стараго князя; онъ вдругъ показался ей отвратительнымъ и ненавистнымъ... Бракъ пугалъ ее, какъ плаха, какъ могила!... Нѣтъ, нѣтъ! повторяла она въ отчаяніи; лучше въ монастырь, лучше пойду за Дубровскаго... Тутъ она вспомнила о письмѣ и жадно бросилась его читать, предчувствуя, что оно было отъ него. Въ самомъ дѣлѣ, оно было писано имъ, и заключало только слѣдующія слова:

«Вечеромъ, въ десять часовъ, на прежнемъ мѣстѣ.»

Луна сіяла; сельская ночь была спокойна; изрѣдка подымался вѣтерокъ, и тихій порохъ пробѣгалъ по всему саду.

Какъ легкая тѣнь, молодая красавица приблизилась къ мѣсту назначеннаго свиданія. Еще никого не было видно, вдругъ изъ-за бесѣдки очутился Дубровскій передъ нею. «Я все знаю, сказалъ

онъ ей тихимъ и печальнымъ голосомъ: вспомните ваше обѣщаніе.»

— Вы предлагаете мнѣ свое покровительство? отвѣчала Маша, но не сердитесь: оно пугаетъ меня. Какимъ образомъ окажете вы мнѣ помощь?

«Я бы могъ избавить васъ отъ ненавистнаго человѣка.»

— Ради Бога, не трогайте его, не смѣйте его трогать, если вы меня любите: я не хочу быть виною какого нибудь ужаса...

«Я не трону его: воля ваша для меня священна. Вамъ обязанъ онъ жизнью. Никогда злодѣйство не будетъ совершено во имя ваше. Вы должны быть чисты даже и въ мелкихъ преступленіяхъ. Но какъ же спасу васъ отъ жестокаго отца?»

— Еще есть надежда: я надѣюсь тронуть его моими слезами и отчаяніемъ. Онъ упрямъ, но онъ такъ меня любитъ.

«Не надѣйтесь по пустому: въ этихъ слезахъ увидитъ онъ только обыкновенную боязливость и отвращеніе, общее всѣмъ молодымъ дѣвушкамъ, когда идутъ онѣ замужъ не по страсти, а изъ благо-разумнаго разсчета; но если возьметъ онъ себѣ въ голову сдѣлать счастье ваше вопреки вамъ самимъ? если насильно повезутъ васъ подъ вѣнецъ, чтобъ на вѣки предать судьбу вашу во власть хилаго мужа?...»

— Тогда, тогда дѣлать нечего — явитесь за мною — и буду вашею женой.

Дубровскій затрепеталъ; блѣдное лицо покрылось багровымъ румянцемъ и въ ту же минуту стало блѣднѣе прежняго. Онъ долго молчалъ, потупя голову.

«Соберитесь со всѣми силами души, умоляйте отца, бросьтесь къ его ногамъ; представьте ему весь ужасъ будущаго, вашу молодость, увядающую близъ хилаго и развратнаго старика; скажите, что богатство не доставитъ вамъ и одной минуты счастья; роскошь утѣшаетъ одну бѣдность, и то съ непривычки, на одно мгновеніе; не отставайте отъ него, не пугайтесь ни его гнѣва, ни угрозъ, пока останется хоть тѣнь надежды; ради Бога, не отставайте. Если жъ не будетъ уже другаго средства — рѣшитесь на жестокое изъясненіе: скажите, что если онъ останется неумолимъ, то... то вы найдете ужасную защиту....»

Тутъ Дубровскій закрылъ лицо руками; онъ, казалось, задыхался. Маша плакала....

«Бѣдная, бѣдная моя участь! сказалъ онъ, горько вздохнувъ. За васъ отдасть бы я жизнь; видѣть васъ издали, касаться руки вашей было для меня упоеніемъ; и когда открывается для меня возможность прижать васъ къ взволнованному моему сердцу и сказать: я твой на вѣки,—бѣдный! я долженъ остерегаться отъ блаженства, я долженъ отталкивать его отъ себя всѣми силами! Я не смѣю пасть къ вашимъ ногамъ и благодарить небо за непонятную, незаслуженную награду. О! какъ долженъ и ненавидѣть того.... но чувствую, что теперь въ сердцѣ моемъ нѣтъ мѣста ненависти.»

Онъ тихо обнялъ стройный ея станъ и тихо привлекъ ее къ своему сердцу. Довѣрчиво склонила она голову на плечо молодого разбойника — оба молчали...

Время летѣло. «Пора,» сказала наконецъ Маша. Дубровскій какъ будто очнулся отъ усыпленія. Онъ взялъ ея руку и надѣлъ ей на палецъ кольцо. «Если рѣшитесь прибѣгнуть ко мнѣ, сказалъ онъ, то принесите кольцо сюда, опустите его въ дупло этого дуба: я буду знать, что дѣлать.»

Дубровскій поцѣловалъ ея руку и скрылся между деревьями.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Сватовство князя Верейскаго не было уже тайною для сосѣдства. Кирила Петровичъ принималъ поздравленія; свадьба готовилась. Маша день ото дня отлагала рѣшительное объясненіе. Между тѣмъ, обращеніе ея со старымъ женихомъ было холодно и принужденно. Князь о томъ не заботился: онъ о любви не хлопоталъ, довольный ея безмолвнымъ согласіемъ.

Но время шло. Маша наконецъ рѣшилась дѣйствовать и написала письмо князю Верейскому. Она старалась возбудить въ его сердцѣ чувство великодушія; откровенно признавалась, что не имѣла къ нему ни малѣйшей привязанности; умолила его отказаться отъ ея руки и самому защищать ее отъ власти родителя. Она тихонько вручила письмо князю Верейскому. Тотъ прочелъ его наединѣ, и ни мало не былъ тронутъ откровенностью своей невѣсты. Напротивъ, онъ видѣлъ необходимость ускорить свадьбу и для того почелъ нужнымъ показать письмо будущему тестю.

Кирила Петровичъ взбѣсился; насилу князь могъ уговорить его не показывать Машѣ и виду, что онъ увѣдомленъ о ея письмѣ. Кирила Петровичъ согласился ей о томъ не говорить, но рѣшился не тратить времени и назначить быть свадьбѣ на другой же день. Князь нашелъ сіе весьма благоразумнымъ, пошелъ къ своей невѣстѣ, сказалъ ей, что письмо очень его опечалило, но что онъ надѣется со временемъ заслужить ея привязанность; что мысль отречься отъ нея слишкомъ для него тяжела, и что онъ не въ силахъ согласиться на свой смертный приговоръ. За симъ онъ почтительно поцѣловалъ ея руку и уѣхалъ, не сказавъ ей ни слова о рѣшеніи Кирилы Петровича.

Но едва онъ уѣхалъ со двора, какъ отецъ ея вошелъ и напрямикъ велѣлъ ей быть готовой на завтрашній день. Марья Кириловна, уже взволнованная объясненіемъ князя Верейскаго, залилась слезами и бросилась къ ногамъ отца. «Папенька! закричала она жалобнымъ голосомъ, папенька! не губите меня: я не люблю князя, я не хочу быть его женою.»

— Это что значить? сказалъ грозно Кирилъ Петровичъ: до сихъ поръ ты молчала и была согласна, а теперь, когда все рѣшено, ты вздумала капризничать и отречься. Не пзволь дѣлаться; этимъ со мною ты ничего не выиграешь.

«Не губите меня!» повторила бѣдная Маша: «за что гоните меня отъ себя прочь и отдаете человѣку нелюбимому? развѣ я вамъ надоѣла? Я хочу остаться съ вами по прежнему. Папенька! вамъ безъ меня будетъ грустно; еще грустнѣе, когда подумаете, что я несчастлива. Папенька, не принуждайте меня: я не хочу идти замужъ.»

Кирила Петровичъ былъ тронутъ, но скрылъ свое смущеніе и оттолкнулъ ее, сказавъ сурово:

— Все это вздоръ, слышишь ли? Я знаю лучше твоего, что нужно для твоего счастья. Слезы тебѣ не помогутъ; послѣзавтра будетъ твоя судьба.

«Послѣзавтра!» вскрикнула Маша. «Боже мой! Нѣтъ, нѣтъ, невозможно, этому не быть! Папенька, послушайте: если уже вы рѣшились погубить меня, то я найду защитника, о которомъ вы и не думаете; вы увидите, вы ужаснетесь, до чего вы меня довели.»

— Что? что? сказалъ Троекуровъ: угрозы! мнѣ угрозы? дерзкая дѣвчонка! Да знаешь ли ты, что я съ тобою сдѣлаю то, чего ты

и не воображаешь. Ты смѣешь меня стращать, негодница! Посмотримъ, кто будетъ этотъ защитникъ.

«Владиміръ Дубровскій,» отвѣчала Маша въ отчаяніи.

Кирила Петровичъ подумалъ, что она сошла съ ума и глядѣлъ на нее съ изумленіемъ. «Добро!» сказалъ онъ ей, послѣ нѣкотораго молчанія: «жди себѣ, кого хочешь, въ избавители, а пока мѣсть сиди въ этой комнатѣ — ты изъ нея не выйдешь до самой свадьбы». Съ этимъ словомъ Кирила Петровичъ вышелъ и заперъ за собою двери.

Долго плакала бѣдная дѣвушка, воображая все, что ожидало ее; но бурное объясненіе облегчило ея душу, и она спокойнѣе могла разсуждать о своей участи и о томъ, что надлежало ей дѣлать. Главное было для нея: избавиться отъ ненавистнаго брака; участь супруги разбойника казалась для нея раемъ въ сравненіи съ жребіемъ, ей установленнымъ. Она взглянула на кольцо, оставленное ей Дубровскимъ. Пламенно она желала увидѣться съ нимъ наединѣ и еще разъ передъ рѣшительной минутой долго посовѣтоваться. Предчувствіе сказывало ей, что вечеромъ найдетъ она Дубровскаго въ саду, близъ бесѣдки; она рѣшилась пойти ожидать его тамъ. Какъ только стало смеркаться, Маша приготовилась; но дверь ея заперга на ключъ. Горничная отвѣчала ей изъ-за двери, что Кирила Петровичъ не приказалъ ее выпускать. Она была подъ арестомъ. Глубоко оскорбленная, она сѣла подъ окошко и до глубокой ночи сидѣла не раздѣваясь, неподвижно глядя на темное небо. На разсвѣтѣ она задремала; но тонкій сонъ ея былъ встревоженъ печальными видѣніями и лучи восходящаго солнца уже разбудили ее.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Она проснулась и съ первую мыслию представился ей весь ужасъ ея положенія. Она позвонила, дѣвка вошла и на вопросы ея отвѣчала, что Кирила Петровичъ вечеромъ ѣздилъ въ ** и возвратился поздно; что онъ далъ строгое приказаніе не выпускать ее изъ ея комнаты и смотрѣть за тѣмъ, чтобъ никто съ нею не говорилъ; что, впрочемъ, не видно никакихъ особенныхъ приготовленій къ свадьбѣ. кромѣ того, что велѣно было попу не отлучаться изъ

деревни ни подъ какимъ предлогомъ. Послѣ сихъ извѣстій, дѣвка оставила Марью Кириловну и снова заперла двери.

Ея слова ожесточили молодую затворницу. Голова ея кипѣла, кровь волновалась; она рѣшилась дать знать обо всемъ Дубровскому и стала искать способа отправить кольцо въ дупло завѣтнаго дуба. Въ это время камушекъ ударился въ окно ея, стекло зазвенѣло, и Марья Кириловна взглянула на дворъ и увидѣла маленькаго Сашу, дѣлающаго ей знаки. Она знала его привязанность и обрадовалась ему. «Здравствуй, Саша; зачѣмъ ты меня зовешь?» — «Я пришелъ, сестрица, узнать отъ васъ, не надобно ли вамъ чегонибудь. Папенька сердитъ и запретилъ всему дому васъ слушаться; но велите мнѣ сдѣлать, что вамъ угодно, и я для васъ все сдѣлаю.»

«Спасибо, милый мой Сашенька. Слушай, ты знаешь старый дубъ съ дупломъ, что у бесѣдки?»

Знаю, сестрица.

«Такъ если ты меня любишь, сбѣгай туда поскорѣе и положи вотъ это кольцо въ дупло; да смотри же, чтобъ никто тебя не видалъ.»

Съ этимъ словомъ она бросила ему кольцо и заперла окошко.

Мальчикъ поднялъ кольцо, во весь духъ пустился бѣжать и въ три минуты очутился у извѣстнаго дерева. Тутъ онъ остановился, запыхавшись, оглянулся во все стороны, и положилъ колечко въ дупло. Окончивъ дѣло благополучно, хотѣлъ онъ тотъ же часъ донести о томъ Марьѣ Кириловнѣ, какъ вдругъ рыжій и полуоборванный мальчишка мелькнулъ изъ-за бесѣдки, кинулся къ дубу и запустилъ руку въ дупло. Саша быстрѣе бѣлки бросился къ нему и зацѣпился обѣими руками.

«Что ты здѣсь дѣлаешь?» сказалъ онъ грозно.

— Тебѣ какое дѣло? отвѣчалъ мальчишка, стараясь отъ него освободиться.

«Оставь это кольцо, рыжій,» кричалъ Саша: «или я проучу тебя по-свойски.»

Вмѣсто отвѣта, тотъ ударилъ его кулакомъ по лицу; но Саша его не выпустилъ и закричалъ во все горло: «воры, воры! сюда, сюда!»

Мальчишка силился отъ него отдѣлаться. Онъ былъ, повидимому, двумя годами старѣе Саши и гораздо его сильнѣе; но Саша

былъ увертливѣе. Они боролись нѣсколько минутъ; наконецъ рыжій мальчикъ одолѣлъ. Онъ повалилъ Сашу наземъ и схватилъ его за горло. Но въ это время сильная рука виѣпилась въ его рыжіе и щетиныстые волосы, и садовникъ Степанъ приподнял его на полъ-аршина отъ земли.

«Ахъ, ты рыжая бестія,» говорилъ садовникъ: «да какъ ты смѣешь бить маленькаго барина?»

Саша успѣлъ вскочить и оправиться.

«Ты меня схватилъ подъ мышки,» сказалъ онъ: «а то бы никогда меня не повалилъ. Отдай сейчасъ кольцо и убирайся.»

— Какъ не такъ, отвѣчалъ рыжій, и вдругъ, перевернувшись на одномъ мѣстѣ, освободилъ свои щетины отъ руки Степановой.

Тутъ онъ пустился было бѣжать, но Саша догналъ его, толкнулъ въ спину, и мальчикъ упалъ со всѣхъ ногъ. Садовникъ снова его схватилъ и связалъ кушакомъ.

«Отдай кольцо!» кричалъ Саща.

«Погоди, баринъ, сказалъ Степанъ: мыведемъ его на расправу къ прикащику.»

Садовникъ повелъ плѣнника на барскій дворъ, а Саша его сопровождалъ, съ безпокойствомъ поглядывая на свои шаравары, разорванныя и замаранныя зеленью. Вдругъ всѣ трое очутились передъ Кирилою Петровичемъ, идущимъ осматривать свою конюшню.

«Это что?» спросилъ онъ Степана.

Степанъ въ короткихъ словахъ описалъ все происшествіе.

Кирила Петровичъ выслушалъ его со вниманіемъ.

«Ты, повѣса,» сказалъ онъ, обратясь къ Сашѣ: «за что ты съ нимъ связался?»

— Онъ укралъ изъ дупла кольцо, папенька; прикажите отдать кольцо.

«Какое кольцо? изъ какого дупла?»

— Да мнѣ Марья Кириловна... да то кольцо....

Саша смутился, спутался. Кирила Петровичъ нахмурился и сказалъ, качая головою:

«Тутъ замѣшалась Марья Кириловна. Признавайся во всемъ, или такъ отдеру тебя розгою, что ты и своихъ не узнаешь.»

Ей-Богу, папенька; я... папенька.... Мнѣ Марья Кириловна ничего не приказывала, папенька.

«Степанъ! ступай-ка, да сръжь мнѣ хорошенькую, свѣжую березовую розгу.»

— Пойдите, папенька, я все вамъ расскажу. Я сегодня бѣгалъ по двору, а сестрица Марья Кириловна открыла окошко, и я подбѣжалъ, и сестрица не нарочно уронила кольцо, а я спряталъ его въ дупло, п.... и.... этотъ рыжій мальчикъ хотѣлъ кольцо украсть.

«Не нарочно уронила, ты хотѣлъ спрятать.... Степанъ! ступай за розгами.»

Папенька, погодите, я все расскажу. Сестрица Марья Кириловна велѣла мнѣ сбѣгать къ дубу и положить кольцо въ дупло; я и сбѣгалъ и положилъ кольцо, а этотъ скверный мальчикъ....

Кирила Петровичъ обратился къ скверному мальчику и спросилъ его грозно: «чей ты?»

— Я дворовый человѣкъ господъ Дубровскихъ, отвѣчалъ онъ.

Лицо Кирила Петровича омрачилось.

«Ты, кажется, меня господиномъ не признаешь — добро. А что ты дѣлаешь въ моемъ саду?»

— Малину кралъ.

«Ага! слуга въ барина; каковъ попъ, таковъ и приходъ; а малпна развѣ растеть у меня на дубахъ? слыхалъ ли ты это?»

Мальчикъ нпчего не отвѣчалъ.

— Папенька, прикажите ему отдать кольцо, сказалъ Саша.

«Молчи, Александръ!» отвѣчалъ Кирила Петровичъ: «не забудь, что я собираюсь съ тобою раздѣлаться. Ступай въ свою комнату. Ты, косой, ты мнѣ кажешься малый не промахъ; если ты мнѣ во всемъ признаешься, такъ я тебя не высеку, и дамъ еще пятакъ на орѣхи. Отдай кольцо и ступай.» Мальчикъ разжалъ кулакъ и показалъ, что въ его рукѣ не было ничего. «Не то, я съ тобою сдѣлаю то, чего ты не ожидаешь. Ну!»

Мальчикъ не отвѣчалъ ни слова и стоялъ потупя голову, принявъ на себя видъ настоящаго дурака.

«Добро!» сказалъ Кирила Петровичъ: «запереть его куда нибудь да смотрѣть, чтобъ онъ не убѣжалъ, или со всего дома шкуру спущу.»

Степанъ отвелъ мальчика на голубятню, заперъ его тамъ и приставилъ смотрѣть за нимъ старую птичницу Агафью.

«Тутъ вѣтъ никакого сомнѣнія: она сохранила сношенія съ проклятымъ Дубровскимъ. Но если и въ самомъ дѣлѣ она звала его



на помощь — думалъ Кирила Петровичъ, расхаживая по комнатѣ и сердито насвистывая Громъ побѣды раздавайся. Я по крайней мѣрѣ нашелъ на его горячіе слѣды, и онъ отъ насъ не увернется. Мы воспользуемся этимъ случаемъ.... Чу! колокольчикъ; слава Богу, это исправникъ. Привести сюда мальчишку пойманнаго.»

Между тѣмъ, телѣжка вѣхала на дворъ, и знакомый намъ исправникъ вошелъ въ комнату, весь запыленный.

«Славная вѣсть!» сказалъ Кирила Петровичъ: «Я поймалъ Дубровскаго.»

— Слава Богу, ваше превосходительство! сказалъ исправникъ съ видомъ обрадованнымъ. Гдѣ же онъ?

«То есть, не Дубровскаго, а одного изъ его шайки. Сейчасъ его приведутъ. Онъ намъ пособить поймать своего атамана. Вотъ его и привели.»

Исправникъ, ожидавшій грознаго разбойника, былъ изумленъ, увидѣвъ тринадцатилѣтнаго мальчика довольно слабой наружности. Онъ съ недоумѣніемъ обратился къ Кирилѣ Петровичу и ждалъ объясненія. Кирила Петровичъ сталъ тутъ же рассказывать, не упоминая, однакожъ, о Марьѣ Кириловнѣ, утреннее происшествіе.

Исправникъ выслушалъ его со вниманіемъ, поминутно взглядывая на маленькаго негодяя, который, прікинувшись дуракомъ, казалось, не обращалъ никакого вниманія на все, что дѣлалось около него.

— Позвольте, ваше превосходительство, переговорить съ вами наединѣ, сказалъ наконецъ исправникъ.

Кирила Петровичъ повелъ его въ другую комнату и заперъ за собою дверь.

Черезъ полчаса они вышли опять въ залу, гдѣ невольникъ ожидалъ рѣшенія своей участи.

— Баринъ хотѣлъ, сказалъ ему исправникъ, посадить тебя въ городской острогъ, выстегать плетью и сослать потомъ на поселеніе; но я вступился за тебя и выпросилъ тебѣ прощеніе. Развязать его!

Мальчика развязали.

— Благодари же барина, сказалъ исправникъ.

Мальчикъ подошелъ къ Кирилѣ Петровичу и поцѣловалъ у него руку.

«Ступай себѣ домой», сказалъ ему Кирила Петровичъ: «да впередъ не крадь малины по дупламъ».

Мальчикъ вышелъ, весело прыгнувъ съ крыльца и пустился бѣгомъ, не оглядываясь, черезъ поле къ Кистеневкѣ. Добѣжавъ до деревни, онъ остановился у полуразвалившейся избышки, первой съ краю, и постучалъ въ окошко. Окошко поднялось, и старуха показалаась.

«Бабушка, хлѣба!» сказалъ мальчикъ: «я съ утра ничего не ѣлъ, умираю съ голоду».

— Ахъ! это ты, Митя; да гдѣ жъ пропадалъ, бѣсенокъ? отвѣчала старуха.

«Послѣ расскажу, бабушка; ради Бога хлѣба!»

— Да войди въ избу.

«Некогда, бабушка, мнѣ надо сбѣгать еще въ одно мѣсто. Хлѣба, ради Христа, хлѣба».

— Экой непосѣдъ, проворчала старуха: на, вотъ тебѣ ломоть, и сунула въ окно ломоть чернаго хлѣба.

Мальчикъ жадно его прикусилъ и, жуя, шагомъ отправился далѣе.

Начинало смеркаться: Митя пробирался овинами и огородами въ кистеневскую рощу. Дошедши до двухъ сосенъ, стоящихъ передовыми стражами рощи, онъ остановился, оглядѣлся во все стороны, свиснулъ свистомъ пронзительнымъ и отрывисто и сталъ слушать; легкій и продолжительный свистъ послышался ему въ отвѣтъ: кто-то вышелъ изъ рощи и приблизился къ нему.

ГЛАВА ОСЬМНАДЦАТАЯ.

Кирила Петровичъ ходилъ взадъ и впередъ по залѣ, громче обыкновеннаго насвистывая свою пѣсню. Весь домъ былъ въ движеніи; слуги бѣгали, дѣвки суетились. На дворѣ толпился народъ. Въ уборной барышни, передъ зеркаломъ, дама, окруженная служанками, убирала блѣдную, неподвижную Марью Кириловну; голова ея томно клонилась подъ тяжестью брилліантовъ; она слегка вздрагивала, когда неосторожная рука укалывала ее, но молчала, безмысленно глядясь въ зеркало. «Скоро ли?» раздался у дверей голосъ Кирилы Петровича. — «Сію минуту!» отвѣчала дама. «Марья

Кириловна, встаньте, посмотритесь, хорошо ли?» Марья Кирыловна встала и не отвѣчала ничего. Двери отворились. «Невѣста готова», сказала дама Кирилѣ Петровичу: «прикажите подавать карету». — «Съ Богомъ!» отвѣчалъ Кирила Петровичъ, и — взявъ со стола образъ — «подойди ко мнѣ, Маша», сказалъ онъ ей тронутымъ голосомъ: «благословляю тебя»... Бѣдная дѣвушка упала ему въ ноги и зарыдала. «Папенька.... папенька».... говорила она въ слезахъ, и голосъ ея замиралъ. Кирила Петровичъ спѣшилъ ее благословить; ее подымали и почти понесли въ карету. Съ нею сѣла посаженная мать и одна изъ служанокъ. Онѣ поѣхали въ церковь. Тамъ женихъ ужъ ихъ ожидалъ. Онъ вышелъ навстрѣчу невѣсты и былъ пораженъ ея блѣдностію и страннымъ видомъ. Они вмѣстѣ вошли въ холодную, пустую церковь; за ними заперли двери. Священникъ вышелъ изъ алтара и тотчасъ же началъ. Марья Кириловна ничего не видала, ничего не слыхала; думала объ одномъ съ самаго утра: ждала Дубровскаго; надежда ни на минуту ее не покидала. Но когда священникъ обратился къ ней съ обычнымъ вопросомъ, она содрогнулась и обмерла, но еще медлила, еще ожидала. Священникъ, не дождавшись ея отвѣта, произнесъ невозвратимыя слова.

Обрядъ былъ конченъ. Она чувствовала холодный поцѣлуй немилаго супруга; она слышала лѣствыя поздравленія присутствующихъ, и все еще не могла повѣрить, что жизнь ея была навѣки окована, что Дубровскій не прилетѣлъ освободить ее. Князь обратился къ ней съ ласковыми словами — она ихъ не поняла; они вышли изъ церкви; на паперти толпились крестьяне изъ Покровскаго. Взоръ ея быстро ихъ обѣжалъ и снова оказалъ прежнюю безчувственность. Молодые сѣли вмѣстѣ въ карету и поѣхали въ**, куда уже Кирила Петровичъ отправился прежде, дабы встрѣтить тамъ молодыхъ. Наединѣ съ молодою женой князь нисколько не былъ смущенъ ея холоднымъ видомъ. Онъ не сталъ докучать ей приторными изъясненіями и смѣшными восторгамъ; слова его были просты и не требовали отвѣтовъ. Такимъ образомъ проѣхали они около десяти верстъ; лошади неслись быстро по кочкамъ проселочной дороги, и карета почти не качалась на своихъ англійскихъ рессорахъ. Вдругъ раздались крики погони; карета остановилась, и толпа вооруженныхъ людей окружила ее. Человѣкъ, въ полумаскѣ, отворилъ дверцы со стороны, гдѣ сидѣла

молодая княгиня, и сказалъ ей: «вы свободны! выходите». — «Что это значить?» закричалъ князь: «кто ты таковъ?»... — «Это Дубровскийъ», отвѣчала княгиня. Князь, не теряя присутствія духа, вынулъ изъ боковаго кармана дорожный пистолетъ и выстрѣлилъ въ маскированного разбойника. Княгиня вскрикнула и съ ужасомъ закрыла лицо обѣими руками. Дубровскийъ былъ раненъ въ плечо; кровь полилась. Князь, не теряя ни минуты, вынулъ другой пистолетъ. Но ему не дали времени выстрѣлить; дворцы растворились, и нѣсколько сильныхъ рукъ вытащили его изъ кареты, и выхватили у него пистолетъ. Надъ нимъ засверкали ножи. «Не трогать его!» закричалъ Дубровскийъ, и мрачные его сообщники отступили. «Вы свободны!» продолжалъ Дубровскийъ, обращаясь къ бѣдной княжнѣ. — «Нѣтъ!» отвѣчала она: «поздно! я обвѣнчана, я жена князя ***». — «Что вы говорите!» закричалъ съ отчаяніемъ Дубровскийъ: «нѣтъ! вы не жена его, вы были приневолены, вы никогда не могли согласиться».... — «Я согласилась, я дала клятву», возразила она съ твердостью. «Князь мой мужъ, прикажите освободить его и оставьте меня съ нпмъ. Я не обманывала, я ждала васъ до послѣдней минуты... но теперь, говорю вамъ, теперь поздно. Пустите насъ». Но Дубровскийъ уже ее не слыхалъ; боль раны и сильныя волненія души лишили его силы. Онъ упалъ у колеса; разбойники окружили его. Онъ успѣлъ сказать имъ нѣсколько словъ; они посадили его верхомъ, двое изъ нихъ его поддерживали, третій взялъ лошадь подъ устцы, и всѣ поѣхали въ сторону, оставя карету посреди дороги, людей связанныхъ, лошадей отпряженныхъ, но не разграбя ничего и не проливъ ни единой капли крови въ отмщеніе за кровь своего атамана.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Посреди дремучаго лѣса, на узкой лужайкѣ, возвышалось маленькое земляное укрѣпленіе, состоящее изъ вала прва, за коими находилось нѣсколько шалашей и землянокъ. На дворѣ множество людей, копъхъ, по разнообразію одежды и по общему вооруженію, можно было тотчасъ признать за разбойниковъ, обѣдало, сидя безъ шапокъ, около братскаго котла. На валу, подлѣ маленькой пушки, сидѣлъ караульный, поджавъ подъ себя ноги. Онъ встав-

лялъ заплатку въ нѣкоторую часть своей одежды, владѣя иглою съ искусствомъ, обличающимъ опытнаго портнаго, и поминутно посматривалъ на всѣ стороны.

Хотя нѣкоторый ковчикъ нѣсколько разъ переходилъ изъ рукъ въ руки, странное молчаніе царствовало въ сей толпѣ; разбойники отобѣдали; одинъ послѣ другаго вставалъ и молился Богу; нѣкоторые разошлись по шалашамъ, а другіе разбрелись по лѣсу или прилегли соснуть, по русскому обыкновенію.

Караульщикъ кончилъ свою работу, отряхнулъ свою рухлядь, полюбовался заплатою, приколотъ къ рукаву иглу, сѣлъ на пушку верхомъ и запѣлъ во все горло меланхолическую старинную пѣсню:

Не шуми ты, мать зеленая дубровушка.

Въ это время дверь одного изъ шалашей отворилась, и старуха въ бѣломъ чепцѣ, опрятно и чопорно одѣтая, показалась у порога. «Полно тебѣ, Степка», сказала она сердито: «баринъ почиваетъ, а ты знай горланишь; нѣтъ у васъ ни совѣсти, ни жалости». — «Виновать, Петровна», отвѣчалъ Степка: «ладно, больше не буду, пусть онъ себѣ, батюшка, почиваетъ да выздоравливаетъ». Старушка ушла, а Степка сталъ расхаживать по валу.

Въ шалашѣ, изъ котораго вышла старуха, за перегородкой, раненый Дубровскій лежалъ на холодной кровати. Передъ нимъ, на столикѣ, лежали его пистолеты, а сабля висѣла въ головахъ. Землянка устлана и обвѣшана была богатыми коврами; въ углу находился женскій серебряный туалетъ и трюмо. Дубровскій держалъ въ рукѣ открытую книгу, но глаза его были закрыты. И старушка, поглядывающая на него изъ-за перегородки, не могла знать, заснулъ ли онъ, или только задумался.

Вдругъ Дубровскій вздрогнулъ. Въ укрѣпленіи сдѣлалась тревога, и Степка просунулъ къ нему голову въ окошко. «Батюшка, Владиміръ Андреевичъ!» закричалъ онъ: «наши знакъ подають, насъ ищуть». Дубровскій вскочилъ съ кровати, схватилъ оружіе и вышелъ изъ шалаша. Разбойники съ шумомъ толпились на дворѣ; при его появленіи настало глубокое молчаніе. «Всѣ ли здѣсь?» спросилъ Дубровскій. — «Всѣ, кромѣ дозорныхъ», отвѣчали. — «По мѣстамъ!» закричалъ Дубровскій, и разбойники заняли каждый опредѣленное мѣсто. Въ сіе время трое дозорныхъ

прибѣжали къ воротамъ. Дубровскій пошелъ къ нимъ навстрѣчу. «Что такое?» спросилъ онъ. — «Солдаты въ лѣсу», отвѣчали они: «насъ окружають». Дубровскій велѣлъ запереть ворота и самъ пошелъ освидѣтельствовать пушку. По лѣсу раздалось нѣсколько голосовъ, и стали приближаться. Разбойники ождали въ безмолвіи. Вдругъ три или четыре солдата показались изъ лѣсу и тотчасъ подались назадъ, выстрѣлами давъ знать товарищамъ. «Готовиться къ бою!» сказалъ Дубровскій, и между разбойниками сдѣлался шорохъ; снова все утихло. Тогда услышали шумъ приближающейся команды; оружія блеснули между деревьями; человекъ полтора солдатъ высыпало изъ лѣсу и съ крикомъ устремились на валъ. Дубровскій приставилъ фитиль: выстрѣлъ былъ удаченъ — одному оторвало голову, двое были ранены. Между солдатами произошло смятеніе; но офицеръ бросился впередъ, солдаты за нимъ послѣдовали и сбѣжали въ ровъ. Разбойники выстрѣлили въ нихъ изъ ружей и пистолетовъ и стали съ топорами въ рукахъ защищать валъ, на который лѣзли остервенѣлые солдаты, оставя во рву человекъ двадцать раненныхъ товарищей. Рукопашный бой завязался. Солдаты уже были на валу — разбойники начали уступать; но Дубровскій подошелъ къ офицеру, приставилъ ему пистолетъ къ груди и выстрѣлилъ. Офицеръ грянулся навзничь, нѣсколько солдатъ подхватили его на руки и спѣшили унести въ лѣсъ; прочіе, лишась начальника, остановились. Ободренные разбойники воспользовались сею минутою недоумѣнія, смяли ихъ, стѣснили въ ровъ, осаждающіе побѣжали; разбойники съ крикомъ устремились за ними. Побѣда была рѣшена. Дубровскій, полагаясь на совершенное разстройство непріятеля, остановилъ своихъ и заперся въ крѣпости, удвоилъ караулы и никому не велѣлъ отлучаться, приказалъ подобрать раненныхъ.

Послѣднія пропсшествія обратили уже не на шутку вниманіе правительства на дерзновенные разбои Дубровскаго. Собраны были свѣдѣнія о его мѣстопребываніи. Отправлена была рота солдатъ, дабы взять его, мертваго или живаго. Поймали нѣсколько человекъ изъ его шайки и узнали отъ нихъ, что уже Дубровскаго между ними не было. Нѣсколько дней послѣ, онъ собралъ всѣхъ своихъ сообщниковъ, объявилъ имъ, что вамѣренъ навсегда ихъ оставить, совѣтовалъ и имъ перемѣнить образъ жизни. «Вы разбогатѣли подѣ моимъ начальствомъ, каждый изъ васъ имѣетъ видъ,

съ которымъ безопасно можетъ обратиться въ какую нибудь отдаленную губернію и тамъ провести остальную жизнь въ честныхъ трудахъ и въ изобиліи. Но вы всѣ мошенники и, вѣроятно, не захотите оставить ваше ремесло». Послѣ сей рѣчи онъ оставилъ ихъ, взявъ съ собою одного **. Никто не зналъ, куда онъ дѣвался. Сначала сомнѣвались въ истинѣ словъ показаній — приверженность разбойниковъ къ атаману была извѣстна: полагали, что они старались о его спасеніи; но послѣдствія ихъ оправдали. Грозныя посященія, пожары и грабежи прекратились, дороги стали свободны. По другимъ извѣстіямъ узнали, что Дубровскій скрылся за-границу.



КРИТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ И ЗАМѢТКИ.

1. О ВДОХНОВЕНІИ И ВОСТОРГѢ.

(по поводу статьи: о направленіи нашей поэзіи).

Критикъ смѣшиваетъ вдохновеніе съ восторгомъ. Вдохновеніе есть расположеніе души къ живѣйшему принятію впечатлѣній и соображенію понятій, слѣдственно и объясненію оныхъ. Вдохновеніе нужно въ геометріи, какъ и въ поэзіи. Восторгъ исключаетъ спокойствіе — необходимое условіе прекраснаго. Восторгъ не предполагаетъ силы ума, располагающаго частями въ отношеніи къ цѣлому. Восторгъ непродолжителенъ, непостояненъ, слѣдовательно не въ силахъ произвести истинное, великое совершенство. Гомеръ неизмѣримо выше Пиндара. Ода стоитъ на низшихъ ступеняхъ творчества. Она исключаетъ постоянный трудъ, безъ коего нѣтъ истинно великаго. Трагедія, комедія, сатира — всѣ болѣе ея требуютъ творчества, *fantaisie*, воображенія, знанія, природы. И плана не можетъ быть въ одѣ! Единный планъ Дантова «Ада» есть уже плодъ высокаго генія! Какой планъ въ одахъ Пиндара? Какой планъ въ «Водопадѣ», лучшемъ произведеніи Державина?

2. О ЛОМОНОСОВѢ.

Соединяя необыкновенную силу воли съ необыкновенною сплюю понятія, Ломоносовъ обнялъ всѣ отрасли просвѣщенія. Каждая науки была сильнѣйшею страстію сей души, исполненной страстей. Историкъ, риторъ, механикъ, химикъ, минералогъ, художникъ и стихотворецъ — онъ все испыталъ и все проникъ... Первый углубляется въ исторію отечества, утверждаетъ правила общественнаго языка

его, даетъ законы и образцы классическаго краснорѣчія, съ несчастнымъ Рихманомъ предугадываетъ открытія Франклина, учреждаетъ фабрику, самъ сооружаетъ машины, даритъ художества мозаическими произведеніями и наконецъ открываетъ намъ истинные источники нашего поэтическаго языка.

Поэзія бываетъ исключительною страстію немногихъ, родившихся поэтами: она объемлетъ и поглощаетъ всѣ наблюденія, всѣ усилія, всѣ впечатлѣнія ихъ жизни; но если мы станемъ изслѣдовать жизнь Ломоносова, то найдемъ, что науки точныя были всегда главнымъ и любимымъ его занятіемъ, стихотворство же иногда забавою, но чаще должностнымъ упражненіемъ. Мы напрасно искали бы въ первомъ нашемъ лирикѣ пламенныхъ порывовъ чувства и воображенія. Слогъ его, ровный, цвѣтушій и живописный, заемлетъ главное достоинство отъ глубокаго знанія книжнаго славянскаго языка и отъ счастливаго сліянія онаго съ языкомъ простонароднымъ. Вотъ почему преложенія псалмовъ и другія сплныя и близкія подражанія высокой поэзіи священныхъ книгъ суть его лучшія произведенія. Они останутся вѣчными памятниками русской словесности; по нимъ долго еще должны мы будемъ обучаться стихотворному языку нашему; но странно жаловаться, что свѣтскіе люди не читаютъ Ломоносова, и требовать, чтобъ человѣкъ, умершій семьдесятъ лѣтъ тому назадъ, оставался и нынѣ любимцемъ публики. Какъ будто нужны для славы великаго Ломоносова мелочныя почести моднаго писателя!

3. О ЛОМОНОСОВѢ.

Ломоносовъ былъ великій человѣкъ. Между Петромъ I и Екатериною II онъ одинъ является самобытнымъ сподвижникомъ просвѣщенія. Онъ создалъ первый университетъ; онъ, лучше сказать, самъ былъ первымъ нашимъ университетомъ. Но въ семъ университетѣ профессоръ поэзіи и элоквенціи не что иное, какъ исправный чиновникъ, а не поэтъ, вдохновенный свыше, не ораторъ, мощно увлекающій. Однообразныя и стѣснительныя формы, въ кои отливалъ онъ свои мысли, даютъ его прозѣ ходъ утомительный и тяжелый. Эта схоластическая величавость, полуславянская, полудатинская, сдѣлалась было необходимостію; къ счастью,

Карамзинъ освободилъ языкъ отъ чуждаго гга и возвратилъ ему свободу, обративъ его къ живымъ источникамъ народнаго слова.

Въ Ломоносовѣ нѣтъ ни чувства, ни воображенія. Оды его, писанныя по образцу тогдашнихъ нѣмецкихъ стихотворцевъ, давно уже забытыхъ въ самой Германіи, утомительны и надуты. Его вліяніе на словесность было вредное и до сихъ поръ въ ней отзывается. Высокопарность, изысканность, отвращеніе отъ простоты и точности, отсутствіе всякой народности и оригинальности — вотъ слѣды, оставленные Ломоносовымъ. Ломоносовъ самъ не дорожилъ своею поэзіею и гораздо болѣе заботился о своихъ химическихъ опытахъ, нежели о должностныхъ одахъ на высокаторжественный день, тезоименитства и проч. Съ какимъ презрѣніемъ говоритъ онъ о Сумароковѣ, страстномъ къ своему искусству, объ этомъ человѣкѣ, который ни о чемъ, кромѣ какъ о бѣдномъ своемъ рифмичесествѣ, не думаетъ.... За то съ какимъ жаромъ говоритъ онъ о наукахъ, о просвѣщеніи. Смотрите письма его къ Шувалову, къ Воронцову и проч.

Сумароковъ былъ шутомъ у всѣхъ тогдашнихъ вельможъ: у Шувалова, у Панина; его дразнили, подстрекали и забавлялись его выходками.

Фонъ-Визинъ, коего характеръ имѣетъ пужду въ оправданіи, забавлялъ знатныхъ, передразнивая Александра Петровича въ совершенствѣ. Державинъ исподтишка писалъ сатиры на Сумарокова и приѣзжалъ, какъ ни въ чемъ не бывало, наслаждаться его бѣшенствомъ. Ломоносовъ былъ инаго покроя. Съ нимъ шутить было накладно. Онъ вездѣ былъ тотъ же: дома, гдѣ всѣ его трепетали; во дворцѣ, гдѣ онъ диралъ за уши пажей; въ академіи, гдѣ, по свидѣтельству Шлѣцера, не смѣли при немъ пикнуть. Со всѣмъ тѣмъ Ломоносовъ былъ добродушенъ. Какъ хорошо его письмо о семействѣ несчастнаго Рихмана! Въ отношеніи къ самому себѣ онъ былъ очень безнеченъ, и, кажется, жена его, хоть была и нѣмка, но мало смыслила въ хозяйствѣ. Вдова одного стараго профессора, услыша, что рѣчь идетъ о Ломоносовѣ, спросила: «О какомъ Ломоносовѣ говорите вы? Не о Михайлѣ ли Васильевичѣ? То-то былъ пустой человѣкъ! Бывало, отъ него всегда бѣгали къ намъ за кофейникомъ. Вотъ Третьяковскій, Василій Кириловичъ, вотъ этотъ былъ почтенный и порядочный человѣкъ!» Третьяковскій былъ, конечно, почтенный и порядочный человѣкъ.

Его филологическія и грамматическія изъясненія очень замѣчательны. Онъ имѣлъ о русскомъ стихосложеніи обширнѣйшее понятіе, нежели Ломоносовъ и Сумароковъ. Любовь его къ Фенелонову эпосу дѣлаетъ ему честь, а мысль перевести его стихами и самый выборъ стиха доказываютъ необыкновенное чувство изящнаго. Въ Телемахидѣ находится много хорошихъ стиховъ и счастливыхъ оборотовъ.

Радищевъ укоряетъ Ломоносова въ лести и тутъ же извиняетъ его. Ломоносовъ наполнилъ торжественныя свои оды высокопарною хвалою; онъ безъ обиняковъ называетъ благодѣтеля своего, графа Шувалова, своимъ благодѣтелемъ; онъ въ какой-то придворной идилліи воспѣваетъ графа К. Разумовскаго подъ именемъ Полидора; онъ стихами поздравляетъ графа Орлова съ возвращеніемъ его изъ Финляндіи; онъ пишетъ: «Его сіятельство графъ М. А. Воронцовъ, по своей высокой ко мнѣ милости, изволилъ взять отъ меня пробы мозаическихъ составовъ для показанія ея величеству». Нынѣ все это вывелось изъ обыкновенія. Дѣло въ томъ, что разстояніе отъ одного сословія до другаго въ то время еще существовало. Ломоносовъ, рожденный въ низкомъ сословіи, не думалъ возвысить себя наглостію и занавибратствомъ съ людьми высшаго состоянія (хотя, впрочемъ, по чину, онъ могъ быть имъ и равный). Но за то умѣлъ онъ за себя постоять, и не дорожилъ ни покровительствомъ своихъ меценатовъ, ни своимъ благосостояніемъ, когда дѣло шло о его чести или о торжествѣ его любимыхъ идей. Послушайте, какъ пишетъ онъ этому самому Шувалову, представителю музъ, высокому своему патрону, который вздумалъ было надъ нимъ пошутить: «Я, ваше высокопревосходительство, не только у вельможъ, но ниже у Господа моего Бога дуракомъ быть не хочу».

Въ другой разъ, заспоря съ тѣмъ же вельможею, Ломоносовъ такъ его разсердилъ, что Шуваловъ закричалъ: «Я отставляю тебя отъ академіи». — «Нѣтъ, возразилъ гордо Ломоносовъ: развѣ академію отъ меня отставятъ.» Вотъ каковъ былъ этотъ униженный сочинитель похвальныхъ одъ и придворныхъ идиллій!

4. ОБЪ УВАЖЕНІИ КЪ ПРЕДКАМЪ.

Гордиться славою своихъ предковъ не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное молодухіе. «Государ-

ственное правило — говорить Карамзинъ — ставить уваженіе къ предкамъ въ достоинство гражданину образованному». Греки въ самомъ своемъ униженіи помнили славное происхожденіе свое и тѣмъ самымъ уже были достойны своего освобожденія.... Можетъ ли быть порокомъ въ частномъ человѣкѣ то, что почитается добродѣтелью въ цѣломъ народѣ? Предразсудокъ сей, утвержденный демократической завистію нѣкоторыхъ философовъ, служить только къ распространенію низкаго эгоизма. Безкорыстная мысль, что внуки будутъ уважены за имя, намъ имъ переданное, не есть ли благодарнѣйшая надежда человѣческаго сердца?

Mes arrière-neveux me devront cet ombrage!

5. ОБЪ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКАГО.

Появленіе Истории Государства Россійскаго (какъ и надлежало быть) надѣлало много шуму и произвело сильное впечатлѣніе. 3000 экз. разошлись въ одинъ мѣсяцъ, чего не ожидалъ и самъ Карамзинъ. Свѣтскіе люди бросились читать исторію своего отечества. Она была для нихъ новымъ открытіемъ. Древняя Россія, казалось, найдена Карамзинымъ, какъ Америка Колумбомъ. Нѣсколько времени нигдѣ ни о чемъ не говорили. Признаюсь, ничего нельзя вообразить глупѣе свѣтскихъ сужденій, которыя удалось мнѣ слышать; они были въ состояніи отучить хоть кого отъ охоты къ славѣ. Одна дама (впрочемъ очень милая), при мнѣ открывъ вторую часть, прочла вслухъ: Владиміръ усыновилъ Святополка, однако жъ не любилъ его.... «Однако! зачѣмъ не но? однако! чувствуете ли всю ничтожность вашего Карамзина?» — Въ журналахъ его не критиковали: у насъ никто не въ состояніи изслѣдовать, оцѣнить огромное созданіе Карамзина. Каченовскій бросился на предисловіе. Никита Муравьевъ, молодой человѣкъ, умный и пылкій, разобралъ предисловіе (предисловіе!) Михаилъ Орловъ въ письмѣ къ Бутурлину пенялъ Карамзину, зачѣмъ въ началѣ своего творенія не помѣстилъ онъ какой нибудь блестящей гипотезы о происхожденіи славянъ, т. е. требовалъ отъ историка не исторіи, а чего-то другаго. Нѣкоторые остряки за ужиномъ переложили первыя главы Тита-Ливія слогомъ Карамзина; за то почти никто не сказалъ спасибо человѣку, уединившемуся въ ученый кабинетъ во время самыхъ лестныхъ успѣховъ и посвятившему

цѣлыхъ 12 лѣтъ жизни безмолвнымъ и неутомимымъ трудамъ. Примѣчанія къ русской исторіи свидѣтельствуютъ обширную ученость Карамзина, пріобрѣтенную имъ уже въ тѣхъ лѣтахъ, когда для обыкновенныхъ людей кругъ образованія и познаній давно заключенъ и хлопоты по службѣ замѣняютъ усилія къ просвѣщенію. Многіе забывали, что Карамзинъ печаталъ свою исторію въ Россіи. Повторяю, что Исторія Государства Россійскаго не только созданіе великаго писателя, но и подвигъ честнаго человека.

6. ОБЪ ОПРЕДѢЛЕНІИ РОМАНТИЗМА

ПО ФОРМѢ ПРОИЗВЕДЕНІЙ.

Наши критики не согласились еще въ ясномъ разлчіи между родами классическимъ и романтическимъ. Сбивчивымъ понятіемъ о семъ предметѣ обязаны мы французскимъ журналистамъ, которые обыкновенно относятъ къ романтизму все, что имъ кажется ознаменованнымъ печатью мечтательности и германскаго идеализма, или основаннымъ на предразсудкахъ и преданіяхъ простонародныхъ. Опредѣленіе самое неточное. Стихотвореніе можетъ являть всѣ эти признаки, а между тѣмъ принадлежать къ роду классическому. Къ сему роду должны относиться тѣ стихотворенія, коихъ формы извѣстны были грекамъ и римлянамъ, или коихъ образцы они намъ оставили. Если же вмѣсто формы стихотворенія будемъ брать за основаніе только духъ, въ которомъ оно написано, то никогда не выпутаемся изъ опредѣленій. Гимнъ Пиндара духомъ своимъ, конечно, отличается отъ оды Анакреона, сатира Ювенала отъ сатиры Горация, «Освобожденный Иерусалымъ» отъ «Энеиды» — всѣ они однако жъ принадлежать къ роду классическому. Какіе же роды стихотвореній должно отнести къ поэзіи романтической? Тѣ, которые не были извѣстны древнимъ, и тѣ, въ коихъ прежнія формы измѣнились или замѣнены другими.

7. ЗАМѢТКИ ПУШКИНА О СВОИХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ.

...Хотя я вообще довольно равнодушенъ къ успѣху или неудачѣ своихъ сочиненій, но признаюсь, неудача Бориса Годунова будетъ мнѣ чувствительна, а я въ ней почти увѣренъ. Какъ Монтанъ я могу сказать о моемъ сочиненіи: «c'est une oeuvre de bonne foi».

Писанная мною въ строгомъ уединеніи, вдали охлаждающаго свѣта, плодъ добросовѣстныхъ изученій, постояннаго труда, трагедія сія доставила мнѣ все, чѣмъ писателю насладиться дозволено: живое занятіе вдохновенію, внутреннее убѣжденіе, что мною употреблены были всѣ усилія, наконецъ одобреніе малаго числа избранныхъ.... Трагедія моя уже извѣстна почти всѣмъ тѣмъ, мнѣніемъ которыхъ дорожу. Одного недоставало въ числѣ моихъ слушателей: того, кому я обязанъ мыслию моей трагедіи, чей геній одушевилъ и поддержалъ меня, чье одобреніе представлялось воображенію моему сладкою наградой и единственно развлекало посреди уединеннаго труда.

Комедія о царѣ Борисѣ и о Гр. Отрепьевѣ писана въ 1825 году и долго не могъ я рѣшиться выдать ее въ свѣтъ. Изученіе Шекспира, Карамзина и старыхъ нашихъ лѣтописей дало мнѣ мысль оживить въ драматическихъ формахъ одну изъ самыхъ драматическихъ эпохъ новѣйшей исторіи. Шекспиру подражалъ я въ его вольномъ и широкомъ изображеніи характеровъ; Карамзину слѣдовалъ я въ свѣтломъ развитіи происшествій; въ лѣтописяхъ старался угадать образъ мыслей и языкъ тогдашняго времени. Источники богатые! Успѣлъ ли ими воспользоваться — не знаю. По крайней мѣрѣ труды мои были ревностны и добросовѣстны.

Характеръ Пимена не есть мое изобрѣтеніе. Въ немъ собралъ я черты, плѣнившія меня въ нашихъ старыхъ лѣтописяхъ; умиленная кротость, младенческое и вѣстѣ мудрое простодушіе, набожное усердіе къ власти царя, данной Богомъ, совершенное отсутствіе суетности, дышать въ сихъ драгоценныхъ памятникахъ временъ давно-минувшихъ, между коими озлобленная лѣтописъ кн. Курбскаго отличается отъ прочихъ лѣтописей, какъ бурная жизнь Іоаннова изгнанника отличалась отъ смиренной жизни безмятежныхъ иноковъ....

Мнѣ казалось, что сей характеръ вмѣстѣ новъ и знакомъ для русскаго сердца; что трогательное добродушіе древнихъ лѣтописцевъ, столь постигнутое Карамзиннымъ и отразившееся въ его безсмертномъ созданіи, украсить простоту моихъ стиховъ и заслужитъ снисходительную улыбку читателей.

1) Приступаю къ нѣкоторымъ частнымъ объясненіямъ. Стихъ, употребленный мною (пятостопный ямбъ), принятъ обыкновенно англичанами и нѣмцами. У насъ первый примѣръ оному находимъ

мы, кажется, въ Аргивянахъ. — А Жандръ въ отрывкѣ своей прекрасной трагедіи, писанной стихами вольными, преимущественно употребляетъ его. Я сохранилъ цезурку французскаго пентаметра на второй стопѣ и, кажется, въ томъ ошибся, лишивъ добровольно свой стихъ свойственнаго ему разнообразія.

2) Есть шутки грубыя, сцены простонародныя. Поэту не должно быть площаднымъ изъ доброй воли, если можетъ ихъ избѣжать; если жъ нѣтъ, то ему нѣтъ нужды стараться замѣнять ихъ чѣмъ нибудь инымъ.

3) Нашедъ въ исторіи — одного изъ предковъ моихъ, игравшаго важную роль въ сію несчастную эпоху, и вывелъ его на сцену, не думая о щекотливости приличія, son атоге, и проч.

Вѣроятно, трагедія моя не будетъ имѣть никакого успѣха. Журналы на меня озлоблены. Для публики я уже не имѣю главной привлекательности: молодости и новизны литературнаго имени. Къ тому же главныя сцены напечатаны, или искажены въ подражаніяхъ.

Руслана и Людмилу вообще приняли благосклонно. Кромѣ одной статьи въ Вѣстникѣ Европы, въ которой побранили весьма неосновательно, и весьма дѣльныхъ вопросовъ, изобличающихъ слабость созданія поэмы, кажется, не было объ ней сказано худаго слова. Никто не замѣтилъ даже, что она холодна. Обвиняли ее въ безнравственности за нѣкоторыя, слегка сладострастные описанія, за стихи, мною выпущенные во второмъ изданіи:

О страшный видъ! волшебникъ хилый
Ласкаетъ сморщенной рукой etc.,

за вступленіе, не помню, которой пѣсни:

Напрасно вы въ тѣни таились etc.,

и за пародію Двѣнадцати спящихъ дѣвъ. За послѣднее можно было меня пожуричь порядкомъ, какъ за недостатокъ эстетическаго чувства. Непростительно было (особенно въ мои лѣта) пародировать, въ угожденіе черни, дѣвственное поэтическое созданіе. Были прочіе упреки, довольно пустые. Есть ли въ Русланѣ хоть одно мѣсто, которое въ вольности шутокъ могло быть сравнено съ шалостями, хоть напримѣръ Аріоста, о которомъ помпунтно твердили мнѣ? Да и выпущенное мною мѣсто было очень смягченное подражаніе Аріосту.

Кавказскій плѣнникъ. Первый неудачный опытъ характера, съ которымъ я насилу сдѣлалъ; онъ былъ принятъ лучше всего, что я ни написалъ, благодаря нѣкоторымъ элегическимъ и описательнымъ стихамъ. Но за то Николай и Александръ Раевскіе и я, мы вдоволь надъ нимъ посмѣялись. «Недостатки этой повѣсти, поэмы или чего вамъ угодно — такъ ясны, что я долгу не могъ рѣшиться ее напечатать. Простота плана близко подходитъ къ бѣдности изобрѣтенія, описаніе нравовъ черкесскихъ не связано съ пропеществіемъ и есть не иное что, какъ географическая статья, или отчетъ путешественника. Характеръ главнаго лица (а всего-то ихъ двое) припченъ болѣе роману, нежели поэмѣ, да и что за характеръ? Кого займетъ изображеніе молодаго человѣка, потерявшаго чувствительность сердца въ какихъ-то несчастіяхъ, неизвѣстныхъ читателю? Его бездѣйствіе, его равнодушіе къ дикой жестокости горцевъ и къ прелестямъ кавказской дѣвы могутъ быть очень естественны, но что тутъ трогательнаго? Легко было бы оживить разсказъ происшествіями, которыя сами собою истекали бы изъ предметовъ. Черкесь, плѣннвшій моего русскаго, могъ быть любовникомъ его избавительницы; мать, отецъ и братья ея могли бы имѣть каждый свою роль, свой характеръ — всѣмъ этимъ я пренебрегъ: во первыхъ, отъ лѣни; во вторыхъ, что разумныя эти размышленія пришли мнѣ на умъ тогда, когда обѣ части поэмы были уже кончены, а съ-изнова начинать не имѣлъ я духа... Вы видите, что отеческая нѣжность не ослѣпляетъ меня на счетъ Кавказскаго Плѣнника, но признаюсь, люблю его, самъ не зная за что: въ немъ есть стихи моего сердца...»

Изъ письма къ Гнѣдичу, 1822 г.

Бахчисарайскій Фонтанъ слабѣ Плѣнника и, какъ онъ, отзывается чтеніемъ Байрона, отъ котораго я съ ума сходилъ. Сцена Заремы съ Маріей имѣетъ драматическое достоинство. Его, кажется, не критиковали. Ал. Раевскій хохоталъ надъ слѣдующими стихами:

Онъ часто въ сѣчахъ роковыхъ
Подъемлетъ саблю — и съ размаха
Недвижимъ остается вдругъ,
Глядитъ съ безуміемъ вокругъ,
Вздвигаетъ etc.

Молодые писатели вообще не умѣютъ изображать физическія движенія страстей. Ихъ герои всегда содрагаются, хохочутъ дико, скрежешутъ зубами и проч. Все это смѣшно, какъ мелодрама.

Не помню, кто замѣтилъ мнѣ, что невѣроятно, чтобы скованные вмѣстѣ разбойники могли переплыть рѣку. Все это происшествіе справедливо и случилось въ 1820 году, въ бытность мою въ Екатеринбургѣ.

Наши критики долго оставляли меня въ покоѣ. Это дѣлаетъ имъ честь: я былъ далеко, и въ обстоятельствахъ неблагопріятныхъ. По привычкѣ, полагали меня все еще очень молодымъ человекомъ. Первые непріязненные статьи, помнится, стали появляться по напечатаніи четвертой и пятой пѣсни Евгенія Онѣгина. Разборъ сихъ главъ, напечатанный въ Атенѣ, удивилъ меня хорошимъ тономъ, хорошимъ слогомъ и странностію приязнокъ. Самые обыкновенныя риторическія фигуры и тропи оставляли критика, напримѣръ: «можно ли сказать: стаканъ шипитъ, вмѣсто вино шипитъ въ стаканѣ? Каминъ дымитъ, вмѣсто паръ идетъ изъ камина? Не слишкомъ ли смѣло ревнивое подозрѣніе? невѣрный ледъ? Какъ думаете, что бы такое значило?

Мальчишки

Коньками звучно рѣжутъ ледъ?»

Критикъ догадывается, однако жъ, что это значить: мальчишки бѣгаютъ по льду на конькахъ.

Вмѣсто:

На красныхъ лапкахъ гусь тяжелый

(Задумавъ плыть по лону водъ)

Ступаетъ бережно на ледъ...

критикъ читалъ:

На красныхъ лапкахъ гусь тяжелый

Задумалъ плыть....

и справедливо замѣчалъ, что недалеко уплывешь на красныхъ лапкахъ.

Г-нъ Б. Федоровъ, въ журналѣ, который началъ было издавать, разбирая довольно благосклонно IV и V главы Онѣгина, замѣтилъ однако жъ мнѣ, что въ описаніи осени нѣсколько стиховъ сряду начинаются у меня частицею ужъ, что и называлъ ужами, и что въ риторикѣ зовется единоначатіемъ. Осудилъ онъ

также слово корова, и выговорилъ мнѣ за то, что я барышенъ благородныхъ и, вѣроятно, чиновныхъ, назвалъ дѣвчонками (что, конечно, неучтиво), между тѣмъ какъ простую деревенскую дѣвку назвалъ дѣвою:

Въ избушкѣ, расцѣвая, дѣва прядеть.

Стихъ: Два вѣка ссорить не хочу, критику показался неправильнымъ. Что гласить грамматика? Что дѣйствительный глаголъ съ отрицательною частицею требуетъ не винительнаго, а родительнаго падежа; напримѣръ: я не нишу стиховъ. Но въ моемъ стихѣ частица «не» относится къ глаголу «хочу», а не къ «ссорить». Ergo правило сюда нейдетъ. Возьмемъ, напримѣръ, слѣдующее предложеніе: я не могу вамъ позволить начать писать стихи, а ужъ конечно, не стиховъ. Неужто электрическая сила отрицательной частицы должна пройти сквозь всю эту цѣпь глаголовъ и отозваться въ существительномъ? Не думаю.

Нѣкоторыя стихотворческія вольности: послѣ отрицательной частицы «не» — винительный, а не родительный падежъ: времяя, вмѣсто временъ (какъ, напримѣръ, у Батюшкова:

То древию Русь и нравы
Владимира времяя....).

приводили критика моего въ великое недоумѣніе; но болѣе всего раздражалъ его стихъ:

Людскую молвь и конскій топъ.

«Такъ ли пзясняемса мы, учившіеся по стариннымъ грамматикамъ? можно ли такъ коверкать русскій языкъ?» Надъ этимъ стихомъ жестоко потомъ посмѣялись и въ Вѣстникѣ Европы. Молвь (рѣчь) слово коренное русское. Топъ вмѣсто топотъ (слѣдственно, и хлопъ вмѣсто хлопаніе), вовсе не противно духу русскаго языка, какъ и шипъ вмѣсто шипѣніе:

Онъ шипъ пустиль по змѣиному.

(Древн. Русскія стихотворенія).

На ту бѣду и стихъ-то весь не мой, а взятъ цѣликомъ изъ русской сказки:

«И вышелъ онъ за ворота градскія, и услышалъ конскій топъ и людскую молвь».

Бова Королевичъ.

Изученіе старинныхъ пѣсенъ, сказокъ и т. п. необходимо для совершеннаго знанія свойствъ русскаго языка; критики наши напрасно ими презираютъ.

Критику VII пѣсни въ Сѣверной Пчелѣ пробѣжалъ я въ гостяхъ и въ такую минуту, когда было мнѣ не до Онѣгина.... Я замѣтилъ только очень хорошо написанные стихи и довольно смѣшную шутку объ жукѣ. У меня сказано:

Былъ вечеръ. Небо мрачно. Воды
Струились тихо. Жукъ жужжалъ.

Критикъ радовался появленію сего новаго лица и ожидалъ отъ него характера, лучше выдержаннаго прочихъ. Кажется, впрочемъ, ни одного дѣльнаго замѣчанія или мысли критической не было. Другихъ критиковъ я не читалъ, ибо, право, мнѣ было не до нихъ.

Пропущенныя строфы подавали неоднократно поводъ къ порицанію. Что есть строфы въ Онѣгинѣ, которыя я не могъ, или не хотѣлъ напечатать — этому дивиться нечего. Но, будучи выпущены, онѣ прерываютъ связь разсказа и поэтому означается мѣсто, гдѣ быть имъ надлежало. Лучше было бы замѣнять эти строфы другими, или переплавлять и сплавливать мною сохраненныя; но виновать, на это я слишкомъ лѣнивъ. Смирненно сознаюсь также, что въ Донъ-Жуанѣ есть двѣ выпущенныя строфы.

При появленіи VII пѣсни Онѣгина, журналы вообще отозвались объ ней весьма неблагоклонно. Я бы охотно имъ повѣрилъ, если бы ихъ приговоръ не слишкомъ ужъ противорѣчилъ тому, что говорили они о прежнихъ главахъ моего романа. Послѣ неумѣренныхъ и незаслуженныхъ похвалъ, коими осыпали шесть частей одного и того же сочиненія, странно было мнѣ читать неумѣренную брань и личности, которыми, такъ называемые, судіи наши встрѣтили седьмую.

Въ одномъ изъ нашихъ журналовъ сказано было, что VII глава не могла имѣть никакого успѣха, ибо нашъ вѣкъ и Россія идутъ впередъ, а стихотворецъ остается на прежнемъ мѣстѣ. Рѣшеніе несправедливое (т. е. въ его заключеніи). Вѣкъ можетъ идти себѣ впередъ, и науки, философія и гражданственность могутъ усовершенствоваться и измѣняться, но поэзія остается на одномъ мѣстѣ: цѣль ея одна, средства тѣ же. Поэтическое произведеніе можетъ

быть слабо, неудачно, ошибочно — виновато ужъ вѣрно дарованіе стихотворца, а не вѣкъ, ушедшій отъ него впередъ.

Пропзведенія великихъ поэтовъ остаются свѣжи и вѣчно юны — и между тѣмъ, какъ великіе представители старинной астрономіи, фзики, медицины и философій одинъ за другимъ старѣютъ и одинъ другому уступаютъ мѣсто, одна поэзія остается на своемъ неподвижно и никогда не теряетъ своей младости.

Habent sua fata libelli. Полтава не имѣла успѣха. Вѣроятно, она и не стоила его, но я былъ избалованъ пріемомъ, оказаннымъ моимъ прежнимъ, гораздо слабѣйшимъ пропзведеніямъ; къ тому жъ это сочиненіе совсѣмъ оригинальное, а мы изъ того и бьемся.

Наши критики взялись объяснить мнѣ причину моей неудачи и вотъ какимъ образомъ. Они, во первыхъ, объявили мнѣ, что отъ роду никто не видывалъ, чтобъ женщина влюбилась въ старика, и что, слѣдственно, любовь Маріи къ старому гегману, *NB.* исторически доказанная, не могла существовать.

«Ну, что жъ, что ты Честонъ? хоть знаю, да не вѣрю».

Я не могъ довольствоваться этимъ объясненіемъ: любовь есть самая своенравная страсть. Не говорю уже о безобразіи и глупости, ежедневно предпочитаемыхъ молодости, уму и красотѣ. Вспомните преданія мѣологическія, превращенія Овидіевы, Леду, Филлиру, Пазифаю, Олимпію, Пигмаліона — и признайтесь, что все сіи вымыслы не чужды поэзіи (или, справедливѣе, ей принадлежать). А Отелло, старый негръ, плѣнвшій Дездемону разсказами о своихъ странствіяхъ и битвахъ?... А Мирра, внушившая италіянскому поэту одну изъ лучшихъ его трагедій?... Марія (или Матрена) увлечена была, говорили мнѣ, тщеславіемъ, а не любовью: — велика честь для дочери генеральнаго судіи быть наложницею гегмана! — Далѣе говорили мнѣ, что мой Мазепа злой и глупый старичишка (старпчишка, вмѣсто старикъ — ради затѣливости). Что изобразилъ я Мазепу злымъ, въ томъ я каюсь. Добрымъ я его не нахожу; особлпно въ ту минуту, когда онъ хлопочетъ о казни отца дѣвушки, пмъ обольщенной. Глупость же челоуѣка оказывается или изъ его дѣйствій, или изъ его словъ. Мазепа дѣйствуетъ въ моей поэмѣ точъ въ точъ, какъ и въ исторіи, а рѣчи его объясняютъ его историческій характеръ. (Не довольно, если критикъ и рѣшить, что такое-то лицо въ поэмѣ

глупо: не худо, если онъ чѣмъ нибудь это и докажетъ). Замѣтили мы, что Мазепа слишкомъ у меня злопамятенъ; что малороссійскій гетманъ не студентъ и за пощечину или за дерганіе усовъ мстить не захочетъ. Опять исторія, опроверженная литературною критикой, опять: хоть знаю, да не вѣрю.

Мазепа, воспитанный въ Европѣ въ то время, какъ понятія о дворянской чести были на высшей степени силы, Мазепа могъ помнить долго обиду московскаго царя и отомстить ему при случаѣ. Въ этой чертѣ весь его характеръ, скрытый, жестокий, постоянный. Дернуть ляха или казака за усы, все равно было, что схватить россиянина за бороду. Хмѣльницкій за всѣ обиды, претерпѣнныя имъ, помнится, отъ Чаплицкаго (Чернецкаго), получилъ въ возмездіе, по приговору Рѣчи Посполитой, остриженный усъ своего непріятеля (см. Лѣтоп. Конисскаго).

Старый гетманъ, предвидя неудачу, наединѣ съ наперсникомъ, бранить въ моей поэмѣ молодого Карла и называетъ его, помнится, мальчишкой и сумасбродомъ. Критики важно укоряли меня въ неосновательномъ мнѣніи о шведскомъ королѣ. У меня сказано гдѣ-то, что Мазепа ни къ кому не былъ привязанъ; критики ссылались на собственные слова гетмана, увѣряющаго Марію, что онъ любитъ ее «больше славы, больше власти». Какъ отвѣчать на таковыя критики?

(Такъ понимали они драматическое искусство! — Потомъ слѣдовала критика мелочная, критика буквъ, отъ которой пора бы намъ отвыкнуть).

Слова: усы, визжать, вставай, разсвѣтаетъ, ого, пора, показались критикамъ низкими, бурлацкими выраженіями. Какъ быть! Никогда не пожертвую краткостію выраженія провинціальной чопорности, изъ боязни казаться простонароднымъ, славянофиломъ и т. п..

Въ Вѣстникѣ Европы замѣтили, что заглавіе поэмы ошибочно, и что, вѣроятно, не назвалъ я ее Мазепой, чтобъ не напомнить о Байронѣ. Справедливо — но была тутъ и другая причина: эпитафья. Такъ и Бахчисарайскій Фонтанъ въ рукописи названъ былъ Харемомъ: но меланхолическій эпитафья, который конечно лучше всей поэмы, соблазнилъ меня.

Кстати о Полтавѣ, критики упомянули однако жъ о Байроновомъ Мазепѣ. Но какъ они понимали его (или, справедливѣе, какъ не

понимали!) Байронъ зналъ Мазепу только по Вольтеровой исторіи Карла XII. Онъ пораженъ былъ только картиной человѣка, привязаннаго къ дикой лошади и несущагося по степямъ. Картина, конечно, поэтическая, и за то посмотрите, что онъ изъ нея сдѣлалъ! Но не ищите тутъ ни Мазепы, ни Карла, ни сего мрачнаго, ненавистнаго мучительнаго лица, которое проявляется во всѣхъ почти произведеніяхъ Байрона, но котораго на бѣду одному изъ моихъ критиковъ, какъ нарочно, въ Мазепѣ именно и нѣтъ. Байронъ и не думалъ о немъ: онъ выставилъ рядъ картинъ, одна другой разительнѣе — вотъ и все; но какое пламенное созданіе, какая широкая, быстрая кисть! Если жъ бы ему подъ перо его попалась исторія обольщенной дочери и казненнаго отца, то, вѣроятно, никто бы не осмѣлился послѣ него коснуться сего ужаснаго предмета.

Прочитавъ въ первый разъ стихи:

Жену страдальца Кочубея
И обольщенную имъ дочь..*)

я изумился, какъ могъ поэтъ пройти мимо столь страшнаго обстоятельства. Обременять вымышленными ужасами историческіе характеры — и немудрено, и невеликодушно. Клевета и въ поэмахъ всегда казалась мнѣ непохвальною. Но въ описаніи Мазепы пропустить столь разительную черту было непростительно. Однако жъ какой отвратительный предметъ! Ни одного добраго, благосклоннаго чувства! Ни одной утѣшительной черты! Соблазнъ, вражда, измѣна, лукавство, малодушіе, свирѣпость.... Сильные характеры и глубокая трагическая тѣнь, набросанная на всѣ эти ужасы — вотъ что увлекло меня. Полтаву написалъ я въ нѣсколько дней, долѣе не могъ бы ею заниматься и бросилъ бы все.

8. ЛАФОНТЕНЪ И КРЫЛОВЪ.

Конечно, ни одинъ французъ не осмѣлится кого бы то ни было поставить выше Лафонтена, но мы, кажется, можемъ предпочитать ему Крылова. Оба они вѣчно останутся любимцами своихъ единоземцевъ. Нѣкто справедливо замѣтилъ, что простодушіе (*naiveté, bonhomie*) есть врожденное свойство французскаго

*) Въ «Войпаровскомъ» Рыльева.

народа; напротивъ того, отличительная черта въ нашихъ нравахъ есть какое-то веселое лукавство ума, насмѣшливость и живописный способъ выражаться: Лафонтенъ и Крыловъ представители духа обоихъ народовъ.

9. О НАРОДНОСТИ ВЪ ЛИТЕРАТУРѢ.

Съ нѣкотораго времени у насъ вошло въ обыкновеніе говорить о народности, жаловаться на отсутствіе народности; но никто не думалъ опредѣлить, что разумѣть онъ подъ словомъ народность.

Одинъ изъ нашихъ критиковъ, кажется, полагаетъ, что народность состоитъ въ выборѣ предметовъ изъ отечественной исторіи. Другіе видятъ народность въ словахъ, оборотахъ, выраженіяхъ, т. е. радуются тому, что, изъясняясь по-русски, употребляютъ русскія выраженія.

Народность въ писателѣ есть достоинство, которое вполне можетъ быть оцѣнено одними соотечественниками: для другихъ оно или не существуетъ, или даже можетъ показаться порокомъ. Ученый нѣмецъ негодуетъ на учтивость героевъ Расина; французъ смѣется, видя въ Кальдеронѣ — Коріона, вызывающаго на дуэль своего противника и проч. Все это однако жъ носитъ печать народности. Есть образъ мыслей и чувствованій, есть тѣмъ бычаевъ, повѣрій и привычекъ, принадлежащихъ исключительно какому нибудь народу. Климатъ, образъ жизни, вѣра даютъ каждому народу особенную фізіономію, которая болѣе или менѣе отражается и въ поэзіи.

10. ОБЪ ИСТОРИИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ ПО ПОВОДУ ПРЕДИСЛОВІЯ ЛЕМОНТЕ КЪ ПЕРЕВОДУ БАСЕНЪ КРЫЛОВА.

Бросивъ бѣглый взглядъ на исторію нашей словесности, авторъ говоритъ нѣсколько словъ о нашемъ языкѣ, признаетъ его первобытнымъ, не сомнѣвается въ томъ, что онъ способенъ къ усовершенствованію и, ссылаясь на увѣренія русскихъ, предполагаетъ, что онъ богатъ, сладкозвученъ и обилень разнообразными оборотами.

Мѣнія сіи не трудно было оправдать. Какъ матеріаль словесности, языкъ славяно-русскій имѣетъ неоспоримое превосходство предъ всѣми европейскими: судьба его была чрезвычайно счастлива. Въ XI вѣкѣ древній греческій языкъ вдругъ открылъ ему свой лексиконъ, сокровищницу гармоніи, даровалъ ему законы обдуманной своей грамматики, свои прекрасные обороты, величественное теченіе рѣчи; словомъ, усыновилъ его, избавя такимъ образомъ отъ медленныхъ усовершенствованій времени. Самъ по себѣ уже звучный и выразительный, отсель заимлетъ онъ гибкость и правильность. Простонародное нарѣчіе необходимо должно было отдѣлиться отъ книжнаго; но впоследствии они сблизились и такъова стѣхія, данная намъ для сообщенія нашихъ мыслей.

Г. Лемонте напрасно думаетъ, что владычество татаръ оставило ржавчину на русскомъ языкѣ. Чуждый языкъ распространяется не саблею и пожарами, но собственнымъ обиліемъ и превосходствомъ. Какія же новыя понятія, требовавшія новыхъ словъ, могло принести намъ кочующее племя варваровъ, не имѣвшихъ ни словесности, ни торговли, ни законодательства? Ихъ нашествіе не оставило никакихъ слѣдовъ въ языкѣ образованныхъ китайцевъ, и предки наши, въ теченіе двухъ вѣковъ стоявъ подъ татарскимъ игомъ, на языкѣ родномъ молились русскому Богу, проклинали грозныхъ властителей и передавали другъ другу свои сѣтованія. Таковой же примѣръ видѣли мы въ новѣйшей Греціи. Какое дѣйствіе имѣетъ на поработенный народъ сохраненіе его языка? Разсмотрѣніе сего вопроса завлекло бы насъ слишкомъ далеко. Какъ бы то ни было, едва ли полсотни татарскихъ словъ перешло въ русскій языкъ. Войны литовскія не имѣли также вліянія на судьбу нашего языка; онъ одинъ оставался неприкосновенною собственностію несчастнаго нашего отечества.

Въ царствованіе Петра I началъ онъ примѣтно искажаться отъ необходимаго введенія голландскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ словъ. Сія мода распространяла свое вліяніе и на писателей, въ то время покровительствуемыхъ государями и вельможами; къ счастью, явился Ломоносовъ.

11. РОССИЯ И ЕВРОПА.

Долго Россія оставалась чуждою Европѣ. Великая эпоха возрожденія не имѣла на нее никакого вліянія, рыцарство не одушевило чистыми восторгами, и благодѣтельное потрясеніе, произведенное крестовыми походами, не отозвалось въ нравахъ. Но Россіи опредѣлено было высокое предназначеніе.... Ея необозримыя равнины поглотили сплу монголовъ и остановили ихъ нашествіе на самомъ краю Европы. Варвары, не осмѣлясь оставить у себя въ тылу порабощенную Русь, возвратились на степи своего востока. Образующееся просвѣщеніе было спасено растерзанной и издыхающей Россіей, а не Польшей, какъ еще недавно утверждали европейскіе журналы: но Европа, въ отношеніи Россіи, всегда была столь же невѣжественна, какъ и неблагодарна. Духовенство, пощаженное удивительною смѣтливостію татаръ, одно, въ теченіе двухъ мрачныхъ столѣтій, питало искру образованности. Въ безмолвіи монастырей иноки вели свою непрерывную лѣтопись; архіереи въ посланіяхъ своихъ бесѣдовали съ князьями и боярами, утѣшая сердца въ тяжкія времена искушеній и безнадёжности. Татары не походили на мавровъ. Они, завоевавъ Россію, не подарили ей ни алгебры, ни Аристотеля; нѣсколько сказокъ и пѣсень, безпрестанно подновляемыхъ изустнымъ преданіемъ, сохранили драгоценныя, полупызлаженные черты народности, и Слово о Полку Игоревѣ возвышается уединеннымъ памятникомъ въ пустынь нашей словесности.

12. ШАЙЛОКЪ, АНДЖЕЛО И ФАЛЬСТАФЪ, ШЕКСПИРА.

Лица, созданныя Шекспиромъ, не суть, какъ у Мольера, типы такой-то страсти, такого-то порока, но существа живыя, исполненныя многихъ страстей, многихъ пороковъ; обстоятельства развиваютъ передъ зрителемъ ихъ разнообразныя, многосложныя характеры. У Мольера скупой скупъ — п только; у Шекспира Шайлокъ скупъ, смѣтливъ, мстителенъ, чадолюбивъ, остроуменъ. У Мольера лицемѣръ волочится за женою своего благодѣтеля, лицемѣря; принимаетъ имѣніе подъ храненіе, лицемѣря; спрашиваетъ стаканъ воды, лицемѣря. У Шекспира лицемѣръ произноситъ судьбный приговоръ съ тщеславною строгостію, но справедливо; онъ

оправдываетъ свою жестокость глубокомысленнымъ сужденіемъ государственнаго человѣка; онъ обольщаетъ невинность сильными, увлекательными софизмами, не смѣшною смѣсю набожности и волокитства. А н д ж е л о лицемѣръ, потому что его гласныя дѣйствія противорѣчатъ тайнымъ страстямъ. А какая глубина въ этомъ характерѣ!

Но нпгдѣ, можетъ быть, многосторонній гевій Шекспира не отразился съ такимъ многообразіемъ, какъ въ Фальстафѣ, коего пороки, одинъ съ другимъ связанные, составляютъ забавную, уродливую цѣпь, подобную древней вакханалии. Разбирая характеръ Фальстафа, мы видимъ, что главная черта его есть сластолюбіе. Смолоду, вѣроятно, грубое дешевое волокитство было первою для него заботою, но ему уже за пятьдесятъ. Онъ растолстѣлъ, одряхъ; обжорство и вино взяли верхъ надъ Венерою. Во-вторыхъ, онъ трусъ; но, проведя свою жизнь съ молодыми повѣсами, поминутно подверженный ихъ насмѣшкамъ и проказамъ, онъ прикрываетъ свою трусость дерзостью уклончивой и насмѣшливой: онъ хвастливъ по привычкѣ и по расчету. Фальстафъ совсѣмъ не глупъ; напротивъ, онъ имѣетъ и нѣкоторыя привычки человѣка, нерѣдко выдаващаго хорошее общество. Правилъ нѣтъ у него никакихъ. Онъ слабъ какъ баба. Ему нужно крѣпкое испанское вино (the sack), жирный обѣдъ и деньги для своихъ любовницъ; чтобъ достать ихъ, онъ готовъ на все, только бѣ не на явную опасность.

13. О СТАТЬЯХЪ КН. ВЯЗЕМСКАГО.

Нѣкоторые журналы, обвиненные въ неприличности ихъ полемики, указали на кн. Вяземскаго, какъ на зачинщика брани, господствующей въ нашей литературѣ. Указаніе не искреннее. Критическія статьи кн. Вяземскаго носятъ на себѣ отпечатокъ ума тонкаго, наблюдательнаго, оригинальнаго. Часто не соглашаешься съ его мыслями, но онъ заставляетъ мыслить. Даже тамъ, гдѣ его мнѣнія явно противорѣчатъ нами принятымъ понятіямъ, онъ невольно увлекаетъ необыкновенною силою разсужденія (discussion) и ловкостію самаго софизма. Эпиграмматическіе же разборы его могутъ казаться обидными самолюбію авторскому, но кн. Вяземскій можетъ смѣло сказать, что личность его противниковъ никогда не была имъ оскорблена; они же всегда преступаютъ черту литера-

турныхъ преній, и поминутно, думая напасть на писателя, вызываютъ на себя негодованіе члена общества и даже гражданина. Но должно ли на нихъ негодовать? Не думаемъ. Въ нихъ болѣе извинительнаго незнанія приличій, чѣмъ предосудительнаго намѣренія. Чувство приличія зависитъ отъ воспитанія и другихъ обстоятельствъ. Люди свѣтскіе имѣютъ свой образъ мыслей, свои предразсудки, непонятны для другой касты. Какимъ образомъ растолкуете вы мирному алеуту поединокъ двухъ французскихъ офицеровъ? Щекотливость ихъ покажется ему чрезвычайно странною, и онъ чуть ли не будетъ правъ.

14. О ГРИБОѢДОВѢ.

1.

Я познакомился съ Грибоѣдовымъ въ 1817 году. Его меланхолическій характеръ, его озлобленный умъ, его добродушіе, самыя слабости и пороки, неизбѣжные спутники челоѣчества, все въ немъ было необыкновенно пріятельно. Рожденный съ честолюбіемъ, равнымъ его дарованіямъ, долго былъ онъ опутанъ сѣтями мелочныхъ нуждъ и неизвѣстности. Способности челоѣка государственнаго оставались безъ употребленія; талантъ поэта былъ не признанъ; даже его холодная и блестящая храбрость оставалась нѣкоторое время въ подозрѣніи. Нѣсколько друзей знали ему цѣну и видѣли улыбку недовѣрчивости, эту глупую, несносную улыбку, когда случалось имъ говорить о немъ, какъ о челоѣкѣ необыкновенномъ. Люди вѣрятъ только славѣ и не понимаютъ, что между ними можетъ находиться какой нибудь Наполеонъ, не предводительствовавшій ни одною егерскою ротою, или другой Декартъ, не напечатавшій ни одной строчки въ «Московскомъ Телеграфѣ». Впрочемъ, уваженіе наше къ славѣ происходитъ, можетъ быть, отъ самолюбія: въ составъ славы входитъ и нашъ голосъ.

Жизнь Грибоѣдова была затемнена нѣкоторыми облаками: слѣдствіе пылкихъ страстей и могучихъ обстоятельствъ. Онъ почувствовалъ необходимость расчесться еднѣжды навсегда съ своею молодостію и круто поворотить свою жизнь. Онъ простился съ Петербургомъ и съ праздною разсѣянностію уѣхалъ въ Грузію, гдѣ пробылъ восемь лѣтъ въ уединенныхъ, неусыпныхъ занятіяхъ. Возвращеніе его въ Москву, въ 1824 году, было переворотомъ въ его судьбѣ и началомъ непрерывныхъ успѣховъ. Его рукописная ко-

медіа «Горе отъ Ума» произвела написанное дѣйствіе и вдругъ поставила его на ряду съ первыми нашими поэтами. Черезъ нѣсколько времени потомъ совершенное знаніе того края, гдѣ началась война, открыло ему новое поприще; онъ назначенъ былъ посланникомъ. Приѣхавъ въ Грузію, женился онъ на той, которую любилъ.... Не знаю ничего завиднѣе послѣднихъ годовъ бурной его жизни. Самая смерть, постигшая его посреди смѣлаго, неровнаго боя, не имѣла для Грибоѣдова ничего ужаснаго, ничего томительнаго. Она была мгновенна и прекрасна.

Какъ жаль, что Грибоѣдовъ не оставилъ своихъ записокъ! Написать его біографію было бы дѣломъ его друзей; но замѣчательные люди исчезаютъ у насъ, не оставляя по себѣ слѣдовъ. Мы лѣнны и нелюбопытны...

2.

Слушалъ Чацкаго, но только одинъ разъ и не съ тѣмъ вниманіемъ, коего онъ достоинъ. Вотъ что мелькомъ успѣлъ я замѣтить. Драматическаго писателя должно судить по законамъ, имъ самимъ надъ собой признаннымъ. — Слѣдственно, не осуждаю ни плана, ни завязки, ни приличій комедіи Грибоѣдова. Цѣль его—характеры и рѣзкая картина нравовъ. Въ этомъ отношеніи Фамусовъ и Скалозубъ превосходны. Софья начертана не ясно: не то б..., не то московская кузина. Молчалинъ не довольно рѣзко подлѣ; не нужно ли было сдѣлать изъ него п труса? Старая пружина—но штатскій трусъ въ большомъ свѣтѣ между Чацкимъ и Скалозубомъ могъ быть очень забавенъ. *Les propos du bal*, сплетни, разговоръ Репетилова о клубѣ, Загорѣцкій, всѣмиотъявленный и вездѣ принятый—вотъ черты истинно-комическаго генія. — Теперь вопросъ: въ комедіи Горе отъ ума кто умное дѣйствующее лицо? Отвѣтъ: Грибоѣдовъ. А знаешь ли, что такое Чацкій? Пылкій, благородный и добрый малый, проведеншій нѣсколько времени съ очень умнымъ человѣкомъ (именно съ Грибоѣдовымъ) и напитавшійся его мыслями, остротами и сатирическими замѣчаніями. Все, что говоритъ онъ, очень умно. Но кому говоритъ онъ все это? Фамусову? Скалозубу? На балѣ московскимъ бабушкамъ? Молчалину? — Это непростительно. — Первый признакъ умнаго человѣка съ перваго взгляда знать, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и не метать бисера передъ Репетиловымъ и тому под. Кстаті, что такое Репетиловъ? Въ немъ два, три, десять характеровъ. — Зачѣмъ дѣлать его

гадкимъ? Довольно того, что онъ вѣтренъ и глупъ съ такимъ просто-душіемъ; довольно, чтобъ онъ признавался поминутно въ своей глупости, а не въ мерзостяхъ. Это смущеніе чрезвычайно ново на театрѣ, хоть кому изъ насъ не случилось конфузиться, слушая ему подобныхъ кающихся. Между мастерскими чертами этой прелестной комедіи недовѣрчивость Чацкаго въ любви Софьи къ Молчалину — прелестна — и какъ натуральна! Вотъ на чемъ должна была вертѣться вся комедія; но Грибоѣдовъ, видно, не захотѣлъ — его вода.

О стихахъ я не говорю — половина должна войти въ пословицу. Покажи это Грибоѣдову, можетъ быть, я въ иномъ ошибся. — Слушая его комедію, я не критиковалъ, а наслаждался. Эти замѣчанія пришли мнѣ въ голову послѣ, когда уже не могъ я справиться. — По крайней мѣрѣ говорю прямо, безъ обпняковъ, какъ истинному таланту.

Изъ письма къ Бестужеву въ 1825 г.

15. БАРАТЫНСКІЙ.

Пора занять Баратынскому на русскомъ Парнасѣ мѣсто, давно ему принадлежащее. Наши поэты не могутъ жаловаться на излишнюю строгость критиковъ и публики; напротивъ: едва замѣтимъ въ молодомъ писателѣ навыкъ къ стихосложенію, знаніе языка и средствъ онаго, уже тотчасъ спѣшимъ привѣтствовать его титуломъ генія за сладкіе стихи и нѣжно благодаримъ его въ журналахъ отъ имени человечества; невѣрный переводъ, блѣдное подражаніе сравниваемъ безъ церемоніи съ безсмертными произведеніями Гёте и Байрона: добродушіе смѣшное, но безвредное! Истинный талантъ довѣряетъ болѣе собственному сужденію, основанному на любви къ искусству, нежели малообдуманному рѣшенію записныхъ аристарховъ. Зачѣмъ лишать златую посредственность невинныхъ удовольствій, доставляемыхъ журнальнымъ торжествомъ?

Изъ нашихъ поэтовъ Баратынскій всѣхъ менѣе пользуется обычной благосклонностію журналовъ — оттого ли, что вѣрность ума, чувства, точность выраженія, вкусъ, ясность и стройность менѣе дѣйствуютъ на толпу, нежели преувеличеніе (*exagération*) модной поэзіи, или потому, что нашъ поэтъ нѣкоторыми эпиграммами заслужилъ негодованіе братіи, не всегда смирненной. Какъ бы то ни было, критики изъясляли въ отношеніи къ нему или недобросовѣстное равнодушіе, или даже непріятное расположеніе. Не упоминая

уже объ извѣстныхъ шуткахъ покойнаго «Благонамѣреннаго», извѣстнаго весельчака, замѣтимъ, что появленіе «Эды», произведенія столь замѣчательнаго оригинальной своей простотою, прелестью разсказа, живостью красокъ и очеркомъ характеровъ, слегка, но мастерски означенныхъ, появленіе «Эды» подало только поводъ къ неприличной статейкѣ въ «Сѣверной Пчелѣ» и слабому возраженію на нее въ «Московскомъ Телеграфѣ».

Какъ отзывался «Московскій Вѣстникъ» о собраніи стихотвореній нашего перваго элегическаго поэта? (Упоминаю обо всемъ этомъ для назиданія молодыхъ писателей). Между тѣмъ, Баратынскій спокойно совершенствовался. Послѣднія его произведенія являются плодами зрѣлаго таланта. Послѣдняя поэма «Балъ» (напечатанная въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ) подтверждаетъ наше мнѣніе. Сіе блестящее произведеніе исполнено оригинальныхъ красотъ и прелести необыкновенной. Поэтъ съ удивительнымъ искусствомъ соединилъ въ своемъ разсказѣ тонъ шутливый и страстный, метафизику и поэзію (два лица являются передъ нами; одно исключительно занимаетъ интересъ). Характеръ героини совершенно новый, развитый сои ашюге, широко и съ удивительнымъ искусствомъ; для него поэтъ нашъ создалъ совершенно новый языкъ и выразилъ на немъ всѣ оттѣнки своей метафизики, для него расточилъ онъ всю элегическую нѣгу, всю прелесть своей поэзіи.

Напрасно поэтъ беретъ иногда строгій тонъ укоризны, напрасно онъ съ принужденной холодною говорить о смерти Нины, сатирически описываетъ намъ ея похороны и шуткою кончаетъ поэму свою: мы чувствуемъ, что онъ любитъ свою бѣдную, страстную героиню; онъ заставляетъ и насъ принимать болѣзненное соучастіе въ судьбѣ падшаго, но еще очаровательнаго созданія.

Арсеній есть тотъ самый, кого должна была полюбить бѣдная Нина. Онъ сильно овладѣлъ ея воображеніемъ, и — нпкогда вполне не удовлетворяя ни ея страсти, ни любопытству — долженъ былъ до конца сохранить надъ нею роковое свое вліяніе (ascendant).

Баратынскій принадлежитъ къ числу отличныхъ нашихъ поэтовъ. Онъ у насъ оригиналенъ — ибо мыслить. Онъ былъ бы оригиналенъ и вездѣ, ибо мыслить посвоему, правильно и независимо, между тѣмъ какъ чувствуетъ сильно и глубоко. Гармонія его стиховъ, свѣжесть слога, живость и точность выраженія должны по-

разить всякаго, хотя нѣсколько одареннаго вкусомъ, чувствомъ. Кромѣ прелестныхъ элегій и мелкихъ стихотвореній, знаемыхъ всѣми наизусть и столь неудачно подражаемыхъ, Баратынскій написалъ двѣ повѣсти, которыя въ Европѣ доставили бы ему славу, а у насъ были замѣчены одними знатоками. Первые, юношескія произведенія Баратынскаго были нѣкогда приняты съ восторгомъ; послѣднія, болѣе зрѣлыя, болѣе близкія къ совершенству, въ публикѣ имѣли малый успѣхъ. Постараемся объяснить тому причины. Первою должно почестъ самое сіе совершенствованіе, самую зрѣлость его произведеній. Понятія, чувства 18-ти-лѣтняго поэта еще близки и сродны всякому; молодые читатели понимаютъ его, и съ восхищеніемъ въ его произведеніяхъ узнаютъ собственныя чувства и мысли, выраженные ясно, живо и гармонически. Но лѣта идутъ — юный поэтъ мужаеть, талантъ его растетъ, понятія становятся выше, чувства измѣняются — пѣсни его уже не тѣ, а читатели все тѣ же, и развѣ только сдѣлались холоднѣе сердцемъ и равнодушнѣе къ поэзіи жизни. Поэтъ отдѣляется отъ нихъ и мало по малу уединяется совершенно. Онъ творитъ для самого себя, и если изрѣдка еще обнародываетъ свои произведенія, то встрѣчаетъ холодность, невниманіе и находитъ отголосокъ своимъ звукамъ только въ сердцахъ нѣкоторыхъ поклонниковъ поэзіи, какъ онъ, уединенныхъ въ свѣтѣ. Вторая причина есть отсутствіе критики и общаго мнѣнія. У насъ литература не есть потребности народная. Писатели получаютъ извѣстность посторонними обстоятельствами, публика мало ими занимается; классъ писателей ограниченъ, и имъ управляютъ журналы, которые судятъ о литературѣ какъ о политической экономіи, о политической экономіи какъ о музыкѣ, т. е. наобумъ, по наслышкѣ, безъ всякихъ основательныхъ правилъ и свѣдѣній, а большею частію по личнымъ расчетамъ. Будучи предметомъ ихъ неблагоклонности, Баратынскій нѣкогда за себя не вступался, не отвѣчалъ ни на одну журнальную статью. Правда, что довольно трудно оправдываться тамъ, гдѣ не было обвиненія, и что съ другой стороны довольно легко презирать ребяческую злость, и площадныя насмѣшки — тѣмъ не менѣе ихъ приговоры имѣютъ рѣшительное вліяніе.

Третья причина — эпиграммы Баратынскаго; сіи мастерскія, образцовыя эпиграммы не щадили правителей русскаго Парнаса. Поэтъ нашъ никогда не находилъ ума въ полемикѣ и не любилъ

состязаться съ нашими арпстархами, не смотря на необыкновенную силу своей діалектики; но онъ не могъ удержаться, чтобъ сильно не выразить иногда своего мнѣнія въ этихъ маленькихъ сатирахъ, столь забавныхъ и язвительныхъ. Не смѣемъ упрекать его за нихъ. Слишкомъ было бы жалъ, еслибъ онѣ не существовали.

Сія безпечность о судьбѣ своихъ произведеній, сіе неизмѣнное равнодушіе къ успѣху и похваламъ, не только въ отношеніи къ журналистамъ, но и въ отношеніи къ публикѣ, очень замѣчательны. Никогда не старался онъ малодушно угождать господствующему вкусу и требованіямъ мгновенной моды, никогда не прибѣгалъ къ шарлатанству, преувеличенію (exagération) для произведенія большаго эффекта, никогда не пренебрегалъ трудами неблагодарными, рѣдко замѣчаемыми, трудами отдѣлки и отчетливости. Никогда не тащился онъ по пятамъ генія, увлекающаго свой вѣкъ, подбирая имъ оброненные колосья: онъ шелъ своею дорогою одинъ и независимъ. Время ему занять степень, ему принадлежащую, и стать подлѣ Жуковскаго и выше пѣвца Пенатовъ и Тавриды...

16. Д Е Л Ъ В И Г Ъ.

Дельвигъ родился въ Москвѣ (1798 года....). Отецъ, его умершій генераль-майоромъ въ 1828 году, былъ женатъ на дѣвицѣ Рахмановой.

Дельвигъ первоначальное образованіе получилъ въ частномъ пансіонѣ; въ концѣ 1811 года вступилъ онъ къ Царскосельскій лицей. Способности его развивались медленно. Память у него была тупа; понятія лѣнны. На 14-мъ году онъ не зналъ никакого иностраннаго языка и не оказывалъ склонности ни къ какой наукѣ. Въ немъ замѣтна была только живость воображенія. Однажды вздумалось ему рассказать нѣсколькимъ изъ своихъ товарищей походъ 1807-го года, выдавая себя за очевидца тогдашнихъ происшествій. Его повѣствованіе было такъ живо и правдоподобно, и такъ сильно подѣйствовало на воображеніе молодыхъ слушателей, что нѣсколько дней около него собирався кружокъ любопытныхъ, требовавшихъ новыхъ подробностей о походѣ. Слухъ о томъ дошелъ до нашего директора А. Ѳ. Малиновскаго, который захотѣлъ услышать отъ самого Дельвига разсказъ о его приключеніяхъ.

Дельвигъ постыдился признаться во лжи, столь же невинной, какъ и замысловатой, и рѣшился ее поддержать, что и сдѣлалъ съ удивительнымъ успѣхомъ, такъ что никто изъ насъ не сомнѣвался въ истинѣ его разсказовъ, покамѣстъ онъ самъ не признался въ своемъ вымыслѣ. Будучи еще пяти лѣтъ отъ роду, вздумалъ онъ разсказывать о какомъ-то чудесномъ видѣніи и смутилъ имъ всю свою семью. Въ дѣтихъ, одаренныхъ игривостію ума, склонность ко лжи не мѣшаетъ искренности и прямотѣ. Дельвигъ, разсказывающій о таинственныхъ своихъ видѣніяхъ и о мнимыхъ опасностяхъ, которымъ будто бы подвергался въ обозѣ отца своего, никогда не лгалъ въ оправданіе какойнибудь вины, для избѣжанія выговора или наказанія.

Любовь къ поэзіи пробудилась въ немъ рано. Онъ зналъ почти наизусть собраніе русскихъ стихотвореній, изданное Жуковскимъ. Съ Державинимъ онъ не разставался. Клопштока, Шиллера и Гете прочелъ онъ съ однимъ изъ своихъ товарищей, живымъ лексикономъ и вдохновеннымъ комментариемъ. Горація изучилъ въ классѣ, подъ руководствомъ профессора Кошанскаго. Дельвигъ никогда не вѣшивался въ игры, требовавшія проворства и силы; онъ предпочиталъ прогулки по аллеямъ Царскаго Села и разговоры съ товарищами, коихъ умственные склонности сходились съ его собственными. Первыми его опытами въ стихотворствѣ были подражанія Горацію. Оды: къ Діону, къ Лилетѣ, Доридѣ, писаны имъ на пятнадцатомъ году и напечатаны въ собраніи его сочиненій безъ всякой перемѣны. Въ нихъ уже замѣтно необыкновенное чувство гармоніи и той классической стройности, которой никогда онъ не измѣнялъ. Какимъ образомъ никто не обратилъ тогда вниманія на ранніе отпрыски столь прекраснаго таланта? Никто не привѣтствовалъ вдохновеннаго юношу, между тѣмъ какъ стихи одного изъ его товарищей, стихи посредственные, замѣтные только по нѣкоторой легкости и чистотѣ мелочной отдѣлки, въ то же время были расхвалены и прославлены какъ нѣкоторое чудо. Но такова участь Дельвига: онъ не былъ оцѣненъ при раннемъ появленіи на краткомъ своемъ поприщѣ; онъ еще не оцѣненъ и теперь, когда покоится въ своей безвременной могилѣ!

ОТЗЫВЫ И ВОСПОМИНАНІЯ О НЕМЪ ЖЕ.

I. Плетневъ. — Что скажу тебѣ, мой милый! ужасное извѣстіе получилъ я въ воскресенье. На другой день оно подтверди-

лось. Вчера ѣздилъ я къ Салтыкову объявить ему все — и не имѣлъ духу. Вечеромъ получилъ твое письмо. Грустно, тоска. Вотъ первая смерть, мною оплаканная. Карамзинъ подъ конецъ былъ мнѣ чуждъ; я глубоко сожалѣлъ о немъ какъ русскій, но никто на свѣтѣ не былъ мнѣ ближе Дельвига. Изъ всѣхъ связей дѣтства онъ одинъ оставался на виду — около него собиралась наша бѣдная кучка. Безъ него мы точно осиротѣли. Считай по пальцамъ, сколько насъ? Ты, я, Баратынскій — вотъ и всѣ. Вчера провелъ я день съ Нащокинымъ, который спльно пораженъ его смертію. Говорили о немъ, называя его покойникъ Дельвигъ, и этотъ эпитетъ былъ столько же страненъ, какъ и страшенъ. Нечего дѣлать! согласимся: покойникъ Дельвигъ — быть такъ! Баратынскій боленъ съ огорченія. Меня не такъ легко съ ногъ свалить. Будь здоровъ и постарайся быть живымъ. (Москва 21 января 1831.)

II. Ему же. — Я зналъ его (Дельвига) въ лицѣ, былъ свидѣтелемъ перваго, незамѣченнаго развитія его поэтической души и таланта, которому еще не отдали мы полной справедливости. Съ нимъ читалъ я Державина и Жуковского, съ нимъ толковалъ обо всемъ, что душу волнуетъ, что сердце томить. Жизнь его богата не романтическими приключеніями, но прекрасными чувствами, свѣтлымъ, чистымъ разумомъ и надеждами. (31 января 1831.)

III. Ему же. — Я женатъ. Одно желаніе мое, чтобъ ничего въ жизни моей не измѣнилось. Это состояніе для меня такъ пово, что кажется, я переродился. Память Дельвига есть единственная тѣнь моего свѣтлаго существованія. (1831.)

IV. Я ѣхалъ съ Вяземскимъ изъ Петербурга въ Москву. Дельвигъ хотѣлъ проводить меня до Царскаго Села. 10 августа (1830) поутру мы вышли изъ города. Вяземскій долженъ былъ насъ догнать на дорогѣ. — Дельвигъ обыкновенно просыпался очень поздно и разбудить его преждевременно было почти невозможно. Но въ этотъ день всталъ онъ въ осьмомъ часу и у него съ непривычки кружилась и болѣла голова. Мы принуждены были зайти въ низенькій трактиръ. Дельвигъ позавтракалъ. Мы пошли далѣе. Ему стало легче; головная боль прошла. Онъ сталъ веселъ и говорливъ. — Завтракъ въ трактирѣ напомнилъ ему повѣсть, которую памфрелалъ онъ написать. Дельвигъ долго обдумывалъ свои произведенія, даже самыя мелкія. *La raison de ce que Delvig a si peu*

écrit tient à sa manière de composer. Онъ любилъ въ разговорахъ развивать свои поэтическіе помыслы, и мы знали его прекрасныя созданія нѣсколько лѣтъ прежде, нежели были они написаны; но когда наконецъ онъ ихъ читалъ, облеченныя въ звучные гекзаметры, они казались намъ новыми и неожиданными. Такимъ образомъ «Русская его Идиллія», напечатанная въ самый годъ его смерти*), была въ первый разъ рассказана мнѣ еще въ лицейской залѣ, послѣ скучнаго математическаго класса.

V. Идилліи Дельвига для меня удивительны: какую силу воображенія должно имѣть, дабы такъ совершенно перенестись изъ 19-го столѣтія въ золотой вѣкъ, и какое необыкновенное чутье изящнаго, дабы такъ угадать греческую поэзію сквозь латинскія подражанія или нѣмецкіе переводы; эту роскошь, эту нѣгу, эту прелесть болѣе отрицательную, чѣмъ положительную, которая не допускаетъ ничего напряженнаго въ чувствахъ, тонкаго, запутаннаго въ мысляхъ, лишняго, неестественнаго въ описаніяхъ.

17. О ВЫХОДѢ «ВЕЧЕРОВЪ НА ХУТОРѢ», ГОГОЛЯ.

(РЕДАКТОРУ ЛИТ. ПРИВАВЛЕНІЙ КЪ Р. ИНВАЛИДУ 1831).

Сейчасъ прочелъ «Вечера близъ Диканьки». Они изумили меня. Вотъ настоящая веселость, искренняя, непринужденная, безъ жеманства, безъ чопорности. А мѣстами какая поэзія, какая чувствительность! Все это такъ необыкновенно въ нашей литературѣ, что я доселѣ не образумился. Мнѣ сказывали, что когда издатель вошелъ въ типографію, гдѣ печатались «Вечера», то наборщики начали прыскать и фыркать, зажимая ротъ рукою. Факторъ объяснилъ ихъ веселость, признавшись ему, что наборщики помирали со смѣху, набирая его книгу. Мольеръ и Фильдингъ вѣроятно были бы рады разсмѣшить своихъ наборщиковъ. Поздравляю публику съ истинно-веселою книгою, а автору сердечно желаю дальнѣйшихъ успѣховъ.

Ради Бога, возьмите его сторону, если журналисты, по своему

*) Отставной солдатъ (русская идиллія) — Сѣв. Цвѣты на 1830 г.

обыкновенію, нападуть на неприличіе его выраженій, на дурной тонъ и проч. Пора, пора намъ осмѣять les précieux ridicules нашей словесности, людей, толкующихъ вѣчно о прекрасныхъ читательницахъ, которыхъ у нихъ не бывало, о высшемъ обществѣ, куда ихъ не просятъ, и все это слогомъ камердинера профессора Тредьяковского.

18. ОБЪЯСНЕНІЕ.

(о стихотвореніи «Полководецъ»).

Одно стихотвореніе, напечатанное въ моемъ журналѣ, навлекло на меня обвиненіе, въ которомъ долгомъ полагаю оправдаться. Это стихотвореніе заключаетъ въ себѣ нѣсколько грустныхъ размышленій о заслуженномъ полководцѣ, который въ великій 1812 годъ прошелъ первую половину поприща, и взялъ на свою долю всѣ невзгоды отступленія, всю отвѣтственность за неизбѣжные уронъ, предоставивъ своему безсмертному преемнику славу отпора, побѣдъ и полного торжества. Я не могъ подумать, чтобы тутъ можно было увидѣть намѣреніе оскорбить чувство народной гордости и стараніе унижить священную славу Кутузова; однако жъ меня въ томъ обвинили.

Слава Кутузова неразрывно соединена со славою Россіи, съ памятію о величайшемъ событіи новѣйшей исторіи. Его титулъ: спаситель Россіи; его памятникъ: скала святой Елены! Имя его не только священно для насъ, но не должны ли мы еще радоваться, мы русскіе, что оно звучитъ русскимъ звукомъ?

И могъ ли Барклай-де-Толли совершить имъ начатое поприще? Могъ ли онъ остановиться и предложить сраженіе у кургановъ Бородина? Могъ ли онъ послѣ ужасной битвы, гдѣ равенъ былъ неравный споръ, отдать Москву Наполеону и стать въ бездѣйствиіи на равнинахъ Тарутинскихъ? Нѣтъ! (Не говорю уже о превосходствѣ военнаго генія). Одинъ Кутузовъ могъ предложить Бородинское сраженіе; одинъ Кутузовъ могъ отдать Москву неприятелю; одинъ Кутузовъ могъ оставаться въ этомъ мудромъ, дѣлительномъ бездѣйствиіи, усыпляя Наполеона на пожарахъ Москвы и выжидая роковой минуты: ибо Кутузовъ одинъ облеченъ былъ въ народную довѣренность, которую такъ чудно онъ оправдалъ!

Неужели должны мы быть неблагодарны къ заслугамъ Барклая-де-Толли, потому что Кутузовъ великъ? Ужели, послѣ 25-лѣтняго безмолвія, поэзіи не позволено произнести его имени съ участіемъ и умиленіемъ? Вы упрекаете стихотворца въ несправедливости его жалобъ; вы говорите, что заслуги Барклая были признаны, оцѣнены, награждены. Такъ, но кѣмъ и когда?... Конечно, не народомъ, и не въ 1812 году. Минута, когда Барклай принужденъ былъ уступить начальство надъ войсками, была радостна для Россіи, но тѣмъ не менѣе тяжела для его стоическаго сердца. Его отступление, которое нынѣ является яснымъ и необходимымъ дѣйствіемъ, казалось вовсе не таковымъ: не только ропталъ народъ, ожесточенный и негодующій, но даже опытные воины горько упрекали его п почти въ глаза называли измѣнникомъ. Барклай, не внушающій довѣренности войску, ему подвластному, окруженный враждою, язвимый злорѣчіемъ, но убѣжденный въ самого себя, молча идущій къ сокроенной цѣли и уступающій власть, не успѣвъ оправдать себя передъ глазами Россіи, — останется навсегда въ исторіи высоко-поэтическимъ лицомъ.

Слава Кутузова не имѣетъ нужды въ похвалѣ чей бы то ни было; а мнѣніе стихотворца не можетъ ни возвысить, ни унижить того, кто низложилъ Наполеона и вознесъ Россію на ту ступень, на которой она явилась въ 1813 году. Но не могу не огорчиться, когда въ смиренной хвалѣ моей вождю, забытому Жуковскимъ, соотечественники мои могли подозрѣвать низкую и преступную сатиру на того, кто нѣкогда внушилъ мнѣ слѣдующіе стихи, конечно, недостойные великой тѣни, но искренніе и изліянныя изъ души: «Передъ гробницею святой» и пр. до словъ: «ты всталъ и спасъ» *).

19. О ДРАМѢ.

Программа.— Что развивается въ трагедіи? Какая цѣль ея? Человѣкъ и народъ — судьба человѣческая, судьба народная. Вотъ почему Расинъ великъ, не смотря на узкую форму своей трагедіи. Вотъ почему Шекспиръ великъ, не смотря на неравенство, небрежность, уродливостъ отдѣлки.

*) Стихотв. «Къ тѣни полководца».

1.

Что нужно драматическому писателю? Философія, безпристрастіе, государственныя мысли историка, догадливость, живость воображенія, отсутствіе предразсудковъ и всякой любимой мысли.

Между тѣмъ какъ правила эстетики со временъ Канта и Лессинга развиты съ такой ясностію и обширностію, мы все еще остаемся при понятіяхъ тяжелаго педанта Готшеда; мы все еще повторяемъ, что прекрасное есть подражаніе изящной природѣ, и что главное достоинство искусства есть польза. Почему же статуи раскрашенныя нравятся намъ менѣе чисто мраморныхъ и мѣдныхъ? Почему поэтъ предпочитаетъ выражать мысли свои стихами? И какая польза въ Тиціановой Венерѣ или въ Аполлонѣ Бельведерскомъ?

Правдоподобіе все еще полагается главнымъ условіемъ и основаніемъ драматическаго искусства. Что, если докажутъ намъ, что и самая сущность драматическаго искусства пменно исключаетъ правдоподобіе?

Читая поэму, романъ, мы часто можемъ забыть и полагать, что описываемое происшествіе не есть вымыселъ, но истина; въ одѣ, въ элегіи можемъ думать, что поэтъ изображалъ свои настоящія чувствованія, въ настоящихъ обстоятельствахъ. Но можетъ ли сей обманъ существовать въ зданіи, раздѣленномъ на двѣ части, изъ коихъ одна наполнена зрителями, которые etc, etc...

2.

Если мы будемъ полагать правдоподобіе въ строгомъ соблюденіи костюма, красокъ времени и мѣста, то и тутъ мы увидимъ, что величайшіе драматическіе писатели часто не повиновались сему правилу. У Шекспира римскіе ликторы сохраняютъ обычаи лондонскихъ алдермановъ. У Кальдерона храбрый Коріоланъ вызываетъ противника на дуэль и бросаетъ ему перчатку. У Расина полускиноѣ Цинполитъ ее поднимаетъ и говоритъ языкомъ молодаго благовоспитаннаго маркиза. Корнеля Клитемнестру сопровождаетъ швейцарская гвардія. Римляне Корнеля суть если не испанскіе рыцари, то гасконскіе бароны. Со всѣмъ тѣмъ Кальдеронъ, Шекспиръ, Корнель и Расинъ стоятъ на высотѣ недосыгаемой, а ихъ произведенія составляютъ вѣчный предметъ нашихъ изученій и восторговъ.

Какого же правдоподобія требовать должны мы отъ драматическаго писателя? Для разрѣшенія сего вопроса рассмотримъ сначала, что такое драма и какаѣ ея цѣль.

Драма родилась на площади и составляла увеселеніе народное. Народъ, какъ дѣти, требуетъ занимательности дѣйствія — драма представляетъ ему необыкновенное истинное происшествіе; народъ требуетъ сильныхъ ощущеній (для него и казни зрѣлище) — трагедія преимущественно выводитъ предъ нимъ тяжкія злодѣянія, страданія сверхъестественныя, даже физическія (напр. Филоктетъ, Эдипъ, Лиръ). Но привычка притупляетъ ощущенія; воображеніе привыкаетъ къ убійствамъ и казнямъ, смотритъ на нихъ ужъ равнодушно; изображеніе же страстей и души человѣческой для него всегда занимательно, велико и поучительно. Драма стала завѣдывать страстями и душою человѣческой.

Смѣхъ, жалость и ужасъ суть три струны нашего воображенія, потрясаемыя волшебствомъ драмы; но смѣхъ скоро ослабѣваетъ, и на немъ одномъ невозможно основать полнаго драматическаго дѣйствія. Древніе трагики пренебрегали сею пружиною. Народная сатпра овладѣла ею исключительно и приняла форму драматическую, болѣе какъ пародію. Такимъ образомъ родилась комедія, современемъ столь усовершенствованная. Замѣтили, что высокая комедія не основана единственно на смѣхѣ, но на развитіи характеровъ, и что нерѣдко близко подходитъ къ трагедіи.

Истина страстей, правдоподобіе чувствованій въ предполагаемыхъ обстоятельствахъ — вотъ чего требуетъ нашъ умъ отъ драматическаго писателя.

3.

Драма оставила площадь и перенеслась въ чертоги образованнаго, избраннаго общества. Между тѣмъ драма остается вѣрно первоначальному своему назначенію дѣйствовать на толпу, занимать ея любопытство. Но тутъ что привлекаетъ вниманіе образованнаго, просвѣщеннаго зрителя, какъ не изображеніе великихъ, историческихъ происшествій? Отселѣ исторія перенеслась на театръ; народы и вожди ихъ выведены передъ нами драматическимъ поэтомъ. Въ чертогахъ драма измѣнилась, голосъ ея понизился; она не имѣла уже нужды въ крикахъ. Она оставила маску преувеличеній, необходимую на площади, но излишнюю въ комнатѣ; она явилась

проще, естественнѣе. Чувства, болѣе утонченныя, уже не требовали сильнаго потрясенія. Она перестала изображать отвратительныя страданія, отвыкла отъ ужасовъ, мало по малу сдѣлалась благопристойна и важна.

Отселѣ важная разниа. Творецъ трагедіи народной былъ образованнѣе своихъ зрителей; онъ это зналъ и давалъ имъ свои свободныя произведенія съ увѣренностію въ своей возвышенности; и публика безпрекословно это признавала. При дворѣ, наоборотъ, поэтъ чувствовалъ себя ниже своей публики: зрители были образованнѣе его — по крайней мѣрѣ такъ думалъ и онъ и они; онъ не предавался вольно и смѣло своимъ вымысламъ; онъ старался угадывать требованія утонченнаго вкуса людей, чуждыхъ ему по состоянію; онъ боялся унижить такое-то высокое званіе, оскорбить такихъ-то спѣсивыхъ своихъ патроновъ: отъ сего и робкая чопорность и отселѣ смѣшная надутость, вошедшая въ пословицу (*un héros un roi de comédie*), и привычка влагать въ уста людямъ высшаго состоянія, съ какимъ-то подобострастіемъ, странный, не человѣческій образъ изъясненія. У Расина, напримѣръ, Неронъ не скажетъ просто: *je serai caché dans ce cabinet, но caché près de ces lieux je vous verrai madame*. Агамемнонъ будитъ своего наперсника, говоритъ ему съ напыщенностію. *Oui c'est Ag.... etc.*

Мы къ этому привыкли, намъ кажется, что такъ и быть должно; но надобно признаться, что у Шекспира этого не замѣтно. И если иногда герои выражаются въ его трагедіяхъ, какъ конюхи, то намъ это не странно, ибо мы чувствуемъ, что и знатные должны выражать простыя понятія, какъ простые люди.

Не имѣю цѣлю и не смѣю опредѣлять выгоды и невыгоды той и другой трагедіи, развивать существенныя разницы системъ Расина и Шекспира. Слѣшу обозрѣть исторію драматическаго искусства въ Россіи.

4.

Драма никогда не была у насъ потребностію народною. Первые труппы, появившіяся въ Россіи, не привлекали народа, не понимавшаго драматизма и не привыкшаго къ его условіямъ. Явился Сумароковъ, несчастнѣйшій изъ подражателей. Трагедіи его, исполненныя противосмыслия, писанныя варварскимъ изыѣженнымъ языкомъ, нравились двору Елизаветы какъ новость, какъ подражаніе париж-

скимъ увеселеніямъ. Сии виды, холодныя произведенія не могли имѣть никакого вліянія на народное пристрастіе. Озеровъ это чувствовалъ. Онъ попытался дать намъ трагедію народную и вообразилъ, что для сего довольно будетъ, если выберетъ предметъ изъ народной исторіи, забывъ, что поэты Франціи брали всѣ предметы для своихъ трагедій изъ греческой, римской и европейской исторіи, и что самыя народныя трагедіи Шекспировы заимствованы имъ изъ итальянскихъ новеллъ.

Послѣ Дмитрія Донскаго, послѣ Пожарскаго (произведенія незрѣлаго таланта), мы все не имѣли трагедій. Андромаха Катенина (можетъ быть, лучшее произведеніе нашей драмы по силѣ истинныхъ чувствъ, по духу истинно трагическому), не разбудила, однако жъ, нашу сцену, опустѣлую послѣ Семеновы.

Ермакъ идеализированный — лирическое произведеніе въ формѣ драмы. Ермакъ, лирическое произведеніе шылкаго юношескаго вдохновенія, *) не есть произведеніе драматическое. Въ немъ все чуждо нашимъ нравамъ и духу, все, даже самая очаровательная прелесть поэзіи.

Комедія была счастлива. Мы имѣемъ двѣ драматическія сатиры.

5.

Отчего же нѣтъ у насъ трагедій? Не худо было бы рѣшить: можетъ ли она и быть? Мы видѣли, что народная трагедія родилась на площади, образовалась и потомъ уже была призвана въ аристократическое общество. У насъ было напротивъ. Мы захотѣли придворную сумароковскую трагедію низвести на площадь; но есть препятствія....

Трагедія наша, образованная по примѣру трагедій Расина, можетъ ли отказаться отъ аристократическихъ своихъ привычекъ, отъ своего разговора, размыреннаго, важнаго и напыщенно благопристойнаго? Какъ ей перейти къ грубой откровенности народныхъ страстей, къ вольности сужденій площади? какъ ей вдругъ отстать отъ подобострастія? какъ ей обойтись безъ правилъ, къ которымъ она привыкла? и у кого ей выучиться нарѣчію, понятному народу? какія суть страсти сего народа, какія струны его

*) Подразумѣвается трагедія Хомякова.

сердца, гдѣ найдетъ она себѣ созвучія — словомъ: гдѣ зрители, гдѣ публика?

Вмѣсто публики встрѣтитъ она тотъ же малый, ограниченный кругъ и оскорбитъ его привычки (*dédaigneux*), вмѣсто созвучія, отголоска и рукоплесканій услышитъ она мелочную, привязчивую критику. Передъ нею возстанутъ непреодолимые преграды; для того, чтобъ она могла разставить свои подмостки, надобно было бы перемѣнить обычаи, нравы и понятія....



ПРИЛОЖЕНІЕ.

Жизнь Александра Сергѣевича Пушкина.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Жизнь въ домѣ родителей, до поступленія въ Лицей
(1799—1811 г.)

Дѣтство. Бабушка поэта. Няня. Захарово. Учителя. Страсть къ чтенію. Авторство.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ родился въ Москвѣ 26 мая 1799 года. Отецъ его, Сергѣй Львовичъ, происходилъ отъ древняго рода Пушкиныхъ. Въ числѣ его предковъ было нѣсколько бояръ и окольныхихъ. Прадѣдомъ нашего поэта по матери былъ негръ Ибрагимъ, которому Петръ Великій далъ фамилію Ганнибала*). Старшій сынъ Ганнибала, Иванъ Абрамовичъ, отличился своимъ мужествомъ въ Чесменской битвѣ, и въ 1770 году взялъ Наваринъ. Въ одномъ изъ своихъ стихотвореній, Пушкинъ, изображая заслуги своего прадѣда, слѣдующими словами говоритъ о подвигахъ его сына:

«И былъ отецъ онъ Ганнибала,
Предъ кѣмъ, средь гибельныхъ пучинъ,
Громада кораблей вспылала
И палъ впервые Наваринъ!»

Братъ наваринскаго героя, Осипъ Абрамовичъ, былъ отецъ матерп Пушкина, Надежды Осиповны. Южная жпвость характера была унаслѣдована нашимъ поэтомъ отъ своего прадѣда — африканца; даже черты его лица и курчавые волосы напоминали африканскій типъ Ганнибалы.

*) Этого Ганнибала Пушкинъ изобразилъ въ неоконченной повѣсти «Арапъ Петра Великаго».

Родители Пушкина вели свѣтскую, разсѣянную жизнь и сами мало занимались своими дѣтьми. По обычаю того времени, они пригласили къ себѣ иностранныхъ гувернеровъ и гувернантокъ и передали имъ въ руки воспитаніе своего сына Александра и дочери Ольги, которая была старше его на одинъ годъ. Воспитателей у Пушкиныхъ перебивало множество. Всѣ они были съ различными характерами и направленіями; какъ и слѣдовало ожидать, при развитіи своихъ воспитанниковъ не примѣняли никакой обдуманной и сообразной съ ихъ характерами системы.

Въ самомъ раннемъ дѣтствѣ Ал. Сергѣевичъ особенно много былъ обязанъ двумъ женщинамъ: своей бабушкѣ, Марьѣ Алексѣевнѣ Ганнибалъ, и нянѣ Аринѣ Родіоновнѣ. Бабушка выучила Пушкина читать и писать по-русски. Марья Алексѣевна была замѣчательная женщина по своему уму и опытности и по добротѣ и нѣжности сердца. Маленькій Пушкинъ часто сидѣлъ съ своей бабушкой и по цѣлымъ часамъ слушалъ ея рассказы пзъ жизни знаменитыхъ предковъ; конечно, многое изъ этихъ рассказовъ навсегда осталось въ памяти внука. Хранила и воспитывала въ насѣмъ поэтѣ родной русскій духъ няня его, Арина Родіоновна. Она вынянчила все новое поколѣвіе семьи Пушкиныхъ. «Родіоновна принадлежала къ типическимъ и благороднѣйшимъ лицамъ русскаго міра. Соединеніе добродушія и ворчливости, нѣжнаго расположенія къ молодости съ притворной строгостью, — оставили въ сердцѣ Пушкина неизгладимое воспоминаніе. Онъ любилъ ее родственною, неизмѣнною любовію и, въ годы возмужалости и славы, бесѣдовалъ съ нею по цѣлымъ часамъ» *). Кромѣ неусыпной заботливости о своемъ питомцѣ и самой искренней привязанности къ нему, она приобрѣла право на его благодарность особенно тѣмъ, что своими неистощимыми разсказами познакомила его съ поэтическими созданіями народной фантазіи. «Весь сказочный міръ былъ ей извѣстенъ, какъ нельзя короче, и передавала она его чрезвычайно оригинально. Поговорки, пословицы, присказки не сходили у ней съ языка. Большую часть народныхъ былинъ и пѣсенъ, которыхъ Пушкинъ такъ много зналъ, слышалъ онъ отъ Арины Родіоновны». — (Анненковъ). Многія описанія русскихъ народныхъ нравовъ и обычаевъ не были бы у Пушкина такъ живы и трогательны.

*) А. С. Пушкинъ. Матеріалы для его біографіи... П. В. Анненкова. Стр. 3-я.

тельны, если бы онъ не былъ съ дѣтства пропитанъ разсказами изъ народной жизни. Зато поэтъ вспоминаетъ о своей нянѣ очень часто, и всегда съ самою трогательною любовію. Онъ называетъ ее своей первою музою, говоритъ, что ея разсказами были навѣяны первыя его стремленія къ поэзій:

Наперсница волшебной старинны,
Другъ вымысловъ игривыхъ и печальныхъ,
Тебя я зналъ во дни моей весны,
Во дни утѣхъ и снова первоначальныхъ,
Я ждалъ тебя. Въ вечерней тишинѣ
Являлась ты веселю старушкой
И надо мной сидѣла въ шушунѣ,
Въ большихъ очкахъ и съ рѣзвою гремяшкой.
Ты, дѣтскую качая колыбель,
Мой юный слухъ напѣвами плѣнила
И межъ пеленъ оставила свирѣль,
Которую сама заворожила....

Вотъ одно изъ писемъ, которыя посылала старая няня своему воспитаннику, уже славному поэту:

«Любезный мой другъ, Александръ Сергѣевичъ! Я получила письмо и деньги, которыя вы мнѣ прислали. За всѣ ваши милости я вамъ всѣмъ сердцемъ благодарна, вы у меня безпрестанно въ сердцѣ и на умѣ и только когда засну, забуду васъ. Пріѣзжай, мой ангелъ, къ намъ въ Михайловское — всѣхъ лошадей на дорогу выставлю. Я васъ буду ожидать и молить Бога, чтобъ онъ далъ намъ свидѣться. Прощай, мой батюшка, Александръ Сергѣевичъ! За ваше здоровье я просвиру вынула и молебень отслужила. Поживи, дружочекъ, хорошенько — самому слюбится. Я слава Богу здорова, цѣлую ваши ручки и остаюсь васъ многолюбящая няня ваша Арина Родіоновна».

Пушкинъ былъ до глубины души растроганъ простодушною заботливостію няни и по поводу ея письма написалъ начало известнаго своего стихотворенія «Подруга дней моихъ суровыхъ....» *).

Другимъ путемъ къ раннему сближенію съ народною жизнью, съ народными обычаями могло служить село Захарово, которое

*) I т. «Школьнаго изданія» сочиненій А. С. Пушкина.

принадлежало бабушкѣ поэта и въ которомъ семейство Пушкина постоянно проводило лѣто. Захарово находилось въ сорока верстахъ отъ Москвы. Зажиточные крестьяне не боялись веселиться; пѣсни, хороводы, пляски — пѣлись и плясались тамъ часто. Въ двухъ верстахъ отъ Захарова находится село Вяземы, которое нѣкогда принадлежало Борису Годунову. Здѣсь находилась старая церковная колокольня и прудъ, относившіеся, по преданію, ко временамъ Годунова. Маленькій Пушкинъ часто ѣздилъ къ обѣднѣ въ Вяземы. Весьма возможно, что ему часто говорили о царѣ — владѣтелѣ. «Такимъ образомъ мы встрѣчаемся, еще въ дѣтствѣ Пушкина, съ предметами, которые впоследствии оживлены были его гениемъ» (Анненковъ). Въ одномъ изъ своихъ стихотвореній Пушкинъ слѣдующими словами вспоминаетъ о Захаровѣ:

Мнѣ видится мое селенье,
 Мое Захарово; оно
 Съ заборами, въ рѣкѣ волнистой
 Съ мостомъ и рощею тѣнистой,
 Зерцаломъ водъ отражено.
 На холмѣ домикъ мой; съ балкона
 Могу сойти въ веселый садъ,
 Гдѣ вмѣстѣ Флора и Помона
 Цвѣты съ плодами мнѣ дарятъ;
 Гдѣ старыхъ кленовъ темный рядъ
 Возносятся до небосклона,
 И глухо тополи шумятъ.

До семилѣтняго возраста Александръ Сергѣевичъ не обнаруживалъ ни особенныхъ дарованій, ни даже той живости, которую бываютъ привлекательны всѣ дѣти. Онъ былъ ребенкомъ толстымъ, неповоротливымъ, лѣнивымъ, такъ что неподвижностью своей приводилъ въ отчаяніе свою мать. Между тѣмъ принялись учить его. Всѣ предметы, кромѣ Закона Божія и русскаго языка, преподавались на французскомъ языкѣ. Ученье Пушкина не было блестяще. Арифметика стоила ему много слезъ. Съ языками дѣло шло успѣшнѣе; Пушкинъ сдѣлалъ еще въ дѣтствѣ навѣкъ говорить и писать по-французски такъ же легко, какъ и по-русски. Прилежаніемъ онъ не отличался; обладалъ прекрасной памятью и былъ въ то же время находчивъ и остроуменъ.

Отецъ Пушкина былъ человѣкъ образованный, славился въ обществѣ своимъ остроуміемъ и привлекалъ въ свой домъ людей, которые были извѣстны своимъ умомъ и литературными трудами. Въ кругу его гостей часто бывали тогдашніе знаменитые писатели: Дмитріевъ, Карамзинъ, Жуковскій и Батюшковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что они часто говорили о литературѣ, читали стихотворенія, критиковали. Будущій поэтъ часто присутствовалъ среди взрослыхъ гостей своего отца; съ юныхъ лѣтъ сталъ приглядываться къ людямъ, прислушиваться къ ихъ разговорамъ и сужденіямъ и, безъ сомнѣнія, немало словъ и мыслей невольно запало въ его душу. Рассказываютъ, между прочимъ, что однажды, оставивъ дѣтскія игры, ребенокъ съ необыкновеннымъ вниманіемъ слушалъ рассказы Карамзина; съ такимъ же вниманіемъ слушалъ онъ иногда Дмитріева, читавшаго свои басни. Такимъ образомъ мысль будущаго русскаго поэта уже съ дѣтскихъ лѣтъ связывалась съ отечественною литературою. «Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ о Пушкинѣ князь Вяземскій, что первымъ зародышемъ дарованія своего, кромѣ благодати свыше, обязанъ онъ былъ окружающей его атмосферѣ, благоприятно проникнутой тогдашней московской жизнію. Отецъ его, Сергій Львовичъ, былъ въ пріятельскихъ сношеніяхъ съ Карамзинымъ и Дмитріевымъ и самъ, по тогдашнему обычаю, получилъ если не ученое, то, по крайней мѣрѣ, литературное образованіе. Дядя Василій Львовичъ самъ былъ поэтъ... Вся эта обстановка должна была благотворно дѣйствовать на отрока. Зоркіе глаза могли предвидѣть

«Въ отважномъ мальчкѣ грядущаго поэта» *) (Дмитріевъ).

Сергій Львовичъ имѣлъ хорошую бібліотеку и былъ большой любитель литературы. Онъ старался поощрять въ дѣтихъ любовь къ книгамъ и часто читалъ вмѣстѣ съ ними сочиненія Мольера, котораго, говорятъ, зналъ почти наизусть. У сына его съ девятаго года начинается страсть къ чтенію. Книжки были на французскомъ языкѣ; при выборѣ ихъ не было умнаго руководителя, и Пушкинъ, конечно, прочиталъ много такого, что не было пригодно для сердца и ума ребенка. На одиннадцатомъ году, по свидѣтельству дяди, Василя Львовича, Пушкинъ былъ уже отлич-

*) Сочиненія Вяземскаго, т. VII, 88 стр.

нымъ знатокомъ французской литературы. Вмѣстѣ съ любовью къ чтенію явились у него первыя попытки къ авторству. Онъ началъ писать французскіе стихи, подражая тѣмъ авторамъ, которыхъ прочиталъ.

Первые опыты свои Пушкинъ читалъ своей сестрѣ. Къ сожалѣнію, они не дошли до насъ. Сохранилась въ памяти сестры только эпиграмма, которою онъ самъ посмѣлся надъ одной изъ своихъ комедій, «L'Escamoteur», которая не понравилась его слушательницѣ:

Dis - moi, pourquoi L'Escamoteur
Est - il sifflé par le parterre?
Hélas, c'est que le auvre pauteur
L'escamota de Molièr,

То есть: «Скажи, за что партеръ освисталъ моего шутика? Уви, за то, что бѣдный авторъ похитилъ его у Мольера».

У него завелись цѣлыя тетради собственныхъ стихотвореній. Стихи часто отвлекали его отъ уроковъ. Гувернеръ иногда отбиралъ у него тетради и, желая наказать его за невниманіе къ урокамъ, читалъ стихи передъ его сестрами и братьями, сопровождая чтеніе насмѣшливыми замѣчаніями. Кончалось тѣмъ, что раздраженный авторъ, при видѣ хохота надъ своими стихами, бросалъ въ печку свои тетради, хотя чрезъ нѣсколько времени у него являлись другіе стихи.

Пушкину исполнилось двѣнадцать лѣтъ, и для него наступило время общественнаго образованія. Родители рѣшились помѣстить его въ только что открытый Царско-Сельскій Лицей.

Прежде чѣмъ рассказывать о школьномъ ученіи Пушкина, сдѣлаемъ выводъ изъ рассказа о дѣтствѣ Пушкина: что дало ему дѣтство для развитія его таланта? Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что нѣкоторые условія жизни будущаго поэта въ родной семьѣ не были благоприятны ни для развитія его таланта, ни для образованія его характера. Пушкинъ, прежде всего, лишенъ былъ внимательной и нѣжной заботливости отца или матери, которые должны были слѣдить за его нравственнымъ и умственнымъ развитіемъ; не было у него также разумныхъ наставниковъ, которые могли бы снабдить его дѣльными знаніями и съ ранняго дѣтства дать его характеру надлежащее направленіе, сообщить ему самообладаніе

и твердость. Однако, соображая все условия раннего детства Пушкина, мы должны сказать, что в них было много случайно благоприятного для развития нашего поэта. Так, бабушка и няня окружали его истинно материнскими, нежным попечениями; он не дал ожесточиться любящему сердцу мальчика, в котором безтактные гувернеры развивали вспыльчивость и упорство. Далее: народные рассказы его простодушной няни дали ему случай узнать отечественный язык из самого чистого источника; посещая село Захарово, поэт воспринимал первые впечатления русской народной жизни; рассказы же бабушки о своих предках, о древности своего рода, и живые предания о царѣ Борисѣ между жителями Вяземъ — уносили его мысль к старине, к историческому прошлому. Затѣмъ: преждевременное чтение книгъ, которыя написаны не для детей, могло бы ослабить обыкновенныя умственные силы; но для нашего поэта это чтение принесло громадную пользу: оно разбудило его сильный природный умъ, вызвало к деятельности его творческую фантазію. Послужило, наконецъ, к развитію духовныхъ силъ мальчика и частое присутствіе его среди взрослыхъ умныхъ людей, среди поэтовъ и писателей, которые собирались в домъ его отца.

ГЛАВА II.

Школьная жизнь (1811—1817 г.).

Характеръ лицейскаго преподаванія и воспитанія. Основныя черты характера Пушкина, развернувшіяся въ самомъ началѣ пребыванія его въ Лицеѣ. Учебныя и литературныя занятія. Актъ 1815 года. Отношеніе къ Пушкину Карамзина и Жуковского. Характеръ его «Лицейскихъ стихотвореній».

12-го августа 1811 года Пушкинъ выдержалъ приемный экзаменъ и былъ принятъ въ число 30 воспитанниковъ, изъ которыхъ, по положенію, долженъ былъ состоять Лицей въ Царскомъ Селѣ. 19-го октября того же года совершенно было торжество открытія Лицея, въ присутствіи Двора и первыхъ сановниковъ государства. Императоръ Александръ Павловичъ для помѣщенія Лицея приказалъ отвести часть своего дворца, подарилъ ему богатую бібліотеку и принялъ его подъ свое особенное покровительство. При основаніи Лицея имѣлось въ виду создать изъ него образцовое учебно-воспитательное заведеніе. Преподаватели, избранные въ руководители

учащейся молодежи — Кошанскій, Кайдановъ, Куницынъ, были лучшими представителями русской науки того времени. При обученіи постоянно имѣли въ виду, чтобы каждая истина, «математическаго, историческаго или нравственнаго содержанія, предлагалась воспитанникамъ такъ, чтобы возбудить самодѣтельность ихъ ума и жажду дальнѣйшаго познанія» ¹⁾. Всѣ наставники, хранившіе юность нашего поэта, оставили въ немъ благодарную память; но съ особеннымъ чувствомъ онъ вспоминалъ впоследствии о профессорѣ Куницынѣ. Воспитаніе въ Лицеѣ было закрытое: воспитанники не отпускались къ родителямъ ни на праздники, ни на каникулы ²⁾. Удаленные отъ столицы, принужденные довольствоваться собственнымъ обществомъ, лицеисты скоро свыклись между собою и на всю жизнь остались людьми близкими другъ къ другу. «Ихъ міръ ограничивался Царско-Сельскими садами, гдѣ, по выраженію нашего поэта, онъ и расцвѣталъ безмятежно». Въ этихъ садахъ на пространствахъ нѣсколькихъ верстъ соединялись природа и искусство: вѣковые роши, дуга, пруды, длинные, прямые и широкіе аллеи..., мосты и мостики черезъ ручьи..., бесѣдки, искусственныя развалины, цвѣтники... наконецъ два огромныхъ дворца, изъ которыхъ одинъ съ большими роскошными залами, бывшее жилище Елизаветы и Екатерины II, свидѣтель... великолѣпныхъ празднествъ, пиршествъ, побѣдныхъ торжествъ дѣятельной и умной императрицы». Спустя много лѣтъ, нашъ поэтъ вспоминалъ:

Еще исполнены великою женою,
Ея любимые сады;
Стоять населены чертогами, столпами,
Гробницами друзей, кумирами боговъ,
И славой мраморной, и мѣдными хвалами
Екатерининскихъ орловъ ³⁾

«Эти—мраморная слава и мѣдныя хвалы даютъ особенное значеніе Царско-Сельскимъ садамъ. Памятники русскихъ побѣдъ, которыя одерживали надъ врагами Екатерининскіе полководцы, дѣйствовали на юное воображеніе и вызывали чувство народной славы, связы-

¹⁾ «А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху» — П. Анненковъ.

²⁾ Пушкинъ — В. Стоюнина, 27 стран.

³⁾ Стих. «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ» во II т. «Школьнаго изданія» сочиненій Пушкина.

вая настоящее съ историческими фактами недавняго прошлаго, о которомъ еще слышались живые рассказы, едва успѣвшіе перейти въ преданія» (Стоюнинъ).

Пушкинъ, раставшійся безъ особеннаго сожалѣнія съ родительскимъ домомъ, скоро свыкъся съ новою жизнью и полюблъ ее. Въ самомъ началѣ пребыванія въ Лицеѣ развернулись основныя черты характера Пушкина: «съ одной стороны обнаружилось довѣрчивое и любящее сердце, съ другой—расположеніе къ насмѣшкѣ и преслѣдованію непріязненныхъ личностей.... Товарищи называли его французомъ, вѣроятно, за превосходное знаніе французскаго языка; но эпитетъ этотъ скрывалъ также нхъ нерасположеніе къ живому и задорному мальчику...» (Анненковъ).

Вскорѣ многіе изъ товарищей сблизились съ Пушкинымъ и замѣтили, что за его задорностію, насмѣшливостію и вспыльчивостію скрывается доброе и нѣжное сердце. П. И. Пущинъ, сблизившійся съ нимъ съ самаго поступленія въ Лицей, говоритъ, что Пушкинъ былъ для него доброе, даже нѣжное и по преимуществу любящее существо, но требовавшее, чтобы качества души его были отыскиваемы посторонними. «Всѣ мы видѣли», говоритъ Пущинъ, «что Пушкинъ насъ опередилъ, многое прочелъ, о чемъ мы и не слыхали; все, что читалъ, помнилъ; но достоинство его состояло въ томъ, что онъ отнюдь не думалъ высказываться и важничать, какъ это часто бываетъ въ тѣ годы (каждому изъ насъ было 12 лѣтъ) съ скороспѣлками, которые, по какимъ-либо обстоятельствамъ, и раньше, и легче находятъ случай высказаться». *) Кромѣ Пущина, задушевными друзьями Пушкина сдѣлались баронъ Дельвицъ и Кюхельбекеръ.

Учебныя занятія Пушкина не были успѣшны. Всѣ профессора находили, что у него прекрасныя способности, и всѣ жаловались, что ему не доставало прилежанія, продолжительнаго и ровнаго вниманія. Одинъ профессоръ аттестовалъ его такъ: «при маломъ прилежаніи оказываетъ очень хорошіе успѣхи, и сіе должно приписать его прекраснымъ природнымъ дарованіямъ». Другой профессоръ говоритъ объ немъ слѣдующее: «весьма понятливъ, замысловатъ и остроуменъ, но крайне неприлеженъ». Вообще научное образованіе его было довольно поверхностное и мало основательно, что

*) «Атеней» 1859, № 8-й.

онъ созналъ въ скоромъ времени по выходѣ изъ Лицея. Но независимо отъ класснаго преподаванія, Пушкинъ читалъ очень много книгъ по всеобщей исторіи, французской и русской словесности. Потому шесть лѣтъ, проведенныя имъ въ Лицеѣ, были для него, конечно, полезны въ отношеніи умственнаго образованія.

Зато Лицей имѣлъ чрезвычайно важное значеніе для развитія поэтическаго таланта Пушкина. Уже въ первый годъ существованія Лицея оказалось, что въ немъ было много воспитанниковъ, которые любили стихи и пробовали въ ихъ сочиненіи свои силы. «Въ числѣ ихъ былъ тринадцатилѣтній Илличевскій, поступившій въ Лицей изъ Петербургской гимназіи, гдѣ въ немъ развилась любовь къ стихотворству. Онъ переписывался съ своимъ бывшимъ товарищемъ, гимназистомъ Фусомъ (впоследствии секретаремъ академіи наукъ); въ этихъ письмахъ мы находимъ очень интересные строки о Пушкинѣ и о лицейской жизни въ первые годы. Такъ, черезъ пять мѣсяцевъ послѣ поступленія въ Лицей, онъ писалъ: «что касается до моихъ стихотворческихъ занятій, я въ нихъ успѣлъ чрезвычайно, имѣя товарищемъ одного молодого человѣка, который, живши между лучшими стихотворцами, приобрѣлъ много въ поэзіи знаній и вкуса, и, читая мои прежніе стихи, вижу въ нихъ непростительныя ошибки» *).

Скоро затѣмъ число лицейскихъ стихотворцевъ увеличилось Дельвигомъ и Кюхельбекеромъ, которые также пользовались совѣтами Пушкина.

Вообще любовь къ литературнымъ занятіямъ была сильно развита между лицеистами. Между прочимъ, воспитанники придумывали литературныя игры, состоящія въ томъ, что вмѣстѣ составляли повѣсти: одинъ рассказывалъ ея начало, другой продолженіе, третій развивалъ подробности и такъ далѣе, пока повѣсть не приходила къ концу. Многіе изъ воспитанниковъ переводили разныя прозаическія статьи изъ иностранныхъ языковъ; молодые литераторы начали даже издавать рукописные журналы. Всѣ эти литературныя занятія вполне соответствовали душевнымъ стремленіямъ Пушкина. Онъ съ жаромъ брался за перо, одно за другимъ выходили у него стихотворенія. Въ первые годы своей лицейской жизни онъ попрежнему писалъ стихи на французскомъ языкѣ и

*) «Пушкинъ» — В. Стоянина, стр. 17.

только около 1814 года началъ писать и русскіе стихи. Первымъ русскимъ стихотвореніемъ Пушкина считаютъ его «Посланіе къ сестрѣ», которое поэтъ посвятилъ своей сестрѣ, Ольгѣ Сергѣевнѣ. Приведемъ здѣсь нѣсколько стиховъ изъ этого довольно длиннаго «посланія», которое драгоцѣнно для насъ, какъ первый памятникъ поэтической дѣятельности великаго писателя. «Ты хочешь, милая сестра, чтобъ я писалъ къ тебѣ», говоритъ Пушкинъ:

Ты хочешь, другъ безцѣнный,
Что-бъ я, поэтъ молодой,
Бесѣдовалъ съ тобой
И, съ лирою забвенной,
Мечтами окриленный
Оставилъ монастырь
И край уединенный,
Гдѣ непрерывный миръ
Во мракѣ опустился....

«И я переносюсь мыслями къ тебѣ. Что дѣлаешь ты теперь? — продолжаетъ молодой поэтъ — читаешь, играешь съ своею собачкою или сидишь за фортепьяно?

И вотъ ужъ я съ тобой.
И въ радости нѣмой
Твой другъ расцвѣлъ душою,
Какъ ясный вешній день.
Забыты дни разлуки,
Дни горести и скуки,
Исчезла грусть тѣнь.

«Но это лишь одна мечта — она исчезаетъ, и я остаюсь одинъ въ своей скучной и пустой комнатѣ. Но время летитъ, и я скоро примчусь къ тебѣ»....

И съ каменныхъ воротъ
Падутъ, падутъ запоры
И въ пышный Петроградъ,
Черезъ долины, горы
Ретивые примчатъ,
Слѣща на новоселье.

Стихи, нами выписанные, еще слабы въ поэтическомъ отноше-
ніи; даже въ языкѣ, которымъ они написаны, встрѣчаются уста-
рѣлыя или неправильныя выраженія: но «Посланіе къ сестрѣ»
должно быть извѣстно каждому изъ насъ, какъ первое произве-
деніе великаго нашего поэта.

Первымъ изъ появившихся въ печати стихотвореній Пушкина
считается его посланіе «Къ другу стихотворцу». Оно было напеча-
тано въ московскомъ журналѣ «Вѣстникъ Европы» 1814 года.
Послѣ того стихотворенія Пушкина начали появляться въ жур-
налахъ довольно часто и скоро обратили на себя вниманіе лег-
костію языка, съ которою часто соединялось и поэтическое досто-
пство мысли и картинъ.

На публичномъ экзаменѣ Лицея въ 1815 году шестнадцатилѣт-
ній Пушкинъ прочелъ свое стихотвореніе «Воспоминанія въ Цар-
скомъ Селѣ», стоя въ двухъ шагахъ отъ Державина.

Вотъ какъ рассказываетъ объ этомъ случаѣ самъ Пушкинъ:

«Державина видѣлъ я только разъ въ жизни, но никогда того
не забуду. Это было въ 1815 году, на публичномъ экзаменѣ въ
Лицеѣ. Какъ узнали мы, что Державинъ будетъ къ намъ, всѣ мы
взволновались. Дельвингъ вышелъ на лѣстницу, чтобъ дожидаться
его и поцѣловать руку,—руку написавшую «Водопадъ». Державинъ
пріѣхалъ... Онъ былъ очень старъ... Экзаменъ нашъ очень его
утомилъ; онъ сидѣлъ, поджавъ голову рукою; глаза его были мут-
ны, губы отвисли. Онъ дремалъ до тѣхъ поръ, пока не начался
экзаменъ русской словесности. Тутъ онъ оживился: глаза забли-
стали, онъ преобразился весь. Разумѣется, читаны были его стихи,
поминутно хвалили его стихи. Онъ слушалъ съ живостью необык-
новенною. Наконецъ вызвали меня. Я прочелъ мои «Воспоминанія
въ Ц. С.», стоя въ двухъ шагахъ отъ Державина. Я не въ силахъ
описать состояніе души моей: когда я дошелъ до стиха, гдѣ упо-
минаю имя Державина, голосъ мой отроческій зазвенѣлъ, а сердце
забилося съ уопительнымъ восторгомъ. Не помню, какъ я кончилъ
свое чтеніе; не помню, куда убѣжалъ. Державинъ былъ въ восхи-
щеніи: онъ меня требовалъ, хотѣлъ меня обнять.... Меня искали,
но не нашли....»

Въ стихотвореніи Пушкина была слѣдующая строфа, обращен-
ная къ Державину:

О скальдъ Россіи вдохновенный,
 Воспѣвшій ратныхъ грозный строй!
 Въ кругу друзей твоихъ, съ душой воспламененной,
 Взгреми на арфѣ золотой;
 Да снова стройный гласъ герою въ честь прольется,
 И струны трепетны посыплютъ огонь въ сердца,
 И ратникъ молодой вскипитъ и содрогнется
 При звукахъ браннаго пѣвца!

Строфа эта до слезъ растрогала старца-поэта, и онъ пророчилъ, что Пушкинъ будетъ его преемникомъ.

Старые знакомые 'дома Пушкиныхъ, Карамзинъ и Жуковский, праздновали открытіе поэтического таланта въ молодомъ Пушкинѣ — какъ семейную радость. Жуковский часто пріѣзжалъ изъ Петербурга въ Царское Село, чтобы освѣдомиться о занятіяхъ Пушкина, и любовался его стихотвореніями. Въ запискахъ, которыя ежедневно велъ Пушкинъ, въ 1815 году записано: «Жуковский даритъ мнѣ свои стихотворенія». Рассказываютъ, что Жуковский нерѣдко читалъ Пушкину свои стихотворенія и затѣмъ просилъ повторять ихъ наизусть; если какой нибудь стихъ не укладывался въ памяти слушателя, то авторъ спѣшилъ исправить этотъ стихъ, считая его неудачнымъ. Карамзинъ поручаетъ Пушкину написать пѣснь для праздника, который устраивала въ Павловскѣ императрица Марія Ѳеодоровна, по случаю пріѣзда жениха великой княжны Анны Павловны, принца Оранскаго. Написанное Пушкинымъ стихотвореніе было пропѣто въ присутствіи всѣхъ лицейстовъ на павловскомъ праздникѣ. Авторъ получилъ отъ императрицы въ подарокъ часы ¹⁾. Какъ много ободрило Пушкина вниманіе къ нему Державина, Карамзина и Жуковского, можно видѣть изъ его «Посланія къ Жуковскому» ²⁾.

Во время пребыванія своего въ Лицеѣ Пушкинъ написалъ 125 стихотвореній. «Основной характеръ юношеской поэзіи Пушкина составляетъ веселый взглядъ на жизнь и стремленіе къ беззаботному наслажденію ею» (Анненковъ). «Лицейскія стихотворенія походятъ на памятную кнѣжку, гдѣ записано многое слишкомъ коротко и бѣгло, многое слишкомъ пространно и слабо» (Анненковъ).

1) Пушкинъ — Стоюнина.

2) П. т. «Шк. издан. сочиненій Пушкина».

Многое изъ этой памятной книжки впоследствии было обращено поэтомъ въ ясные, полные и живые образы, и нашло себѣ мѣсто въ произведеніяхъ, относящихся къ эпохѣ полной зрѣлости его таланта. Лицейскія стихотворенія довольно опредѣленно указываютъ на разныя литературныя вліянія на Пушкина въ періодъ его лицейской жизни. Первые его опыты связаны съ именами Шолле, Берни, Парни и нѣкоторыхъ другихъ корифеевъ французской, такъ называемой анакреонтической поэзіи. Изъ отечественныхъ писателей наибольшее вліяніе имѣли на него Жуковский и Батюшковъ. Какъ могущественно дѣйствовала на Пушкина романтическая муза Жуковского, видно изъ указаннаго нами «Посланія къ Жуковскому». На Пушкина обаятельно дѣйствовала «плѣнительная сладость» стиховъ Жуковского и то искреннее и теплое чувство, которымъ проникнута поэзія этого писателя. «Батюшковъ былъ первымъ учителемъ Пушкина въ тонкомъ эстетическомъ вкусѣ, въ искусствѣ облекать самыя смѣлыя порывы фантазіи въ граціозные образы и совершенствомъ формы смягчать рѣзкость представленія. Пушкинъ высоко цѣнилъ даже сходство, какое могутъ представлять нѣкоторые изъ собственныхъ его стиховъ съ манерой Батюшкова. Разсказываютъ, что въ 1828 году онъ, по просьбѣ одного литератора въ Москвѣ, написалъ ему въ альбомъ извѣстное свое стихотвореніе: Муза. На вопросъ литератора, почему пришло ему на умъ именно это стихотвореніе, Пушкинъ отвѣчалъ: «Я люблю его: оно отзывается стихами Батюшкова» *). Лицей остался навсегда дорогъ Пушкину именно тѣмъ, что здѣсь начались первыя его бесѣды съ вдохновеніемъ. Потому-то такъ часто и съ такою симпатіей обращается впоследствии Пушкинъ къ воспоминаніямъ о первыхъ годахъ своей молодости, проведенныхъ въ Лицѣѣ.

Но вотъ настало и время выпуска. 9 іюня 1817 года въ Лицѣѣ состоялся торжественный актъ, который удостоилъ своимъ присутствіемъ Государь Императоръ. «Съ отеческою нѣжностію увѣщевалъ онъ выпускныхъ учениковъ объ исполненіи священныхъ обязанностей къ монарху и отечеству и преподалъ нѣсколько совѣтовъ, долженствовавшихъ руководить ихъ на пути жизни». (Анненковъ).

*) «Матеріалы» Анненкова.

Въ прощальномъ своемъ стихотвореніи, посвященномъ Пушкину и Кюхельбекеру, Пушкинъ говоритъ о вѣчномъ дружескомъ союзѣ и о вѣрности «святому братству». Этотъ обѣтъ онъ сохранилъ всю свою жизнь; память о лицейскихъ товарищахъ всегда вызывала въ немъ самыя теплыя чувства, которыя и переходили въ его поэзію.

ГЛАВА III.

Жизнь въ Петербургѣ съ 1817 по 1820 г.

Друзья Пушкина: Жуковский, Карамзинъ, князь Виземскій, Катенинъ, Чаадаевъ, баронъ Дельвигъ. Поэма «Русланъ и Людмила».

Пушкинъ былъ выпущенъ изъ Лицея съ чиномъ десятаго класса и зачисленъ въ Государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ. Первое впечатлѣніе его по выходѣ изъ Лицея было впечатлѣніе деревни. «Вышедъ изъ Лицея, я тотчасъ почти уѣхалъ въ псковскую деревню моей матери (село Михайловское)», пишетъ Пушкинъ въ своихъ запискахъ. «Помню, какъ обрадовался сельской жизни, русской банѣ, клубникѣ и проч.» По возвращеніи своемъ въ Петербургъ, Пушкинъ былъ принятъ въ литературное общество «Арзамасъ». Члены этого общества привлекали къ себѣ нашего поэта своими литературными талантами, основательныхъ образованіемъ и серьезными взглядами на литературу. Они собирались обыкновенно у Жуковского, гдѣ разсуждали о разныхъ научныхъ предметахъ, читали и разбирали литературныя произведенія. Въ эту эпоху жизни Пушкина, особенно благотворно вліяли на развитіе его таланта, на его умъ и сердце, Жуковский и Карамзинъ. Мы уже говорили, что Жуковский счумѣлъ оцѣнить по достоинству первые проблески таланта Пушкина и съ любовію слѣдилъ за его поэтическимъ развитіемъ въ Лицеѣ. По вступленіи Пушкина въ свѣтъ, дружелюбное отношеніе къ нему не ослабло. Онъ продолжалъ поощрять талантливаго юношу своими наставленіями и совѣтами. Пушкинъ сердечно привязался къ Жуковскому, и изъ его общества всегда могъ выносить глубокое уваженіе къ искусству и ко всему прекрасному. Литературные вопросы, которые обсуждались на вечерахъ у Жуковского, воспитывали въ молодомъ поэтѣ критическій взглядъ, не стѣсняя, впрочемъ, его самостоятельности. Пушкинъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ также и съ Карамзинымъ и его семействомъ.

Онъ благоговѣлъ предъ «Исторіей Государства Россійскаго» и часто пользовался бесѣдами ея знаменитаго автора. Этимъ бесѣдамъ поэтъ былъ обязанъ тѣмъ, что вскорѣ сталъ связывать свою поэзію съ русскою исторіей, для того чтобы дать ей народное значеніе. Какъ вдохновляли Пушкина труды Карамзина, свидѣлствуютъ слѣдующіе его стихи, въ которыхъ идетъ рѣчь о поэтѣ, который

Читаетъ повѣсть древнихъ лѣтъ...

.
 Отъ сна воскресшими вѣками
 Онъ бродитъ тайно окружень,
 И благодарными слезами
 Карамзину приносить онъ
 Живой души благодаренье
 За мигъ восторга золотой,
 За благотворное забвенье
 Безплодной суеты земной:
 И въ немъ трепещетъ вдохновенье».

(Изъ посланія къ Жуковскому въ 1818 году).

Впослѣдствіи Пушкинъ посвятилъ Карамзину своего «Бориса Годунова».

«Изъ всѣхъ современниковъ, говоритъ князь Вяземскій, Карамзинъ и Жуковскій одни внушали Пушкину безусловное уваженіе и довѣріе къ ихъ суду. Онъ по влеченію и сознательно подчинился нравственному и литературному авторитету ихъ. Съ ними онъ не считался. До конца видѣлъ онъ въ нихъ несовмѣстниковъ, а старшихъ и, такъ сказать, воспріемниковъ и наставниковъ» (Сочин. князя Вяземскаго, т. I, стр. 158).

Въ семействѣ Карамзина еще въ 1816 году Пушкинъ познакомился съ П. А. Вяземскимъ, который тотчасъ оцѣнилъ первые опыты гениальнаго мальчика, и привѣтствовалъ его, какъ будущаго великаго поэта. Съ этого года между ними начинаются дружескія отношенія, которыя все становятся тѣснѣе и тѣснѣе и переходятъ наконецъ въ неразрывную дружбу. Вообще Пушкинъ легко подчинялся вліянію всякой честной личности. Въ эту эпоху его жизни мы встрѣчаемъ вліяніе на него П. А. Катенина. Разсказываютъ, что Пушкинъ просто пришелъ въ 1818 году къ Катенину и, подавая ему свою трость, сказалъ: «я пришелъ къ вамъ, какъ

Діогенъ къ Антисѣену: побей — но выучи!» Катенинъ отвѣчалъ: «ученаго учить — портить!» и съ тѣхъ поръ началась ихъ дружба. Катенинъ былъ знатокомъ европейскихъ языковъ и литературъ. Пушкинъ былъ много обязанъ ему въ пониманіи и основательной оцѣнкѣ иностранныхъ поэтовъ. Не менѣе важно было для нашего поэта сближеніе съ Чаадаевымъ. Это былъ одинъ изъ оригинальнѣйшихъ мыслителей своего времени. Какъ высоко цѣнилъ Пушкинъ нравственное вліяніе и дружбу Чаадаева, видно изъ его стихотворенія: «Чаадаеву», которое было написано на югѣ Россіи¹⁾. Чтобы закончить перечень друзей, окружавшихъ Пушкина въ этотъ періодъ его жизни, скажемъ нѣсколько словъ объ его другѣ и лицейскомъ товарищѣ, баронѣ Дельвигѣ. «Дельвигъ былъ истинный поэтъ, но поэтъ въ душѣ, лишенный способности воспроизведенія своихъ созданій. Строгость идеи, глубина чувства, значеніе лицъ и происшествій въ его неосуществленныхъ фантазіяхъ были таковы, что разъ Жуковский, при рассказѣ объ одной изъ замышляемыхъ имъ поэмъ, сказалъ, обнимая будущаго ея творца: «Берегите это сокровище въ себѣ до дня его рожденія», — но день рожденія не наступалъ»²⁾. Въ постоянныхъ разговорахъ съ Дельвигомъ объ искусствѣ и въ обществѣ его, Ал. Сергѣевичъ достигъ замѣчательнаго для себя 1819 года.

Еще на скамьяхъ Лицея Пушкинъ задумалъ большую поэмъ «Русланъ и Людмила». Въ началѣ 1818 года первыя строфы этой поэмы онъ читалъ на вечерахъ Жуковского. По мѣрѣ того какъ создавалась, поэма составляла предметъ долгихъ бесѣдъ автора съ Жуковскимъ, Дельвигомъ и другими извѣстными литераторами. Последнюю пѣснь поэтъ прочелъ въ концѣ 1819 года. Жуковский подарилъ Пушкину свой портретъ съ надписью: «ученику отъ побѣжденнаго учителя въ высокаторжественный день окончанія Руслана и Людмилы». Жуковский дѣйствительно является здѣсь учителемъ Пушкина: «Русланъ и Людмила есть передѣлка «Двѣнадцати спящихъ дѣвъ» Жуковского. «Если сравнить содержаніе обѣихъ поэмъ, говоритъ Незеленовъ³⁾, то окажется, что онѣ почти тождественны. И въ той, и другой рассказывается о похищеніи

¹⁾ См. III т. «Шк. изданія».

²⁾ Матеріалы... Авненкова, 56 стр.

³⁾ А. С. Пушкинъ въ его поэзіи — Незеленова, стр. 49-я.

кіевской княжны; и у Пушкина и у Жуковского являются двѣнадцать прекрасныхъ дѣвъ. Только Вадимъ Жуковского раздѣлился у Пушкина на двѣ личности — на Руслана и Ратмира: Русланъ отправляется на поиски за кіевской княжной, а Ратмиръ увлекается двѣнадцатью дѣвами. Великанъ Жуковского, похитившій кіевскую княжну, тоже раздвоился у Пушкина: на карла Черномора и его брата-Голову; Русланъ борется и съ тѣмъ, и съ другимъ. Св. Угодникъ Жуковского превратился у Пушкина въ старика Финна, бѣсъ — въ Наппу. Какъ Угодникъ и бѣсъ состязаются у Жуковского изъ-за Громобоя, такъ у Пушкина Финнъ и Наппа спорятъ и враждуютъ изъ-за Руслана. Наконецъ, какъ Вадимъ привозитъ похищенную княжну въ Кіевъ, такъ и Русланъ привозитъ Людмилу.»

Но при сходствѣ поэмъ есть между ними и большая разница. У Жуковского освобожденіе отъ княжны — эпизодъ изъ повѣсти; у Пушкина, наоборотъ, рассказъ о двѣнадцати дѣвахъ есть эпизодъ въ повѣствованіи объ освобожденіи кіевской княжны. Затѣмъ (и это главное отличіе поэтовъ) у Жуковского двѣнадцать дѣвъ являются представительницами идеальнаго начала; изъ поэмы Пушкина идеальное начало совершенно исключено... Такимъ образомъ содержаніе поэмы Пушкина заимствовано у Жуковского, но произведеніе послѣдняго подвергнуто весьма существенной передѣлкѣ.

Характеристическая особенность, отличающая поэму Пушкина отъ образца, которому онъ подражалъ, заключается въ ея народности, въ томъ, что въ ней многое отзывается русскимъ духомъ. Въ содержаніи поэмы можно видѣть вліяніе народныхъ сказокъ и богатырскаго эпоса. Прежде всего въ ней сильно замѣтно сходство со сказкою «о спящей царевнѣ»: Людмилу похищаетъ Черноморъ, какъ царевну Кощей; Русланъ освобождаетъ Людмилу, какъ Иванъ Царевичъ свою невѣсту; и оба они послѣ этого убиты, и оба оживаютъ при помощи живой воды*). Далѣе, характеры героев поэмы напоминаютъ намъ богатырей русскихъ былинъ. «Русланъ списанъ поэтомъ съ Ильи Муромца, и отчасти съ Добрыни Никитича. Илью онъ напоминаетъ спокойствіемъ своимъ, самообладаніемъ, отсутствіемъ хвастливости въ нравѣ. Какъ

*) Тотъ же сказочный мотивъ поэтъ передалъ впоследствии въ своей «Сказкѣ о мертвой царевнѣ и о семи богатыряхъ».

Илья привозитъ въ Кіевъ полоненнаго Соловья Разбойника, такъ и Русланъ привозитъ Черномора. Только бой Руслана съ послѣднимъ воспроизводитъ не бой Ильи съ Соловьемъ, а сраженіе Алеши Поповича съ Змѣемъ — Тугариномъ, летавшимъ на бумажныхъ крыльяхъ. — Какъ Илья освобождаетъ Черниговъ отъ трехъ царевичей съ несмѣтною силой татарскою, такъ Русланъ спасаетъ Кіевъ отъ печенѣговъ... Въ поэмѣ есть и Алеша-Поповичъ, — это Фарлафъ; онъ хвастливъ, хитеръ, плутовать; только ему не дано смѣлости его первообраза: онъ трусъ. Фарлафъ хочетъ обманомъ жениться на женѣ Руслана, какъ Алеша женился на женѣ Добрыни; Русланъ, соотвѣтствующій въ данномъ случаѣ Добрыня, лежитъ въ это время въ полѣ израненный и убитый, подобно тому, какъ, по обыкновѣннымъ словамъ Алеши, лежитъ будто бы около ракитова куста въ полѣ Добрыня съ проломанной головой и прострѣленными плечами. Какъ Алеша, Фарлафъ ошибся въ расчетѣ и принужденъ просить прощенія у возвратившагося Руслана» ¹⁾.

И такъ поэма Пушкина довольно близко воспроизводитъ сказанія народной поэзіи. «Пропало только одно», говоритъ Стоюнинъ о Русланѣ и Людмилѣ, «въ чемъ высказывается народный духъ сказки — это наивное отношеніе къ рассказываемому предмету, что впоследствии тотъ же Пушкинъ умѣлъ такъ художественно сохранить, пересказывая русскія народныя сказки... Безъ всякой вѣры въ чудеса, онъ не могъ высказывать сердечнаго участія и къ судьбѣ героевъ и героинь своего разсказа: вмѣсто наивности народной сказки и чувствительности романтизма, у него является шутовское отношеніе ко всѣмъ дѣйствіямъ лицъ съ постоянно веселымъ настроеніемъ духа» ²⁾.

«Русланъ и Людмила» была напечатана въ 1820 году. Прелестный стихъ поэмы, картинность и живость описаній, веселая шутка и остроуміе — все это произвело въ читателяхъ восторгъ и изумленіе. «Никто не могъ вдоволь наслушаться сладчайшей стихотворной рѣчи, какою заговорилъ авторъ поэмы, а еще болѣе никто не могъ довольно надивиться бойкости всѣхъ его приемовъ, разсказу его, исполненному движенія, разнообразію найденныхъ

¹⁾ А. С. Пушкинъ — Незеленова, 55 стр.

²⁾ Пушкинъ — Стоюнина, 102 стр.

имъ-мотивовъ, занимательности содержанія, построеннаго на ска-
зочныхъ небылицахъ»¹⁾).

Всѣ въ Петербургѣ знали Пушкина, всѣ усердно приглашали его къ себѣ. Пушкинъ съ увлеченіемъ молодости накинулся на столичные удовольствія: не пропускалъ ни одного бала, ни одного спектакля, ни одного гулянья. Къ сожалѣнію, у него мало было такихъ благодѣтельныхъ друзей, каковы были Жуковскій и Карамзинъ. Изъ общества послѣднихъ Пушкинъ нерѣдко попадалъ въ кружокъ легкомысленной молодежи, гдѣ несдержанный и остроумный поэтъ иногда открыто и рѣзко порицалъ все, что ему казалось смѣшнымъ; писалъ памфлеты, сатиры, эпиграммы, въ которыхъ осмѣивалъ самыя высокіе предметы... Порою приходили къ нему свѣтлыя минуты духовнаго прозрѣнія, когда онъ сознавалъ, что его поэзіи нужна другая, болѣе высшая и достойная задача. Такъ въ стихотвореніи «Возрожденіе»²⁾ высказывается высокій артистъ, который въ минуты творчества какъ бы очищается отъ своихъ увлеченій и заблужденій. Но молодость и горячая натура снова влекли его къ легкомысленнымъ товарищамъ. Не смотря на увѣщанія Жуковского и Карамзина, Пушкинъ снова писалъ памфлеты и эпиграммы. Кромѣ того, подъ его пменемъ стало ходить по рукамъ много предосудительныхъ стиховъ, которые вовсе не принадлежали его перу. Наконецъ Пушкину стала грозить большая бѣда: начальство рѣшилось было послать его въ отдаленную ссылку. Но благодѣтельные друзья поэта, Карамзинъ и Жуковскій, явились за него ходатаями, и легкомысленный поэтъ заплатилъ за свои грѣхи лишь тѣмъ, что былъ переведенъ на службу въ Екатеринославль въ канцелярію главнаго попечителя колонистовъ южнаго края, генерала Ивана Никитича Инзова.

ГЛАВА IV.

Жизнь Пушкина на югѣ Россіи (1820—1824 г.).

Впечатлѣнія Кавказа и Крыма. Жизнь въ Кишиневѣ. Инзовъ. Жизнь въ Одессѣ.

Поэмы: «Кавказскій плѣнникъ», «Бахчисарайскій Фонтанъ» и «Цыганы».

На югѣ Россіи Пушкинъ жилъ четыре года. Это время прошло въ постоянныхъ переѣздахъ изъ одного мѣста въ другое. Вскорѣ

¹⁾ А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху — Анненкова. 137 стр.

²⁾ III т. «Шк. изданія»...

по приѣздѣ въ Екатеринославль, онъ вздумалъ выкупаться въ Днѣпрѣ и заболѣлъ лихорадкою. Въ это время проѣзжалъ черезъ Екатеринославль на Кавказскія воды генералъ Раевскій съ семействомъ. Это былъ тотъ самый Раевскій, который въ сраженіи на Смоленскомъ вывелъ въ дѣло двухъ еще почти малолѣтнихъ своихъ сыновей, который прославился и личной храбростію, и способностями искуснаго полководца. Младшій сынъ его, тогда ротмистръ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка, находившійся въ отпуску, подружился съ Пушкинымъ еще въ Петербургѣ. Раевскій поспѣшилъ отыскать Пушкина въ Екатеринославлѣ и уговорилъ своего отца взять его съ собою на Кавказъ. Правительство разрѣшило Пушкину путешествіе на Кавказъ, какъ знакъ прощенія поэту за прошлыя вины; кромѣ того положили ему выдать на дорогу 1000 рублей ¹⁾.

Въ первыхъ числахъ іюня мѣсяца (1820 г.), Пушкинъ приѣхалъ на кавказскія минеральныя воды. Въ обществѣ Раевскихъ онъ ѣздилъ на гору Бѣштау и жилъ тамъ въ калмыцкой кибиткѣ, за недостаткомъ другаго помѣщенія. «Эти оригинальныя поѣздки, эта жизнь вольная, заманчивая и совсѣмъ не похожая на прежнюю, эта новость и нечаянность впечатлѣній, жизнь въ кибиткахъ и палаткахъ, разнообразныя прогулки, ночи подъ открытымъ южнымъ небомъ, и кругомъ причудливыя картины горъ, новыя нравы, невиданныя племена, аулы сакли и верблюды, дикая вольность горскихъ черкесовъ, а въ нѣсколькихъ часахъ, пути упорная жестокая война, съ громкимъ именемъ Ермолова, — все это должно было чрезвычайно какъ нравиться Пушкину... Къ удовольствіямъ путешествія прибавлялось еще всегда радостное и свѣжительное чувство выздоровленія; Пушкинъ бралъ ванны и оправлялся отъ болей» ²⁾.

Вотъ какъ самъ Пушкинъ рассказываетъ о путешествіи на Кавказъ брату своему, Льву Сергѣевичу, вскорѣ послѣ возвращенія изъ путешествія:

«Два мѣсяца жилъ я на Кавказѣ; воды мнѣ были очень нужны и чрезвычайно помогли, особенно сѣрныя горячія. Впрочемъ, купался въ теплыхъ кислотѣрныхъ, въ желѣзныхъ и въ кислыхъ холодныхъ. Всѣ эти цѣлебныя ключи находятся не въ дальнемъ раз-

¹⁾ «Пушкинъ въ Александр. эпоху» — Анненкова, 148 стр.

²⁾ Пушкинъ въ Южной Россіи — Бартенева, 19 стран.

стоянии другъ отъ друга, въ послѣднихъ отрасляхъ кавказскихъ горъ. Жалѣю, мой другъ, что ты со мною вмѣстѣ не видалъ великолѣпную цѣпь этихъ горъ, ледяныя ихъ вершины, которыя издали, на ясной зарѣ, кажутся странными облаками, разноцвѣтными и недвижными; жалѣю, что не всходилъ со мною на острый верхъ пятихолмнаго Бешту, Машука, Желѣзной горы, Каменной и Змѣиной. Кавказскій край, знойная граница Азіи — любопытнѣе во всѣхъ отношеніяхъ. Ермоловъ наполнилъ его своимъ именемъ и благотворнымъ гениемъ. Дикіе черкесы напуганы; древняя дерзость ихъ исчезаетъ. Дороги становятся частъ отъ часу безопаснѣе, многочисленные конвои — излишними. Должно надѣяться, что эта завоеванная сторона, до сихъ поръ не приносившая никакой существенной пользы Россіи, скоро сблизитъ насъ съ персіянами безопасною торговлею, не будетъ намъ преградою въ будущихъ войнахъ — и, можетъ быть, сбудется для насъ химерическій планъ Наполеона въ разсужденіи завоеванія Индіи *)».

Вообще Кавказъ произвелъ на Пушкина сильное впечатлѣніе и далъ ему богатый запасъ поэтическихъ впечатлѣній. Здѣсь онъ замыслилъ поэму «Кавказскій Плѣнникъ», въ которой какъ бы даетъ поэтический отчетъ о своемъ путешествіи. Описательная часть этой поэмы свидѣлствуетъ, что молодой поэтъ воспринялъ въ свою душу всю роскошь и разнообразіе новыхъ для него картинъ и съ самою тонкой наблюдательностію схватилъ главнѣйшія черты края. Разсказывая впослѣдствіи о судьбахъ своей музы, онъ говоритъ:

Какъ часто по скаламъ Кавказа,

Она Ленорой при лунѣ

За мной скакала на конѣ.

Или: Бя плѣнилъ нарядъ суровый

Племень, возросшихъ на войнѣ,

И часто въ сей одеждѣ новой

Волшебница являлась мнѣ;

Вокругъ ауловъ опустѣлыхъ

Одна бродила по скаламъ,

И къ пѣснямъ дѣвъ осиротѣлыхъ

Она прислушивалась тамъ.

*) VII т. Сочиненій А. С. Пушкина, 77 стр.

Съ Кавказа Пушкинъ отправился въ Крымъ черезъ землю Черноморскихъ казаковъ. Тутъ опять новыя картины, новыя небывалыя впечатлѣнія. «Видѣлъ я берега Кубанн, пишетъ онъ въ томъ же письмѣ своему брату, и сторожевыя станицы — любовался нашими казакамъ: вѣчно верхомъ, вѣчно готовы драться; въ вѣчной предосторожности! Ъхалъ въ виду непріязненныхъ полей свободныхъ горскихъ народовъ. Вокругъ пастъ ѣхали 60 казаковъ, за нами тащилась заряженная пушка съ зажженнымъ фитилемъ. Хотя Черкесы нынче довольно смиренны, но нельзя на нихъ положиться... Ты понимаешь, какъ эта тѣнь опасности правится мечтательному воображенію».

Изъ Феодосіи Пушкинъ отправился моремъ, мимо полуденныхъ береговъ Тавриды, въ Юрзуфъ, гдѣ находилось семейство Раевскихъ. Ночью на кораблѣ была написана имъ знаменитая элегія «Погасло дневное свѣтило...»¹⁾ Юрзуфъ, очаровательный уголокъ южнаго крымскаго берега, открылся передъ Пушкинымъ при утреннемъ свѣтѣ. «Проснувшись, я увидѣлъ картину плѣнительную: разноцвѣтныя горы сіяли, плоскія кровли хижинъ татарскихъ издали казались ульями, прилѣпленными къ горамъ; тополи, какъ зеленныя колонны, стройно возвышались между ними; справа огромный Аюдагъ... кругомъ это синее, чистое небо, и свѣтлое море, и блескъ, и воздухъ полуденный». Такъ описываетъ самъ Пушкинъ видъ Юрзуфа, гдѣ онъ прожилъ три недѣли.

«Суди, былъ-ли я счастливъ (писалъ онъ нѣсколько времени спустя брату)²⁾: свободная, безпечная жизнь въ кругу милаго семейства; жизнь, которую я такъ люблю и которой никогда не наслаждался; счастливое полуденное небо, прелестный край, природа, удовлетворяющая воображенію, горы, сады, море; другъ мой, любимая моя надежда увидѣть опять полуденный берегъ и семейство Раевскаго».

«Я любилъ (писалъ поэтъ Дельвигу³⁾, проснувшись ночью, слушать шумъ моря и заслушивался цѣлыя часы. Въ двухъ шагахъ отъ дома росъ кипарисъ; каждое утро я посѣщалъ его и къ нему привязался чувствомъ, похожимъ на дружество».

1) III т. «Шк. изданія»...

2) «Пушкинъ въ Южной Россіи», г. Баргенева.

3) Тамъ-же.

Впослѣдствіи, въ чудныхъ стихахъ одной изъ послѣднихъ главъ «Онѣгина», Пушкинъ вспоминаетъ, какъ муза водила его «по брегамъ Тавриды»

Слушать шумъ морской,
Немолчный шепотъ Нереиды,
Глубокій, вѣчный хоръ валовъ,
Хвалебный гимнъ Творцу міровъ.

О другѣ его кипарисѣ сложилось въ Крыму поэтическое преданіе, прекрасно пересказанное стихами Некрасовымъ (въ поэмѣ «Русскія женщины»):

Пушкича слѣдъ
Въ туземной легендѣ остался:
«Къ поэту леталъ соловей по ночамъ,
Какъ въ небо луна выплывала,
И вмѣстѣ съ поэтомъ онъ пѣлъ — и пѣвцамъ,
Внимая, природа смолкала!
Потомъ соловей — повѣствуетъ народъ —
Леталъ сюда каждое лѣто:
И свищетъ, и плачетъ, и словно зоветъ
Къ забытому другу поэта!
Но умеръ поэтъ — прилетать пересталъ
Пернатый пѣвецъ... Подный горя,
Съ тѣхъ поръ кипарисъ сиротою стоялъ,
Внимая лишь ропоту моря.....»
Но Пушкинъ надолго прославилъ его:
Туристы его навѣщаютъ,
Садятся подъ нимъ и на-память съ него
Душистыя вѣтки срывають.....

Такимъ образомъ поѣздки Пушкина по Кавказу и Крыму укрѣпили въ немъ чувство любви къ природѣ, обогатили его новыми наблюденіями, новыми впечатлѣніями и доставили ему много минутъ высокаго вдохновенія.

Возвращаясь Пушкину изъ Крыма пришлось не въ Екатеринославль, а въ Кишиневъ, куда переѣхалъ его начальникъ, генералъ Инзовъ. На пути въ Кишиневъ онъ былъ въ Бахчисараѣ, осматривалъ ханскій дворецъ съ его садами и фонтанами, слу-

шаль здѣсь рассказы про старину; это дало матеріалъ для его поэмы: «Бахчисарайскій фонтанъ».

Пушкинъ прибылъ на житье въ Кишиневъ въ послѣднихъ числахъ сентября 1820 года. Онъ явился сюда съ жаждою къ ученію, самообразованію, къ умственному труду. Къ счастью нашего поэта, въ той средѣ, гдѣ пришлось ему жить, нашлось немало такихъ людей, которые поддерживали въ немъ эти благородныя стремленія и помогали въ ихъ осуществленіи. Прежде всего слѣдуетъ сказать о непосредственномъ начальникѣ его, генералѣ Инзовѣ. Иванъ Никитичъ Инзовъ воспитывался въ средѣ умѣйшихъ и благороднѣйшихъ людей Екатерининскаго вѣка. «Онъ усвоилъ себѣ лучшія качества этихъ людей, вполне опредѣленный образъ мыслей, любовь къ просвѣщенію, мягкость нрава, чрезвычайное доброжелательство и человѣколюбіе... Это былъ человѣкъ не хитраго разума, простой въ обращеніи, не умѣвшій говорить красно и громко; но его искренняя привѣтливость, неподкупная честность и прямота характера заслужили ему любовь подчиненныхъ и уваженіе равныхъ и начальства. Сверхъ того Инзовъ былъ очень образованъ и начитанъ, занимался исторіей, естественными науками, собиралъ рукописи»¹⁾. Инзовъ чутьемъ своего сердца понималъ высокое благородство природы Пушкина и почувствовалъ къ нему искреннюю симпатію. Во все время пребыванія Пушкина въ Кишиневѣ, Инзовъ былъ для него умнымъ руководителемъ и попечительнымъ начальникомъ. Особенно серьезное влияніе на Пушкина имѣлъ кружокъ кишиневскихъ военныхъ, среди которыхъ было много умныхъ и высоко-образованныхъ людей. Первое мѣсто между ними занимаетъ М. Ѳ. Орловъ, въ домѣ котораго Пушкинъ былъ принятъ, какъ свой человѣкъ. «Орловъ славенъ своимъ горячимъ участіемъ ко всему, что выступаетъ изъ обыкновенной, будничной жизни. Страсть къ просвѣщенію, страсть къ словесности, страсть къ искусствамъ (онъ былъ основателемъ Московской школы живописи и ваянія)... всю жизнь волновали эту благородную и пылкую душу»²⁾. Кромѣ Орлова, Пушкинъ чаще всего видѣлся съ офицерами — Вельтманомъ, Охотниковымъ и Липранди. Собесѣдники большею частію собирались у Липранди; на ихъ собраніяхъ не было ни картъ, ни

1) Пушкинъ въ Южной Россіи — Бартенева, стран. 43.

2) Пушкинъ — Бартенева, 51. стр.

танцевъ, а шли бесѣды и споры, и обыкновенно о дѣльных пред-
метахъ. Пушкинъ принималъ въ нихъ очень дѣятельное участіе.
По свидѣтельству Липранди, онъ часто искусственно возбуждалъ
споры о предметахъ, его интересовавшихъ, у людей болѣе въ нихъ
компетентныхъ, чѣмъ онъ самъ, и затѣмъ пользовался указаніями
спора для пріобрѣтенія нужныхъ ему сочиненій ¹⁾. Тотъ же Ли-
пранди рассказываетъ, что Пушкинъ неоднократно послѣ такихъ
споровъ на другой или на третій день приходилъ къ нему и бралъ
книги, «касавшіяся до предмета, о которомъ шла рѣчь». Близкіе
друзья Пушкина отзывались, что его задумевшія бесѣды стоили
многихъ его печатныхъ сочиненій, и что нельзя было его не полю-
бить, покороче узнавши.

Пушкинъ много читалъ и размышлялъ. Чтеніе книгъ у Пуш-
кина было не только пріятнымъ препровожденіемъ времени, но
и дѣломъ серьезнымъ; онъ читалъ съ перомъ въ рукахъ, дѣлая
выписки, извлеченія, замѣтки. Было для него великимъ одолже-
ніемъ, если кто-нибудь присылалъ ему новую кнпгу. Это часто
дѣлалъ для него въ Кишиневѣ генералъ Инзовъ. Присылалъ ему
книги также и братъ его, Левъ Сергѣевичъ, находившійся въ
Петербургѣ. Съ особеннымъ интересомъ Пушкинъ читалъ произ-
веденія древнихъ классическихъ писателей. Пришлось ему однажды,
проѣзжая съ Липранди черезъ Измаиль, познакомиться съ гене-
раломъ Тучковымъ, у котораго въ библіотекѣ онъ увидалъ «всѣхъ
классиковъ;» это привело его въ пасмурное настроеніе, онъ ска-
залъ своему спутнику, что онъ охотно «остался бы здѣсь на мѣ-
сяцъ, чтобы просмотрѣть все, что ему показывалъ генералъ» ²⁾.
Изъ древнихъ писателей болѣе всѣхъ заинтересовалъ его Овидій,
которому онъ посвятилъ свою прекрасную элегію «къ Овидію» ³⁾.
Изъ сочиненій Овидія послѣ Превращеній онъ особенно предпо-
читалъ Понтійскія элегіи. Пластическая красота поэзіи Овидія,
бесъ сомнѣнія, способствовала усиленію художественности музыки
Пушкина. Изъ новѣйшихъ любимыхъ писателей сдѣлался для
Пушкина англійскій поэтъ Байронъ. Самъ онъ говорилъ о себѣ
впослѣдствіи, что, въ эпоху пребыванія на югѣ, «съ ума сходилъ»

1) Пушкинъ въ Алекс. эпоху — Анненкова, 155.

2) Р. Арх. 1866 г., 1281 стр.

3) III т. «Школы. изданія».

отъ Байрона». Ближайшая причина байроновскаго вліянія на Пушкина состояла въ томъ, что онъ одинъ могъ ему представить современный образецъ творчества. По-нѣмецки Пушкинъ не читалъ, или читалъ тяжело; перевѣсъ оставался на сторонѣ британскаго лирика ¹⁾. Величавая красота британскаго генія, богатство фантазіи, сила изображенія, живость красокъ и прелесть разсказа обаятельно подѣйствовали на нашего поэта. Произведенія Байрона отразились, какъ увидимъ ниже, и на тѣхъ поэмахъ Пушкина, которыя были написаны во время пребыванія его на югѣ Россіи.

Кромѣ чтенія книгъ, Пушкинъ интересовался и народной поэзіей. Такъ онъ записывалъ сербскія пѣсни, пользуясь знакомствомъ своимъ черезъ Липранди съ сербскими воеводами, поселившимися въ Кишиневѣ: Вучичемъ, Живковичемъ и др. Липранди говоритъ, что поэтъ часто при немъ спрашивалъ ихъ «о значеніи тѣхъ или другихъ словъ для перевода» ²⁾. «Вотъ съ какихъ поръ, говоритъ Незеленовъ, Пушкинъ интересовался славянскою поэзіей и вотъ гдѣ объясненіе удивительной вѣрности написанныхъ имъ выводовъ («Пѣсенъ Западныхъ Славянъ» духу народности» ³⁾).

Самообразование Пушкина продолжается съ тѣмъ же успѣхомъ и въ Одессѣ, куда онъ былъ переведенъ изъ Кишинева въ 1823 году и гдѣ прожилъ до осени 1824 года. По словамъ Анненкова, большая часть его денегъ уходила на пріобрѣтеніе книгъ; въ это время возникло у него стремленіе къ собиранію библіотеки, поэтъ самъ живописно сравнивалъ себя со стекольщикомъ, разоряющимся на покупку необходимыхъ для него алмазовъ.

Вообще жизнь на югѣ Россіи, вдали отъ столичныхъ развлеченій, дала Пушкину возможность поправить недостатки своего лицейскаго образованія, дала средства стать паравнѣ съ вѣкомъ въ просвѣщеніи, какъ онъ самъ выразился въ посланіи «къ Чаадаеву» ⁴⁾.

Жизнь эта была также богата произведеніями его поэтическаго таланта. Такъ, кромѣ многихъ мелкихъ стихотвореній («Земля и

1) Матеріалы, 96 стр.

2) Р. Арх. 1866 г.

3) А. С. Пушкинъ — Незеленова, стр. 116.

4) III т. «Школьнаго изданія».

Море», «Муза», «Наполеонъ», «Овидію», «Погасло дневное свѣтило», «Рѣдѣть облаковъ летучая гряда», «Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ» и др.), въ четырехлѣтній періодъ времени Пушкинъ написалъ поэмы — «Кавказскій Плѣнникъ», «Бахчисарайскій Фонтанъ», «Цыганы» и началъ писать свой романъ «Евгеній Онегинъ».

Въ созданіи героевъ, выведенныхъ въ поэмахъ Пушкина, отразилось, какъ уже было сказано выше, влияние англійскаго поэта Байрона. Это влияние мы видимъ, прежде всего, на поэмѣ «Кавказскій Плѣнникъ», которую Пушкинъ окончилъ въ февралѣ 1821 года. Характеръ «Плѣнника» имѣетъ сходство съ Гарольдомъ въ «Чайльдъ-Гарольдѣ» Байрона. И «Плѣнникъ» и Гарольдъ — оба покидаютъ родину, разочаровавшись въ своей прошлой жизни, утомленные ея бурями; обоимъ имъ нравится дикая природа и жизнь дикаго племени. «Плѣнникъ» отличается энергіей, гордой смѣлостью, страстнымъ увлеченіемъ. Гордо началъ онъ на родинѣ свою «пламенную младость», «много милого любилъ», «узналъ грозное страданье». Но скоро онъ разочаровался въ жизни, — ему опротивѣли ложь и пошлость людей, въ средѣ которыхъ онъ жилъ. Таковъ и «Гарольдъ» Байрона: онъ бурно провелъ свою молодость, много пережилъ и испыталъ; разочаровавшись въ людяхъ, онъ уѣхалъ изъ родной страны за «гордымъ призракомъ свободы» *). Вматриваясь въ нравственный міръ «Плѣнника», нельзя не видѣть, что Пушкинъ обрисовалъ его слишкомъ общими чертами. Онъ нисколько не объясняетъ читателю, какія радости, какія страданія были у «Плѣнника»; что онъ разувѣрился въ дружбѣ и любви, что онъ увлекался свѣтской суетой, еще не даетъ ни одной оригинальной черты его характеру; мы не знаемъ, чего искалъ «Плѣнникъ», за что подвергся онъ гоненію, какую свободу могъ найти на Кавказѣ. Очевидно, что его жизнь была безъ живительнаго идеала, вмѣсто котораго были только призраки; они исчезли, и должна была остаться неудовлетворенность, усталость, разочарованіе. Замѣчательно, что самъ Пушкинъ первый открылъ недостатки характера «Плѣнника». «Характеръ «Плѣнника» неудаченъ», пишетъ Пушкинъ въ 1821 году Владиміру Петровичу Горчакову. «Я въ немъ хотѣлъ изобразить это равнодушіе къ жизни и къ ея наслажденіямъ, эту преждевременную старость души,

*) А. С. Пушкинъ — Незеленова, стр. 76-я.

которыя сдѣлались отличительными чертами молодежи 19-го вѣка» ¹⁾).

«Кавказскій Плѣнникъ» появился въ печати въ послѣднихъ числахъ августа 1822 года. Успѣхъ былъ полный; публика съ жадностію читала поэму. Превосходныя и живыя картины Кавказа, теплый и задушевный тонъ поэмы, наконецъ героизмъ Черкешенки, не шумный, но удивительно благородный и нѣжный — все это возбуждало въ читателяхъ восторгъ и привлекло всеобщую любовь къ молодому поэту.

Вскорѣ по окончаніи Кавказскаго Плѣнника, Пушкинъ, извѣщая своего друга, барона Дельвига, объ окончаніи этой поэмы, писалъ между прочимъ слѣдующее: «Еще скажу тебѣ, что у меня въ головѣ бродятъ еще поэмы, но что теперь ничего не пишу — я перебарываю воспоминанія и надѣюсь набрать скорѣ новыя...» ²⁾. Онъ начиналъ нѣсколько поэмъ, но былъ самъ недоволенъ, и либо бросалъ, либо вовсе уничтожалъ написанное. Такъ онъ написалъ поэму «Братья разбойники», изъ которой отрывокъ случайно уцѣлѣлъ въ рукахъ одного изъ пріятелей автора; остальные части поэмы были имъ уничтожены. Въ 1822 году была написана третья поэма Пушкина: «Бахчисарайскій Фонтанъ», заключающая въ себѣ поэтическія воспоминанія о Крымѣ, какъ воспоминанія о Кавказѣ были высказаны поэтомъ въ «Кавказскомъ Плѣнникѣ». О «Бахчисарайскомъ Фонтанѣ» самъ Пушкинъ сказалъ, что она «отзывается чтеніемъ Байрона» ³⁾. На поэмѣ Пушкина отразился «Гяуръ», Байрона. Какъ Байронъ, такъ и Пушкинъ рисуютъ роскошь южной природы, ея сады, розы, соловьиныя пѣсни; сходными чертами изображаютъ они дворецъ, запустѣвшій послѣ разыгравшейся въ немъ драмы; наконецъ, оба рассказываютъ, какъ сокрушенный властелинъ ищетъ забвенія въ бурной жизни. Но герой «Бахчисарайскаго Фонтана» Гирей повторяетъ собою «Плѣнника»: онъ только блѣдный списокъ съ блѣднаго оригинала. У Пушкина не находимъ такого тонкаго анализа ощущеній, какимъ отличается поэма Байрона; не видно также умѣнья изображать сильныя движенія страсти. На этотъ недостатокъ впослѣдствіи указалъ самъ

1) VII т. Сочиненій А. С. Пушкина, 145 стр.

2) VII т. Соч. Пушкина, 129 стр.

3) См. III т. «Школьнаго издан.», 434 стр.

Пушкинъ ¹⁾. Но есть въ поэмѣ Пушкина такая черта, которая, при всѣхъ ея недостаткахъ, ставитъ ее безконечно выше Гяура:— это изображеніе свѣтлаго образа Маріи. Чпстая и кроткая, полная глубокой вѣры, Марія вполне чужда той жизни, которая ее окружаетъ; и «мнится», говоритъ поэтъ, что въ ея жилищѣ, гдѣ позволено ей быть одинокой, гдѣ она «плачетъ и груститъ»,

Сокрылся пѣто неземной.

Жизнь Маріи совершенно духовная. Чпстая душа ея поражается ужасомъ при видѣ страсти въ человѣкѣ; она не боится угрозъ смерти, напротивъ желаетъ умереть, чтобы уйти отъ земнаго, грязнаго міра. Предъ этою возвышенной чистотой Маріи все преклоняется. Дикій татаринъ, съ идеаломъ наѣздника и деспота среди своей орды, вдругъ отказывается отъ всего, что прежде составляло его жизнь, какъ будто смиряется, потому что въ его душу проникъ высшій идеалъ красоты, потому что онъ пораженъ свѣтлой невинностью христіанской дѣвы. Это просвѣтлѣніе и возрожденіе человѣка, погружавшагося въ матеріальную жизнь, — силою чистой духовной любви и составляетъ основную идею поэмы ²⁾. Князь П. А. Вяземскій такъ выразился, говоря о появленіи поэмы Пушкина: «Фонтанъ брызнетъ на васъ поэзіей». Дѣйствительно, и въ своихъ болѣе совершенныхъ въ художественномъ смыслѣ созданіяхъ Пушкинъ рѣдко подымался до такого высокаго идеала, до такой гармоніи и прелести стиха. «Всѣ оттѣнки мнѣній, раздѣлявшихъ нашу литературу, слились при появленіи «Бахчисарайскаго Фонтана» въ одну похвалу не слыханной еще дотолѣ гармоніи стиха, небывалой у насъ роскоши стиховъ и описаній, какими отличалась поэма. Въ ней видѣли торжество русскаго языка, и только дальнѣйшее развитіе автора показало, что русскій языкъ еще болѣе можетъ быть усовершенствованъ» ³⁾.

Содержаніемъ для поэмы «Цыганы» (окончена въ Михайловскомъ 10 окт. 1824 г.) послужили такъ же, какъ и прежнимъ, личныя впечатлѣнія поэта: когда онъ ѣздилъ по Бессарабіи, то часто имѣлъ случай близко присмотрѣться къ цыганскому быту, а од-

¹⁾ См. III т. «Шк. издан.», 34 стр.

²⁾ По книгѣ Незелёпова: А. С. Пушкинъ въ его поэзіи, 135 — 140 стр.

³⁾ Матеріалы—Аппенкова, 97 стр.

пажды даже посвятилъ этимъ наблюденіямъ нѣсколько дней. Объ этомъ онъ самъ говоритъ въ одной строфѣ поэмы, которая впоследствии была исключена изъ нея:

За ихъ лѣнивыми толпами
Въ пустыняхъ, праздный, я бродилъ,
Простую пищу ихъ дѣлилъ
И засыпалъ предъ ихъ огнищъ.
Въ походахъ медленныхъ любилъ
Ихъ нѣсней радостныя гулы.

То же самое говоритъ Пушкинъ, рассказывая о своей музѣ:

И позабывъ столицы дальней
И блескъ, и шумные пиры,
Въ глуши Молдавіи печальной
Она смиренныя шатры
Племенъ бродящихъ посѣщала,
И между ними одичала
И позабыла рѣчь боговъ
Для скудныхъ, странныхъ языковъ,
Для пѣсень стени, ей любезной...

Въ главномъ дѣйствующемъ лицѣ поэмы, Алеко, слышится сочувственный отзывъ автора на голосъ Байрона, который враждебно отнесся къ жизни современнаго ему цивилизованнаго общества, гдѣ человѣкъ съ высшими идеалами напрасно искалъ себѣ счастья. Алеко недоволенъ образованнымъ обществомъ; его томить мертвенность праздной жизни этого общества и онъ, «презрѣвъ оковы просвѣщенія», уходитъ искать какого-то призрака свободы у цыганъ, людей простыхъ и близкихъ къ природѣ. Подчиняясь Байрону, Пушкинъ съ сочувствіемъ изображаетъ недовольство Алеко образованнымъ обществомъ и прелесть простой и беззаботной жизни цыганъ; но въ то же время онъ безошадно и безпристрастно развѣнчиваетъ своего героя и тѣмъ выходитъ изъ подъ былой власти британскаго поэта. Известно, что Байронъ всегда изображалъ своихъ героевъ съ сочувствіемъ къ нимъ; между тѣмъ Пушкинъ въ концѣ своей поэмы представляетъ Алеко крайнимъ эгоистомъ, къ которому никакъ невозможно отнестись съ сочувствіемъ. Алеко не уничтожилъ въ себѣ самомъ той злобы, эгоизма, испорченности,

которые, по его словамъ, живутъ въ ненавистномъ для него цивилизованномъ обществѣ. Онъ ищетъ себѣ успокоенія въ средѣ бѣднаго цыганскаго табора, куда спасается отъ городовъ и столицъ, но вмѣсто того, предательски вноситъ къ нему страсти ихъ, присоединяя еще и кровавое преступленіе. Такимъ образомъ Алеко, при громаднѣхъ стремленіяхъ, является только олицетвореніемъ нравственной пустоты.

Въ одно время съ цыганами были написаны первыя три главы Евгенія Онѣгина. Когда появилась первая глава этого романа въ Петербургѣ, друзья поэта заявили, что она составляетъ мастерское подражаніе первой главѣ Д. Жуана Байрона. Съ жаромъ припался толковать имъ Пушкинъ, что между Онѣгинымъ и Донъ-Жуаномъ ничего нѣтъ общаго. Онъ былъ вполне правъ. Дѣйствительно, хотя въ первой главѣ романа Онѣгинъ сохраняетъ какую-то дальнюю, неопредѣленную родственную черту съ героями Байрона, но въ слѣдующихъ является типическимъ выраженіемъ русской жизни, со всѣми ея особенностями.

Этимъ романомъ начинается «обрушеніе» Пушкинскаго таланта, — поворотъ нашего поэта навстрѣчу русской жизни. «Съ Онѣгина, говоритъ Анненковъ, начинается отрезвленіе Пушкина отъ хмѣли восторженнаго подражанія Байрону, и возвращеніе его къ самому себѣ, къ природѣ и свойствамъ своего таланта...» ¹⁾ «Послѣ трехъ лѣтъ родственнаго знакомства, направленіе и приемы Байрона совсѣмъ пропадають въ Пушкинѣ; остается одна крѣпость развившагося таланта: обыкновенный результатъ сношеній между истинными поэтами» ²⁾. «Талантъ неволенъ, говоритъ Пушкинъ уже въ зрѣлые годы своей жизни, и его подражаніе не есть похищеніе — противъ умственной скудости, но благородная надежда на свои силы, надежда открыть новые міры, стремясь по слѣдамъ генія».

30-го іюля 1824 года, по приказанію начальства, Пушкинъ выѣхалъ изъ Одессы въ село Михайловское. Онъ простился съ южнымъ краемъ Россіи своимъ чуднымъ стихотвореніемъ: «Къ морю» ³⁾ Этимъ же стихотвореніемъ нашъ поэтъ прощался и съ властителемъ своихъ думъ — Байрономъ.

1) А. С. Пушкинъ въ Алекс. эпоху. Стр. 238.

2) Матеріалы... Стр. 96.

3) III т. «Шк. издан.» сочиненій А. С. Пушкина.

ГЛАВА V.

Въ Михайловскомъ.

Образъ жизни Пушкина. Изученіе народной поэзіи. Тригорское. Вольфъ и Языковъ. Свиданіе съ Липейскими товарищами — друзьями. Чтеніе Шекспира, Тацита русскихъ лѣтописей. «Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ». — Драма «Борисъ Годуновъ». — Стих. «Пророкъ».

Въ началѣ августа 1824 года Пушкинъ прибылъ въ «смирennyй домикъ» и роши роднаго села Михайловскаго. Михайловское — небольшое помѣстье, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Святогорскаго Успенскаго монастыря, Псковской губерніи, Опочненскаго уѣзда, съ небольшимъ барскимъ домикомъ. Оно расположено на берегу озера, изъ котораго вытекала рѣчка Соротъ ¹⁾. Здѣсь онъ встрѣтилъ всю свою семью. Возвратясь подъ отеческій кровъ, Пушкинъ, по собственнымъ его словамъ, былъ обласканъ. Но вскорѣ у него начался разладъ съ отцомъ, кончившійся тѣмъ, что старикъ — Пушкинъ увезъ свою семью въ Петербургъ, оставивъ поэта одного хозяиномъ усадьбы. Пушкинъ поселился въ единственной жилой комнатѣ стараго деревяннаго дома. Эта комната служила ему спальней, столовой и рабочимъ кабинетомъ; всѣ остальные комнаты въ домѣ оставались запертыми и нетопленными. Поэтъ Языковъ такъ описалъ комнату Пушкина:

Обоями худыми

Гдѣ-гдѣ прикрытая стѣна,

Полъ не чиненный, два окна

И дверь стеклянная межъ ними;

Диванъ предъ образомъ въ углу

Да пара стульевъ... ²⁾.

Въ простой сѣренькой комнатѣ у Пушкина скорѣе являлось вдохновеніе, чѣмъ въ роскошномъ кабинетѣ съ картинами, статуями и богатой мебелью. — На другой половинѣ дома, черезъ стѣны, находилась комната няни поэта, Арины Родіоновны, которая исполняла при немъ всѣ должности. Передъ домомъ былъ дворъ съ цвѣтниками.

¹⁾ Михайловское изображено въ стих. Пушкина: Опять на родинѣ (см. II. т. «Шк. Изданія...»)

²⁾ Матеріалы, 110 стр.

комъ, а позади раскинулся густой паркъ. Пушкинъ вставалъ рано, лѣтомъ купался, а зимой бралъ ванну со льдомъ. Утро посвящалъ онъ чтенію, выпискамъ, созданію своихъ произведеній или подготовительнымъ къ нимъ работамъ. Пушкинъ, между прочимъ, былъ неутомимый ходокъ пѣшкомъ и много ѣздилъ верхомъ. Осенью 1824 года онъ писалъ своему брату: «Знаешь ли мои занятія? до обѣда пишу записки, обѣдаю поздно; послѣ обѣда ѣзжу верхомъ, вечеромъ слушаю сказки... Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма»¹⁾. Если случалось оставаться ему дома безъ дѣла и безъ гостей, Пушкинъ игралъ двумя шарами на билліардѣ самъ съ собой, и длинные зимніе вечера проводилъ въ бесѣдахъ со своей няней. Это «была старушка чрезвычайно почтенная, лицомъ полная, вся сѣдая, страстно любившая своего питомца»²⁾. Любя бесѣдовать съ своей няней, нашъ поэтъ обыкновенно ей же читалъ и свои произведенія.

И плоды моихъ мечтаній

И гармоническихъ затѣй

Читаю только старой нянѣ,

Подругѣ юности моей,

говорить онъ въ «Онѣгинѣ».

Няня, въ свою очередь, была посредницей въ его сношеніяхъ съ народнымъ сказочнымъ міромъ, рассказывала поэту сказки, пѣла пѣсни. Простонародный рассказъ «Женихъ» остается блестящимъ результатомъ этихъ сношеній между поэтомъ и бывалою старушкой. Со словъ няни Пушкинъ записалъ семь сказокъ; изъ нихъ три — О царѣ Салтанѣ, О мертвой царевнѣ, О купцѣ Остолопѣ — были впослѣдствіи переработаны и изданы въ 1831 году. Въ стих. Пушкина «Зимній вечеръ» есть указанія — какія именно пѣсни пѣла Арина Родионовна своему питомцу:

Спой мнѣ пѣсню, какъ синица

Тихо за моремъ жила;

Спой мнѣ пѣсню, какъ дѣвица

За водой поутру шла,

просить поэтъ «свою старушку». Упоминаемая здѣсь пѣсня про синицу, должно быть, есть извѣстная «За моремъ синичка не пышно

¹⁾ Сочиненія А. С. Пушкина т. VII, 100 стран.

²⁾ Спб. Вѣдомости 1866 г., № 163.

жила». Не ограничиваясь знакомствомъ съ народной поэзіей изъ устъ няни, Пушкинъ самъ занялся собираніемъ народныхъ пѣсень. Н. В. Кирѣевскій въ предисловіи къ своему «Собранію народныхъ пѣсень» говоритъ: «А. С. Пушкинъ еще въ самомъ началѣ моего предпріятія доставилъ мнѣ замѣчательную тетрадь пѣсень, собранныхъ имъ въ Псковской губерніи». Въ Москвѣ въ 1826 году, по свидѣтельству Погодина, у Веневитинова Пушкинъ читалъ собранныя и записанныя имъ пѣсни о Стенькѣ Разинѣ. Въ собраніи сочиненій его сохранились полу-народныя, полу-выдуманныя произведенія, подражанія народнымъ пѣснямъ. Въ этихъ подражаніяхъ складъ и теченіе рѣчи удивительно близко подходятъ къ обыкновеннымъ пріемамъ народной поэзіи, и только по особенной полнотѣ и граціи подробностей вы видите, что тутъ прошла творческая рука поэта. Такъ, наприм., рассказъ о Медвѣдѣ доказываетъ, что Пушкинъ глубоко проникалъ въ сущность народной поэзіи и умѣлъ понять скрытую въ ней красоту. Этотъ рассказъ, по словамъ Достоевскаго, доказываетъ, что «въ Пушкинѣ было что-то сроднившееся съ народомъ взаправду, доходящее въ немъ почти до какого-то простодушнѣйшаго умиленія». Такимъ образомъ, на родномъ сѣверѣ, въ простыхъ деревняхъ Псковской губерніи, явились у Пушкина другія впечатлѣнія, чѣмъ на югѣ Россіи: его охватила живая и спокойная волна русской народной жизни, въ немъ стали развиваться народныя начала.

Въ двухъ верстахъ отъ Михайловскаго лежитъ село Тригорское, которое принадлежало вдовѣ Прасковѣ Александровнѣ Вульфъ-Осиновой. Она жила здѣсь съ двумя взрослыми дочерьми отъ перваго брака съ Вульфомъ и съ двумя малолѣтними отъ втораго — съ Осиновымъ и съ падчерицею, также взрослою. Прасковья Александровна была женщина съ образованнымъ умомъ и добрымъ сердцемъ. Она свободно объяснялась и писала по-французски и, стараясь дополнить свое образованіе, училась вмѣстѣ съ двумя старшими дочерьми своими у ихъ учителей, много читала, любила заниматься серьезными вопросами и жадно искала бесѣдъ, въ которыхъ они подымались. Вмѣстѣ съ тѣмъ все семейство вело сельски-простую, патриархальную жизнь. Среди этого мирнаго общества образованныхъ русскихъ людей Пушкинъ часто проводилъ цѣлые дни. Всѣ члены этого семейства встрѣчали его откровенной дружбой и искренней привязанностью. Вообще Тригорское дѣйствовало успоко-

тельно на Пушкина. Здѣсь онъ находилъ и строгой умъ зрѣлаго возраста, и разцвѣтающую молодость, и рѣзвость дѣтскаго возраста. Въ 1825 году Пушкинъ посвящаетъ Пр. Осыповнѣ слѣдующее стихотвореніе:

Быть можетъ, ужъ недолго мнѣ
Въ изгнаньи мирномъ оставаться,
Вдыхать о мирной старинѣ,
И сельской Музѣ въ тишинѣ
Душой безпечной предаваться;

Но и вдали, въ краю чужомъ,
Я буду мыслию всегдашней
Бродить Тригорскаго кругомъ,
Въ лугахъ, у рѣчки, надъ холмомъ,
Въ саду подъ сѣнью липъ домашней,
Когда померкнетъ ясный день,
Одна изъ глубины могильной
Такъ иногда въ родную сѣнь
Летитъ тоскующая тѣнь
На милыхъ броситъ взоръ умильный.

Въ Тригорскомъ Пушкинъ дружески сошелся съ Алексѣемъ Никол. Вульфомъ и съ поэтомъ Языковымъ, которые нерѣдко пріѣзжали сюда изъ Дерпта, гдѣ они учились въ университетѣ. Между ними часто бывали долгіе и серьезные разговоры. Впослѣдствіи Пушкинъ въ своихъ Запискахъ говоритъ слѣдующее: «Въ концѣ 1826 года я часто видѣлся съ однимъ дерптскимъ студентомъ. Онъ много зналъ, чему научаются въ университетахъ... Разговоръ его былъ простъ и важенъ. Его занимали такіе предметы, о которыхъ я и не помышлялъ»¹⁾. Поэтъ Языковъ съ восторгомъ вспоминаетъ о пребываніи своемъ въ Тригорскомъ и бесѣдахъ съ Пушкинымъ. «Я вопрошалъ совѣсть мою, говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, внималъ отвѣтамъ ея, и не нахожу во всей моей жизни ничего подобнаго красотою нравственною и физическою, ничего пріятнѣйшаго и достойнѣйшаго сіять золотыми буквами на доскѣ памяти моего сердца, нежели лѣто 1826 года!»²⁾.

Въ Михайловскомъ навѣстили Пушкина трое изъ его лицей-

1) Пушк. въ Алекс. эпоху, 283, выноски.

2) Семеvскій, Сп. Вѣдом. 1866, г. № 163.

скихъ товарищей: Пущинъ, баронъ Дельвигъ и Князь Горчаковъ. О свиданіи своемъ съ лицейскими друзьями поэтъ говоритъ въ своемъ стихотвореніи «19-е Октября 1825 года».

Начатое на югѣ самообразование Пушкинъ продолжалъ въ Михайловскомъ еще съ большею усидчивостію и настоятельностью. Онъ много читалъ, много думалъ и много писалъ. Въ письмѣ къ брату изъ Михайловскаго онъ постоянно проситъ его о высылкѣ книгъ ¹⁾. Библиотека его росла не по днямъ, а по часамъ; каждую почту присылали ему книги изъ Петербурга. Чтеніе, какъ уже было сказано выше, было у Пушкина дѣло серьезное: страницы прочитанныхъ имъ русскихъ альманаховъ и разныхъ другихъ брошюръ были покрыты его замѣтками; изъ болѣе важныхъ по своему содержанію сочиненій Пушкинъ дѣлалъ извлеченія на особыхъ мѣстахъ. Такимъ образомъ онъ прочелъ въ деревнѣ всего Шекспира и Римскую исторію Тацита. Дошедшія до насъ замѣтки Пушкина о Шекспирѣ доказываютъ, что онъ изучалъ творенія великаго писателя весьма серьезно и глубоко понималъ ихъ ²⁾. Изученіе Шекспира имѣло громадное вліяніе на развитіе нашего поэта: въ его произведеніяхъ появляются уже вполне — художественно созданные характеры.

Съ особенною любовію Пушкинъ изучалъ въ это время также исторію Карамзина и наши лѣтописи. Исторію Карамзина онъ называетъ не только созданіемъ великаго писателя, но и подвигомъ честнаго человѣка ³⁾.

Чтеніе и размысленія поэта, конечно, должны были отразиться на развитіи широты и глубины его критическихъ воззрѣній. Въ его письмахъ, критическихъ статьяхъ, отрывочныхъ замѣткахъ мы находимъ замѣчательно здравыя и остроумныя мнѣнія о прежнихъ и современныхъ писателяхъ какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ. Мѣткіе и оригинальные взгляды его на Ломоносова, Державина, Крылова, Грибоѣдова, установились въ настоящее время въ нашей критикѣ.

Такимъ образомъ умственное богатство Пушкина съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе увеличивалось. Измѣнился къ лучшему

¹⁾ Письма къ А. С. Пушкину въ VII т. «Сочиненій А. С. Пушкина».

²⁾ См. III т. «Школьнаго изданія».

³⁾ III т. «Шк. изданія...»

и его характеръ; товарищи, посѣщавшіе его уединенное жилище, находили его простѣе, разсудительнѣе, серьезнѣе. Въ его душевномъ настроеніи совершился переходъ отъ молодости къ зрѣлости. Вотъ какими словами прощается поэтъ съ своей молодостію:

Такъ, полдень мой насталь, и нужно
Мнѣ въ томъ сознаться, вижу я.
Но, такъ и быть, простимся дружно,
О, юность легкая моя!

Благодарю тебя! Тобою,
Среди тревогъ и въ тишинѣ,
Я наслаждался... и вполне;
Довольно! съ ясною душою
Пуускаюсь нынѣ въ новый путь
Отъ жизни прошлой отдохнуть (6-я гл. «Онѣгина»).

Въ продолженіи двухъ лѣтъ, проведенныхъ въ Михайловскомъ, Пушкинъ окончательнѣе отдѣлалъ поэму «Цыганы», о которой мы говорили выше, написалъ 6 главъ «Онѣгина», началъ и окончилъ драму «Борисъ Годуновъ»; въ это же время написано было и стихотвореніе «Пророкъ», въ которомъ высказывается взглядъ Пушкина на поэта и его назначеніе.

Въ 1825 году появилась въ печати первая глава «Евгенія Онѣгина», предшествуемая извѣстнымъ прологомъ: «Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ» *). Въ этомъ прологѣ Пушкинъ разъясняетъ вопросъ о свободѣ творчества, съ которой у него соединялось понятіе объ истинной поэзіи, объ искусствѣ. Поэзія, по взгляду Пушкина, есть чистое творчество, зависимое только отъ впечатлѣній жизни, гдѣ бы она ни проявлялась; самый процессъ творчества не въ волѣ поэта; онъ происходитъ въ душѣ его какъ бы безсознательно для него самого, по извѣстнымъ психическимъ законамъ:

Какой-то демонъ обладалъ
Моими играми, досугомъ,
За мной повсюду онъ леталъ,
Мнѣ звуки дивные шепталъ,

*) III т. «Шк. изданія»...

И тяжкимъ пламеннымъ недугомъ
 Была полна моя глава;
 Въ ней грезы чудныя рождались;
 Въ размѣры стройныя стекались
 Мои послушныя слова
 И звонкой рѣмой замыкались...

Творчество, будучи потребностію поэтической души, ближайшимъ своимъ слѣдствіемъ имѣетъ высшее духовное наслажденіе поэта и желаніе продлить его; значитъ, оно должно быть вполне свободно и отъ денежныхъ расчетовъ, и отъ желанія угодить требованіямъ читателя и вызвать его сочувствіе и похвалы, и отъ другихъ постороннихъ цѣлей ¹⁾.

Въ 1825 году Пушкинъ сообщаетъ одному изъ старыхъ своихъ пріятелей, что онъ пишетъ трагедію, въ которой творческими силами являются у него попеременно то размышленіе, то вдохновеніе, и подъ конецъ письма восклицаетъ: «Я знаю, что силы мои развились совершенно, и чувствую, что могу творить» ²⁾. Изъ-подъ пера его выходитъ «Борисъ Годуновъ» — первое вполне художественное и вполне самобытное его созданіе. Эта драма явилась въ печати лишь черезъ пять лѣтъ послѣ написанія, въ 1831 году. Поэтъ предполагалъ первоначально выпустить «Бориса Годунова» въ свѣтъ съ пояснительнымъ предисловіемъ; для этого онъ составилъ около 1830 года замѣтки о своемъ произведеніи, гдѣ указываются его источники и образцы. «Шекспиру подражалъ я, говоритъ Пушкинъ въ этихъ замѣткахъ, въ вольномъ и широкомъ развитіи характеровъ; Карамзину слѣдовалъ въ свѣтломъ развитіи происшествій; въ лѣтописяхъ старался угадать образъ мыслей и языкъ тогдашняго времени» ³⁾. Подъ «вольнымъ и широкимъ развитіемъ характеровъ» слѣдуетъ разумѣть изображеніе дѣйствующихъ лицъ въ томъ многообразіи характера, которое свойственно живому человѣку. Выведенное въ драмѣ лицо является не олицетвореніемъ одной какой-нибудь страсти или порока, но существомъ, исполненнымъ страстей, многихъ пороковъ, надъ которыми

¹⁾ Анализъ «Разговора» см. въ книгѣ Стоюнина: Пушкинъ, стр. 220 и дал.

²⁾ «Пушкинъ въ Алекс. эпоху», 293 стр.

³⁾ «Шк. изданіе»... т. III.

преобладаетъ извѣстное главное качество. Такой взглядъ на характеры лицъ въ драмѣ высказываетъ самъ Пушкинъ, противопоставляя Шекспирову драматическую драму системѣ ложноклассической драмы. Сообразно съ этимъ взглядомъ, у Пушкина какъ главные, такъ и второстепенныя лица въ «Борисѣ Годуновѣ» являются въ полнотѣ и разнообразіи ихъ качествъ. Возьмемъ первое лицо драмы — царя Бориса. Страсть — властолюбіе, ворвавшаяся въ его душу и овладѣвшая ею, доводитъ его до преступленія и на-вѣки отравляетъ его жизнь. Онъ постоянно находится подъ гнетомъ совѣсти, душа его испытываетъ адскія муки; онъ самъ говоритъ, что, «жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть нечиста». Сознывая свой тяжкій грѣхъ, онъ постоянно чувствуетъ безпокойство и тревогу; ему мерещатся крамолы и покушеніе на власть и жизнь его, онъ дѣлается мнительнымъ, начинаетъ всюду подозрѣвать измѣну, подсылаетъ шпионовъ, подкупаетъ боярскихъ слугъ и самъ расприрашиваетъ доносчиковъ. Страхъ и подозрительность заставляютъ его прибѣгать къ кудесникамъ и гадателямъ: бесѣда съ ними дѣлается его «любимой бесѣдой»; онъ «ворожить, какъ красная дѣвица», желая вывѣдать, долго ли и безмятежно ли предстоитъ ему царствовать. Наконецъ, Борисъ рѣшается на казни мнимыхъ измѣнниковъ, и чѣмъ далѣе, тѣмъ суровѣе расправляется онъ съ боярами: рѣжутся языки и головы, людей тихо и тайно давятъ въ тюрьмахъ. Но съ другой стороны Борисъ — «высокій державный умъ». Разумны его наставленія сыну, какъ править царствомъ; чѣмъ-то добрымъ отзывается его совѣтъ будущему царю — отмѣнить опалы и казни; онъ намѣренъ отмѣнить мѣстничество и, посылая Басманова начальствовать надъ войскомъ, ставить въ воеводы умъ, а не родъ. Борисъ здраво понимаетъ пользу просвѣщенія и совѣтуетъ сыну учиться, такъ какъ наука даетъ способъ легче и яснѣе постигать трудъ правителя. Наконецъ, Борисъ — нѣжный и любящій отецъ. Теплою семейнаго чувства вѣетъ отъ сцены, изображающей бесѣду его съ дѣтьми: онъ искренно жалѣетъ о горѣ своей дочери, оплакивающей жениха; онъ ласково толкуетъ съ сыномъ объ его учебныхъ занятіяхъ, расприрашиваетъ его, даетъ ему совѣты здраваго смысла. Съ особенною силою выражается любовь его къ сыну передъ смертію:

Чувствую, мой сынъ, ты мнѣ дороже
Душевнаго спасенья!

говорить онъ и, рискуя упустить время для принесенія покаянія и принятія схи́мы, даетъ наставленія неопытному юношѣ, который сейчасъ долженъ наслѣдовать его власть. Такимъ образомъ, по образцу героевъ Шекспира, Пушкинъ изобразилъ своего Бориса не просто злодѣемъ или преступникомъ, достойнымъ казни, а и человѣкомъ съ такими качествами, которыя невольно возбуждаютъ въ зрителяхъ сочувствіе, жалость и состраданіе.

Съ неменьшимъ искусствомъ воссозданы обще-человѣческія черты и въ Самозванцѣ. Уже въ разговорѣ съ Пименомъ живо рисуется его природная наклонность къ тревожной и разгульной жизни. Далѣе, (въ 8 сценѣ) открываются его изворотливость и дерзкая отвага. Эти качества развились еще болѣе въ школѣ Запорожцевъ. Въ Самозванцѣ видимъ и доброту, и любовь къ своей родинѣ, и искренность. Одержавъ побѣду подъ Новгородомъ - Сѣверскимъ, онъ тотчасъ же распоряжается:

«Мы побѣдили. Довольно! щадите русскую кровь» и т. д.

Онъ не лицемеритъ здѣсь, какъ не лицемеритъ и тогда, когда, подѣзжая къ русской границѣ, сумрачный и печальный, завидуетъ веселью молодого Курбскаго. Любовь его къ Маринѣ—искреннее, глубокое чувство; онъ для нея готовъ забыть и войну, и московскій тронъ. Еще хорошая черта въ немъ—умѣнье отдавать справедливость врагамъ: досадуя на нѣмцевъ, отразившихъ его войско, онъ, однакожъ, называетъ ихъ молодцами и намѣренъ образовать изъ нихъ почетную стражу. Выстѣ съ тѣмъ Самозвонецъ легкомысленъ. Легкомысліе сказалося и въ принятіи имъ на себя имени царевича, и въ проливаніи той самой крови, о которой онъ со скорбію говоритъ Курбскому, и въ общаніи польскому патеру обратить русскій народъ въ католицизмъ. Въ допущеніи почти на глазахъ народа убить вдову и сына Годунова легкомысліе Самозванца соединяется съ какой-то холодной и безразсудной жестокостью.

Точно также каждое изъ лицъ второстепенныхъ выступаетъ въ драмѣ съ полною совокупностію своихъ качествъ, каждое говоритъ и дѣйствуетъ сообразно своему характеру. Этому Пушкинъ научился у Шекспира.

Карамзину Пушкинъ слѣдовалъ прежде всего въ основномъ воззрѣніи на Бориса Годунова. Годуновъ драмы, какъ и Годуновъ Исторіи — убійца царевича Дмитрія, мучимый совѣстію, чуждый спокойствія и счастья, наказываемый печальными событіями семейными и государственными. Затѣмъ, Карамзину онъ слѣдовалъ и въ развитіи происшествій драмы. Иной разъ поэтъ почти дословно передаетъ рассказъ историка, лишь облекши его въ свои чудные стихи; иной разъ онъ передѣлываетъ только обстановку. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Словамъ Карамзина: Борисъ «заключился въ монастырь съ сестрою... казалось... онъ отвергнулъ міръ» — ¹⁾ соотвѣтствуютъ слова Воротынского въ первой сценѣ драмы:

Мѣсяцъ ужъ прошелъ,
Какъ, затворясь въ монастырь съ сестрою,
Онъ, кажется, покинулъ все мірское...

Рѣчь дьяка Шелкалова въ сценѣ «Красная Площадь» по выраженіямъ и по общему порядку мыслей очень близка къ рассказу историка. — У Карамзина мы находимъ такіа слова: «какъ бы дѣйствіемъ сверхъестественнымъ тѣнь Дмитріева вышла изъ гроба, чтобы ужасомъ поразить, обезумѣть убійцу и привести въ смятеніе всю Россію»²⁾. Борисъ Пушкина говоритъ слѣдующими словами:

«Но кто-жъ онъ, мой грозный супостатъ? Кто на меня? Пустое имя, *тень*».. Карамзинъ говоритъ, что «Борисъ крушился... готовивъ счастье для милой дочери и видя ее вдовою въ невѣстахъ». Этими словамъ соотвѣтствуетъ поэтическій стихъ Пушкина:

Въ невѣстахъ ужъ печальная вдовица.

Много можно привести и другихъ примѣровъ сходства сценъ Пушкина съ повѣствованіемъ Карамзина. «Но по готовой канвѣ, говоритъ Незеленовъ, поэтъ вышилъ свои собственные, чудные и самобытные узоры»³⁾.

Кромѣ Исторіи Карамзина, въ основу драмы Пушкина легли лѣтописи. Онѣ, прежде всего, указывали поэту образъ мыслей и языкъ изображаемой эпохи. «Языкъ въ Борисѣ Годуновѣ, говоритъ

¹⁾ Ист. Гос. Рос. т. X, гл. III, 207 стр.

²⁾ Ист. Гос. Рос. т. XI, гл. II, стр. 119.

³⁾ «А. С. Пушкинъ въ его поэзіи» — Незеленова, стр. 219.

Стоюнинъ, выработанъ артистически; онъ возвращенъ къ первобытной простотѣ нашей народной рѣчи; въ немъ выражается не только складъ русскаго ума, но и типическія сословныя черты, сколько ихъ можно уловить въ старинныхъ памятникахъ русской письменности: языкъ боярскій, дьяческій, монашескій, простонародный, каждый отличается своими особенностями и свидѣлствуетъ, что надъ нимъ работалъ еще небывалый художникъ»¹⁾. Затѣмъ, лѣтописи дали матеріалъ для превосходнаго изображенія древнерусскаго монаха-лѣтописца; по словамъ самого поэта, въ образѣ Пимена собраны черты, плѣнившія его въ нашихъ старыхъ лѣтописяхъ²⁾. Какъ вѣренъ этотъ образъ духу лѣтописей, свидѣлствуютъ слѣдующія слова Погодина: «Мнѣ показалось (когда онъ въ первый разъ слышалъ чтеніе 5 сцены Бориса Годунова), что мой родной и любезный Несторъ поднялся изъ могилы и говоритъ устами Пимена; мнѣ послышался жпвой голосъ русскаго древняго лѣтописателя».

Пушкинъ любилъ свою драму и сознавалъ ея достоинства. Напечатавши ее лишь черезъ пять лѣтъ послѣ написанія, онъ былъ взволнованъ ожиданіями и сомнѣніями, какъ ее встрѣтитъ читающая публика. «Хотя я вообще довольно равнодушенъ къ успѣху или неудачѣ своихъ сочиненій, писалъ онъ въ это время, но признаюсь: неудача Бориса Годунова будетъ мнѣ чувствительна, а я въ ней почти увѣренъ...» Поэтъ былъ правъ въ своихъ опасеніяхъ: достоинства драмы не были поняты большинствомъ читателей, и она встрѣтила холодный пріемъ, сравнительно съ первыми большими произведеніями поэта.

Изъ лирическихъ стихотвореній, созданныхъ въ Михайловскомъ, самое важное — это «Пророкъ», въ которомъ изображается высокое служеніе поэта человечеству. Взглядъ Пушкина на поэта, высказанный въ стихотвореніи «Пророкъ», есть чисто библейскій. Какъ въ библіи пророкъ избирается самимъ Богомъ и получаетъ видимую печать своего избранія, такъ точно и поэтъ Пушкина. Поэтъ Пушкина — это то, что Римляне называли *Vates*, Греки — *προφήτης* и въ Библии — Пророкъ. Этимъ объясняется и самое названіе стихотворенія: «Пророкъ». Посвященіе въ пророки, по би-

¹⁾ III т. «Пш. изданія...»

²⁾ Пушкинъ — Стоюнина, 261 стран.

блейскимъ повѣствованіямъ, происходитъ въ мѣстностяхъ, большею частію уединенныхъ, напр. среди поля, при рѣкѣ и т. п... Посвящаетъ въ пророки или Самъ Богъ, или посланный имъ Серафимъ. Процессъ посвященія носитъ на себѣ характеръ чудесности... Съ посвященнымъ происходитъ необыкновенная перемѣна. Послѣ избранія, обыкновенно Господь посылаетъ пророка на проповѣдь.

Подобное же описаніе посвященія въ поэты находимъ мы и въ «Пророкѣ» Пушкина. Поэтъ представляетъ себя въ мрачной пустынѣ; является ему «шестокрылый Серафимъ», касается своими «легкими перстами» глазъ и ушей его и сообщаетъ ему этимъ духовное зрѣніе и слышаніе; затѣмъ Серафимъ «приникаетъ» и къ устами его, вырываетъ «грѣшный», празднословный и лукавый языкъ» и влагаетъ «кровавою десницею жало мудрой змѣи», разсѣкаетъ грудь, вынимаетъ сердце и вкладываетъ вмѣсто него «уголь, пылающій огнемъ». Такимъ образомъ природа его измѣняется: онъ получаетъ высшее, нечеловѣческое зрѣніе, слухъ, пламенное сердце и краснорѣчивый языкъ — эти необходимыя принадлежности проповѣдника высшей воли. Избраніе поэта, слѣдовательно, есть дѣло божеское, сверхъестественное, чудесное. А если такъ, то и служеніе, и назначеніе поэта должно быть высшее, сообразное съ этимъ божественнымъ призваніемъ. И дѣйствительно, въ этомъ же стихотвореніи, Богъ говоритъ избранному пророку:

«Возстань, пророкъ, и виждь, и внемли,
«Исполнишь волею моею,
«И, обходя моря и земли,
«Глаголюмъ жи сердца людей!»

Такъ высоко смогрѣлъ Пушкинъ на призваніе и служеніе поэта. Онъ долженъ быть, по его словамъ, просвѣтителемъ челоуѣчества, проповѣдникомъ высшей воли, насадителемъ чистой нравственности, учителемъ и руководителемъ простыхъ смертныхъ.

При вступленіи на престолъ императора Николая Павловича, Пушкинъ прпбѣгъ къ его великодушію съ просьбою о дозволеніи жить въ Москвѣ или Петербургѣ. 3-го сентября 1826 года Пушкинъ былъ вызванъ въ Москву, гдѣ находился Дворъ по случаю коронаціи. По пріѣздѣ въ Москву онъ тотчасъ же былъ представленъ государю Николаю Павловичу въ кремлевскомъ дворцѣ. Государь принялъ поэта чрезвычайно милостиво. Послѣ бесѣды съ нимъ

Царь сталъ уважать Пушкина и вынесъ убѣжденіе, что онъ узналъ умнаго и честнаго человѣка. Онъ разрѣшилъ ему жить въ обѣихъ столицахъ и навсегда сохранилъ къ нему свое особенное расположеніе. Милость и вниманіе Государя глубоко тронули поэта. «Впоследствии, во всѣхъ случаяхъ своей жизни, Пушкинъ вспоминалъ о наставленіяхъ, преподанныхъ ему отеческою свѣдѣтельностью монарха, не иначе какъ съ чувствомъ благоговѣнія и умиленіемъ»¹⁾.

ГЛАВА VI.

Жизнь Пушкина съ 1826 по 1831 годъ.

Пребываніе въ Москвѣ и Петербургѣ съ 1826 по 1829 г. Участіе въ журналѣ «Московский Вѣстникъ». «Полтава». Поѣздка на Кавказъ. Участіе въ «Литературной Газетѣ». Болдино. Обзоръ важнѣйшихъ произведеній Пушкина въ этотъ періодъ времени.

Зиму 1826—1827 года Пушкинъ провелъ въ Москвѣ, а весну и лѣто въ Петербургѣ и Михайловскомъ.

Вся читающая Москва съ искреннимъ сочувствіемъ приняла Пушкина. Старые друзья спѣшили повидать его; незнакомые искали его знакомства. Литературныя собранія, на которыхъ ожидали встрѣтить Пушкина, были чрезвычайно многочисленны: всякій спѣшилъ на нихъ, чтобы увидать знаменитаго поэта, и послушать одно изъ его новыхъ, еще неизвѣстныхъ произведеній. На одномъ изъ такихъ собраній, въ кружкѣ московскихъ молодыхъ ученыхъ: Шевырева, Погодина и др. Пушкинъ прочелъ своего Бориса Годунова. «Какое дѣйствіе произвело на всѣхъ насъ это чтеніе, рассказываетъ Погодинъ въ своихъ воспоминаніяхъ, передать невозможно. До сихъ поръ еще, а этому прошло почти 40 лѣтъ, кровь приходитъ въ движеніе при одномъ воспоминаніи... Ожиданный нами величавый жрецъ искусства — это былъ средняго роста, почти низенькій человѣчекъ, съ длинными, нѣсколько курчавыми по концамъ волосами, безъ всякихъ притязаній, съ живыми быстрыми глазами, съ тихимъ, пріятнымъ голосомъ, въ черномъ сюртукѣ, въ темномъ жилетѣ, застегнутомъ наглухо, въ небрежно подвязанномъ галстукѣ. Въмѣсто высокопарнаго языка боговъ, мы слышали простую, ясную, обыкновенную и между тѣмъ піитическую, увлека-

¹⁾ «Матеріалы», 164 стр.

тельную рѣчь! Первые явленія выслушаны тихо и спокойно, или, лучше сказать, въ какомъ-то недоумѣніи. Но чѣмъ дальше, тѣмъ ощущенія усиливались. Сцена лѣтописателя съ Григоріемъ всѣхъ ошеломила...» Дальше идутъ уже приведенныя нами слова о Пименѣ... «А когда Пушкинъ дошелъ до разсказа Пимена о посѣщеніи Кириллова монастыря Іоанномъ Грознымъ, о молитвѣ иноковъ, «да ниспошлетъ Господь покой его душѣ страдающей и бурной», мы просто какъ будто обезпамятѣли. Кого бросало въ жаръ, кого въ ознобъ. Волосы становились дыбомъ. Не стало силъ воздерживаться. Кто вдругъ вскочить съ мѣста, кто вскрикнетъ. То молчаніе, то взрывъ восклицаній... Кончилось чтеніе. Мы смотрѣли другъ на друга долго, и потомъ бросились къ Пушкину...»¹⁾

Весною 1827 года Пушкинъ посѣтилъ Петербургъ и, затѣмъ, поочередно жилъ то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ, наѣзжая въ Михайловское только лѣтомъ и осенью для литературныхъ занятій. Послѣ долгой разлуки съ обществомъ, онъ съ особенной горячію кинулся въ него, но любимыхъ занятій своихъ не покидалъ. Еще въ декабрѣ 1826 года онъ написалъ свое знаменитое стихотвореніе «Въ надеждѣ славы и добра»²⁾. Въ Москвѣ Пушкинъ сблизился съ небольшимъ кружкомъ молодыхъ ученыхъ, съ Погодинымъ, Шевыревымъ и др., которые задумали изданіе новаго журнала съ дѣльной критикой, которая могла бы руководить литературнымъ вкусомъ публики. Журналъ сталъ выходить подъ названіемъ «Московский Вѣстникъ». Пушкинъ принялъ самое живое участіе въ этомъ журналѣ и напечаталъ въ немъ много произведеній своего пера. Въ началѣ осени 1827 года Пушкинъ написалъ уже большую часть своей исторической повѣсти «Арапъ Петра Великаго», которая задумана была еще въ 1826 году. Хотя повѣсть эта осталась не оконченною, но въ ней мы находимъ довольно полное изображеніе личности Петра Великаго. Особенно привлекательнымъ является образъ монарха въ простотѣ его обыденной, домашней жизни.

Въ слѣдующемъ, 1828 г., является поэма «Полтава», въ которой соединены героическія черты Петра, какъ царя — основателя новой могущественной европейской державы. «Полтава» была написана въ теченіе одного мѣсяца. Въ воспоминаніяхъ Юзефовича

• 1) Русскій Архивъ, 1865 г., № 1.

• 2) III т. «Шк. изданъ»

передается рассказ самого поэта о томъ, какъ онъ писалъ свою поэму. «Это было въ Петербургѣ. Погода стояла отвратительная. Онъ усѣлся дома, писалъ цѣлый день. Стихи ему грезились даже во снѣ, такъ что онъ ночью вскакивалъ и записывалъ ихъ впотѣмахъ. Когда голодъ его прохватывалъ, онъ бѣжалъ въ ближайшій трактиръ, стихи преслѣдовали его и туда; онъ ѣлъ на скорую руку, что попало и убѣгалъ домой, чтобы записать то, что набралось у него на бѣгу и за обѣдомъ. Такимъ образомъ слагались у него цѣлыя сотни стиховъ въ сутки»¹⁾.

Въ 1829 году Пушкинъ уѣхалъ на Кавказъ и потомъ находился при дѣйствующихъ войскахъ въ походѣ противъ турокъ. Пушкинъ присутствовалъ при пораженіи сераскира Арзерумскаго и видѣлъ взятіе Арзерума. Въ это время онъ велъ журналъ, напечатанный впоследствии подъ заглавіемъ: Путешествіе въ Арзерумъ во время похода 1829 года²⁾. Пушкинъ вновь посѣщаетъ тѣ мѣста, которыя такъ восхищали его въ молодости. Впечатлѣнія свои онъ выразилъ въ стихотвореніяхъ: Донъ, Делибашъ, Монастырь на Казбекѣ, Кавказъ, Обвалъ. «Все это необычайно — свѣжія и вмѣстѣ смѣлыя картины природы, составляющія драгоцѣнные перлы описательной поэзіи. Природа вообще отражалась удивительно полно и ясно въ душѣ художника и въ его произведеніяхъ. Онъ не ловилъ ея впечатлѣній съ усиленіемъ — съ боязнью недосмотрѣть или не досказать что-либо. Картины природы у Пушкина немногословны, но всегда рождаются вмѣстѣ съ впечатлѣніемъ, и даже въ стихахъ отражаютъ характеръ каждаго явленія, возбудившаго ихъ. Стихъ пьесы «Донъ» исполненъ блеска и радости; онъ сжатъ и суровъ въ «Обвалѣ», мѣренъ и торжественно спокойнъ въ «Кавказѣ»³⁾.

Возвратившись въ Петербургъ около половины ноября 1829 года, Пушкинъ набросалъ программу и первый очеркъ новой поэмы Галубъ,⁴⁾ которая была плодомъ новыхъ впечатлѣній отъ Кавказа. Поэма осталась неоконченной.

Къ началу 1830 года и къ петербургской жизни Пушкина относится дѣятельное участіе его въ «Литературной Газетѣ». Въ этомъ журналѣ соединились лучшія и наиболѣе уважаемыя имена—

¹⁾ Р. Архивъ 1880 г., III.

²⁾ II т. «Шк. изданія...»

³⁾ «Матеріалы». — Стран. 213.

⁴⁾ II т. «Шк. изданія»...

Пушкинъ, Жуковскій, князь Вяземскій, Крыловъ, Баратынскій, Дельвигъ. Послѣдній былъ избранъ редакторомъ. Цѣлью «Газеты» было — дать дѣльную критику, основанную на опредѣленныхъ разумныхъ принципахъ. Только такая критика, думали сотрудники журнала, можетъ способствовать развитію эстетическаго вкуса въ публикѣ и образовать здоровое общественное мнѣніе. Пушкинъ явился ревностнымъ участникомъ новаго журнала ¹⁾. Его перу принадлежали, между прочимъ, многія критическія статьи и замѣтки, которыя проникнуты уваженіемъ къ талантамъ писателей и благородствомъ сужденій о достоинствѣ ихъ произведеній.

Въ 1830 г. Пушкинъ сдѣлалъ предложеніе Натальѣ Николаевнѣ Гончаровой, съ семействомъ которой онъ былъ давно знакомъ. Предложеніе было принято, и женихъ отправился устраивать свое имѣніе Болдино въ Нижегородской губерніи. Тамъ захватила его холера, быстро шедшая съ юга на сѣверъ. Не имѣя возможности пробраться черезъ устроенныя всюду карантинныя, онъ долженъ былъ пробыть въ Болдинѣ три осеннихъ мѣсяца. Извѣстно, что осень и тихая уединенная жизнь всегда приносили вдохновеніе Пушкину. Такъ было и въ настоящемъ случаѣ. Пушкинъ предался творчеству съ жаромъ и постоянствомъ, которые по истинѣ могутъ привести въ изумленіе. Самъ поэтъ изумлялся производительности своего таланта. «Скажу тебѣ за тайну, пишетъ онъ къ П. А. Плетневу ²⁾, что я въ Болдинѣ писалъ, какъ давно уже не писалъ. Вотъ что я привезъ сюда: ³⁾ двѣ послѣднія главы Онѣгина, соевѣмъ готовыя для печати; повѣсть, писанную октавами (Домикъ въ Коломнѣ); нѣсколько драматическихъ сценъ: Скупой рыцарь, Моцартъ и Сальери, Пиръ во время чумы и Донъ-Жуанъ. Сверхъ того я написалъ около 30 мелкихъ стихотвореній. Еще не все: написалъ я прозою пять повѣстей» (Повѣсти Бѣлкина).

Въ концѣ декабря мѣсяца Пушкинъ возвратился въ Москву. За мѣсяцъ до свадьбы Пушкинъ получилъ извѣстіе о смерти Дельвига. Смерть любимѣйшаго изъ друзей глубоко опечалила нашего поэта. «Грустно, тоска, писалъ онъ — Плетневу. Вотъ первая

¹⁾ Московскій Вѣстникъ, преслѣдовавшій тѣ же цѣли, не былъ поддержанъ неразвитой публикой и долженъ былъ прекратиться.

²⁾ VII т. Сочиненій А. С. Пушкина стр. 289.

³⁾ Письмо писано изъ Москвы, по возвращеніи Пушкина изъ Болдина.

смерть, мною оплаканная... Никто на свѣтѣ не былъ мнѣ ближе Дельвига. Изъ всѣхъ связей дѣтства онъ одинъ оставался на виду — около него собиралась наша бѣдная кучка. Безъ него мы точно осиротѣли» ¹⁾.

18 февраля 1831 года Пушкинъ женился на Н. Н. Гончаровой. Бракъ былъ совершенъ въ Москвѣ, гдѣ жило семейство невѣсты.

Прежде чѣмъ приступить къ разсказу о дальнѣйшихъ событіяхъ пзъ жизни Пушкина, слѣлаемъ краткое обзорѣніе важнѣйшихъ произведеній его, написанныхъ въ періодъ времени отъ 1826 по 1831 годъ. Начнемъ съ стихотвореній, въ которыхъ онъ развилъ свой взглядъ на художника и искусство; эти стихотворенія — «Чернь» и «Поэту» ²⁾. Мы уже видѣли, что въ стих. «Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ» (1824 г.) Пушкинъ смотритъ на поэзію, какъ на искусство, заключающее цѣль въ самомъ себѣ, чуждое всякой посторонней цѣли. «Чернь» есть продолженіе «Разговора»... Здѣсь поэтъ вооружается противъ бессмысленной черни, которая въ искусствѣ желаетъ видѣть практическую пользу и не цѣнитъ его. Поэтъ досадуетъ, что не хотятъ видѣть цѣли искусства въ самомъ же искусствѣ. Истинная поэзія, по взгляду Пушкина, чужда тенденціозности, т. е. стремленія служить извѣстному образу мыслей или возбуждать извѣстные чувства. Призваніе поэта — быть только выразителемъ художественной истины, независимо отъ какихъ нибудь покушеній на служебное значеніе. Въ стихотвореніи «Поэту» художникъ является единственнымъ вѣрнымъ цѣнителемъ своего произведенія. Онъ шествуетъ властительно, не имѣя надобности отдавать кому-нибудь отчетъ въ своихъ сношеніяхъ съ идеаломъ, не нуждаясь въ сочувствіи окружающихъ. Поэтъ творитъ независимо отъ вкуса и расположенія публики; онъ одинъ знаетъ первую причину и настоящую цѣль своихъ произведеній и, вслѣдствіе этого, довольствуется только своимъ собственнымъ суждомъ.

Сравнивая стихотвореніе «Чернь» и «Поэту» съ «Пророкомъ», нѣкоторые находили противорѣчіе Пушкина самому себѣ. Именно: въ «Пророкѣ» поэтъ является учителемъ и руководителемъ простыхъ смертныхъ; онъ долженъ быть проповѣдникомъ высшей

1) VII т. Сочиненій А. С. Пушкина, стр. 289.

2) III т. «Школьнаго изданія»...

воли среди людей; долженъ заботиться о просвѣщеніи массы, смягчать сердца, закоренѣлыя въ грубыхъ предрасудкахъ и невѣжествѣ, — словомъ долженъ служить обществу, согласно своему призванію. Совсѣмъ другое, позидимому, высказывается въ стихотвореніи «Чернь»: здѣсь поэтъ гонитъ отъ себя чернь, которая проситъ у него назидательныхъ уроковъ; говорить, что для нея существуютъ «бичи, темницы, топоры». Поэты же рождены не для битвъ, а для вдохновенія, сладкихъ звуковъ и молитвъ. Въ дѣйствительности, между указанными стихотвореніями нѣтъ никакаго противорѣчія. Прежде всего объяснимъ, кого разумѣетъ поэтъ подъ «чернію». «Изъ самаго описанія черни, изъ тѣхъ эпитетовъ, которые придаетъ ей Пушкинъ: «надменный, коварный, безстыд- ный, неблагодарный, клеветники, лицемеры... изъ тѣхъ требованій, которыя заявляетъ чернь поэту, нельзя уже предполагать, что тутъ Пушкинъ имѣетъ въ виду простой народъ». Простая чернь не могла задаваться тѣми вопросами, о которыхъ говорится въ стихотвореніи. «Простой народъ, еще и теперь мало развитой, не могъ и думать о такихъ вопросахъ. Онъ даже и не слыхалъ въ то время, что есть какой-то Пушкинъ, который бренчитъ на «лирѣ вдохновенной». Безъ сомнѣнія, здѣсь нужно разумѣть, невѣжественныхъ цѣнителей искусства, которые, съ одной стороны, не сумѣли оцѣнить лучшихъ произведеній поэта, какъ напр. Бориса Годунова, съ другой — нагло высказывали поэту свои требованія, которыя оскорбляли высокій взглядъ его на поэзію. Поэтъ выравъ былъ гнать отъ себя такихъ чптателей и цѣнителей: для нихъ голосъ его оставался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Если объяснить теперь, какимъ образомъ поэтическое произведеніе, плодъ свободнаго творчества, художественное выра- женіе думъ поэта, приносить несомнѣнную пользу читателямъ, то окажется, что взгляды, высказанные въ разобранныхъ нами стихотвореніяхъ Пушкина, вполне совмѣстимы и служатъ продол- женіемъ и расширеніемъ другъ другу. «Когда истинный поэтъ творитъ свое произведеніе, то не имѣетъ внѣшней, посторонней цѣли; когда же произведеніе создано, оно заключаетъ уже въ себѣ постороннюю цѣль: оно должно служить и служить къ развитію человѣчества. Когда поэтъ творитъ, онъ исключительно углубляется въ свое твореніе, созерцаетъ въ то время только свою идею, ко- торую намѣренъ воплотить въ поэтическіе образы; все постороннее,

заднія цѣли для него не существуютъ; онъ весь превращается тогда въ созерцаніе, живетъ своимъ міромъ; ни слава, ни польза въ эти минуты для него не существуютъ; онъ преслѣдуетъ одну цѣль: воплотить свою идею въ видимыя формы, придать ей цѣлостный художественный характеръ, — и въ этомъ-то смыслѣ онъ оправдывается взглядъ на поэзію: поэзія сама себѣ цѣль. Имѣя въ виду это самое состояніе поэта въ минуты его творчества, Пушкинъ и могъ сказать:

Не для житейскаго волненія,
Не для корысти, не для битвъ:
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ...»

«Когда же произведеніе создано, когда поэтъ сходитъ съ своего жреческаго треножника, оставляетъ алтарь Аполлона; когда созданное имъ твореніе, не имѣвши при самомъ процессѣ созданія никакой посторонней цѣли, распространяется въ массу, — тогда плодъ поэтическаго творчества перестаетъ уже существовать самъ для себя, перестаетъ быть цѣлью самому себѣ, и поэтъ невольно является исполнителемъ своего назначенія и призванія, высказаннаго въ «Пророкъ» Пушкина» *).

Въ 1828 году, какъ уже было сказано, Пушкинъ написалъ «Полтаву». Сначала поэтъ хотѣлъ изобразить эпизодъ изъ жизни Мазепы, пменно отношенія его къ семьѣ Кочубея. И въ первыхъ двухъ пѣсняхъ поэмы, нѣсколькими драматическими сценами, представлены отношенія между старикомъ Мазепой, Маріей (собственно Матреной), ея отцомъ и матерью. Но творческая фантазія поэта создала при этомъ такой образъ Мазепы, который уже не могъ вполне выразиться въ этихъ сценахъ: онъ, какъ образъ историческій, потребовалъ уже широкаго изображенія своего характера, согласно съ исторіей. «Мазепа дѣйствуетъ въ моей поэмѣ точь — въ точь, какъ и въ исторіи, замѣчаетъ Пушкинъ: рѣчи объясняютъ его историческій характеръ». «Такимъ образомъ Мазепа вводится въ историческую сферу. Въ 3-й пѣсни выступаютъ на сцену главные историческіе дѣятели того времени, Императоръ Петръ и военный его противникъ, Карлъ XII; Полтавская битва является какъ раз-

*) Личность Пушкина и взглядъ его на поэта и поэзію — Бѣлоруссова, 45, 46 и 47 стр.

вязка романтической завязки. Изъ послѣдняго обстоятельства является кажущаяся двойственность плана всей поэмы, отсутствіе единства интереса. Но единство поэмѣ придаетъ эпилогъ, въ которомъ выражается взглядъ Пушкина на давно отжившія лица. Здѣсь поэтъ спрашиваетъ: что же черезъ сто лѣтъ осталось

Отъ сильныхъ, гордыхъ сплхъ мужей,
Столь полныхъ волею страстей?

Оказывается, что завидные слѣды оставляютъ лишь тѣ дѣятелп, которые умѣли жертвовать своими страстями для общаго блага; отъ тѣхъ же, которые отдавались только своимъ личнымъ интересамъ, какъ бы ни шумна была ихъ дѣятельность, остаются самые жалкіе слѣды... При такой идеѣ всѣ выставленныя личности для поэта имѣли одинаковое значеніе, и каждую онъ долженъ былъ заняться съ одинаковымъ вниманіемъ¹⁾.

Переходимъ теперь къ роману «Евгеній Онѣгинъ». Главное достоинство романа, кромѣ превосходныхъ стиховъ, состоитъ въ томъ, что онъ чрезвычайно вѣрно изображаетъ нравы русскаго общества. «Основательно сказано было, говорить объ «Онѣгинѣ» Анненковъ, что романъ этотъ столько же принадлежитъ поэзіи, сколько и исторіи нашей, какъ драгоценное свидѣтельство о нравахъ, обычаяхъ и понятіяхъ извѣстной эпохи».²⁾ Главныя дѣйствующія лица романа обрисованы слѣдующими чертами. Въ началѣ романа изображается свѣтское воспитаніе и свѣтскія развлечения Евгенія. Онъ рано охладѣваетъ въ своихъ чувствахъ, скучаетъ или хандритъ. Онъ жалуется на душевную пустоту, между тѣмъ никогда и ни чѣмъ не хотѣлъ наполнить души своей, предавался бездѣлю, не зная, что такое трудъ и обязанности. Одно лишь хорошо изучилъ онъ — науку страсти нѣжной. Въ слѣдующихъ главахъ романа открывается, что всѣ поступки Онѣгина были или безпричинны, или вытекали изъ очень мелкихъ побужденій, надъ которыми онъ не въ силахъ возвыситься. Изъ пустой прихоти онъ раздражаетъ Ленскаго; изъ глупой боязни общественной молвы и ложнаго понятія о чести — принимаетъ его вызовъ на дуэль, хотя и чувствуетъ себя неправымъ. Онѣгинъ прочиталъ поэмы Байрона,

¹⁾ По книгѣ Стоюнина: Пушкинъ, стран. 324, 325, 326.

²⁾ Матеріалы, 122 стр.

но увлекался преимущественно вѣйшей стороной Байроновскаго разочарованія; сочувствуя мрачной тоскѣ англійскаго поэта, онъ не могъ хорошенъко разъяснить, откуда произошла эта тоска и это охлажденіе. Онъ воображалъ себя Байроновскимъ Чайдъ-Гарольдомъ, но на самомъ дѣлѣ былъ только его «подражаніемъ», «ничтожнымъ призракомъ», «пародіей», «Москвичемъ въ Гарольдовомъ плащѣ». Всѣ эти эпитеты показываютъ, что Пушкинъ смотрѣлъ на Онѣгина не какъ на идеаль, но видѣлъ въ немъ только отраженіе современнаго человѣка

Съ его безнравственной душой,
Себялюбивой и пустой,
Мечтанью преданной безмѣрно,
Съ его озлобленнымъ умомъ,
Кипящимъ въ дѣйствіи пустомъ («Евг.
Онѣгивъ» 7 гл., XXII строф.).

Таковымъ и вышелъ характеръ Онѣгина, вполне выдержанный, нигдѣ себѣ не измѣняющій.

Левскій составляетъ противоположность Онѣгину. Онъ, по разсказу Пушкина, былъ въ Германіи, изучалъ Канта, читалъ Шиллера и Гете. Воспламенившись «поэтическимъ огнемъ» великихъ германскихъ поэтовъ, онъ самъ сдѣлался поэтомъ и въ своихъ произведеніяхъ

...Музъ возвышенныхъ искусство,
Счастливецъ, онъ не постыдилъ...

Изъ Германіи онъ явился восторженнымъ юношей. Душа его была полна очарованія и надеждъ, чистой любви къ добру и стремленія къ славѣ.

«Татьяна и Ольга, при всемъ различіи характеровъ, вполне русскія дѣвушки, хотя онѣ воспитаны при помощи французскихъ гувернантокъ и читаютъ французскіе романы. Особенный интересъ возбуждаетъ Татьяна, задумчивая, мечтательная, сосредоточенная въ самой себѣ, страстно любящая красоты природы. Она выше своей веселой и простодушной сестры по оригинальности, серьезности ума и глубинѣ душевной»¹⁾. Для лучшаго уясненія высокаго образа русской женщины, представленной въ Татьянѣ, приводимъ

¹⁾ Исторія русской словесности — Галахова, стран. 212.

отрывокъ пзъ рѣчи Ѳ. М. Достоевскаго, которую сказалъ онъ на торжествѣ открытія памятника Пушкину въ Москвѣ, 8-го іюня 1880 года. «Татьяна — это типъ твердый, стоящій твердо на своей почвѣ. Она глубже Онѣгина и, конечно, умнѣ его. Она уже однимъ благороднымъ инстинктомъ своимъ предчувствуетъ, гдѣ и въ чемъ правда, что и выразилось въ финалѣ поэмы... Это положительный типъ, а не отрицательный, это типъ положительной красоты, это апофеоза русской женщины... Можно даже сказать, что такой красоты положительный типъ русской женщины почти уже и не повторялся въ нашей художественной литературѣ — кромѣ развѣ образа Лизы въ «Дворянскомъ гнѣздѣ» — Тургенева.

Но манера глядѣть свысока сдѣлала то, что Онѣгинъ совсѣмъ даже не узналъ Татьяну, когда встрѣтилъ ее въ первый разъ, въ глуши, въ скромномъ образѣ чистой, невинной дѣвушки, такъ оробѣвшей предъ нимъ съ перваго разу. Онъ не сумѣлъ отличить въ бѣдной дѣвочкѣ законченности и совершенства. Да и совсѣмъ не могъ онъ узнать ее: развѣ онъ знаетъ душу человѣческую? Это отвлеченный человѣкъ, это безпокойный мечтатель во всю его жизнь. Не узналъ онъ ее и потомъ въ Петербургѣ, въ образѣ знатной дамы, когда, по его же словамъ, въ письмѣ къ Татьянѣ, «постигалъ душой всѣ ея совершенства». Но это только слова: она прошла въ его жизни мимо него, не узнавая и не оцѣненная имъ; въ томъ и трагедія ихъ романа. О, еслибы тогда, въ деревнѣ, при первой встрѣчѣ съ нею, пребылъ туда же изъ Англіи Чайльдъ Гарольдъ или даже, какъ-нибудь, самъ лордъ Байронъ, и замѣтилъ ея робкую, скромную прелесть, указалъ бы ему на нее, — о, Онѣгинъ тотчасъ же былъ бы пораженъ и удивленъ, ибо въ этихъ мировыхъ страдалцахъ такъ много подчасъ лакейства духовнаго! Но этого не случилось, и искатель міровой гармоніи, прочтя ей проповѣдь и поступивъ все таки очень честно, отправился съ міровою тоской своею и съ пролитомъ въ глупенькой злости кровью на рукахъ своихъ, скитаться по роднѣ, не примѣчая ее и, кипя здоровьемъ и силою, восклицать съ проклятіями:

Я молодъ, жизнь во мнѣ крѣпка,
Чего мнѣ ждать, тоска, тоска!

Это поняла Татьяна. Въ безсмертныхъ строфахъ романа поэтъ изобразилъ ее посѣтившею домъ этого столь чуднаго и загадоч-

наго еще для нея человѣка. Вотъ она въ его кабинетѣ, она разглядываетъ его книги, вещи, предметы, старается угадать по нимъ душу его, разгадать свою загадку, и останавливается наконецъ въ раздумьи, со странною улыбкой, съ предчувствіемъ разрѣшенія загадки, и губы ея тихо шепчутъ:

Ужъ не пародія ли онъ?

Да, она должна была прошенать это, она разгадала. Въ Петербургѣ, потомъ, спустя долго, при новой встрѣчѣ ихъ, она уже совершенно его знаетъ. Кстати, кто сказалъ, что свѣтская, придворная жизнь тлетворно коснулась ея души, и что именно санъ свѣтской дамы и новыя свѣтскія понятія были отчасти причиной отказа ея Онѣгину? Нѣтъ, это не такъ было. Нѣтъ, это та же Таня, та же прежняя деревенская Таня! Она не испорчена, она напротивъ удручена этою пышною Петербургскою жизнью, надломлена и страдаетъ; она ненавидитъ свой санъ свѣтской дамы, и кто судить о ней иначе, тотъ совсѣмъ не понимаетъ того, что хотѣлъ сказать Пушкинъ. И вотъ она твердо говоритъ Онѣгину:

Но я другому отдана

И буду вѣкъ ему вѣрна.

Высказала она это какъ русская женщина вполнѣ, въ этомъ ея апоэоза. Она высказываетъ правду поэмы. Кому же, чему же вѣрна? Какимъ это обязанностямъ? Этому-то старику генералу, котораго она не можетъ же любить, по тому что любить Онѣгина, и за котораго вышла потому только, что ее «съ слезами заклинаній молила мать», а въ обиженной, израненной душѣ ея было тогда лишь отчаяніе и никакой надежды, никакого просвѣта? Да, вѣрна этому генералу, ея мужу, честному человѣку, ея любящему, ея уважающему и ею гордящемуся. Пусть ее «молила мать», но вѣдь она, а не кто другая, дала согласіе, она вѣдь, она сама поклялась ему быть честною женой его. Пусть она вышла за него съ отчаянія, но теперь онъ ея мужъ, и измѣна ея покроетъ его позоромъ, стыдомъ, и убьетъ его. А развѣ можетъ человѣкъ основать свое счастье на несчастіи другаго? Счастье не въ однихъ только наслажденіяхъ любви, а и въ высшей гармоніи духа. Чѣмъ успокоитъ духъ, если назади стоитъ нечестный, безжалостный, безчеловѣчный поступокъ? Ей бѣжать изъ-за того только, что тутъ мое счастье?

Но какое же можетъ быть счастье, если оно основано на чужомъ несчастіи? Позвольте: представьте, что вы сами возводите зданіе судьбы человѣческой съ цѣлью въ фпналѣ осчастливить людей, дать имъ наконецъ миръ и покой. И вотъ, представьте себѣ тоже, что для этого необходимо и неминуемо надо замучить всего только лишь одно человѣческое существо, мало того — пусть даже не столь достойное, смѣшное даже на иной взглядъ существо, не Шекспира какого нибудь, а просто честнаго старика, мужа молодой жены, въ любовь которой онъ вѣритъ слѣпо, хотя сердца ея не знаетъ вовсе, уважаетъ ее, гордится ею, счастливъ ею и покоенъ. И вотъ только его надо опозорить, обезчестить и замучить, и на слезахъ этого обезчещеннаго старика возвести ваше зданіе! Согласитесь ли вы быть архитекторомъ такого зданія на этомъ условіи? Вотъ вопросъ. И можете ли вы допустить хоть на минуту идею, что люди, для которыхъ выстроили это зданіе, согласились бы сами принять отъ васъ такое счастье, если въ фундаментѣ его заложено страданіе, положимъ, хоть и ничтожнаго существа, но безжалостно и несправедливо замученнаго и, принявъ это счастье, остаться на вѣки счастливыми? Скажите, могла ли рѣшить иначе Татьяна, съ ея высокою душой, съ ея сердцемъ столько выстрадавшимъ? Нѣтъ: чистая русская душа рѣшаетъ вотъ такъ: «пусть, пусть я одна лишусь счастья, пусть мое несчастье безмѣрно сильнѣе, чѣмъ несчастье этого старика, пусть, наконецъ, никто и никогда, а этотъ тоже, не узнаютъ моей жертвы и не оцѣнятъ ее, но не хочу быть счастливою, загубивъ другаго!» Тутъ трагедія, она и совершается, и перейти предѣла нельзя, уже поздно, и вотъ Татьяна отсылаетъ Онѣгина. Скажутъ: уже вѣдь несчастенъ же и Онѣгинъ; одного спасла, а другаго погубила! Позвольте, тутъ другой вопросъ, и даже можетъ-быть и самый важный въ поэмѣ. Кстати, вопросъ: почему Татьяна не пошла съ Онѣгинымъ, имѣетъ у насъ, по крайней мѣрѣ, въ литературѣ нашей, своего рода исторію весьма характерную, а потому я и позволилъ себѣ такъ объ этомъ вопросѣ распространиться. И всего характернѣе, что нравственное разрѣшеніе этого вопроса столь долго подвергалось у насъ сомнѣнію. Я вотъ какъ думаю: еслибы Татьяна даже стала свободною, еслибъ умеръ ея старый мужъ и она овдовѣла, то и тогда бы она не пошла за Онѣгинымъ. Надобно же понимать всю суть этого характера! Вѣдь она же видитъ, кто онъ такой: вѣчный

скиталецъ упдалъ вдругъ женщину, которою прежде пренебрегъ, въ новой блестящей недосыгаемой обстановкѣ, — да вѣдь въ этой обстановкѣ-то, пожалуй, и вся суть дѣла. Вѣдь этой дѣвчкѣ, которую онъ чуть не презиралъ, теперь поклоняется свѣтъ, — свѣтъ, этотъ страшный авторитетъ для Онѣгина, несмотря на всѣ его міровыя стремленія — вотъ вѣдь, вотъ почему онъ бросается къ ней ослѣпленный. Вотъ мой идеалъ, восклицаетъ онъ, вотъ мое спасеніе, вотъ исходъ тоски моей, я проглядѣлъ его, а «счастье было такъ возможно, такъ близко!» Да развѣ этого не видитъ въ немъ Татьяна, да развѣ она не разглядѣла его уже давно? Вѣдь она твердо знаетъ, что онъ въ сущности любитъ только свою новую фантазію, а не ее, смѣренную какъ и прежде Татьяну! Она знаетъ, что онъ принимаетъ ее за что-то другое, а не за то, что она есть, что не ее даже онъ и любитъ, что, можетъ-быть, онъ и никого не любитъ, да и не способенъ кого нибудь даже любить, не смотря на то, что такъ мучительно страдаетъ! Любитъ фантазію, да вѣдь онъ и самъ фантазія. Вѣдь если она пойдетъ за нимъ, то онъ завтра же разочаруется и взглянетъ на свое увлеченіе насмѣшливо. У него никакой почвы, это былинка, носимая вѣтромъ. Не такова она вовсе: у ней и въ отчаяніи, и въ страдальческомъ сознаніи, что погибла ея жизнь, все-таки есть нѣчто твердое и неизблемое, на что опирается ея душа. Это ея воспомнанія дѣтства, воспоминанія родины, деревенской глуши, въ которой началась ея смиренная, чистая жизнь — это «крестъ и тѣнь вѣтвей надъ могилой ея бѣдной няни». О, эти воспоминанія и прежніе образы ей теперь всего драгоценнѣе, эти образы одни только и остались ей, но они то и спасаютъ ея душу отъ окончательнаго отчаянія; и этого не мало, нѣтъ, тутъ уже многое, потому что тутъ цѣлое основаніе, тутъ нѣчто неизблемое и неразрушимое. Тутъ соприкосновеніе съ родиной, съ роднымъ народомъ, съ его святынею. А у него что есть и кто онъ такой? Не идти же ей за нимъ изъ состраданія, чтобы только потѣшить его, чтобы хоть на время, изъ безконечной любовной жалости, подарить ему призракъ счастья, твердо зная напередъ, что онъ завтра же посмотритъ на это счастье свое насмѣшливо. Нѣтъ, есть глубокія и твердыя души, которыя не могутъ сознательно отдать святыню свою на позоръ, хотя бы и изъ безконечнаго состраданія. Нѣтъ, Татьяна не могла пойти за Онѣгинымъ».

Изъ драматическихъ произведеній, написанныхъ Пушкинымъ въ этотъ періодъ времени, мы рассмотримъ «Скупаго Рыцаря», который, по справедливости, признается однимъ изъ высоко-художественныхъ произведеній Пушкина. Драма состоитъ изъ трехъ сценъ; особенно сильное впечатлѣніе производитъ вторая сцена, которая представляетъ картину, какъ скупецъ, войдя въ подвалъ, гдѣ находились его богатства, отпираетъ сундуки и любуется золотомъ. Скупецъ воображаетъ, что, владѣя золотомъ, онъ владѣетъ такою силою, которой все подвластно. Но несчастный скупецъ только тѣшитъ себя мыслию о своемъ могуществѣ. На самомъ дѣлѣ онъ не могъ и пожелать воспользоваться своимъ могуществомъ. Ему кажется, что, истративъ хотя одинъ червонецъ изъ своихъ сокровищъ, онъ уменьшитъ свою силу и власть. Онъ дрожитъ надъ своимъ золотомъ.

Характеры дѣйствующихъ лицъ — Барона и сына его, Альбера, изображены съ тѣмъ же многообразіемъ качествъ, которое мы видѣли и въ характерахъ «Бориса Годунова». Главная, преобладающая страсть Барона — скупость. Онъ видитъ въ деньгахъ своихъ господъ; онъ служилъ имъ, какъ «алжирскій рабъ»; онъ относится къ золоту съ какимъ-то религіознымъ благоговѣніемъ. Скупость дѣлаетъ его жестокосердымъ, уничтожаетъ въ немъ все родительскія чувства по отношенію къ сыну, котораго онъ ненавидитъ, какъ будущаго обладателя своихъ сокровищъ. Но при всемъ своемъ могуществѣ эта страсть не заглушаетъ въ немъ черты рыцарскаго духа: онъ бросаетъ сыну перчатку, когда этотъ назвалъ его лжецомъ; онъ является по первому призыву къ своему герцогу и готовъ усердно служить ему въ случаѣ войны. Молодой рыцарь Альберъ храбръ и добръ, благодушно обращается и съ слугою своимъ, и съ жидомъ, который ссужаетъ его деньгами. Онъ считаетъ своимъ виновникомъ своего «проклятаго житія» отца, который держитъ его не какъ сына, а «какъ мышъ, рожденную въ подпольѣ»; онъ съ удовольствіемъ бы встрѣтилъ смерть этого жестокаго отца: но, при намекѣ Соломона на отраву отца, онъ приходитъ въ ужасъ и хочетъ повѣсить совѣтника. Онъ молчитъ, когда слышитъ, какъ отецъ говорилъ герцогу, что онъ хотѣлъ его убить, но не можетъ вынести второй клеветы отца, что онъ хотѣлъ его обокрасть: воровство для рыцаря считалось вѣщимъ безчестіемъ, чѣмъ убійство. Альберъ выскакиваетъ изъ сосѣдней комнаты, откуда онъ слышалъ

разговоръ своего отца съ герцогомъ, называетъ отца лжецомъ, поднимаетъ брошенную имъ перчатку, и даже жалѣетъ, что эту перчатку отнимаетъ у него герцогъ. Кромѣ характеристики лицъ, свободное развитіе дѣйствія въ драмѣ, естественная развязка и мѣткій, соответственныхъ характерамъ, діалогъ — ясно выражаютъ всѣ принадлежности Шекспировскаго драматическаго строя. Скупой рыцарь — «это такая смѣна страстей, такіа строки, подъ которыми съ гордостью подписался бы Шекспиръ», сказалъ И. С. Тургеневъ. Всѣ подробности драмы вполне вѣрны правамъ рыцарской эпохи, къ которой относится дѣйствіе. Здѣсь Пушкинъ показалъ, что ему доступна и иноземная жизнь, какъ доступна русская, что его фантазія проникается даже духомъ иноземной жизни по однимъ впечатлѣніямъ отъ чтенія иностранныхъ сочиненій.

ГЛАВА VII.

Последніе годы жизни Пушкина (1831—1837 г.)

Жизнь въ Царскомъ Селѣ. «Сказка о царѣ Салтанѣ...» «Клеветникамъ Россіи». Жизнь въ Петербургѣ. Работы въ архивахъ. «Исторія Пугачевского бунта». Путешествіе въ Оренбургъ. Работы въ Болдинѣ. Смерть матери. Изданіе «Современника». Последніе дни Пушкина. Личность Пушкина и отличительныя черты его поэзіи.

Весною 1831 года Пушкинъ съ женой уѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ и поселился на лѣто въ Царскомъ Селѣ. Для Пушкина началась тихая и покойная жизнь, въ небольшомъ кругу близкихъ друзей. Вскорѣ сюда прибылъ и Жуковский, который поселился въ Александровскомъ дворцѣ въ качествѣ воспитателя Великаго Князя. Постоянное присутствіе Жуковскаго, этого умнаго, веселаго, дѣтски-кроткаго и душевнаго человѣка, придавало особую тихую прелесть немногочисленному дружескому кружку. Добродушная шутка и незлобивый смѣхъ царилъ въ ихъ интимныхъ собраніяхъ. Пушкинъ и Жуковский согласились написать по русской сказкѣ. Сказки Жуковскаго «Берендей» и «Спящая царевна» не имѣли успѣха, хотя написаны прекрасными, гармоническими стихами. Причина этого, по мнѣнію Анненкова, заключается въ томъ, что въ сказкахъ Жуковскаго совершенно покинуть мѣстный сказочный колоритъ, такъ что онѣ скорѣе принадлежать германской легендѣ, чѣмъ русскому міру. Между тѣмъ сказка Пушкина: «Царь Сал-

танъ» вызвала восторгъ. Литераторы, занимавшіеся народной поэзіей, находили въ ней зародышъ новаго періода въ нашей литературѣ. Н. И. Гнѣдичъ послалъ къ Пушкину слѣдующіе стихи съ надписью: «Пушкину по прочтеніи сказки про Царя Салтана».

Пушкинъ, Протей

Гибкимъ твоимъ языкомъ и волшебствомъ твоихъ
пѣснопѣній!

Уши закрой отъ похвалъ и сравненій
Добрыхъ друзей!

Пой, какъ поешь ты, родной соловей!

Байрона геній, иль Гёте, Шекспира —

Геній ихъ неба, ихъ нравовъ, ихъ странъ;

Ты же, постигнувшій таинства русскаго духа и міра,

Ты — нашъ Баянъ!

Небомъ роднымъ вдохновенный,

Ты на Руси нашъ пѣвецъ несравненный!

Дѣйствительно, первый опытъ Пушкина въ народной поэзіи выказываетъ знакомство его съ міромъ народныхъ сказаній и съ народною рѣчью. Со всѣмъ тѣмъ это была только мастерская поддѣлка. Насмѣшливое выраженіе и иронія, которыя постоянно проглядываютъ въ разсказѣ, чужды настоящему духу народной сказки.

Въ Царскомъ же Селѣ Пушкинъ написалъ извѣстныя свои стихотворенія: «Клеветникамъ Россіи» и «Бородинская годовщина». Они являются отвѣтомъ на клевету, брань и оскорбленія, вызванныя противъ Россіи стремленіями, возбужденными за-границею польскимъ возстаніемъ. Пушкинъ возвысилъ патріотическій голосъ, исполненный энергіи. Съ Державина Россія не слыхала столь мощныхъ звуковъ. Стихотворенія Пушкина вполне удовлетворили оскорбленному патріотизму русскаго общества. По возвращеніи въ Петербургъ осенью 1831 года, Пушкинъ поступилъ на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ. По особенной Высочайшей милости благоволившаго къ нему Государя, ему было назначено 5000 р. ежегоднаго жалованья. Съ зимы 1832 года Пушкинъ началъ заниматься собраніемъ матеріаловъ для исторіи Петра Великаго. Ему было разрѣшено пользоваться для того государственными архивами, и онъ дѣятельно работалъ въ нихъ. При собираніи документовъ для исторіи Петра Великаго, онъ встрѣтилъ матеріалы, которые навели

его на мысль написать «Исторію Пугачевского бунта» и дали канву для повѣсти «Капитанская дочка». Къ осени 1833 года были у него готовы матеріалы для «Исторіи» и написана вчернѣ «Капитанская дочка». Чтобы лучше ознакомиться съ мѣстомъ дѣйствія и нѣкоторыми обстоятельствами описываемыхъ событій, онъ осенью 1833 года совершилъ путешествіе по восточной части Россіи, гдѣ происходилъ Пугачевскій бунтъ. Онъ побывалъ въ Казани и Оренбургѣ, осмотрѣлъ оренбургскую линію, крѣпость и мѣсто, гдѣ Пугачевъ стоялъ лагеремъ подъ Казанью; вездѣ собиралъ живыя преданія и свидѣтельства очевидцевъ. На возвратномъ пути изъ Оренбурга Пушкинъ остановился въ своемъ селѣ Болдино, гдѣ пробылъ октябрь мѣсяцъ. Осень въ деревнѣ и на этотъ разъ оказала на него свое благотворное вліяніе. Прежде всего явилась у него «Сказка о рыбацкѣ и рыбкѣ», затѣмъ конченъ «Мѣдный Всадникъ», наконецъ окончены и приведены въ порядокъ «Исторія Пугачевского бунта» и повѣсть «Капитанская дочка». «Сказка о рыбацкѣ и рыбкѣ» написана въ подражаніе народнымъ сказкамъ. Рассказъ отличается полною безыскусственностію, простотою и добродушіемъ. Заслуживаетъ удивленія эта мастерская стихотворная передача, которая сохраняетъ свободный ритмъ народного языка, съ его созвучіями и оборотами. «Такъ воспроизводитъ произведенія естественнаго, простодушнаго творчества можетъ лишь тотъ, кто постигнулъ тайнства русскаго міра и духа» (Галаховъ).

Сюжетомъ поэмы «Мѣдный Всадникъ» послужило ужасное наводненіе, бывшее въ Петербургѣ 7 ноября 1824 года. Героемъ ея Пушкинъ сдѣлалъ Петра Великаго, памятникъ котораго, Мѣдный Всадникъ, въ его картинѣ наводненія величественно возвышается надъ волнами и укрощаетъ ихъ. «Послѣ бойкаго, вполне естественнаго стиха Евгенія Онѣгина, послѣ сжатого и пластичнаго слога Полтавы, стихъ Мѣднаго Всадника достигаетъ еще новаго развитія: въ немъ необыкновенно искусно слиты совершенная простота разговорной рѣчи съ поэтической образностію: въ немъ мы находимъ въ высшей степени и естественность, и сжатость, и движеніе». (Новая русская литература—В. Водовозова, 202 стр.).

Повѣсть «Капитанская дочка», говоритъ Галаховъ, «относится къ послѣднему періоду творчества Пушкина, когда его геній достигъ наибольшей высоты, и когда первыми условіями искусства онъ ставилъ простоту и естественность». И въ ней, дѣйствительно, все

естественно, просто и въ то же время художественно, какъ въ вымыслѣ, такъ и въ развитіи характера. Главное лицо въ повѣсти — Марья Ивановна, дочь капитана Миронова, коменданта Вѣлгородской крѣпости въ Оренбургской губерніи. Характеръ ея обрисованъ чертами простыми, естественными и привлекательными. Это была простая и скромная, но вмѣстѣ съ тѣмъ разумная и способная къ глубокой привязанности дѣвушка. Она вездѣ остается вѣрною здравому смыслу и искреннему чувству. Отецъ и мать Марьи Ивановны умерщвлены Пугачевымъ за то, что не хотѣли признать его царемъ; сама она терпитъ постоянныя преслѣдованія отъ негодяя Швабрина, испытываетъ и многія другія лишенія и горести, но остается твердою въ привязанности къ своему жениху Гриневу. Наконецъ, когда женихъ ея, по ложному доносу Швабрина, осужденъ на ссылку въ Сибирь, какъ соучастникъ Пугачева, она рѣшается на самый трудный подвигъ: ѣдетъ въ незнакомый ей Петербургъ, гдѣ энергически отстаиваетъ своего жениха и плѣняетъ Императрицу своимъ великодушнымъ поступкомъ. Этотъ женскій героизмъ и составляетъ идею повѣсти.

Въ концѣ ноября 1833 года, Пушкинъ прибылъ въ Петербургъ и представилъ на разсмотрѣніе начальства свою «исторію Пугачевского бунта». 31 декабря того же года Всемилостивѣйше пожалованъ онъ въ камеръ-юнкеры Двора Его Императорскаго Величества, и на напечатаніе книги выдано ему изъ государственнаго казначейства 20 тысячъ р. заимообразно на два года. Осенью 1834 года Исторія отпечаталась и поступила въ продажу. Авторъ получилъ большія деньги съ этого изданія, что нѣсколько поправило его незначительныя матеріальныя средства.

«1834 и 1835-й годы замѣчательны въ жизни нашего поэта еще и развитіемъ его сношеній въ обществѣ», говоритъ Анненковъ. «Даже по однимъ бумагамъ можно судить о томъ, какой обширный кругъ дѣятельности нашла его наблюдательность и какой широкій горизонтъ представлялся вообще его глазу. Почти ни одно явленіе жизни не ускользаетъ отъ него. Онъ собираетъ историческіе анекдоты отъ очевидцевъ, или отъ людей, близкихъ къ очевидцамъ, и помѣщаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ всякое слово или мысль, какъ только вышли они, по своему значенію, изъ безразличнаго говора людей. Еще важнѣе для него были сами люди. Мы знаемъ, что въ это время находился онъ въ сношеніяхъ почти со всѣми знаменитостями

свѣтскаго, дипломатическаго, военнаго и административнаго круга...» «Неравнодушно встрѣчаетъ онъ *постоянное изученіе его собственныхъ созданій*, которое начинается въ эту эпоху, рядомъ со стремленіемъ отыскать въ самыхъ этихъ созданіяхъ живые эстетическіе законы». Онъ уже могъ тогда прозрѣть свое значеніе, какъ воспитателя художническаго чувства въ отечествѣ. Въ 1835 году написано имъ стихотвореніе «Памятникъ», полное вѣры и сознанія того, что не даромъ онъ жилъ и не даромъ трудился.

Съ 1836 года Пушкинъ задумалъ издавать журналъ «Современникъ». Этотъ журналъ или обозрѣніе, какъ называлъ его Пушкинъ, долженъ былъ служить продолженіемъ «Литературной Газеты», какъ по духу своей критики, такъ и по многимъ именамъ сотрудниковъ, которые въ немъ участвовали. Цѣль «Современника», какъ и прежней «Литературной газеты» — распространеніе въ читателяхъ здравыхъ и вѣрныхъ понятій о литературѣ и поэзіи. Первая книжка «Современника» вышла во время отсутствія Пушкина въ Москву, куда онъ былъ командированъ для осмотра архива иностранныхъ дѣлъ.

Въ іюнѣ 1836 года Пушкинъ былъ огорченъ кончиною матери своей, Надежды Осиповны. Проводивъ ея тѣло въ Святогорскій Успенскій монастырь (въ Опочковскомъ уѣздѣ Псковской губерніи), онъ, какъ бы предчувствуя близкую смерть, условился съ начальствомъ монастыря, чтобъ и ему была приготовлена могила рядомъ съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ положена была его мать. Последнее время жизни Пушкина было наполнено разными огорченіями, которыхъ онъ не въ силахъ былъ переносить. Недоброжелатели начали распускать разныя пошлыя выдумки о семейной жизни поэта. А Пушкинъ не могъ выносить клеветы съ тѣмъ равнодушіемъ, какого она заслуживаетъ, и жизнь стала для него тяжела. Онъ самъ, кажется, сознавалъ, что такъ или иначе, но скоро разстанется съ жизнію. Рассказываютъ, между прочимъ слѣдующій случай, обнаруживающій, что уже за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти Пушкинъ тосковалъ и чувствовалъ тяжесть на душѣ. Товарищи Пушкина по Лицею каждый годъ собирались, 19 октября, въ годовщину основанія Лицея, чтобы вспоминать о прошломъ и проводить этотъ день по-товарищески. Пушкинъ часто писалъ къ этому собранію стихотворенія. Такъ онъ сдѣлалъ и въ 1836 году, но не успѣлъ совершенно окончить и обдѣлать своего стихотворенія къ 19 октября

и въ кругу собравшихся товарищей извинялся, что прочтетъ имъ неоконченную піесу. Помолчавъ немного, онъ вынулъ листъ бумаги и началъ:

Была пора: нашъ праздникъ молодой
Сіялъ, шумѣлъ и розами вѣнчался...

Но голосъ его задрожалъ, и слезы показались на глазахъ при этихъ словахъ. Онъ не въ силахъ былъ продолжать чтеніе, вышелъ изъ-за стола и долго сидѣлъ въ углу комнаты одинъ. Стихотвореніе прочитано было однимъ изъ присутствовавшихъ товарищей.

Душевные беспокойства тяготили Пушкина до такой степени, что онъ самъ искалъ смерти и, по одному недоразумѣнію, которое можно было устранить, еслибы Пушкинъ даже дорожилъ собою, вышелъ на дуэль съ французскимъ подданнымъ Дантесомъ, жившимъ тогда въ Петербургѣ. Дуэль произошла 27 января 1837 года. Пуля противника смертельно рангла нашего великаго поэта, и, послѣ ужасныхъ страданій, Пушкинъ скончался 29 января, въ три четверти третьяго часа пополудни.

Помѣщаемъ здѣсь описаніе послѣднихъ часовъ жизни Пушкина, сдѣланное В. А. Жуковскимъ въ письмѣ его къ отцу нашего поэта:

«Первыя минуты ужаснаго горя для тебя прошли; теперь ты можешь меня слушать и плакать. Я опишу тебѣ все, что было въ послѣднія минуты твоего сына, что я видѣлъ самъ, что мнѣ рассказали другіе очевидцы. Въ среду, 27 числа января, въ 10 часовъ вечера пріѣхалъ я къ князю Вяземскому. Мнѣ сказываютъ, что и онъ и княгиня у Пушкиныхъ, а Валуевъ, къ которому я зашелъ, встрѣчаетъ меня словами: получили ли вы записку княгини? За вами давно послали; побѣжайте къ Пушкину: онъ умираетъ. Оглушенный этимъ извѣстіемъ, я побѣжалъ съ лѣстницы. Пріѣзжаю къ Пушкину. Въ его прихожей, передъ дверями его кабинета, нахожу докторовъ Арендта и Спасскаго; князя Вяземскаго, князя Мещерскаго. На вопросъ: каковъ онъ? Арендтъ отвѣчалъ мнѣ: очень плохъ; умереть не премѣнно. Вотъ что рассказали мнѣ о случившемся: въ шесть часовъ послѣ обѣда Пушкинъ привезенъ былъ въ этомъ отчаянномъ положеніи домой подполковникомъ Данзасомъ, его лицейскимъ товарищемъ. Камердинеръ принялъ его изъ кареты на руки и понесъ на лѣстницу.

«Грустно тебѣ нести меня?» спросилъ у него Пушкинъ. Его внесли въ кабинетъ; онъ самъ велѣлъ подать себѣ чистое бѣлье; раздѣлся, и легъ на диванъ. Въ то время, когда его укладывали, жена, ни о чемъ не знавшая, хотѣла войти; но онъ громкимъ голосомъ закричалъ: «n'entrez pas; il y a du monde chez moi». Онъ боялся ее испугать. Жена вошла уже тогда, когда онъ лежалъ совсѣмъ раздѣтый. Послали за докторамъ. Арендта не нашли; пріѣхалъ Шольцъ и Задлеръ. Пушкинъ велѣлъ всѣмъ выйти (въ это время у него были Данзасъ и Плетневъ). «Плохо со мною,» сказалъ онъ, подавалъ руку Шольцу. Его осмотрѣли, и Задлеръ уѣхалъ за нужными инструментами. Оставшись съ Шольцемъ, Пушкинъ спросилъ: «Что вы думаете о моемъ положеніи, скажите откровенно?» — Не могу отъ васъ скрыть, вы въ опасности. — Скажите лучше, умираю. — Считаю долгомъ не скрывать и того. Но услышавъ мнѣніе Арендта и Саломона, за которыми послано. — «Je vous remercie, vous avez agi en honnête homme envers moi,» сказалъ Пушкинъ, замолчалъ, потеръ рукою лобъ, потомъ прибавилъ: «il faut que t'arrange ta maison». — Не желаете ли видѣть кого изъ вашихъ близкихъ? спросилъ Шольцъ. — «Прощайте, друзья!» сказалъ Пушкинъ, обративъ глаза на свою библіотеку. Съ кѣмъ онъ прощался въ эту минуту, съ живыми друзьями, или съ мертвыми, не знаю. Онъ, немного погодя, спросилъ: Развѣ вы думаете, что я часу не проживу? — О нѣтъ! но я полагалъ, что вамъ будетъ пріятно увидѣть кого нибудь изъ вашихъ. Господинъ Плетневъ здѣсь — «Да, но я желалъ бы и Жуковскаго. Дайте мнѣ воды, тошнить». — Шольцъ, тронувъ пульсъ, нашелъ, что рука была холодна, пульсъ слабъ и скоръ; онъ вышелъ за питье, и послали за мною. Меня въ это время не было дома; и не знаю, какъ это случилось, но ко мнѣ не приходилъ никто. Между тѣмъ пріѣхали Задлеръ и Саломонъ. Шольцъ оставилъ больного, который добродушно пожалъ ему руку, но не сказалъ ни слова. Скоро потомъ явился Арендтъ. Онъ съ перваго взгляда увѣрился, что не было никакой надежды. Начали прикладывать холодныя со льдомъ примочки на животъ и давать прохладительное питье; это произвело желанное дѣйствіе: больной успокоился. Передъ отъѣздомъ Арендта, онъ сказалъ ему: «попросите государя, чтобъ онъ меня простилъ». Арендтъ уѣхалъ, поручивъ его Спасскому, домовому его

доктору, который во всю ту ночь не отходилъ отъ его постели. «Плохо мнѣ», сказалъ Пушкинъ, когда подошелъ къ нему Спасскій. Спасскій старался его успокоить; но Пушкинъ махнулъ рукой отрицательно. Съ этой минуты онъ какъ будто пересталъ заботиться о себѣ и всѣ его мысли обратились на жену. «Не давайте излишнихъ надеждъ женѣ, говорилъ онъ Спасскому, не скрывайте отъ нея, въ чемъ дѣло; она не притворщица; вы ее хорошо знаете. Впрочемъ дѣлайте со мною, что хотите, я на все согласенъ и на все готовъ». Въ это время уже собрался: князь Вяземскій, княгиня, Тургеневъ, графъ Вильгорскій и я. Княгиня была съ женою, которой состояніе было невыразимо; какъ привидѣніе иногда прокрадывалась она въ ту горницу, гдѣ лежалъ ея умирающій мужъ; онъ не могъ ее видѣть (онъ лежалъ на диванѣ лицомъ отъ оконъ и двери); но всякій разъ, когда она входила, или только останавливалась у дверей, онъ чувствовалъ ея присутствіе. «Жена здѣсь? говорилъ онъ. «Отведите ее». Онъ боялся допускать ее къ себѣ, ибо не хотѣлъ, чтобъ она могла замѣтить его страданія, кои съ удивительнымъ мужествомъ пересиливалъ. «Что дѣлаетъ жена? спросилъ онъ однажды у Спасскаго. «Она бѣдная безвинно терпитъ!» Вообще съ начала до конца своихъ страданій кромѣ двухъ или трехъ часовъ первой ночи, въ которые они превзошли всякую мѣру человѣческаго терпѣнія, онъ былъ удивительно твердъ». Я былъ въ тридцати сраженіяхъ, говорилъ докторъ Арендтъ, я видѣлъ много умирающихъ, но мало видѣлъ подобнаго». И особенно замѣчательно то, что въ эти послѣдніе часы жизни, онъ какъ будто сдѣлался иной: буря, которая за нѣсколько часовъ волновала его душу неодолимою страстію, исчезла, не оставивъ на ней и слѣда; ни слова, ниже воспоминанія о случившемся. Но вотъ черта чрезвычайно трогательная. Наканунѣ получилъ онъ приглашенный билетъ на погребеніе Гречева сына. Онъ вспомнилъ объ этомъ посреди своего страданія. «Если увидите Греча, сказалъ онъ Спасскому, поклонитесь ему и скажите, что я принимаю душевное участіе въ его потерѣ». У него спросили: желаетъ ли исповѣдаться и причаститься. Онъ согласился охотно и положено было призвать священника утромъ. Въ полночь докторъ Арендтъ возвратился. Покинувъ Пушкина, онъ отправился во дворецъ, но не засталъ государя, который былъ въ театрѣ;

онъ сказалъ камердинеру, чтобъ по возвращеніи его величества было донесено ему о случившемся. Около полуночи пріѣзжаетъ къ Арендту отъ государя фельдъегерь съ повелѣніемъ немедленно ѣхать къ Пушкину, прочитать ему письмо, собственноручно государемъ къ нему написанное, и тотчасъ обо всемъ донести. «Я не лягу, я буду ждать», приказывалъ государь Арендту. Письмо же приказано было возвратить. И что же стояло въ этомъ письмѣ? «Если Богъ не велитъ намъ болѣе увидѣться, посылаю тебѣ мое прощеніе и вмѣстѣ мой совѣтъ: исполнить долгъ христіанскій. О женѣ и дѣтяхъ не безпокойся: я ихъ беру на свое попеченіе». Какъ бы я желалъ выразить простыми словами то, что у меня движется въ душѣ при перечитываніи этихъ немногихъ строкъ. Какой трогательный конецъ земной связи между царемъ и гѣмъ, кого онъ когда-то отечески присвоилъ и кого до послѣдней минуты не покинулъ! Какъ много прекраснаго, человѣческаго въ этомъ порывѣ, въ этой поспѣшности захватить душу Пушкина на отлетѣ, очистить ее для будущей жизни и ободрить послѣднимъ земнымъ утѣшеніемъ. Я не лягу, я буду ждать! О чемъ же онъ думалъ въ эти минуты ожиданія! Гдѣ онъ былъ своею мыслию? О, конечно, передъ постелью умирающаго, его добрымъ земнымъ гениемъ, его духовнымъ отцомъ, его примирителемъ съ небомъ и собою. Умирающій немедленно исполнилъ уже угаданное желаніе государя. Послали за священникомъ въ ближнюю церковь. Пушкинъ исповѣдался и причастился съ глубокимъ чувствомъ. Когда Арендтъ прочиталъ ему письмо государя, то онъ вмѣсто отвѣта поцѣловалъ его и долго не выпускалъ изъ рукъ; но Арендтъ не могъ его ему оставить. Нѣсколько разъ Пушкинъ повторилъ: «Отдайте мнѣ это письмо, я хочу умереть съ нимъ. Письмо! гдѣ письмо?» Арендтъ успокоилъ его обѣщаніемъ испросить на то позволеніе у государя. Онъ скоро потомъ уѣхалъ.

До пяти часовъ утра въ его положеніи не произошло никакой перемѣны. Но около пяти часовъ боль въ животѣ сдѣлалась нестерпимою и сила ея одолѣла силу души; онъ началъ стонать, послали опять за Арендтомъ. Но пріѣздъ его, нашли нужнымъ поставить промывательное; но оно не помогло и только-что усилило страданія, которыя наконецъ дошли до крайней степени и продолжались до семи часовъ утра. Что было бы съ бѣдною женою, если бы она въ теченіе этихъ двухъ вѣковыхъ часовъ могла слышать

его стоны? Я увѣренъ, что ея разсудокъ не вынесъ бы этой душевной пытки. Но вотъ что случилось: она, въ совершенномъ изнуреніи, лежала въ гостиной, у самыхъ дверей, кои однѣ отдѣляли ее отъ постели мужа. При первомъ страшномъ крикѣ его, княгиня Вяземская, бывшая въ той же горницѣ, бросилась къ ней, опасаясь, чтобы съ нею чего не сдѣлалось. Но она лежала неподвижно [хотя за минуту говорила]; тяжелый летаргическій сонъ овладѣлъ ею, и этотъ сонъ, какъ будто нарочно посланный свыше, миновался въ ту самую минуту, когда раздалось послѣднее стenanіe за дверями. Но въ эти минуты жесточайшаго испытанія, по словамъ Спасскаго и Арендта, во всей силѣ оказалась твердость души умирающаго: готовый вскрикнуть, онъ только стоналъ, боясь, какъ онъ говорилъ самъ, чтобы жена не услышала, чтобы ее не испугать. Къ семи часамъ боль утихла. Надобно замѣтить, что во все время и до самаго конца, мысли его были свѣтлы и память свѣжа. Еще до начала сильной боли онъ подозвалъ къ себѣ Спасскаго, велѣлъ подать какую-то бумагу, его рукою написанную, и заставилъ ее сжечь. Потомъ призвалъ Данзаса и продиктовалъ ему записку о нѣкоторыхъ долгахъ своихъ. Это его однако изнурило, и послѣ онъ уже не могъ сдѣлать никакихъ другихъ распоряженій. Когда поутру кончились его нестерпимыя страданія, онъ сказалъ Спасскому: «Жену! позовите жену!» — Этой прощальной минуты я тебѣ не стану описывать. Потомъ погребовалъ дѣтей; они спали; ихъ привели и принесли къ нему полусонныхъ. Онъ на каждого оборачивалъ глаза молча, клалъ ему на голову руку, крестилъ и потомъ движеніемъ руки отсылалъ прочь. «Кто здѣсь?» спросилъ онъ у Спасскаго и Данзаса. Назвали меня и Вяземскаго. «Позовите», сказалъ онъ слабымъ голосомъ. Я подошелъ, взялъ его похолодѣвшую, протянутую ко мнѣ руку, поцѣловалъ ее: сказать ему ничего я не могъ, онъ махнулъ рукою и я отошелъ, но черезъ минуту я возвратился къ его постелѣ и спросилъ у него: можетъ быть, увижу государя: что мнѣ сказать ему отъ тебя? — «Скажи, отвѣчалъ онъ, что мнѣ жалъ умереть; былъ бы весь его!» — Эти слова говорилъ онъ слабо, отрывисто, но явственно. Потомъ простился онъ съ Вяземскимъ. Въ эту минуту пріѣхалъ графъ Віельгорскій и вошелъ къ нему, и также въ послѣдніе подалъ ему живому руку. Было очевидно, что онъ снѣвши сдѣлать свой послѣдній земной расчетъ и какъ будто подслушивалъ шаги при-

ближающейся смерти. Взявши себя за пульсъ, онъ сказалъ Спаскому: «смерть идетъ.» Когда подошелъ къ нему Тургеневъ, онъ посмотрѣлъ на него два раза пристально, пожалъ ему руку; казалось, хотѣлъ что-то сказать, но махнулъ рукою и только промолвилъ: «Карамзину!» Ея не было, за нею немедленно послали, и она скоро пріѣхала. Свиданіе ихъ продолжалось только минуту; но когда Катерина Андреевна *) отошла отъ постели, онъ ее кликнулъ и сказалъ: «Перекрестите меня», потомъ поцѣловалъ у ней руку.— Въ это время пріѣхалъ докторъ Арендтъ. «Жду царскаго слова, чтобы умереть спокойно», сказалъ ему Пушкинъ. Это было для меня указаніемъ, и я рѣшился въ ту же минуту ѣхать къ государю, чтобы извѣстить его величество о томъ, что слышалъ. Сходи съ крыльца, я встрѣтился съ фельдъегеремъ, посланнымъ за мною отъ самого государя. «Извини, что я тебя потревожилъ», сказалъ онъ мнѣ при входѣ моемъ въ кабинетъ.— «Государь, и самъ спѣшилъ къ вашему величеству въ то время, когда встрѣтился съ посланнымъ за мною». Разсказавъ о томъ, что говорилъ Пушкинъ, я прибавилъ: «я счелъ долгомъ сообщить эти слова немедленно вашему величеству».—«Скажи ему отъ меня, сказалъ государь, что я поздравляю его съ исполненіемъ христіанскаго долга; о женѣ же и дѣтяхъ онъ беспокоиться не долженъ: они мои. Тебѣ же поручаю, если онъ умретъ, запечатать его бумагъ; ты послѣ ихъ самъ размотришь.»— Я возвратился къ Пушкину съ утѣшительнымъ отвѣтомъ государя. Выслушавъ меня, онъ поднялъ руки къ небу съ какимъ-то судорожнымъ движеніемъ. «Вотъ какъ я утѣшенъ! сказалъ онъ. Скажи государю, что я желаю ему долгаго, долгаго царствованія, что я желаю ему счастья въ его сынѣ, что я желаю ему счастья въ его Россіи.» Между тѣмъ данный ему приѣмъ оііума нѣсколько его успокоилъ; къ животу вмѣсто холодныхъ примочекъ начали прикладывать мягчительныя; это было пріятно страждущему; и онъ началъ безпрекословно исполнять предписанія докторовъ, которые прежде всѣ отвергали упрямо, будучи испуганы своими муками и жадно желая смерти для ихъ прекращенія. Но тутъ онъ сдѣлался послушенъ, какъ ребенокъ; самъ накладывалъ компрессы на животъ и помогалъ тѣмъ, кои около него суетились. Словомъ, ему

*) Вдова историка.

повидимому стало гораздо лучше. Такъ нашелъ его докторъ Даль, пришедшій къ нему въ два часа. «Худо мнѣ, братъ», сказалъ Пушкинъ съ улыбкою Далю. Но Даль, дѣйствительно имѣвшій болѣе другихъ надежды, отвѣчалъ ему: мы всѣ надѣемся, не отчаивайся и ты.—«Нѣтъ! возразилъ онъ, мнѣ здѣсь не житье; я умру; да видно такъ и надо.» Въ это время пульсъ его былъ полнѣе и тверже; началъ показываться небольшой общій жаръ. Поставили пѣивки; пульсъ сталъ ровнѣе, рѣже и гораздо легче. Я ухватился, говорить Даль, какъ утопленникъ за соломенку, робкимъ голосомъ провозгласилъ надежду и обманулъ было и себя и другихъ. Пушкинъ, замѣтивъ, что Даль былъ пободре, взялъ его за руку и спросилъ: «Никого тутъ нѣтъ?»—«Никого.»—«Даль, скажи мнѣ правду, скоро ли я умру?»—«Мы за тебя надѣемся, Пушкинъ, право надѣемся.»—«Ну, спасибо!» отвѣчалъ онъ. Но повидимому только однажды и обольстился онъ утѣшеніемъ надежды; ни прежде, ни послѣ этой минуты онъ ей не вѣрилъ. Почти всю ночь [на 29-е число; эту ночь всю Даль просидѣлъ у его постели, а я, Вяземскій и Вельгорскій въ ближней горницѣ] онъ продержалъ Дая за руку; часто бралъ по ложечкѣ воды или по крупинкѣ льда въ ротъ, и всегда все дѣлалъ самъ: снималъ стаканъ съ ближней полки, теръ себѣ виски льдомъ, самъ накладывалъ на животъ припарки, самъ ихъ перемѣнялъ и проч. Онъ мучился менѣе отъ боли, нежели отъ чрезмѣрной тоски. «Ахъ! какая тоска!» иногда восклицалъ онъ, закидывая руки на голову, «сердце изнываетъ!» Тогда просилъ онъ, чтобы подняли его, или повертели на бокъ, или поправили ему подушку; и, не давъ кончить этого, останавливалъ обыкновенно словами: «ну! такъ, такъ — хорошо: вотъ и прекрасно, и довольно; теперь очень хорошо»; или «постой — не надо — потяни меня только за руку — ну вотъ и хорошо, и прекрасно!»— [все это его точныя выраженія]. Вообще, говорить Даль, въ обращеніи со мною онъ былъ покладливъ и послушенъ, какъ ребенокъ, и дѣлалъ все, чего я хотѣлъ. Однажды онъ спросилъ у Дая: «Кто у жены моей?»—Даль отвѣчалъ: много добрыхъ людей принимаютъ въ тебѣ участіе; зала и передняя полны съ утра до ночи.—«Ну, спасибо, отвѣчалъ онъ, однако же поди, скажи женѣ, что все слава Богу легко; а то ей тамъ, пожалуй, наговорятъ.»—Даль его не обманулъ. Съ утра 28 числа, въ которое разнеслась по городу вѣсть,

что Пушкинъ умираетъ, его передняя была полна приходящихъ; одни освѣдомлялись о немъ черезъ посланныхъ; другіе — и людп всѣхъ состояній, знакомые и незнакомые — приходили сами. Трогательное чувство національной, общей скорби выражалось въ этомъ движеніи. Число приходящихъ сдѣлалось наконецъ такъ велико, что дверь прихожей [которая была подлѣ кабинета, гдѣ лежалъ умирающій] безпрестанно отворялась и затворялась; это беспокоило страждущаго; и мы придумали запереть эту дверь, задвинули ее изъ сѣней залавкомъ и вмѣсто ее отворили другую, узенькую, прямо съ лѣстницы въ буфетъ; а гостиную, гдѣ находилась жена, отгородили отъ столовой ширмами. Съ этой минуты буфетъ былъ безпрестанно набитъ народомъ; въ столовую же входили только знакомые. На лицахъ выражалось простодушное участіе; очень многіе плакали. Государь императоръ получалъ извѣстія отъ доктора Арендта, который разъ по шести въ день и по нѣскольку разъ ночью приѣзжалъ навѣстить больнаго; государыня великая княгиня [Елена Павловна], очень любившая Пушкина, написала ко мнѣ нѣсколько записокъ, на которыя я отдавалъ подробный отчетъ ея высочеству согласно съ ходомъ болѣзни. Такое участіе трогательно, но оно естественно; естественно и въ государѣ, которому дорога народная слава, какого рода она бы ни была [а въ этомъ отличительная черта нынѣшняго государя: онъ любитъ все русское, онъ ставитъ новые памятники и бережетъ старыя]; естественно и въ націю, которая въ этомъ случаѣ не только заодно съ своимъ государемъ, но эту общую любовь къ отечественной славѣ укореняется между имъ нравственная связь: государю естественно гордиться своимъ народомъ, какъ скоро этотъ народъ понимаетъ его высокое чувство и вмѣстѣ съ нимъ любитъ то, что славно отличаетъ его отъ другихъ народовъ или ставитъ съ ними на ряду; народу естественно быть благодарнымъ своему государю за любовь къ отечественной славѣ и за великое выраженіе сей любви, ибо въ своемъ государѣ онъ видитъ представителя своей чести. Однимъ словомъ, сіи изъясненія общаго участія нашихъ добрыхъ русскихъ меня глубоко трогали, но не удивляли. Участіе иностранцевъ было для меня усладительною нечаянностію. Мы теряли свое: мудрено ли, что мы горевали? Но ихъ что такъ трогало? Что думалъ этотъ почтенный Барантъ, стоя долго въ уныніи посреди прихожей, гдѣ около него шептались съ печальными лицами о томъ, что дѣлалось за дверями,

Отгадать не трудно. Геній есть общее добро; въ поклоненіи генію — все народы родни; и когда онъ безвременно покидаетъ землю, все провожаютъ его съ одинаковою братскою скорбію. Пушкинъ по своему генію былъ собственностію не одной Россіи, но и цѣлой Европы; потому-то и посоль Франціи [самъ знаменитый писатель] приходилъ къ дверямъ его съ печалію собственною; и о нашемъ Пушкинѣ пожалѣлъ, какъ будто о своемъ. Потому же и Люцероде, саксонскій посланникъ, сказалъ собравшимся у него гостямъ въ понедѣльникъ въ вечеру: «Нынче у меня танцовать не будутъ, нынче были похороны Пушкина».

Возвращаясь къ своему описанію. Пославъ Дали ободрить жену надеждою, Пушкинъ самъ не имѣлъ никакой. Однажды спросилъ онъ: «Который часъ?» и на отвѣтъ Дали продолжалъ прерывающимся голосомъ: «Долго ли... мнѣ... такъ мучиться?... Пожалуста... поскорѣй!...» Это повторилъ онъ нѣсколько разъ послѣ: «скоро ли конецъ?...» и всегда прибавлялъ: «пожалуйста, поскорѣй!...» Но вообще (послѣ мукъ первой ночи, продолжавшихся два часа), онъ былъ удивительно терпѣливъ. Когда тоска и боль его одолѣвали, онъ дѣлалъ движенія руками или отрывисто кряхтѣлъ, но такъ, что почти его не могли слышать. «Терпѣть надо, другъ, дѣлать нечего» сказалъ ему Дали, но не стыдись боли своей, стонай, тебѣ будетъ легче.» — «Нѣтъ, отвѣчалъ онъ прерывчиво: нѣтъ.... не надо.... стонать;... жена.... услышитъ; смѣшно же.... чтобъ этотъ.... вздоръ меня.... пересилилъ,.... не хочу». Я покинулъ его въ 5 часовъ утра, и черезъ два часа возвратился. Видѣвъ, что ночь была довольно спокойна, я пошелъ къ себѣ почти съ надеждою, но, возвратясь, нашелъ иное. Арендтъ сказалъ мнѣ рѣшительно, что все кончено, и что ему не пережить дня. Дѣйствительно, пульсъ ослабѣлъ и началъ упадать примѣтно; руки начали стыть. Онъ лежалъ съ закрытыми глазами; иногда только подымалъ руки, чтобы взять лѣду и потереть имъ лобъ. Ударилъ два часа пополудни, и въ Пушкинѣ осталось жизни только на три четверти часа. Онъ открылъ глаза и попросилъ моченой морошки. Когда ее принесли, онъ сказалъ внятно: «Позовите жену, пускай она меня покормитъ». Она пришла, опустила на колѣни у изголовья, поднесла ему ложечку, другую морошки, потомъ прижалась лицомъ къ лицу его; Пушкинъ погладилъ ее по головѣ и сказалъ: «Ну, ну, ничего; слава Богу, все хорошо; поди.» —

Спокойное выраженіе лица его и твердость голоса обманули бѣдную жену: она вышла, какъ будто просіявшая отъ радости. «Вотъ увидите, сказала она доктору Спасскому, онъ будетъ живъ; онъ не умретъ». — А въ эту минуту уже начался послѣдній процессъ жизни. Я стоялъ вмѣстѣ съ графомъ Віельгорскимъ у постели въ головахъ; сбоку стоялъ Тургеневъ. Даль шепнулъ мнѣ: отходить. Но мысли его были свѣтлы. Изрѣдка только полудремотное забытье ихъ отуманивало; разъ онъ подаль руку Далю и, пожимая ее, проговорилъ: «Ну, подымай же меня, пойдемъ, да выше, выше... ну, пойдемъ!» Но, очнувшись, онъ сказалъ: «Мнѣ было пригрезилось, что я съ тобой лѣзу вверхъ по этимъ книгамъ и полкамъ! высоко... и голова закружилась». Немного погодя, онъ опять, не раскрывая глазъ, сталъ пскать Далеву руку и, потянувъ ее, сказалъ: «Ну, пойдемъ же пожалуста; да вмѣстѣ». — Даль, по просьбѣ его, взялъ его подъ мышки и приподнялъ повыше; и вдругъ, какъ будто проснувшись, онъ быстро раскрылъ глаза, лицо его прояснилось, и онъ сказалъ: «Кончена жизнь!» Даль, не разслушавъ, отвѣчалъ: да кончено; мы тебя поворотили. «Жизнь кончена!» повторилъ онъ внятно и положительно. «Тяжело дышать, давить!» были послѣднія слова его. Я не сводилъ съ него глазъ и замѣтилъ въ эту минуту, что движеніе груди, доселѣ тихое, сдѣлалось прерывчивымъ. Оно скоро прекратилось. Я смотрѣлъ внимательно; ждалъ послѣдняго вздоха; но я его не примѣтилъ. Тишина, его объявшая, показалась мнѣ успокоевіемъ, а его уже не было. Всѣ надъ нимъ молчали. Минуты чрезъ двѣ я спросилъ: «что онъ?» — Кончилось! отвѣчалъ мнѣ Даль *). Такъ тихо, такъ спокойно удалась душа его. Мы долго стояли надъ нимъ, молча, не шевелись, не смѣя нарушить тайнства смерти, которое совершилось передъ нами во всей умирительной свѣтлостѣ своей. Когда всѣ ушли, я сѣлъ передъ нимъ, и долго, одинъ смотрѣлъ ему въ лицо. Никогда на этомъ лицѣ я не видалъ ничего подобнаго тому, что было на немъ въ эту первую минуту смерти. Голова его нѣсколько наклонилась; руки, въ которыхъ было за нѣсколько минутъ какое-то судорожное движеніе, были спокойно протянуты, какъ будто упавшія для отдыха послѣ тяжелаго труда. Но что выражалось на его лицѣ, я сказать словами

*) Въ три четверти третьяго часа по полудни, въ пятницу, 29 января [1837].

не умѣю. Оно было для меня такъ ново и въ то же время такъ знакомо. Это не было ни сонъ, ни покой; не было выраженіе ума, столь прежде свойственное этому лицу; не было также и выраженіе поэтическое; нѣтъ! какая-то важная, удивительная мысль на немъ развивалась; что-то похожее на видѣніе, на какое-то полное, глубокоудовлетворяющее знаніе. Всмотриваясь въ него, мнѣ все хотѣлось у него спросить: что видишь, другъ? И что бы онъ отвѣчалъ мнѣ, если бы могъ на минуту воскреснуть? Вотъ минуты въ жизни нашей, которыя вполне достойны названія великихъ. Въ эту минуту, можно сказать, я увидѣлъ лицо самой смерти, божественно-тайное; лицо смерти безъ покрывала. Какую печать на него наложила она! и какъ удивительно высказала на немъ и свою и его тайну! Я увѣрю тебя, что никогда на лицѣ его не видалъ я выраженія такой глубокой, величественной, торжественной мысли. Она конечно таилась въ немъ и прежде, будучи свойственна его высокой природѣ; но въ этой чистотѣ обнаружилась только тогда, когда все земное отдѣлилось отъ него съ прикосновеніемъ смерти *. Таковъ былъ конецъ нашего Пушкпина. — Опшусь въ непогихъ словахъ то, что было послѣ. Къ счастью, я вспомнилъ во-время, что надобно съ него снять маску; это было исполнено немедленно, черты его еще не успѣли измѣниться. Конечно, того перваго выраженія, которое дала имъ смерть, въ нихъ не сохранилось; но все мы имѣемъ отпечатокъ пріятельскій, изображающій не смерть, а тихій, величественный сонъ. Спустя три четверти часа послѣ кончины [во все это время я не отходилъ отъ мертваго,

* Жуковскій послалъ гр. Ростопчиной книжку, приготовленную погибшимъ поэтомъ для своихъ новыхъ стиховъ, и самъ началъ эту книжку стихами:

Онъ лежалъ безъ движенія, какъ будто по тяжелой работѣ
 Руки свои опустивъ, голову тихо склоня.
 Долго стоялъ я надъ нимъ, одинъ, смотря со вниманьемъ
 Мертвому прямо въ глаза; были закрыты глаза;
 Было лицо это мнѣ такъ знакомо, и было замѣтно,
 Что выражалось на немъ — въ жизни такого
 Мы не видали на этомъ лицѣ. Не горѣлъ вдохновенъ
 Пламень на немъ, не сіялъ острый умъ;
 Нѣтъ! но какою-то мыслью, глубокой, высокою мыслью
 Было объято оно: мнилось мнѣ, что ему
 Въ этотъ мигъ предстояло какъ будто какое видѣніе,
 Что-то бывалось надъ нимъ, и спросить мнѣ хотѣлось: «что видишь?»

мнѣ хотѣлось взглянуть въ прекрасное лицо его] тѣло вынесли въ ближнюю горницу; а я, исполняя повелѣніе государя императора, запечаталъ кабинетъ своею печатью. Не буду рассказывать того, что сдѣлалось съ бѣдною женою: при ней находились неотлучно княгиня Вяземская, Е. И. Загряжская, графъ и графиня Строгоновы. Графъ взялъ на себя всѣ распоряженія похоронъ. Побывъ еще нѣсколько времени въ домѣ, я поѣхалъ къ Віельгорскому обѣдать; у него собрались и всѣ другіе, видѣвшіе послѣднюю минуту Пушкина; и онъ самъ былъ приглашенъ за три дня къ этому обѣду... праздновать день моего рожденія. Въ вечеру, увлеченный необходимостію, пошелъ я къ государю, чтобы донести ему о томъ, какъ умеръ Пушкинъ; онъ выслушалъ меня наединѣ въ своемъ кабинетѣ: этого прекраснаго часа въ моей жизни я никогда не забуду. На другой день, мы, друзья, положили Пушкина своими руками въ гробъ; а на слѣдующій день, въ вечеру, перенесли его въ Конюшенную церковь. И въ эти оба дня, та горница, гдѣ онъ лежалъ во гробѣ, была безпрестанно полна народомъ. Конечно, болѣе десяти тысячъ чело­вѣкъ пере­бывало въ ней, чтобы взглянуть на него: многіе плакали; иные долго останавливались и какъ будто хотѣли всмотрѣться въ лицо его; было что-то разительное въ его неподвижности, посреди этого движенія, и что-то умирительно-таинственное въ той молитвѣ, которая такъ тихо, такъ однообразно слышалась посреди этого смутнаго говора. И особенно глубоко тронуло мнѣ душу то, что государь какъ будто соп­рисут­ствовалъ посреди своихъ русскихъ, которые такъ просто, такъ смиренно и съ нимъ заодно выражали скорбь свою о утратѣ славнаго соотечественника; всѣмъ уже было извѣстно, какъ государь утѣшилъ послѣднія минуты Пушкина, какое онъ принялъ участіе въ его христіанскомъ покаяніи, что онъ сдѣлалъ для его сиротъ, какъ почтилъ своего поэта, и что въ то же время [какъ судія, какъ верховный блюститель нравственности] проп­из­несъ въ осужденіе тому бѣдственному дѣлу, которое такъ внезапно лишило насъ Пушкина. Рѣдкій изъ посѣтителей, помолясь предъ гробомъ, не помолился въ то же время за государя, и можно сказать, что это изъявленіе національной печали о поэтѣ было самымъ трогательнымъ прославленіемъ его великодушнаго покровителя.

Отпѣваніе происходило 1-го февраля. Многіе изъ нашихъ знат-

ныхъ господъ и многіе изъ иностранныхъ министровъ были въ церкви. Мы на рукахъ отнесли гробъ въ подвалъ, гдѣ надлежало ему остаться до отправления изъ города. 3-го февраля, въ 10 часовъ вечера, собрался мы въ послѣдній разъ къ тому, что еще для насъ оставалось отъ Пушкина; отпѣли послѣднюю панихиду; ящики съ гробомъ поставили на сани; въ полночь сани тронулись; при свѣтѣ мѣсяца, я провожалъ ихъ нѣсколько временъ глазами; скоро они повертели за уголъ дома; и все, что было на землѣ Пушкинъ, навсегда пропало изъ глазъ моихъ.» — В. Жуковский.

Тѣло Пушкина, согласно его волѣ, отвезено было въ Святогорскій Успенскій монастырь и положено въ ту могилу, которую онъ самъ приготовилъ себѣ еще за годъ до своей смерти. Прахъ его проводилъ къ мѣсту погребенія одинъ изъ друзей покойнаго, А. П. Тургеневъ, при содѣйствіи котораго онъ поступилъ и въ Лицей. Послѣ Пушкина не осталось никакого состоянія. Участь его семейства: жены, сыновей: Александра и Григорья и дочерей: Марьи и Натальи, была обезпечена. Государь повелѣлъ заплатить всѣ долги покойника, выдать 50,000 р. на изданіе его сочиненій, чтобы деньги отъ продажъ ихъ образовали капиталъ въ пользу семьи. Вдовѣ назначена пенсія до замужества по 5000 р. и дѣтямъ 6000 р.; сыновьямъ до вступленія на службу и дочерямъ до замужества.

Пушкинъ умеръ въ то время, когда умственное, нравственное созрѣваніе совершилось, когда поэтический талантъ его достигъ высшей степени зрѣлости. Онъ умеръ, «достигнувъ до той поворотной черты, на которой душа наша, прощаясь съ кипучею, иногда безпорядочною, силою молодости, тревожнымъ гениемъ, предается болѣе спокойной, болѣе образовательной силѣ зрѣлаго мужества, столь же свѣжей, какъ и первая, можетъ быть не столь порывистой, но болѣе творческой (Жуковский).» Поэтъ Кольцовъ, котораго съ такою любовію и сочувствіемъ поддерживалъ Пушкинъ, написалъ стихотвореніе «Лѣсъ», въ которомъ изображаетъ Пушкина заколдованнымъ богатыремъ Бовой, темнымъ лѣсомъ, съ его высокою рѣчью, гордой силой, царской доблестью. Никому не сломить бы этого богатыря, да къ безоружному, во время сна, т. е. во время нравственного ослабленія, упадка духовныхъ силъ, нахлынули къ нему враги и сняли съ него голову соломинкой — намекъ на мелкія житейскія дразги, которыя преждевременно свели поэта въ могилу.

Въ заключеніе этого очерка жизни Пушкина необходимо сказать нѣсколько словъ о личности великаго поэта и объ отличительныхъ свойствахъ его поэвіи.

Пушкинъ не былъ красивъ лицомъ; только черные курчавые волосы и блестящіе, полные ума и огня глаза его, были очень хороши. Но когда его лицо одушевлялось, въ увлеченіи разговора, онъ былъ прекрасенъ. Основными чертами характера Пушкина были благородство, живость и впечатлительность. Онъ постоянно стремился быть чистымъ отъ всего, что признавалъ низкимъ или дурнымъ, и держалъ себя такъ, чтобы никто не имѣлъ права сказать о немъ что-нибудь дѣйствительно дурное. Всякая клевета глубоко огорчала его, какъ бы ни была глупа и нелѣпа. Постоянно опасаясь несправедливыхъ толковъ, онъ старался быть осторожнымъ, и иногда это доводило его до нѣкоторой скрытности даже съ короткими друзьями. Впрочемъ, при живости своего характера, онъ не могъ выдерживать этой роли и, забывалъ о ней, обнаруживалъ свои истинныя мысли и чувства. Какъ всѣ добрые и вмѣстѣ живые люди, онъ былъ вспыльчивъ; но гнѣвъ скоро уступалъ мѣсто обыкновенной его кротости и мягкости. Впечатлительность его была замѣчательная. Все, что встрѣчалось ему, сильно дѣйствовало на его воспримчивую душу. О немъ болѣе, чѣмъ о комъ-нибудь, можно сказать, что онъ жилъ впечатлѣніями настоящей минуты. Переходы отъ грусти къ веселости, отъ унынія къ беззаботности, отъ отчаянія къ надеждѣ были у него часты и очень быстры. Въ одномъ онъ оставался всегда неизмѣненъ—въ привязанности къ людямъ, которыхъ разъ полюбилъ: трудно найти человѣка, который былъ бы такимъ вѣрнымъ и преданнымъ другомъ, какъ Пушкинъ.

Пушкинъ не зналъ зависти; онъ первый отдавалъ справедливость таланту другаго писателя. Онъ всегда поощрялъ и ободрялъ начинающихъ, молодыхъ писателей. Губеръ, одинъ изъ хорошихъ поэтовъ своего времени, сохранилъ для насъ воспомнанія о томъ, какое живое участіе принялъ въ немъ Пушкинъ, когда узналъ, что Губеръ, тогда бѣдный и неизвѣстный юноша, переводитъ Фауста. Тоже самое участіе было оказано и Кольцову. Гоголь встрѣтилъ въ Пушкинѣ перваго цѣнителя своихъ произведеній. Пушкинъ съ любовію сдѣлался совѣтникомъ начинающаго писателя,

который долженъ былъ, по его смерти, стать его преемникомъ въ господствѣ надъ развитіемъ русской литературы и общества.

Пушкинъ былъ вполне русскій человѣкъ. «Самая его жизнь совершенно русская», говоритъ Гоголь. Истинно русскій человѣкъ искренно вѣруетъ въ Бога; религіозность составляетъ національную нашу черту. Всѣ наши великіе писатели были религіозны. У Ломоносова, Державина, Фонъ-Визина, Карамзина, Жуковского, Гоголя — у всѣхъ ихъ находимъ это національное свойство, которое становится особенно замѣтнымъ по мѣрѣ ихъ душевнаго созрѣванія. Таковъ былъ и Пушкинъ. Живое и теплое религіозное чувство особенно замѣтно въ немъ въ послѣдніе годы его жизни. Онъ прилежно изучалъ Четь-Минен, находилъ наслажденіе въ чтеніи Евангелія и многія мѣста изъ него заучивалъ наизусть. Въ жизненныхъ непріятностяхъ онъ находилъ утѣху въ религіи, въ молитвѣ. «Всѣхъ чаще приходила ему на уста великопостная молитва св. Ефрема Сирина и «падшаго» живила невѣдомою силой. Благоговѣнное сочувствіе къ этой молитвѣ онъ выразилъ въ своемъ прекрасномъ стихотвореніи «Молитва». Однимъ словомъ все, что мы знаемъ о Пушкинѣ, какъ о человѣкѣ, заставляетъ любить его.

Какія отличительныя черты поэзіи Пушкина?

Главная, характеристическая черта поэзіи Пушкина состоитъ въ томъ, что она изображаетъ по преимуществу русскую дѣйствительность. Любимѣйшими ея предметами были русская природа и русскій человѣкъ. Природа Кавказа и Крыма, русская деревня, русская зима, весна и осень — изображены поэтомъ въ художественно вѣрныхъ картинахъ. Съ такою же правдою представляетъ Пушкинъ и жизнь современнаго ему общества въ романѣ «Евгеній Онегинъ». — «Борисъ Годуновъ», «Полтава», «Мѣдный Всадникъ», «Капитанская дочка» воспроизводятъ родную старину въ такихъ живыхъ и правдивыхъ картинахъ, что, читая ихъ, мы невольно забываемъ настоящее, намъ кажется, что всѣ эти лица дѣйствуютъ предъ нашими глазами. «Главная красота типовъ Пушкина въ ихъ правдѣ, правдѣ безспорной и осязательной, такъ что отрицать ихъ уже нельзя, они стоятъ какъ изваянные *). Кромѣ своего содержанія, самый духъ пушкинской поэзіи — бли-

*) Изъ рѣчи О. М. Достоевскаго.

зокъ къ чувству и смыслу русскаго народа. Здѣсь подь народомъ мы разумѣемъ не отдѣльные слои общества, а цѣлую массу русскаго народа. Всѣ члены русской семьи: дворяне и крестьяне, и образованные и необразованные, и богатые и бѣдные — всѣ имѣютъ сходныя свойства, которыя показываютъ ихъ кровное родство и которыя отличаютъ ихъ отъ иноземцевъ. Самыя характерныя черты русскаго человѣка — это искренность, или задушевность — и выносливость, стойкость въ горѣ и бѣдѣ. «Прямой, душевный человѣкъ» — вотъ высшая похвала въ устахъ русскаго человѣка. Искренность и задушевность служатъ отличительнымъ качествомъ лирическихъ стихотвореній Пушкина. Пушкинъ говорилъ всегда то, что чувствовалъ; обнаруживалъ себя прямо и откровенно (пѣлъ, какъ говорится, своимъ голосомъ). Русскій человѣкъ не падаетъ духомъ въ бѣдѣ. Вмѣсто того, чтобы поддаваться горю, онъ смѣется надъ нимъ. «Въ горѣ жить — не кручинну быть», поется въ русской пѣснѣ «О горѣ-гореваньицѣ». Элегіи Пушкина въ основномъ своемъ чувствѣ вѣрны народнымъ чувствамъ и представленіямъ. Говоря въ нихъ о пережитомъ горѣ или предчувствуя горе и бѣду въ будущемъ, Пушкинъ не падаетъ духомъ, не впадаетъ въ отчаяніе. Онъ въ самомъ страданіи находитъ себѣ утѣшеніе, бодрость духа поддерживается въ немъ сознаніемъ того, что онъ живетъ сознаніемъ «сладости бытія». Чувство горести, печали всегда переходитъ въ чувство примиренія съ жизнію. Съ мыслію о смерти, о неизбѣжной могилѣ онъ примиряется мыслію о томъ, что послѣ его смерти будутъ жить и цвѣсти другіе люди, что при его могилѣ вѣчно будетъ сіять своей красотою природа. И такъ поэзія Пушкина и по своему предмету, и по настроенію національна, близка къ народному духу, къ народному чувству и смыслу.

Поэзія Пушкина изящна, прелестна и по своему содержанію, и по формѣ. По природной склонности своего таланта, онъ могъ изображать только прекрасную, изящную сторону дѣйствительности. Онъ имѣлъ даръ видѣть и чувствовать только одно прекрасное и въ природѣ, и въ человѣкѣ. Этому изяществу содержанія его произведеній соотвѣтствуетъ изящество формы. Прекрасныя чувства поэта проникаютъ каждый его стихъ и кладутъ на него печать какой-то особенной прелести. «Это изящество стиха не поддается анализу: оно можетъ только чувствоваться. Справедливо сравни-

нають его съ запахомъ цвѣтовъ, неувимымъ и неизмѣряемымъ. Это дѣйствительно «сладкіе звуки», для которыхъ, по мнѣнію Пушкина, рождены поэты» ¹⁾).

Разбирая стихотворенія: «Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ», «Чернь», «Поэту», мы выяснили, что Пушкинъ смотрѣлъ на поэзію, какъ на искусство, заключающее цѣль въ самомъ себѣ, чуждое всякой посторонней цѣли. Во всѣхъ произведеніяхъ Пушкинъ остается вѣренъ этому возвышенному взгляду на искусство. Выбирая предметы для своихъ произведеній, онъ не имѣлъ въ виду сказать ими что нибудь своимъ современникамъ, дать отвѣтъ на текущіе вопросы, удовлетворить извѣстнымъ потребностямъ дня; словомъ, его поэзія не приносила той пользы, которую называютъ утилитарностію. Но высокія его думы, какъ плодъ свободнаго ума и художественное выраженіе этихъ думъ, какъ плодъ свободнаго творчества, суть дѣйствительно подвиги благородные и несомнѣнно полезные, въ высшемъ значеніи этого слова ²⁾).

И долго буду я народу тѣмъ любезенъ,
Что чувства добрыя въ немъ лирой пробуждалъ,
Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ,
И милость къ падшимъ призывалъ,

говорить Пушкинъ, изображая пользу своей поэтической дѣятельности. Поэзія Пушкина близка къ народному духу, народному чувству и смыслу. Вслѣдствіе этой близости, родственности, мысли и чувствованія поэта должны производить особенно сильное впечатлѣніе на умъ и сердце всякаго истинно русскаго человѣка. Это впечатлѣніе усиливается *живою прелестью его стиха*, чарующей силою звука. Мысли поэта честны и истинны, чувствованія гуманны, прекрасны и благородны. Вслѣдствіе этого произведенія его воспитываютъ въ читателѣ и умъ и сердце, возбуждаютъ въ немъ любовь къ правдѣ и истинную гуманность. «Первая заслуга великаго поэта въ томъ, что чрезъ него умнѣетъ все, что можетъ поумнѣть. Пушкинымъ восхищались и умнѣли, восхищаются и

¹⁾ Истор. р. словесности Галахова.

²⁾ Галаховъ.

умнѣють»^{*)}). Окончимъ біографію нашего великаго поэта слѣдующими словами Бѣлинскаго: «Никто, рѣшительно никто изъ русскихъ поэтовъ не стяжалъ себѣ такого неоспоримаго права быть воспитателемъ и юныхъ, и возмужалыхъ, и даже старыхъ читателей, какъ Пушкинъ».

^{*)} Изъ рѣчи А. Н. Островскаго, сказанной на торжествѣ открытія памятника Пушкина.



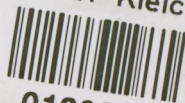
Marji Rajkowski

50.-

WYŻSZA SZKOŁA PEDAGOGICZNA I PSYCHOLOGICZNA
BIBLIOTEKA

151178

Biblioteka WSP Kielce



0126377